ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18–21 октября 2022 года

СКИФИЯ принт

Санкт-Петербург
2022

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

Балин В.Д., д.пс.н.; Бордовская Н.В., д.пед.н.; Верещагина Л.А., к.пс.н.; Водопьянова Н.Е., д.пс.н.; Гнедых Д.С., к.пс.н.; Голованова Н.Ф., д.пед.н.; Головей Л.А., д.пс.н.; Горбатов С.В., к.пс.н.; Гуриева С.Д., д.пс.н.; Дейнека О.С., д.пс.н.; Зайцева Ю.Е., к.пс.н.; Карпова Э.Б., к.пс.н.; Костромина С.Н., д.пс.н.; Круглова М.А., к.пс.н.; Ловягина А.Е., к.пс.н.; Логинова Н.А., д.пс.н.; Мамайчук И.И., д.пс.н.; Миланич Ю.М., к.пс.н.; Москвичева Н.Л., к.пс.н.; Мусс А.И., к.филос.н.; Мухамедрахимов Р.Ж., д.пс.н.; Наследов А.Д., к.пс.н.; Прусаков В.И.; Столярчук Е.А.; Ходырева Н.В., к.пс.н.; Шаболтас А.В., д.пс.н.; Щелкова О.Ю., д.пс.н.

А64 **Ананьевские чтения — 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям**: материалы международной научной конференции, 18–21 октября 2022 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. — 840 с.

ISBN 978-5-00197-060-6

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на традиционной международной конференции «Ананьевские чтения». Конференция 2022 года была посвящена проблемам становления и развития социальной психологии во взаимодействии с другими отраслями психологической науки. Наряду с тезисами, связанными с юбилейной датой (60-летие социально-психологического направления в СПбГУ) и связанными с историей университетской социальной психологии, в издание включены публикации, отражающие современный этап развития психологической науки и практики. В материалах сборника представлены работы психологов Санкт-Петербургского университета, других университетов, многих научных и практических центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

ISBN 978-5-00197-060-6
© Авторы тезисов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИКИ В ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

Бекетова А.А., Яковлева Н.В.
Образы боли пациентов с хроническим болевым синдромом 31
Валеева Г.В.
Психологические особенности социализации субъектов образовательной среды педагогического вуза 33
Вередина С.Е., Гофман О.О.
Роль когнитивных функций в пищевом поведении 35
Виноградова И.С., Фаустова А.Г.
Влияние опыта материнства на родительские установки у женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы 37
Демчук М.А., Циринг Д.А., Мирончeнко М.Н.
Особенности сбора эмпирического материала при проведении психодиагностики мужчин с диагнозом рак предстательной железы, лёгкого, желудка и толстой кишки 39
Книжникова А.А., Пахомова Ф.В.
Эмоциональные и личностные особенности женщин с эндометриозом 41
Куликов Л.В., Оленцевич Е.А.
Некоторые аспекты влияния употребления психоделических препаратов на личность 43
Никифоров Г.С.
Биопсихосоциальная модель: к истории вопроса 45
Одинцова О.Ю.
Индивидуальное и диадическое совладание в ситуации диадического стресса беременности 47
Пахомова Я.Н., Важенин А.В.
Рак молочной железы: психологические факторы риска среди женщин 49
Пономарева И.В., Кузнецова А.И.
Психологическое здоровье у женщин с раком молочной железы при различном течении болезни 51
Хафизова В.Р.
Репрезентация телесности в социальных медиа 53
Ходырева Н.В., Никифорова К.И.
Семейные отношения, неблагоприятный детский опыт и расстройства пищевого поведения у девушек 55
Черных А.М., Кольцова О.В.
Переживания беременных женщин, инфицированных вирусом иммунодефицита, требующие внимания психолога 57

КАРЬЕРА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКА В ОРГАНИЗАЦИИ

Волкова Н.В., Плахотник М.С.
Самомониторинг как предиктор инновационной компетентности студентов . 59
Гогицаева О.У., Джимиев П.Р.
«Окно» организационных изменений и новых возможностей 61
Завьялова Е.К., Посохова С.Т.
Самооценка личностных свойств обучающихся в зрелом возрасте в сфере менеджмента 63
Калеменева М.П., Богданова М.В.
Различия в социально-психологических характеристиках руководителей на муниципальной службе как фактор повышения деловой репутации 65
Кузнецова И.В., Рыхлицкий А.Б.
Особенности принятия решений в обыденной жизни мужчинами и женщинами 67
Маленова А.Ю., Маленов А.А., Трушичкина Ю.А.
Уровень субъективного благополучия и карьерные ориентации неработающих и работающих студентов. 69
Недошивина М.А.
Просоциальное поведение и общественное здоровье: проблемы, перспективы, уроки пандемии 71
Сивов А.Ю., Мараруца Л.В.
Личностные черты как фактор субъективной восприимчивости к «подталкиваниям» 73
Сорокина И.С., Колесников В.Н., Дударева А.А., Чагунава Е.Б., Никифоров Н.А.
Разработка модели психологического благополучия населения Карелии 75
Титова О.И.
Эмпирическая модель структуры социального взаимодействия в контексте изучения конкуренции и партнерства. 77
Шамионов Р.М.
О некоторых эффектах социальной активности молодежи 79
Яничева Т.Г., Шулым Ю.В.
Социальный запрос на креативность как фасилитатор и ингибитор творческого процесса 81

КЛИНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ЕДИНСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДИАГНОСТИКЕ, ЛЕЧЕНИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ

Багненко Е.С.
Ценностно-мотивационная направленность женщин с косметологическими проблемами кожи лица. 83
Балашова Е.Ю.
Нарушения эмоционально-личностной сферы при деменциях позднего возраста 85
Брагин Д.А.
Применение методики Роршаха в Интегративной системе Экснера для оценки особенностей социального познания у больных шизофренией на ранней стадии течения заболевания 87

Гришин А.К., Павлова Е.А.
Особенности имплицитного научения при типичной и атипичной формах большого депрессивного расстройства 89
Ениколопов С.Н.
Субъективная оценка когнитивного функционирования после перенесенной коронавирусной инфекции 91
Есманская Н.Е., Молчанова В.Р.
Психологические границы у юношей и девушек с социофобией 93
Зеленова Л.Ю., Абросимова Е.А.
Отношение к смерти у пациентов с неспецифическим язвенным колитом после хирургического вмешательства 95
Злобина М.В., Пинаева Л.И.
Интолерантности к неопределенности как фактор возникновения расстройств пищевого поведения 97
Исурина Г.Л., Павельева М.Д.
Гендерные аспекты переживания стресса в период пандемии COVID-19 99
Клейман Е.О., Тромбчиньски П.К.
Особенности восприятия различных видов обучения студентами-медиками 101
Кошанская А.Г.
Специфика когнитивных искажений у больных сахарным диабетом II типа с различными вариантами его течения 103
Крайнюков С.В.
Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем с отношением к пандемии COVID-19 105
Круглова Н.Е., Галенко В.И.
Сравнительный анализ когнитивных функций у пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения в пожилом и старческом возрасте 107
Кузнецова Т.А., Грандилевская И.В.
Качество жизни и жизнестойкость больных рассеянным склерозом 109
Летягин П.И., Леонтьев А.В., Мусс А.И., Трусова А.В.
Руминации и их связь с личностными чертами при расстройствах пищевого поведения 111
Лыкова М.К., Аринцина И.А.
Особенности когнитивного и адаптивного функционирования взрослых, перенесших коронавирусную инфекцию 113
Нелюбина А.С.
Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19. 115
Рощина И.Ф., Сафарова Т.П.
Нейропсихологическая диагностика когнитивных функций у больных с депрессией в позднем возрасте 117
Савушкина А.И., Рощина И.Ф.
Модель психического и когнитивная сфера больных шизофренией 119
Скобелина Н.А.
Психологическая составляющая в системе долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами 121

Смурова Е.Л., Гуреева И.Л.
Особенности пищевого поведения у пациентов с морбидным ожирением до и после бариатрической операции 123
Степанова И.В., Иванова Г.Р.
Психогенные факторы и агрессивное поведение у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения 125
Чопчик Д.Ю., Бурина Е.А.
Индивидуально-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения: дизайн исследования 127
Шевеленкова Д.М.
Диагностика психологического отношения к депрессии и людям, страдающими депрессией 129
Шишкова А.М., Бочаров В.В., Твердохлебова А.М.
Взаимосвязь эмоционального выгорания и восприятия семейных отношений у родственников, опекающих пациентов с расстройством личности тревожно-депрессивного круга 131
Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б.
Разработка и апробация опросника качества жизни больных, перенесших хирургическое лечение в связи с опухолями костей таза 133
Щелкова О.Ю., Яковлева М.В., Усманова Е.Б., Софронов Д.И.
Клинико-психологические особенности пациентов, перенесших ампутацию нижних конечностей 135
Якубовская Д.К., Польская Н.А.
Причины самоповреждающего поведения и их связь с межличностной чувствительностью 137
Якунина О.Н.
Изучение стратегий совладающего поведения у больных эпилепсией 139

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ: ВНУТРИ ПСИХОЛОГИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Аверьянова В.А., Щербакова О.В.
Связь особенностей когнитивных стилей реципиента с пониманием имплицитных смыслов вербальных текстов 141
Андреева Д.А., Морозова С.В.
Частотные характеристики нарративов о сложных жизненных ситуациях . . 143
Андрющенко Е.А., Блинова Е.Н., Штыров Ю.Ю., Мирошник К.Г., Тимохов В.В., Щербакова О.В.
Роль регуляции эмоций в проявлении эффекта кросс-модального соответствия 145
Варламов А.В., Волкова Е.В.
Искажения ментальной репрезентации размеров собственного тела человека при погружении в компьютерную VR с использованием технологии Full-Body Tracking 147
Воронцова А.В., Приходько Н.В., Тельнова О.В.
Эффект стремления к когнитивной легкости при решении математических, логических и визуальных задач у российских школьников, молодых и взрослых людей 149

Карпинская В.Ю., Ляховейкий В.А.
Рассогласование восприятия и действия при вербальной и моторной оценке иллюзорных и неиллюзорных стимулов 151
Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.
Влияние уровня эмоционального интеллекта на восприятие искаженных лиц: метод ай-трекинга. 153
Куренкова А.И., Лунякова Е.Г.
Влияние инверсии на восприятие симметричности человеческого лица. 155
Лунякова Е.Г., Дубровский В.Е., Крускоп А.С.
Влияние стимульной конфигурации на характеристики движений глаз при зрительном поиске. 157
Маланчук И.Г.
Изучение систем социального сознания в онтогенезе человека по данным речи и языка 159
Малахова К.А.
Взаимосвязь внутриличностных конфликтов и телесной идентичности у людей с татуировками разного размера 161
Перикова Е.И., Филиппова М.Г., Гнедых Д.С., Макарова Д.Н., Щербакова О.В., Штыров Ю.Ю.
Взаимосвязь времени реакции и успешности узнавания слов как показатель различий между стратегиями быстрого картирования и явного кодирования. 163
Петухова И.А.
Особенности познавательной деятельности субъекта на разных уровнях интеллектуальной инициативы 165
Пичугина А.О., Набиев Д.И.
Особенности восприятия лицевых экспрессий испытуемыми с разным уровнем эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности 167
Подоровская С.А., Взорин Г.Д., Нуркова В.В.
Концептуальная репликация эффектов непроизвольного запоминания П.И. Зинченко (1930). 169
Прохоров А.О.
Ментальные механизмы саморегуляции психических состояний 171
Савельева О.А., Меньшикова Г.Я.
Особенности формирования пространственных репрезентаций статических и динамических сцен в рабочей памяти. 173
Семёнова М.А.
Экспериментальное исследование влияния прайминга на сематическую сеть 175
Сладкоштиева А.В., Стародубцев А.С.
Воздействие эмоциональных стимулов на скорость ответов в зависимости от типа задач 177
Смирнова Я.К.
Возможности айтрекинг технологии двойного отслеживание движения глаз (DUET) в изучении трудностей обучения детей с нарушением слуха . . . 179
Сулим О.С., Нуркова В.В.
Проблема дифференциации инцидентных и метафорических самоопределяющих автобиографических воспоминаний. 182

Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Влияние естественных и индуцированных эмоций на восприятие эмоций по фотографиям лиц 184
Фомичева А.Д., Бурмистров С.Н.
Управление комплексными динамическими системами как метод исследования имплицитного научения 186
Чернов А.В.
Взаимосвязь компонентов системы Я и смысловых структур в процессе саморегуляции психических состояний студентов. 188
Шушкова Е.А., Смирницкая А.В., Владимиров И.Ю.
Мониторинг загрузки управляющих функций в процессе инсайтного решения 190
Янина Е.А., Виговский А.В., Майрыгин М.С.
Анализ изменения психофизических параметров с ростом уровня игрока в го 192

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б.Г. АНАНЬЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Артемьева О.А.
Проблема общей психологии в социальной истории советской психологии . 194
Бузина Д.О., Логинова Н.А.
Роль творческой индивидуальности ученого в науке. 196
Кошутин О.Н.
Потенциал идей Б.Г.Ананьева для современной психологии. 198
Логинова Н.А.
Судьба научного наследия Б.Г. Ананьева в современной психологии 199
Няголова М.Д.
Вклад Минча Драганова в историю болгарской психологии 201
Олейник Ю.Н., Няголова М.Д.
Незавершенные проекты в истории отечественной психологии: идеи и люди 203

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯКУНИНА: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РАБОТАХ НАСТАВНИКА И УЧЕНИКОВ

Добряк С.Ю., Добряк И.В.
Психологическая адаптация молодых людей к обучению в условиях военного образовательного учреждения (вуза и учебного центра) 205
Староверова М.В., Колокольникова З.У.
Воображаемая ситуация как единица ролевой и деловой игры 207
Степанова М.А.
Дидактические основания образовательного проекта «Эффективная начальная школа». 209
Тихонова Э.В.
В.А. Якунин о преподавании истории психологии в вузе. 211
Якунина О.Н., Сергеева В.В.
Памяти В.А. Якунина: основные вехи жизненного пути (краткая биография) 213

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Агафонов А.Ю.
Сознание — мираж когнитивной психологии? 215
Горбунов И.А., Морозова С.В.
Байесовское моделирование динамики применения различных математических методов в психологии 217
Морозова С.В.
Статистическая практика в психологии и перспективы ее развития 219
Мусс А.И., Постовалов А.В., Бай С.
Понятие сознания: проблема и мета-проблема 221
Слепко Ю.Н., Мазилов В.А.
Проблема объяснения в психологии: уровневый подход 223

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Goryunova L.N., Qiang W., Yao J.
Cultural reasons for loss of trust in the workplace among Chinese and Russians employees 225
Васильева И.И.
Формы представления данных социально-психологического анкетного обследования руководству предприятия: методические замечания 227
Глазачева В.П., Волченкова А.А.
Корпоративная культура образовательной организации в контексте инклюзивного образования 229
Ильина О.Н., Лепехин Н.Н.
Социально-психологические и личностные предикторы проактивного увеличение социальных ресурсов 231
Милетич М.П., Осин Е.Н.
Взаимосвязь выгорания и индивидуальной настройки работы (job crafting) . 233
Михайлова В.В., Савинова С.Ю., Варызгина А.А.
Мотивация студентов при выборе будущей профессии 235
Петросян Л.А.
Психологическое становление профессионала 237
Погосян С.Г.
Взаимосвязь креативности и типа принятия решения у будущих управленцев239
Руднова Н.А.
Регуляторные особенности сотрудников с разным уровнем контрпродуктивного поведения 241
Шевелева М.С., Золотарева А.А.
Профессиональная апатия: роль черт личности и перфекционизма. 243

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ В УЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белимова П.А., Защиринская О.В., Щеглова Н.А.
Аспекты включения альтернативной коммуникации в цифровую образовательную среду для детей с легкой умственной отсталостью 245

Бондаренко Е.В., Першина С.Н.
Влияние агрессивности и тревожности на устойчивости к стрессу в учебной деятельности у подростков 248
Даукша Л.М.
Связь интернет-зависимости и духовности студентов 250
Егорова А.В., Асмаковец Е.С.
Изменение показателей жизнестойкости и тревожности у учащихся школ подросткового возраста в результате проведения тренинга по диалектической поведенческой терапии 252
Защиринская О.В.
Нарушение коммуникации школьников как концепт семейной психотравматизации 254
Лежнина Л.В., Пиркина В.Г.
Склонность подростков к девиантному поведению: эмпирическое исследование до и в период пандемии COVID-19 256
Марищук Л.В., Джанашиа А.З.
Намерения подростков в самовоспитании и формирование действий для их реализации 258
Немцов А.А.
Особенности образа ближайшей жизненной перспективы и профессиональной идентичности у студентов технических специализаций 260
Полещук Ю.А., Черчес Т.Е.
Реализация технологии проектного обучения в процессе преподавания дисциплины «психология труда» 262
Селезнева Ю.В.
Профессиональные деформации в педагогической профессии: сравнительный анализ личностных трансформаций на примере педагогов дошкольного образования и преподавателей высшей школы 264
Фанталова Е.Б.
Значение проективных методик в диагностике эффективности психолого- педагогических занятий у младших школьников 266
Федосеева А.М.
Переживание беспомощности у педагогов с разным опытом работы в условиях инклюзии 268
Филиппова Е.В.
Регуляторные предикторы успешности обучающихся в проектно-исследовательской деятельности 271
Фоменко С.В.
Психологические барьеры в выборе родителями инклюзивной модели обучения детей 273
Фомина Т.Г., Потанина А.М.
Опосредствующие эффекты осознанной саморегуляции во взаимосвязи школьной вовлеченности и академической успеваемости обучающихся. 275
Цветков В.В.
Выгорание как фактор психологического неблагополучия обучающихся общеобразовательных школ 277

Юсупов М.Г.
Взаимосвязь смысловых структур сознания и саморегуляции психических состояний у студентов 1-го и 4-го курсов обучения 279

ПОЛИНАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Веснин А.
Конструирование эмоций в интернет-коммуникации через эмодзи или текст: выбор дискурса или личности 281
Горюнова Ю.В.
Предписания и запреты постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей 283
Исхаков Ф.Р.
Нарратив как часть социальной среды в конструировании функциональной психической организации детей 285
Крейтор Е.А.
Валюация «верить и доверять» в нарративах о романтических отношениях как предиктор сверхзависимости или псевдоавтономии привязанности 287
Пикалова Н.В., Зайцева Ю.Е.
(Не)готовность к изменениям и личные проекты: методика оценки реализованных дел при консервативном стиле отношения к изменениям ... 289
Степанова О.С.
Когнитивные функции при различных я-позициях: самотождественность или множественность я при обращении на «ты»/«Вы» 291
Хантуев А.А., Зайцева Ю.Е.
Практики студенческой идентичности: полинарративный анализ 293
Шаймарданова Д.А.
Валюации при решении моральных дилемм у взрослых 295
Ширяев Д.И., Зайцева Ю.Е.
Диалогические инструменты совладания с ситуациями «несправедливости» 297

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Акопов Г.В., Белоус А.В.
Понятие внутренней коммуникации личности как социально-психологический конструкт 299
Альперович В.Д.
Взаимосвязи ментальных репрезентаций и интерпретативных репертуаров восприятия личностью разных партнеров по общению 301
Антипина С.С., Микляева А.В.
Взаимосвязь кибераграссии и стратегий поведения в конфликтных ситуациях у подростков 303
Балева М.В.
Негативное пре-стимульное воздействие как фактор предвзятого восприятия Другого 305
Богославская А.А., Зиновьева Е.В.
Жизненные цели в жизненном сценарии феминисток 307

Виноградова Я.Е., Гуриева С.Д.
Социально-психологические особенности восприятия феномена предательства 309
Воронцова Т.А.
Гендерный фактор воспринимаемого возраста: сравнительный анализ особенностей восприятия возраста мужчин и женщин на основе социальной перцепции их внешнего облика 311
Воронцова Т.А., Артамонова А.Г.
Контролирующие тенденции поведения и воспринимаемый возраст личности: выглядят ли моложе те, кто склонен к контролю социальной среды? 313
Гура О.Р., Лабунская В.А.
Анализ взаимосвязей между оценками значимости внешнего облика и выбором стратегий поведения в романтических отношениях. 315
Дубовских Ю.В., Чикер В.А.
Иррациональные установки, семейные ролевые ожидания и притязания представителей различных поколений. 317
Екимчик О.А.
Экзистенциальная мотивация к близким отношениям как предиктор диадического копинга партнеров 319
Зинченко Е.В., Алтынова А.А.
Агрессивность и эмпатия студентов-первокурсников психологического направления подготовки 321
Капитанова Е.В.
Внешний облик в структуре ценностей молодых людей. 323
Капитанова Е.В., Лабунская В.А.
Иерархия воздействия ценностей на обеспокоенность внешним обликом . . . 325
Кулакова К.И., Перова С.А., Ершов Б.Б.
Влияние эмоционального интеллекта на формирование внутригрупповых отношений 327
Куликов Л.В., Потапова Ю.В., Блеканов И.С.
Психолингвистические характеристики участников социальной сети с различной психологической устойчивостью. 329
Лабунская В.А.
Ценность внешнего облика как предиктор его значимости в сфере межличностного общения, романтических отношений 331
Маленова А.Ю.
Гендерные особенности эмоциональной привязанности на этапе молодого супружества 333
Михайлова И.В.
Влияние центральной социальной характеристики на когнитивные процессы личности 335
Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н.
Роль волонтерства для психологического благополучия современной молодежи 337
Мышкина М.С.
Структура идентичности одаренных семиклассников 339

Попова Л.В., Ковалева А.П.
Анализ влияния компонентов эмоционального интеллекта на оценку внешнего облика у студентов 341
Посохова С.Т., Голенищева Н.В.
Культурно-исторический аспект потребности в познании феномена любви . 343
Сабитова М.С., Одинцова М.А.
Типы семейных сценариев взрослых (пилотажное исследование) 345
Савина О.О., Баранова В.А.
Реальное и виртуальное общение в пандемию COVID-19: опыт подростков . 347
Сачкова М.Е.
Психология последователя: типы и особенности изучения 349
Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А.
Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования с общественной опасностью лиц, признанных невменяемыми 351
Ширко С.М.
Личностные особенности мужчин и женщин, склонных к диспозиционной жадности 353

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ В РАЗВИТИИ

Зверева Н.В., Зверева М.В.
Пилотное сопоставление результатов применения методики «Конструирование объектов» для исследования мышления подростков с шизотипическим расстройством в 1990, 2000 и 2010 годах 355
Ипатов А.В., Шишигина Т.Р.
Системные эффекты влияния самодетерминации аутодеструкции на поведение подростка в различных ситуациях социального взаимодействия 357
Миланич Ю.М., Мамайчук И.И.
Когнитивно-поведенческий подход в снижении симптомов дистресса матерей новорожденных с патологией центральной нервной системы 359

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Авдулова Т.П.
Фактор эмоциональных связей в расстройстве пищевого поведения у детей. 361
Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ф., Иова А.С., Плотникова Е.В.
Динамика эмоционального состояния матерей недоношенных младенцев со структурными внутричерепными изменениями на первом году их жизни 363
Асламазова Л.А., Мухамедрахимов Р.Ж.
Влияние программы психологического сопровождения на показатели развития детей в замещающих семьях 365
Бержанова М.К., Васильева Н.Л.
Эмоциональное состояние женщин в условиях неопределенности и нестабильности 367

Вахабова А.А., Блох М.Е.
Стресс и копинг-стратегии у беременных женщин во время пандемии COVID-19 369
Деева А.А., Савенышева С.С.
Влияние отношения женщины к ребенку в период беременности и после родов на психическое развитие младенца 370
Игнатенко Н.С., Мухамедрахимов Р.Ж.
Изменение взаимодействия детей с расстройствами аутистического спектра с матерями в связи с возрастом детей 372
Илич М., Чапала Т.В., Москаленко Е.В.
Тревожные состояния у матерей, имеющих детей младшего школьного возраста 374
Колесникова М.А., Мухамедрахимов Р.Ж.
Личностно-социальное и коммуникативное развитие детей в связи с их возрастом, полом и длительностью проживания в доме ребенка. 376
Коротких Н., Аникина В.О.
Психическое здоровье беременных женщин, особенности родов и здоровье ребенка в период пандемии 378
Левинцова М.И., Плешкова Н.Л.
Взаимосвязь представлений о детском опыте и характеристик переживания стыда у взрослых 380
Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
Психологические особенности речевого функционирования недоношенных детей с последствиями перинатальных гипоксически-ишемических повреждений ЦНС в период раннего детства 382
Николаева А.С., Аринцина И.А.
Взаимосвязь отношений с родителями и к будущему ребенку у беременных женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии. 384
Никулина Е.О., Аникина В.О.
Эмоциональное состояние женщин, использовавших разный тип зачатия, и характеристики их взаимодействия с детьми первого года жизни. 386
Первушина О.Н., Шамшикова О.А., Гилева Д.И.
Формирование эмпатических реакций у детей с аутизмом 388
Севастьянова У.Ю.
Изучение нормативного родительского стресса 390
Соколова И.А., Честюнина Ю.В.
Особенности родительского отношения в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ 392
Суркова К.Л., Зверева Н.В.
Изучение возможных рисков негативного воздействия методов вспомогательных репродуктивных технологий на когнитивное и речевое развитие ребенка 394
Чернего Д.И.
Механизмы влияния институциональной депривации на развитие ребенка . 396
Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
Особенности взаимодействия детей с близкими взрослыми в доме ребенка семейного типа и в замещающей семье 398

Эрнепесова Е.Д., Аникина В.О., Плешкова Н.Л.
Особенности психологического функционирования и отношения к ребенку у беременных женщин, использовавших ВРТ 400
Яковлева Е.В.
Особенности работы клинического психолога в женской консультации. 402

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ

Артемцева Н.Г., Галкина Т.В.
Взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и смысложизненными ориентациями человека при созависимости 404
Басаровская П.А., Анисимов А.И.
Личностно-профессиональное развитие и значимость здоровья в системе ценностных ориентаций студентов вуза. 406
Викентьева Е.Н., Емельянова Т.П.
Финансовая тревожность у безработных предпенсионного возраста. 408
Гофман О.О.
Образовательная игра «PROздоровье»: опыт внедрения 410
Колесников В.Н., Мельник Ю.И.
Психологическое измерение академического благополучия 412
Кригер Е.Э.
Психологическое здоровье и жизненный опыт человека 414
Лаская Д.А., Руженкова В.В., Розанов В.А.
Особенности психосоциального стресса, испытываемого современными студентами вузов (предварительный анализ) 416
Опекина Т.П.
Сочувствие к себе у взрослых с разным статусом здоровья. 418
Петровская М.В., Волков П.Р.
Психологическая культура как акмеологический ресурс психологического здоровья субъектов образовательного процесса военных вузов. 420
Правдина Л.Р.
Особенности субъективного благополучия у лиц, меняющих профессию . . . 422
Смолова Л.В.
Здоровье человека в контексте системного подхода. 424
Юхневич А.М., Васильева О.С.
Психологические особенности реабилитации профессиональных и непрофессиональных спортсменов 426
Янко Е.В., Евсеева Е.К., Тетюшкина Л.Г.
Цифровая тревога в контексте современного общества 428

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Антонова Н.Л.
Здоровое тело как нормативная модель в условиях пандемии 430

Быченко И.В.
Психосоматическая симптоматика у врачей общей практики на фоне пандемии COVID-19 432
Куба Е.А., Честюнина Ю.В.
Восприятие пандемии людьми трудоспособного возраста. 434
Купченко В.Е.
Факторы переживания профессионального стресса у медицинских работников в условиях COVID-19. 436
Ролдугина Д.А., Фаустова А.Г.
Исследование когнитивных процессов у людей после перенесённой новой короновирусной инфекции (COVID-19) в лёгкой форме 438

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ: ПРОСТРАНСТВО ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО МИРА

Алпатова О.С., Петраков А.С.
Особенности реагирования на трудные жизненные ситуации среди представителей молодежи чеченского этноса 440
Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Ениколопов С.Н. Казьмина О.Ю.
Переживание пандемии COVID-19 людьми пожилого возраста 442
Быховец Ю.В.
Динамика переживания вирусной угрозы в период пандемии COVID-19 в 2020-2022 гг. 444
Пятакова Г.В.
Защитно-совладающее поведение у детей и подростков с ЮХА. 446
Синельникова Е.С.
Благодарность в трудных жизненных ситуациях: опыт переживания российских студентов 448
Трусова А.Д., Фаустова А.Г.
Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и отношения к собственному телу у людей с опытом межличностного насилия 450

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Баранова А.В., Мустафина Л.Ш.
Личностные факторы и субъектность в выборе возможных Я у молодежи . . 452
Бровкина А.А., Аванесян М.О.
Автобиографические воспоминания о значимых событиях и их взаимосвязь с потенциалом самоизменения личности 454
Голубева Н.А., Плотников А.Ю.
Особенности социально-психологических характеристик современной молодежи с разной степенью активности в цифровом пространстве. 456
Гришина Н.В.
Ситуационные и контекстуальные детерминанты поведения человека в изменяющейся ситуации 458
Гусельцева М.С.
Психология ценностей и аксиологическое пространство социализации личности. 460

Доценко А.Е., Зиновьева Е.В.
К вопросу об изучении опыта переживания психотравмирующих ситуаций и жизненной успешности личности 462
Зиновьева Е.В., Кузнецова Е.А.
Ценностные послания, транслируемые лидерами мнений в цифровой среде: гендерный аспект 464
Корнилова А.П., Скиртач И.А.
Особенности взаимосвязи копинг-стратегий и творческого потенциала личности молодых людей с ПТСР 466
Луцик М.Ю., Костромина С.Н.
Онтологическая безопасность в условиях множественности Я 468
Маргевич В.Д.
Представленность альтернативных жизненных выборов в автобиографии личности в связи с субъективным психологическим благополучием 470
Медведев Б.П., Петровский В.А.
Имплицитные теории демаркации Я и не-Я 472
Морозова А.В., Мироненко И.А.
Виртуальная идентичность блогера как ресурс самоидентификации и смыслообразования личности 474
Москвичева Н.Л.
Исследования личности в цифровом пространстве: особенности и перспективы 476
Нартова-Бочавер С.К.
Аутентичность личности и моральные мотивы 478
Одинцова М.М.
Самоотношение как маркер самодетерминации в выборе жизненной модели молодежью 480
Орестова В.Р., Райнис А.А.
Связь личностных ресурсов с психологическим благополучием в ситуации неопределенности 482
Полева Н.С.
Трансцендентное измерение повседневности 484
Прусаков В.И., Александрова О.В., Шаболтас А.В.
Специфика самосознания человека в контексте его гендерной и сексуальной идентичности 486
Чудакова Т.Л., Субботина Л.Ю.
Адаптивность личности как фактор переживания безопасности 488

ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Батурина С.С., Погребицкая В.Е.
Мотивационно-ценностные предикторы удовлетворенности персонала 490
Верещагина Л.А., Вань Н.
Актуальные потребности и мотивы среднего медицинского персонала (на примере клиники КНР) 492

Верещагина Л.А., Чаркина М.В.
Внутренняя мотивация как предиктор проактивного поведения работников творческой сферы (на примере IT-специалистов) 494
Горюнова Л.Н., Воскресенская Н.В., Масакова И.А., Никонова В.В.
Инструменты взаимного обмена знаниями при устранении причин нарушений в работе энергосистем 496
Гудайтис А.А., Горюнова Л.Н.
Анализ коммуникативных компетенций управляющих на примере сети пекарен 498
Киреева О.В., Ильина М.
Профессиональное выгорание сотрудников банковской сферы 500
Коневцев И.В., Родионова Е.А.
Адаптивные копинг-стратегии как фактор субъективного благополучия специалистов IT-сферы 502
Круглова М.А., Столярчук Е.А., Круглов В.А., Заржицкая А.С.
VR-технологии в процессе профессиональной социализации личности 504
Погосян С.Г., Агузумцян Р.В., Хачатрян А.Р., Бдоян Л.Н.
Модель психологического исследования и развития креативности современного управленца 507
Хван А.А.
Особенности копинг-поведения различных групп педагогов в ситуации утомления 509
Юртаева М.Н., Видякина М.А.
Исследование организационной закрытости в связи с чертами темной триады и удовлетворенностью работой. 511
Якунин И.М., Сачкова М.Е.
Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности 513

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА: ИСТОРИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Арушанян К.А., Шмульская Л.С.
Формирование региональной идентичности подростков в социальных сетях (на примере Telegram) 515
Блинцова И.М., Колокольникова З.У.
Деятельностный подход как основа музейной педагогики. 517
Бондарчук С.К., Шмульская Л.С.
Ресурс российской социальной сети вконтакте в поликультурном воспитании современных подростков 519
Виндекер О.С.
К вопросу о стигме образовательной неуспешности 521
Виндекер О.С., Храмова А.С.
Образовательная мотивация студентов в связи с их имплицитными теориями интеллекта в условиях пандемии COVID-19. 523
Даринская Л.А., Балышев П.А.
Учебная коллаборация как форма педагогического взаимодействия: результаты контент- и дискурс-анализа 525

Дьячук А.А.
Особенности восприятия ситуации студентами с разной успешностью функционирования в условиях вынужденного удаленного обучения 527
Жабакова Т.В.
Самореализация личности будущих педагогов физической культуры и ее психологическое сопровождение в процессе обучения..... 529
Жебровская О.О.
Идеи педагогического дизайна в работах Дэвида Меррилла 531
Исхакова М.П., Тихомирова М.А.
Эмоциональный интеллект студентов и их теоретические знания по теме «Эмоции» 533
Кочнёва Е.В.
Динамика саморегуляции младших школьников с задержкой психического развития в процессе обучения..... 535
Кошкина Е.А., Тихомирова М.А.
Внутренние и внешние ресурсы готовности преподавателей к использованию смешанных образовательных технологий 537
Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А.
Индивидуализация стратегий взаимодействия педагогов и родителей детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании 539
Макушина О.П.
Связь тревожности по поводу пандемии COVID-19 и экзистенциальные способностей студентов..... 541
Махмутова Е.Н., Жакшылыков Б.А.
Аксиологические основания обучения иностранному языку в вузе 543
Мелкая Л.А., Бордовская Н.В.
Отношение студентов к смешанному обучению 545
Павлова С.А., Деева Н.А.
Реализация андрагогического подхода посредством циклической модели обучения в высшем образовании 547
Парфенова О.А.
Профессиональное выгорание учителей в условиях цифрового обучения в период пандемии..... 549
Посохова С.Т., Лукошко-Смолкина Д.А.
Социально-демографические особенности замещающих родителей 551
Силина Е.А.
Различия в показателях перфекционизма и академической мотивации у студентов в зависимости от проходных конкурсных баллов 553
Сорокин В.М., Кац Е.Э.
Научное наследие Р.М. Боскис в пространстве становления отечественной культурно-исторической патопсихологии детства (к 120-летию со дня рождения)..... 555
Эллер Е.Г., Койфман А.Я.
Различия в академической мотивации студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе 557

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белых С.Л., Ажимов В.В.
Динамика изменений и структура профессионально-важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы 559
Бондаренко Е.В., Першина С.Н.
К вопросу теоретического анализа психологической помощи в процессе осуществления служебной деятельности: ключевые направления, задачи и цели 561
Гречко А.А.
К вопросу о профессиональной идентичности психолога: зарубежный опыт 563
Духновский С.В.
Толерантность к неопределенности и отношение ко времени государственных гражданских служащих. 565
Казачёнок Ж.И.
Значимые психологические аспекты личности специалиста в современных кризисных условиях. 567
Караяни А.Г., Караяни Ю.М.
Конструирование ложных событий как технология информационно-психологического воздействия. 569
Кириллова А.И.
Интегративные коучинговые методы как инструменты работы в диагностической схеме профессиональной мотивации педагогов 571
Коноплева Е.А.
Взаимосвязь деонтологических качеств и мотивации у сотрудников правоохранительных органов. 573
Косицина В.И., Куфтяк Е.В.
Личностные предикторы совладающего со стрессом поведения у военнослужащих. 575
Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Низамова Е.С.
Взаимосвязь личностных факторов с профессиональной направленностью психологов. 577
Лукина А.К.
Мотивационные факторы сохранности контингента студентов: возможности учета в образовательном процессе ВУЗа. 579
Митрухина С.В., Слюсарь Е.С.
Профессиональный стресс специалистов социальной сферы: результаты эмпирического исследования 581
Молчанова Г.В.
Перфекционизм как фактор эмоционального выгорания студентов младших курсов педагогических ВУЗов. 583
Подсадная М.О.
Психологические проблемы студентов музыкальных ВУЗов. 585
Правдина Л.Р., Долгушина Н.А.
Субъективное благополучие и профессиональный стресс у представителей экстремальных профессий. 587
Рогов Е.И.
К проблеме представлений учителей о профессиональном благополучии . . . 589

Саджая С.Т., Сирота Н.А., Бердичевский А.А., Канатбек А.
Копинг-стратегии как фактор профессионального выгорания медицинских работников Клинического центра COVID-19 591
Тарасова А.А.
Оценка групповой формы постэкспедиционного психодиагностического обследования в МЧС России на основе психологических показателей. 593
Финогенова О.Н.
Профессия в процессах самоопределения подростков 595
Цыганов И.Ю., Колесникова И.М., Кондратюк Н.Г.
Профессиональные планы молодежи и выбор профессии в ситуации неопределенности 597
Шингаев С.М.
О внедрении концепции психологического обеспечения профессионального здоровья менеджеров применительно к новым профессиональным группам. 599
Шишкина А.Н.
Удовлетворенность молодых учителей условиями труда 601

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЗРОСЛОСТЬ И СТАРЕНИЕ

Бехтер А.А., Филатова О.А.
Параметры саморегуляции как предикторы превентивного преодоления в молодом возрасте 603
Борисова Д.Ю., Трошихина Е.Г.
Динамика психомоторных и эмоционально-личностных характеристик взрослых людей с особенностями здоровья в процессе танцевально-двигательной терапии. 605
Глинкина Л.С., Василенко В.Е.
Личностные особенности юношей и взрослых, играющих в компьютерные игры. 607
Истомина Е.А., Михайлова Н.Ф.
Долгосрочные последствия у участников буллинга 609
Клементьева М.В.
Оценка психологической структуры методики «формирующаяся взрослость»611
Кондрашихина О.А., Лысаченко О.К.
Косвенная агрессия и ее проявления в супружеских отношениях. 613
Павлова О.В.
Совладающее поведение студентов медицинского вуза и их отношение к очной и дистанционной формам обучения 615
Попова Т.А., Затонский В.А.
Взаимосвязь субъективного благополучия, переживания повседневного стресса и стратегий совладания в ранней взрослости 617
Тихомирова Е.В., Киселькова А.А.
Сопряженность параметров близких отношений супругов и их экзистенциальных мотиваций в контексте современности 619

Федотова Е.Е., Манукян В.Р.
Мотивационные и ценностно-смысловые предикторы удовлетворенности жизнью в ранней взрослости 621

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ДЕТСТВО И ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Аянян А.Н.
Отношение к информации у современной молодежи в ситуации транзитивности 623
Вартанова И.И.
Гендерная и возрастная специфика школьной мотивации старшеклассников 625
Василенко В.Е., Фролова Е.О.
Симптомы подросткового кризиса и параметры личностной зрелости..... 627
Волкова Е.Н., Исаева О.М.
Внутренняя мотивация современной молодежи, увлеченной программированием 629
Ганиева А.М., Баянова Л.Ф.
Проблема конгруэнтного поведения и креативного мышления подростков.. 631
Гребенникова О.В.
Проблема ценностных ориентаций представителей юношеского возраста в ситуации транзитивности 633
Данилова М.В.
Жизнестойкость и стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями (возрастной аспект)..... 635
Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е.
Социальная поддержка при разном уровне стресса у учащихся младших классов 637
Евдокимова Ю.С., Щелокова Е.Г.
Связи показателей смысловой сферы личности студентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества..... 639
Ермолова Е.О., Шамшикова О.А.
Образ тела и психологические границы личности подростка..... 641
Клешнев Е.А., Ляксо Е.Е.
Особенности восприятия и отражения эмоций в речи, мимике и поведении детей 7-8 лет 643
Кобзева О.В.
Представления о социальной успешности в транзитивном обществе 645
Кравцова А.В., Поскребышева Н.Н.
Аспекты развития эмоционально созависимых отношений в юношеском возрасте 647
Лебедева Е.И., Сороковикова А.В., Капустина Е.М.
Опыт оценки уровня психологического благополучия интеллектуально одаренных подростков 649
Лебеденко О.А.
Особенности тревожности младших школьников с разным уровнем креативности..... 651

Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И.
Семантические категории оценки подростками негативных и позитивных границ социальной нормы 653
Путимцева К.Р., Абрамова С.Б.
Цифровая партисипация поколения Z как инструмент гражданской активности в период пандемии COVID-19 655
Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н., Шипова Н.С.
Психологическое благополучие современных студентов разного гендера 657
Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А.
Уровень стресса и косвенные показатели эмоционального состояния ребенка659
Цветков В.В.
Личностные придикторы отчуждения от учебы у школьников 661
Цыганов И.Ю., Макушина Л.Н.
Саморегуляция, мотивационные и личностные предикторы психологического благополучия и успеваемости в 5 классе 663
Шипова Н.С.
Самореализация и совладание с трудностями в подростковом возрасте 665

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Березниковский В.В., Матасов Ю.Т.
Танцы в психокоррекционной работе с инвалидами по зрению 667
Бойко О.М.
Использование интернета в социальной адаптации людей, страдающих психическими заболеваниями: направления работы 669
Ипатова К.А., Исаева Е.Р.
Особенности субъективного восприятия жизни у наркологических больных, проходящих медицинскую реабилитацию 671
Исурина Г.Л.
Групповая психотерапия: возможен ли онлайн формат? 673
Калантарова М.В., Шведовская А.А., Хромов А.И.
Групповые методы работы в нейропсихологической реабилитации и нейрокогнитивной профилактики в России 675

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Альшанская Е.И.
Диагностика ментального здоровья и носимые устройства. Тенденции, сенсоры, алгоритмы и подходы 677
Балин В.Д.
Сферическая модель психики 680
Бартош О.П.
Детская тревожность младших школьников и способы ее преодоления 682
Варламов А.В., Яковлева Н.В.
Психофизиологические маркеры переживания опредмеченного страха при погружении в компьютерную виртуальную реальность 684

Ганичева А.А., Ковалёв А.И.
Система поддержания равновесия человека в условиях зрительно-вестибулярного конфликта, смоделированного с помощью системы виртуальной реальности CAVE 686
Греченко Т.Н.
Динамика когерентных взаимодействий как показатель функциональной организации биологических систем 688
Григорьев А.С.
Использование метода электроглоттографии для оценки различных эмоциональных состояний человека 690
Жукова Д.И., Балин В.Д.
Примеры сюжетов с их психологической и психофизиологической интерпретацией 692
Козловский С.А., Каширин В.А.
Активность правой супрамаргинальной извилины при восприятии живых объектов 694
Мамаев А.Н., Горбунов И.А.
Математическое моделирование иллюзии Мюллера-Лайера с помощью свёрточных нейронных сетей 696
Перикова Е.И., Андрющенко Е.А., Блинова Е.Н., Мирошник К.Г., Благовещенский Е.Д., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Штыров Ю.Ю.
Влияние анодной ТЭС на эксплицитное и имплицитное научение новым словам при разных условиях артикуляции 698
Перикова Е.И., Блинова Е.Н., Андрющенко Е.А., Благовещенский Е.Д., Филиппова М.Г., Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Штыров Ю.Ю.
Вклад двигательной активности в семантическое научение новым словам в различных обучающих средах: эффекты ТМС первичной моторной коры . 700
Рябова М.А.
Исследование функционального состояния мужчин пожилого возраста Магаданской области 702
Сизинцев М.И., Диденко Е.П., Филиппова Е.Б.
Об индивидуальных характеристиках ЭЭГ при переходе ко сну 704
Скуратова К.А., Косякова А.В., Наумова Д.А.
Особенности движений глаз при восприятии эмоционально окрашенных изображений у людей с обсессивно-компульсивными симптомами 706
Степанова Ю.В., Балин В.Д.
Место психологии в системе наук и психофизиологическая проблема. 708
Степанова Ю.В., Балин В.Д.
Химический аспект естественно-научной парадигмы в психологии 710
Тарасова А.А., Татарникова Е.П., Ященко В.В., Щеголева А.А.
Сравнительный анализ способов прохождения психофизиологической методики “Сложная зрительно-моторная реакция” (75 стимулов) 712
Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгалычев В.Ф.
Взаимосвязь свойств нервной системы и особенностей психофизиологического реагирования на стрессогенные стимулы. 714

Хлудова Л.К.
Молекулярные механизмы действия экотоксикантов на нейроны в простых нервных системах 716

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богдановская И.М., Кошелева А.Н., Королева Н.Н., Шингаев С.М.
Методологические и организационные проблемы современной психодиагностики в образовании 718
Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.
Русскоязычная версия опросника благополучия PERMA-Profiler: психометрические характеристики 720
Кондратюк Н.Г., Ефтимова О.В.
Репликация факторной структуры «Анимированного теста личности — КЕАТЛ» для диагностики личностных черт по модели Большая пятерка у подростков 722
Люсин Д.В.
Русская адаптация опросника BeMaS для измерения диспозициональной зависти 724
Наследов А.Д., Мирошников С.А., Ткачева Л.О.
Конфирматорный факторный анализ бинарных пунктов Шкалы Аутизма для детей 3-4 лет 726
Павлова П.А., Максимов Д.М., Киселёв С.Ю.
Оценка надежности и валидности русскоязычной версии методики «Шкалы развития Бэйли — третья редакция» 728

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аверьянов А.И., Тимохович А.М.
Связь ценностно-смысловой сферы личности с социальной адаптацией экспатов 730
Ананьева О.А., Агадуллина Е.Р.
Факторы динамики социальных установок по отношению к домашнему насилию в разных странах мира 732
Бочарова Е.Е.
Роль нравственного самоопределения в предикции социальной активности молодежи 734
Гогицаева О.У., Джимиев П.Р.
Classification of condition of labor migrants 736
Гудзовская А.А.
Отражение в социальной идентичности прайминг-эффекта 738
Гуриева С.Д.
«Гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы 740
Ефременкова М.Н., Гриценко В.В., Муращенкова Н.В.
Кросс-культурный анализ взаимосвязи представлений о настоящем и будущем своей страны и эмиграционной активности у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России 742

Забелина Е.В., Курносова С.А.
Роль базисных убеждений и временного фокуса в удовлетворенности жизнью пенсионеров. 744
Гордана Йованович
The masspsychology of fascism and the authoritarian personality — revisited in contemporary context? 746
Кленова М.А., Арендачук И.В., Усова Н.В.
Психологические характеристики социальной активности молодежных лидеров разных поколений 748
Константинов В.В., Саткангулова Г.Ж.
Социальная дистанция и удовлетворенность межэтническими отношениями жителей приграничных регионов Казахстана. 750
Котова М.В., Агадуллина Е.Р.
Изучение современных форм предубеждения в России: обоснование модели измерения 752
Кузнецова С.А., Мельникова Н.М., Чарина Е.В.
Территориальное самоопределение работающей молодежи — жителей Магадана и Якутска. 754
Первушин Н.С.
Детерминанты восприятия кибермошенничества в банковской сфере 756
Пищик В.И., Черкасова Е.А.
Вера в заговоры в связи с жизненными смыслами представителей Y поколений 758
Потанина А.М.
Конструирование представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в новостном медиа-дискурсе 760
Потапова Ю.В.
Аффективный компонент миграционных установок молодежи Сибирского региона 762
Почебут Л.Г.
История становления социальной психологии в Ленинградском / Санкт-Петербургском университете 764
Романова С.А., Гурова О.С.
Специфика категориальной структуры образа представителя этнической группы в контексте этнической идентичности личности (на примере русских студентов). 767
Рюмшина Л.И.
Социокультурная адаптация студентов к обучению за рубежом: возможности и ограничения. 769
Ткаченко Н.В.
Переживание межкультурной коммуникации: опыт качественного исследования. 771
Черноусова Т.В.
Содержание ситуаций неопределенности в представлении различных поколений 773
Чикер В.А., Гвоздкова Р.И.
Сравнительный анализ ценностных ориентаций представителей различных поколений. 775

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бояркин К.Е., Дейнека О.С.
Интерес к фондовому рынку и финансовая грамотность граждан России ... 777
Дейнека О.С., Думская Д.А.
Потребительские установки россиян на фоне экономического кризиса 779
Доценко Е.Л.
Поступок в зазоре между социальным и личностным: идеальная модель и реальное поведение 781
Иванов А.А.
Предикторы поддержки проэгалитарных инициатив в экономической сфере в России 783
Катаева М.В., Медяник О.В.
Формирование культурной памяти французского общества в условиях межгосударственных конфликтов..... 785
Киреева О.В.
Финансовый самоконтроль заемщиков в ситуации прекарной занятости ... 787
Корниенко Д.С., Балева М.В., Ячменёва Н.П.
Личностные диспозиции в осуществлении рискованного экономического выбора..... 789
Лямин Д.П.
Формирование социальных установок общества в эпоху цифровизации общества..... 791
Медяник О.В., Медяник А.И.
Разработка типологии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошеничества 793
Мисонжников Б.Я.
Канцлер Германии в парадигме политического поведения: психологический медиапортрет..... 795
Мортикова И.А., Дейнека О.С.
Особенности межличностной коммуникации молодежи на фоне глобального гибридного конфликта..... 797
Осин Р.В.
Образ «чужого» в сознании украинской молодежи 799
Прусова И.С., Богатырева Н.И.
Оправдание политической системы в России: роль мотивационных оснований 801
Рафикова В.А.
Немецкая психология в период Второй мировой войны..... 803
Федорова Н.В., Агадуллина Е.Р.
Исследование связи удовлетворенности и оценки экономического неравенства с поддержкой существующих социальных норм..... 805

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Астраханцева А.М.
Пример классификации «спортивных чувств» 807

Багадирова С.К.
Личностные факторы социально-психологической адаптации спортсменов . 809
Барцева К.В., Солдатова Е.Л.
Исследование уровня пространственных способностей у юных хоккеистов . 811
Ветвицкая Т.В.
Профессиональное выгорание тренеров юных хоккеистов
с особенностями развития 813
Гаврилова В.В., Ивашко С.Г.
Карьерные ориентации спортсменов игровых и индивидуальных видов
спорта на этапе постепенного снижения достижений. 815
Жабакова Т.В., Короткова Д.А.
Психологические особенности толерантности к неопределенности
спортсменов в условиях современных вызовов. 817
Ильина Н.Л.
Когнитивная реструктуризация как метод преодоления кризисных
состояний спортсмена 819
Маликова Л.А., Байковский Ю.В.
Отношение к здоровью и особенности его проявления у спортсменов
с травмами конечностей разной степени тяжести 821
Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.
Метакогнитивные умения как предикторы готовности тренера
к профессионально-педагогическому саморазвитию. 823
Тиунова О.В.
Учет потребностей и мотивов занятий спортом при психолого-
педагогическом сопровождения баскетболистов 13-14 лет 825
Уляева Л.Г., Уляева Г.Г., Раднагуруев Б.Б.
Психологическая поддержка российских спортсменов в ситуации новых
социально-психологических вызовов 827
Шуняева Н.В., Банаян А.А.
Взаимосвязь психофизиологического состояния лыжников гонщиков
с результатами командного спринта на Чемпионате России 2022 года 829

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Адмакина Т.А.
Использование цвета в рисуночных методиках как способ диагностики
эмоционального состояния ребенка в рамках психолого-педагогической
экспертизы. 831
Власюк Е.Н.
Личность сотрудника уголовно-исполнительной системы в ситуации
неопределенности 833
Ипатова Е.В., Деева Н.А.
Ургентная аддикция, как форма неосознанной зависимости
в современном мире 835
Марищук Л.В., Дегтяренко Д.В.,
Мотивы кибербуллинга: что движет агрессорами? 837
Смирнова Т.Г., Колоколова Т.А.
Детско-родительские отношения в ситуации высококонфликтного развода . 839

Ключевым событием в развитии отечественной психологии стало открытие отделений и кафедр психологии при факультетах философии ведущих университетов страны: в 1942 г. в МГУ, в 1944 г. в ЛГУ (СПбГУ). На базе последнего в 1962 г. создается исследовательская лаборатория социальной психологии под руководством выдающегося ученого и организатора Евгения Сергеевича Кузьмина. Традиционная международная научная конференция «Ананьевские чтения» в 2022 была посвящена 60-летию социальной психологии в Санкт-Петербургском государственном университете.

Конференция впервые состоялась в смешанном формате: очно в стенах Санкт-Петербургского университета и в онлайн-пространстве, что позволило значительно расширить географию и количество участников. Более 1300 человек из 57 регионов нашей страны и 10 зарубежных стран стали докладчиками и слушателями конференции. За четыре дня прошло 45 научных мероприятий разного формата: секций, круглых столов, симпозиумов, дискуссий, лекций, мастер-классов и воркшопов, где было представлено развитие современных направлений социальной психологии во взаимосвязи с другими отраслями психологической науки и практики.

Работали секции по социальной, этнической и кросс-культурной психологии, психологии общения и семейного воспитания, общей и когнитивной психологии, психофизиологии и психодиагностике, клинической психологии детей и взрослых, психотерапии и психологическому консультированию, психологии развития и дифференциальной психологии, организационной психологии и психологии менеджмента, политической и экономической психологии, психологии здоровья, психологии образования и педагогики, юридической психологии и психологии спорта; секции, посвященные проблемам психологического обеспечения профессиональной и служебной деятельности и психической травматизации в современном обществе. В рамках конференции прошли мероприятия, посвящённые теоретику педагогической психологии В.А. Якунину, основателю факультета Б.Г. Ананьеву, 25-летию кафедры психологии образования и педагогики. Практическая часть конференции нашла свое отражение в мастер-классах и воркшопах на актуальные темы от психологов-практиков.

Прошедшая конференция вновь показала тот высокий уровень научной коммуникации и технической организации, благодаря которому она многие годы объединяет профессиональное сообщество психологов в стенах факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, на протяжении многих лет являющегося одним из ведущих российских центров психологического образования и наук

Материалы конференции «Ананьевские чтения — 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям» представлены в данном издании.

От редакторов издания

Бекетова А.А., Яковлева Н.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Образы боли пациентов с хроническим болевым синдромом

Биопсихосоциальная модель лечения боли, болевая установка, образ боли.

Актуальность. Биопсихосоциальная модель постулирует положение о том, что переживание боли пациентом и его реакция на лечение зависит от биологических, психологических и социальных факторов [1]. В ряду психологических факторов особое место занимают болевые установки [2]. Изучение образа боли как одного из уровней болевой установки открывает путь к пониманию специфики психологического содержания боли пациентов с различными заболеваниями, а также к изменению этих образов с целью психологического «обезболивания». Восприятие боли включает в себя сложную интерпретацию ноцицептивного сигнала, которая предполагает субъективную оценку физических изменений и их соотнесение с личным опытом боли. Образ боли представляет собой результат выделения полученной ноцицептивной информации, результат того, как пациент представляет и осознает боль.

Цель исследования — изучение образов боли пациентов с хроническим болевым синдромом (ХБС). Выборку испытуемых составили 2 группы пациентов с ХБС, который ассоциируется со страхом смерти (1) или не ассоциируется с ним (2): 1) 30 человек с диагнозом «стенокардия напряжения» (СН) от 51 до 81 года (средний возраст — 69,37 лет); 2) 30 человек с диагнозом «ревматоидный артрит» (РА) от 57 до 79 лет (средний возраст — 61,93 года). В качестве методик выбраны проективная методика «Метафора» (Мигунова Ю.М.), тест «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (Тхостов А.Ш.)

Результаты. Для описания своих болезненных ощущений пациенты со СН чаще всего используют слова: боль (66,7%), тяжесть (63,33%), сжиматься (60%) и давление (53,33%). Их словарь содержит в основном конкретные «сердечные» телесные ощущения, ощущения тонуса и отрицательные эмоциональные состояния. Для описания своих болезненных ощущений пациенты с РА чаще всего используют слова: боль (96,67%), ломота (50%), заныть (46,67%) и движение (43,33%). В их словаре помимо характерных для заболевания телесных и температурных ощущений,присутствует большое количество мучительных и отрица-

тельных эмоциональных состояний, что связано с ограничением свойственной им двигательной активности.

Анализируя метафоры, были выявлены следующие особенности вербализации интрарецептивных ощущений. Метафоры пациентов со СН характеризуются хорошей оформленностью образов, в отличие от образов пациентов с РА. Больные СН чаще называют конкретный образ («сердце в трещинах»), в то время как больные РА характеризуют боль абстрактно («что-то противное»), либо вовсе не способны истолковать боль в форме метафоры. Среди причин этомуможно назвать свойственный больным РА алекситимический склад личности. У больных РА также стоит отметить присутствие себя в образах боли и их «одушевленность». Это связано с их высокой степенью идентификации с заболеванием. В то же время эти образы зачастую динамичны, а не статичны («рой кусающих насекомых»), что можно проинтерпретировать следующим образом: либо это связано со спецификой их заболевания, при котором именно движение сопровождается у них болезненными ощущениями, либо с их стремлением таким образом отдалить от себя «боль», т.к. данный образ можно преобразовать («заставить рой улететь», к примеру).

Выводы. БУ в образах отражают личные представления пациентов о боли, однако они имеют общие черты у больных одной клинической группы. В содержании понятия боли, которое пациенты используют для формулирования понимания своего состояния, заключены тактики нефармакологического обезболивания с помощью психологических методов.

1. Данилов А.Б. Биопсихосоциокультурная модель и хроническая боль / А.Б. Данилов, Ал.Б. Данилов // Современная терапия в психиатрии и неврологии. — 2013. — №1. — С. 30-36. — Текст: непосредственный.
2. DeGood D.E. Psychosocial Assessment Comprehensive Measures and Measures Specific to Pain Beliefs and Coping / D. E. DeGood, A. J. Cook. // Handbook of Pain Assessment / ed. by D.C. Turk, R. Melzack. — The Guilford Press, 2011. — Ch.4. — P. 67-80. — Текст: непосредственный.

Валеева Г.В.
Челябинск, ЮУрГГПУ

Психологические особенности социализации субъектов образовательной среды педагогического вуза

Здоровье, социализация, субъективная составляющая ,агрессия, тревога, фрустрация, представления, ценности, потребности.

Социализация — это развитие ко-адаптации социума и индивидуального жизненного пути его членов. Сложность педагогической среды в том, что результат деятельности отсрочен и критерии успеха «здесь и сейчас» четко не определяются. Критерий социализации: здоровье — равновесие между адаптационными возможностями личности и постоянно меняющимися условиями социальной среды, выраженное через субъективную составляющую, выполняющую интегрирующую и направляющую роль и объективную составляющую, проявляющиеся через физические, психологические и социальные характеристики [1].

Исследование проходило в 2020-2022 г. на базе ЮУрГГПУ с использованием программы диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» [1]. Респонденты: преподаватели 60 человек — (35-65 лет), студенты и магистранты -164 человека (22 — 45 лет). 2/3 — женщины. Все респонденты успешны: преподаватели с высоким профессиональным рейтингом, студенты: стипендия по успеваемости, общественно активные, участие в научных мероприятиях.

Исследование выявило:

1. Схожие зоны респондентов: ресурсные, выраженные через субъективные показатели в пределах нормы: выраженность состояний «тревожность» (5 и 7,5 баллов), «фрустрационная напряженность» (4,9 и 7,5 баллов), «истощаемость» (4 и 6,8 баллов); удовлетворены состоянием сердечно-сосудистой системы, самочувствием; объективные: использование оздоровительных технологий, референтная группа — муж(партнер), дети и проблемные — субъективные показатели в переходной зоне: гиподинамия приводит к неудовлетворенности состоянием костно-мышечной системы у 50-60%: степень выраженности показателя 8 и 9,6 баллов; не сформировано представление об оздоровлении, как методеятельности — 6.2% и 7,5% от максимально сформированного, нет представления о результате оздоровления и потребностного напряжения в отношении оздоровления (уровень выраженности показателя 16-17,8 баллов): в концепцию здоровья включается информация о причинах не здоровья и о том, как его поддерживать, но для реализации не хватает мотивации, что, не позволяет начать оздоровление. Субъекты не формируют стратегию социализации, а только тактику действий, в ответ на возникающие обстоятельства. Объективные: все субъекты имеют хронические проблемы с физической составляющей здоровья (2 группа); в качестве референтной группы не указывают профессиональную группу, что говорит о трудностях адаптации в профессиональной среде.

2. Отличия: для студентов характерна крайне высокая стрессонапряженность (субъективный показатель социальной составляющей здоровья выраженность показателя 503,7 баллов), внутреннее недовольство при внешней лояльности, снижение приспособляемости психических процессов к меняющимся условиям среды (выраженность состояний «Агрессия» «Ригидность» — 9,8 баллов (переходная зона). Иерархия ценностей студентов несформированна (переходное состояние на границе зон-степень выраженности показателя 12 баллов);преподаватели более стрессоустойчивы — выраженность показателя 276 баллов, выдержанные («агрессия» — 6,2 балла,), так как иерархия ценностей сформирована; психические процессы гибко приспосабливаются к меняющимся требованиям среды (ригидность» — 7,3 балла), что частично объясняется более низкой стрессонапряженностью Эгоцентрический характер иерархии ценностей (ценности-цели: мудрость, общественное призвание, познание, самореализация; ценности-средства: образованность, эффективность, самоконтроль, независимость, рационализм, твердая воля) формирует зависимость от социального признания, которое неопределенно.

Программа социализации (актуальная потребность) для: 60 % преподавателей формирование уверенности в себе и умения выстраивать гармоничные межличностные отношения; 40 % -умение мотивировать себя к деятельности; 30% — самоутверждение и материальное благополучие; 79% студентов — «быть понятым»; в отличии от преподавателей они не указывают самопризнание, хотя стремятся к самоактуалиации через самопознание, саморазвитие и самореализацию.

1. Валеева, Г. В. Комплексное изучение субъективной составляющей здоровья / Г. В. Валеева, З. И. Тюмасева, И. Л. Орехова — Текст: непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы: сборник статей. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2015. — Т. 23. — Вып. 1. — С. 53–59. — Библиогр.: с. 59 (8назв.).

Вередина С.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Гофман О.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Роль когнитивных функций в пищевом поведении

Психология здоровья, когнитивная психология, пищевое поведение

Многие люди, страдающие ожирением, знают, что им следует меньше есть и питаться более здоровой пищей, а также больше заниматься физическими упражнениями. Однако большинству из них не удается изменить свое поведение на длительный период времени. Подсчитано, что менее 20% людей, страдающих ожирением, способны снизить вес до здорового в долгосрочной перспективе [1]. Большинство попыток сесть на диету в долгосрочной перспективе оказываются безуспешными: многим людям, сидящим на диете, удается немного похудеть за короткое время, но большинство из них быстро набирает потерянный вес [1]. Современная среда способствует нездоровому питанию и ожирению, особенно для людей, которые чувствительны к пищевым сигналам окружающей среды. Исследования показывают, что определенные когнитивные процессы играют важную роль в поддержании чрезмерных и нерегулируемых пищевых привычек, которые препятствуют здоровому питанию.

Известно, что слабые исполнительные функции связаны с низким потреблением фруктов и овощей и высоким потреблением насыщенных жиров [2]. Исполнительные функции относятся к набору навыков и процессов, связанных с управлением собой и использованием своих когнитивных ресурсов для достижения цели. Три основных навыка: торможение (способность сопротивляться импульсам и искушениям), когнитивная гибкость (умение гибко мыслить, чтобы адекватно реагировать на ситуацию) и рабочая память (способность удерживать информацию в памяти для выполнения задачи). Когда исполнительные функции нарушены, автоматические импульсы (например, желание поесть) не обрабатываются должным образом, что может приводить к нездоровому или неконтролируемому питанию.

Было обнаружено, что дефицит исполнительных функций связан с перееданием, а недавние исследования показывают дисфункциональные исполнительные профили у людей с ожирением [4]. Исполнительные функции участвуют в пищевом поведении, особенно когда люди сидят на диете. Например, низкий уровень навыков торможения может способствовать перееданию, тем самым снижая эффект мер по снижению веса и увеличивая риск рецидива после успешного снижения, в то время как повышение уровня навыков торможения может способствовать успешному снижению веса и его поддержанию. Соблюдение диеты требует планирования приемов пищи, действий (таких как покупка и приготов-

ление пищи), принятия решений о выборе и отказе от определенных продуктов, и сопротивления привлекательным и заманчивым продуктам питания.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что нездоровые привычки в еде можно изменить с помощью вмешательств, направленных на эти механизмы поддержания когнитивных функций. В некоторых экспериментальных исследованиях изучалось влияние тренировок исполнительных функций на людей с ожирением. Действительно, экспериментальная подготовка к торможению и контролю привела к улучшению навыков торможения и снижению последующего потребления [3].

Связь исполнительных функций с особенностями питания плохо изучена, особенно у здоровых людей. Понимание когнитивных механизмов, поддерживающих нездоровое питание позволит разработать программы, которые будут направлены на формирование здоровых привычек. Необходимо продолжить изучение способов, которые способствуют улучшению исполнительных функций у людей, придерживающихся нездорового и неконтролируемого питания.

1. Anita Jansen, Katrijn Houben and Anne Roefs A Cognitive Profile of Obesity and Its Translation into New Interventions // Front. Psychol., 2015
2. Emily P. Wyckoff, Brittney C. Evans, Evan M. Forman Executive functioning and dietary intake: Neurocognitive correlates of fruit, vegetable, and saturated fat intake in adults with obesity // Appetite, 2015
3. Ramona Guerrieri, Anita Jansen Disinhibition is easier learned than inhibition. The effects of (dis)inhibition training on food intake // Appettite, 2012
4. Kaela R. S. Reinert, Eli K. Po'e, Shari L. Barkin The Relationship between Executive Function and Obesity in Children and Adolescents: A Systematic Literature Review // J Obes., 2013

Виноградова И.С., Фаустова А.Г.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Влияние опыта материнства на родительские установки у женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы

Родительские установки, онкологические заболевания, опыт материнства, временная перспектива

В современной медицинской науке до сих пор не достигнут консенсус относительно проблемы сохранения репродуктивной функции у женщин с онкогинекологическими заболеваниями. Женщины с гинекологической патологией имеют негативное представление о собственном материнстве и взаимоотношениях с ребенком [1]. Чувства в отношении будущего ребенка у беременных женщин с онкологическими заболеваниями противоречивы: с одной стороны, излишняя концентрация на ребенке, а с другой эмоциональная дистанция с ним. Ситуация онкологического заболевания оказывает негативное влияние на особенности психологической готовности к материнству, и отношение к материнству характеризуется дисфункциональными установками [2]. У женщин с различными установками в отношении родительства может формироваться различная временная перспектива, поскольку возможность материнства может определять некоторые ее аспекты.

Цель — изучение влияния опыта материнства на родительские установки у женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы. В нашем исследовании приняли участие 56 женщин репродуктивного возраста с онкологическим заболеванием репродуктивной системы (рак тела матки, рак шейки матки, рак яичников). Они были сформированы в две группы: 26 женщин, не имеющих опыта материнства (средний возраст — 30,1 лет), и 30 женщин, имеющих материнский опыт (средний возраст — 40,1 лет). Были использованы следующие методики: методика изучения родительских установок (PARI) (Э. Шефер, Р. Белл, адаптация: Т.В. Нещерет); методика семантического дифференциала времени (Вассерман Л.И.);

По результатам сравнения двух групп по U-критерию Манна-Уитни женщины без детей обнаруживают более высокие результаты по показателям неудовлетворенности ролью хозяйки дома, уклонения от контакта с ребенком и более низкие по показателям ограниченности интересов женщины рамками семьи, ощущения самопожертвования в роли матери, доминирования матери. На уровне тенденции женщины, не имеющие материнского опыта, более склонны к излишней эмоциональной дистанции с ребенком. В группе женщин без детей обнаруживаются отрицательные взаимосвязи дисфункциональных родительских установок и компонентов временной перспективы будущего. Установки в отношении только предполагаемого материнства оказываются взаимосвязаны с тем, насколько активным, продолжительным, эмоционально окрашенным видит свое

будущее время женщина. Это также может поддерживать идею о том, что благополучный материнский опыт в представлениях женщины положительно связан с благоприятным будущим. В группе женщин, имеющих детей, обнаружилась противоположная тенденция: дисфункциональные родительские установки связаны положительно с компонентами временной перспективы будущего. Учитывая факт наличия детей, мы можем говорить о том, что такие установки у них более реалистичны и подкреплены реальным материнским опытом на протяжении нескольких лет. Адекватный родительский опыт позволяет женщинам оценивать свое будущее как активное, положительно эмоционально окрашенное, структурированное. Можно предположить, что опыт материнства дает некоторую определенность будущего.

Таким образом, родительские установки женщин с разным опытом материнства различны; также они по-разному связаны с восприятием будущего. Женщины, не имеющие детей, более склонны поддерживать излишнюю эмоциональную дистанция с ребенком.

1. Блох М. Е. Личностные и социально-психологические характеристики женщин репродуктивного возраста с гинекологической патологией на этапе планирования беременности: автореф. дис. кан. мед. наук: 19.00.04. — Санкт-Петербург, 2012. — 31 с.
2. Меньшикова А.А. Особенности психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкологическими заболеваниями // Вестник КГУ. 2011. №3.

Демчук М.А.
Челябинск, ТГУ, ЧелГУ

Циринг Д.А.
Челябинск, ТГУ

Миронченко М.Н.
Челябинск, ТГУ

Особенности сбора эмпирического материала при проведении психодиагностики мужчин с диагнозом рак предстательной железы, лёгкого, желудка и толстой кишки

Эмпирический материал, онкологическое заболевание, рак предстательной железы, рак лёгкого, рак желудка, рак толстой кишки

В современной медицине специализирующейся на лечении онкологических заболеваний, всё больше утверждается представление о важности в этом процессе психологической диагностики. Именно психологические аспекты медицинского сопровождения пациента рассматриваются в качестве одного из ключевых факторов обуславливающих ход и результат лечения. В свою очередь это существенно влияет на самочувствие пациента в процессе лечения онкологического заболевания и во многом определяет дальнейшее качество жизни [1,2].

Цель исследования — уточнение тактик коммуникации в процессе проведения психологического исследования среди онкологических больных. Проблема заключается в том, что часть респондентов отказывается отвечать на вопросы. Задача интервьюера выявить и проанализировать причины отказов с тем, чтобы повысить качество коммуникации и соответственно добиться сбора более обширного и информативного материала.

На базе Челябинского областного клинического центра онкологии и ядерной медицины проводится исследование четырёх групп пациентов. Фактически, с каждым респондентом проводится одиннадцать опросов, цель которых определить особенности психологического состояния интервьюируемого. Клинические группы респондентов на текущий момент исследования можно определить следующим образом: пациенты в возрасте от 45 до 80 лет (средний возраст 55 лет) находящиеся на различных стадиях заболевания (I, II, III, IV) с неблагоприятным течением болезни (рецидив, генерализация, прогрессия), либо находящиеся в процессе лечения с раком следующих локализаций: 1) предстательная железа; 2) легкое; 3) желудок; 4) толстая кишка. Используется индивидуальная форма сбора данных. Для успешного её применения необходимо замотивировать респондента на продолжительный и доверительный диалог. При этом важно учитывать, что пациенту может быть удобнее ответить на вопросы анкеты дистанционно. Например, это характерно для онкологических больных приезжающих из другого города. Эффективность проведения психологического исследования вне зави-

симости от клинической группы составляет примерно 50%: 1) предстательная железа — 55 из 100; лёгкое — 15 из 32; желудок — 16 из 31; толстая кишка — 20 из 38.

Очерченные в процессе работы причины для каждой группы уникальны и могут быть классифицированы следующим образом: 1) неприятие потенциальной опасности заболевания для жизни, и, как следствие, отрицание любых манипуляций, направленных на уточнение состояние физического или ментального здоровья (характерно для первой клинической группы); 2) убеждение в том, что онкологическое заболевание неизлечимо, и, как следствие, фатально, что делает любые попытки вмешательства в естественный ход течения болезни неэффективным и времязатратным (характерно для второй и третьей клинической группы); 3) восприятие взаимодействия с медицинским психологом как факт того, что у пациента существуют реальные проблемы с ментальным здоровьем, что известно врачам, но скрывается от самого пациента (характерно для первой и четвёртой клинической группы); 4) осознанный отказ от помощи людям, попавшим в схожую ситуацию вследствие открытой агрессии к окружающему миру (характерно для третьей и четвёртой клинической группы).

Таким образом, при проведении психологического исследования нужно учитывать особенности каждой из групп и разрабатывать такие коммуникационные стратегии, которые могли бы минимизировать их. Обозначенная проблема требует отдельного детального анализа.

1. Bray F., Ferlay J., Soerjomataram I., Siegel R.L., Torre L.A., Jemal A. Global cancer statistics 2018: Globocan estimates of incidence and mortality worldwide for 36 cancers in 185 countries // A Cancer Journal for Clinicians. 2018. Vol. 68 (6). P. 394–424.
2. Матреницкий В.Л. Забытая психоонкология: о необходимости психотерапии и психосоциальной реабилитации в профилактике рецидивов и метастазов онкозаболеваний // Клиническая онкология. 2018. Т. 8, № 1 (29). С. 46–52.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00434

Книжникова А.А., Пахомова Ф.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова

Эмоциональные и личностные особенности женщин с эндометриозом

Эндометриоз, болевой синдром, адаптация, эмоциональная сфера, бесплодие, качество жизни

Эндометриоз представляет собой сложное, многофакторное заболевание, при котором у женщин определяется наличие ткани по свойствам подобной эндометрию вне полости матки. По данным ВОЗ на момент 2021 г. во всём мире от эндометриоза страдают около 190 миллионов женщин репродуктивного возраста (это 10% от всего женского населения планеты). При формулировании гипотез исследования мы учитывали, что на современном этапе эндометриоз переходит в разряд, так называемых, «болезней адаптации», «болезней деловых женщин» (Дамиров, 2010), что подразумевает под собой психосоматическую почву для развития данного расстройства. Также учитывались научно-исследовательские сведения о том, что женщины с эндометриозом обладают определёнными эмоциональными и личностными особенностями. Таким образом, мы выдвинули следующие гипотезы: 1) Женщины с болевым синдромом при эндометриозе имеют определённые эмоциональные и личностные особенности, которые отличаются от особенностей гинекологически здоровых женщин. 2) Субъективное восприятие болевого синдрома взаимосвязано с эмоциональными и личностными особенностями женщин, страдающих эндометриозом, а также со снижением уровня адаптации. Акцент в нашем исследовании делался на определении особенностей социально-психологической адаптации, которые могут являться предиктором и/или одним из этиологических факторов возникновения эндометриоза у женщин (Гуменюк, 2017).

Экспериментальную выборку составили пациентки с болевым синдромом при эндометриозе и группа женщин фертильного возраста без гинекологической патологии. В исследовании приняло участие 60 испытуемых: 30 женщин с эндометриозом и 30 женщин без гинекологической патологии. Респонденткам предлагалось заполнение анкетной формы для уточнения биографических и общих медицинских данных (сопутствующие заболевания, наследственность и т.п.), а также методики, направленные на изучение особенностей восприятия болевого синдрома, эмоциональной сферы, уровня адаптации, личностных особенностей, стиля межличностного взаимодействия и полоролевой идентичности.

По результатам исследования было обнаружено снижение уровня адаптации, качества жизни, трудности с принятием особенностей окружающих людей и бегство от действительности у пациенток с эндометриозом в сравнении со здоровыми женщинами. Группа женщин с эндометриозом была разделена на следующие подгруппы: с более высокой и более низкой социально-психологической адаптацией. Так, у женщин с низкой адаптацией, был выявлен зависимо-послуш-

ный стиль межличностного взаимодействия, преобладание феминности, высокие значения тревоги и депрессии, а также повышенное аффективное восприятие болевого синдрома.

Установлены статистически значимые взаимосвязи восприятия болевого синдрома со стилем межличностного взаимодействия у женщин с эндометриозом: более высокая оценка и переживание боли связаны с такими типами межличностного взаимодействия как «зависимо-послушный» и «сотрудничающий-конвенциональный». Подобные результаты свидетельствуют о том, что данная группа пациенток зависит от мнения окружающих, обладает повышенной комформностью, склонностью к компромиссному поведению и несдержанностью в излияниях своего дружелюбия в обществе. Для анализа результатов исследования использовались методы описательной статистики, сравнительный и корреляционный анализ.

1. Адамян Л.В., Гаспарян С.А. Генитальный эндометриоз. Современный взгляд на проблему. Ставрополь.: Ставрополье, 2004. 214 с.
2. Богатова И. К., Семенова О. К. Психологические особенности женщин с генитальным эндометриозом. ВНМТ. 2008. №1.
3. Гуменюк Л.Н., Симачева С.А. Психокоррекция психической дезадаптации в комплексном лечении женщин с генитальным эндометриозом. ТМБВ. 2017. №1.
4. Дамиров М. М., Генитальный эндометриоз — болезнь активных и деловых женщин. М.: Бином, 2010.190 с.

Куликов Л.В., Оленцевич Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Некоторые аспекты влияния употребления психоделических препаратов на личность

Психологическая зависимость, экзистенциальный кризис, психоделический опыт, околосмертные переживания

Последние 10-15 лет отмечается полиморфизм привычной картины наркотизации, характеризующийся ростом употребления новых психоактивных веществ, что приводит не только к изменению клинической картины наркотизации, но и к появлению новых социальных проблем (Асадуллин, Анцыборов, 2017). Психологические аспекты влияния употребления психоделических препаратов изучены крайне мало. Замечена опасная тенденция использования психоделиков для актуализации измененных состояний сознания в так называемых креативных, духовных и шаманских практиках (Михайлов, 2019).

Цель нашего анкетного опроса заключалась в уточнении специфики психоделического опыта, в попытке выяснить субъективные аспекты привлекательности данной группы психоактивных препаратов. Анкета включала несколько блоков вопросов, которые касались эффектов во время пребывания в измененном состоянии сознания, после психоделического опыта (единственного или череды нескольких проб), а также изменений в картине мира, происходящих при пролонгации психоделического опыта. Респондентами выступили 50 человек, имевших опыт употребления психоделических препаратов, 35 мужчин и 15 женщин, в возрасте от 14 до 36 лет, средний возраст 25,3 лет. Знакомство с психоделиками происходило в возрасте от 14 лет до 35 лет, средний возраст 19,7 лет. Большинство использовали ЛСД и псилоцибы.

Ответы респондентов отличаются значительным разнообразием — не удается выделить одну или несколько черт психоделических переживаний или факторов, которые можно было бы рассматривать как доминирующие по своей частотности. К привлекательным сторонам употребления психоделиков респонденты отнесли повышение интереса к окружающему миру (46,9%), случаи инсайтов, имевших место в течение нескольких недель или месяцев после употребления психоделиков (32,6%, частично — 22,4%), снижение беспокойства о материальной стороне жизни (39,6%, частично — 12,5%), уменьшение беспокойства относительно оценок окружающих о них (32,6%, частично — 18,4%), появление чувства, что жизнь точно имеет смысл (26,5%, частично — 18,4%), снижение страха смерти (42,9%, частично — 10,2%). Понятно, что перечисленные эффекты имеют субъективную природу. 40% респондентов сообщили, что в анамнезе у них были диагносцированные специалистом психические расстройства и до употребления психоделиков. Эксперименты с психоактивными препаратами вполне можно рассматривать как неадекватную попытку ухода от эмоционально-чувственного дискомфорта или его ослабления. Суждение «Теперь я хочу жить более активной

и наполненной жизнью» полностью соответствует мнению 34,7% респондентов, преимущественно соответствует — мнению 26,5%, соответствует примерно наполовину — 12,2%. Вместе с тем, надо обратить внимание на то, что однократным опытом психоделики были всего у четверых респондентов. Среднее количество употреблений равно 16,7. Следовательно, можно говорить, во всяком случае для большинства, о зависимости и определенной степени устойчивости влечения к употреблению психоделиков. Кроме того, явное большинство респондентов считает, что у них есть и другие виды зависимости. Таким образом, перечисленные выше эффекты, которые можно рассматривать как имеющие позитивную коннотацию, не приводят к позитивным изменениям в жизненном укладе. Наше исследование продолжается, многие суждения и трактовки в пунктах анкеты требуют уточнений. Есть основания ожидать, что многие общеупотребительные лексические обороты в среде приверженных к психоделическому опыту имеют специфические смыслы.

1. Асадуллин А.Р., Анцыборов А.В. Новые психоактивные вещества: конец эволюции наркотиков или первая ступень //Медицинский вестник Башкортостана. Том 12, № 4 (70), 2017. С. 98-103.
2. Михайлов М.А. Измененные состояния сознания, вызванные приемом психоактивных веществ. Два случая психотических расстройств в результате употребления психоделика растительного происхождения Аяуаски. Наркология 2019; 18(10): 63-72.

Никифоров Г.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Биопсихосоциальная модель: к истории вопроса

Психология здоровья, В.М. Бехтерев, биопсихосоциальная модель здоровья и болезни

Академик Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927) — ученый энциклопедист с мировым именем, оставивший яркий след в истории науки. Становление концептуальной основы биопсихосоциальной модели в начале XX века было предопределено широтой распределения его творческой активности. Его перу принадлежат работы в области медицины, физиологии, педагогики, психологии, в том числе общей и детской, психологии личности и социальной психологии. Классические работы Бехтерева по морфологии и функциям мозга, анатомии и физиологии центральной нервной системы внесли бесценный вклад в материалистическое учение о психике.

Со студенческих лет Бехтерева интересовали вопросы познания личности. Он считал проблему личности одной из важнейших в психологии, и одним из первых в начале XX века приступил к разработке учения о личности, рассматривая его как основу воспитания человека и преодоления аномалий в его поведении. Обсуждая психологические темы, он вводит в рассмотрение понятия индивида, индивидуальности и личности, полагая, что индивид — это биологическая основа над которой надстраивается социальная сфера личности. Главное, что организует личность, по Бехтереву, это ее направленность, т. е. то, что придает жизнедеятельности устремленный, нацеленный характер, что руководит мыслями, действиями и поступками. Он подчеркивал важность воспитания человека с раннего детства. Одним из первых начал изучение нервной и психической деятельности ребенка со дня его рождения.

Бехтерев по праву является одним из основателей социальной психологии. Он первым в отечественной психологии дал определение предмета, задач и методов социальной психологии, предпринял попытку разработать ее теоретические основы, явился основателем экспериментального направления в этой области знания в нашей стране. В 1907 г. Бехтерев основал и возглавил Психоневрологический институт, а в 1918 г. — Институт по изучению мозга и психической деятельности. В основу того и другого научно-учебного заведения им была положена идея изучения личности в ее здоровом и болезненном состоянии. Впервые в мировой научной практике Бехтерев подходит к решению поставленных задач с позиций комплексного подхода, рассматривая человека в его целостности, как сложное, многоуровневое образование. Это находит свое отражение в самой структуре созданных институтов, которая включала в себя отделы и лаборатории, ориентированные на всестороннее исследование человека в процессе его жизненного пути. Об этом убедительно говорит разнообразие открытых лабораторий, в тематику которых входило изучение человека от морфологии и биохимии мозга вплоть до социальных аспектов поведения личности. Вопросы развития личности

изучаются в тесной взаимосвязи представленности в человеке биологического, психологического и социального начал. Будущее психологии Бехтерев видел в ее тесной связи с естественными науками. Он решительно выступал за развитие объективной психологии, подчеркивая ограниченные возможности субъективной, умозрительной психологии.

Значение трудов Бехтерева, как свидетельствуют тенденции развития науки в начале XXI века, обретают все большую притягательную силу. В.Н. Мясищев, ученик и соратник Бехтерева, еще в 1916 году определил свою исследовательскую позицию в изучении личности, трактуя ее как биопсихосоциальное единство. При этом исходил из того, что в изучении личности человека, в том числе и страдающего неврозом, физиологический, психологический и социальный план объединяются понятием его отношения. Спустя десятилетия, а именно на рубеже 80-х годов XX века, биопсихосоциональная модель здоровья и болезни получает распространение в западной психологии и начинает обсуждаться на страницах специальных изданий. Небезынтересно заметить, что ее автор американский врач Д. Эйнджел еще будучи начинающим ученым проходил в 1935 году стажировку в СССР в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде и хорошо владел русским языком.

Одинцова О.Ю.
Ярославль, ЯрГМУ

Индивидуальное и диадическое совладание в ситуации диадического стресса беременности

Диадический стресс, беременность, индивидуальное совладание, диадическое совладание

В процессе своего бытия, субъект неоднократно сталкивается с индивидуальным стрессом, а в случае близких отношений, стресс может вовлекать партнера, становясь совместным. Вслед за Г. Боденманном, диадический стресс интерпретируется как напряженная ситуация, вовлекающая обоих партнеров (Randall, Bodenmann, 2017). Очевидно, что совладание с диадическим стрессом обусловлено сложной внутренней картиной взаимосвязей индивидуальных и диадических копинг-стратегий личности. Вместе с тем, остается открытым вопрос об их приоритетных позициях в ситуации диадического стресса. Отметим, что вопрос взаимосвязи индивидуальных и диадических копинг-стратегий в контексте стресса беременности представляет отдельный научный интерес: что оказывает большее влияние в разрешении трудностей — то, как супруги индивидуально или совместно с ними справляются?

Гипотеза: Индивидуальные и диадические стратегии тесно сопряжены, однако ведущими при совладании со стрессом беременности являются индивидуальные копинг-стратегии. Выборка: N= 204. Из них: 102 женщины от 21 до 40 лет (M=30.96; SD=4.79); 102 мужчины от 19 до 52 лет (M=33.06; SD=5.74). Срок беременности — преимущественно III-й триместр (M=31.28). Партнеры чаще ожидали второго ребенка (M=2.52). Беременность спланирована у 64 % пар, у 34 % гестация случайная, но желанная. Методы: 1. Опросник способов совладания (Лазарус, Фолкман, 1985) в адаптации Крюковой и др., 2005. 2. Опросник диадического совладания (Bodenmann, 2008) в адаптации Екимчик, Крюковой, 2017. 3. Опросник пренатального дистресса (Ibrahim, Lobel, 2020) в адаптации Одинцовой, 2021.

Результаты. Наиболее характерным способом преодоления стресса беременности для женщин является бегство-избегание (выраженность составляет 59% от максимально возможного балла), для мужчин — планирование решения проблемы (52%). Женские индивидуальные стратегии совладания со стрессом беременности отличаются большим репертуаром по сравнению с мужскими. Обнаружена сложная внутренняя картина предикций индивидуальных стратегий совладания на диадические копинг-стратегии. У женщин ведущей стратегией, усиливающей готовность к совместному преодолению трудностей, взаимной заботе, большей открытости в вербализации и демонстрации своего внутреннего напряжения, является поиск социальной поддержки. У мужчин приверженность положительной переоценке в наибольшей мере определяет их поддерживающее копинг-поведение и активную заботу о партнерше. Влияние диадического совла-

дания на индивидуальные стратегии имеет схожую тенденцию: у мужчин оно более вариативно и разнообразно, чем у женщин.

Обсуждение. 1. Взаимовлияние индивидуальных и диадических стратегий совладания обнаруживает гендерную специфику — у мужчин оно более сформированное и тесное, чем у женщин. 2. Диадические копинг-стратегии являются более мощными предикторами индивидуального совладания, но не наоборот.

Вывод. Несмотря на то, что субъект, вступая в партнерское взаимодействие, уже имеет наработанный репертуар собственных копинг-стилей, близкие отношения детерминируют особое надындивидуальное состояние («Мы»), являющееся первичным по отношению к «Я». В этом смысле диадическое совладание выступает особым системным социально-психологическим феноменом, имеющим доминирующий характер воздействия в плоскости совладающего поведения.

1. Bodenmann G. Dyadic coping and the 3-phase-method in working with couples / G. Bodenmann // Innovations in clinical practice: Focus on group and family therapy.2007. — pp. 235-252. URL:https://www.researchgate.net/publication/291318956.

Пахомова Я.Н.
Челябинск, ТГУ, ЧелГУ

Важенин А.В.
Челябинск, ФГБОУ ВО ЮУГМУ

Рак молочной железы: психологические факторы риска среди женщин

Рак молочной железы, психологические факторы риска, базисные убеждения, совладающее поведение, качество жизни

В структуре онкологической заболеваемости среди женщин рак молочной железы (РМЖ) занимает лидирующую позицию во всем мире. Доля смертности от РМЖ женщин в возрасте 35-55 лет, значительно больше, чем смертность женщин от сердечно-сосудистых заболеваний и рака легких, приходящаяся на средний возраст женщин 60-85 лет (Ferlay et.al., 2020). Эти данные подчеркивают необходимость поиска факторов риска как заболевания, так и течения РМЖ.

Цель: выявить психологические факторы риска РМЖ у женщин, проживающих в городской или сельской местности. Методы: шкала базисных убеждений (адаптация Падун М.А., Котельникова А. В.), опросник способов совладания (адаптация Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляева М.С.), опросник личностной беспомощности (Циринг Д.А., Степаненко А.В.), опросник качества жизни (SF-36), опросник субъективного возраста (адаптация Сергиенко Е.А.), методика уровня субъективного контроля (Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд Л.М.); тест жизненной ориентации (Циринг Д.А., Эвнина К.Ю.), тест жизнестойкости (адаптация Леонтьев Д.А., Рассказова Е.С.), дискриминантный анализ. В исследовании приняли участие 206 женщин с РМЖ (средний возраст 61,4), из них 108 женщин проживают в городской и 98 — в сельской местности, 234 женщины без онкологического заболевания в анамнезе (средний возраст 54,4), из них 104 женщины проживают в городской и 130 женщин — в сельской местности.

В результате было обнаружено, что риск заболевания РМЖ у женщин, проживающих в городских условиях, зависит от базисных убеждений (Образ Я, Удача, Убеждение о контроле), копинг-стратегий (Бегство-избегание, Планирование, Положительная переоценка), качества жизни, локуса контроля, принятия риска. Полученные значения дискриминантной функции указывают, что набор дискриминантных переменных обладает хорошей дискриминативной способностью (100% дисперсии, λ=0,641, p=0,001). У здоровых женщин показатели базисных убеждений выше, чем у женщин с РМЖ. Копинг-стратегии снижают риск опухолевого заболевания. Сниженное качество жизни выступает фактором риска РМЖ. Женщинам с РМЖ присущ экстернальный локус контроля. У здоровых женщин принятие риска выше, чем у женщин со смертельным диагнозом (Tsiring et.al., 2021).

С фактом заболевания РМЖ среди женщин, проживающих в сельской местности, связаны копинг-стратегии (конфронтация, принятие ответственности, бегство-избегание, положительная переоценка), показатели качества жизни, показатели локуса контроля, а также показатель личностной беспомощности. Указанные копинг-стратегии являются протектором, предотвращающим РМЖ, все перечисленные стратегии статистически выше у здоровых женщин. Показатели качества жизни снижены у женщин с РМЖ. Также факторами риска выступают личностная беспомощность женщин с РМЖ, интернальность в области достижений. Полученные значения дискриминантной функции, которая информативна и объясняет 100% дисперсии, а также при значении λ=0,068 и статистической значимости p=0,001, указывает на то, что набор дискриминантных переменных обладает хорошей дискриминативной способностью.

Полученные результаты могут применяться медицинскими работниками, клиническими психологами, психотерапевтами. Данные исследования быть включены в разработку персонализированных протоколов скрининга патологии молочной железы, а также учтены при оценке риска рака груди.

1. Ferlay J., Ervik M.., Lam F, Colombet M., Mery L., Piñeros M., Znaor A., Soerjomataram I., Bray F. (2020). Global Cancer Observatory: Cancer Today. Lyon, France: International Agency for Research on Cancer. Available from: https://gco.iarc.fr/today.
2. Tsiring D., Ponomareva I., Pakhomova Ya., Sergienko E., Vazhenin A., Mironchenko M. Psychological factors of oncological morbidity in women living in an industrial metropolis // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research. 2021. 11/02-XXIII. P. 282-285.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00824

Пономарева И.В.
Томск, Челябинск, ТГУ, ЧелГУ

Кузнецова А.И.
Томск, Челябинск, ТГУ, ЮУрГУ

Психологическое здоровье у женщин с раком молочной железы при различном течении болезни

Онкопсихология, рак молочной железы, течение болезни, психическое здоровье

Онкологические заболевания по праву рассматриваются в качестве глобальной угрозы устойчивому развитию из-за постоянно растущей финансовой нагрузки на бюджеты стран при лечении онкологических больных и невосполнимых потерь человеческих ресурсов.

Цель — оценить влияние психологических особенностей женщин больных раком молочной железы с благоприятным и неблагоприятным течением болезни на психологический компонент качества жизни. Методы: Исследование проходило с участием женщин больных раком молочной железы, находящихся в ремиссии 6 месяцев и более (N=104), а также женщин больных раком молочной железы на IV стадии болезни (N=102). Использовался World assumptions scale, Janoff-Bulman R., Опросник "Способы совладающего поведения" Р. Лазаруса, Hardiness Survey, S. Maddi, Опросник личностной беспомощности (Циринг Д.А., Степаненко А.В.), Health status survey", Short Form.

Результаты. При сравнении регрессионных моделей на стадии ремиссии и четвертой стадии, установлено, что жизнестойкость и стратегия дистанцирования являются предикторами психологического компонента качества жизни женщин больных раком молочной железы на 4 стадии болезни (неблагоприятное течение). На формирование психологического компонента качества жизни большее влияние оказывает жизнестойкость женщин больных РМЖ на 4 стадии (β=0,480; p=0,003), вклад стратегии дистанцирования меньше (β=0,296; p=0,05). На формирование психологического компонента качества жизни женщин больных раком молочной железы на стадии ремиссии (благоприятное течение) большее влияние оказывают жизнестойкость (β=0,297; p=0,017), убеждения женщин о справедливости окружающего мира (β=0,247; p=0,01), личностная беспомощность/ самостоятельность (β= -0,243; p=0,044), меньше вклад у интернальности здоровья (β=0,193; p=0,026).

Заключение: Женщины с раком молочной железы, имеющие различное симптоматическое протекание болезни отличаются между собой психологическими компонентами качества жизни и их предикторами. Благоприятное течение рака молочной железы связано с жизнестойкостью и убеждением женщин в справедливости окружающего мира, самостоятельностью, интернальностью здоровья. Поэтому при прогнозировании течения болезни и планировании методов лечения

раковой патологии молочной железы следует принимать во внимание данные особенности больных.

1. Березовская Р. А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. №1.
2. Tsiring D.A., Evstafeeva E.A., Ponomareva I.V., Sizova Y.N. Subject and personal particularities of women having various stages of breast cancer // Electronic Journal of General Medicine. 2019. Vol. 16 (6). Article No: em150.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00426

Хафизова В.Р.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Репрезентация телесности в социальных медиа

Тело, телесность, социальные медиа, репрезентация

В современных научных подходах тело рассматривается как социокультурный феномен, или социальный конструкт, который формируется «в процессе взросления, социализации и принятия личностью определенных социокультурных норм» [1, с. 52]. Основным источником этих норм являются медиа. В медиапространстве транслируются самые разнообразные представления о телесности. Прежде всего активно транслируется нормативный или «правильный телесный образ», когда популярные блогеры, медиаперсоны демонстрируют образы идеального тела, созданного иногда с помощью пластических операций, кроме того, множество сообществ и авторов в социальных сетях создают контент, посвященный практикам конструирования «востребованного» тела: популяризация фитнес-тренировок, правильного питания, косметологических и пластических процедур. Навязывание стандартов красоты является одной из причин «нормативного недовольства», которое приводит к «интернализации навязываемых недостижимых идеалов и заставляет негативно относиться к своему телу» [2]. В то же время с помощью СМИ, социальных сетей, кино, рекламы активно внедряются образы новых тел, ранее считавшихся «ненормативными», сюда можно отнести трансгендеров, полных или, наоборот, худых людей, инвалидов, людей с татуированными лицами и т.д. Но, несмотря на множественность визуальных репрезентаций, они продолжают во многом определяться современной системой культурных кодов [3].

При этом в медиапространстве наблюдаются тенденции активной рефлексии молодежи на тему тела и телесности. В своих публикациях в TikTok, Instagram (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в России), на YouTube молодые авторы дают советы по работе с критикой в адрес своей внешности, рассуждают о бодипозитиве, о принятии своего тела, об ощущении комфорта в своем теле, о важности ресурсного состояния тела. Тема ресурсности наиболее актуальна сегодня, так как это состояние характеризуется наличием у человека сил и мотивации для какой-либо деятельности, взаимодействия с окружающими, когда человек чувствует себя наиболее функциональным, то есть способным решать задачи любой сложности.

Такая рефлексия позволяет формировать ответственное отношение к своему телу и осознанную заботу о нем. Таким образом, если сфокусироваться не на внешнем облике тела, а на его возможностях, станет легче противодействовать давлению социальной среды, навязывающей нереалистичные идеальные образы.

1. Меренков, А. В. Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация / А. В. Меренков,

Н. Л. Антонова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. — 2018. — Т. 13, № 1 (173). — С. 51–58.
2. Мешкова, Т. А. Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии / Т. А. Мешкова. — Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология. — 2021. — Т. 10. — № 2. — С. 55–69.
3. Дроздова, А. В. Трансформация тела в современной медиакультуре / А. В. Дроздова, Е. В. Власова. –Текст : непосредственный // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перелыгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. — С. 272–279.

Исследование проведено при поддержке совместного гранта РНФ и Правительства Свердловской области № 22-28-20365

Ходырева Н.В., Никифорова К.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Семейные отношения, неблагоприятный детский опыт и расстройства пищевого поведения у девушек

Расстройства пищевого поведения, семейная дисфункция, психотравмирующий опыт, тревога, насилие в детстве.

Проблема расстройств пищевого поведения (РПП) актуальна в связи с ее распространенностью (не менее 9% людей в мире страдает РПП [3]), ростом заболеваемости и высоким процентом смертности (2 место среди всех психических расстройств [5]) по причине соматических осложнений и суицида. Существует многообразие типов РПП, выделенных в МКБ-11 и DSM-5 и их субклинических форм. Основными типами являются нервная анорексия и булимия [4]. РПП развивается в результате комплексного влияния биологических, социальных и психологических факторов, отмечается особая роль семейного фактора [1]. Гендерная асимметрия в симптомах РПП (95% — молодые девушки [2]) и противоречивые результаты исследований побудили на проведение данного исследования с участием 239 девушек от 15 до 30 лет.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей семейных отношений в детстве и психологически травмирующего детского опыта у девушек с симптомами РПП. Были поставлены следующие задачи: выявление поведенческих симптомов и личностных характеристик, связанных с РПП; определение особенностей семейных отношений; анализ взаимосвязей между семейными дисфункциями, психотравмирующим детским опытом и выраженностью признаков РПП; выявление различий в семейных отношениях между группами девушек с разным уровнем выраженности симптомов; проведение качественного анализа высказываний, характеризующих отношение к матери, отцу и семье в целом у участниц с высоким уровнем выраженности РПП. Использовались методики: «Шкала оценки пищевого поведения» О.А. Ильчика; 2) «Семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой; 3) Международный опросник «Неблагоприятный детский опыт»; 4) «Анализ семейной тревоги» Э. Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса; 5) «Незаконченные предложения» Дж. Сакса, С. Леви, а также авторская анкета. Выборка была разделена на 3 группы (низкий, средний и высокий риск РПП) с помощью кластерного анализа. Проводились корреляционный (r-Спирмена), сравнительный (U-Манна-Уитни) и качественный анализ.

Результаты показали, что критика, элиминирование эмоций, фокус на внешнем благополучии в родительской семье, неблагоприятный опыт детства, семейно-обусловленные тревога, вина и напряженность коррелируют с выраженностью признаков РПП ($p \leq 0{,}01$). Сверхвключенность, семейный перфекционизм связаны со стремлением к худобе, неэффективностью, перфекционизмом и интроцептивной некомпетентностью ($p \leq 0{,}01$). Группы девушек с низким и высоким риском РПП различаются ($p \leq 0{,}01$) по всем шкалам

опросников АСТ, НДО и СЭК, кроме индуцирования тревоги и фиксации на негативных переживаниях в семье. Девушки с выраженными признаками РПП преимущественно негативно оценивают свое отношение к матери, отцу и семье в целом (часто отмечают безучастность отца в жизни дочери и его алкогольную зависимость; плохие отношения с матерью, без близости и взаимопонимания, частые ссоры; многие описывают семью, как неполноценную, холодную, ненормальную, отмечая частые ссоры и физическое насилие в семье). Полученные выводы позволяют предположить влияние фактора семейных отношений на развитие РПП и подчеркивают необходимость лечения и профилактики РПП в рамках семейной психотерапии.

1. Малкина–Пых, И. Г. Терапия пищевого поведения / И. Г. Малкина–Пых. — Москва: Эксмо, 2007. — 1040 с.
2. Скугаревский, О. А. Нарушения пищевого поведения: монография / О. А. Скугаревский. — Минск: БГМУ, 2007. — 340 с.
3. Arcelus J. Mortality rates in patients with Anorexia Nervosa and other eating disorders / J. Arcelus, A. J. Mitchell, J. Wales, S. Nielsen // Archives of General Psychiatry. — 2011. — Vol. 67, №7. — P. 724-731.
4. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5 / American Psychiatric Association. — 5th ed. — London: American psychiatric publishing, 2013. — 947 p.
5. Chesney, E. Risks of all-cause and suicide mortality in mental disorders: a meta-review. / E. Chesney, G. M. Goodwin, Fazel, S. // World Psychiatry. — 2014. — Vol. 13, №2. — P. 153-160.

Черных А.М., Кольцова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова

Переживания беременных женщин, инфицированных вирусом иммунодефицита, требующие внимания психолога

ВИЧ, беременность, стигма, переживание

С самого начала эпидемии ВИЧ/СПИДа проблема профилактики перинатальной передачи ВИЧ привлекает к себе большое внимание научного сообщества и практической медицины, создаются и регулярно обновляются клинические рекомендации по ВИЧ-инфекции при беременности. Не смотря на явные достижения, случаи передачи ВИЧ от матери ребенку по-прежнему встречаются, что может быть связано с неосведомленностью беременной женщины и ее партнера или недопониманием ими сути рекомендуемых профилактических мероприятий, например, важности регулярной и непрерывной антиретровирусной терапии (АРТ). Особенно опасным для состояния ВИЧ-инфицированной беременной является феномен скрываемой стигмы, который мешает принять свой диагноз ВИЧ-инфекция, обращаться за помощью. Во избежание обесценивая со стороны других, даже самых близких людей, ВИЧ-инфицированные стараются скрыть свой ВИЧ-статус. Скрываемая стигма приводит к состоянию глубокой когнитивной активации, растущему напряжению. (Бовина И.Б., 2019) Поэтому скрываемую стигму необходимо выявлять, чтобы обеспечит не только профилактику передачи ВИЧ ребенку, но и предупреждение негативных психологических последствий для будущей матери.

Цель нашего исследования — путем анкетирования ВИЧ-инфицированных беременных, участвующих в интернет-консультировании, исследовать их актуальные переживания, связанные с заболеванием и скрываемой стигмой. Результаты анкетирования мы подвергли статистическому анализу, для определения наличия связи и ее силы между полученными качественными данными использовали критерий хи-квадрат Пирсона. Средний возраст участниц 35 лет. 81% женщин раскрыли свой диагноз партнерам, 30,2% которых не знают своего ВИЧ-статуса. В 54,8% случаев предстоящие роды будут первыми, в 22,6% — не первыми, но впервые на фоне ВИЧ-инфекции, и в 22,6% — были роды при ВИЧ. Вопросы анкеты позволяют сделать вывод, что 34% женщин слабо осведомлены о ВИЧ-инфекции и ее лечении.

Варианты ответов на вопрос «Что для вас сейчас важно?» по частоте выбора распределились следующим образом: «Что делают врачи и, что можете сделать Вы сами, чтобы ребенок был здоровым?» выбрали 66% участниц; «Наблюдение ребенка в Центре СПИД» — 58,5%; «Может ли ВИЧ-инфицированная женщина выбрать роддом?» — 41,5%; «Что сказать родственникам, почему Вы рожаете в инфекционном отделении и почему не кормите ребенка грудью, если вы не сообщали им о своем ВИЧ-статусе?» — 37,7%; «Информация о лечении ВИЧ-инфекции» — 15,1%; «Как строить отношения супругам с разным ВИЧ-статусом?» — 5,7%

Большинство участниц переживают о здоровье будущего ребенка, о том, как защитить ребенка от инфицирования ВИЧ, можно ли избежать стигмы, в том числе и в отношении ребенка. Ведь родильный дом, специализированный по инфекционному профилю, и посещение Центра СПИД с ребенком может стать заметным для родных.

Выбор последнего варианта «Что сказать родственникам, почему Вы рожаете в инфекционном отделении и почему не кормите ребенка грудью, если вы не сообщали им о своем ВИЧ-статусе?» наиболее ярко указывает на обеспокоенность беременных женщин в отношении их страха раскрытия диагноза, атрибута стигмы, которая до определенного момента не заметна даже для близких людей. Этот вариант чаще выбирали участницы в возрасте до 35 лет, чем пациентки более старшего возраста (65% против 33%, p=0,025), женщины, впервые ожидающие роды, в сравнении с теми, у кого был опыт родов (75% против 42%, p0,05). Женщины, выбравшие этот вариант ответа, чаще повторно посещали занятия для ВИЧ-инфицированных беременных.

Психологические вмешательства в отношении ВИЧ-инфицированных беременных важны, чтобы облегчить переживания, связанные со скрываемой стигмой, улучшить понимание необходимости профилактических мер, снизить эмоциональное напряжение, психологически подготовиться к родам.

1. Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778.shtml (дата обращения: 20.04.2022).

КАРЬЕРА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКА В ОРГАНИЗАЦИИ

Волкова Н.В., Плахотник М.С.
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ

Самомониторинг как предиктор инновационной компетентности студентов

Самомониторинг, инновационная компетентность, студенты

Турбулентная среда, которая стала неотъемлемой частью современного мира, требует от личности новых навыков и компетенций. Особенно остро это ощущается в организациях, где процессы меняются быстро и нужно принимать решение, зачастую не обладая полной информацией. Соответственно, работодатели ожидают выпускников готовых по своим личностным и профессиональным качествам к работе в новых реалиях. В этом ключе развитие инновационной компетентности, которая включает в себя такие компетенции как креативность, критическое мышление, работу в команде, инициативность и формирование сети социально-деловых связей (Keinänen and Kairisto-Mertanen, 2019), может стать конкурентным преимуществом человека как на рынке труда, так и в части адаптации к новым социальным условиям жизни. Инновационная активность имеет не только экономическое, но и социально-психологическое содержание и предполагает наличие у индивида определенных личностных качеств (Воцкий, 2014). В этой связи такая социально-психологическая характеристика личности как самомониторинг, суть которой заключается в способности индивида регулировать (контролировать и подстраивать) свою самопрезентацию и экспрессивное поведение руководствуясь социальными и ситуационными сигналами (Волкова and Чикер, 2018), может быть предиктором инновационной компетентности.

Цель исследования — определить значения самомниторинга в структуре инновационной компетентности студентов, обучающихся по менеджериальным специальностям на программах бакалавриата. Основная гипотеза исследования: существует взаимосвязь между инновационной компетентностью студентов и их уровнем самомониторинга как индивидуальной характеристикой личности, демонстрирующей способность к самоконтролю экспрессивного поведения. В исследовании приняли участие 247 студентов в возрасте от 18 до 21 года, обучающихся с первого по третий курс на программах бакалавриата в университетах Санкт-Петербурга. Онлайн опрос был проведен с использованием методики по оценке уровня самомониторинга М. Снайдера и европейского опросника

«Модель оценки и развития инновационной компетентности» (FINCODA), который был адаптирован в ходе исследования к российской выборке с сокращением количества утверждений с 34 до 25 посредством конфирматорного факторного анализа ($\chi 2 = 476{,}167$; df = 259; RMSEA = 0,058; SRMR = 0,061; CFI = 0,908; p 0,001). Авторы назвали новый опросник «Инновационная компетентность».

Регрессионный анализ показал, что уровень самомониторинга положительно и статистически значимо влияет на все пять измерений инновационной компетентности (креативность (β=0,12; p=0,005), критическое мышление (β=0,12; p=0,003), работа в команде (β=0,07; p=0,022), формирование сети социально-деловых связей (β=0,06; p=0,011) и инициативность (β=0,07; p=0,003)). Чем выше уровень самомониторинга, тем более выражены компоненты инновационной компетентности. При сравнительном анализе были установлены статистически значимые различия между юношами и девушками ($t(245)=2{,}25$, p=0,025), молодые люди проявили большую гибкость при социальном взаимодействии (M=10,43, SD=3,32) по сравнению с девушками (M=9,44, SD=3,27). Опросник «Инновационная компетентность» может использоваться как университетами, так и организациями для оценки профиля инновационной компетентности. В совокупности с оценкой уровня самомонтиронга возможно определить зоны для развития инновационного потенциала сотрудников и студентов.

1. Волкова, Н.В., Чикер, В.А., 2018. Карьерные установки студентов стратегически перспективных направлений обучения. Социальная психология и общество 9, 90–107.
2. Воцкий, А.З., 2014. Психолого-педагогическая модель готовности выпускника вуза к инновационной деятельности. Фундаментальные исследования 8–7, 1653–1657.
3. Keinänen, M.M., Kairisto-Mertanen, L., 2019. Researching learning environments and students' innovation competences. ET 61, 17–30.

Гогицаева О.У.
Владикавказ, СОГУ им. К.Л.Хетагурова

Джимиев П.Р.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

«Окно» организационных изменений и новых возможностей

Экономический кризис, банкротство, закрытие бизнеса, экономические уровни, эффективность труда

Мир уже не будет прежним, а мы не останемся такими, как были раньше. Пандемия и последствия экономического кризиса явилась мощным импульсом к изменениям в организации рабочего места сотрудника, социального пространства, межличностных отношений и формата работы. Последствия любого кризиса проявляются на следующих уровнях: экономическом — закрытие бизнеса, банкротство, сокращение объема производства и т.д.; социальном — сокращение рабочих мест, безработица, социальная дифференциация общества, расслоение и т.д.; психологическом — разочарование, потеря смысла, депрессия, страхи, неуверенность, неопределённость и т.д. Перечисленные три уровня затрагивают основные сферы жизнедеятельности сотрудника: так, например, на социальном уровне рушится привычный и выстроенный образ жизни, система отношений, система «работа-дом» или «дом-работа» и т.д. На биологическом уровне существует высокая угроза жизни и здоровью людей. Экзистенциальный затрагивает смыслы, базовые ценности, философские вопросы.

До недавнего времени были распространены суждения о том, что наиболее эффективным является форма занятости сотрудника с 9 до 18 часов, под постоянным наблюдением и контролем начальства. Трансформация рабочих мест привела не только к изменению формата работы (временного диапазона), но к трансформации бизнес-процессов организации, включая гендерные аспекты работы. Произошёл переход от оценки количества затраченного времени к эффективности труда [1]; переход в мир цифрового общения и коммуникаций; появились легкие и доступные инструменты общения. Открылось «окно» возможностей, несмотря на негативные последствия кризиса. Умение извлекать положительные моменты, новый опыт из любого кризиса, и способность адаптироваться, извлекая опыт и знания, влияет на изменение всех трансформационных процессов, включая привычный образ жизни, выстраивание трудовых отношений, рабочего пространства [2]. В результате, происходит устранение информационной асимметрии как по вертикали власти, так и по горизонтали [3]. В связи со сказанным, появилась тенденция на опережающее управление информацией, когда сотрудники стремятся оперативно реагировать на возникшие трудности до того, как они могут стать серьёзными помехами в работе. Сотрудники, например, заранее информируют руководство о слабом сигнале Wi-Fi, сложностях в использовании видео и т.д., с целью предупредить возникновение коммуни-

кативных барьеров. Появились новые требования к сотрудникам со стороны организации: высокая скорость работы и гибкость, приспособление к режиму работы 7/24, высокий уровень кросс-функционального взаимодействия, новый уровень коммуникативной креативности. Также хотелось отметить высокий уровень кросс-функционального взаимодействия между сотрудниками разных подразделений, которые становятся более вовлеченными в процесс совместного решения производственных задач.

Несмотря на масштабные организационные изменения, цифровизацию, техническую оснащенность и ускорение коммуникационных потоков, возможен отток или возврат к элементарным основам человеческого общения (не цифрового), будет наиболее востребован набор так называемых Soft-skills, когда приоритетными будут не только знание и умение подключить и настроить технику, но и способность установить контакт, умение слушать и понимать партнера по общению, извлекать основной смысл, владение техниками активного слушания, управление собственными эмоциями, показатель эмоционального интеллекта и культура общения. Социально-психологические знания после выхода из кризиса станут наиболее востребованными и необходимые в профессиональной работе современного сотрудника, так как помогут многим людям найти себя, что-то изменить в себя, понять себя и найти ответ на вопрос — ради чего стоит жить?

1. Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Гуриева С.Д. Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины: постановка проблемы // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 1. С. 44-52.
2. Почебут Л.Г., Гуриева С.Д., Чикер В.А. Прогностическая модель социально-психологических факторов укрепления доверия в организации // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 22-42.
3. Gurieva S.D., Zashchirinskaia O.V., Udavikhina U.A. Creation of coping-profiles of managers for obtaining methods of coping in socially significant situations during negotiations // Journal of Intellectual Disability — Diagnosis and Treatment. 2019. Т. 7. № 3. С. 179-187.

Завьялова Е.К., Посохова С.Т.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Самооценка личностных свойств обучающихся в зрелом возрасте в сфере менеджмента

Самооценка, зрелый возраст, образование, дополнительное обучение , менеджмент

Дополнительное образование в зрелом возрасте представляет собой многомерный процесс, обусловленный системой социальных и психологических факторов. В число непременных психологических условий успешного освоения трудоемких, информационно насыщенных программ переобучения входит самооценка личности. Ее психологический смысл, функции и возможности развития изучены подробно и разносторонне. Однако остается открытым вопрос о роли самооценки в структуре личностного потенциала обучающихся зрелого возраста, которые по собственной инициативе и с собственными финансовыми затратами выбирают путь переобучения, уже имея одно образование и определенные карьерные достижения.

Цель исследования заключалась в определении особенностей самооценки личностных свойств и ее роли в организации личностного потенциала дополнительного образования в зрелом возрасте в сфере менеджмента. В исследовании участвовало 324 человека в возрасте 28–40 лет, обучавшиеся в течение двух лет на программе «Мастер делового администрирования — Master of Business Administration (BMA)» в Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Для определения личностных свойств использовался опросник Р. Кэттелла (форма А). Модель Кэттелла стала основанием для самооценки личностных свойств в виде их шкалирования от 1 до 10. Каждый респондент оценивал выраженность личностного свойства у себя, отмечая соответствующую цифру на шкале.

Ранее было показано, что для успешного дополнительного обучения в сфере менеджмента наиболее значимы такие личностные особенности, как экстравертированность, исполнительская ответственность, социальная чувствительность, аналитичность и системность мышления, эгоцентрическое лидерство (Завьялова, Посохова, Лисовская, Соколов, 2021). Согласно статистическому анализу, самооценка не противоречит полученным результатам. Слушатели видят себя стремящимися к межличностным контактам и способными к доброжелательным отношениям с окружающими людьми, умеющими разрешать непродолжительные конфликты. Они оценивают себя способными к решению сложных интеллектуальных задач, с широкими интеллектуальными интересами. В комфортных ситуациях для них большую субъективную значимость представляют дисциплинированность и волевой контроль собственных действий, умение. преодолевать неорганизованность, логически завершать начатое дело. Слушатели воспринимают себя с себя как самостоятельных, стремящихся к лидирующему

положению в группе, чувствующих все нюансы и скрытые механизмы межличностного взаимодействия.

Результаты факторного анализа показали интеграцию самооценки, объективно оцениваемых личностных свойств (опросник Кэттелла) и типичных для личности способов организации поведения. При этом самооценке принадлежит роль гармонизации проявлений личностного потенциала обучающихся. Среди слушателей выявлена группа (10% обучающихся) с согласованной экстравертированностью, у которых ориентация на внешний мир, на доброжелательное общение с людьми, уверенность в себе и оптимистический взгляд на мир, проявляющаяся в поведении, совпадают с аналогичными представлениями о себе. Согласованная эмоциональная неустойчивость также отражается в самооценке и поведении (6% обучающихся). У ряда слушателей самооценка ответственности и волевого самоконтроля согласуется с ответственным поведением и выполнением своих обязательств. Согласованная рациональная самоорганизация встречается у 6% обучающихся. Интеграция самооценки эмоциональной чувствительности, проявляемого стиля принятия решения и роли в командной работе формирует согласованное эмоциональное принятие решений. (5% обучающихся).

Можно заключить, что в зрелом возрасте самооценка личностных свойств представляет собой своеобразный психологический механизм выбора дополнительного образования в сфере менеджмента. Его использование позволяет соответствовать профессиональному сообществу и продвигаться по пути карьерного развития.

1. Завьялова Е.К., Посохова С.Т., Лисовская А.Ю., Соколов Д.Н. Кто в России учится управлению: особенности личности слушателей образовательных программ «Мастер делового администрирования» // Организационная психология, 2021. Т. 11. № 1. С. 162-187.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00427

Калеменева М.П., Богданова М.В.
Тюмень, ФГАОУ ВО ТюмГУ

Различия в социально-психологических характеристиках руководителей на муниципальной службе как фактор повышения деловой репутации

Муниципальная служба, руководители, социально-психологические характеристики, пол

Деловая репутация является немаловажным компонентом в построении успешной профессиональной карьеры муниципального служащего. В последние годы понятие «репутация» изучается исследователями из различных областей наук. В психологии существуют работы, посвященные исследованиям репутации политических лидеров, технологиям формирования и управления репутацией. Так, например, С.В. Сеин исследовал деловую репутацию государственных служащих, выделяя ряд признаков, которые способствуют формированию положительной репутации [1]. Стоит отметить, что орган муниципальной власти — организация, целью которой является поддержание высокого уровня жизни граждан города. Для данной организации наиболее важным является наличие высокого уровня репутации именно среди населения. Но как правило упускается немаловажный фактор, что репутации организации чаще всего формируется за счет репутации ее сотрудников, непосредственно взаимодействующих с клиентами (гражданами). Такими сотрудниками часто оказываются руководители различных подразделений.

Репутация руководителя на муниципальной службе состоит из нескольких компонентов, таких как управленческий, экспертный или личностный. На наш взгляд еще одним немаловажным является гендерный аспект. Целью нашего исследования стало изучение социально-психологических характеристик руководителей с разным уровнем репутации внутри организации и в зависимости от пола. В качестве выборки выступили 238 руководителей и руководительниц различных подразделений Администрации города Тюмени в возрасте от 25 до 60 лет. В качестве методики для исследования репутации была взята разработка компании BSSL под название «Азимут 2.0». Это авторская методика, основанная на методе «360 градусов». По итогам данного исследования все руководители были разделены на три группы по уровню репутации. Для изучения социально-психологических характеристик руководителей был собран комплекс методик, оценивающих мотивационные, интеллектуальные и личностные особенности руководителей. После проведения статистической обработки полученных данных было выявлено несколько социально-психологических характеристик значимо отличающихся у руководителей и руководительниц с одинаковым уровнем репутации. Так, например, у руководителей и руководительниц с высоким уровнем репутации было выявлено две значимых социально-психологических характеристики: активность и дружелюбие.

В результате анализа данных было выявлено, что у руководителей с высоким уровнем репутации уровень активности выражен гораздо сильнее, чем у руководительниц. Это говорит о том, что мужчины чаще всего в работе применяют активную стратегию поведения, более инициативны и готовы к риску. В тоже время женщины применяют более пассивную стратегию поведения, они более осторожны и нерешительны. Обратный результат получился по характеристике дружелюбие. В данном случае наиболее выраженные показатели были выявлены у руководительниц. Это говорит о том, что женщины при взаимодействии с окружающими проявляют большую отзывчивость и вежливость. Руководительницы нацелены на взаимопомощь и поддержку внутри коллектива. В тоже время руководители проявляют скорее недоверчивость и требовательность по отношению к другим людям. Мужчины проявляют большую строгость к коллективу, и готовы отстаивать интересы даже при возможности возникновения конфликтной ситуации.

Таким образом, после анализа всех показателей, выявив ряд значимых различий в выраженности социально-психологических характеристик, мы сможем составить «портрет» руководителя с определенным набором характеристик в зависимости от пола и уровня его репутации внутри коллектива. Это будет полезно в первую очередь для проведения кадровых процедур (назначений, перестановок). На наш взгляд, это позволит снизить репутационные риски органа местного самоуправления.

1. Сеин С.В. Оптимизация деловой репутации государственных служащих (психолого-акмеологический подход) // автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Москва, 2012, 25 с.

Кузнецова И.В., Рыхлицкий А.Б.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности принятия решений в обыденной жизни мужчинами и женщинами

Стиль принятия решений, самосострадание, гендерные различия

Целью нашего исследования стало изучение особенностей принятия решений в обыденной жизни респондентами разного пола. Проверялась гипотеза о связи стилей принятия решений у мужчин и женщин с особенностями самосострадания и личностными особенностями. Для проверки гипотезы были использованы следующие методы: Мельбурнский опросник принятия решений (русскоязычная адаптация Корниловой Т.В.), опросник Кристин Нефф «Сочувствие к себе» (русскоязычная адаптация Чистопольской К.А.) и личностный опросник Р. Кеттелла. Теоретическая основа исследования строилась на теории самосострадания (П.Гилберт, 2020, К.Нефф, 2021, Allen, A. B., & Leary, M. R. (2010). Чоуден, Гилберт П., 21) и особенностей стиля принятия решений (Канеман Д., Словик П., Тверски А., Victor H.Vroom 1973, Robert Tannenbaum, 2008). В исследовании приняло участие 60 респондентов в возрасте 25-55 лет, из которых 65% женщин и 35% мужчин. В исследовании изучались следующие стили принятия решений: бдительность, прокрастинация, избегание и сверхбдительность. Все стили используются одинаково часто ($p>0,05$) по выборке, гендерных различий не выявлено.

Применение регрессионного анализа показало влияние особенностей самоотношения и личностных особенностей на стиль принятия решений. Так на стратегию «бдительность» у мужчин влияют показатели совестливости и экспрессивности. У женщин, наряду с совестливостью оказывает влияние нонконформизм и чрезмерная самоидентификация. Это означает, что, чем более женщина целеустремленна, ответственна и самостоятельна в принятии решения, а также глубоко погружена в собственные переживания в трудных ситуациях, тем более тщательно она подходит к сбору информации, поиску альтернатив для принятия решения и, как следствие, принимают наиболее рациональное решение в сложившейся ситуации. На стратегию «избегание» у респондентов-мужчин влияют такие показатели, как «самоизоляция» и «самокритика». Что позволяет сделать вывод о том, что мужчины, осуждающие свои поступки, промахи, чувствующие одиночество и непохожесть себя на других в трудных ситуациях, стремятся избегать самостоятельных решений. При этом у женщин на стратегию «избегания» влияют такие личностные особенности как робость и высокая самокритика. Это означает, что, чем менее уверена в себе женщина, чем резче она осуждает собственные недостатки, тем сильнее у нее развито желание перекладывать ответственность при принятии решений. Интересно, что робость, низкий самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, внимательность к собственным переживаниям у мужчин проявляется в стратегии прокрастинации. Это говорит о том, что, чем более мужчина неуверен в себе, чем более сдержан и чувствителен к угрозам,

тем чаще он предпочитает отложить принятие решения. У женщин на стратегию прокрастинации влияют низкий уровень самосострадания в целом. Т.е. чем менее критично женщины относятся к собственным неудачам и промахам, тем чаще используют стратегию прокрасцинации. Склонность принимать решения импульсивно (стратегия «сверхбдительность») более характерна для мужчин, склонных осуждать собственные недостатки и несовершенства и у тревожных, ранимых женщин, склонных воспринимающих трудные жизненные ситуации с которыми она столкнулась как уникальные и неповторимые.

Если говорить о некоторых общих результатах по самоотношению мужчин и женщин при переживании трудных жизненных ситуаций, то нами были выявлены гендерные отличия по шкале «Общность» (более выражена для женщин p=0,021) и по шкале «Чрезмерная самоидентификация» (более характерна для мужчин p=0,002). Таким образом женщины при проживании сложных жизненных ситуаций, скорее воспринимают трудности, как неотъемлемую часть жизни с которой сталкиваются все люди, в то время как мужчины переживают их более эмоционально, погружаясь в переживания о трудных ситуациях.

1. Allen, A. B., & Leary, M. R. (2010). Self-compassion, stress, and coping. Social and Personality Psychology Compass, 4(2)
2. Tannenbaum R., Warren H. Schmidt How to Choose a Leadership Pattern (2008)
3. Vroom V. «A New Look at Managerial Decision Making», Organizational Dynamics, vol. 1, no. 4 (Spring 1973)
4. Гилберт П. «Терапия, сфокусированная на сострадании. Отличительные особенности.», Диалектика-Вильямс, 2020
5. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности, Гуманитарный центр, 2005.
6. Нефф К. «Самосострадание. О силе сочувствия и доброты к себе», Манн, Иванов и Фербер 2021
7. Чоуден, Гилберт П. «Осознанное сострадание» (2021)

Маленова А.Ю., Маленов А.А., Трушичкина Ю.А.
Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Уровень субъективного благополучия и карьерные ориентации неработающих и работающих студентов

Психологическое благополучие, субъективное благополучие, карьерные установки, студенческая молодежь, трудовой статус

Благополучие и самореализация стали неотъемлемыми ценностями и атрибутами успешной жизни у молодежи. Закономерно растет число работающих студентов и сокращается количество, вступающих в брак. Но вопрос о зависимости уровня благополучия от сферы реализации человеком своего потенциала до сих пор открыт. Эта ситуация отвечает классической психологии благополучия, раскрывающей его многомерность и динамичность [1], и современной, трактующей его через удовлетворенность внешними и внутренними условиями жизни, а также критерии их оценки [2]. К числу последних можно отнести карьерные ориентации. В нашем поисковом исследовании, направленном на определение особенностей (критерий U Манна-Уитни) и установление связи (критерий rs Спирмена) карьерных ориентаций («Якоря карьеры» Э. Шейна, «Опросник мотивации к карьере» А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубера) и субъективно-психологического благополучия («Шкала психологического благополучия» К. Рифф, «Диагностика субъективного благополучия личности» Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой) студентов 17-23 лет (15 работающих, 66 неработающих), установлено, что 45,7% независимо от трудовой занятости имеет высокий уровень благополучия, и субъективное благополучие выше, чем психологическое (низкие показатели у 11,2% против 36,7%). Студенты ориентированы на личностный рост, подчинение своих поступков социальным нормам и нравственным ценностям. Карьерные ориентации на автономию более выражены у неработающих студентов (при $p \leq 0{,}05$), как и тенденция к стабильности места работы, карьеры, жительства.

Установлены множественные положительные связи компонентов благополучия студентов с их карьерными «мишенями» (при $p \leq 0{,}01$). У работающих «управление средой» связано с ориентацией на «служение», «вызов» и «предпринимательство», а также карьерными «интуицией», «причастностью», «устойчивостью». Последняя связана с «гедонистическим благополучием», а «причастность» с ним и «эмоциональным», «экзистенциально-деятельностным», которые связаны с «карьерной интуицией», «вызовом» и «служением», имеющим связь с «социально-нормативным благополучием». У неработающих «цели в жизни» и «эмоциональное благополучие» связаны с карьерными «интуицией», «причастностью», «устойчивостью». Цели также имеют связь со «служением», «вызовом» и «стабильностью места работы», последние связаны с «самопринятием» и «управлением средой», имеющим связь с «менеджментом». «Карьерная интуиция» связана с «гедонистическим», а «устойчивость» с «нормативным» благополучием, они же коррелируют и с «самопринятием», «управлением средой», «экзистенци-

альным» и «эго-» благополучием, а «личностный рост» — с «причастностью» и «устойчивостью», связанной с «автономией». «Эмоциональное благополучие» связано с «менеджментом» и «предпринимательством», а также «вызовом» и «стабильностью места работы». Последние, связаны с «эго-» и «экзистенциальным» благополучием, которое коррелирует со «служением», «вызовом» и «интеграцией стиля жизни».

Таким образом, карьерные ориентации студентов могут быть обусловлены уровнем их благополучия, реализация которых, в свою очередь, может оказывать и обратное воздействие, стабилизируя (или нет) состояние обучающихся. Большее количество сильных положительных связей изучаемых конструктов у неработающих студентов может косвенно свидетельствовать об их завышенных ожиданиях от будущей профессиональной деятельности, степень реализации которых может оказать влияние на удовлетворенность жизнью. Тогда как их меньшее количество у работающих студентов, скорее, отражает опыт апробации карьерных ориентаций в действительности и их определенную коррекцию.

1. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. Pp. 1069-1081.
2. Шамионов Р.М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2014. № 35(4). С. 68-81.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-20375

Недошивина М.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Просоциальное поведение и общественное здоровье: проблемы, перспективы, уроки пандемии

Просоциальное поведение, социальная психология, психология здоровья, альтруизм, вакцинация, готовность к помощи

Рассмотрение просоциального поведения имеет ряд ключевых и актуальных на сегодняшний день направлений. Одной из перспективных областей успешного приложения результатов фундаментальных психологических исследований можно считать просоциальную психологию здоровья, приобретающую критическое значение в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции и при оценке ее последствий. В данном контексте социальная психология может предложить действенные и эффективные способы работы с такими явлениями, как повышение готовности к вакцинации, донорству и использованию масок и других средств индивидуальной защиты. Все эти аспекты приобрели значительную общественную значимость за последние два года пандемии (Bavel et al, 2020).

Опираясь на полученные ранее данные об альтруизме первого уровня, основанного на нормах взаимности, и второго уровня, опирающегося на искреннюю и бескорыстную заинтересованность в благополучии других людей (Марарица и соавт., 2019), целесообразно предположить, что просоциальность в контексте общественного здоровья может в значительной мере проявляться у личности, демонстрирующей высокие результаты по обоим этим показателям. Для проверки этой гипотезы будет проведено эмпирическое исследование. Кроме того, изучение вклада социальных эффектов при принятии решения о просоциальном поступке представляет немалый исследовательский и прикладной интерес. Это и различные виды прайминга, побуждающие высказывания, моральные суждения самого респондента. Данный подход к оценке готовности к помощи, предполагающий экспериментальную манипуляцию такими, на первый взгляд, эфемерными сущностями, как несколько слов, составленных в нужную комбинацию, в настоящее время распространен в социальной психологии (Capraro et al., 2019). Дискуссионным пока что остается вопрос о том, как сделать полученные эффекты более длительными, потому что оказанное на поведение влияние может действовать относительно короткое время. Наконец, повышенный интерес представляет фактор воспринимаемого личностью позитивного вклада, который она может привнести своими индивидуальными усилиями. Было показано, что ощущение собственной эффективности может в значительной мере способствовать готовности оказывать помощь. Кроме того, важным медиатором этой взаимосвязи выступает плотность населения и сплоченность сообщества, в частности, при принятии решения о вакцинации (Jung, Albarracín, 2021). Этот и другие аспекты рассматриваются целесообразными для дальнейшего рассмотрения.

Результаты предложенного исследования позволят продемонстрировать ряд особенностей просоциального поведения в контексте личного и общественного здоровья. Роль многих факторов, способных оказать сильное и разнонаправленное влияние на характер просоциального поведения в этой области, нуждается в уточнении, а практическую значимость этой темы в настоящий момент трудно переоценить.

1. Мараруица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л. Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктной валидности // Социальная психология и общество. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 157-176.
2. Bavel J.J.V., Baicker K., Boggio P.S. et al. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // Nature human behaviour. — 2020. — Т. 4. — № 5. — С. 460-471.
3. Capraro V., Jagfeld G., Klein R. et al. Increasing altruistic and cooperative behaviour with simple moral nudges // Scientific reports. — 2019. — Т. 9. — № 1. — С. 1-11.
4. Jung H., Albarracín D. Concerns for others increase the likelihood of vaccination against influenza and COVID-19 more in sparsely rather than densely populated areas // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2021. — Т. 118. — № 1. — С. 1-8.

Сивов А.Ю., Мараруца Л.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Личностные черты как фактор субъективной восприимчивости к «подталкиваниям»

Наджинг, личность, персонализация, убеждение

«Подталкивания» (англ. — nudging) — корректировки архитектуры выбора, которые изменяют поведение людей предсказуемым образом, но не приводят к исключению и существенно не меняют варианты выбора [4]. Подталкивания основываются на когнитивных предубеждениях и эвристиках, создавались для стимуляции полезных и правильных решений в интересах человека. Сейчас в прикладных решениях не используется персонализация, но есть основания предполагать, что подталкивания не универсальны и могут вызывать реакции, нуждающиеся в изучении [3]. Исследование возможности персонализации поможет улучшить эффективность подталкиваний и выяснить, какой тип лучшеподходитдля людей с различными чертами личности.

Исследовательский вопрос: изучить, как личностные черты связаны с субъективной восприимчивостью к подталкиваниям. Выборку составили 56 человек от 20 до 45 лет, 79% женщин, 21% мужчин,в основном студенты факультета психологии, большинство с незаконченным высшим образованием. Методы: респонденты заполняли BFI-2-S [1], затем матрицей попарных сравнений изучалась восприимчивость подталкиваний «социальное давление», «инструкции», «страх потери», «раскрытие информации» и «прогрев» [2].Обработка результатов производилась многофакторным дисперсионным анализом ANOVA с целью выявления влияниячерт личности респондентов напредпочитаемое подталкивание.

Дисперсионный анализ показал существенное влияние добросовестности на выбор подталкивания с уровнем значимости p=0.007. Попарные множественные сравнения показали, что люди с низкими показателями по шкале «добросовестность» выбирают подталкивание «страх потери». Наиболее значимые различия в баллах обнаружены для «раскрытие информации» — p=0,008. Значимые различия найдены и с подталкиваниями «инструкции» и «прогрев» — уровни значимости 0,022 и 0,03 соответственно. Среди респондентов с высокими показателями добросовестности не было ни одного, кто предпочел бы «страх потери». При этом, среди респондентов с низкими показателями добросовестности,«страх потери» выбрала половина.

Результаты дисперсионного анализа ANOVA позволяют сделать вывод о том, что черта «добросовестность» оказывает значимый эффект на субъективную восприимчивость к подталкиваниям. Для импульсивных людей эффективно апеллирование к последствиям и потерям от не-выбора. «Раскрытие информации» — подталкивание, которое заключается в подробных, неочевидных описаниях последствий, согласно результатам анализа, может являться эффективным для людей со средними и высокими показателями добросовестности.

Подталкивание«прогрев»,основанное на эвристике доступности, и «инструкции», подсказывающее и сопровождающее выбор,тоже подойдутдля людей со средними и высокими показателями добросовестности, но будут менее эффективны. Подталкивание «социальное давление», заключающееся в сравнении человека с общественными нормами, было привлекательно только для 1 респондента.

Эффект влияния добросовестности на восприимчивость выделился даже на небольшой выборке, что говорит о важности его учета при персонализации подталкиваний. Планируется применение результатов в экологически валидном эксперименте в цифровом сервисе по улучшению психологического благополучия.

1. Адаптация краткой и сверхкраткой версий вопросника BigFive Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / Мишкевич А. М., Щебетенко С. А., Калугин А. Ю [и др.] // Психологический журнал. — 2022. — Т. 43. № 1. — С. 95-108.
2. Mirsch T. Digital Nudging: Altering User Behavior in Digital Environments /Mirsch T., Lehrer C., Jung R //Internationalen Tagung Wirtschaftsinformatik – 2017. P. 634-648
3. Peer E. Nudge me right: Personalizing online security nudges to people's decision-making styles / Peer E., Egelman S., Harbach M. // Computers in Human Behavior — 2020 — T. 109 — 106347
4. Thaler, R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. / Thaler, R., Sunstein C. New Haven: Yale University Press. 2008.

Сорокина И.С., Колесников В.Н., Дударева А.А.,
Чагунава Е.Б., Никифоров Н.А.
Петрозаводск, ПетрГУ

Разработка модели психологического благополучия населения Карелии

Психологическое благополучие, модель психологического благополучия, факторы психологического благополучия

Проблема психологического благополучия является одной из наиболее актуальных проблем психологической теории и психологической практики. Противоречивость результатов исследований психологического благополучия среди зарубежных и отечественных ученых затрудняет разработку эффективных методов повышения психологического благополучия. Отсутствие единого подхода к пониманию психологического благополучия, многообразие моделей осложняет разработку инструментария для измерения благополучия и его компонентов. [1]

В 2022 году в Петрозаводском государственном университете в рамках Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия [2] начата реализация проекта по изучению психологического благополучия населения Республики Карелия. Актуальность исследования определяется отсутствием адекватной и актуальной картины психологического благополучия населения региона, запросами со стороны практической психологии, которая нуждается в надёжных и валидных методиках для диагностики психологического благополучия. Анализ существующих моделей психологического благополучия показывает, что факторы, связанные с регионом проживания никак не отражаются в содержании составляющих благополучие компонентов. В рамках данного проекта были проанализированы модели психологического благополучия двух основных подходов: гедонистического и эвдемонистического. Параметры для оценки психологического благополучия, разработанные на основе этих подходов, были дополнены региональными факторами риска. [1]

В результате была разработана модель психологического благополучия населения Карелии. Графическая репрезентация модели представляет собой круг с 14 секторами, каждому из которых соответствует один из выделенных факторов психологического благополучия: эмоциональное состояние, здоровье, работа, доходы, безопасность, экологическая обстановка, отдых, инфраструктура, наличие цели в жизни, положительные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самопринятие, автономия. На основе разработанной модели создана методика для оценки уровня психологического благополучия жителей Республики Карелии, позволяющая проводить исследование психологического благополучия населения в разных районах Республики Карелия. Модель психологического благополучия населения Карелии, методика для его диагностики и результаты исследования будут представлены на конференции. Методика для измерения

уровня психологического благополучия, учитывающая региональные факторы риска, будет размещена на портале «Психологическое благополучие населения Карелии», который позволит оперативно проводить диагностику уровня психологического благополучия, получать первичную психологическую помощь в виде рекомендаций и информацию об организациях, в которые можно обратиться за помощью к специалисту. Также на портале будут размещены психологические статьи, ссылки на видеоматериалы и лекции, что будет способствовать психологическому просвещению населения.

Следует признать, что из-за недостаточного числа специалистов и слабого развития психологических служб система психологической помощи в Карелии малоэффективна. Использование портала «Психологическое благополучие населения Карелии» может обеспечить доступность для населения Республики ресурсов для повышения уровня психологического благополучия, даст руководству Республики возможность реагировать точечно, проводить мониторинг благополучия, оценивать эффективность мер, принимаемых для повышения уровня психологического благополучия населения Карелии.

1. Бондаренко М. В. Теоретические подходы к пониманию психологического благополучия личности // Молодежь и наука : мат-лы VI Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2011.
2. Гранты Главы Республики Карелия — 2022. — Текст : электронный // Программа поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/page/aggr/program_niokr?ysclid=l3varkeekg (дата обращения: 30.05.2022).

Титова О.И.
Красноярск, СибЮИ МВД РФ, КГПУ им. В.П. Астафьева

Эмпирическая модель структуры социального взаимодействия в контексте изучения конкуренции и партнерства

Социальное взаимодействие, структура взаимодействия, конкуренция, партнерство, модель взаимодействия, психологические механизмы

Социальное взаимодействие является ключевым объектом социальной психологии, вместе с тем в эмпирическом исследовании это явление в силу своей многоаспектности и процессуального характера достаточно сложно поддается измерению и описанию. Представляемые результаты изучения структуры взаимодействия получены в рамках исследования роли гендера в социальном взаимодействии.

Концептуальной основой отбора параметров для изучения социального взаимодействия стали работы Т. Парсонса, Э. Шилза и Б.Ф. Ломова [1]. Для выявления его структуры проведен опрос (N=264), в котором изучались эмоциональность — рациональность, ориентация на свои цели — ориентация на других людей, осознанность — спонтанность, доминирование — подчинение, принципы взаимодействия, частота конкуренции и партнерства, инициативность — реактивность, сдержанность — непосредственность, следование принципам — ситуативность, оценка по статусу — оценка по поступкам и др. Математико-статистические методы: факторный анализ по методу главных компонент с применением вращения Varimax; моделирование структурными уравнениями с использованием SPSS Amos 27.0.

Анализ 12-факторного решения (59,56% дисперсии) позволил выделить следующие ключевые компоненты в структуре социального взаимодействия: принципы и правила в партнерстве (2,7); подчинение и безынициативность во взаимодействии (2,4); конкуренция и доминирование во взаимодействии (2,2); эмоциональная насыщенность и спонтанность взаимодействия (2,0); принципиальность во взаимодействии (1,8); эгоцентричность и ориентация на текущую ситуацию (1,7); конкретность и ясность во взаимодействии, учет поступков других людей (1,7); взаимосвязанность взаимодействия в разных сферах (1,7); сдержанность, отличия взаимодействия в разных сферах, ориентация на окружающих (1,7); зависимость взаимодействия от отношения со стороны других людей, соревновательность (1,7); рациональность и польза от взаимодействия (1,6); спланированность взаимодействия, отсутствие в нем спонтанности (1,5). Пригодность статистической модели социального взаимодействия оценивалась по 6 индексам. Индексы полученной нами модели указывают на ее хороший уровень пригодности, хорошее согласие модели для отражения структуры социального взаимодействия: 1) критерий $\chi 2$=76,685; 2) отношение CMIN/DF=1,632; 3) Goodness-of-Fit Index GFI=0,954; 4) Adjusted Goodness-of-Fit Index AGFI=0,923; 5) RMSEA=0,049; 6) PCLOSE=0,51.

Проанализируем содержание выделенных факторов в качестве регуляторов ранее описанных нами типов социального взаимодействия [2]. Это позволит лучше понять психологические механизмы, лежащие в основе регуляции социального взаимодействия. Тип социального взаимодействия зависит от того, направлено ли взаимодействие на интеграцию (партнерство) или дифференциацию (конкуренцию) ее участников, ориентированы ли участники взаимодействия на ресурсы или на отношения с другими людьми. Это определяет 4 возможных типа: конкуренция за ресурсы, конкуренция-соревнование за личные достижения, технико-экономическое партнерство, личностноориентированное партнерство. Так, в регуляции технико-экономического партнерства участвуют факторы «рациональность и польза от взаимодействия» и «спланированность взаимодействия, отсутствие в нем спонтанности». Для реализации личностноориентированного партнерства значимы: принципы и правила в партнерстве; конкретность и ясность во взаимодействии, учет поступков других людей; сдержанность, отличия взаимодействия в разных сферах, ориентация на окружающих. В качестве регуляторов конкурентного взаимодействия выступают следующие факторы. Конкуренция за ресурсы обеспечивается эгоцентричностью и ориентацией на текущую ситуацию, рациональностью и пользой от взаимодействия. Конкуренция-соревнование за личные достижения регулируется механизмами, лежащими в основе факторов «конкуренция и доминирование во взаимодействии», «эмоциональная насыщенность и спонтанность взаимодействия», «зависимость взаимодействия от отношения со стороны других людей, соревновательность».

1. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984.
2. Титова О.И. Гендерные различия в отношениях российских предпринимателей к конкуренции и партнерству. Автореф. дисс… канд. психол. наук. М., 2007.

Шамионов Р.М.
Саратов, ФГБОУ ВО "СГУ им. Н.Г.Чернышевского"

О некоторых эффектах социальной активности молодежи

Социальная активность, личность, эффекты, идентичность, неопределенность.

Многочисленные исследования социальной активности молодежи посвящены изучению ее структуры и разнообразных факторов. Между тем, сама социальная активность также порождает определенные личностные образования. Вполне очевидно, что поведение взрослых несет на себе отпечаток навыков и ценностей, усвоенных в процессе социальной активности в юности и молодости. В этом смысле социальная активность является своеобразной сферой социализации личности. Цель данного исследования — изучить социально-психологические эффекты социальной активности молодежи. В исследовании приняли участие 423 человека в возрасте 18-27 лет средний возраст M=20,8, SD=2,7 (мужчин 46,3%, женщин — 53,7%), имеющих среднее и высшее образование. Методики. Использованы анкета, включающая прямое шкалирование приверженности к различным формам социальной активности, разработанная коллективом авторов (Шамионов и др., 2020), методика гражданской идентичности А.Н. Татарко (2015), шкала оценки социально-ориентированной активности Шамионова-Григорьевой (Шамионов, Григорьева, 2019). Использованы также шкалы религиозной идентичности и переживания неопределенности.

Результаты. Для установления роли социальной активности в различных социально-психологических характеристиках личности нами использован регрессионный анализ, в котором в качестве независимых переменных вводились формы активности, а в качестве зависимых, — гражданская и религиозная идентичность, толерантность к неопределенности, ценности и установки доверия к источникам информации. В результате исследований установлено, что вариации гражданской идентичности объясняются приверженностью к гражданской (β=345), политической (β=-225) и протестной (β=-135) активности [R=0.16; F=19,7, p=0.001]. Это значит, что включенность в гражданскую активность при отвержении участия в политической и протестной активности способствует проявлениям гражданской идентичности. Религиозная идентичность объясняется совместным эффектом ряда форм активности, среди которых религиозная (β=251), духовная (β=109), гражданская (β=-138), альтруистическая (β=126) и радикально-протестная (β= 103) активность. Из этих данных следует весомая роль в поддержке приверженности к религии не только религиозной и духовной активности, но и альтруистической и радикально-протестной [R=0.13; F=12,47, p=0.001]. Гражданская активность здесь вступает в противоречие с религиозной идентичностью, что может быть связано с сохраняющейся убежденностью в фундаментальном различии между гражданственностью и религиозностью, несмотря на достаточно длительные усилия их интеграции в обществе. Чувство неопределенности провоцируется интернет-сетевой (β=238) и досуговой (β=141) активностью, а придает уве-

ренности, определенности в текущей ситуации образовательно-развивающая (β=-215) и гражданская (β=-124) активность [R=0.10; F=11,44, p=0.001]. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что практически нормативная образовательная и гражданская для молодежи активность придают больше уверенности в настоящем, возможно, за счет определенности, однозначности поступающей информации и, напротив, плюрализм, с которым сталкиваются молодые люди в интернет-среде и свобода самовыражения в досуговой активности способствуют переживанию неопределенности. Социально-ориентированная активность, основанная на четких и ясных убеждениях, объясняется приверженностью к таким формам социальной активности, как образовательно-развивающая (162), гражданская (196), досуговая (169) и альтруистическая (149) [R=0.20; F=18,67, p=0.001]. Иначе говоря, участие в организованных (в условиях образовательных сред) формах активности способствует продвижению социально-нормативной активности, представленной и когнитивными, и эмоциональными, мотивационными и поведенческими компонентами.

Таким образом, эффектами социальной активности выступаюттакие личностные образования, которые являются ведущими регуляторами просоциального поведения.

1. Шамионов Р.М., Григорьева М.В. (2019) Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41.
2. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд дом ВШЭ, 2011. 163 с.
3. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В., Арендачук, И.В., Бочарова, Е.Е., Усова, Н.В., Кленова, М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности. Москва: Перо, 2020. 200 с.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00298

Яничева Т.Г., Шулым Ю.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Социальный запрос на креативность как фасилитатор и ингибитор творческого процесса

Креативность, социальный запрос, фасилитация и ингибиция творческих решений

К настоящему времени произошла эволюция моделей креативности, все большее внимание уделяется социальному контексту [2,5]. Социальный запрос на креативность можно определить как требование (пожелание) со стороны различных социальных институтов на производство креативного продукта. В силу возрастания неопределенности, динамичности и изменчивости среды такой запрос проникает практически во все сферы жизнедеятельности личности [1,3,4,]. Социальный запрос может выступать ингибитором или фасилитатором творческого потенциала личности и это влияние обусловлено личностными особенностями.

Целью исследование стало изучение фасилитирующего или ингибирующего влияния социального запроса на проявление креативности в связи с индивидуальными особенностями личности. Выборку исследования составили 27 мужчин и 49 женщин от 18 до 77 лет. В экспериментальную группу вошли 37 человек, в контрольную 39. Группы были выровнены по возрасту, а также по исходным показателям креативности. Методики исследования: 2 субтеста из батареи Торренса (для сравнения выборок по уровню креативности до начала эксперимента), Пятифакторный опросник личности в адаптации А.Б.Хромова, Опросник уровня самооценки Манастер-Корзини, Трёхфакторный опросник перфекционизма личности (Н.Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева) и Тест отдалённых ассоциаций Медника (для оценки проявления креативности в условиях запроса и без него). Обеим группам предлагались все перечисленные методики. Но экспериментальной группе перед выполнением теста Медника был предъявлен запрос на креативность: прямое сообщение о том, что предстоит выполнение теста на креативность, указание постараться предложить как можно более оригинальные идеи и обещание призов самым креативным.

Основные результаты. Показатели общей креативности, оригинальности и уникальности оказались выше в экспериментальной группе, социальный запрос выступил фасилитатором проявления творческого потенциала. Уникальность и оригинальность в контрольной группе лишь положительно взаимосвязаны с личностными характеристиками, в экспериментальной есть и отрицательные взаимосвязи. Ингибиторами выступили общий перфекционизм и его конкретные параметры: негативное селектирование, озабоченность оценками со стороны других, аккуратность. Взаимосвязи беглости с личностными параметрами в контрольной и экспериментальной группах только позитивные (фасилитирующие).

Можно предположить, что социальный запрос сказывается позитивно на количестве, но неоднозначно на качестве предлагаемых решений. Отвечая

на вопрос, как повлияло на них условие «проявить креативность», 79% участников отметили наличие влияния, 36% оценили это влияние положительно (интерес, азарт, воодушевление), 43% отрицательно (злость, неспособность, усталость, фрустрация).

Проведенное исследование подтвердило опосредованное индивидуальными особенностями влияние социального запроса на актуализацию проявления креативного потенциала личности.

1. Брызгалина Е. В. Социальный запрос на креативность в процессах и (или) в результатах образования: что именно можно измерять? //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — №. 58. С. 274. (272–277)
2. Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. — М.: «Когито-Центр», 2018. — 215 с.
3. Amabile T. M. Creativity in context: Update to the social psychology of creativity. — Routledge, 2018.
4. De Godoy M. F., Ribas Filho D. Facing the BANI World //International Journal of Nutrology. — 2021. — Т. 14. — №. 02. — С. e33-e33.
5. Mendonça H., da Silva Veiga H. M., Macambira M. Creativity at work: Trends and Perspectives //Organizational Psychology and Evidence-Based Management. — Springer, Cham, 2017. — С.23-43.

КЛИНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ЕДИНСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДИАГНОСТИКЕ, ЛЕЧЕНИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ

Багненко Е.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПБГМУ им. И.П.Павлова

Ценностно-мотивационная направленность женщин с косметологическими проблемами кожи лица

Косметологические проблемы, психологический стресс, ценностно-мотивационная направленность, личностный ресурс

Введение. Ценностно-мотивационная направленность играет существенную роль в сложных механизмах преодоления личностью проблемных и стрессовых ситуаций, к числу которых относятся косметологические проблемы кожи лица. Изучение личностных ресурсов копинга важно для построения правильного терапевтического контакта с пациентками косметологической клиники, а также в связи с задачами профилактики и ранней диагностики нарушений психосоциальной адаптации таких женщин.

Цель исследования: определить основные мотивы обращения за косметологической помощью и смысложизненные ориентации женщин с проблемами кожи лица. Методы. Исследовано 110 женщин, обратившихся в Санкт-Петербургский Институт красоты в связи с дефектами кожи лица. Средний возраст 35,64±1,11 лет. Распределение по диагнозам: 23,6% — гравитационный птоз; 33,6% — мимические морщины; 17,3% — акне; 25,5% — дегидратация кожи лица. Средняя длительность проблемы — 20,2 месяца. Использованы: стандартизованное интервью, направленное на выявление мотивов обращения за косметологической помощью, тест-опросник «Смысложизненные ориентации» (СЖО). Математико-статистический анализ проведен с использованием Т-критерия Уилкоксона и $\chi 2$ Пирсона.

Результаты. В ряде исследований показано, что обращение за косметологической помощью определяется социальными стереотипами и рекламой косметологических средств. Для дифференцированного анализа мотивов обращения в косметологическую клинику нами было разработано структурированное интервью, пункты которого сформулированы на основе результатов опыта взаимодействия врача-косметолога с пациентками в процессе лечебной коррекции. На первом месте по частоте встречаемости оказался мотив «Неудовлетворенность внешним видом кожи» (34,5%), далее следуют мотивы: «Желание иметь здоровую кожу»

(31,8%), «Модная тенденция» (28,2%), «Достижение успеха в профессии» (27,3%), «Улучшение личной жизни» (21,8%). Статистический анализ показал, что в «возрастных» группах («гравитационный птоз» и «мимические морщины») обращение к косметологу определяется желанием следовать «модной тенденции» и «улучшить личную жизнь» значительно чаще (p0,001), чем в «молодежной» группе пациенток с диагнозом «акне», которые сконцентрированы, преимущественно, на медицинском аспекте проблемы кожи лица («желание иметь здоровую кожу»).

При исследовании смысложизненных ориентаций получено преобладание показателей методики СЖО в клинической группе по сравнению с нормативной выборкой (n=100) (Леонтьев Д.А., 2006) по четырем шкалам из шести: «Цели в жизни» (p0,001), «Результативность жизни» (p0,001), «Локус контроля — Я» (p0,001), «Общий показатель осмысленности жизни») (p0,001). Это отражает наличие у исследованных пациенток отчетливых целей и планов на будущее, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу; субъективное ощущение (переживание) осмысленности и продуктивности пройденного отрезка жизни, удовлетворенность самореализацией; показатель шкалы «Локус контроля — Я» отражает ощущение внутренней способности строить жизнь в соответствии с собственными целями и представлениями о ее смысле, влиять на ход жизни и нести ответственность за ее значимые события (интернальность).

Выводы. 1. Мотивация обращения женщин за косметологической помощью определяется характером дефекта кожи лица и возрастом пациенток. 2. Пациентки косметологической клиники обладают достаточными личностными ресурсами (прежде всего, высокой интернальностью) для преодоления проблемных и стрессовых жизненных ситуаций, в том числе, связанных с косметологическими дефектами кожи лица.

Балашова Е.Ю.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, ФГБНУ ПИ РАО, ФГБНУ НЦПЗ

Нарушения эмоционально-личностной сферы при деменциях позднего возраста

Эмоции, личность, старение, деменции позднего возраста, психология

Введение. Проблема деменций позднего возраста, их клинической и психологической диагностики, поиска методов лечения этих заболеваний и психологической помощи больным и их родственникам является крайне актуальной. Это обусловлено ростом частоты деменций в связи с увеличением доли пожилых и старых людей в популяции, огромными финансовыми и психологическими затратами на медицинское сопровождение больных с деменциями (Медведев, 2000; Гаврилова, 2020). Среди психических нарушений, характерных для поздних деменций, присутствуют и нарушения эмоциональной сферы и личности.

Эмоционально-личностная сфера при деменциях: данные клинических и психологических исследований. Прежде всего, следует отметить, что определенные изменения эмоционально-личностной сферы характерны и для нормального старения. Это и акцентуация некоторых черт характера, и изменения иерархии мотивов, перестройки самооценки и эмоциональной регуляции (Краснова, Лидерс, 2002; Бороздина, Молчанова, 1988; Анцыферова, 2006).

Что касается деменций позднего возраста, то при их изучении внимание ученых концентрируется, прежде всего, на неуклонно прогрессирующем дефиците когнитивных функций: памяти, мышления, речи, внимания, восприятия. Довольно заметные изменения эмоций и личности у больных деменциями находятся в синдроме нарушений психических функций на втором плане. Это может быть связано с рядом причин. В частности, многие экспериментальные нейропсихологические и скрининговые методики, направленные на исследование когнитивных функций, вполне доступны больным с мягкой или умеренной деменцией, а вот в оценке эмоциональной сферы и личностных особенностей доминируют методы наблюдения и клинической беседы, поскольку сложность опросников и проективных методов явно не соответствует возможностям пациентов.

Тем не менее, в последние десятилетия выявлен и описан ряд особенностей эмоционально-личностной сферы, свойственных больным деменциями. Это и переход от заострения личностных черт к их сглаживанию по мере продвижения от мягкой деменции к умеренной, и разрушение мотивационной сферы, и снижение контроля над эмоциями и проявлениями агрессии. Можно также упомянуть эмоциональную лабильность, депрессивные реакции вследствие смутного переживания собственной когнитивной и поведенческой несостоятельности, нарушения общения и социальных форм поведения. Подобные симптомы описаны при болезни Альцгеймера, лобно-височных деменциях, деменциях при болезни Паркинсона и болезни Хентингтона, при сосудистых деменциях (Медведев, 2000; Гаврилова, 2020). Представляют большой интерес и катамне-

стические исследования, в которых оценивается связь риска развития деменции и таких характерологических черт личности как любопытство, уживчивость, тревожность, склонность к неврозам, напряженность, неуверенность, экстраверсия и др. Особое внимание привлекает и эмоциональное состояние родственников пациентов и лиц, ухаживающих за больными. Многие из них тяжело переживают эту ситуацию и жалуются на различные депрессивные симптомы (Медведев, 2000; Гаврилова, 2020).

Заключение. Изучение нарушений эмоционально-личностной сферы при деменциях позднего возраста не только констатирует множество важных клинических и психологических фактов, но и позволяет определить перспективы дальнейших исследований в этой области.

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: ИП РАН, 2006.
2. Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Особенности самооценки в позднем возрасте // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1988. № 1. С.23-41.
3. Гаврилова С.И. (ред.) Руководство по гериатрической психиатрии. М.: МЕДпресс-информ, 2020.
4. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002.
5. Медведев А.В. Деменция / Справочник по диагностике и лечению заболеваний у пожилых. Под ред. Л.И. Дворецкого, Л.Б. Лазебника. М.: Новая Волна, Оникс, 2000. С. 136-162.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00075

Брагин Д.А.
Санкт-Петербург, Сеть медицинских центров "Династия"

Применение методики Роршаха в Интегративной системе Экснера для оценки особенностей социального познания у больных шизофренией на ранней стадии течения заболевания

Социальное познание, шизофрения, методика Роршаха, Интегративная система Экснера, проективная психодиагностика, клиническая психодиагностика

В соответствии с современными тенденциями научного поиска широко исследуется способность к социальному познанию при психопатологических состояниях, среди которых одной из самых значимых является группа шизофрений [1]. Применение в качестве инструментов диагностики проективной методики Роршаха благодаря высокой чувствительности её мало дифференцированного стимульного материала позволит наиболее тонко выявить патогномоничные нарушения у больных шизофренией уже на ранних этапах течения заболевания [2].

Целью проводимого исследования стало выявление особенностей социального познания у больных шизофренией на ранних этапах течения заболевания с помощью методики Роршаха в Интегративной Системе Экснера. Исследование проводилось на базе ГБУЗ «Самарская областная клиническая психиатрическая больница». В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 75 пациентов, м/ж: 49/26, средний возраст: 23 года, с диагнозом «Шизофрения» (F20) на ранней стадии течения заболевания (манифестация или 1-2 психотический эпизод). В контрольную — лица аналогичной половозрастной структуры с отсутствием в анамнезе психиатрического диагноза и отсутствием текущих жалоб на психическое состояние (61 человек, м/ж: 33/28, средний возраст: 21 год) В исследовании использованы: «Тест чернильных пятен Г.Роршаха» (H. Rorschach, 1921) на основе Интегративной системы Экснера (The Rorschach Comprehensive System by John E. Exner, 2003); статистические методы. Разработано и апробировано программное обеспечение для обработки результатов обследования в Интегративной системе Экснера [3, 4].

Результаты. Анализ характеристик распознавания реальности показал, что у больных шизофренией (БШ) обнаруживается «шаткость» способности адекватно оценивать реальность (XA%=0,65 при WDA%=0,66 и X–%=0,31). Кроме того, процесс переработки информации БШ характеризуется инертностью мыслительных процессов (PSV=2,71), а также психотическим соскальзыванием, отсутствием чётких представлений о допустимом и недопустимом, свидетельствующем о способности к глубокой диссоциации (DQv=3,86). У них обнаруживается нарушение адаптации вследствие неадекватного усложненного восприятия ситуации, когда «всё связано со всем» (Zf=12,57). Значение показателя SumT=0,29 (степень нужды в причастности, привязанности) близко к нулю, что может быть интерпретировано как холодность, отстранённость, недостаток душевности

в общении, неумение выражать привязанность к близким людям. Нормальный уровень социального интереса (HumanCont) обнаружен только у 28,5% БШ, у 71,4% уровень снижен. Сочетание PureH=1,29 и HumanCont=4,14 в ЭГ свидетельствует о том, что БШ заблуждаются по поводу мотивов и намерений окружающих (COP=0,86). Значения комплексного индекса CDI, представляющего собой эмпирическую модель общей социальной некомпетентности или незрелости, у 71,4% БШ диагностически значимы, а у оставшихся 28,6% его значения находились на максимально допустимом критическом уровне.

Таким образом, благодаря применению высокочувствительного проективного метода Роршаха, валидизированного и стандартизированного посредством применения для анализа результатов обследования Интегративной системы Экснера, позволило в группе пациентов с начальной стадией течения заболевания (F20) и дебютом психотических нарушений выделить патогномоничные нарушения социального познания и уточнить их специфичность.

1. Холмогорова А.Б., Рычкова О.В. Нарушения социального познания при расстройствах шизофренического спектра // Мед. псих. в России: эл. науч. журн. — 2014. — N 6(29). — С. 10.
2. Frith C.D. The Cognitive Neuropsychology of Schizophrenia.// C.D. Frith // Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates, 1992.
3. Exner J. E., Jr. The Rorschach: A comprehensive system: Vol. 2. Interpretation. N.Y., 1991.
4. Ассанович М.А. Интегративная система психодиагностики методом Роршаха / М.А. Ассанович. — М.: «Когито- Центр», 2011. — 397 с.

Гришин А.К., Павлова Е.А.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Особенности имплицитного научения при типичной и атипичной формах большого депрессивного расстройства

Имплицитное научение, типичная и атипичная депрессия

В настоящее время проведено большое количество исследований имплицитного (неосознаваемого) научения при психических нарушениях, например, таких как амнезия. Однако наблюдается неоднозначность, а иногда и противоречивость результатов исследований, посвященных проблеме имплицитного научения (ИН) при большом депрессивном расстройстве. Как известно, типичная депрессия (ТД) характеризуется пониженным настроением и ангедонией. В отличие от нее атипичная депрессия (АД) включает в себя выраженную эмоциональную реактивность [1, 2]. Несмотря на множество исследований, до сих пор не существует единого мнения об особенностях ИН при депрессии. Результаты некоторых исследований сообщают об отсутствии существенной разницы между депрессивными пациентами и здоровыми людьми (Danion et al., 1991, Danion et al., 1995, Watkins et al., 1992 и т.д.). Другие, напротив, сообщают об ухудшении ИН (и других когнитивных нарушениях) участников, пребывающих в депрессии (Elliot and Greene, 1992, Bradley et al., 1995, Tarsia et al., 2003) [3].

Исследования когнитивных особенностей больных депрессией показывали снижение эксплицитного научения (ЭН) и ИН в различных задачах в сравнении со здоровыми испытуемыми. Подобные результаты кажутся еще более интересными в сравнении с данными, полученными в экспериментах с пожилыми людьми и больными амнезией, демонстрировавшими неспособность к ЭН и запоминанию при сохранении нормальной способности к ИН. Однако, исследование процедурного ИН и ЭН у пациентов в состоянии ремиссии, недавно перенесших эпизод тяжелой депрессии, выявило отсутствие значимых когнитивных нарушений [3, 4]. Важно отметить, что эффективность обучения пациентов с АД была несколько выше, чем в группе ТД. Это указывает на возможные различия в протекании когнитивных процессов при АД и ТД, подобная тенденция наблюдается, однако пока не может быть признана статистически значимой из-за небольшой численности выборки и требует продолжения изучения.

Нами была выдвинута гипотеза, предполагающая наличие лучшего ИН у больных АД по сравнению с людьми, страдающими ее типичным подтипом. Различия в ИН, при этом, будут коррелировать с уровнем эмоциональной реактивности. Таким образом, мы сможем объяснить различия выборок в исследовании ИН при ремиссии депрессии и прогнозировать значительно большие различия в ИН у людей, страдающих ТД и АД на момент исследования.

Важно отметить, что применение медикаментозной терапии, вероятно, приводит к снижению различий ИН между здоровыми людьми и пациентами с депрессией. Кроме того, неоднозначность предыдущих экспериментов может

быть частично объяснена отсутствием дифференциации по признаку типичности депрессии. При этом выраженность ИН, вероятно, зависит от специфики и методики тестирования. Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что ИН пациентов, страдающих АД, будет особенно выраженно в методиках, предполагающих немедленную обратную связь (в особенности воздействующую на эмоции), например, при решении специфически составленных комплексных задач.

В настоящее время нами ведется подготовка к исследованиям по проверке данной гипотезы.

1. Лапин И.А., Рогачева Т.А. Атипичная депрессия (анализ взаимосвязей отдельных атипичных симптомов с социально-демографическими и клиническими переменными) // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. Т. 30. № 3. С. 17-25.
2. Bylsma LM, Morris BH, Rottenberg J. A meta-analysis of emotional reactivity in major depressive disorder // Clinical Psychology Review. 2008. Vol. 28. №4. Pp. 676-691.
3. Pedersen A, Küppers K, Behnken A, Kroker K, Schöning S, Baune BT, Rist F, Arolt V, Suslow T. Implicit and explicit procedural learning in patients recently remitted from severe major depression // Psychiatry Res. 2009. Vol. 169. №1. Pp. 1-6.
4. Janacsek K, Borbély-Ipkovich E, Nemeth D, Gonda X. How can the depressed mind extract and remember predictive relationships of the environment? Evidence from implicit probabilistic sequence learning // Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry. 2018. Vol. 81. Pp. 17-24.

Ениколопов С.Н.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Субъективная оценка когнитивного функционирования после перенесенной коронавирусной инфекции

COVID-19, постковид, память, внимание, депрессия

Долгосрочное воздействие заболевания COVID-19 на когнитивные функции стало серьезной проблемой общественного здравоохранения. SARS-CoV-2 вызывает различные неврологические осложнения у перенесших COVID-19, включая головокружение, головную боль, миалгии, полиневропатию, миозит, цереброваскулярные заболевания, энцефалит и энцефалопатию. Такая восприимчивость центральной нервной системы к SARS-CoV-2 вызывает большую потребность в нейропсихиатрических исследованиях среди перенесших COVID-19 [1]. Жалобы на снижение когнитивных функций распространены в острой и подострой фазах COVID-19. Но также отмечаются и через продолжительное время после выздоровления и составляют часть симптомов «постковида» или «длительного ковида». Наиболее уязвимыми оказываются люди старшего возраста [2]. Однако интерес представляют и более молодые возрастные группы, которые легче переносят заболевание, но для которых последствия когнитивных нарушений могут оказать существенное влияние на повседневное функционирование, и в общем на качество жизни.

Актуальность исследования нарушений когнитивного функционирования после перенесенной коронавирусной инфекции и его субъективной оценки обусловлена: широкой распространенностью явления и его влиянием на качество жизни переболевших; дополнительной высокой нагрузкой на систему здравоохранения; способностью ухудшить протекание существующих психиатрических заболеваний.

Целью исследования было изучение субъективной оценки своего состояния после перенесенной коронавирусной инфекции у молодых женщин. В исследовании приняли участие 1148 человек (молодые женщины, возраст < 35 лет). Часть данных получена с помощью опроса в интернете. Был вопрос о том, обращался ли испытуемый когда-нибудь за психиатрической помощью. На основе ответа на этот вопрос были выделены две группы: группа «нормы» (780 человек) и «обращавшихся к психиатру» (263 человека). В клинике прошли обследование 105 молодых женщин с диагнозом депрессия, они вошли в группу «клиника». Все испытуемые ответили на вопросы о том, как они оценивают состояние своей памяти, внимания, когнитивного функционирования, все ответы давались по 5-бальной шкале Лайкерта (от 0 до 4), максимальный балл означал максимальное нарушение. Использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

Результаты. По всем предложенным вопросам группы «нормы», «обращавшихся к психиатру» и «клиники» статистически значимо различались между собой. Наибольшую степень нарушения демонстрировали испытуемые из кли-

нической группы. Во всех группах нарушения были значимо выражены у тех, кто перенес коронавирусную инфекцию. В группе «нормы» переболевшие (94 человека) отмечали статистически значимо субъективное нарушения памяти (средние значения 0,62 и 0,88 для не болевших и переболевших соответственно), астении (упадок сил — 1,02 и 1,64; все, что делаете требует больших усилий — 0,72 и 1,02), трудность сосредоточиться (0,83 и 1,12). Не было выявлено статистически значимых различий в вопросе о внимании (легко теряете мысль) и трудности принятия решений. В клинической группе, напротив, у переболевших (57 человек) отмечались проблемы с вниманием (легко теряете мысль — 1,89 и 2,49; трудности сосредоточиться — 1,85 и 2,82), астенией (все, что делаете требует больших усилий — 1,87 и 2,49), но не было различий в оценке своей памяти. В подгруппе «обравшихся к психиатрам» переболевшие (44 человека) отмечали статистически значимые более высокие показатели субъективное оценки нарушения памяти (0,88 и 1,29), астению (упадок сил — 1,57 и 2,25, все, что делаете требует больших усилий — 1,25 и 1,75), трудности принятия решений (1,3 и 1,7), трудности сосредоточиться (1,26 и 1,70).

Исследование показало, что субъективно во всех группах испытуемые отмечают более выраженные нарушения когнитивных функций после перенесенной коронавирусной инфекции.

1. Douaud G., Lee S., Alfaro-Almagro F. et al. SARS-CoV-2 is associated with changes in brain structure in UK Biobank. Nature, 2022.
2. Liu Y.H., Chen Y., Wang Q.H. et al. One-Year Trajectory of Cognitive Changes in Older Survivors of COVID-19 in Wuhan, China: A Longitudinal Cohort Study. JAMA Neurol, 2022.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №21-18-00129

Есманская Н.Е., Молчанова В.Р.
Воронеж, ВГУ

Психологические границы у юношей и девушек с социофобией

Страх, социофобия, психологические границы, дезадаптивное поведение, социализация

Данное исследование посвящено психологическим границам у юношей и девушек с социальной фобией. В настоящее время в психологической науке не существует единого представления о психологических границах, но существует множество теорий и концепций. Социальная фобия понимается как страх испытать боязнь одной или более ситуаций, в которых индивидуум подвергается возможному внимательному наблюдению со стороны окружающих и испытывает страх сделать что-либо, что вызовет у него чувство унижения или замешательство[2]. Психологические границы у социофобов отличаются неустойчивостью, чрезмерной жесткостью, или же, напротив, стремлением к слиянию. Лица, страдающие социальной фобией, сталкиваются со значительными сложностями в установлении контактов, поиске работы, создании семьи. Несомненно, знание о том, как проявляются психологические границы у лиц с социальной фобией, позволит более продуктивно и целостно оказывать психологическую поддержку и помощь юношам и девушкам. Ситуации, в которых социальная фобия проявляется особенно остро, часто связаны с возможным соперничеством, противостоянием (необходимость заявлять о своих правах, отстаивать интересы, выступление перед группой, встречи с незнакомцами, особенно вне привычной территории, ситуации с возможной критикой со стороны других) [1]. На наш взгляд, существенное значение имеет также уровень социальной фобии. Поэтому, необходимо проведение эмпирического исследования, а также изучение особенностей психологических границ у юношей и девушек с разным уровнем социофобии.

Объектом исследования являлись психологические границы. В качестве гипотезы исследования выступало предположение о том, что: у юношей с социальной фобией будет преобладать такая функция психологической границы, как невпускающая, у девушек с социальной фобией будет преобладать такая функция как проницаемость и отдающая функция. Теоретическую основу исследования составили концепции Прихожан А. М., Ромека В. Г о страхах и фобиях, Б. Д. Петракова, А. А. Чуркина, Л. Н. Касимовой, О. А. Сагалаковой о социальной фобии, а также Р. Лихи, Дж. Вольпе, П. В. Зотова, Н. В. Кравченко, Г. Эмери, Аведисовой А. С., Т. С. Леви.

По результатам теоретического исследования психологических границ, можно сказать о том, что социальная фобия тесно связана с идентичностью. Психологические границы у социофобов отличаются неустойчивостью, чрезмерной жесткостью, или же, напротив, стремлением к слиянию. В результате анализа работ различных отечественных и зарубежных авторов, можно также предположить, что девушкам более свойственно стремление к слиянию, а юношам — жесткость психологических границ, развитость невпускающей функции.

Базой эмпирического исследования выступит Воронежский государственный университет. Объем выборки составит 200 студентов 3 и 4 курсов. С целью диагностики психологических границ у юношей и девушек с социофобией будет использована методика «Психологическая граница личности», Т.С. Леви и методика «Шкала социальной тревожности и социофобии» М. Либовица. При работе с психологическими границами у юношей и девушек с социофобией наиболее целесообразным может быть использование нескольких психологических подходов, в частности, телесно-энергийного подхода, а также положений когнитивно-поведенческого направления.

В частности, необходимо исследовать психологические границы при разном уровне социофобии, а также исследовать психологические границы у лиц с социальной фобией в другие возрастные периоды.

1. Мякотин И. С. Социальная фобия как нарушение психологических границ и искажение идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. №18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-fobiya-kak-narushenie-psihologicheskih-granits-i-iskazhenie-identichnosti (дата обращения: 18.12.2021).
2. Нартова-Бочавер С. К. Связь психологической суверенности и социальных верований: границы личности в контексте “большого” социума // Социальная психология и общество. — 2017. — Т. 8. — № 3. — С. 100–114.

Зеленова Л.Ю., Абросимова Е.А.
Челябинск, ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Отношение к смерти у пациентов с неспецифическим язвенным колитом после хирургического вмешательства

Отношение к смерти, особенности, НЯК, ВЗК

Неспецифический язвенный колит (НЯК) — хроническое рецидивирующее воспалительное заболевание кишечника, характеризующееся наличием диффузного воспалительного процесса в слизистой оболочке толстой кишки [МКБ-10]. Сегодня данное заболевание приобретает всё большее социальное и медицинское значение, отмечается рост заболеваемости НЯК во всем мире, при этом увеличилась распространенность данного заболевания среди лиц молодого и среднего возрастов. Часто патология протекает тяжело, резко снижая качество жизни, приводит к осложнениям, вызывает ряд негативных изменений в психике, среди которых тревожность и страх смерти [1]. Кроме того, интерес к данной теме обусловлен недостаточностью исследований состояний пациентов с НЯК без хирургического вмешательства и после него, что повышает практическую значимость нашего исследования.

Целью нашего исследования было выявить особенности отношения к смерти пациентов с неспецифическим язвенным колитом после хирургического вмешательства. Объект — отношение к смерти, предмет — особенности отношения к смерти пациентов с неспецифическим язвенным колитом после хирургического вмешательства. Выдвигаемая гипотеза: существуют особенности отношения к смерти у пациентов с неспецифическим язвенным колитом после хирургического вмешательства. В исследовании приняли участие пациенты Национального медицинского исследовательского центра колопроктологии им. А.Н. Рыжих (г. Москва): 15 пациентов не подвергавшиеся хирургическому вмешательству и 15 пациентов подвергнутые хирургическому вмешательству в течении последних двух лет. Возраст пациентов принимавших участие в исследовании 25-35 лет. Эмпирическими методами исследования были выбраны: Опросник «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти» (DAP-R) П.Т.П Вонга в переводе Т.А.Гавриловой и Опросник «Шкала тревоги по поводу смерти» Д. Темплера в модификации Т.А.Гавриловой[2,3]. Для проверки достоверности полученных данных мы использовали статистический U-критерий Манна-Уитни.

В результате исследования были получены достаточно противоречивые результаты. С одной стороны по методике «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти» (DAP-R) П.Т.П Вонга, мы наблюдаем сильные перемены по отношению к смерти у пациентов с диагнозом НЯК перенесшими хирургическое вмешательство, особенно по шкалам: Страх смерти, Избегание темы смерти, Нейтральное принятие. С другой стороны согласно полученным данным по методике «Шкала тревоги по поводу смерти» Д. Темплера в модификации Т.А.Гавриловой различий

у пациентов с НЯК перенесшими хирургическое вмешательство и без него различий в переживании страха собственной смерти нет.

Неоднозначность полученных результатов показывает необходимость продолжить исследование данной проблемы. Дальнейшее исследование требуется провести, увеличив количество методик, и количество опрашиваемых пациентов.

1. Тихонова, Т.А. Объективные и субъективные подходы в тактике ведения пациентов с заболеваниями кишечника / Т.А. Тихонова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. — 2014. — Т.4, №5. — С. 536.
2. Профиль аттитьюдов по отношению к смерти — переработанный [Электронный ресурс]: психодиагностика / Профиль аттитьюдов по отношению к смерти. — Режим доступа: URL: https://www.sites.google.com/site/test300m/dapr . (15.01.2022)
3. Шкала «Страха смерти» Д. Темплера мод. Т. А. Гаврилова [Электронный ресурс]: психологические тесты / Шкала «Страха смерти» Д. Темплера мод. Т. А. Гаврилова. — Режим доступа: URL: https://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/1458348209/124. (15.01.2022)

Злобина М.В., Пинаева Л.И.
Новосибирск, НГУ

Интолерантности к неопределенности как фактор возникновения расстройств пищевого поведения

Неопределенность, интолерантность к неопределенности, расстройства пищевого поведения

Актуальность проблемы неопределенности в современном мире не вызывает сомнений: каждый человек вынужден ежедневно справляться с неопределенными ситуациями. Отношение человека к неопределенным ситуациям выражается конструктами толерантности и интолерантности к неопределенности (ТН/ИТН). Существуют данные, что неспособность переносить неопределенные ситуации (ИТН) может выступать трансдиагностическим фактором возникновения эмоциональных расстройств, в том числе расстройств пищевого поведения (РПП) [1]. С другой стороны, наблюдается высокая коморбидность РПП и тревожных расстройств. В представленном исследовании предполагается, что ИТН может лежать в основе этих расстройств, а взаимосвязь между склонностью к РПП и тревогой может быть обусловлена интолерантностью к неопределенности.

Цель исследования: проверка обусловленности взаимосвязи между склонностью к РПП и тревожностью интолерантностью к неопределенности. На первом этапе в исследовании приняли участие 94 девушки в возрасте от 17 до 36 лет (M=21,7). Использовались следующие методики: Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой (НТН), Интегративный тест тревожности (ИТТ), Тест отношения к приёму пищи (EAT-26), Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ).

Обнаружены значимые корреляционные связи между показателями личностной тревожности (ИТТ) и склонности к РПП (EAT-26) (r=0.327, p0.01) и показателем по шкале эмоциогенного пищевого поведения опросника DEBQ (r=0.215, p0.01). Вопреки ожиданиям, значимых связей между ИТН (НТН) и склонности к РПП и тревожности получено не было, однако были получены значимые связи между межличностной интолерантностью к неопределенности (МИТН) и личностной тревожностью (r=0.427, p0.01) и шкалой ограничительного пищевого поведения DEBQ (r=0.237 p0.05). Различия в полученных результатах и результатах зарубежных исследований могут быть связаны с различием в использованных методиках, поэтому было принято решение провести второй этап с использованием методик, которые применялись в зарубежных исследованиях. На втором этапе в исследовании приняли участие 325 девушек в возрасте от 17 до 45 лет (M=22,9 года). Использовались следующие методики: шкала интолерантности к неопределенности (IUS-12), тест отношения к приему пищи (EAT-26) и шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). По результатам корреляционного анализа обнаружена значимая связь между показателем склонности к РПП (EAT-26) и тревоги (DASS-21) (r=0.446, p0.01); показателем ИТН (IUS-12) и тревоги (DASS-

21) (r=0.539, p0.01); показателем склонности к РПП (EAT-26) и показателем ИТН (IUS-12) (r=0.343, p0.01). По результатам частной корреляции при контроле ИТН связь между показателями тревожности (DASS-21) и склонности к РПП (EAT-26) сохранилась, что свидетельствует об отсутствии обусловленности интолерантностью к неопределенности связи между склонностью к РПП и тревогой.

Несмотря на то, что гипотеза не нашла своего подтверждения, можно сделать ряд важных выводов. Получены статистически значимые связи между склонностью к РПП и показателем интолерантности к неопределенности по опроснику IUS-12, но не НТН. Этот результат дает основание предположить, что отечественные и зарубежные методики измеряют разные стороны сложного конструкта ТН/ИТН. Можно предположить, что структуру ТН/ИТН составляют компоненты, по-разному влияющие на поведение, мышление и эмоциональное состояние субъекта. Фактором риска для возникновения ряда психических расстройств могут выступать только некоторые из них. Другой важный вывод касается полученной взаимосвязи между склонностью к РПП и МИТН. Данный результат позволяет предположить, что неспособность переносить неопределенность именно в межличностных отношениях может сопровождать склонность к РПП. Данное предположение требует дальнейшей проверки.

1. Carleton N. Into the unknown: A review and synthesis of contemporary models involving uncertainty // Journal of Anxiety Disorders, 2016, 39, 30-43.

Исурина Г.Л., Павельева М.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Гендерные аспекты переживания стресса в период пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19, воспринимаемый стресс, страхи, информированность.

Пандемия COVID-19 в силу огромного информационного воздействия сопровождается не только собственно клиническими проявлениями и последствиями, но и психологическими явлениями, к которым относятся разнообразные страхи и опасения. Эти страхи обусловлены и особенностями переживания стрессовой ситуации, которой является пандемия COVID-19. Даже не достигая собственно клинического уровня, они в значительной степени усугубляют стрессовую ситуацию, связанную с пандемией.

Целью исследования являлось сравнительное изучение переживания стресса в период пандемии COVID-19 мужчинами и женщинами. Основные задачи исследования состояли в сравнительном изучении преобладающих в связи с пандемией страхов, а также уровня воспринимаемого стресса. Методы исследования: авторская анкета для оценки содержания и выраженности страхов в период пандемии COVID-19; «Шкала воспринимаемого стресса-10» (русскоязычная версия опросника Абабкова В.А. и др.). Выборка: В исследовании приняли участи 92 респондента в возрасте от 18 до 50 лет (женщины — 69,6%, мужчины — 30,4%). 63% респондентов переболели COVID-19; 3,3% из них были госпитализированы. 77,2% респондентов указали, что контактировали с больными COVID-19.

Результаты исследования уровня воспринимаемого стресса показали, что женщины более остро переживают стресс, связанный с пандемией, чем мужчины, обнаруживая более высокие показатели по параметрам «перенапряжение» ($p=0,013$), «уровень воспринимаемого стресса» ($p=0,036$) и более низкие — по параметру «Эмоциональная стабильность» ($p =0,010$). Различий по показателю противодействия стрессу не выявлено. Выявлены взаимосвязи параметров «перенапряжение» и «уровень воспринимаемого стресса» с частотой отслеживания в СМИ и Интернете информации о количестве заболевших, выздоровевших и умерших, а также страхом невозможности купить регулярно покупаемые товары и услуги из-за роста цен. Респонденты, которые высоко оценивают частоту отслеживания информации о COVID-19, обладают более высокими показателями перенапряжения ($p=0,001$), воспринимаемого стресса ($p=0,000$) и противодействия стрессу ($p=0,003$).

Результаты исследования репертуара страхов, характерных для периода пандемии, свидетельствуют, что наиболее выраженным страхами для всей выборки являются страх долгой самоизоляции; страх вакцинации, связанный, прежде всего, с «вмешательства в геном человека»; страх возможного отсутствия мест в больницах; страх за жизнь и здоровье (свое и близких). Женщины в сравнении с мужчинами характеризуются достоверно более выраженными страхами

собственно медицинского и экономического характера: страх за жизнь и здоровье — свое и близких (соответственно p=0,019 и p=0,039), страх получить серьезные осложнения после болезни (p=0,010), страх вакцинации как вмешательства в геном человека (p =0,047), а также страхом невозможности купить регулярно покупаемые товары и услуги из-за роста цен (p=0,039). На уровне тенденции можно также отметить большую выраженность у женщин страха перед долгой самоизоляцией и беспокойство по поводу возможной нехватки мест в больницах. Следует отметить, что такие основания для страхов как угроза жизни и здоровью, риск заболевания и смерти, недостаток или отсутствие медицинской помощи в равной степени представлены и у мужчин, и у женщин. Также в равной степени выражены страхи, связанные с опасениями по поводу изменений в социуме, семье и экономике (страх потери привычного образа жизни: спорт, театры, кино, путешествия), с потерью частых контактов с родными и близкими, полной виртуализацией социальной жизни; с уменьшения рабочих часов или заработной платы; со страхом развода или увеличения семейных обязанностей. Таким образом, результаты исследования указывают, что женщины испытывали более интенсивный страх, связанный с COVID-19 и его последствиями, Они являются более восприимчивыми к таким рискам как самоизоляция и рост цен, однако остальные изменения в социуме и экономике, связанные с пандемией COVID-19, в равной степени затронули и мужчин, и женщин.

Клейман Е.О., Тромбчиньски П.К.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности восприятия различных видов обучения студентами-медиками

Психологические аспекты обучения студентов-медиков, высокотехнологические методы обучения в медицине, симуляционные технологии

В современном мире медицинского образования и здравоохранения активно внедряется использование высокотехнологичных симуляторов с целью обучения и повышения квалификации врачей. В настоящее время в России функционирует 50 симуляционных центров на базе медицинских ВУЗов и других медицинских учреждений [4]. Симуляция в медицинском образовании — это современная технология обучения и оценки практических навыков, умений и знаний, основанная на реалистичном моделировании, имитации клинической ситуации или отдельной физиологической системы, для которой могут использоваться биологические, механические, электронные и виртуальные (компьютерные) модели [2; с. 298]. Однако специфика работы с высокотехнологичным оборудованием (особенности восприятия студентами ситуации «симуляции и реальности», высокий уровень «оценочной» обратной связи и пр.) вызывает определенные психологические проблемы, что может приводить к образованию психологических барьеров и замедлять или нарушать адаптацию студентов и ординаров к новым формам обучения [1; 3].

Целью предстоящего исследования является изучение психологических факторов, влияющих на обучение студентов-медиков с использованием симуляционных технологий и переход к работе с реальными пациентами, в связи с задачами оптимизации учебного процесса. В ходе исследования планируется изучение различия ментальной и когнитивной репрезентации ситуации симуляционного обучения и ситуации взаимодействия с реальным пациентом студентами-медиками. В исследовании будут принимать участие студенты медицинских факультетов, проходящие симуляционное обучение на базах Клиники высоких медицинских технологий СПбГУ.

Для реализации задач исследования был разработан квазиэкспериментальный дизайн и сформирован набор методик. Исследование предполагает 4 экспериментальных замера и один замер, направленный на изучение стабильных характеристик изучаемой выборки. Замеры обусловлены разными этапами прохождения обучения: 1. До начала эпизода работы с симулятором. 2. Сразу после окончания работы с симулятором. 3. Перед вступлением во взаимодействие с реальными пациентами. 4. После работы с пациентами. В качестве экспериментальных методик были выбраны: шкала психологического стресса PSM-25, шкала «Актуальное состояние», шкала самооценки тревоги, шкала самооценки Дембо-Рубинштейн. Для исследования особенностей личности респондентов предполагается использование таких методик, как тест на наличие иррациональ-

ных установок, опросник невротических черт личности KON-2006, исследование личностной тревоги по Спилбергеру и методика «Уровень субъективного контроля». Для статистического анализа предполагается использовать описательные статистики, дисперсионный анализ, корреляционный анализ Спирмена.

В качестве ожидаемых результатов предполагается получить личностный профиль студента, обучающегося с помощью симуляционных технологий, оценку влияния личностных характеристик на восприятие обучающей ситуации как стрессовой, а также сравнение восприятия ситуации симуляционного обучения и отработки навыков на реальном пациенте.

1. Тромбчиньски П. К., Грандилевская И. В., Исурина Г. Л. Психологическая адаптация студентов-медиков к обучению с использованием симуляционных технологии. // Нейронаука в медицине и психологии. — 2020. — С. 460-461.
2. Lane J. L., Slavin S., Ziv A. Simulation in medical education: A review //Simulation & Gaming. — 2001. — Т. 32. — №. 3. — С. 297-314.
3. Lee J. J. et al. Nursing Students' Learning Dynamics and Perception of High-Fidelity Simulation-Based Learning //Clinical Simulation in Nursing. — 2019. — Т. 33. — С. 7-16.; Lestander Ö., Lehto N., Engström Å. Nursing students' perceptions of learning after high fidelity simulation: Effects of a three-step post-simulation reflection model //Nurse Education Today. — 2016. — Т. 40. — С. 219-224.
4. Центры Российского Общества Симуляционного Обучения в Медицине [Электронный ресурс] // URL: https://rosomed.ru/centers (дата обращения: 18.05.2022).

Кошанская А.Г.
Майкоп, ФГБОУ ВО МГТУ, ФГБОУ ВО АГУ

Специфика когнитивных искажений у больных сахарным диабетом II типа с различными вариантами его течения

Сахарный диабет II типа, декомпенсированное течение, когнитивные искажения, дисфункциональные отношения

В настоящее время сохраняется тенденция к увеличению заболеваемости сахарным диабетом (СД), так согласно современным данным Федерального регистра СД в РФ на 1.01.2021 г. на диспансерном учете состоит около 4,8 млн. человек (3,23% населения), большинство из них с СД II типа (92,5% — 4,43 млн.) [1]. Необходимо отметить, что переживание стрессовых ситуаций является провоцирующим фактором в развитии СД II типа, которые взаимосвязаны со спецификой переработки информации и возникновением когнитивных искажений (КИ). Приверженность лечению подвержено влиянию КИ [3], (например, традиция придерживаться постов или употреблять в пищу продукты питания, не рекомендуемые при СД, отрицание диагноза и т.д.). Специфика КИ существенным образом влияет на развитие и исход заболевания, во многом определяя внутреннюю картину болезни пациентов.

С целью изучения специфики когнитивных искажений у больных СД II типа с различными вариантами его течения на базе эндокринологического отделения ГБУЗРА «Адыгейская республиканская клиническая больница» нами обследовано 949 больных СД II типа: из них 640 женщин и 309 мужчин, средний возраст — 56,08 ± 1,26 лет (39 ¸ 75 лет), средняя продолжительность заболевания 10,04 ± 0,99 лет (0,5 ¸ 36 лет). Группу разделили на две подгруппы: 1 подгруппа — лица с инсулиннезависимым СД (ИНСД), принимающие сахароснижающие препараты — 508 человек; II подгруппа — пациенты с инсулинпотребным СД (ИПСД), получающие инсулин — 441 человек. Особенностями обследованной выборки является то, что в нее были включены больные СД II типа в субкомпенсированной и декомпенсированной стадии течения заболевания, из них 53,2% больных ИНСД с субкомпенсированным и 66,9% ИПСД с декомпенсированным течением заболевания. Исследование проводилось при помощи «Шкалы дисфункциональных отношений» А. Бека, А. Вейсмана (адапт. Захаровой М.Л.) [2], методики «Диагностики иррациональных установок» А. Эллиса. Полученные данные обработаны при помощи программы Statistica 10. Выявлено, что высокая степень (среднее по подгруппе — 150,4 при норме до 139 баллов) выраженности дисфункциональных отношений больше характерна для больных ИПСД по сравнению с больными ИНСД (среднее по подгруппе — 137,8 баллов), что указывает на большую выраженность у них клинических жалоб и проявлений невротических расстройств. В рамках личностных особенностей у данной категории больных наблюдается большая степень контроля над своими мыслями, чувствами и поведением, педантичность, зависимость, склонность

к рефлексии, самокритичность, а также подавленность настроения. У женщин, в исследуемой выборке, выраженность дисфункциональных отношений больше, чем у мужчин. По данным корреляционного анализа в группе больных СД II типа выявлено, что при акцентировании «дисфункциональных отношений» более выражены были иррациональные установки «перфекционизма» и «долженствование в отношении себя», «катастрофизации», а также «долженствование в отношении других» (p=0,05). Обнаружена положительная взаимосвязь шкалы «долженствование в отношении себя» с индексом массы тела больных сахарным диабетом II типа (p=0,02): увеличению массы тела сопутствовал рост иррациональных требований к себе, повышающих общую психическую напряженность, провоцирующую возможные осложнения в картине болезни.

Таким образом, полученные результаты, иллюстрируют различия в особенностях мышления лиц, страдающих СД II типа, подтверждают идеи А. Бэка о взаимосвязи негативных убеждений, КИ и развития телесных нарушений, которые носят характер «говорящего симптома», отражая в материализованном виде представления пациента о мире и самом себе. При этом важным условием компенсации диабета выступает готовность менять когнитивные установки, работать со своими КИ, корректировать их, находиться в процессе постоянного узнавания действительности вместо навязчивого стремления свести все многообразие мира к «общепринятым» стандартам поведения и требовать от себя и окружающих следовать этим, далеким от реальности, представлениям.

1. Алгоритмы специализированной медицинской помощи больным сахарным диабетом / Под редакцией И.И. Дедова, М.В. Шестаковой, А.Ю. Майорова. — 10-й выпуск (дополненный). — М.; 2021.– с.236.
2. Захарова М.Л. «Шкала дисфункциональных отношений» как метод исследования когнитивных искажений / М.Л. Захарова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXIX междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2013. — С. 55-65.
3. Легостаева Е.С. Когнитивные ошибки у лиц, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 5. — с.94. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=28156 (дата обращения: 29.05.2022).

Крайнюков С.В.
Санкт-Петербург, СПбГИПСР, ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем с отношением к пандемии COVID-19

Коронавирусная инфекция, COVID-19, схема-терапия, ранние дезадаптивные схемы

Введение. Большинство психологических исследований, связанных с пандемией, сосредоточено на изучении постковидного синдрома и особенностей переживания стрессовой ситуации. Значительно меньшее число исследований ориентировано на учёт личностных детерминант отношения к пандемии, особенно в динамике. Целью настоящего исследования является изучение влияния ранних дезадаптивных схем (РДС) на отношение к пандемии COVID-19. РДС являются внутренним ответом на фрустрированные эмоциональные потребности в детстве и включают дисфункциональные паттерны убеждений, эмоций, образов и телесных ощущений (Янг Дж., 2020).

Материал и методы. Исследование проводилось в дистанционной форме. Первый срез проводился в апреле-марте 2020 г. (первая волна пандемии), выборку составили 300 респондентов — 250 женщин и 50 мужчин. Второй срез проводился в декабре того же года (вторая волна), выборку составили 93 повторно исследованных респондента — 73 женщины и 20 мужчин. Средний возраст — 30±8 лет. Методики исследования: 1) Авторская анкета, направленная на изучение субъективного отношения к пандемии; 2) Схемный опросник Дж. Янга (в адаптации П.М. Касьяника, Е.В. Романовой, 2016). Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью корреляционного анализа по критерию Пирсона и критерия различий Вилкоксона.

Результаты. Оценка опасности пандемии наиболее сильно связана ($p \leq 0{,}01$) со схемами покинутости, уязвимости, негативизма, пунитивности, и несколько меньше ($p \leq 0{,}05$) — со схемами недоверия, запутанности, самопожертвования, жёстких стандартов. Оценка тяжести перенесения пандемии обнаруживает сильные связи со схемами покинутости, дефективности, неуспешности, уязвимости, покорности, и средние — со схемами подавления эмоций, негативизма, пунитивности. Беспокойство за близких в большей степени определяется схемами покинутости, уязвимости, самопожертвования, жёстких стандартов, негативизма, пунитивности, и в несколько меньшей — схемами недоверия, заутанности, покорности. Оценка интенсивности изменений в жизни из-за пандемии наиболее сильно связана со схемой покинутости, и несколько меньше — со схемами уязвимости и покорности. Прогнозирование ухудшения финансового положения обнаруживает сильные связи со всеми схемами, кроме привилегированности, то есть риск финансовых потерь вызывает наибольшие переживания. Примечательно, что схема привилегированности не обнаружила ни одной связи с отношением к пандемии. При активации этой схемы человек переживает свою особость, сконцентрирован на себе, воспринимает себя над ситуацией и правилами.

В результате повторного исследования спустя 10 месяцев не было обнаружено достоверных различий в выраженности схем у респондентов. Но они стали значительно меньше связаны с отношением к пандемии — всего 4 достоверные связи ($p \leq 0{,}05$) в противовес 44 при первом срезе. Схемы социальной отчуждённости и неуспешности, до этого прямо коррелирующие с ожиданием финансового неблагополучия, стали коррелировать с ним обратно. При этом схема социальной отчуждённости стала прямо коррелировать с субъективной тяжестью перенесения пандемии. Эти результаты свидетельствуют о важности психологической помощи на начальном этапе пандемии, направленной, в частности, на поддержание чувства социальной принадлежности, веры в свою компетентность, обучение навыкам саморегуляции и получения эмоциональной поддержки.

Заключение. РДС значимо определяют отношение к пандемии COVID-19. Главным образом это схемы из категорий нарушения автономии и непризнания достижений, сверхконтроля и подавления эмоций. В наибольшей степени отношение к пандемии связано со схемами покинутости, уязвимости, негативизма, пунитивности, социальной отчуждённости. Учёт РДС важен для разработки каузальных персонифицированных стратегий психологической помощи.

1. Касьяник П.М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. — 152 с.
2. Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия. Практическое руководство. — СПб. Диалектика, 2020. — 464 с.

Круглова Н.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Галенко В.И.
Санкт-Петербург, ГП №3, ДПО №5

Сравнительный анализ когнитивных функций у пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения в пожилом и старческом возрасте

Острое нарушение мозгового кровообращения, когнитивные функции, пожилой возраст, старческий возраст

Каждый год в России регистрируется 450 000 случаев инсульта [1]. Самым частым нарушением мозгового кровообращения являются когнитивные расстройства, это выражается в снижении памяти, также внимания, при этом, у пациентов значительно страдают умственные способности и интеллект [2, 3]. Целью исследования являлся клинико-психологический анализ особенностей когнитивных функций у пациентов, перенёсших ОНМК. В качестве гипотезы выступило предположение о том, что показатели когнитивных функций различаются у пациентов, перенесших ОНМК в пожилом и старческом возрасте.

Исследование проводилось на базе Национального Медицинского Исследовательского Центра им. В. А. Алмазова. Экспериментально-психологического обследования пациентов с помощью следующих методик: Краткая шкала оценки психического статуса (MMSE) [5]; Батарея лобной дисфункции (FAB) [4]; Методика запоминания 10 слов; Толкование пословиц. Выборка исследования — 31 пациент с ОНМК. Пациенты были разделены на две группы по возрастному признаку: группа старческого (18 человек) и пожилого возраста (13 человек). Для статистического сравнения данных нейропсихологических проб использовался непараметрический критерий U Манна-Уитни.

Изучение выраженности нарушений когнитивных функций в двух группах с помощью краткой шкалы оценки психического статуса MMSE ($p=0,003$) выявило меньшую выраженность нарушений когнитивных функций в группе пожилого возраста по сравнению с группой старческого возраста. Исследование внимания у обследованных пациентов, перенесших ОНМК, показало, что концентрация внимания менее нарушена у пожилой возрастной группы (краткая шкала MMSE, $p=0,013$) С помощью «Методики запоминания 10 слов» проведено исследование показателей памяти у пациентов, перенесших ОНМК двух возрастных групп. Изучение памяти пациентов двух групп, перенесших ОНМК, показало значимо более низкие результаты по показателям памяти. Различия были обнаружены при втором, третьем и четвертом предъявлении испытуемым 10 слов. При отсроченном предъявлении 10 слов значимость составила 0,001. С помощью батареи лобной дисфункции (FAB) было проведено исследование психических показателей пациентов, перенесших ОНМК двух возрастных групп. Выявлено нарушение

динамического праксиса (p=0, 024) в группе старческого возраста по сравнению с группой пожилого возраста пациентов, перенесших ОНМК. Методика «Толкование пословиц» позволила исследовать уровень целенаправленности мышления пациентов, их умения понимать и оперировать переносным смыслом. Сравнительный анализ компонентов мышления, таких как абстракция и динамика, выявил нарушения в большей степени у пациентов, перенесших ОНМК из группы старческого возраста. Их суждения отличались меньшей дифференцированностью и целенаправленностью.

Нейропсихологическое обследование больных с ОНМК выявило значимые различия между двумя группами по показателям психических функций, кратковременной и долговременной памяти, концентрации внимания, динамическому компоненту мышления и способности к абстракции.

1. Вербицкая С.В., Парфенов В.А., Решетников В.А., Козлов В.В., Кабаева А.Р. Постинсультные когнитивные нарушения (результаты 5-летнего наблюдения) // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2018. №1.
2. Гусев Е.И., Скворцова В.И. Ишемия головного мозга. М: Медицина 2001; 327.
3. Драпкина О.М. Мозговой инсульт: взгляд из терапевтического окна. Consilium Medicum. 2011; Т.13, №10, С. 119-122.
4. Dubois B., Litvan I. The FAB: A frontal assessment battery at bedside. Neurology 2000; 55 (11): 1621-1626.
5. Folstein, M. F., Folstein, S. E., & McHugh, P. R. (1975). “Mini-mental state:” a practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. Journal of Psychiatric Research, 12 (3), 189–198.

Кузнецова Т.А., Грандилевская И.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Качество жизни и жизнестойкость больных рассеянным склерозом

Медицинская психология, рассеянный склероз, качество жизни, жизнестойкость

Введение. Рассеянный склероз (РС) — аутоиммунное демиелинизирующее заболевание центральной нервной системы. Его симптоматика крайне разнообразна в связи с особенностями протекания болезни: невозможно предсказать локализацию поражений, не существует характерной картины МРТ (Абдурахманова, 2016). Проявления РС укладываются лишь в рамки неврологической клиники (потеря двигательных способностей, чувствительности, нарушения зрения, слуха и тд). На данный момент рассеянный склероз неизлечим, существует лишь терапия, влияющая на течение заболевания. Так как РС чаще всего дебютирует в молодом возрасте от 18 до 25 лет и значительно сказывается на трудоспособности пациентов, течение болезни оказывает влияние на социальное функционирование больных и их качество жизни (КЖ).

Методы. При проведении исследования использованы следующие клинико-психологические методы: социально-биографическая анкета, Шкала страха негативной оценки, Краткий опросник качества жизни ВОЗ, Госпитальная шкала тревоги и депрессии, Тест жизнестойкости в версии Осина-Рассказовой. При проведении анализа результатов использованы такие математико-статистические методы как t-критерий Стьюдента (сравнительный анализ двух независимых выборок) и критерий Спирмена (корреляционный анализ внутри группы пациентов. В исследовании приняли участие 32 пациента и 33 условно здоровых человека.

Результаты. Больные РС оценивают общее качество своей жизни ниже, чем контрольная группа ($p=0,013$), также как и некоторые отдельные шкалы. Показатели КЖ взаимосвязаны с показателями жизнестойкости по всем шкалам (от $p=0,000$ до $p=0,016$). Установлено, что общий балл жизнестойкости снижен в группе пациентов относительно контрольной на уровне статистической тенденции ($p=0,085$). Страх негативной оценки выше у больных РС по сравнению с условно здоровыми участниками ($p=0,03$). Установлена статистически значимая обратная корреляция между шкалой выраженности депрессивной симптоматики и показателями КЖ (от $p=0,000$ до $p=0,001$, $p=0,081$). Аналогичная взаимосвязь обнаружена между шкалами "Госпитальной шкалы тревоги и депрессии" и "Теста жизнестойкости" (от $p=0,000$ до $p=0,016$). Статистически достоверно можно утверждать взаимосвязь между показателями "Страха негативной оценки" и шкалами, характеризующими жизнестойкость (от $p=0,001$ до $p=0,012$). Методика "Страх негативной оценки" в группе пациентов обратно коррелирует с возрастом больных ($p=0,024$), а также взаимосвязана с эмоциональным состоянием пациентов ($p=0,005$, $p=0,032$).

Обсуждение. Проблема качества жизни пациентов с РС все чаще поднимается в научном мире, однако не исследуются взаимосвязи с психологическими особенностями пациентов (Бойко, 2018). Согласно результатам проведенного исследования, можно утверждать, что КЖ больных значительно ниже, чем у здоровых людей. Также у пациентов ниже некоторые показатели жизнестойкости по сравнению с контрольной группой. КЖ также взаимосвязано с эмоциональным состоянием и социальной сферой у пациентов. Так, чем более выражена депрессивная симптоматика, тем ниже КЖ и показатели жизнестойкости, которые являются взаимозависимыми характеристиками по результатам и некоторых других исследований (Шаймухаметова, 2019). Кроме того, страх негативной оценки со стороны окружающих взаимосвязан у пациентов с показателями жизнестойкость: чем выше первый показатель, тем ниже второй.

Выводы. 1. Пациенты оценивают общее качество жизни и уровень жизнестойкости ниже, чем группа условно здоровых людей. 2. Уровень жизнестойкости положительно влияет на качество жизни. 3. Уровень жизнестойкости отрицательно коррелирует с выраженностью депрессивной, тревожной симптоматики и страхом негативной оценки у пациентов.

1. Абдурахманова Р.Ф., Иззатов Х.Н., Хадибаева Г.Б. Рассеянный склероз: этиология, патогенез и клиника (часть I) //Вестник последипломного образования в сфере здравоохранения. — 2016. — №3. — С. 68-74.
2. Бородина К. М. Социальная тревожность, как фактор снижения успеваемости студентов //Региональный вестник. — 2019. — №. 22. — С. 7-8.
3. Бойко О. В. и др. Улучшение показателей качества жизни больных рассеянным склерозом за 15-летний период //Журнал неврологии и психиатрии им. СС Корсакова. — 2018. — Т. 118. — №. 8-2. — С. 23-28.
4. Шаймухаметова С. Ф. Удовлетворенность качеством жизни как корррелят жизнестойкости личности //Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — Т. 8. — №. 2 (27). — С. 406-408.

Летягин П.И., Леонтьев А.В., Мусс А.И., Трусова А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Руминации и их связь с личностными чертами при расстройствах пищевого поведения

Расстройства пищевого поведения, руминации, нервная булимия, нервная анорексия.

Введение. Руминации — это когнитивный процесс, который включает повторяющиеся мысли о негативных переживаниях, неприятных жизненных ситуациях, размышления о своих неудачах и, так называемых, «отрицательных» свойствах [1]. В данном мета-обзоре имеется достаточное количество свидетельств связи руминаций и различных видов психопатологии, в том числе расстройств пищевого поведения (РПП) — у людей с РПП часто встречаются повторяющиеся неприятные размышления о еде, весе и фигуре, отвлекающие от чувства голода и тревожных переживаний. Руминации рассматриваются как дезадаптивная стратегия регуляции эмоций, формирующая цикл, в котором негативные переживания и размышления о них усиливают друг друга [2]. При этом, остается не вполне изученным, с какими именно личностными чертами ассоциирована склонность к руминациям.

Цель исследования — сравнительное изучение выраженности руминаций и их ассоциаций с личностными характеристками у лиц с РПП. В исследование включались девушки (24 человека) и 1 респондент, не указавший свою гендерную принадлежность, с расстройствами пищевого поведения (РПП), а также контрольная группа девушек без РПП — 25 человек. Средний возраст экспериментальной группы составил 21,2 (4,43) (M (σ)) лет, контрольной группы — 19,8 (1,19) (M (σ)) лет. Наличие РПП подтверждалось выписками из больничных карт каждого участника экспериментальной группы. Для исследования руминаций была использована методика «Шкала руминаций» (Rumination Response Scale), в адаптации Князева [3]. Основная шкала описывает склонность к возникновению руминаций в ответ на негативные состояния и события. Также использовался опросник «Большая пятерка» (Big Five Inventory), адаптация Щебетенко [4] для выявления личностных особенностей.

Результаты. В качестве методов статистической обработки был использован U-критерий Манна-Уитни для выявления различий в выраженности руминаций, также различия в руминациях описывались медианной и 1-3 квартилями [Q1;Q3]. Для выявления взаимосвязей выраженности руминаций и личностных черт использовался коэффициент корреляции Спирмена. Результаты по методике «Шкала руминаций» указывают на статистически значимые различия ($U=129,5$ при $p\leq0,01$), в контрольной группе = 65 [56,5;73], в экспериментальной = 48 [41,5; 56,5]. Корреляционной анализ показал значимые связи между личностными чертами и руминациями в обеих группа. В экспериментальной группе была выявлена связь с доброжелательностью ($r=0,489$) и нейротизмом ($r=0,577$), в контрольной группе с добросовестностью ($r=-0,608$) и нейротизмом ($r=0,556$).

Выводы и обсуждение. Таким образом, подтвердилась связь руминаций с возникновением и/или протеканием РПП, однако сложно установить, какая из этих переменных является первичной. В дальнейшем продолжении данного исследования планируется посмотреть на степень выраженности руминаций относительно продолжительности протекания РПП, так как это может способствовать поддержанию аберрантного поведения, которое проявляется в чрезмерном переедании с последующим процессом индуцирования тошноты и рвоты или, опасным для жизни, ограничением в питании. Предварительно установлена ассоциация руминаций с «нейротизмом», вариативно с «доброжелательностью» и «добросовестностью». Так как руминации это повторяющиеся циклические мысли и негативные переживания, в т.ч. с оттенком чувства вины, собственной несостоятельности, то можно сделать предположение о том, что добросовестность ассоциирована с цикличностью в феноменологии руминаций, а доброжелательность — с тенденциями переживания собственной несостоятельности.

1. Smith KE, Mason TB, Lavender JM. Rumination and eating disorder psychopathology: A meta-analysis // Clinical psychology review. 2018. №61. С. 9-23.
2. Aldao A, Nolen-Hoeksema S, Schweizer S. Emotion-regulation strategies across psychopathology: A meta-analytic review // Clinical Psychology Review. 2010. № 30(2). С. 217–237.
3. Дорышева Е.А., Князев Г.Г. Психометрические свойства трех опросников регуляции эмоций // Современные проблемы клинической психологии и психологии личности. 2017. С. 193-198.
4. Shchebetenko S. A. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. № 11.С. 129-148.

Лыкова М.К., Аринцина И.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности когнитивного и адаптивного функционирования взрослых, перенесших коронавирусную инфекцию

Эпидемия COVID-19, самоизоляция, коронавирусная инфекция, последствия COVID-19, айтрекинг

Эпидемия коронавирусной инфекции (COVID-19) длится уже больше 2-х лет и за это время накопились данные о последствиях для здоровья человека как ситуации пандемии, так и самого перенесенного заболевания. Стратегии общественного здравоохранения по сдерживанию распространения болезни были внедрены почти во всех странах — карантин (самоизоляция) людей, зараженных вирусом, а также социальное дистанцирование населения в целом. Как показали исследования, эта мера может быть связана с целым рядом неблагоприятных психологических эффектов, включая эмоциональные переживания страха, тревоги и депрессии (Brooks et al., 2020), а также физические проблемы от снижения двигательной активности, изменения диеты и отсутствия солнечного света (Lippi et al., 2020). Описаны разнообразные последствия самого перенесенного заболевания соматического и психологического характера. Коронавирусная инфекция поражает как дыхательные пути и сердечно-сосудистую систему, так и нервную ткань, приводя к различным неврологическим осложнениям (Desforges et al., 2020). Также было показано, что люди, переболевшие COVID-19, в том числе и те, у кого не было симптомов, демонстрировали значительный когнитивный дефицит, имели более высокие показатели депрессии, тревожности, усталости и нарушения качества сна (Hampshire et al., 2021); примерно у 30% людей, госпитализированных с COVID-19, наблюдались признаки посттравматического стрессового расстройства, особенно у больных с хроническими заболеваниями (Rogers et al, 2020).

Целью настоящего исследования является изучение особенностей когнитивного и адаптивного функционирования взрослых, перенесших COVID-19. Мы предполагаем, что у них будет наблюдаться снижение когнитивных функций (памяти, внимания, мышления) и ухудшение адаптивного функционирования по сравнению с людьми, которые не болели; а также, что степень снижения указанных психологических характеристик взаимосвязана с тяжестью течения заболевания. Методы исследования: опросник Т. Ахенбаха 18-59 для взрослых, методики айтрекинга для изучения внимания, памяти и мышления, анкета для сбора данных о перенесенном заболевании и о вакцинации. Участники исследования: взрослые люди 18-50 лет, перенесшие COVID-19 разной степени тяжести. Обследование людей планируется проводить в два этапа. На первом этапе участникам будет предложено заполнить анкету и опросник Ахенбаха в гугл-формате. На втором этапе участники будут приглашены в лабораторию

для проведения методик айтрекинга. В настоящее время обследование на разных этапах проходят 60 человек.

1. Brooks S.K. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395, pp. 912-920.
2. Desforges M. et al. Human coronaviruses and other respiratory viruses: underestimated opportunistic pathogens of the central nervous system? // Viruses. 2019. Vol. 12 (14). 28 pp.
3. Hampshire A. et al. Associations between dimensions of behaviors, personality traits, and mental-health during the COVID-19 pandemic in the United Kingdom // Nature Communications. 2021. Vol. 12(1):4111.
4. Lippi G. et al. Physical inactivity and cardiovascular disease at the time of coronavirus disease 2019 (COVID-19) // European Journal of Preventive Cardiology. 2020. Vol. 27 (9). Pp. 906-908.
5. Rogers J.P. et al. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic // Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7. Pp. 611–627.

Нелюбина А.С.
Москва, РГГУ

Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19

Стратегии поведения, вакцинация, представления о болезни, COVID-19

Прекращение пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 во всем мире связывалось с формированием коллективного иммунитета при помощи вакцинации населения. Уже 11.08.2020 была зарегистрирована общедоступная вакцина, но темпы добровольной иммунизации оставались невысокими. Летом 2021 г. государство предприняло ряд мер по стимулированию темпов вакцинации населения, но количество вакцинированных в РФ осталось на низком уровне (по данным Росстат количество полностью вакцинированных на 18 декабря 2021 года составляет 43%). Т.о., противодействие населения вакцинации являлось прогрессирующей социальной проблемой. Первоначально, на законных основаниях отказаться от вакцинации можно было получив медицинский отвод из-за тяжелой аллергической реакции в анамнезе. Закономерно возросло количество пациентов, обращающихся в клиники для получения медицинского отвода. С другой стороны, люди с сильной аллергической реакцией в анамнезе могли затрудняться в принятии решения о вакцинации, опасаясь ее последствий, и обращались в клинику для получения медицинского разрешения вакцинироваться.

В исследовании приняло участие 62 человека в возрасте от 19 до 76 лет. Выборка была разделена на группу не вакцинированных пациентов, которые хотели получить медицинский отвод — 31 человек (ср.возраст 34 года ± 11,3), и группу, принявших решение вакцинироваться — 31 человек (ср. возраст 44 года ± 16,3). Цель: выявить психологические особенности (толерантность к неопределенности, локус контроля болезни, представления о вакцинации и о коронавирусной инфекции COVID-19) у людей с разными стратегиями поведения относительно вакцинации. Методы: 1) авторская анкета осведомленности о вакцинации и COVID-19 со шкалированными ответами; 2) опросник локуса контроля болезни (А.Ш.Тхостов, И.А. Бевз, 1998); 3) шкала толерантности к неопределённости Баднера (1962) в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (2014). Статистический анализ: сравнение групп по уровню толерантности к неопределенности и вариантам локуса контроля при помощи стат. критерия Стьюдента. Данные анкеты обрабатывались кластерным анализом.

Выводы. 1. Не было выявлено значимых различий между вакцинированными и невакцинированными участниками исследования по уровню толерантности-интолерантности. Обе выборки в большей мере были толерантными к неопределенности (высоко толерантные и выше среднего в группе непривитых только 26%, и 45% — в группе привитых). Поэтому пациенты, принявшие решение о вакцинации, сделали это в основном через год после выпуска вакцины (летом-осенью 2021 года).

2. Вакцинированные участники исследования обладали внешним локусом контроля, доверяли специалистам и были склонны перекладывать ответственность за принятие решения о вакцинации на других лиц (врачей) (стат. значимо чаще при p0,05).

3. Ответы вакцинированных участников образовали 2 основных кластера: 1) представления об иммунитете как об энергетическом балансе организма, а о вакцинации как способе заразить малой дозой, чтобы снизить последствия при реальном столкновении с вирусом. 2) склонность опираться при принятии решения на различные источники и мнение других людей, готовность использовать более радикальные способы профилактики (антибиотики, кроворазжижающие препараты).

4. Ответы не вакцинированных участников образовали 3 основных кластера: 1) опасения негативных последствий вакцины (онкологические заболевания, бесплодие, старение организма) и поиск у врача подтверждения своих опасений и «защиты». 2) представления о собственном иммунитете как о «щите», который формируется через использование природных иммуностимуляторов, закаливания и позитивного мышления и в то же время может слишком активизироваться и убить организм хозяина. 3) магические представления о возникновении новой коронавирусной инфекции.

Полученные данные могут быть использованы при проектировании профилактических программ.

1. Данные Росстата о количестве вакцинированных [Электронный ресурс] URL:https://rosstat.gov.ru/folder/81021
2. Бевз И.А. Внутренняя позиция пациента по отношению к болезни и выбор стратегии медицинского поведения (на модели ишемической болезни сердца) / Автореф. дис. . на соискание степени кандидата психол. наук. — М.: МГУ, 1998.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00140

Рощина И.Ф.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ, МГППУ

Сафарова Т.П.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Нейропсихологическая диагностика когнитивных функций у больных с депрессией в позднем возрасте

Депрессия, поздний возраст, нейропсихологическое исследование

Введение. Депрессивные расстройства, наряду с деменциями, являются наиболее распространенными психическими нарушениями у больных пожилого и старческого возраста [1]. Когнитивный дефицит, часто сопровождающий позднюю депрессию, может быть как результатом самой депрессии, так и следствием начальных проявлений нейродегенеративных и сосудистых заболеваний [2].

Цель работы — изучение клинико-нейропсихологических особенностей когнитивной сферы у больных позднего возраста с депрессией по сравнению с группой контроля. Проведено клинико-нейропсихологическое исследование группы больных, проходивших лечение в клинике НЦПЗ. Обследовано 62 человека в возрасте 60 лет и старше (средний возраст- 76,4 года), из них 32 мужчины (51,6%) и 30 женщин (48,4%). У всех больных был диагностирован депрессивный эпизод легкой и средней степени тяжести в рамках рекуррентного депрессивного расстройства, биполярного аффективного расстройства или однократный депрессивный эпизод в соответствии с классификацией МКБ-10 при отсутствии в анамнезе иных психических расстройств. Группа контроля — жители Москвы без нервно-психических заболеваний, 40 человек в возрасте от 60 лет и старше (средний возраст — 72,4 года), из них 27 женщин (67,5%) и 13 мужчин (32,5%). Участники обеих групп были правшами. Метод — комплексное нейропсихологическое исследование (по А.Р.Лурия) [3], включавшее исследование гнозиса, различных составляющих праксиса, оптико-пространственной деятельности, речи, памяти, мышления, а также нейродинамических параметров психической активности и ее произвольной регуляции (с количественной и качественной оценкой результатов выполнения проб). Статистическая обработка данных — по критерию Стъюдента и Пирсона ($\chi 2$).

Результаты. Результаты комплексного нейропсихологического исследования в клинической и контрольной группе показали отсутствие значимых различий по операциональным параметрам зрительного, слухового и тактильного гнозиса. Исследование кинестетического праксиса показало значимые различия при выполнении переноса поз с одной руки на другую без зрительного контроля (с участием межполушарного взаимодействия), которые хуже выполняли пациенты с депрессией. Кинетическая организация праксиса была значимо хуже у пациентов клинической группы, для которых оказались труднее все пробы на динамический праксис. Результаты выполнения проб на оптико-простран-

ственный анализ и синтез значимо хуже выполняли пациенты клинической группы (рисунок геометрических фигур по речевой инструкции, «копирование с пространственной перешифровкой»). В импрессивной речи у пациентов с депрессией отмечались большие трудности понимания логико-грамматических конструкций языка (не достигали уровня значимости). В экспрессивной речи у клинической группы наблюдались значимо более отчетливые трудности в номинативной функции речи. Исследование зрительной памяти показало, что значимые различия между обследованными группами наблюдались только по параметру объема отсроченного воспроизведения при достаточном объеме непосредственного запоминания. Результаты исследования вербальной памяти у клинической группы значимо снижались по объему непосредственного и отсроченного воспроизведения несвязных по смыслу стимулов. При этом отчетливо выступало негативное влияние интерферирующей деятельности на отсроченное воспроизведение и трудности избирательности. Оценка регуляторных параметров психической деятельности показала, что у пациентов с депрессией наблюдалось значимое снижение нейродинамических составляющих. Недостаточность произвольной регуляции психической деятельности у них проявлялась в снижении и неустойчивости произвольного внимания (различия значимы) и контроля (различия не достигали уровня значимости).

Заключение. Результаты комплексной нейропсихологической диагностики (и индивидуальные варианты дефицитов в нейропсихологическом статусе) следует учитывать при проведении с такими больными когнитивной стимуляции (когнитивного тренинга).

1. «Руководство по гериатрической психиатрии» под редакцией проф. С.И. Гавриловой. Москва: «МЕДпресс-информ», 2020. — 440с. : ил. ISBN 978-5-00030-802 -8. УДК 616.89-053. ББК 56.14.
2. Nelson J C Management of Late-Life Depression. Handb Exp Pharmacol. 2019;250:389-413.
3. Корсакова Н.К., Рощина И.Ф., Балашова Е.Ю. Геронтопсихология. Нейропсихологический синдром нормального старения : учебное пособие для вузов / — Москва : Издательство Юрайт, 2022 — 81 с. — (Высшее образование) — Текст : непосредственный. ISBN 978-5-534-15027-8

Савушкина А.И., Рощина И.Ф.
ФГБНУ НЦПЗ, МГППУ

Модель психического и когнитивная сфера больных шизофренией

Модель психического, эмоциональный интеллект, когнитивная сфера, шизофрения

Введение. Шизофрения является наиболее распространённым психическим заболеванием, негативно влияющим на когнитивную, эмоциональную, мотивационную сферу личности пациентов. Исследование направлено на изучение модели психического, как необходимого компонента для социальной активности, и когнитивной сферы больных шизофренией, как необходимого звена познания окружающего мира и себя.

Материал и методы. Экспериментальная группа — 15 взрослых мужчин и женщин (средний возраст 41,5 год) с диагнозом шизофрения, посещающих Центр социально-психологической и информационной поддержки «Семья и психическое здоровье» (руководитель — докт. мед. наук Т.А.Солохина, ФГБНУ НЦПЗ), контрольная группа — 15 здоровых мужчин и женщин (средний возраст 39,5 лет). Методический комплекс: Тест «Чтение психического состояния другого по взгляду» («Reading the mind in the eyes»-RME, в адаптации Румянцевой Е.Е., 2012), Опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д.В. Люсин), Монреальская когнитивная шкала (Montreal Cognitive Assessment, MoCA). Статистическая обработка включала использование U-критерия Манна-Уитни, t-критерия Стъюдента и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. По методике RME было выявлено значимое снижение модели психического у пациентов с шизофренией в отношении невербального распознавания психического состояния других людей по сравнению со здоровыми испытуемыми. Результаты по опроснику «ЭмИн» у пациентов с шизофренией были несколько выше по всем параметрам по сравнению с результатами здоровых испытуемых. Значимо более высокие результаты у пациентов с шизофренией были выявлены в шкалах «Контроль экспрессии», «Внутриличностный эмоциональный интеллект» и «Управление эмоциями». Сопоставление результатов по методике MoCA показало значимое снижение когнитивной сферы у пациентов с шизофренией. Наибольшие трудности при выполнении методики MoCA вызвал субтест — отсроченное воспроизведение вербальных стимулов. Корреляционный анализ показал наличие сильных обратных связей на достоверном уровне значимости между абстрактным мышлением и памятью (отсроченное воспроизведение), и на высоком уровне значимости между зрительно-конструктивными навыками и общим показателем методики MoCA с параметрами эмоционального интеллекта. Данных корреляций не было обнаружено в результатах контрольной группы, что позволяет считать эти связи специфичными именно для группы пациентов с шизофренией.

Выводы. На основании полученных результатов можно констатировать снижение модели психического и когнитивной сферы пациентов с шизофренией. Также проведенный анализ позволяет говорить о наличии обратных взаимосвязей между когнитивной сферой и эмоциональным интеллектом пациентов с шизофренией. Данные о дефиците модели психического у пациентов с шизофренией подтверждаются результатами прошлых исследований, в которых также отмечалось снижение функционирования модели психического [1] и наибольшая выраженность снижения способностей распознания эмоционального состояния других людей при шизофрении [2]. Результаты оценки когнитивной сферы пациентов с шизофренией соответствует итогам анализа исследований когнитивной сферы у этих пациентов, в которых отмечалось снижение у них кратковременной и долговременной памяти [3].

1. Румянцева Е. Е. Применение полуструктурированного интервью «Способность понимать модель психического» в норме и при шизофрении у лиц юношеского возраста //Вестник Омского университета. Серия «Психология». — 2016. — №. 1.
2. Neerven T., Bos D. J., van Haren N. E. M. Deficiencies in Theory of Mind in patients with schizophrenia, bipolar disorder, and major depressive disorder: A systematic review of secondary literature //Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2021. — Т. 120. — С. 249-261.
3. Haddad C. et al. General description of cognitive deficits in schizophrenia and assessment tools in Lebanon: A scoping review //Schizophrenia Research: Cognition. — 2021. — Т. 25. — С. 100199.

Скобелина Н.А.
Волгоград, ВГУ

Психологическая составляющая в системе долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами

Система долговременного ухода, психолог, экспертный онлайн-опрос, цифровые технологии

В системе долговременного ухода одним из основных компонентов является социально-психологическая помощь, поддержка положительного эмоционального состояния, создание позитивного настроения у лиц пожилого возраста и инвалидов. В долговременном уходе деятельность психолога в первую очередь направлена на решение психологических проблем клиента. Психологи используют диагностику, психотерапию, психологическую коррекцию, консультирование, психологическое сопровождение.

С целью выявления технологий долговременного ухода, определения роли и форм деятельности специалистов сферы социального обслуживания населения, включенных в междисциплинарные бригады, было проведено социологическое исследование «Внедрение системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском регионе», в ходе которого применялся экспертный онлайн-опрос среди руководителей центров социального обслуживания населения Волгоградского региона (N=27, Волгоградский регион, январь — февраль 2022 г.), входивших в реестр поставщиков социальных услуг. Согласно результатам исследования, в регионе большинство центров социального обслуживания населения включают более 50 сотрудников. Среди них социальные работники, специалисты по социальной работе и психологи имеются во всех учреждениях. Необходимость сотрудничества с медиками отмечена всеми экспертами, но не во всех центрах такие партнерские практики имеются. В учреждениях Волгограда, Фролова, Камышина, Михайловки сотрудничество между медиками и психологами осуществляется «согласно соглашению, заключенному между организациями». Специалисты по социальной реабилитации с психологическим образованием тесно общаются с медиками, чтобы более эффективно разработать индивидуальный план работы с получателями социальных услуг. Психологи, специалисты по социальной работе, врачи, социальные работники принимают участие в мультидисциплинарных бригадах.

Эксперты отмечают, что в систему долговременного ухода включены технологии когнитивно-поведенческой терапии, психодинамической терапии, терапии решения проблем. Немедикаментозные подходы к лечению в системе долговременного ухода применяются к пациентам с эмоциональной депрессией, различной степени депрессивными расстройствами. Экспертами сделан акцент на пожилых людях с депрессией без серьезных когнитивных нарушений, на применении когнитивной и интерперсональной межличностной терапии.

Режим самоизоляции в период пандемии сократил услуги поддержки и оказал воздействие на эмоциональное состояние пациентов. Отсутствие непосредственного контакта со специалистами, ограничение доступа к службам поддержки, уменьшение количества личных взаимодействий привело к обострению чувства одиночества, к переживаниям, беспокойствам, стрессам и появлению признаков деменции. В такой ситуации возникает потребность в психологической поддержке со стороны специалистов. Психологи участвуют в практиках терапевтического наблюдения, эффективно решают проблемы в процессе проведения онлайн-мероприятий, оффлайн и онлайн консультаций. Психологическое сопровождение и консультирование пожилых людей, как отмечают теоретики и практики, направлено на смягчение негативного психологического состояния у пациентов. Экспертный опрос показал, что онлайн-мероприятия имеют большое значение для психического здоровья пациентов. В последние годы цифровые технологии предоставили возможность оказывать услуги в дистанционной форме. Обучение социальным навыкам, техникам релаксации, обсуждение событий и различных ситуаций происходит в сети Интернет наряду с непосредственным общением.

Таким образом, результаты экспертного опроса и анализ теоретических моделей адаптации предоставили возможность выявить роль и формы деятельности психологов в системе долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами и определить психологическую составляющую в процессе оказания социальных услуг.

Исследование выполнено в рамках проекта, который реализуется победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы Владимира Потанина

Смурова Е.Л., Гуреева И.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова

Особенности пищевого поведения у пациентов с морбидным ожирением до и после бариатрической операции

Морбидное ожирение, бариатрическая операция, пищевое поведение.

Актуальность исследования: проблема ожирения занимает одну из ведущих позиций в современной медицине. Ожирения и развитие сопутствующей ему вторичной патологии увеличивают риск летального исхода и значительно сокращают продолжительность и качество жизни [1]. Бариатрические операции — это наиболее эффективный способ лечения морбидного ожирения, однако после вмешательств пациент сталкивается с целым рядом проблем, требующих контроля и терапии.

Цель исследования: определение характерных особенностей нарушения пищевого поведения у пациентов с морбидным ожирением до и после проведения бариатрической операции; выявление паттернов повторного набора веса в послеоперационный период. Материалы и методы: в исследование включено 35 пациентов (22 женщины и 13 мужчин) с морбидным ожирением (ИМТ ≥ 40 кг/м2) в возрасте от 27 до 70 лет, наблюдаемые до и в течение трех лет после бариатрического вмешательства. В дооперационный период использовалась методика «Голландский опросник пищевого поведения DEBQ», в послеоперационный период: «Трехфакторный опросник питания FEQ».

Результаты: В дооперационный период у пациентов наблюдались стойкие нарушения пищевого поведения. До операции у пациентов в структуре нарушений пищевого поведения превалируют комбинированные формы, при этом преобладает экстернальный компонент (зависимый от внешних факторов) (72,22% испытуемых). После операции пациентам свойственно ограничительное пищевое поведение. В рамках трехфакторного опросника питания, который был проведен после оперативного лечения, была выявлена положительная корреляции по шкалам «восприимчивость к голоду» и «растормаживание» ($r=0,43$, $p\leq0,05$), что может свидетельствовать о тесной связи физиологического и эмоционального голода и сниженной дифференциацией этих состояний. Также выявлена отрицательная корреляция по шкалам «восприимчивость к голоду» и «ограничение» ($r=-0,45$, $p\leq0,05$), что указывает на отсутствие стремления ограничить себя в потреблении пищи у пациентов дифференцирующие голод как физиологический.

Выводы: У пациентов выявлено стойкое нарушение пищевого поведения, которые не проходят после проведения бариатрической операции и последующим снижением веса: до операции в структуре нарушений пищевого поведения превалируют комбинированные формы, при этом преобладает экстернальный компонент пищевого поведения, после операции наблюдается доминирование ограничительного пищевого поведения. Выявлено тесное взаимодействие физиологического и эмоционального голода у пациентов с морбидным ожирением,

проявляющееся в сложности их дифференцирования, и отсутствие достаточной мотивации к сокращению потребления пищи в моменты эмоционального голода, что может являться фактором набора веса после операции.

1. Zimmer P., Alberti K., Shaw G. Global and societal implications of the diabetes epidemic // Nature. — 2001. — № 414.

Степанова И.В., Иванова Г.Р.
Москва, МГМСУ им. А.И. Евдокимова

Психогенные факторы и агрессивное поведение у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения

Агрессивное поведение, вербальная агрессия, мультиинфарктная деменция, психогенные факторы

Агрессивное поведение — частое последствие нарушений мозгового кровообращения, способное осложнить лечебно-реабилитационный процесс [1,2].

Цель исследования: изучение влияния психогенных факторов на развитие агрессивного поведения у больных с сосудистыми поражениями головного мозга. Материалы и методы: исследованы 49 пациентов с мультиинфарктной деменцией, из них 31 мужчина (63,3 %) и 18 женщин (36,7%). Средний возраст составил 72,8±8 лет. У 17 пациентов (34,7%) когнитивные нарушения достигали легкой степени деменции, у 23 (46,9%) — умеренной степени, у 9 (18,4%) — тяжелой степени. В соответствии с классификацией агрессии А. Басса выделялись вербальная агрессия, физическая агрессия и раздражительность, подтвержденные данными нейропсихиатрического опросника NPI (Cumming J.L. 1994). Применялись клинико-анамнестический и клинико-психопатологический методы. С помощью психометрического опросника Mini Mental State Examination (Folstein M. et. al., 1975) оценивалось глобальное когнитивное функционирование, рейтинговая шкала деменции The Clinical dementia rating (Morris J.C., 1993) использовалась для оценки тяжести деменции. Для оценки психотических расстройств применялась оценочная шкала нейропсихиатрического инвентаря NPI (Cumming J.L. 1994). Критерии отбора: 20 и менее баллов по шкале MMSE (Folstein M. et. al., 1975); от 1 и более баллов по шкале CDR (Morris J.C., 1993); от 1 и более баллов выраженность агрессивного поведения по опроснику NPI (Cumming J.L. 1994).

Результаты: Основными психогенными факторами, отмеченными при клиническом обследовании и во время бесед с родственниками, явились: непонимание родственников при обращении к ним пациентов, небрежное осуществление ухода, нарушение привычного режима дня, беспомощность из-за заболевания, негативное отношение ухаживающих лиц к пациентам. У 17 пациентов (65,4%) наблюдалась вербальная агрессия в виде нецензурной брани и оскорблений, возникающих в связи с непониманием ухаживающими лицами обращений к ним с различными просьбами бытового характера (p=0,046). Связь между изучаемыми признаками была средней (V=306). У 27 пациентов (96,4%) наблюдалась физическая агрессия с замахиванием рукой и сопротивлением при осуществлении повседневного ухода (p=0,001). Между сопоставляемыми признаками отмечалась сильная связь (V=0,794). В 78,6% случаев (у 22 пациентов) физическая агрессия возникала при нарушении привычного режима дня (p=0,001). Связь была относительно сильной (V=0,5). Раздражительность наблюдалась у 13 человек (72,2% случаев), в виде ворчания, нетерпимости на фоне столкновения с обстоятель-

ствами, демонстрировавшими беспомощность пациента (p=0,009). Связь между признаками средняя (V=0,386). Статистически значимая связь между проявлениями агрессии и негативным отношением ухаживающих лиц (обесценивание, пренебрежение, отвержение) к пациентам выявлена не была, однако данный фактор требует дальнейшего рассмотрения в качестве потенциально влияющего на эмоциональное состояние.

Выводы: среди рассмотренных видов агрессивного поведения пациенты с мультиинфарктной деменцией наиболее часто проявляют физическую агрессию при осуществлении ухода за ними, и при нарушении привычного режима. Вербальная агрессия статистически значимо чаще наблюдается при непонимании пациентов ухаживающими лицами, а раздражительность проявляется в связи с беспомощностью. Данные наблюдения могут быть использованы при разработке психотерапевтических и психообразовательных подходов, адресованных пациентам и ухаживающим лицам для облегчения взаимодействия между ними и повышения приверженности лечению.

1. Vale F.A.C. Reports by caregivers of behavioral and psychological symptoms of dementia/ F.A.C. Vale, R. Guarnieri, V. Liboni //Dementia & neuropsychologia. — 2007. — Vol. 1 (1). — P. 97-103.
2. Majer, R. Behavioral and psychological symptoms in neurocognitive disorder Specific patterns in dementia subtypes / R. Majer, V. Simon, L. Csiba, L. Kardos, E. Frecska, T. Hortobagyi // De Gruyter. — 2019. — Vol. 14. — P. 307 — 316.

Чопчик Д.Ю., Бурина Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Индивидуально-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения: дизайн исследования

Пищевое поведение, нарушения пищевого поведения, индивидуально-психологические особенности, дизайн исследования

Нарушения пищевого поведения (НПП) — термин, использующийся для описания пищевых особенностей, которые с одной стороны могут служить основанием для постановки диагноза расстройство пищевого поведения (РПП), а с другой стороны могут сами по себе включать патологическое пищевое поведение, не соответствующее диагностическим критериям РПП. Большинство исследований, как правило, сосредоточены на клинической выборке, лицах с нервной анорексией, нервной булимией и психогенным перееданием. В области психологии пищевого поведения (ПП) отмечается дефицит исследований личностных особенностей лиц с НПП. Отечественные исследователи зачастую отождествляют понятия «нарушение» и «расстройство» ПП, что приводит к тому, что группа лиц без диагноза, но имеющая НПП, остается без должного научного внимания.

Предполагается, что индивидуально-личностные особенности являются важными переменными в этиологических моделях НПП и потенциально важны как для их развития, так и для поддержания. Тем не менее имеющиеся исследования в данной области концентрируются преимущественно на РПП и пренебрегают НПП [3]. При этом распространенность субклинической патологии ПП находится в диапазоне от 11% до 27% у лиц в возрасте от 20 до 29 лет [4]. Существующие малочисленные исследования в области НПП и широкая распространенность свидетельствуют о необходимости изучения данной группы лиц.

На текущий момент существует лишь несколько исследований, посвященных изучению личностных профилей лиц с НПП; результаты говорят о повышенной невротизации, высоком уровне контроля, неуверенности в себе, потребности в социальном одобрении, тревожности и общей уязвимости лиц с НПП [1, 2]. В ходе планируемого исследования предлагается изучить индивидуально-психологические особенности лиц с НПП, а именно: невротические черты личности, временную перспективу и иррациональные установки, а также проанализировать их взаимосвязь друг с другом. В связи с существующими в настоящее время данными возникла гипотеза о том, что лица с НПП будут иметь более высокий интегральный показатель выраженности невротических черт и общую оценку иррациональности личностных убеждений, а их временная перспектива будет отличаться несбалансированностью. В выборку будут включены мужчины (n=30) и женщины (n=30) в возрасте от 18 до 25 лет. Процесс набора респондентов будет осуществляться в социальных сетях с помощью Google Forms. Планируется использовать следующие методики: Опросник невротической личности КОН-2006, Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ), Опросник времен-

ной перспективы Зимбардо (ZTPI), Диагностика иррациональных установок А. Эллиса, а также анкета для изучения социально-демографических характеристик выборки. Для статистического анализа данных планируется применить описательные статистики, анализ нормальности распределения, сравнительный и корреляционный анализ.

Полученные данные могут применяться в психотерапевтической практике, наряду с разработкой лечебных и профилактических мероприятий. Индивидуально-личностные особенности в субклинических популяциях лиц с НПП имеют клиническую ценность не только для улучшения процедур психодиагностики данной группы лиц, но и для прогнозирования их социального функционирования.

1. Петрова Е. А., Хожеева К. С. Социально-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2020. — Т. 19. — №. 1. — С. 96-105.
2. Elfhag K., Morey L. C. Personality traits and eating behavior in the obese: poor self-control in emotional and external eating but personality assets in restrained eating // Eating behaviors. — 2008. — Т. 9. — №. 3. — С. 285-293.
3. Grunert S. C. Personality traits as elements in a model of eating behaviour // Understanding economic behaviour. — Springer, Dordrecht, 1989. — С. 309-332.
4. Perkins P. S., Slane J. D., Klump K. L. Personality clusters and family relationships in women with disordered eating symptoms // Eating behaviors. — 2013. — Т. 14. — №. 3. — С. 299-308.

Шевеленкова Д.М.
Москва, РГГУ

Диагностика психологического отношения к депрессии и людям, страдающими депрессией

Депрессия, человек в депрессии, психологическое отношение, когнитивная полифазия

Отношение общества к психически больным рассматривается обычно в русле проблемы стигматизации и дискриминации хронических психических заболеваний. В то же время исследования отношения к людям с аффективными нарушениями практически отсутствуют (Дубицкая Е.А., 2009). Немногочисленные эмпирические исследования в этой области представлены в основном работами социологического плана. Такие исследования актуальны, но не исчерпывают весь веер возможных вариантов отношения общества к страдающим психическими расстройствами. Правомерно поставить вопрос о факторах, снижающих отторжение душевнобольных в обществе: религиозность (Емельянова Т.П., Исраелян Т.В., 2021), пол, возраст. ценностные ориентации, снижение величины субъективной дистанции респондентов с психически больными (Шевеленкова Т.Д., Твердохлеб Н.А., 2015). В представлениях о душевнобольных обнаруживается «когнитивная полифазия»: наряду с социальными представлениями существуют отношения, вплетенные в ткань каждодневных взаимодействий между людьми (обыденное знание), для характеристики которых более адекватно использовать категорию «психологическое отношение», выступающее в единстве с переживанием и которое можно охарактеризовать с помощью дихотомических понятий: «понимаю» — «не понимаю», «принимаю» — «не принимаю», «сочувствую» — «отвергаю» и других.

Исследование психологических отношений хорошо укладывается в рамки феноменологического подхода, акцентирующего внимание на обыденном знании (основе теоретического знания) как опоре, относительно которой конструируется индивидуальное существование и жизненный мир (Польская Н.А., 2014). Именно в жизненном мире «живет» психологическое отношение (недоверие, клеймение, оскорбление и дискриминация наряду с сочувствием, жалостью), проявляющееся к депрессии и людям ею страдающим.

Для своеобразного «зондирования» жизненного мира был создан опросник "Образ человека в депрессии", в который вошли четыре раздела. Первый содержал утверждения, с которыми респонденты должны были согласиться или нет: на стигматизацию; выявляющие заблуждения о депрессии как о ментальном расстройстве, негативные представления о перспективах течения болезни, а также проявление дискриминации. Второй включал в себя незавершенные предложения и открытый вопрос про отношение к депрессивному состоянию. В третьем разделе респондентам был предложен список чувств, которые они испытывают по отношению к людям, страдающими депрессией. Четвертый раздел содержал вопросы о том, каким образом респонденты сталкивались с людьми, страдающими депрес-

сией. В исследовании с декабря 2018 года по январь 2019 года приняли участие 104 респондента (от 18 до 69 лет), проживающие в Москве, Санкт-Петербурге и Калининграде.

Применение опросника позволило обнаружить когнитивную полифазию в структуре психологических отношений респондентов, имеющих опыт депрессивных переживаний или контакта с депрессивными пациентами, так и респондентов, отрицающих опыт такого рода. Установлены факторы, дифференцирующее психологическое отношение. Респонденты, имеющие личный опыт переживания депрессивного состояния и респонденты, находящиеся в депрессивном состоянии на момент участия в исследовании, менее склонны стигматизировать депрессию и людей в депрессии, эмоционально описывают переживание депрессии, подробно останавливаясь на ее соматических проявлениях. Не имеющие опыта переживания депрессии, концентрируют внимание на депрессии как на заболевании, чаще склонны к избеганию, страху по отношению к людям в депрессии. что положительно коррелирует со стигматизацией. Важными являются факторы возраста и профессиональной принадлежности: для лиц старше 35 лет сочувствие к лицам в депрессии менее характерно; для врачей и психологов при встрече с людьми в депрессии характерно переживание напряжения. Дифференцирующим психологическое отношение является эмоциональное переживание. Если у респондентов, люди в депрессии вызывают сочувствие, им менее свойственно проявлять к ним неприязнь, отвращение и напряжение.

1. Дубицкая Е. А. Стигматизация больных депрессией. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. М., 2009. 18 с.
2. Емельянова Т.П., Исраелян Т.В. Феномен когнитивной полифазии в социальных представлениях о душевнобольных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 346–262.
3. Польская Н.А. Психически больной в современном обществе: проблема стигмы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 145-158.
4. Шевеленкова Т.Д., Твердохлеб Н.А. Отношение к психически больным людям в современном российском обществе // Вестник РГГУ. 2015, № 2.: Серия «Психология. Педагогика. Образование». С. 139-149.

Шишкова А.М.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Бочаров В.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, ФГБОУ ВО СПбГПМУ

Твердохлебова А.М.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, ФГБОУ ВО

Взаимосвязь эмоционального выгорания и восприятия семейных отношений у родственников, опекающих пациентов с расстройством личности тревожно-депрессивного круга

Родственники хронически больных, выгорание, личностные особенности, опекающие родственники

Родственники хронически больных часто подвергаются воздействию хронического стресса в результате осуществления неформального ухода за больным. Одним из перспективных направлений исследований в контексте отношений «опекающий—опекаемый» в настоящее время считается изучение эмоционального выгорания [2; 4]. Теоретический конструкт выгорания позволяет учитывать как феномены вовлеченности родственника в деятельность по опеке больного, так и оценивать выраженность истощения ресурсной составляющей его личностной активности.

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи эмоционального выгорания и особенностей восприятия семейных отношений у родственников, опекающих пациентов с расстройством личности тревожно-депрессивного круга. В качестве объекта исследования выступали 37 родственников (родители и супруги) пациентов с расстройством личности тревожно-депрессивного круга (F41.1; F41.2). Возраст обследованных родственников в среднем составил 46,32 лет (SD=9,32). Возраст больных в среднем 30, 23 лет (SD=6,2). Оценка выраженности феноменов выгорания проводилась при помощи оригинальной методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (УЭВР) [1]. Методика включает 2 блока: «Вовлеченность» (шкалы «Энергия», «Наполненность смыслом», «Самоэффективность в лечении родственника») и «Выгорание» (шкалы «Истощение», «Деперсонализация», «Редукция личных достижений и «Деструктивная разрядка напряжения»). Для изучения особенностей восприятия семейных отношений применялась Шкала семейного окружения (ШСО), адаптированная С.Ю. Куприяновым [3]. Обработка проводилась с использованием статистического пакета SPSS v. 23, в качестве меры связи использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Анализ корреляции показателей, отражающих выраженность феноменов вовлеченности в заботу и проявлений выгорания в процессе опеки больного у его родственников (методика УЭВР), со шкалами, диагностирующими особенности

восприятия семейной ситуации (показатели методики ШСО), показал наличие как положительных, так и отрицательных взаимосвязей исследуемых параметров. В частности, выявлены положительные корреляционные связи показателя «Истощение» со шкалами «Конфликт» ($p \leq 0{,}01$) и «Организация» ($p \leq 0{,}05$). Показатель «Деперсонализация» обнаруживает положительные связи со шкалами «Экспрессивность» ($p \leq 0{,}01$), «Интеллектуально-культурная ориентация» и «Ориентация на активный отдых» ($p \leq 0{,}05$).

Таким образом, высокая конфликтность семейных отношений, а также наличие ригидных правил семейного взаимодействия связаны большей выраженностью ощущения усталости, недостаточности энергетического потенциала у родственников, вовлеченных в заботу о больном. Восприятие семейных отношений как открытых для свободного выражения собственных мыслей и чувств, а также ориентированность семьи на высокую социальную активность связаны с выраженным разочарованием в больном, обесцениванием его личностных качеств.

Полученные результаты могут использоваться при разработке психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий для родственников больных с расстройством личности тревожно-депрессивного круга.

1. Шишкова А.М., Бочаров В.В., Стрижицкая О.Ю., Вукс А.Я. Психометрические характеристики методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 2. С. 100–118.
2. Шишкова А. М., Бочаров В. В. Эмоциональное выгорание родственников больных с химической зависимостью: методология и инструментарий оценки. — СПб. : Нестор-История, 2021. — 352 с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. — СПб. : Речь, 2003. — 334 с.
4. Gérain P., Zech E. Informal caregiver burnout? Development of a theoretical framework to understand the impact of caregiving [Электронный ресурс] // Frontiers of Psychology. 2019. Vol. 10. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/ (дата обращения: 20.10.2021).

Щелкова О.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Усманова Е.Б.
Москва, НМИЦ онкологии им Н.Н. Блохина

Разработка и апробация опросника качества жизни больных, перенесших хирургическое лечение в связи с опухолями костей таза

Качество жизни, апробация опросника, опухоли таза

С внедрением новых медицинских технологий стало возможным проведение органосохраняющего лечения пациентов с опухолями костей таза, что позволяет избежать их пожизненной инвалидизации. В этих условиях актуальным становится вопрос всесторонней оценки результатов лечения — функциональных возможностей и качества жизни (КЖ) пациентов после высокотехнологичного лечения. В современных клинических и эпидемиологических исследованиях именно КЖ все чаще рассматривается как мера эффективности медицинских вмешательств. Однако инструментов изучения КЖ, предназначенных не для больших нозологических групп, а направленных на изучение КЖ ограниченных контингентов пациентов, к которым применяются уникальные методы лечения, недостаточно. Это определило основную цель исследования — разработка и апробация специализированного опросника качества жизни больных, перенесших хирургическое лечение на костях таза.

В основу нового опросника положены рекомендации по разработке подобных опросников «Европейской организации лечения и исследования рака» (EORTC) (Aaronson, 1993). Для проверки психометрических характеристик опросника использовались «Опросник качества жизни при онкологической патологии» (QLQ-C30 EORTC) и валидизированная нами русскоязычная версия «Опросника качества жизни при опухолях костей» «Bone Metastases» (BM22) (Усманова, Щелкова, 2019).

«Опросник качества жизни при опухолях костей таза» («Quality of Life Questionnaire Pelvic Bone Tumor» — QLQ PBT-30) включает 30 вопросов, организованных в 9 шкал. По аналогии с QLQ-C30 новый опросник содержит шкалу «Общее состояние здоровья», три функциональных шкалы («Физическая активность», «Социальная активность», «Сексуальная активность») и пять симптоматических шкал («Боль», «Утомление», «Эмоциональные проблемы», «Неврологические симптомы», «Сексуальные проблемы»). Психометрическая проверка показала надежность-согласованность шкал опросника (критерий α-Кронбаха=0,764). В процессе математико-статистической обработки данных были посчитаны показатели согласованности шкал опросника при удалении из них каждого из вопросов. По шкале «Общее состояние здоровья» критерий α-Кронбаха составил 0,845; по шкале «Физическая активность» — 0,738; по шкале

«Социальная активность» — 0,758; по шкале «Сексуальная активность» — 0,742; по шкале «Боль» — 0,725; по шкале «Утомление» — 0,672, по шкале «Эмоциональные проблемы» –0,701, по шкале «Неврологические симптомы» — 0,718, по шкале «Сексуальные проблемы» — 0,707. При оценке конвергентной валидности получено большое количество статистически значимых корреляций шкальных оценок нового опросника с функциональными и симптоматическими шкалами опросников качества жизни QLQ-C30 и BM22. Для проверки структуры опросника был проведен факторный анализ методом главных компонент с варимакс-вращением (с нормализацией Кайзера). Результаты эксплораторного факторного анализа подтвердили адекватность структуры опросника и ее соответствие базовой факторной модели: выделено два фактора, первый из которых включает шкалу общего состояния здоровья и функциональные шкалы, второй фактор включает симптоматические шкалы.

Опросник QLQ PBT-30, использовался в динамике для оценки функционального результата лечения 24 пациентов (средний возраст 44,42+3,13 лет; 14 (58,3%) мужчин) с опухолевым поражением костей таза, которым в НМИЦ онкологии им Н.Н. Блохина выполнялось лечение в объеме удаления опухоли с реконструкцией дефекта индивидуальными имплантами, созданными посредством 3-D печати. Как и другие опросники КЖ, новый опросник не выявил существенной положительной динамики общего показателя КЖ, напротив, выявлено снижение удовлетворенности физической и социальной активностью через 6-12 месяцев после операции, что связано с неоправданно высокими ожиданиями пациентов в отношении жизненной успешности после органосохраняющей операции, отмечено также усиление (p 0,05) неврологической симптоматики. Планируется дальнейшая апробация опросника на увеличенной выборке пациентов.

Щелкова О.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Яковлева М.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Усманова Е.Б.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Софронов Д.И.
Москва, НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина

Клинико-психологические особенности пациентов, перенесших ампутацию нижних конечностей

Ампутация нижней конечности, психоонкология, болевой синдром, совладающее поведение, качество жизни, приверженность лечению

Ампутация нижних конечностей (АНК), перенесенная на фоне тяжелого течения сосудистых, онкологических и других заболеваний и травм, существенно влияет на психическое состояние пациентов и качество их жизни (КЖ), поэтому такие пациенты остро нуждаются в психологической помощи. Однако научных исследований в области КЖ и психологии ампутированных больных недостаточно. Лишь в отдельных работах (Ашурков с соавт., 2019; Щелкова с соавт., 2021; Grzebień et al., 2017; Davie-Smith et al., 2019; Young et al., 2019) показаны распространенность и выраженность психологических трудностей, проблем социальной адаптации и особенности КЖ больных, перенесших АНК. Настоящее исследование направлено на расширение знаний в этой области в связи с задачами психологической и социальной реабилитации больных.

Цель: изучить клинико-психологический статус и качество жизни пациентов, перенесших АНК. Исследовано 39 больных (мужчины — 16 чел., 41,0%; средний возраст 52,03±2,33), находящихся на лечении в НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина МЗ РФ. Использованы методы клинической и психологической диагностики: визуально-аналоговая шкала боли VAS Pain; шкала выраженности болевого синдрома Watkins; шкала Karnofsky; шкала MSTS; структурированное интервью; методики «Большая пятерка» (Big V), «Стратегии совладающего поведения» (ССП), «Смысложизненные ориентации» (СЖО), «Специализированный опросник качества жизни» (QLQ-C30), а также методы математико-статистической обработки: одновыборочный Т-критерий, $\chi 2$ Пирсона, ρ-критерий Спирмана; программы SPSS 25.0 и Excel XP.

Результаты. Клинические характеристики. Причиной АНК стали заболевания и состояния как онкологического (38,5%), так и неонкологического (61,5%) характера. В первом случае преобладали остеосаркома костей бедра и голени, хондросаркома, липосаркома мягких тканей голени; во втором — атеросклероз артерий нижних конечностей, хронический остеомиелит, сахарный диабет, а так-

же травмы. Средняя субъективная оценка выраженности боли по шкале VAS Pain составила 4,18±0,40 баллов. Средняя экспертная оценка выраженности болевого синдрома по шкале Watkins составила 1,30±0,17 баллов («периодический прием ненаркотических анальгетиков»). Средняя оценка общего состояние пациентов по шкале Karnofski составила 78,89±3,32 баллов («обслуживает себя полностью, но нетрудоспособен»).

Психологические характеристики. Уровень приверженности лечению — средний. Показатель «Самосознание» (методика Big V) находится на уровне «выше среднего» и превосходит нормативный показатель (p0,001). Самыми низкими показателями в «профиле личности» являются «Сотрудничество» и «Личностные ресурсы». В структуре копинга (методика ССП) ведущими являются стратегии «Принятие ответственности» и «Поиск социальной поддержки». Стратегии «Бегство–избегание» (p≤0,001), «Дистанцирование» (p≤0,01), «Положительная переоценка» (p≤0,001) занимают в профиле самые низкие позиции и имеют показатели ниже, чем в нормативной выборке. Уровень интернальности больных (методика СЖО) выше (p0,01), чем в нормативной выборке.

Субъективная оценка КЖ в целом соответствуют функциональному состоянию больных. В наименьшей степени пациенты удовлетворены своей ролевой активностью; наибольшие ограничения на их жизнедеятельность накладывают повышенная утомляемость и боль. Показатели КЖ имеют взаимосвязи с оценкой общего состояния здоровья, болевого синдрома и с возрастом, а также с психологическими характеристиками, среди которых выделяется копинг-стратегия «Принятие ответственности»: чем больше в стрессовых ситуациях больные атрибутируют себе ответственность за их разрешение, тем в большей степени они удовлетворены КЖ в целом (p≤0,01) и такими его аспектами, как когнитивная (p≤0,05) и социальная (p≤0,01) активность.

Полученные данные будут использованы при разработке программ реабилитации после АНК.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00573

Якубовская Д.К., Польская Н.А.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Причины самоповреждающего поведения и их связь с межличностной чувствительностью

Самоповреждающее поведение, межличностная чувствительность, чувствительность к отвержению

Самоповреждающее поведение (СП) представляет собой намеренное нанесение повреждений своему телу в отсутствии суицидальных намерений [1]. Современные исследования психосоциальных факторов самоповреждения свидетельствуют о значимости как внутриличностных (психологический дистресс, эмоциональная дисрегуляция), так и межличностных факторов. Одним из компонентов в этой структуре может являться межличностная чувствительность (МЧ), характеризующаяся чрезмерной восприимчивостью к межличностным сигналам в сочетании с обеспокоенностью перед возможным социальным неодобрением, критикой или отвержением [2].

В данном сообщении представлены результаты исследования причин СП и МЧ. Сведения о СП собирались с помощью анкеты, включающей открытые и закрытые вопросы. Оценка МЧ осуществлялась с помощью русскоязычной версии одноименного опросника [2]. Исследование проходило летом 2021 г. в онлайн-сообществах социальной сети Вконтакте. Активность выбранных сообществ фокусировалась вокруг тем: самоповреждающее поведение; поддержка лиц с психическими заболеваниями; психообразование и самопомощь, включая русскоязычные феминистические сообщества; образование; творчество; волонтерство. В анализ включены данные 691 респондента (Мвозр.= 23,6±4,4), из которых 573 — женщины. На основе анкетирования были выделены две группы: 1) лица с СП (N=497); 2) лица без СП (N=194). Более высокие значения по всем шкалам опросника межличностной чувствительности — зависимость от оценок окружающих, беспокойство в межличностных отношениях и страх отвержения — были выявлены в 1 группе (критерий Манна-Уитни, p=0,000).

На основе анализа ответов на открытые вопросы анкеты, касающиеся причин самоповреждения, были выделены следующие тематические кластеры мотивов СП: 1) регуляция эмоций (N=267); 2) взаимодействие с окружающими (N=81); 3) самонаказание и негативное отношение к себе (N=121); 4) суицидальные мысли/действия (N=28). Чаще всего в качестве причины самоповреждений указывались сильные негативные эмоции, «душевная боль». Также были выявлены темы эмоциональной пустоты (напр. «Хотелось почувствовать хоть что-нибудь»), сильной тревоги и страха (напр. «Как кнопка по уменьшению тахикардии…»), а также ощущения бессилия и потребности в контроле (напр. «Это позволяло мне контролировать себя и свои мысли»). В кластер взаимодействия с окружающими были включены как темы поиска поддержки и помощи от окружающих (напр. “Казалось, что увидят, что нужна помощь”) так и темы одиночества и межлич-

ностных сложностей (напр. "…чувствовала себя ненужной", "Меня не понимают родители, друзья…") и желания выразить агрессию (напр. "Так я выплескиваю злость на окружающих… "). Тема самонаказания и негативного самоотношения характеризовалась наибольшей однородностью содержания и была представлена такими ответами как: "Чтобы наказать себя"; "Ненавижу себя/свое тело". Уровень межличностной чувствительности оказался наиболее высоким у респондентов, чьи ответы относились к кластерам «Взаимодействие с окружающими» и «Самонаказание и негативное отношение к себе» (критерий Краскела-Уоллиса, p=0,000).

Выводы. Тема совладания с негативными эмоциями и эмоциональной болью является центральной при обсуждении мотивов и функций самоповреждающего поведения. Значимость межличностной чувствительности в контексте самоповреждающего поведения отражается не только в темах межличностных трудностей, но и при обсуждении негативного отношения к себе и своему телу. Полученные результаты подтверждают значимость межличностного компонента в структуре самоповреждающего поведения.

1. Польская Н.А. Самоповреждающее поведение в клинической практике // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2011. №2. С.4–8.
2. Разваляева А.Ю., Польская Н.А. Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной версии опросника межличностной чувствительности // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 4. С. 73–94.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00429А

Якунина О.Н.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Изучение стратегий совладающего поведения у больных эпилепсией

Эпилепсия, психодиагностика, особенности личности, адаптационные возможности, совладающее поведение

Введение. В последние годы изучению стратегий совладающего поведения у больных эпилепсией уделяется большое внимание. Если рассматривать болезнь как стресс, вызывающий аффективную напряжённость и снижающий адаптационные возможности пациентов, то именно копинг-процессы являются стабилизирующим фактором, в ситуации эмоционального стресса.

Постановка проблемы. Стратегии совладающего поведения — это осознаваемые механизмы регулирования поведения, а значит поддающиеся изменению в процессе психотерапии. Изучение копинг-стратегий, их соотношения с другими личностными особенностями больных важно для понимания структуры личности пациентов и их адаптационных ресурсов.

Методы и результаты исследования. Обследовано 80 больных эпилепсией с различными клиническими проявлениями заболевания в возрасте от 17 до 60 лет, среди них 26 мужчин и 54 женщины. Для изучения особенностей совладающего поведения применялась методика «Стратегии совладающего поведения» (ССП) Р. Лазаруса (Вассерман Л.И. и др., 2010, 2014). Её результаты сопоставлялись с данными исследования когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы, механизмами психологической защиты. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью компьютерных программ Excel и SPSS.

Проведенное исследование показало, что у больных эпилепсией имеются гендерные различия в выборе копинг-стратегий. Женщины, чаще используют конфронтацию, а в случае принятия на себя ответственности в решении житейских проблем, им более свойственна чрезмерная ответственность, связанная с повышенной тревожностью, переживанием чувства вины, желанием «всё взять на себя» ($p \leq 0{,}01$). Выявляется связь особенностей совладающего поведения с уровнем образования. Пациенты с более высоким уровнем образования (среднее специальное, высшее) чаще выбирают самоконтроль ($p \leq 0{,}05$), поиск социальной поддержки ($p \leq 0{,}05$), принятие ответственности ($p \leq 0{,}01$), планирование решения проблемы ($p \leq 0{,}05$) и положительную переоценку ($p \leq 0{,}01$). Пациенты с нарушением когнитивных функции, предпочитают выбирать стратегию поиска социальной поддержки ($r = 0{,}28$; $P \leq 0{,}02$), так как помощь со стороны окружающих способствует повышению их адаптационных возможностей. Стратегия бегство-избегание более свойственна пациентам с плохим самочувствием ($P \leq 0{,}01$), астеническими проявлениями ($P \leq 0{,}04$), снижением фона настроения ($P \leq 0{,}01$), повышением уровня тревожности ($P \leq 0{,}001$).

При анализе соотношений типа отношения к болезни и стратегий совладающего поведения было обнаружено, что при диффузном типе отношения к болезни по сравнению с «чистым» увеличиваются показатели неадаптивных и относительно адаптивных копингов. Стратегия бегство-избегание достоверно чаще используется пациентами с диффузным типом отношения к болезни, с более измененной структурой личности ($P \leq 0{,}03$). Имеются значимые соотношения копинг-стратегий и механизмов психологической защиты (МПЗ). Так конфронтация соотносится с такими механизмами психологической защиты как компенсация, проекция и замещение ($P \leq 0{,}01$), а бегство — избегание ещё и с регрессией. Стратегия бегство — избегание имеет наибольшее количество корреляционных связей. При сниженных адаптационных возможностях пациентов она является, вероятно, своего рода «уходом» от чрезмерных нагрузок. Имеются корреляционные связи между отдельными копинг-стратегиями. Так, показатели стратегии бегство-избегание тесно связаны с оценками стратегий конфронтация, дистанцирование, поиск социальной поддержки, принятие ответственности ($P \leq 0{,}01$), а стратегия положительной переоценки со стратегией самоконтроля, принятия ответственности и планирования решения проблемы.

Выводы. Исследование показало, что больные эпилепсией используют широкий набор копинг-стратегий, обусловленный клинико-психологическими и социально-демографическими факторами. Комплексное психологическое исследование, наряду с клиническими представлениями об особенностях личности больных эпилепсией, способствует более адекватной оценке адаптационных возможностей пациентов в связи с задачами реабилитации.

Аверьянова В.А., Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Связь особенностей когнитивных стилей реципиента с пониманием имплицитных смыслов вербальных текстов

Чтение, имплицитный смысл, когнитивный стиль, поленезависимость, широта диапазона эквивалентности

Понимание вербального текста принято считать градуальным феноменом, зависящим от когнитивных и эмоциональных характеристик реципиента [1, 2, 5]. Процесс понимания текста рассматривается как совокупность операций, выходящих за рамки расшифровки языковых знаков; это связано с асимметрией плана содержания и плана выражения и наличием в каждом тексте формально невербализованных смысловых единиц — его имплицитных смыслов [3]. Несмотря на большое количество эмпирических исследований по данной теме, остаются открытыми вопросы о 1) составе операций, входящих в процесс понимания имплицитных смыслов текста, и 2) влиянии на этот процесс различных психологических характеристик реципиента [1, 5].

Мы предположили, что восполнению пробела будет способствовать совмещение методов психологии и лингвистики, которое позволит соотнести градуальность понимания с уровневой организацией самого текста и исследовать психологические характеристики реципиента в связи с реконструкцией смысловых элементов на разных уровнях текстовой структуры. Стимульный материал: художественный рассказ со сложной уровневой структурой имплицитных смыслов. Нас интересовало, какие элементы смысловой структуры текста будут задействовать реципиенты с различной выраженностью когнитивных стилей «полезависимость/поленезависимость» и «широта/узость диапазона эквивалентности». Выборка: 30 респондентов (24–53 г., Me=40.5) с полным средним образованием. Процедура сбора данных включала тестовую оценку когнитивных стилей (АКТ-70; модификация методики «Свободная сортировка объектов» В. Колги) и полуструктурированное интервью для оценки полноты понимания текста; также регистрировался уровень IQ. Два эксперта независимо оценивали протоколы интервью по параметрам полноты понимания и представленности элементов имплицитных смыслов (коэффициент Кронбаха a=.872). Ожидалось, что реципиенты с различными показателями когнитивных стилей будут

различаться по выбору типов элементов смысла текста как оснований для его интерпретации.

Регрессионный анализ не выявил связей между показателями когнитивных стилей и общей полнотой понимания, однако были обнаружены связи с реконструкцией отдельных элементов имплицитных смыслов. Была найдена положительная связь поленезависимости с реконструкцией смысла интертекстуальных включений (r=.462, p=.01) и повторов на текстовом уровне (r=.496; p=.005), что согласуется с пониманием поленезависимости как способности выйти за рамки контекста и переструктурировать ситуацию.

Кроме того, был обнаружен вклад коэффициента категоризации (понятийного компонента когнитивного стиля «широта/узость диапазона эквивалентности») в понимание образов (r=.362; p=.049), контрастов (r=.370; p=.044) и реконструкцию ключевой темы текста (r=.370; p=.044), что может быть связано со способностями к обобщению, выделению категорий и объединению элементов в группы, соотносимыми с данным когнитивным стилем [4].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что вклад психологических характеристик реципиента в понимание имплицитного смысла текста возможно проследить на уровне понимания отдельных элементов его структуры. Поэтому перспективным подходом к изучению феномена понимания в целом представляется более детальное рассмотрение смысла текста как структуры отдельных смысловых элементов.

1. Андрющенко Е.А., Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В. Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различными уровнями эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. 2020. Т.66. №6. С.69–80.
2. Веккер Л.М. Психические процессы. Т.2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 339 с.
3. Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. Вып.9. С.219-231.
4. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: Учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 384 с.
5. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. Fables comprehension in healthy adults: does IQ matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2018. Vol.15(2). P.222–230.

Андреева Д.А., Морозова С.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Частотные характеристики нарративов о сложных жизненных ситуациях

Копинг-стратегии, эмоции, способы совладания

Эмоциональное реагирование на ситуацию — естественная адаптационная реакция, выражающая позитивное или негативное отношение к ситуации или объекту. (Ильин Е.П., 2013) Использование эмоционально-направленных и проблемуо-ориентированных копингов подразумевает разное отношение к ситуации. Непосредственная вербализация собственных эмоциональных состояний, в зависимости от стратегии совладания, влечёт за собой различия в использование слов, описывающих ситуацию. Задачей данного пилотажного исследования было изучение возможностей оценки характеристик вербализации, предпочитающих разные коппинг-стратегии, с использованием автоматических средств анализа текстов.

Выборку составили 5 человек (3 мужчин и 2 женщины) 19-49 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием. Сначала испытуемым предлагалось написать тексты в ответ на слова-стимулы: «агрессия» и «гнев»; «стыд» и «вина»; «границы» и «пределы». После испытуемые выполняли методику «Способы совладания со стрессовыми ситуациями». (Вассерман Л.И., 2009) Анализ текстов состоял из морфологического анализа и токенизации, частотного подсчета токенов и их взаимной встречаемости, моделирования графов с последующим анализом сообществ, визуализации результатов. Обработка текстов проводилась с помощью Python 3.9.7 и пакетов pymorphy2, re, nltk, numpy, networkx, matplotlib.

Частотный анализ токенов для всех испытуемых по каждой паре стимулов показал, что для первой группы стимулов (агрессия и гнев) частота использования слова «гнев» в два раза превышает случаи использования «агрессии» (13/6). Аналогичная ситуация наблюдается и во второй паре стимулов (вина и стыд): слово «вина» испытуемые употребляли почти в два раза чаще «стыда» (11/6). Для третьей пары («границы» и «пределы») таких различий не наблюдалось (13/13). При этом в целом частотные характеристики графиков схожи. Агрессия и гнев описываются испытуемыми как явление, с которым можно что-то сделать, а также что может быть сильно выражено. В отношении вины и стыда слова «сделать», «поступить», «поступок» используются реже. В целом описанные эмоции ощущались испытуемыми в определенный момент, имели свое начало. «Границы» и «пределы» оказались эмоционально связаны с обидой. При описании всех ситуаций часто встречались слова: «свой», «ситуация», «который», «мочь».

Далее мы обратились к результатам каждого из испытуемых отдельно. Анализ сообществ графов осуществлялся с помощью алгоритм Louvain. Учитывались не более 300 узлов и веса ребер более 0. Испытуемых условно можно разделить на 3 группы в зависимости от результатов моделирования: 1-й (293 узлов и 2400

ребер, мод=0.59, 12 групп) и 3-й (298 узлов и 2332 ребер, мод=0.62, 12 групп), 2-й (200 узлов и 4339 ребер, мод=0.38, 6 групп) и 4-й (289 узлов и 4524 ребер, мод=0.56, 9 групп), 5-й (160 узлов и 1192 ребер, мод=0.65, 11 групп).

Анализ стандартизированных баллов по шкалам методики «Способы совладания со стрессовыми ситуациями» позволяет предположить, что при увеличении выборки могут наблюдаться различия в стратегии «положительная переоценка» у групп испытуемых. У тех, чьи графы имеют большее количество ребер графов, наблюдается тенденция к большей склонности положительной переоценки, чем у остальных. Самый низкий балл у 5-го испытуемого, граф которого имеет наименьшее количество узлов и ребер.

Вопрос, является ли специфика вербального поведения реакцией на стимулы или она в целом характерна для испытуемых остается открытым. Для ответа на него необходимо получить доступ к другим текстам испытуемых. Также важно, что испытуемые могли при выполнении заданий ориентироваться на социальную желательность описываемого поведения. Впрочем, осознанный контроль особенностей взаимной встречаемости употребляемых токенов со стороны испытуемых вряд ли возможен. Следовательно, предложенный дизайн исследования может оказаться полезным в изучении специфики вербализации способов совладания со сложными жизненными ситуациями.

1. Вассерман Л. И. и др. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. — 2009.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2013. 783 с.

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Блинова Е.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Орхус, Орхусский университет

Мирошник К.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Тимохов В.В.
Москва, НИУ ВШЭ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Роль регуляции эмоций в проявлении эффекта кросс-модального соответствия

Эффект кросс-модального соответствия, регуляция эмоций, аудиальные и вербальные стимулы

Эмоции и их регуляция играют важную роль в решении как низкоуровневых (Bruner, 1992), так высокоуровневых когнитивных задач (Afzali, 2013). Было показано, что чем меньше дети эмоционально реагируют на прочитанное и чем больше они способны к регуляции эмоций во время чтения, тем лучше они понимают тексты (Mason et al., 2018). Мы предприняли первую попытку изучить влияние эмоциональной регуляции на проявление эффекта кросс-модального соответствия (ЭКМС) при использовании невербальных аудиальных стимулов вместе со зрительным предъявлением семантически нагруженных вербальных стимулов — слов родного языка, имеющих пространственные коннотации и обозначающих эмоциональные состояния.

36 добровольцев (26 — женщины; 18–34 г., M = 23.36, SD = 3.93) приняли участие в эксперименте, который включал следующие этапы: (1) измерение уровня выраженности различных стратегий регуляции эмоций (Рассказова и др., 2011), (2) просмотр видеозаписи для индукции положительного, отрицательного или нейтрального эмоционального состояния, (3) выполнение экспериментального задания, в котором испытуемым одновременно предъявлялись звуки разной высоты (1000 и 2000 Гц) и (визуально) слова, семантика которых различалась по параметрам эмоциональной валентности и локализации в пространстве. Задача респондентов заключалась в идентификации высоты предъявленных звуков. Ожидалось обнаружить влияние регуляции эмоций на ЭКМС, проявляющийся в меньшем времени реакции на конгруэнтные пары стимулов (напр., высокий

звук и слово «счастье») в сравнении с неконгруэнтными парами (напр., высокий звук и слово «горе»).

Двухфакторный смешанный дисперсионный анализ выявил ЭКМС (внутригрупповой фактор; $F(2, 69) = 6.65$, $p = 0.006$, $\eta_G\hat{}2 = 0.008$), выражающийся в ускорении ответа в конгруэнтном условии. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что ни одна из девяти стратегий регуляции эмоций не вносит существенного вклада в предсказание разницы во времени реакции между конгруэнтным и неконгруэнтным условиями, однако одна из исследуемых стратегий регуляции — руминация — является значимым предиктором общего времени реакции ($b = -23.95$, $p = 0.003$).

Таким образом, были получены результаты, позволяющие расширить теоретические представления о роли эмоциональной сферы личности в проявлении ЭКМС. Полученные результаты свидетельствуют о том, что согласование характеристик перцептивных аудиальных и семантически нагруженных вербальных стимулов, ассоциированных с разными пространственными областями, вызывает ЭКМС. Было обнаружено, что различные стратегии регуляции эмоций не вносят значимого вклада в проявление ЭКМС, однако руминация положительно связана с ускорением реакции при выполнении задачи по идентификации характеристик звука. Можно заключить, что склонность человека к постоянным размышлениям о собственных мыслях и чувствах способствует более быстрой идентификации перцептивных характеристик звука. Несмотря на то, что руминация считается неадаптивной стратегией эмоциональной регуляции, ее принято связывать с функционированием механизмов метакогнитивной сферы, следовательно, ее высокая выраженность может быть также связана с общей метакогнитивной осознанностью личности.

1. Рассказова Е. И., Леонова А. Б., Плужников И. В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета, Серия 14, Психология. ¬– 2011. — № 4. — С. 161–179.
2. Afzali K. The role of emotions in reading literary texts: fact or fiction? // Iranian EFLJ. — 2013. — V. 9. — P. 710–721.
3. Bruner J. S. Another look at New Look 1 // The American Psychologist. — 1992. V. 47(6). — P. 780–783.
4. Mason L., Scrimin S., Zaccoletti S., Tornatora M. C., Goetz T. Webpage Reading: Psychophysiological Correlates of Emotional Arousal and Regulation Predict Multiple-Text Comprehension // Computers in Human Behavior. — 2018. — V. 87. — P. 317–326.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №22-28-01020

Варламов А.В., Волкова Е.В.
Рязань, ФГБУН ИП РАН

Искажения ментальной репрезентации размеров собственного тела человека при погружении в компьютерную VR с использованием технологии Full-Body Tracking

VR, виртуальная реальность, ментальные репрезентации, FBT, Full Body Tracking

Ментальные репрезентации, как оперативная форма ментального опыта, представляют собой единицы отражения человеком окружающей действительности и служат для формирования адекватных актуальной ситуации поведенческих реакций. Таким образом, ментальная репрезентация размеров собственного тела носит инструментальный характер. Условия компьютерной виртуальной реальности (VR), в которые человек может погружаться с помощью доступных устройств ввода (контроллеры и трекеры), способствуют активации адаптационных механизмов, включающих в т.ч. и искажение восприятия размеров собственного тела с целью эффективной интериоризации нового активного опыта. В современной науке, на фоне обилия прикладных исследований практического применения VR в психотерапии и консультировании, наблюдается дефицит экспериментальных исследований психических механизмов погружения в VR в целом (Кузьмина, 2014). Описание искажения восприятия собственного тела и ментальной репрезентации его размеров, как оперативной формы данных искажений, должно лечь в основу последовательного описания механизма адаптации человека к VR.

В наших прошлых исследованиях было показано, что погружение в VR с помощью базовых устройств ввода гарнитур (шлем и контроллеры) и выполнения от лица аватара активных действий приводит к возникновению выраженных искажений в восприятииразмеров частей тела, вовлеченных в виртуальную деятельность (Варламов, Яковлева 2021). Так как «перенос» частей тела ниже пояса в прошлых экспериментах не осуществлялся, в данном исследовании был задействован способ погружения с использованием технологии Full-Body Tracking (FBT). В эксперименте приняли участие 32 добровольца (13 мужчин и 19 женщин, 22±3,48 лет). Погружение осуществлялось с использованием открытой VR-среды «VR-chat». Испытуемые погружались в обстановку танцевального зеркального зала, так что могли наблюдать за движениями своего аватара в виртуальном зеркале. После непродолжительной разминки им предлагалось выполнить танцевальное упражнение, во время которого они должны были повторять танец, шаблон которого транслировался на виртуальном экране. Ментальная репрезентация размеров собственного тела до и после погружения измерялась с помощью методики «Промеры по М. Фельденкрайзу» (Фельденкрайз, 2001; Соловьева, 2014).

Выявлены статистически значимые преувеличения размеров головы ($p<0.01$), верхних конечностей ($p<0.05$), длины корпуса ($p<0.001$). Похожие закономерности наблюдались и после погружений без использования FBT, однако в данном экспе-

рименте впервые были обнаружены искажения (преувеличения) размеров бедра ($p<0.01$) и коленей ($p<0.001$). Движения ног были опционально задействованы и в прошлых экспериментах. FBT позволяет испытуемым получать обратную связь об их эффективности при погружении, тем самым вводя в экспериментальное условие необходимость их точной координации.

Данное наблюдение подтверждает первоначальную гипотезу исследования об адаптационной значимости для погружения только задействованных в нем частей тела. Их активность носит инструментальный характер, а включение в движение приводит к искажению оперативного восприятия — ментальной репрезентации.

1. Варламов, А. В. Особенности восприятия человеком собственного тела в VR-пространстве / А. В. Варламов, Н. В. Яковлева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2021. — № 2. — С. 21-31.
2. Соловьева И.А. Бессознательный образ тела: кто ты на самом деле? URL:https://irsol.wordpress.com/2014/08/12/бессознательный-образ-тела-кто-ты-на-с/ (дата обращения: 15.05.2022).
3. Фельденкрайз М. Сознавание через движение: 12 практических уроков. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 151 с.

Воронцова А.В.
Ростов-на-Дону, МБОУ «Школа № 60»

Приходько Н.В.
Ростов-на-Дону, ЧОУ СШ “Азъ Буки Веди”

Тельнова О.В.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Эффект стремления к когнитивной легкости при решении математических, логических и визуальных задач у российских школьников, молодых и взрослых людей

Когнитивная легкость, математическая задача, логическая задача, визуальная задача, школьники, взрослые, молодые люди

Введение. В работах нобелевского лауреата, ведущего современного психолога Д Канемана (Канеман, 2019; Канеман, Сибони, Санстейн, 2021) показано, что при принятии решений в экономике и в более широком социальном контексте люди пользуются двумя типами мышления. «Быстрое» мышление (или система 1), является автоматическим, мгновенным и неосознаваемым, работает в фоновом режиме наряду с «медленным» мышлением (или системой 2), которое отвечает за самоконтроль. В своей книге Д. Канеман (2019) приводит ряд математических, логических и визуальных задач, на примере которых показывает склонность человека (его Системы 1) к экономии энергии, к тому, чтобы давать первый пришедший в голову, интуитивный ответ.

Постановка проблемы. Д. Канеман приводит результаты своих исследований, в которых тысячи американских студентов решали подобные задачи. Неверные интуитивные ответы давали от 50 до 80 % участников исследований, что позволило автору сделать вывод, что «система 1» стремится к когнитивной легкости и экономии усилий. Мы в своей работе решили воссоздать эксперименты Канемана на российской выборке, а именно: дать для решения задачи с очевидным интуитивным неправильным вариантом решения (выбор этого решения доказывает эффект стремления к когнитивной легкости) для российской выборки и сравнить полученные результаты в разных возрастных группах: школьники, молодые люди и взрослые. Цель проведенного исследования: проверить эффект стремления к когнитивной легкости при решении математических, логических и визуальных задач у российских школьников, молодых и взрослых людей. Гипотеза исследования: количество ошибок при решении математических, логических и визуальных задач у представителей различных возрастных групп может значительно различаться.

Методы: разработанная специально для исследования анкета «Исследование количества ошибок при решении математических, логических и визуальных задач», в которую были включены 5 задач из книги Д. Канемана: три математиче-

ских, одна логическая и одна визуальная (иллюзия Эббингауза). В исследовании приняли участие 212 респондентов в возрасте от 9 до 72 лет (164 женщины, 48 мужчин) — учащиеся школ города Ростова-на-Дону, студенты ВУЗов, работающие взрослые и пенсионеры. В целях научного анализа вся выборка была разделена на подгруппы по возрасту: 1) «Школьники» (44 человека в возрасте от 9 до 18 лет); 2) «Молодежь» (56 человек в возрасте от 19 до 35 лет); 3) «Взрослые» (112 человек в возрасте от 36 до 72 лет).

Результаты исследования: процент ошибок в различных возрастных группах различается в зависимости от типа задачи. Логические задачи лучше всех решают взрослые (51 % ошибок) и хуже всех — школьники (68 % ошибок). Визуальные задачи лучше всех решают школьники (34 % ошибок), в отличии от молодых людей (39 % ошибок) и взрослых (44 % ошибок), что подтверждает выводы современных ученых о преобладании визуальной культуры в 21 веке и наличии у нынешних юных россиян лучших способностей воспринимать визуальные объекты, нежели у взрослого населения, выросшего совсем в других условиях. Математические задачи с меньшим количеством ошибок лучше всех решают молодые люди (54 % ошибок — задача 1; 16 % ошибок — задача 2; 38 % ошибок — задача 3; средний процент ошибок при решении математических задач — 36%). При этом средний процент когнитивных ошибок (вне зависимости от типа задач) все равно значительный: 52,6 % у школьников, 42 % у молодых людей, 44,2 % — у взрослых.

Обсуждение и выводы. Стремление к когнитивной легкости наблюдается, в первую очередь, у школьников, затем — у взрослых, и на третьем месте находятся молодые респонденты. Проведенное исследование доказало поставленную гипотезу, а также подтвердило выявленные Д. Канеманом на американских выборках закономерности решения логических, математических и визуальных задач.

1. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро. — М.: Издательство АСТ, 2019. — 653 с.
2. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум. Несовершенство человеческих суждений. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 544 с.

Карпинская В.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Ляховейкий В.А.
Санкт-Петербург, Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН

Рассогласование восприятия и действия при вербальной и моторной оценке иллюзорных и неиллюзорных стимулов

Иллюзии восприятия, эффект последействия, восприятие, вербальная и моторная оценка

В публикации обсуждаются возможные когнитивные механизмы, связанные с рассогласованием вербальной и моторной оценки иллюзорных стимулов. Еще с прошлого века известны результаты экспериментов Милнера и Гудейла, где демонстрировалось отсутствие иллюзорного эффекта при оценке иллюзии Мюллер -Лайера путем схватывания внутренних отрезков, при вербальном отчете иллюзорный эффект сохраняется. Причиной данного рассогласования считали существование двух подсистем зрительного восприятия (для восприятия и для действия). Исследования вызвали множество споров, обсуждений и схожих экспериментов с использованием других зрительных геометрических иллюзий. К единому мнению до сих прийти не удалось, поскольку одни авторы находили схожий эффект, а в другие нет. Предполагалось, что отсутствие эффекта связано с различиями в процедуре и механизмами формирования иллюзий. Но существует мнение, что заявление о подобном проявлении работы подсистем зрительного восприятия не имеет достаточных оснований.

Кроме зрительных геометрических иллюзий ошибка в размере возникает при формировании перцептивной фиксированной установки. Известно, что эффект установки можно создать не только на основе реальных различий между стимулами, но и на основе зрительной геометрической иллюзии. (Pollack, 1964; Костандов и др., 1998; Карпинская, 2021). Возможность создания установки на основе действия, а не на основе зрительного восприятия не изучалась. В наших экспериментах по созданию фиксированной установки на основе действия в критической пробе был обнаружен ассимилятивный эффект только после иллюзии Понзо, но не после иллюзии Мюллер-Лайера (Lyakhovetskii, Karpinskaia, 2016). Интересно, что в контрольном эксперименте, где использовались два разных по размеру отрезка без иллюзии, не было обнаружено контрастного или ассимилятивного эффекта. Почему иллюзия Понзо способствует возникновению ассимилятивного эффекта при моторной оценке, а два разных отрезка и иллюзия Мюллер-Лайера — нет?

Одним из подходов к объяснению иллюзий, является предположение о том, что иллюзия — это ошибка ложного суждения о видимом (напр. Р. Грегори). Наблюдателю поступает информация о том, что два отрезка равны, но осознает он не равенство, а различие. В установочных пробах с иллюзией Понзо испытуе-

мые совершают ошибку, отмечая движением руки два равных по длине отрезка, причем делают это неоднократно, а на протяжении всей установочной серии, повторяя ошибку вновь и вновь, подтверждая свой выбор ошибочного действия. Поскольку человек склонен повторять однажды принятое решение, то испытуемые продолжают и в критической серии повторять ошибку, оценивая уже равные отрезки без иллюзии как различные. Вероятно, в данном случае наблюдается не эффект установки (ведь тогда он должен проявляться и на реально различных отрезках), а эффект повторения ранее принятого ошибочного решения.

Эффект повторения ошибки характерен для разнообразных когнитивных задач, в том числе и для моторных (Иванова, 2006; Гершкович и др., 2013, Ляховецкий, Потапов, 2012). Согласно гипотезе о двух подсистемах зрительного восприятия, непосредственные действия с объектами не требуют использования памяти, и поэтому не должны быть подвержены эффектам контраста или ассимиляции. Различия в результатах для иллюзии Понзо и Мюллер-Лайера, вероятно, связано с различиями в механизмах формирования иллюзий. Иллюзия Мюллер-Лайера чаще связана с сетчаточными механизмами формирования иллюзорного эффекта, нежели с когнитивными.

Таким образом, сравнение стимулов под влиянием эффекта установки при помощи моторной и вербальной оценки свидетельствует в пользу гипотезы о проявлении работы двух подсистем зрительного восприятия, с чем и может быть связано рассогласование таких оценок.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №22-18-00074

Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние уровня эмоционального интеллекта на восприятие искаженных лиц: метод ай-трекинга

Эмоциональный интеллект, ТЭИ, ай-трекинг, стратегии движений глаз, искажение конфигурации

Эмоциональный интеллект (ЭИ) определяется авторами термина как умение как умение регулировать эмоции, как свои, так и чужие, способность различать их, использовать полученную от них информацию для усиления продуктивности мышления. Изучение ЭИ востребовано в самых разных областях. Считается, что высокий уровень способствует более быстрой и эффективной обработке эм.информации. Предположительно, он может оказывать влияние на низкоуровневые процессы восприятия. Актуальность нашего исследования связана с нерешенным вопросом о том, проявляется ли уровень развития ЭИ в способности к восприятию лицевых экспрессий? Новизна заключается в том, что мы рассматриваем не просто задачи на узнавание экспрессии, поскольку определение базовых эмоций по статичной фотографии не представляет особого труда. Нам интересно, как воспринимается отсутствие эмоций людьми с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Цель исследования: изучение влияние уровня эмоционального интеллекта (ЭИ) на восприятие искаженных лиц; Объект исследования: восприятие искаженных лиц у людей с разным уровнем ЭИ; Предмет исследования: особенности восприятия искаженных лиц у людей с разным уровнем ЭИ. Гипотеза: Процессы восприятия лицевых экспрессий в условиях разрушения целостной конфигурации лица будут различаться у людей с высоким и низким уровнем ЭИ. Вторичные гипотезы: Различия между группами будут выражаться в различии распределения длительности фиксаций на разных зонах интереса лиц (зоны, несущие информацию об экспрессии: переносица, нос, рот, левый и правый глаз); в изменении стратегии рассматривания лиц при разрушении целостной конфигурации лица; в частоте и характере ошибочных оценок экспрессии лица. Выборка: 85 ч. (46 ж, 39 м), 18 — 27 лет, студенты факультетов МГУ, давшие добровольное согласие на участие. Стимуляция: сформирована на основе лиц из польской базы лиц WSEFEP. Взяты фото шестерых людей (3м, 3 ж),выражающих 7 экспрессий (6 базовых (Ekman, 2011) + лица с нейтральное выражением). С помощью программы Adobe Photoshop лица, ориентированные нормально (тип 1), были инвертированы — поворот на 180 градусов, затрудняет холистические процессы (тип 2) . Также было произведено скремблирование (тип 3), рандомизированный разброс черт лица внутри его контура. Стимул предъявлялся единожды,задачей было выбрать экспрессию, предъявленную на лице, далее испытуемый проходил адаптированный опросник ТЭИ Сергиенко.

За неимением норм по тесту Сергиенко, мы выделили контрастные группы, верхний и нижний квартиль распределения по секции, выявляющей особенности распознавания лицевых экспрессий. в группы вошли 20 человек, в группу высокого: 9м, 11 ж, в группу низкого — 7м, 13ж. Позже мы решили добавить дополнительную группу среднего ЭИ, мы хотели проследить возможно переходную стадию в стратегиях опознания и движения глаз, среднее между высокой и низкой группой. Мы далее выделили зоны интереса, несущие мимическую информацию об экспрессиях: нос, два глаза, рот, переносица. Мы пользовались программой BeGaze для получения данных о времени пребывания взора в зонах интереса — dwell time. Проводили качественный анализ в Excel, дисперсионный анализ для повторных измерений в SPSS.

Мы частично подтвердили гипотезу о различном характере ошибок между группами, группа высокого ЭИ лучше распознает прямые, чем скрембл.лица, для группы низкого — наоборот. Мы не выявили значимых различий при сравнении стратегий движений глаз, но показали большую стабильность в рассматривании независимо от типа стимулов у группы высокого ЭИ.

1. Ekman, P., Kuhlmann-Krieg, S., and Reiss, M. (2011). Gefühle Lesen: Wie Sie Emotionen Erkennen und Richtig Interpretieren, Vol. 2. Spektrum Akad. Verlag.
2. Меньшикова Г. Я., Лунякова Е. Г. Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности/Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2018. С. 767—776.
3. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во«Ин-ститут психологии РАН», 2012.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00474-П

Куренкова А.И., Лунякова Е.Г.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние инверсии на восприятие симметричности человеческого лица

Холистические механизмы восприятия лица, конфигуративная информация, эффект инверсии

Восприятие лиц отличается от восприятия любых других объектов тем, что оно в значительно большей степени основано на эмерджентных свойствах стимула, чем восприятие других объектов (Piepers, Robbins, 2012). Одним из феноменов, в которых наиболее ярко проявляется качественное своеобразие процессов восприятия лиц, является эффект инверсии. Он состоит в том, что люди гораздо менее чувствительны к изменениям в конфигурации лица, если видят его перевернутым, а не естественно ориентированным. Традиционная точка зрения (Yin, 1969) предполагает, что при инверсии нарушается протекание процессов холистического (целостного) восприятия лица и начинают доминировать аналитические процессы, т.е. лицо обрабатывается «по частям», как и другие объекты. Однако не утихает дискуссия о том, что представляет собой целостное восприятие, и какие именно параметры воспринимаются менее эффективно на инвертированных лицах — относительное расположение частей лица, их пропорции или, возможно, степень симметрии?

Симметричность лица выступает важным источником информации о человеке, прежде всего с эволюционной точки зрения, но биологические аспекты восприятия симметричности наполняются и исключительно «человеческим», абстрактным содержанием — например, представлениями о красоте. Данное исследование направлено на то, чтобы проверить, подвержена ли информация о лицевой симметрии эффекту инверсии, т.е. возможно ли с помощью этого концепта операционализировать холистические процессы восприятия лиц. Метод. В данной работе была создана экспериментальная стимуляция, в которой изменение симметричности происходило за счет вращения черт (одного глаза и губ) вокруг своей оси на разные углы поворота таким образом, чтобы расстояние между радиальными точками черт оставалось сохранным относительно их исходного положения на «абсолютно симметричном» лице, созданном путем совмещения отзеркаленных половин лица. В исследовании использовались 10 исходных фотографий (по 5 каждого пола), для каждой из которых было создано 9 градаций симметричности, и каждый вариант предъявлялся дважды — в прямом и инвертированном виде. 54 участника (24 Ж и 30 М) в возрасте от 18 до 68 лет (ср. возраст — 26 лет) оценивали симметричность предъявляемых лиц по 5-балльной шкале.

Результаты. Основная гипотеза о наличии влияния инверсии на восприятие (а)симметричности лица подтвердилась: субъективные оценки лиц в прямой и инвертированной ориентации значимо различаются ($p<0,05$ для всех уровней

асимметричности лица, кроме абсолютно симметричных). Эффект инверсии выражается в более низких оценках степени асимметричности инвертированных лиц. То есть изменения конфигуративной информации о симметричности лица хуже замечались испытуемыми на инвертированных лицах, чем на прямых. Выраженность эффекта инверсии оказалась связана со степенью угла поворота глаза (при больших углах поворота становилась заметнее разница в оценках симметричности прямого и инвертированного лица). Однако такой зависимости от угла поворота губ обнаружено не было: оценки симметричности одинаково росли с изменением позиции губ как на прямом, так и на перевернутом лице. Обнаружилось интересное взаимодействие факторов «Глаз» и «Губы» (F=28,320; p 0,001): влияние фактора «Глаз» было тем выше, чем меньше был угол поворота губ, причем, для инвертированных лиц эта тенденция менее выражена.

Таким образом, можно заключить, что инверсия влияет на восприятие симметричности/асимметричности лица. Выраженный эффект инверсии для параметра симметричности говорит в пользу того, что симметрия взаимосвязана с холистическими процессами восприятия лиц.

1. Piepers D., Robbins R. A review and clarification of the terms “holistic,”“configural,” and “relational” in the face perception literature //Frontiers in psychology. — 2012. — Т. 3. — С. 559.
2. Yin R. K. Looking at upside-down faces //Journal of experimental psychology. — 1969. — Т. 81. — №. 1. — С. 141.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00474

Лунякова Е.Г., Дубровский В.Е., Крускоп А.С.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Влияние стимульной конфигурации на характеристики движений глаз при зрительном поиске

Зрительный поиск, движения глаз, функциональное зрительное поле

Большинство известных моделей зрительного поиска построены на принципах анализа сенсорных признаков и мало учитывают собственно целостную конфигурацию стимула и, в частности, ее знакомость, означенность и точность ментальной зрительной репрезентации. Кроме того, активным поисковым движениям глаз до недавнего времени придавалось мало значения. Во время зрительного поиска наши глаза не стоят на месте: мы переводим взгляд из одной точки в другую так, чтобы объекты, проецировавшиеся на периферию сетчатки, попали в область четкого видения. При этом в момент фиксации происходит обработка информации не только в области фовеа, но и в некотором радиусе вокруг точки фиксации (функциональном зрительном поле). Вопрос о ширине этой области и глубине обработки в ней поднимался не единожды. Было показано, что для разных зрительных задач (чтение, рассматривание осмысленных сцен) глубина обработки не одинакова (Miellet, Sparrow, 2004; Underwood et al., 2007). В современных работах все чаще рассматривается возможность влияния top-down процессов на ширину функционального зрительного поля (Frey, Bosse, 2018).

В данной работе мы исследовали зависимость характеристик движения глаз при зрительном поиске от качества ментальной репрезентации искомого объекта. При этом мы исходили из предположения, что амплитуды саккад и длительность фиксаций могут отражать размеры функционального зрительного поля (Wu, Wolfe, 2022) и скорость обработки информации в нем.

Метод. Мы создали стимуляцию, имеющую одинаковые сенсорные признаки, но различающуюся конфигурацией, ее осмысленностью и однозначностью ментальной репрезентации. Целевые стимулы и дистракторы выполнены в виде однотипных черно-белых изображений, составленных из окружности и 4 прямых линий одинаковой длины и заданного угла наклона внутри нее. Конфигурации линий образовывали один из 4 типов стимуляции: 1) лица-смайлики; 2) символы (римские цифры, псевдоцифры и буквы); 3) случайные конфигурации непересекающихся линий; 4) случайные конфигурации с пересечениями. Поисковая матрица представляла собой случайный паттерн из 40 изображений (по 10 каждого типа), расположенных на сетке 6x10. Каждый участник выполнял 48 поисковых проб (по 12 на каждый тип целевого стимула; 1/3 матриц не содержала целевого стимула).

Результаты. Наиболее эффективно осуществлялся поиск символов — стимулов с хорошо сформированной семантической и зрительной репрезентацией. Это выражалось в значимо меньших показателях числа ошибок, времени отрицательного поиска, средней длительности фиксаций и значимо большей в сравнении с другими категориями стимулов средней амплитуде поисковых саккад. Наиболее

сложным по тем же показателям был поиск комбинаций непересекающихся линий. Поиск лиц-смайликов, не имеющих однозначной визуальной репрезентации, характеризовался значимо большим числом ложных тревог, и не отличался по характеристикам движений глаз от поиска линий с пересечениями.

Полученные результаты позволяют утверждать, что на характер движений глаз и процессы первичной визуальной обработки в ходе зрительного поиска влияют не только сенсорные характеристики стимула, но и особенности ментальной репрезентации искомого объекта.

1. Frey A., Bosse M.-L. Perceptual span, visual span, and visual attention span: Three potential ways to quantify limits on visual processing during reading // Visual Cognition, 2018. 26(6). P. 412-429.
2. Miellet S., Sparrow L. Phonological codes are assembled before word fixation: Evidence from boundary paradigm in sentence reading // Brain and Language, 2004. 90(1). P. 299–310.
3. Underwood G., Humphreys L., Cross E. Congruency, saliency and gist in the inspection of objects in natural scenes // Eye Movements. Elsevier, 2007. P. 563-579.
4. Wu Ch.-Ch., Wolfe J.M. The Functional Visual Field(s) in simple visual search // Vision Research, 2022. 190. 107965.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00474

Маланчук И.Г.
Москва, НИЦ "Курчатовский институт"

Изучение систем социального сознания в онтогенезе человека по данным речи и языка

Социальное сознание, социальные представления, системный подход, коммуникация, речь, язык

В социальной психологии XX — начала XXI вв. традиционно изучаются отдельные социальные представления. Больший уровень их системных связей обеспечивается психосемантическим подходом и использованием методик семантического дифференциала для получения данных о «фрагментах» сознания, в том числе этно- и культурно-обусловленных [1]. Под социальным сознанием понимаем целостную систему социальных представлений, имеющих динамические структурные связи и иерархию, — систему, результирующую опыт социальных взаимодействий и репрезентированную в формах речи, языка, социального поведения человека [2].

Психологические исследования социального сознания как системы социальных представлений осуществляются группой под нашим руководством по фактам естественной речи и языка. В целях исследования формирования и динамики социального сознания это самая информоёмкая технология. Любое высказывание — от вокализации, холофразы до сложного предложения — является многопараметрической реальностью, относящей к различным уровням речекоммуникативного акта, к которым относим: 1) субъективно определяемое коммуникативное пространство как основу коммуникации; 2) элементную структуру коммуникативного акта (состав участников, антропоморфные и социально-значимые объекты); 3) взаимообмен информацией о социальных отношениях партнеров в неречевых и неязыковых формах; 4) уровень речи, репрезентирующий (а) ее интенциональное содержание — группыкоммуникативно-связанных потребностей, (б) качество социальных отношений, (в) социальные представления, (г) задачи регулирования отношений и управления партнером — социально-речевую компетентность; 5) уровень языка, где решаются задачи: (а) номинативные, (б) построения сообщений и нарративов, (в) точного выражения мыслей и обеспечения доступности для партнера информации о мире, в том числе социальном, (г) факультативно, в специфических ситуациях — экспликации социальных представлений, качества социальных отношений, их регулирования и управления партнером.

Технология экспертных оценок позволила выделить в формах речи, характерных для раннего онтогенеза (от раннего до старшего дошкольного возраста включительно), в среднем по 120 социальных представлений — базовых, впоследствии трансформированных вновь сформировавшихся. Установлены гендерные различия репертуаров социальных представлений, а с использованием математико-статистических методов — системы социального сознания, где определены

центральные и периферийные области, их динамика, особенности взаимосвязей, структуры представлений о себе и других [3; 4 и др.].

Таким образом, перспективными являются исследования форм речи людей/групп как репрезентантов систем социальных представлений. В возрастной динамике, в том числе за границами детского возраста и с учетом социализирующих факторов, возможно устанавливать самые ранние социальные приоры, когнитивную сложность социального сознания, его «фрагментов», ёмкость социальных понятий человека и групп — реальных и виртуальных. Получаемые данные значимы для анализа процессов социального мышления, механизмов когнитивной обработки социальной информации, углубления нейрокогнитивных исследований, для развития содержания образования и других социальных практик, методологии их экспертизы, а также для разработок в области социального искусственного интеллекта.

1. Петренко, В. Ф. Политическая психология: психосемантический подход / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. — М.: Наука, 2018. — 590 с.
2. Маланчук, И. Г. Социальное сознание и речевое поведение в дошкольном возрасте / И. Г. Маланчук. — Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014. — 236 с.
3. Замкина, Т. Ю. Структура и содержание социального сознания детей младшего и среднего дошкольного возраста: магистерск. дисс. / Т. Ю. Замкина. — Красноярск, 2015. Режим доступа: http://elib.kspu.ru
4. Маланчук, И. Г. Гендерные особенности социального сознания детей раннего возраста (на материале анализа речи) / И. Г. Маланчук, А. Г. Залевская. — Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2018. — №3(45). — С.113–125.

Малахова К.А.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Взаимосвязь внутриличностных конфликтов и телесной идентичности у людей с татуировками разного размера

Внутриличностные конфликты, телесная идентичность, татуировки, модификации тела, бодимодификации

По данным статистики на 2018 год у 33% опрошенных Россиян есть модификации в виде татуировок разного размера, но практических исследований, посвящённых изучению психологических особенностей данной категории людей, практически нет. Имеющиеся исследования психологических аспектов татуирования свидетельствуют о том, что татуировки влияют не только на эстетическое восприятие своего тела, но и на успешность социализации, а также физическое, психологическое здоровье человека. В связи с возрастанием численности людей, имеющих татуировки и обладающих такими психологическими особенностями, которые не освещались российскими исследователями, возникла потребность в изучении данной проблемы.

В данной работе была предпринята попытка осветить какие внутриличностные конфликты преобладают в структуре личности людей, имеющих татуировки, какова особенность их телесной идентичности и отношения к собственному телу. В исследовании приняли участие 180 человек, из которых были сформированы две выборки из 30 человек, имеющих на своём теле татуировки разного размера. Разделение на контрольную и экспериментальную группы проводилось с помощью «Правила ладони», принятого в комбустиологии. Таким образом, экспериментальную выборку составили люди, имеющие на своём теле татуировки, занимающие +- 1% площади тела (1-5 татуировок, общим размером до 15 см.). В контрольную группу вошли люди, имеющие на своём теле татуировки, занимающие +- 3% от площади тела (более 5 татуировок, общим размером от 30 см). Для изучения озвученных особенностей использовались следующие психодиагностические методы: тест для измерения внутриличностных конфликтов В. Лаутербаха, методика «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер); тест цветоуказания (САРТ); опросник MBSRQ мультимодальный опросник отношения к собственному телу; методика исследования самоотношения (МИС) Пантелеев Р.С.

По результатам проведённого исследования выявлено, что люди, имеющие на своём теле татуировки, общим размером от 30 см демонстрируют меньшую удовлетворённость своим телом. В то время как люди, имеющие на своём теле меньшее количество татуировок. положительно относятся к образу своего тела в целом. Стоит подчеркнуть, что в ходе исследования было выявлено, что неудовлетворённость телом у девушек как в группе людей с татуировками от 30-ти см., так и в группе людей с татуировками до 15-ти см. в большей степени проявляется в гендерно значимых частях тела, таких как грудь, бёдра, область гениталий.

Мужчины чаще оценивают образ своего тела как удовлетворительный и не отдают предпочтение какой-либо одной или нескольким частям тела. Респонденты обеих групп имеют внутриличностные конфликты. Наиболее часто встречаемые противоречия наблюдаются в виде желания удовлетворить собственные потребности, противоречащие требованиям предъявляемых со стороны окружающих. Можно предположить, что процесс нанесения татуировок на своё тело является протестной реакцией и одновременно способом совладать с внутриличностным противоречием. У людей, имеющих на своём теле татуировки общим размером от 30 см., были выявлены низкие показатели не только по общей удовлетворённости собственным телом, но и по параметрам общей оценки внешности.

Полученные данные позволяют сделать заключение о том, что у людей, имеющих татуировки телесная идентичность, как важная составляющая образа тела, у людей, имеющих большое количество татуировок является заниженной.

1. Бекетова Е. С. Методология глубинного познания психического посредством татуировок // Проблемы современного педагогического образования: сб. статей. 2015. № 46. С. 8–16.
2. Воробьёва Е.С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. 2016, №6. С. 23.
3. Neuhaus, C. Why Tattoos Are So Popular. Retrieved from The Saturday Evening Post. — February, 2018

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Гнедых Д.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Макарова Д.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Орхус, Орхусский университет

Взаимосвязь времени реакции и успешности узнавания слов как показатель различий между стратегиями быстрого картирования и явного кодирования

Научение языку, усвоение понятий, явное кодирование, быстрое картирование

В психологической и нейролингвистической литературе описаны две основные стратегии усвоения новых слов: явное кодирование (explicit encoding, EE), основанное на прямых инструкциях, и быстрое картирование (fast mapping, FM), предполагающее дедуктивный вывод о слове и соответствующем ему объекте на основе контекста [1]. Обнаружение преимуществ той или иной стратегии может способствовать повышению успешности усвоения новой лексики в процессе обучения. Цель данного исследования состояла в выявлении особенностей кодирования информации, полученной посредством EE- или FM-стратегий научения.

В эксперименте №1 приняли участие 50 респондентов (средний возраст 22,51±3,53), в эксперименте №2 — 32 респондента (средний возраст 23,37±3,49). Процедура заключалась в научении новым словоформам в EE- и FM-условиях. В первом эксперименте изучению подлежали 10 словоформ, во втором — 8. В обоих экспериментах каждая словоформа предъявлялась 10 раз с использованием семантической привязки. В EE-условии изображение целевого объекта предъявлялось одновременно с дистрактором (размытым изображением) и сопровождалось прямым указанием («Это няч») с последующим общим вопросом (напр., «Запомнили?»). В FM-условии изображение целевого объекта предъявлялось одновременно с изображением другого объекта, знакомого испытуемому по прошлому опыту, и звучал вопрос, требующий принятия решения о том, о каком из двух объектов идет речь (напр., «Имеет ли уши няч?»). Усвоение новых слов оценивалось на основании анализа правильных ответов и времени реакции

в задании узнавания (где испытуемый оценивал, предъявлялись ли звучащие слова в обучающей части эксперимента). Статистический анализ: t-test Стьюдента для парных выборок, корреляционный анализ r-Пирсона.

В результате анализа не было выявлено статистически значимых различий между EE- и FM-условиями как в отношении правильности ответов (эксперимент №1/эксперимент №2: t =1,037/-1,561, p = 0,305/0,129), так и в отношении времени реакции (t=0,061/-1,531, p = 0,951/0,136). При этом в EE-условии была обнаружена отрицательная корреляция между правильностью и временем реакции при узнавании новых слов (r = -0,457/-0,400, p = 0,0009/0,023), однако такой корреляции не наблюдалось в FM-условии (r = -0,152/-0,135, p = 0,292/0,462).

Из предыдущих исследований известно, что правильные ответы испытуемые дают быстрее неправильных [2; 3], что подтверждается и нашими данными. Однако в наших экспериментах испытуемые давали правильные ответы быстрее ошибочных только в EE-(но не FM-) условии. Полученные результаты могут быть связаны с разной степенью уверенности испытуемых в своем решении: респонденты были менее уверены в правильности своих ответов в FM-условии по сравнению с EE-условием. Это согласуется с данными о том, что знания, приобретенные с помощью FM-стратегии, демонстрируют признаки лексической интеграции непосредственно сразу после обучения (а не с течением времени, как в случае EE-стратегии) [4], но при этом такие знания пребывают в статусе гипотезы, ожидающей своей проверки [5]. Результаты данного исследования могут способствовать повышению эффективности усвоения профессиональной терминологии и коррекции речевых расстройств.

1. Carey S., Bartlett E. Acquiring a single new word // Papers and reports on child language development. — 1978. — V.15. — P. 17-29.
2. Harrington M., Carey, M. The on-line Yes/No test as a placement tool // System. — 2009. — 37(4). — P. 614-626.
3. Pellicer-Sánchez A., Schmitt N. Scoring Yes–No vocabulary tests: Reaction time vs. nonword approaches // Language testing. — 2012. — 29(4). — P. 489-509.
4. Coutanche M. N., Thompson-Schill S. L. Fast mapping rapidly integrates information into existing memory networks // Journal of Experimental Psychology: General. — 2014. — 143(6). — P. 2296–2303.
5. Merhav M., Karni A., Gilboa A. Neocortical catastrophic interference in healthy and amnesic adults: A paradoxical matter of time // Hippocampus. — 2014. — V. 24. — P. 1653-1662.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №22-28-01040

Петухова И.А.
Москва, РГГУ

Особенности познавательной деятельности субъекта на разных уровнях интеллектуальной инициативы

Личность, творчество, интеллектуальная инициатива, интеллект, мотивация, диагностика

В современном российском обществе, устремленном в будущее, обострился запрос на воспитание творческих личностей, способных решать нестандартные задачи в быстро меняющихся условиях и формулировать новые цели, намечая движение в новом

направлении. В связи с этим проблема изучения творчества приобретает особую актуальность. Интеллектуальная инициатива (ИИ) как критерий творческих проявлений субъекта является устоявшимся в психологии понятием [1]. ИИ есть результирующая имманентного взаимодействия познавательных и мотивационных характеристик личности. Развивая этот подход и опираясь на основные положения общепсихологической теории деятельности [2], мы определяем ИИ как молярную и неаддитивную единицу творчества [8]. В целом ряде работ нами экспериментально доказано, что уровень развития умственных способностей не определяет однозначно уровень проявления творчества, поскольку они преломляются через мотивационную сферу личности, которая выполняет либо тормозную, либо функцию катализатора интеллектуального потенциала личности [3,4,5,6]. ИИ исследуется с помощью метода «Креативного поля» (КП) [1], в апробации которого я принимала непосредственное участие [3]. Метод КП позволяет диагностировать три уровня ИИ: стимульно-продуктивный, эвристический и креативный. На первом уровне в деятельности испытуемого проявляются лишь особенности когнитивной составляющей бИИ. Переход на второй и третий уровни ИИ обеспечивается познавательной самодеятельностью испытуемого, что является надежным критерием проявления творчества.

Специфика мыслительной работы испытуемых стимульно-продуктивного уровня проявляется в успешном решении предъявляемых задач, но собственной, субъектной ИИ они не имеют. Смена позиции «решателя» активной субъектной позицией манифестируется в эксперименте как качественный переход к эвристическому или креативному уровням ИИ. «Сдвиг мотива на цель» [2] проявляется в рождении нового внутреннего мотива познавательной самодеятельности субъекта. На эвристическом уровне самостоятельный прорыв испытуемого в скрытый слой КП является вознаграждением за бескорыстный интеллектуальный риск, когда человек, сформулировавший алгоритм решения экспериментальных задач, не теряет интереса к познанию, но по своей инициативе рефлексирует свою деятельность и находит закономерности, которым подчиняется устройство всей системы задач КП.

«Эврист» довольствуется эмпирической верификацией справедливости своего открытия, в чем состоит существенная качественная ограниченность твор-

чества эвристического типа. На креативном уровне обнаруженная эмпирическая закономерность становится предметом специального теоретического анализа и обобщения. Успешная реализация познавательного мотива на креативном уровне ИИ предполагает высокий уровень развития теоретического обобщения, который является необходимым, но не достаточным условием перехода на креативный уровень, поскольку ИИ является свойством целостной личности и не сводится к характеристике лишь одной из своих подсистем. Качественная специфика творческой деятельности «креатива» состоит в том, что для него эмпирически найденная закономерность становится самостоятельной проблемой, решение которой дает понимание подлинных причин найденных эмпирических закономерностей, после чего любая задача легко решается на частном уровне. Переход от эвристического к креативному уровню ИИ состоит в переходе от вопроса «КАК?» к вопросу «ПОЧЕМУ?», после чего первый вопрос просто снимается [7]. Данные выводы основаны на результатах, полученных с помощью метода анализа продукта деятельности субъекта, или, по А.Н.Леонтьеву, метода «распредмечивания» продукта деятельности [2].

Таким образом, развитие творческого потенциала субъекта не сводится к интенсификации его интеллектуальных способностей, но предполагает качественный анализ особенностей его познавательной деятельности на разных уровнях ИИ, что неразрывно связано с анализом и развитием мотивационной составляющей личности, как движителя ее интеллектуальных возможностей [5,6,8].

1. Богоявленская Д.Б. Метод исследования интеллектуальной активности — М., «Вопросы психологии». 1971. №1. С. 144 — 147
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2005 -304 с.
3. Петухова И.А. Проблема соотношения интеллектуальной инициативы и общих умственных способностей: Дисс. на соиск. уч.ст.канд.психол. — М., НИИ ОПП АПН СССР, 1976
4. Петухова И.А. Творчество — личность — деятельность: теория, диагностика, практика. Школа Выготского сегодня. Сб.науч.тр. — М.: Фонд Выготского Л.С., 2005
5. Петухова И.А. Психология творчества: культурно-деятельностный подход. В: Вестник РГГУ. Серия : Психология. Педагогика. Образование. 2017 №4 (10). С.24-39
6. Петухова И.А.Творчество в культурно-деятельностной парадигме. В: Актуальные проблемы культурно-исторической психологии: материалы Первого международного симпозиума по культурно-исторической психологии (Новосибирск, 17–19 ноября 2020 г.) / сост. Т.Э. Сизикова, Н.Н. Попова, О.А. Дураченко. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. — 508 с. С.402 — 410
7. Петухова И.А.Типы творчества как типы деятельности. В: Международный научный журнал «Актуальная наука» 2021 №1 (42). — Волгоград: НИЦ «Абсолют». С. 61–65.
8. Петухова И.А. Интеллектуальная инициатива как молярная и неаддитивная единица изучения творчества. В: Психология творчества и одаренности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 3-х частях. Под редакцией Д.Б.Богоявленской. Москва, 2021. С. 75-80.

Пичугина А.О., Набиев Д.И.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Особенности восприятия лицевых экспрессий испытуемыми с разным уровнем эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности

Эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность, лицевые экспрессии, восприятие лица

Взаимосвязь эмоционального интеллекта (ЭИ) и эмоциональной креативности (ЭК) неоднозначна: были получены данные о том, что индивиды с высоким ЭИ могут иметь низкие показатели ЭК и наоборот (Ivcevic et al., 2007). К тому же вопрос о возможности Top-down влияния этих высокоуровневых конструктов на более низкоуровневые процессы восприятия является малоизученным. Мы предположили, что особенности взаимосвязи ЭИ и ЭК могут быть выявлены при изучении их проявления в процессах восприятия. Целью нашего исследования было изучить влияние ЭИ и ЭК на процессы восприятия эмоциональных лиц в ситуации предъявления противоречивых неестественных экспрессий.

В эксперименте приняли участие 57 человека в возрасте 18–40 лет (35 ж, 22м) все с нормальным или скорректированным до нормального зрением. В качестве стимулов были выбраны лица из базы Пола Экмана с базовыми экспрессиями. Для эксперимента были созданы композитные лица, в которых верхняя часть одной экспрессии была совмещена с нижней частью того же лица, но другой экспрессии. В результате в дополнении к базовым экспрессиям были получены противоречивые выражения лица. В общей сложности были отобраны 38 стимулов (2 актера Х 6 базовых экспрессий + 13 композитных экспрессий). В первой части эксперимента испытуемому на 1 секунду предъявлялось одно из лиц, после чего на экране возникал список из 32 эмоций или чувств из теории Р. Плутчика. Испытуемому была дана инструкция выбрать ту(те) эмоцию(ии) или состояние(ия), которая(ые) наиболее точно описывает(ют) это лицо. Сообщалось, что можно выбрать любое количество названий эмоций. Во второй части эксперимента испытуемому аналогичным образом предъявлялись стимулы из первой части эксперимента, после чего перед ними появлялось пустое поле для записи ответа. Задание было придумать ситуации, в которых у человека может быть такое лицо. Участникам также сообщалось, что они не ограничены в количестве ситуаций. После этого участники проходили тест эмоционального интеллекта (ТЭИ, Сергиенко и др., 2019) и заполняли опросник эмоциональной креативности, разработанный Дж. Эвериллом (ECI, Валуева, Ушаков, 2010).

Общий показатель ЭИ не коррелировал с общим показателем ЭК, однако были найдены связи Ветви 1 «Идентификация эмоций» со шкалой «Новизна» (r (57) =-.301, p=.023), и Ветви 2 «Использование эмоций для решения задач» со шкалой «Готовность» (r (57) =.294, p=.027). Среднее количество выбранных эмоций оказалось не связано ни с одним из анализируемых показателей. Среднее

количество придуманных ситуаций оказалось значимо положительно связано с Ветвью 3 «Понимание эмоций» (r (57) =.346, p=.008). Среднее количество придуманных ситуаций, среднее количество использованных слов и оригинальность ситуаций не показали значимой связи с общей ЭК и ее отдельными шкалами.

Были обнаружены корреляционные связи между отдельными шкалами ЭИ и ЭК, но не между общими показателями. ЭК оказалась не связана с количеством придуманных ситуаций, их креативностью и количеством слов, использованных для описания. Среднее количество придуманных ситуаций в большей степени связано с ЭИ, а именно со способностью к пониманию эмоций. Чем лучше человек способен понимать эмоции, тем легче ему придумать разные варианты ситуаций. Связь ЭК с процессами восприятия, по крайней мере в том виде, в котором она измеряется с помощью опросника ECI, не подтверждается.

1. Ivcevic, Z., Brackett, M. A., & Mayer, J. D. (2007). Emotional intelligence and emotional creativity. Journal of personality, 75(2), 199-236.
2. Сергиенко, Е. А., Хлевная, Е. А., Ветрова, И. И., & Мигун, Ю. П. (2019). Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта). Психологические исследования, 12(63), 5.
3. Валуева, Е. А., & Ушаков, Д. В. (2010). Эмпирическая верификация модели соотношения предметных и эмоциональных способностей. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 7(2), 103-114.

Подоровская С.А., Взорин Г.Д., Нуркова В.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Концептуальная репликация эффектов непроизвольного запоминания П.И. Зинченко (1930)

Психология, память, непроизвольная память, концептуальная репликация, эффект Зинченко

Фундаментальным законом памяти, открытым в отечественной психологии, является закон превосходства непроизвольного запоминания материала, относящегося к цели выполняемого действия [1]. Прямая репликация ставших научной классикой экспериментов не всегда успешна [4]. Предпринятые успешные прямые репликации закона П.И. Зинченко [2, 3] верифицируют обоснованность стоящей за ним теории деятельности.

Однако анализ дизайна классического эксперимента П.И. Зинченко не позволяет признать его безупречным: 1) пространственная изоляция стимульного материала увеличивает роль распределения внимания; 2) тестирование сразу после выполнения задания не позволяет утверждать факт кодирования в долговременную память; 3) задания, выполняемые с различным материалом (изображения предметов и числа), требуют различного уровня переработки информации (семантического и перцептивного, соответственно). Для оценки роли данных факторов в итоговом эффекте была проведена концептуальная репликация: 1) цифры и предметы были совмещены, чтобы снизить роль фактора нахождения материала в периферической части зрения; 2) между завершением выполнения задачи и тестированием памяти была введена филлерная задача; 3) для каждого типа материала выполнялось по три задачи с уравненными требованиями к уровню переработки информации: перцептивная, семантическая и самореференционная.

В исследовании по межгрупповому плану приняло участие 577 студентов ВУЗов г. Москва. Респонденты были поделены на 6 групп, в соответствии с сочетанием варьируемых в исследовании факторов. Для половины участников целевым материалом выступали числа, для другой половины — изображения предметов. С целевым материалом предлагалось выполнить следующие действия: расположить в порядке уменьшения; распределить на три категории как входящие в названия книг или фильмов и не связанные с этими названиями; распределить на три категории по ассоциативных связям с семьей или знакомыми-друзьями и не связанный с отношениями с другими людьми. Задача на запоминание не ставилась. После выполнения филлерного задания требовалось в свободном порядке воспроизвести максимум стимулов.

Результаты проведенного многомерного дисперсионного анализа показали наличие главного эффекта фактора «тип материала» ($F(1,571)=567,283$; $p=0,001$; $p2=0,498$), главного эффекта фактора «тип обработки информации в задаче» ($F(2,571)=30,163$; $p=0,001$; $p2=0,096$) и их взаимодействие ($F(2,571)=31,139$; $p=0,001$; $p2=0,098$).

Аналогично оригинальному исследованию, в целом зафиксировано превосходство воспроизведения материала, включенного в деятельность. Однако удалось обнаружить ряд отличий. Во-первых, в нашем исследовании заметна тенденция ухудшения продуктивности непроизвольного запоминания стимулов, включенных в деятельность. Во-вторых, в репликации исследования выросли средние показатели продуктивности непроизвольного запоминания фоновых стимулов. В нашем исследовании дополнительно была выдвинута гипотеза о взаимодействии эффекта П.И. Зинченко и эффектов уровня обработки информации: чем глубже уровень обработки, тем больше выраженность эффекта П.И. Зинченко. Однако мы получили противоречащие первоначальной гипотезе результаты: на само-референтном уровне обработки эффект П.И. Зинченко действует в обратном направлении, т.е. фоновые стимулы воспроизводятся лучше, чем целевые. Данный эффект требует дальнейшего уточнения.

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.
2. Иванова Е.Ф., Мажирина Е.С. Развитие непроизвольной памяти: повторение исследований П.И.Зинченко // Культурно-историческая психология. 2008. Том 4. № 1. С. 48–57.
3. Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science // Science 28 Aug 2015 Vol 349, Issue 6251
4. Yasnitsky A., Falenchuk O., Mazhirina E. S., Ivanova, E. F. What Can Replication Research Tell Us About the Historical Development of Mental Functions? // Journal of Russian & East European Psychology. 2008. Vol. 46. N. 6. P. 61-79

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07069

Прохоров А.О.
Казань, КФУ

Ментальные механизмы саморегуляции психических состояний

Сознание, саморегуляция, психическое состояние, структура, студент

Анализ отечественных и зарубежных концепций саморегуляции психических состояний показывает, что в исследованиях регуляторного процесса акценты в большей степени смещены к описанию результатов. При этом «опорой», чаще всего, являются психологические качества субъекта, а вектором — деятельность или поведение. В то же время в «осознанном» регуляторном процессе ведущими являются ментальные механизмы и структуры сознания: невозможно представить направленного целевого действия без участия структур сознания в регуляции. Но эти структуры и механизмы чаще всего остаются за рамками анализа в исследованиях, предметом изучения которых является регуляторный процесс. В контексте этой проблемы изучение отношений между «сознанием» и «состоянием» может позволить объяснить механизмы ментальной регуляции последних и развития регуляторных способностей субъекта (Прохоров, 2020).

В работе использовался широкий спектр методик по изучению структур сознания, саморегуляции, психических состояний. Исследования осуществлялись в реальных условиях учебной деятельности: на лекциях, семинарах и экзаменах, в них приняли участие 184 студента Казанского университета.

Результаты статистической обработки результатов позволили обнаружить ряд закономерностей в изменениях характеристик сознания, регуляторно-личностных свойств и овладении технологиями саморегуляции студентами от первого к четвёртому курсу. Выявлены закономерности в организации структур сознания, обеспечивающих регуляцию состояний и развитие регуляторных способностей учащихся: обнаружены различия в структурах функциональных регуляторных комплексов, состоящих из характеристик сознания, показателей психических состояний, регуляторно-личностных свойств, операциональных средств саморегуляции у студентов младших и старших курсов. Установлено, что специфика данных структур зависит от форм обучения.

Показано, что основная тенденция изменений в структурно-функциональной организации ментальных механизмов саморегуляции состояний заключается в становлении и формировании устойчивого регуляторного комплекса учащихся от первого к старшим курсам. В процессе учебной деятельности происходит выделение наиболее значимых составляющих регуляторного процесса со стороны ментальных структур, развитие личностно-регуляторных свойств и актуализация необходимых операциональных средств в определенных формах обучения. В процессе развития отношения между этими составляющими комплекса упрочиваются, закрепляются и дифференцируются сообразно форм обучения.

Обнаружены как общие, так и специфические характеристики в структуре взаимоотношений между компонентами ментальной организации, психическими

состояниями, способами и эффективностью саморегуляции студентов различных специальностей (гуманитарного и естественно-научного профилей).

Проведенные исследования позволили установить, что основными составляющими со стороны структур сознания, влияющих на саморегуляцию состояний являются ментальный (субъективный) опыт, система Я, целевые характеристики, репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры. Эти влияния опосредуются внешними факторами: ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры, образом жизни, временными характеристиками вкупе с операциональными средствами и обратной связью.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07072

Савельева О.А.
Москва, ФГАОУ ВО ПМГМУ им. И.М. Сеченова, МГУ им. М.В. Ломоносова

Меньшикова Г.Я.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Особенности формирования пространственных репрезентаций статических и динамических сцен в рабочей памяти

Эгоцентрические и аллоцентрические пространственные репрезентации, статические и динамические сцены, точность локализации, метрические и топологические единицы, биологическое движение

В когнитивной психологии наиболее перспективное направление в проблеме пространственного познания связано с понятием пространственных репрезентаций, которые представляют собой мысленный образ, отражающий категориальные и координатные характеристики объектов окружающей среды, необходимый субъекту для решения текущих пространственных задач. Выделяют два типа пространственных репрезентаций: эгоцентрические (ЭПР) и аллоцентрические (АПР) (Klatzky, 1998). В ЭПР мысленный образ о локализации объектов формируется относительно позиции наблюдателя, а в АПР — локализация объектов кодируется относительно друг друга. Точность локализации представлена относительной пространственной конфигурацией объектов (топологические единицы) и точными координатами (метрические единицы).

Преимущественно изучаются ЭПР/АПР статических сцен и лишь единичные работы обращаются к проблеме обработки пространственной информации о динамических сценах. Во многом это связано с методическими ограничениями, преодолеваемыми благодаря развитию новых технологий, например, технологий виртуальной реальности (ВР), позволяющих создавать 3D среды и манипулировать виртуальными объектами (Menshikova et al., 2013). Мы разработали метод оценки точности ЭПР и АПР в метрических и топологических единицах (Меньшикова, Савельева, Величковский, Бугрий, 2020) и применили его к изучению ЭПР и АПР статических и динамических сцен в рабочей памяти.

В эксперименте участвовало 112 человек в возрасте (21,0±2,3) лет. На основе HMD технологий ВР разработана виртуальная среда. Участники запоминали и реконструировали сцены из 4-х объектов. Сцены предъявлялись в течение 10 секунд; в статическом условии — неподвижно, в динамическом условии весь массив объектов как единое целое совершал полный оборот вокруг центральной вертикальной оси. Регистрировались исходные и реконструированные по памяти координаты объектов, по рассогласованию между которыми рассчитывалась топологическая и метрическая точность локализации ЭПР и АПР.

При сравнении результатов статических и динамических сцен было показано, что статистически значимо снизилась точность локализации ЭПР с (0,65±0,32) до (0,38±0,32) ($T=-3,843$, $df=84$, $p\leq0,001^{**}$) и АПР с (0,36±0,31) до (0,21±0,28)

(T=-2,274, df=80, p=0,026*) в метрических единицах. Сравнение точности локализации ЭПР и АПР в топологических единицах показало незначительное, но не значимое снижение точности: ЭПР с (0,83±0,11) до (0,79±0,09) (T=-1,943, df=84, p=0,055), АПР с (0,77±0,09) до (0,76±0,09) (T=-0,573, df=80, p=0,568).

Полученные данные позволили предположить, что при запоминании динамической сцены в рабочей памяти когнитивный ресурс распределяется в пользу удержания в памяти относительной пространственной конфигурации, при этом кодирование метрических данных происходит по остаточному принципу, что и приводит к резкому снижению точности формирования ЭПР и АПР в метрических единицах. Одним из примеров работы этого приоритетного механизма является феномен биологического движения (biological motion) — восприятия живого организма по движению группы точек, объединенных в пространстве и во времени «общей судьбой» (Gu et al., 2020).

1. Меньшикова Г.Я., Савельева О.А., Величковский Б.Б., Бугрий Г.С. Формирование эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций в рабочей памяти // Вопросы психологии. — 2020.
2. Gu Q. et al. Event-based encoding of biological motion and location in visual working memory // Quarterly Journal of Experimental Psychology. — 2020. — Т. 73. — №. 8. — С. 1261-1277.
3. Klatzky R. L. Allocentric and egocentric spatial representations: Definitions, distinctions, and interconnections // Spatial cognition. — Springer, Berlin, Heidelberg, 1998. — С. 1-17.
4. Menshikova G., Bayakovski Yu., Luniakova E., Pestun M., Zakharkin, D. Virtual reality technology for the visual perception study // Transactions on Computational Science XIX, Special Issue on Computer Graphics, LNCS 7870, P. 107-117, Springer, 2013.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00474-П

Семёнова М.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Экспериментальное исследование влияния прайминга на сематическую сеть

Креативность, семантическая сеть, прайминг, тест отдаленных ассоциаций С. Медника

В основе современных экспериментальных подходов по исследованию семантических сетей лежат работы С. Медника, который предположил, что индивидуальные различия в креативности определяются характером распределения ассоциаций [7].

Всего в наших исследованиях приняло участие 676 человек, из них 520 женщин и 156 мужчины в возрасте от 17 до 57 лет (средний возраст 26 лет). Анализировались слова из 6 словарей, с последующим сопоставлением ассоциативных цепочек по частоте встречаемости данного слова в словаре: САНРЯ [5]; РАС [2]; САС [3]; РАСШ [1]; СОЦ [4]; РСАС [6]. Далее проводилось исследование с использованием платформы Google-формы. В нем приняли участие 604 человека, каждому испытуемому было предъявлено 193 слова. По результатам исследования был составлен новый ассоциативный словарь и семантические цепочки. По результатам исследования сделали стимульный материал для основного эксперимента. Каждая серия была разбита на 25 экспериментальных этапов.

В очном экспериментальном исследовании участвовало 72 человека. Использовался специальный монитор (240 Гц) для проведения исследований с семантическим праймингом. В качестве инструкции, каждому испытуемому были даны разъяснения относительно последовательности действий и предъявлено требование в обязательном порядке с особым вниманием запоминать слова красного или зеленого цвета, в зависимости от эксперементальной серии, которые предъявлялись в таком порядке: фиксационный крест (300мс.) → специальная маска (или маскировка прайминга) (200мс.) → слова, окрашенные черным шрифтом (300мс.) → маскировка (200мс.) → слова, окрашенные в зеленый/красный цвет (300мс.) → маска (200мс.). Далее последним слайдом была инструкция вслух произнести слова красного/зеленого цвета. Испытуемый произносил слова вслух, а экспериментатор фиксировал эти слова на специальном бланке. После этого испытуемый нажимал «пробел», далее предъявлялась одна тройка из теста С. Медника. Данные были статистически обработаны в программах Microsoft Excel (MS Office 2010), SPSS 22. Испытуемые были разделены на две группы — с зелеными праймами (34 человека) и с красными праймами (38 человек).

Результаты оказались следующие: группа с зеленым праймингом лучше выполняла задания к тесту, ошибок было меньше, обнаружены различия на уровне статистической тенденции ($U = 517.000$, $p = 0.077$). Испытуемые, с прамингом зеленого цвета, наиболее успешней справились с заданиями, по сравнению с испытуемыми, у которых праминг был красного цвета. Это говорит нам о том, что влияние

прайминга на распространение активации по семантической сети, в данном исследовании наблюдается. Нами были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости (U = 174.00, p = 0.007) при сравнении средних значений показателей по скорости ответа испытуемых во всех тройках. В среднем испытуемые, которым предъявлялся прайминг зеленого цвета, отвечали на тест С. Медника быстрее испытуемых, у которых прайминг был красного цвета.

1. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I — XI классов: в 2 Т. // В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.
2. Русский ассоциативный словарь: В 2 Т. // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Т. I. От стимула к реакции. — М., 2002. Т. II. От стимула к реакции. — М., 2002.
3. Славянский ассоциативный словарь // Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. — М., 2004.
4. Словарь ассоциаций. Экспериментальный некоммерческий проект. URL: https://sociation.org (дата обращения: 30.01.2021)
5. Словарь ассоциативных норм русского языка // под ред. А. А. Леонтьева. — М., 1977
6. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. –М.: ИЯз РАН, 2008.
7. Mednick, Sarnoff (May 1962). “The associative basis of creativity”. Psychological Review. 69 (3): 220–232. CiteSeerX 10.1.1.170.572.

Сладкоштиева А.В., Стародубцев А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Воздействие эмоциональных стимулов на скорость ответов в зависимости от типа задач

Эмоции, интерференция, фасилитация ответа, ингибиция ответа

Согласно модели аффекта как информации [1], отрицательные эмоции свидетельствуют о неверном решении задачи, замедляя когнитивные процессы [2]; положительные эмоции, наоборот, говорят о верности решения, что оказывает фасилитирующее воздействие на скорость ответа [3]. По модели же Hatukai T., Algom D. [4] отрицательные эмоции вызывают тенденции к избеганию, побуждая человека быстрее выполнить задачу. Hatukai T., Algom D. [4] сделали вывод о влиянии отрицательных эмоций на решение задачи, используя конфликтные струп-стимулы (например, слово «красный», написанное синим цветом). При определении параметра цветного слова, не связанного с цветом или значением, испытуемые ускорялись. Однако из-за используемой методики результаты эксперимента оставляют разнообразие интерпретаций, среди которых может быть гипотеза неспецифического сигнала Аллахвердова В.М. Она предполагает, человек может отвлекаться от основной задачи при наличии сообщения одной и той же иррелевантной информации от 2-х независимых источников.

Цель данного исследования — выяснить, ускоряют ли ответ отрицательные эмоции, когда релевантная задача не предполагает взаимодействия с эмоциональным компонентом стимула. В межгрупповом пилотном исследовании приняли участие 14 человек. Одной группе была дана задача категоризации слов на «нейтральные», «отрицательно окрашенные» и «положительно окрашенные». Была использована база слов из исследования Lyusin. D., & Sysoeva, T. [5]. Другой группе нужно было определять цвет «эмоциональных» слов. Обе версии эксперимента содержали 3 блока по 60 стимулов. Каждый стимул встречался в определённом цвете только 1 раз; каждое слово встречалось по 1 разу в каждом блоке.

Результаты. В задаче категоризации на уровне тенденции выявлено замедление скорости ответа на стимулах категории «отрицательно окрашенные» ($F(2, 105)=2{,}516$, $p=0{,}08$), по сравнению с категориями «нейтральные» и «положительно окрашенные». В отличие от остальных типов стимулов ($F(4, 103)=2{,}512$, $p=0{,}05$), на отрицательно окрашенных стимулах не было обнаружено научения. В задаче определения цветов значимого научения на отрицательно окрашенных стимулах не обнаружено; скорее, наблюдалось обратное научение.

Выводы. В задаче на категоризацию скорость ответов на негативные стимулы была медленнее за счёт отсутствия научения на таких стимулах. В задаче называния цвета обнаружен паттерн, свидетельствующий об «антинаучении» при предъявлении негативных слов. Эти данные подтверждают модель аффекта как информации. Отрицательные эмоции, вызванные словом, сигнализируют о неверном решении задачи, что замедляет скорость ответа в каждом блоке всё

больше. С другой стороны, в задаче классификации эмоций наблюдается адаптация к ним, из-за чего наблюдается не «антинаучение», а отсутствие научения. Данные предварительные выводы планируется подтвердить в основном эксперименте (выборка 60 человек).

1. Zadra J. R., Clore G. L. Emotion and perception: The role of affective information //Wiley interdisciplinary reviews: cognitive science. — 2011. — Т. 2. — №. 6. — С. 676-685.
2. Frings C. et al. Decomposing the emotional Stroop effect //Quarterly journal of experimental psychology. — 2010. — Т. 63. — №. 1. — С. 42-49.
3. Wang Y., Chen J., Yue Z. Positive emotion facilitates cognitive flexibility: An fMRI study // Frontiers in psychology. — 2017. — Т. 8. — С. 1832.
4. Hatukai T., Algom D. The Stroop incongruity effect: Congruity relationship reaches beyond the Stroop task //Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. — 2017. — Т. 43. — №. 6. — С. 1098.
5. Lyusin D. V., Sysoeva T. A. Эмоциональная окраска имен существительных: база данных ENRuN //Психологический журнал. — 2017. — Т. 38. — №. 2. — С. 122-131.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00778

Смирнова Я.К.
Барнаул, ФГБОУ ВО АлтГУ

Возможности айтрекинг технологии двойного отслеживание движения глаз (DUET) в изучении трудностей обучения детей с нарушением слуха

Совместное внимание, социальное внимание, объединённое внимание, обучение, возрастное развитие, дошкольный возраст, атипичное развитие, нарушение слуха, кохлеарная имплантация, окулография, айтрекер

Айтрекинг технология двойного отслеживание движения глаз DUET позволяет исследователям записывать движения глаз двух участников одновременно, открывает новые горизонты в анализе совместное внимания и изменения перцептивных процессов под влиянием обучающего воздействия в диаде взрослый-ребёнок. Методологически обучение в айтрекинг исследованиях рассматривается как межсубъективная сенсомоторная координация путем взаимного предвосхищения и внимательного отслеживания действий взрослого и ребёнка друг другом. (Shvarts, Stepanov, Chumachenko, 2018). При помощи использования синхронного отслеживания движения глаз исследователи идентифицируют новую единицу анализа — «интерсубъективную совместную перцептивную систему» взрослого и ребёнка, вовлеченных в учебную деятельность (Radford, Sabena, 2015). Это позволяет проследить синхронность визуального внимания и пути достижения совместного внимания в диаде взрослый-ребёнок, «вскрыть», что происходит внутри процесса установления совместного внимания. Особую актуальность данные айтрекинг исследования имеют на выборке детей с нарушением слуха. Технология DUET позволяет детально изучить как происходит ориентировка ребёнка с нарушением слуха на разные типы инструкции и понять, как поддерживать его визуальное внимание в процессе обучения.

Целью исследования стало методом слежения за движением глаз отследить специфику визуального внимания детей с нарушением слуха в эпизодах совместного внимания со взрослым в процессе обучения. Выборка исследования: дошкольники 4-6 лет (средний возраст 5,2): 7 типично развивающихся детей и 7 детей с нарушением слуха после кохлеарной имплантации (сенсоневральной тугоухостью, класс H90 по МКБ-10). Всего задействовано 14 диад взрослый-ребёнок.

Процедура. Была создана экспериментальная ситуация обучения с 2 сериями. В первой серии эксперимента перед ребёнком располагался образец с узором ребёнок и он должен был нарисовать точно такой же узор по зрительному образцу. Во второй серии эксперимента ребёнку в вербальной давалась инструкция графического диктанта: он должен был нарисовать узор без опоры на зрительный образец, задание выполнялось только по словесным указаниям взрослого. Для фиксации в глазодвигательной активности использована технологию двойного отслеживания движения глаз (DUET). Синхронная регистрация движения

глаз диады взрослый-ребёнок происходила двумя портативными трекерами в форме очков Pupil Headset.

Результаты. Анализ путей движения взгляда диады взрослый-ребёнок позволил смоделировать процесс обучения как появление и динамическое преобразование интерсубъективной связи между системами восприятия-действия ребёнка и взрослого. Сравнение паттернов взгляда показал, что контрастные группы детей применяют различные перцептивные стратегии в процессе обучения: специфика движения глаз контрастных групп проявляется в самих перцептивных действиях и паттерне движений глаз относительно фиксаций в релевантных областях, соответствующих задачи. Дошкольники с нарушением слуха отличают от типично развивающихся сверстников по количеству (t=4,161, P=0,0001) и продолжительности фиксаций (t=4,235, P=0,0001) на образце с заданием. Также, для дошкольников с нарушением слуха характерно снижение общей продолжительности (t=2,177, P=0,040) и количества фиксаций (t=2,315, P=0,030). Дошкольники с нарушением слуха статистически достоверно реже совершают фиксации на целевые стимулы (t=4,161, p=0,0001). По сравнению с типично развивающимися дошкольниками у детей с нарушением слуха снижается количество фиксаций длительностью 300-500 миллисекунд (t=2,671, P=0,014). Можно прийти к выводу, что специфичными особенностями окуломоторной активности детей с нарушением слуха в процессе обучения являются параметры продолжительности и количества фиксаций (в том числе на целевые стимулы), отображающие скорость в обработке информации. Также важнейшем параметром является способность ребёнка устойчиво фиксировать взгляд, что свидетельствуют об устойчивом поддержании совместного внимания, в том числе к обучающему образцу. Обнаружено, что окуломоторная активность взрослого видоизменяется в процессе взаимодействия с детьми контрастных групп и организуется с учётом специфики особенностей перцептивной деятельности типично развивающегося ребёнка и ребёнка с нарушением слуха. В регрессионном анализе выявлено, что статистически значимо, выделенные параметры глазодвигательной активности взрослого и ребёнка взаимозависимы ($p<0,05$). Качественно отличия проявляются в степени синхронности фиксаций и схожести траекторий движений взгляда взрослого и детей из контрастных групп. Перцептивная связь диады отчётливо проявляется в следящих, опознавательных и контролирующих перцептивных действиях как предшествующей фазы, возникновения совместности. При этом перцептивные стратегии ребёнка с нарушением слуха и взрослого развиваются независимо друг от друга, асинхронно. У детей с нарушением слуха и взрослого наблюдались разные модели движения глаз и фиксаций. Также показано, что статистически значимо ($p<0,05$) при синхронном выполнении задания в глазодвигательной активности взрослого наблюдаются характерные изменения: происходит увеличение продолжительности фиксаций и время целевых фиксаций, но сокращается время длительности первой фиксации, увеличивается время и количество фиксаций до первой целевой фиксации. При синхронном и самостоятельном выполнении учебного задания мы наблюдали изменчивость в объем совместного внимания и у взрос-

лого, и у ребёнка. Синхронное выполнение учебного действия приводят к тому, что у детей с нарушением слуха время, затраченное на выделение целевых стимулов, становится меньше, фиксация на целевых областях становиться устойчивее, а нецелевые фиксации снижается, увеличивается количество фиксаций, свидетельствующих о постоянном внимании.

В нашем исследование при помощи технологии двойного отслеживания движения глаз (DUET) мы зафиксировали перцептивную деятельность взрослого и ребёнка в общем визуальном пространстве в процессе обучения. Тем самым при визуализации путей движения глаз мы видим, как под воздействием взрослого и специфики его перцептивных процессов организуются перцептивные действия ребёнка. При этом и взаимно перестраиваются перцептивные процессы и взрослого. Именно за счёт перцептивных действий взрослого устанавливается и поддерживается визуальное внимание ребёнка в процессе обучения. Зафиксированы различия моментов появления синхронности и совместной локализации между движениями глаз взрослого и детей с нарушением слуха и взрослого и типично развивающегося ребёнка. Это позволят более детально проанализировать совместное внимание детей с нарушением слуха- его происхождение и его поддержание в процессе обучения.

1. Radford, Luis & Sabena, Cristina. (2015). The Question of Method in a Vygotskian Semiotic Approach. In book: Approaches to Qualitative Research in Mathematics Education. Examples of Methodology and Methods Publisher: Springer
2. Editors: A. Bikner-Ahsbahs, C. Knipping, N. Presmeg 10.1007/978-94-017-9181-6_7.
3. Shvarts, A., Stepanov, A., Chumachenko, D. (2018). Automatic Detection of Gaze Convergence in Multimodal Collaboration: A Dual Eye-Tracking Technology. The Russian Journal of Cognitive Science, 5(3), 4-17.
4. Yu, C., Smith, L.B. (2016). Multiple sensory-motor pathways lead to coordinated visual attention. Cognitive Science, 41(S1), 1–27.
5. Yu, C., Smith, L.B. (2017). Hand–Eye Coordination Predicts Joint Attention. Child Development, 88(6), 2060-2078.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №21-78-00029

Сулим О.С., Нуркова В.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Проблема дифференциации инцидентных и метафорических самоопределяющих автобиографических воспоминаний

Самоопределяющие автобиографические воспоминания, автобиографическая память, развитие идентичности, метафора, линия жизни будущего

Самоопределяющие автобиографические воспоминания (СОВ) представляют собой «мгновенное выражение идентичности» субъекта, являющиеся инструментом поддержания чувства самотождественности и протяженности Я во времени (Singer, 2005). Несмотря на аксиоматичность связи СОВ с чувством идентичности, абсолютное большинство исследований в данном поле носит корреляционный характер, из-за чего вопрос о сущности и механизмах этой связи остается в тени.

Типичным параметром анализа СОВ является показатель специфичности/обобщенности, где под «специфическим» понимается инцидентное воспоминание, насыщенное перцептивными и аффективными деталями (Singer, Blagov, 2004). Однако такая трактовка, на наш взгляд, может быть признана редукционистской, поскольку упускает смысловое содержание воспоминания. Принимая во внимание то, что автобиографическая память является высшей мнемической функцией (Нуркова, 2010), организация которой качественно изменяется на разных этапах развития личности, логично предположить, что за схожими фенотипическими проявлениями стоят результаты процессов генеза разных уровней сложности. Таким образом, возможно существование двух принципиально разноуровневых типов специфичности: «первичной», являющейся отражением «чистой» чувственной ткани инцидентного воспоминания, смысл которого сводится к передаче фактического содержания события, и «вторичной», при которой образы в воспоминании переходят в статус метафорической структуры. Но возникает вопрос: как различить эти типы при кодировании нарративов?

В докладе будет представлена попытка выявления признаков, позволяющих дифференцировать инцидентные «первично-специфические» и метафорические «вторично-специфические» СОВ, путем изучения аспектов взаимосвязи СОВ и чувства идентичности в формате множественного кейс-стади с двумя замерами. Участниками стали 12 студентов-психологов, находящихся в «сенситивном периоде» формирования идентичности. В декабре 2020 и марте 2022 респонденты рассказывали нарративы СОВ в ответ на инструкцию описать свою личность, используя одно воспоминание, заполняли адаптированную нами версию опросника Ego Identity Processing Questionnaire (EIPQ) и выполняли методику «Линия жизни будущего», располагая прогнозируемые события относительно оси времени и указывая их эмоциональную валентность. После выполнения всех методик участники писали эссе, в котором с помощью опорных вопросов анализировали свои СОВ и образы будущего, созданные за два года исследования.

В результате сопоставления качественных характеристик СОВ и данных о динамике развития идентичности, полученных с помощью EIPQ, мы выявили различную роль динамики показателей по шкалам приверженности обязательствам и исследования альтернатив. Высокая приверженность обязательствам при предполагаемом отсутствии предварительного исследования альтернатив связаны с отсутствием эксплицируемого смысла в СОВ (первичная специфичность). Напротив, если высокий уровень приверженности обязательствам был достигнут через прохождения моратория, т.е. активного исследования альтернатив, способность эксплицировать личностный смысл проявляется при направленном запросе на рефлексию собственного СОВ в эссе (вторичная специфичность). Результаты будут дополнены данными методики «Линия жизни будущего» и обсуждены с точки зрения перспектив развития исследований СОВ.

1. Singer J.A. Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life. — New Harbinger Publications, 2005.
2. Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2010. №2.
3. Нуркова В.В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 79–89
4. Singer J.A., Blagov P. The Integrative Function of Narrative Processing: Autobiographical Memory, Self-Defining Memories, and the Life Story of Identity. — 2004.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00368

Сучкова Е.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Люсин Д.В.
Москва, НИУ ВШЭ, ФГБУН ИП РАН

Влияние естественных и индуцированных эмоций на восприятие эмоций по фотографиям лиц

Восприятие эмоций, эмоциональное состояние, настроение, морфинг

Введение. Эмоциональное состояние (ЭС) человека может оказывать влияние на восприятие эмоции других. В современной литературе описываются два подхода, способные объяснить эффект ЭС на восприятие эмоций: теория «Аффект как информация» и концепция эмоциональной конгруэнтности. Проблемой исследования является противоречие в предсказаниях существующих теорий. Согласно теории «Аффект как информация»: радостное ЭС ведет к снижению концептуального порога восприятия эмоций, грустное же ЭС ведет к снижению перцептивного порога восприятия эмоций. Согласно концепции эмоциональной конгруэнтности в радостном ЭС перцептивный и концептуальный пороги будут ниже для положительных эмоций, а в грустном ЭС эти пороги будут ниже для отрицательных эмоций.

Эксперимент 1. В эксперименте приняли участие 47 человек (Mage = 21.00; SDage = 2.72). Дизайн задачи и стимулы были взяты из исследования М. Джексон (Jackson, Arlegui-Prieto, 2016). Изображения трех актеров, выражавшие шесть эмоций (радость, удивление, злость, грусть, страх и отвращение), и нейтральные были предобработаны при помощи техники лицевого морфинга. Морфы предъявлялись на 500 мс без интервала между стимулами. Для оценки настроения использовалась методика ШПАНА (Осин, 2012). Задача была реализована в программе PsychoPy (Peirce, 2009). В начале респонденты заполняли опросник ШПАНА. После этого начиналась тренировочная сессия, которая включала в себя 30 проб с эмоциями: отвращение и страх. Основная сессия состояла из 60 проб и включала в себя эмоции: радость, удивление, злость и грусть. В задаче испытуемым предъявлялась последовательность морфов. Требовалось нажать на клавишу, (1) когда они увидят минимальные изменения в выражении лица (перцептивный порог), (2) когда они поймут, какую эмоцию выражает актер (концептуальный порог).

Результаты. Корреляционный анализ между значениями перцептивных и концептуальных порогов и позитивных и негативных аффектов не обнаружил значимых связей, кроме связи концептуального порога для злости с негативным аффектом (r(47) = –0.37, p .05).

Эксперимент 2. 57 человек были распределены по группам случайным образом. Группа радости — 30 человек (Mage = 20.47, SDage = 2.57, 25), группа грусти — 27 человек (Mage = 19.30, SDage = 1.03). У каждого испытуемого инду-

цировалось одно ЭС. Материалы и процедура принципиально не отличались от Эксперимента 1, но в Эксперимент 2 была добавлена индукция ЭС и оценка ее эффективности. ЭС индуцировались при помощи видео, оценка эффективности проходила при помощи шкал позитивного и негативного аффекта.

Результаты. В подвыборке с эффективной индукцией ЭС не было обнаружено значимых различий в перцептивных и концептуальных порогах между группами радости и грусти. Двухфакторный дисперсионный анализ обнаружил влияние валентности на перцептивный порог ($F(1, 24) = 123.90$, p .001), и на концептуальный порог $F(1, 24) = 91.88$, p .001). Взаимодействие валентности и группы оказалось маргинально значимым $F(3, 72) = 3.73$, $p = .07$, $\eta^2p = .13$.

Общее обсуждение и выводы. Предсказания теории «Аффект как информация» не были подтверждены. Предсказания концепции эмоциональной конгруэнтности были подтверждены частично: на подвыборке с эффективной индукцией и для одного из порогов. Несмотря на то, что эффект взаимодействия был большим, выборки оказалось недостаточно для подтверждения концепции. В дальнейшем стоит провести аналогичное исследование с большей выборкой.

1. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
2. Jackson M. C., Arlegui-Prieto M. Variation in normal mood state influences sensitivity to dynamic changes in emotional expression // Emotion. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 145–149.
3. Peirce J. W. Generating stimuli for neuroscience using PsychoPy // Frontiers in Neuroinformatics. 2009. Vol. 2. No. 10. P. 1–8.

Фомичева А.Д., Бурмистров С.Н.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Управление комплексными динамическими системами как метод исследования имплицитного научения

Комплексные динамические системы, имплицитное научение

Метод управления комплексными динамическими системами появился в последней трети прошлого века. Характерная для этого метода экспериментальная задача заключается в том, чтобы привести одни параметры сложной системы в некоторое целевое состояние, варьируя показатели других параметров. При этом правила функционирования системы задаются математическими формулами, которые обеспечивают нелинейность связи между выделенными параметрами (входными и выходными переменными). Например, в эксперименте с использованием компьютерной модели «Сахарная фабрика» было необходимо установить определенный объем производства сахара за счет изменения числа рабочих на фабрике. Количество выпускаемого сахара рассчитывалось с учетом этого значения в предыдущей пробе, поэтому одно и то же число рабочих в каждой попытке вело к разным показателям производства [1].

Существенную роль в управлении комплексными динамическими системами играют неосознаваемые механизмы обработки информации, которые, наряду с осознаваемыми процессами, участвуют в усвоении закономерностей функционирования системы. Приобретение знаний, протекающее без сознательного стремления к обучению и без осознания процесса получения информации и его результата, принято называть имплицитными научением (ИН) [2]. Для эффективного управления сложной системой необходимо учитывать такие факторы, как задержка в отклике системы или скрытые взаимосвязи между переменными. Как правило, участники исследований, успешно достигшие целевых показателей системы, не способны описать закономерности, определяющие изменения выходных переменных. Такие данные позволяют заключить, что усвоение правил её работы в значительной степени происходит неосознанно, вследствие чего это знание не поддается вербальному выражению [3].

Основное преимущество этого метода заключается в том, что в ходе эксперимента испытуемые взаимодействуют с упрощенной моделью реально существующей системы (в отличие от других экспериментальных парадигм изучения ИН, в которых используется стимульный материал, не встречающийся в обычной жизни, например, искусственные грамматики или последовательности символов). Это повышает его экологичность, что позволяет использовать полученные результаты как основу для разработки методов оценки способностей к управлению сложными системами или к принятию решений в ситуациях неопределенности. Кроме того, с его помощью можно выделить личностные и когнитивные детерминанты выбора определенных стратегий управления и их связи с неосознаваемыми процессами. Возможность изучения различных аспектов управления

сложными системами обуславливает междисциплинарный характер подобного рода исследований.

Таким образом, метод управления комплексными динамическими системами может стать основой для более разностороннего исследования ИН. Моделируемые с его помощью условия позволяют обнаружить эффекты ИН и его взаимодействия с осознаваемыми процессами, а также выявить их связь с другими личностными и когнитивными характеристиками человека, которые могут объяснять индивидуальные различия в эффективности управления системами. Более высокая внешняя валидность, в сравнении с другими способами изучения ИН, расширяет сферу применения результатов, полученных посредством этого метода.

1. Berry D.C., Broadbent D.E. On the relationship between task performance and associated verbalizable knowledge // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1984. 36A. Pp. 209-231.
2. Reber A.S. Implicit learning and tacit knowledge: An essay on the cognitive unconscious. — New York: Oxford University Press, 1993.
3. Berry D.C., Broadbent D.E. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving: The European perspective / US : Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 1995. Pp. 131–150

Чернов А.В.
Казань, КФУ

Взаимосвязь компонентов системы Я и смысловых структур в процессе саморегуляции психических состояний студентов

Психическое состояние, система Я, саморегуляция, смысловая структура, учебная деятельность

Ментальная регуляторная система выполняет управляющую функцию по отношению к состояниям субъекта, её воздействия опосредуются внешними факторами вкупе с регуляторными действиями и обратной связью, а также внутренними: психологическими свойствами личности и психическими процессами (Прохоров, 2021). Существенным звеном в данной модели ментальной регуляции является система Я, выполняющая узловую регулирующую функцию в организации включения ментальных структур в саморегуляцию состояний, влияющая на выбор операциональных средств и регуляторных действий (Прохоров, Чернов, 2020).

Исследование взаимосвязи составляющих системы Я и смысловых структур с психическими состояниями проходило в разных по напряженности ситуациях учебной деятельности (на лекции, семинаре и экзамене). В нем приняли участие 52 студента-психолога ИПиО КФУ. На первом этапе исследования были выявлены характеристики компонентов системы Я (Я-физическое, Я-морально-этическое, Я-поведенческое, Я-социальное, Я-эмоциональное, Я-интеллектуальное и др.) и выраженность смысловых структур (Леонтьев, 2000). На следующем этапе студенты описывали собственное психическое состояние.

Обнаружено влияние взаимосвязи Я-поведенческого со смысловыми структурами сознания в процессе саморегуляции состояний — целей в жизни ($p \leq 0{,}015$) и результативности жизни ($p \leq 0{,}009$). Выявлено, что наименее интенсивные состояния переживают студенты с низкой оценкой собственного поведения при отсутствии четких целей в жизни. В то же время, высокая выраженность последних приводит к переживаниям состояний высокой интенсивности. По мере роста оценки собственного поведения усиливается и интенсивность переживаний, независимо от наличия у респондентов четких целей в будущем. Высокий уровень удовлетворенности самореализацией у студентов проявляется в переживании наиболее интенсивных состояний, даже при низкой оценке своих поступков.

Установлено, что убежденность в способности контролировать собственную жизнь (локус контроля — жизнь) связана с высокой оценкой своего Я в будущем ($p \leq 0{,}017$), что приводит к переживаниям позитивных состояний высокой интенсивности ($p \leq 0{,}002$). Низкая оценка своего Я в будущем, независимо от интернальности / экстернальности личности, связана с состояниями пониженной интенсивности, причем уровень их ниже при высокой убежденности в управляемости

жизнью. Те же закономерности характерны и для показателя наличия целей в жизни и общего уровня смысложизненных ориентаций личности.

Выявлены взаимосвязи показателей Я прошлое и локус контроля-Я в их совокупном влиянии на подструктуры психических состояний в ходе учебной деятельности студентов ($p \leq 0{,}008$). Экстернальный локус контроля связан с состояниями низкой интенсивности (преимущественно отрицательными), особенно при низком уровне оценки своего Я в прошлом. По мере роста уровня интернальности растет и показатель интенсивности поведения и переживания состояний, причем низкий уровень оценки Я в прошлом, наоборот, служит катализатором позитивных состояний при высокой убежденности в силе своей личности и свободе выбора.

Значимо влияние на психические состояния и такой составляющей системы Я как Я-морально-этическое ($p \leq 0{,}001$). Установлено, что высокий уровень смысложизненных ориентаций, при любом уровне оценки своего морально-этического Я, связано с переживанием позитивных состояний высокой интенсивности. В то же время, наименее интенсивные состояния переживают студенты с низкими показателями осмысленности жизни и высокой оценкой собственных морально-этических качеств личности.

1. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
2. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 182–204.
3. Прохоров А.О., Чернов А.В. Роль системы Я в саморегуляции психических состояний в ходе учебной деятельности студентов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 79–87.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00076

Шушкова Е.А., Смирницкая А.В., Владимиров И.Ю.
Ярославль, ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Мониторинг загрузки управляющих функций в процессе инсайтного решения

Решение задач, инсайт, задание-зонд, рабочая память, динамика мыслительных процессов, управляющие функции

Одной из важных методологических задач исследования процесса инсайтного решения является вопрос объективации этого процесса и создания адекватных методов для вскрытия механизмов решения. Ограничения для разработки представляет характер феномена, так как мыслительные процессы свернуты, краткосрочны и невербализуемы. Для выявления поведения контроля зачастую используется когнитивный мониторинг или метод вызванных потенциалов мозга. Оба метода имеют свои преимущества и недостатки, их объединение является перспективным. В данном исследовании мы разработали процедуру, которая позволит нам совместить данные методы и опробовали его в поведенческом варианте с целью сравнения с результатами уже проведенных исследований.

Процедура данного исследования предполагала выполнение тренировочной серии, в которой выполнялось только задание-зонд, и основной серии, в ходе которой испытуемым было необходимо решить ряд инсайтных и алгоритмизированных задач при параллельном выполнении задания-зонда. В качестве задания-зонда испытуемому предлагается как можно быстрее реагировать на звуковой сигнал. Есть два уровня сложности задания: простое (чередование нажатия клавиш влево-вправо) и сложное (чередование клавиш влево и вправо, с двойным последовательным нажатием вправо). Межстимульный интервал 3 секунды, предъявление производится с наушников закрытого типа. Для реализации эксперимента используется программа PsychoPy 2021.1.4. Выборку исследования составили 25 испытуемых в возрасте от 18 до 45 лет. В исследовании приняли участие 13 мужчин и 12 женщин. Статистическая обработка осуществлялась с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) и U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования: время решения в целом задач зависит от типа (инсайтная/не инсайтная) задачи ($F=4{,}25$, $p = 0{,}04$). Время реакции зависит от сложности задания-зонда ($F=17{,}11$, p 0,001), в условии сложного задания-зонда время реакции увеличивается, и типа задачи ($F=7{,}23$, $p = 0{,}007$), время реакции в решении инсайтных задач ниже. Для анализа динамики мы поделили время решения на 10 этапов и рассчитали среднее время реакции для каждого. Значимых различий в динамике не получено, однако, стоит отметить, что задание-зонд выполнялась значительно медленнее со среднего этапа решения неисайтной задачи до конца решения, в то время как выполнение задания-зонда при инсайтной задаче было равномерным. Предположительно это связано с тем, что неинсайтная задача, специфика решения которой подразумевает оперирование объемными промежуточными данными, требует больше ресурса блока центрального

исполнителя (Чистопольская А.В., 2017). При этом стоит отметить, что скорость реакции на последних этапах в решении инсайтнй задачи падает в условии со сложным заданием-зондом. Возможно, данный результат объясняется особенностями вторичного задания, который вызывает некоторую бдительность (Posner M. I., Snyder C. R., Solso, 2004).

Обобщая результаты мы можем отметить следующее. Наблюдаются значимые различия во времени реакции на задание-зонд в зависимости от его сложности (простой/сложный), что связано с различной загрузкой центрального исполнителя: время реакции выше при выполнении сложного зонда. Наблюдаются значимые различия во времени реакции на задание-зонд в зависимости от типа задачи (инсайтная/неинсайтная): время реакции при решении инсайтных задач значимо ниже, что значит, что ресурс контроля при их решении задействуется в меньшей степени. Таким образом, разработанная методика подходит для интеграции с ЭЭГ для получения данных о мозговой активности, так как данные схожи с исследованиями инсайтного решения классическим методом мониторинга.

1. Чистопольская А. В. Роль подсистем рабочей памяти в процессе инсайтного решения : дис. — дис.… канд. психол. н. Москва, 2017.
2. Posner M. I., Snyder C. R., Solso R. Attention and cognitive control//Cognitive psychology: Key readings. — 2004. — Т. 205. — С. 55-85.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00801А

Янина Е.А., Виговский А.В., Майрыгин М.С.
Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК

Анализ изменения психофизических параметров с ростом уровня игрока в го

Теория обнаружения сигнала, мера чувствительности A', мера сдвига критерия принятия решения B", психофизика, игра го, бадук, вейчи, облавные шашки

Оценка позиции — важная составляющая мастерства в игре го, и является ненаблюдаемым психическим процессом, который проявляется в поведении игрока. Используя теорию обнаружения сигнала (ТОС) можно численно оценить качество итоговой оценки.

От половины до двух третей партий в го заканчиваются по сдаче. Можно рассматривать принятие решения о сдаче в партии как задачу обнаружения сигнала, где сигналом является безнадежность позиции, то есть крайне низкая вероятность выиграть партию. Каждое такое решение может быть верным (попадание) или неверным (ложная тревога). Правильность решения определялась при помощи одной из самых сильных игровых программ — Katago v1.8.2, применяющей алгоритм поиска по дереву Монте-Карло под управлением искусственной нейронной сети (neural-net-guided Monte Carlo tree search) [1]. Математическая обработка множества решений игрока позволяет вычислить психофизические метрики. В качестве характеристик игрока мы выбрали меру чувствительности A' [2, 3] и меру сдвига критерия принятия решения B" [2, 4]. A' характеризует чувствительность игрока к сигналу, то есть понимание качества игровой позиции. Величина A' изменяется от 0.5, что означает неспособность провести различия между сигналом и шумом до 1 — идеальное распознавание сигнала. Величины меньше 0,5 в нашем случае означают, что человек систематически сдается в выигрышных ситуациях (чаще, чем в проигрышных). В выборке присутствуют такие случаи. Величина B" не связана с пониманием игровой позиции, а только с предрасположенностью к сдаче. B" изменяется от -1, что означает крайнюю предрасположенность к сдаче партии, до 1 — крайней предрасположенности не сдаваться, 0 свидетельствует об отсутствии какой-либо предрасположенности.

Нами была разработана методика расчёта параметров A' и B" для игроков в го [5]. Используя базу данных разработанную в информационно-аналитической лаборатории ФГБУ СПбНИИФК мы рассчитали эти показатели для игроков в го разных рангов. В выборку включены записи партий между игроками одинакового уровня, на доске 19 на 19, без форы, с коми 6.5, по японским правилам подсчета очков. Из выборки исключены игры с ботами — игровыми программами и игры с неопределенным победителем. Всего было проанализировано 269 тысяч партий 1732 игроков, каждый игрок сыграл в среднем 153 партии, но не менее 50 партий.

Анализ чувствительности игрока к сигналу A' показал значимое увеличение в связи с ростом уровня игрока от 0,787 до 0,845 (ANOVA, $F(24,1732) = 8{,}714$, p 2e-16), что означает улучшение понимания позиции с повышением мастерства. Мера

сдвига критерия принятия решения B" значимо увеличивается с 0,773 до 0,915 (ANOVA, F (24, 1732) = 6,48, p 2e-16), т.е. с повышением мастерства решение о сдаче принимается более консервативно. С ростом мастерства игрока повышается вероятность сдаться с 19% до 28%, но за счет улучшения понимания качества позиции снижается риск ложных тревог — сдаться в выигрышной позиции.

Полученные результаты позволяют оценивать динамику роста уровня игрока, и могут использоваться в совершенствовании спортивного мастерства.

1. D. J. Wu, Accelerating self-play learning in Go [Электронный ресурс], CoRR, vol. abs/1902.10565, 2019, URL: http://arxiv.org/abs/1902.10565 (дата обращения 20.05.2022)
2. Stanislaw H., Todorov N. Calculation of signal detection theory measures //Behavior research methods, instruments, & computers. — 1999. — Т. 31. — №. 1. — С. 137-149.
3. Pollack I., Norman D. A. A non-parametric analysis of recognition experiments //Psychonomic science. — 1964. — Т. 1. — №. 1. — С. 125-126.
4. Grier J. B. Nonparametric indexes for sensitivity and bias: computing formulas //Psychological bulletin. — 1971. — Т. 75. — №. 6. — С. 424.
5. Янина Е. А. Методика расчета эффективности принятия решения о сдаче партии в игре го //Современные подходы и инновации в исследованиях молодых ученых в области физической культуры и спорта. — 2022 (на рецензировании)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б.Г. АНАНЬЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Артемьева О.А.
Иркутск, ИГУ

Проблема общей психологии в социальной истории советской психологии

История психологии, советская психология, история советской психологии, научный коллектив, научное руководство, организация науки, проблема общей психологии, научно-исследовательская программа

Современные подходы и концепции истории психологии позволяют предложить новые исследовательские интерпретации закономерностей и детерминант развития психологической науки и практики в России и СССР. Одним из наиболее интересных и, вместе с тем, противоречивых подходов является социальная история психологии. Хотя предлагаемые в ее русле интерпретации вызывают дискуссии и критику, их итоги позволяют расширить историографические представления о закономерностях организации и развития отечественной психологии [1],[2].

Результаты проводимого нами исследования коллективных форм социальной организации науки обнаруживают значение научных объединений для продуктивной реализации исследовательских программ ведущих отечественных психологов. Так, экспериментально-ориентированные программы исследований под руководством В.М. Бехтерева, Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского требовали объединения коллективов ученых на базах Института по изучению мозга и психической деятельности, Психологического института, Экспериментального дефектологического института и др. Собранные экспериментальные данные использовались для разработки основ общей психологии в форме концепций рефлексологии В.М. Бехтерева, эмпирической психологии Г.И. Челпанова, теоретико-методологических основ общей психологии Л.С. Выготским. Названные авторы были первыми организаторами психологической науки и образования в России, деятельно оценившими значение коллективной работы на этапе становления психологии как «большой науки» и определения ее общих основ [3].

«Марксистское» решение проблемы общей психологии уже во второй половине 1930-х гг. стало возможным благодаря не только фундаментальному образованию и гению С.Л. Рубинштейна. Но и опыту руководства коллективной работой ученых-психологов на базе, прежде всего, Ленинградского государственного педа-

гогического института им А.И. Герцена. Как предварил «Основы общей психологии» (1940) сам автор: «В этой книге почти каждая глава опирается на материал советских психологических исследований, в том числе и неопубликованных. В ней впервые, пожалуй, широко представлена работа советских психологов» [4, с. 4].

С другой стороны, нами выявлено, что авторские программы по построению именно общей психологии выступали объединяющими основаниями, которые направляли и сплачивали научные коллективы. Более того, масштаб решаемой задачи, при талантливом руководстве ведущих отечественных ученых-психологов, позволял раскрыть и реализовать личностный потенциал каждого научного сотрудника. Создать сплоченный научный коллектив, в котором межличностные отношения и самореализация ученых опосредованы содержанием исследовательской программы.

Таким образом, коллективные формы организации психологической науки, эффективно реализованные ведущими отечественными учеными, выступили важным условием разработки основ общей психологии в СССР.

1. Артемьева, О. А. Был ли симбиоз? (по поводу статьи А. Ясницкого «Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-1930-х гг.») / О. А. Артемьева // Вопросы психологии. — 2011. — № 5. — С. 101-110.
2. Костригин, А. А. Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность Российской психологии» / А. А. Костригин, И. А. Мироненко, Л. Ф. Чупров // PEM: Psychology. Educology. Medicine. — 2015. — № 3-4. — С. 430-439.
3. Артемьева, О. А. История психологии в решении проблемы развития и организации отечественной психологии / О. А. Артемьева // Психология и Психотехника. — 2022. — № 2. — С. 1-13.
4. Рубинштейн, С. Л. Предисловие / С. Л. Рубинштейн // Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. — С. 3-4.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00675

Бузина Д.О.
Арзамас, ФГБОУ ВО СПбГУ

Логинова Н.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Роль творческой индивидуальности ученого в науке

Творческая индивидуально ученого, роль творческой индивидуальности, психология творчества, творчество

Проблема творческой индивидуальности ученого в науке является одной из самых дискуссионных и актуальных. При этом центральное место занимают вопросы о природе и закономерностях творческого процесса в науке, о роли и взаимосвязи логического мышления с интуитивными догадками в процессе открытия нового, о связи научных интересов ученого с уровнем его культуры, социальными условиями его бытия и т.д. Активное и глубокое осмысление вопросов исследования жизненного пути и становления творческой индивидуальности ученого отмечалось в конце 19 — начала 20 века.Под творческой индивидуальностью ученого в первую очередь понимают такую «форму» его научной деятельности, которую можно назвать «стилем» научного творчества, «стилем» осуществления «эмпирических обобщений», стилем «теоретизирования». Как утверждает М. Г. Ярошевский, при изучении творческой индивидуальности ученого «главный акцент принято ставить на первом направлении активности, прежде всего понятийном (и категориальном) аппарате, который применил ученый, строя свою теорию и получая новое эмпирическое знание» [2, с. 207].

Процесс становления творческой индивидуальности ученого многообразен. И на данный процесс оказывают влияние множество факторов: научная школа и личные взаимоотношения с учителями, «оппонентный круг» и перипетии научной карьеры, изменение парадигм в широком научном сообществе и отношения в первичном научном коллективе, личные пристрастия и общественная атмосфера, государственная политика, общая система развития научных знаний и др. Все факторы, влияющие на становление творческой индивидуальности ученого можно разделить на две категории: внешние (окружение ученого, события жизни и др.) и внутренние факторы (индивидуально-личностные особенности и др.). И необходимым условием в становление творческой индивидуальности ученого, его научного мировоззрения является уникальное сочетание внутренних и внешних факторов.

Известно, что во всех сферах человеческой деятельности талант является достаточной редкостью и выражением индивидуальности и неповторимости человека. Однако не во всякой деятельности ее результаты настолько зависят от талантливости и одаренности занятых ею людей, насколько в научной деятельности. Именно в творчестве ученых воплощается все самое значимое и ценное, составляющее достижения человечества в науке. Наука — это специфический

вид деятельности человека, обеспечивает получение нового знания; выработки средств воспроизводства и развития познавательного процесса; осуществления проверки, систематизации и распространения его результатов.

В научной деятельности нет алгоритмов и любая новая ситуация, факт требует инновационных, креативных, а иногда кардинальных решений, и даже если то или иное явление хорошо известно науке, новый способ их соединения для получения нового или улучшения результата также требует творческого подхода. М.Г. Ярошевский утверждает, что логика развития науки реализуется через взаимодействие отдельных ученых и их групп внутри научного сообщества, но само взаимодействие опосредовано предметно-логическим движением научного познания. Важнейшим действующим лицом в этом движения является человек со своими личностными характеристиками. Новая идея может зародиться только в «психической среды» конкретного индивида [1].

Современная наука представляет собой большой социальный организм, сочетающий творческие исследовательские процессы со многими вспомогательными работами, но роль индивидуального начала важна во всех элементах исследовательской работы.

1. Социально-психологические проблемы науки [Текст]: Учен. и науч. коллектив: [Сборник статей] / Под ред. М. Г. Ярошевского. — Москва: Наука, 1973. — 252 с.
2. Ярошевский М. Г., Человек науки как историческая фигура // Развитие личности. 2017. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-nauki-kak-istoricheskaya-figura-2

Кошутин О.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Потенциал идей Б.Г.Ананьева для современной психологии

Б.Г. Ананьев, антропология, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, переживание, общество

Влияние психологии на общество в последние десятилетия снизилось. Перестройка открыла страну для потоков западных психологических концепций и восточных психотехнологий, которые, оттеснив внимание от российской психологии, в большинстве случаев оказались невостребованными. Предыдущие достижения отечественной психологии должны быть вынесены на авансцену научного сообщества для современной проработки. В настоящее время отмечается существенное повышение социальной конфликтности: от внутриличностных до глобальных противоречий. Неполнота знаний о зависимостях между телом-сознанием-поведением людей обостряет напряжение в социуме. Предлагается психология возможного и невозможного с фокусом на смысловую компоненту. В философической схеме об аффектах, продуцируемых телом, не представлена сама природа аффектов. Нужна психологическая теория. Разрабатывая вслед за К.Д. Ушинским педагогическую антропологию, Б.Г. Ананьев видел перспективу в психологии чувственного познания и, сведя подходы И.П. Павлова и В.М. Бехтерева к единому психологическому объяснению, создал учение о сенсорно-перцептивной организации человека. Живой организм являет собой индивида, действия субъекта в отношениях личности приращивают сознание, нравственная составляющая фиксирует общественный характер поведения с этическим, эстетическим, правовым регулированием. Важное значение имеет исследование переживания. Примечательна история взглядов в культурно-исторической психологии. Л.С. Выготский: переживание переживаний есть сознание. А.Н. Леонтьев призывал не использовать термин «переживание», полагая, что таковой вносит путаницу. Ф.Е. Василюк свел все к переживанию, отводя сознанию техническую роль. Д.А. Леонтьев предложил поставить в центральное положение смысл. А.Р. Лурия избрал предметом занятий сознание. А.Г. Асмолов переводит акцент к антропологии. По Ананьеву: характер переживаний в их глубине и правдивости – условие осознания жизни. Трактовка переживания как акта состояния, обусловленного обстоятельствами конкретной ситуации жизненного события, развернулась до проживания в возрастных фазах жизненных циклов в определенную историческую эпоху. В труде «Человек как предмет познания» указана одна из стратегий развития человекознания - изучение жизненного пути человека как субъекта и как личности. Включение в существующее социальное целое и потенциал формирования нового социального целого зависит от искусства конкретного социального поведения (О.Н. Кошутин, Ананьевские чтения, 2012). Жизненность, соединяя в единое жизнь общества с жизнями в обществе, служит для живущих источником насыщения социальным капиталом.

Логинова Н.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Судьба научного наследия Б.Г. Ананьева в современной психологии

Научная школа, Б.Г. Ананьев, факультет психологии СПбГУ, современность и традиции. Индивидуальность

Исполнилось 50 лет со дня смерти Бориса Герасимовича Ананьева. Он ученик и последователь В.М. Бехтерева. Но его творческое наследие несет на себе печать нового времени и отличается самобытностью и оригинальностью. Наследие его обширно и многомерно, охватывает многие области психологии и смежных наук. Оно устремлено в будущее и актуально в настоящее время.

Петербургская психологическая школа основана еще В.М. Бехтеревым в начале 20 в. Она развивалась в нескольких институтах — Психоневрологическом, Институте мозга, Педагогическом институте (РГПУ Им. Герцена). Но после войны ядром Петербургской психологической школы стало отделение психологии СПбГУ, позже преобразованного в факультет (1966). Все это создавал Б.Г. Ананьев совместно со своими сотрудниками. Он был здесь неоспоримым лидером в течение почти 30 лет, до самой своей кончины. Научная и педагогическая деятельность психологов университета выстраивалась вокруг нескольких его научных программ. Соответственно в каждой были поставлены задачи, для решения которых проводилась интенсивная работа лаборатории Ананьева и всего факультета. В планах стались недовыполненными задачи, направленные на обоснование теории антропологической психологии, которую разрабатывал Б.Г. Ананьев (см. Логинова, 2016).

Кроме этих задач, были и те, которые вытекали из других научно-исследовательских программ и начинаний Ананьева — сенсорно-перцептивная организация человека, билатеральное мозговое регулирование деятельности и поведения человека, многоуровневое отражение пространства и времени, педагогическая антропология, история отечественной психологии, теория синтетического человекознания, методология междисциплинарного взаимодействия.

Б.Г. Ананьев предвидел рост напряжения людей в усложняющемся обществе под воздействием ускоренного изменения техники, нарастания информационных потоков и неопределенности бытия. Отсюда задача научно предвидеть трудности интеллектуального и личностного развития в изменчивой среде чтобы на научной основе помогать человеку сохранить свое человеческое качество. В этой связи ученики Ананьева в ходе комплексных исследований человека организовали психологические службы не только в Петербурге, но и других городах страны.

На факультете психологии и в ананьевской лаборатории до 1980-х гг. продолжались исследования по сенсорно-перцептивной организации, по отдельным блокам и элементам структуры индивида (Г.И. Акищикова, Н.А. Грищенко-Розе, И.М. Палей, Н.А.), до начала 2000 — интеллекта (М.Д. Дворяшина, Н.А. Кудряв-

цева, Е.И. Степанова) социальной и дифференциальной психологии личности (Н.Н. Обозов, О.М. Анисимова). До 1990-х шли работы по возрастной динамике психофизиологических функций (Е.Ф. Рыбалко, Е.И. Степанова).

Постепенно на факультете угасал интерес к наследию Б.Г. Ананьева. Активное обращение к западной психологии с 1990-х заостряет вопрос об отечественной науке и научной школе: догонять западную науку или сохранять самобытность. Есть и третий путь — изменяясь, не изменять себе. Мы будет интересными и нужными партнерами, если в процессах обновления сохраним лучшие традиции и достойные продолжения проекты российского происхождения. Для этого нужны теоретические исследования, в том числе по истории Петербургской психологической школы и творчеству великого и мало понятого ученого, каким был Борис Герасимович Ананьев. Важно не ритуально, а по сути соотносить новые исследования с идеями самого Ананьева и его выдающихся учеников, в том числе А.А. Бодалева, Л.М. Веккера, Б.Ф. Ломова, В.Н. Панферова, Е.Ф. Рыбалко и других. Таких исследований на современном факультете немного. Они трудны, требуют дополнительных интеллектуальных усилий и временных ресурсов. Недостаток «школьного» (в смысле научной школы) самосознания приводит к потере «школьной» индивидуальности. Вспомним, что по Ананьеву, индивидуальность — конечная цель развития и саморазвития человека. И, добавим, научной школы тоже.

Няголова М.Д.
Москва, ВТУ им. Святых Кирилла и Мефодия

Вклад Минча Драганова в историю болгарской психологии

История психологии, история болгарской социальной психологии, социально-политическая психология, психология народов, религиозная психология, историческая психология

Одно из самых ярких имен современной болгарской психологии — это имя Минча Стоянова Драганова (1937-2011). Он был лично знаком с Б.Д. Парыгиным и с основанием считал себя его последователем в разработке методологии социальной психологии. Его творческий путь ведет свое начало от 60-х годов, когда проводит свои первые научные исследования, посвященные социально-психологическим проблемам болгарского села. В 1968 году, выходит его первая книга «Религиозная психика болгар». В следующие две десятилетия, опубликованы несколько его монографий: «Проблемы общественного мнения» (1973), «Ментальность болгарского крестьянина» (1974), «Наш образ жизни» (1978), «Республика идеалов» (1985), «Образ жизни и общественная психика» (1989).

Во всех своих публикациях, М. Драганов последовательно применяет новые, для болгарской социальной психологии, методологические подходы: социально-политический и социально-антропологический. Под влиянием ведущих болгарских психологов, как Живка Ошавкова и Нико Яхиел, он проводит исследование социально-психологических понятий, с точки зрения принципов структурализма. Таким образом, структурным характером отличаются «религиозное поведение», «религиозное мировоззрение», «религиозное сознание» и «религиозная психика» (Драганов, М., 1968). В последствие, с позиции структурализма, автор исследует проблемы ментальности и образа жизни болгарских крестьян, а также понятия «общественной психики» и «социальной психики», в целом.

Наряду с разработкой важных систематических и методологических вопросов социальной психологии, М. Драганов осуществляет углубленные исследования в области истории болгарской психологии. Данной проблематике, посвящена его самостоятельная монография «Социальная психология в Болгарии» (1971). Таким образом, М. Драганов является первым и до сих пор, единственным историком болгарской социальной психологии.

В этом своем труде, он исследует историко-хронологический план становления социально-психологической мысли, в Болгарии. Большое внимание уделено возникновению разных форм научного социально-психологического познания. К его истокам, он относит сочинения IX в., написанные на древнеболгарском языке, создателями славянской письменности Кириллом — Философом и его братом Мефодием, а также, их учеников — Климентом Охридским, Константином Преславским и др. Анализ текстов древнеболгарской литературы, позволяет М. Драганову формулировать вывод о том, что еще в X в., появляется первое сочинение, имеющее вполне социально-психологический характер. Это — пролог Иоана

Экзарха Болгарского к переводу книг, под общим названием «Небеса». В Средние века, согласно М. Драганову, были заложены основы социально-психологических знаний в Болгарии, а в следующие века, они только совершенствовались (Драганов, М., 19-35).

По его словам, научное развитие болгарской социальной психологии ведет свое начало с 1930-х годов. На протяжении последующих пятнадцати лет, происходит и внутри-научную дифференциацию ее самостоятельных направлений: психология народов, социально-политическая психология (societal psychology), психология образования, военная психология, криминальная и судебная психология, психология религии, психологии культуры и исскуства, социальная психология личности.

Период 1950 — 1964 гг., М. Драганов рассматривает как период глубочайшего кризиса болгарской социальной психологии, возникшего в результате проведения сдерживающей научной политики, со стороны государства, в контексте Холодной войны и Культа личности в социалистических странах. Выход из кризиса оказывается возможным, только в условиях «оттепели» и соответственно, в связи с политическими решениями Апрельского Пленума ЦК БКП, в 1956 г. и научной критики догматического применения учения Ив. П. Павлова в болгарской психологии, во время конференции по философским вопросам психологии, в 1963 г. (Драганов, М., 1971, 201-204).

М. Драганов не боялся идти против течения, против принятых, устоявшихся взглядов н

1. Драганов, М. Социалната психология в България. София: Издателство на БКП, 1971.
2. Драганов, М. Уровни личности, обусловленные ее самоиндентификацией с человеческими общностями. Личность и ее жизненный путь. Ответственные редакторы: Б. Ф. Ломов и К. А. Абульханова-Славская. Москва: «Наука», 1990.

Олейник Ю.Н.
Москва, МосГУ

Няголова М.Д.
Велико Търново, ВТУ им. Святых Кирилла и Мефодия

Незавершенные проекты в истории отечественной психологии: идеи и люди

История психологии, Московский институт социальной психологии, Опытная психологическая лаборатория при Академии Генерального штаба

Историки психологии занимаются преимущественно тем, что произошло в соответствующих проблемных областях психологической науки. Это задача связана с тем, чтобы дать анализ «как» и «почему» формировались идеи, создавались научные центры, развивалось творчество отдельных ученых, чем характеризовались определенные хронологические периоды. При этом, меньше исследователей привлекает формат допущений и предположений, хотя метод историко-психологической реконструкции это и предполагает, правда выстроенных в соответствии с общепринятыми требованиями научности. В соответствии с этими установками историк психологии выявляет факты и выстраивает их в определенной последовательности или рассматривает в определенном контексте. Понятно, что при этом исследователь старается сохранять научную объективность, доказательность, логичность и минимизировать произвольность в своих рассуждениях. Действительно, история не терпит сослагательного наклонения, она есть факт состоявшийся и в этом смысле итоговый и окончательный.

Однако в работе любого историка психологии встречается материал, который не так легко «вписать» в уже сформировавшиеся представления или общепринятую картину исторической динамики психологического знания. В данном случае, в первую очередь, имеются в виду исторические факты, связанные с незавершенностью некоторых проектов или не получивших дальнейшего развития идей. Часто, в подобных ситуациях, исследователь просто максимально подробно фиксирует и описывает ситуацию или констатирует сам факт или событие. Иногда обосновывает причины или факторы, не позволившие реализоваться проекту в полном масштабе. Однако, вопрос «а что было бы, если бы все продлилось» возникает, но ответ на него повисает в воздухе в силу своеобразного «научного табу». Исследователь даже и не пытается ответить на него, поскольку он ученый, а не фантаст, пусть и научный. Здесь срабатывают сформировавшиеся в процессе исследовательской профессионализации установки и ориентиры, корпоративные для научного сообщества ценности. Немаловажную роль при этом играет и недостаточная разработанность и представленность в историко-психологических исследованиях методов моделирования и прогностики.

Что же позволяет, тем не менее, искать ответ на такой вопрос? Укажем несколько обоснований: 1. Феномен более точного прогнозирование «из буду-

щего в прошлое», чем «из прошлого в будущее» (цит. по Нестик, 2013, с. 41); 2. Наличие документированных источников (например, планов НИР и протоколов заседаний), позволяющих предвидеть (прогнозировать) основные линии будущих разработок и их потенциальные результатов; 3.Допустимость формулирования гипотез относительно любых явлений действительности (и не только еще предстоящих), главное чтобы они привносили новации в познание и открывали в нем новые горизонты и теоретические перспективы; 4. Асимметрия подтверждения и опровержения: подтверждать какое-то утверждение можно достаточно долго, а для опровержения достаточно одного случая.

Что дает такая гипотетическая реконструкция возможных последствий незавершенного процесса развития? 1. Основание для оценки нереализованных идеи и направлений исследований как потенциальных перспектив современного развития научного психологического познания; 2. Коррекция и уточнение устоявшихся мнений относительно различных аспектов истории психологии; 3. Апробация новых методических приемов в изучении истории психологии, в частности, возможных вариантов метода моделирования и прогнозирования.

С позиции рассмотренных идей рассмотрим в качестве примера деятельность двух московских центров 20-х годов XX века, более длительное функционирование которых, вполне возможно, несколько изменило бы историю нашей науки, по крайней мере, на каком-то ее этапе. Первый пример связан с историей отечественной социальной психологии и проектом развертывания деятельности Московского института социальной психологии (1917-1922) в Москве (Бызов, 2011; Лисицына, 2020). Второй — с историей военной психологии.

1. Бызов Л.А. Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 107–130
2. Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н., Радченко Ю. И. Из истории военно-психологических исследований в РККА в 1920-х гг. // Психологический журнал — 2020. — Том 41. — № 4 С. 55-65-
3. Лисицына Г.Г. История Московского института социальной психологии. (По материалам протоколов заседаний Института. 1917–1924) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 172–193.
4. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально психологический анализ / Психологические исследования проблем современного российского общества. 2013. С. 32-53

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯКУНИНА: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РАБОТАХ НАСТАВНИКА И УЧЕНИКОВ

Добряк С.Ю., Добряк И.В.
Санкт-Петербург, МВАА

Психологическая адаптация молодых людей к обучению в условиях военного образовательного учреждения (вуза и учебного центра)

Специфика, условия, динамика, типы, стратегии, адаптация, ЛАП, структура, психологические, факторы

Исследование динамики адаптации молодых людей к образовательному процессу в условиях военного образовательного учреждения задумывалось, организовывалось и проводилось при непосредственном руководстве В.А. Якунина [Якунин, 2004]. Цель и задачи исследования заключались в том, чтобы выработать рекомендации должностным лицам военного образовательного учреждения (вуза и учебного центра) по оптимизации исследуемого феномена, на основе осознания необходимости проанализировать проблематику, изучить особенности адаптации молодых людей к образовательному процессу, а также факторы, оказывающие влияние на процесс адаптации в предлагаемых условиях.

Основным способом организации исследования был лонгитюдный метод, при котором изучались особенности адаптации к обучению одних и тех же молодых людей на протяжении начальных семестров. Для сбора эмпирических данных применялись — биографический метод и психодиагностические методы. Успешность обучения молодых людей изучалась с помощью анализа документов рубежного и промежуточного контроля. Обработка эмпирических данных производилась с помощью методов качественного и количественного анализа, а также с использованием компьютерных программных средств SPSS for Windows и Excel. При интерпретации полученных результатов применялся структурно-генетический метод [Добряк, 2020]. Объем выборки составил 226 молодых людей в возрасте от 16 до 21 года. Курсанты 17-летнего возраста составили 51% выборки, 49% курсантов представлены другими возрастами (16 лет — 18%, 18 лет — 17%, 19 лет — 8%, 20 лет и 21 год — по 3%). По составу курсантские подразделения не являются однородными и по отношению к военной службе. Основу подраз-

делений составляет гражданская молодёжь — 81%, другие категории курсантов (суворовцы, кадеты и военнослужащие) — 19% [Добряк, 2004].

Новизна основных результатов исследования заключается в следующем: обнаружены разные типы, уровни и стратегии адаптивного поведения обучаемых и прослежена динамика изменения их на разных этапах обучения. Определены основные психологические факторы, детерминирующие процесс адаптации молодых людей, и показана структурная перестройка в их совместном влиянии при переходе от одного этапа обучения к другому. Таким образом, адаптация определяется как процесс взаимодействия человека и окружающей среды, в результате которого у него возникают модели и стратегии поведения, адекватные условиям, меняющимся в этой среде. Успешность адаптации к обучению может определяться по внешним, косвенным критериям, а также — прямым и субъективным. В качестве внутренних критериев учебной адаптации принимались уровень адаптированности обучаемых, динамика их психологических особенностей на разных этапах обучения.

Учебная деятельность в военном образовательном учреждении имеет свою специфику. Она заключается в том, что обучение осуществляется молодыми людьми в сочетании с выполнением ими обязанностей военной службы, что существенно затрудняет процесс их адаптации. Обнаружена вариативность стратегий адаптивного поведения молодых людей на разных этапах обучения, которая, в свою очередь, позволила выявить различные типы и уровни адаптированности: стабильный тип (высокого, среднего и низкого уровня) и меняющийся тип адаптированности с ее положительной или отрицательной динамикой в процессе обучения.

Выявленные с помощью корреляционного анализа многочисленные прямые и опосредованные положительные и отрицательные связи уровня адаптированности с различными психологическими показателями, а также изменения этих связей от одного этапа обучения к другому, дают основание заключить, во-первых, о многофакторной детерминированности процесса адаптации, а во-вторых, о том, что на разных этапах обучения он определяется структурной перестройкой психологических факторов, его обусловливающих [Добряк, 2004].

1. Добряк С.Ю., Великая Е.В., Добряк Ю.С. От низшего к высшему пути и формы решения проблем психологической адаптации. Вестник военного образования. 2020. № 6 (27). С. 83-87.
2. Добряк С.Ю. Динамика психологической адаптации курсантов на первом и втором году обучения в военном вузе. Диссер. … кандидата психологических наук / Санкт-Петербург, 2004. 194 с.
3. Якунин В.А., Добряк С.Ю. Психологическая адаптация первокурсников к обучению в вузе. Ярославский психологический вестник. 2004. № 13. С. 136.

Староверова М.В., Колокольникова З.У.
Лесосибирск, ЛПИ — филиал СФУ

Воображаемая ситуация как единица ролевой и деловой игры

Ролевые и деловые игры, воображаемая ситуация, активные методы, поведение, воспитание

С течением времени методы, технологии обучения и воспитания детей требуют усовершенствования. Требования времени способствуют внедрению новых педагогических технологий. Ролевая игра является основой для такой технологии, как деловые игры. Тут же поднимается вопрос, чем эти игры похожи и чем различаются? При написании работы мы изучили научные работы Д.Б. Эльконина, Е.С. Рапацевича, Л.С. Выготского, Я.М. Бельчикова, В. А Якунина. В качестве ролевой игры Д.Б. Эльконин понимает воспроизведение детьми основных действий, связанных с содержанием роли, которую взял на себя ребенок. Развивающее значение ролевых игр заключается в построении воображаемых ситуаций, в которых дети пробуют моделировать человеческие отношения. Ролевая игра есть та деятельность, в которой формируется механизм «децентрации» [2]. С помощью этого механизма у детей развивается способность рассматривать разные точки зрения на одну и ту же ситуацию через проигрывание непривычной для них роли. В контексте нашего изложения под деловой игрой будем подразумевать имитацию действий, касающихся только профессиональной деятельности, с помощью принятия участниками всех правил игры и проигрывания предписанных им ролей. Через проигрывание деловых игр у участников формируется база образцов поведения в различных профессиональных ситуациях.

В. А. Якунин выделяет различные виды методов обучения, одним из них являются активные методы, в них доминируют организованно-коммуникативные аспекты обучения [3]. Ролевые и деловые игры являются ими, так как в них непосредственно происходит взаимодействие участников друг с другом. В основе ролевой и деловой игры лежит воображаемая ситуация и роль, без этих компонентов игры не были бы высокоэмоциональными и продолжительными. Воображаемая ситуация — это ситуация, которая может складываться на основе проигрывания определенных ролей. Стоит понимать, что в ролевой игре воображаемая ситуация чаще всего формируется самими участниками игры, а в деловой игре ситуация привносится в жизнь детей извне (родителями, педагогами). В ролевой игре дети могут производить имитацию действий абсолютно любой ситуации, встречающийся в жизни, а в деловой игре проигрывается только профессиональная деятельность. Из-за того, что ролевая игра чаще всего придумывается самими детьми, она не имеет четкой постановки цели, определения задач, которые решаются в деловых играх. Отметим, что деловая игра имеет определенную структуру, в нее входит: педагогическая цель (задача), описание ситуации, определение ролей и их интересы, выражающиеся в решении игровой задачи [1]. В. А. Якунин подмечает, что ролевая игра выступает как средство развития коммуникативных

свойств, а деловая игра — как средство формирования профессионально-трудовых умений [5].

Проигрывание участниками ролевых и деловых игр способствует уяснению новых образцов поведения или корректировке девиации. В ролевой и деловой игре устанавливаются определённые правила, которым следует участники при воспроизведении разных ситуаций. Как известно, игра является максимально вовлекающим средством (методом, технологией), способствующим получению удовольствия у игроков, вследствие этого происходит ненавязчивое воспитание или перевоспитание играющих. Тем самым формируется база произвольного поведения при разных ситуациях. В подтверждении этого факта приведем цитату из труда В. А. Якунина: «если ребенок испытывает положительное переживание в специально созданной ситуации взаимодействия, то он принимает нравственные идеи и ценности» [4].

Таким образом, ребенок, играя и получая удовольствие от процесса игры, сам того не замечая, усваивает новые модели поведения, принятые в обществе. Фундаментом для ролевых и деловых игр является воображаемая ситуация и принятая ребенком роль. Ролевые игры происходят без участия взрослых, поэтому в них нет цели и задач, как в деловой. В деловых играх формируются профессиональные умения, а в ролевых навыки коммуникационного взаимодействия.

1. Колокольникова З.У. Формирование невербальных коммуникативных умений у студентов педвуза посредством деловых игр / З.У. Колокольникова, М.В. Староверова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. — 2021. — № 12(21). — С. 127-132.
2. Эльконин Д.Б. Психология игры –– Москва: Владос, 1999. — 360 с.
3. Якунин В. А. Педагогическая психология [Текст]: Учеб. пособие / Якунин В. А.; фонд “Международно-правовой экспертизы”, Европ. ин-т экспертов. — Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова: Полиус, 1998. — 638 с.
4. Якунин, В. А. Полоролевые особенности формирования личности / В. А. Якунин, Ю. И. Филимоненко, Н. А. Медина Бракамонте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2008. — № 4. — С. 346-355.
5. Якунин, В. А. Психолого-педагогические идеи Б.Г. Ананьева и их развитие на факультете психологии СПбГУ / В. А. Якунин // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3. — № 4. — С. 70-84.

Степанова М.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Дидактические основания образовательного проекта «Эффективная начальная школа»

Обучение и развитие, начальная школа, содержание обучения

Московский проект «Эффективная начальная школа», предполагающий сокращение периода обучения в начальной школе до трех лет, стартовал несколько лет назад и сразу же обрел сторонников и противников. Особый интерес трехлетняя начальная школа вызывает у родителей, поскольку в возможности ускоренного обучения они усматривают негласное признание одаренным ребенка, который оказывается в состоянии освоить такую программу. Педагоги не столь оптимистичны в своем отношении к проекту, поскольку многое для них остается непонятным с методической точки зрения.

Согласно разработанной модели, дети осваивают программу первых двух лет начальной школы за один год и внешне это выглядит следующим образом: после зимних каникул первоклассники становятся второклассниками, а по окончании первого года школьного обучения переходят из второго класса в третий. Пока прошло недостаточно времени, чтобы можно было с достаточным основанием говорить об эффективности этого образовательного проекта, но представляет интерес его сравнение с другой дидактической системой, которая также ограничена рамками трехлетнего начального обучения — с системой развивающего обучения Л,В.Занкова.

Л.В.Занков показал, что программа четырехлетней начальной школы может быть пройдена в течение трех лет без перегрузки школьников и даже более того — обогащена и углублена по сравнению с действующей в школе. Результаты экспериментального обучения позволили Л.В.Занкову сформулировать принципиальные положения новой дидактической системы. Представляется возможным проследить, насколько эти принципы реализованы в современном проекте эффективной начальной школы.

1. Принцип обучения на высоком уровне трудности — главный принцип новой дидактической системы. Основное требование к предлагаемому детям новому учебному материалу — возможность его осмысления. Поэтому данный принцип неразрывно связан с принципом ведущей роли теоретических сведений.

2. Принцип ведущей роли теоретических знаний не принижает значения умений и навыков, а лишь меняет взгляд на пути их формирования, которое происходит на основе более глубокого понимания соответствующих понятий, отношений и зависимостей.

3. Принцип изучения программного материала быстрым темпом выполняет служебную функцию по отношению к принципу высокого уровня трудности, но вместе с тем играет существенную самостоятельную роль. В условиях экспериментального обучения быстрый темп требует постоянного движения вперед

и тем самым позволяет раскрывать разные стороны приобретаемых знаний, устанавливать между ними связи, что способствует их глубокому осмыслению.

4. Принцип осознания школьниками процесса учения приобретает особое звучание благодаря вниманию к усвоению теоретических знаний. Сознательность касается не только содержания учебного материала, но и самого процесса учения.

5. Принцип систематической работы над развитием всех учащихся, в том числе и слабых. По мнению Занкова, добиться прогресса в развитии всех учащихся возможно только в том случае, если будет поставлена задача формирования и рационального использования индивидуальных склонностей и способностей каждого ученика.

Даже беглого знакомства с этими принципами достаточно, чтобы заметить, что только третий, причем выполняющий служебную функцию принцип реализован в современном проекте эффективной начальной школы, по сути, остающейся вариантом традиционного обучения. Л.В.Занков поставил исследовательскую и практическую задачу: разработать такую новую дидактическую систему, использование которой обеспечит не только полноценное усвоение знаний, но и значительное общее психическое развитие. Он писал, что задуманная им система перестройки начального обучения пронизана идеей эффективности обучения для общего развития учащихся. Остается открытым вопрос о развивающем эффекте современного образовательного проекта и еще более важный и трудный вопрос: а возможно ли успешное освоение программы в иные сроки при условии, что ее содержание остается прежним? Это и выступит предметом последующих исследований.

1. Занков Л.В. Дидактика и жизнь. М.: Просвещение, 1968.
2. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1990

Тихонова Э.В.
Арзамас, ННГУ им. Н.И. Лобачевского — филиал

В.А. Якунин о преподавании истории психологии в вузе

В.А. Якунин, история психологии, преподавание, вуз, учебная деятельность, психология студента

Валерий Александрович Якунин, талантливый ученый-психолог, профессор СПбГУ, внёс большой вклад в разработку педагогики и психологии высшей школы. Продолжая традиции своих учителей и наставников Б.Г. Ананьева и Е.С. Кузьмина, особое внимание уделил изучению психологии учебной деятельности студента. Теоретические идеи своей концепции учёный в полной мере воплотил на практике. Долгое время он блестяще и вдохновенно читал в университете курс «История психологии», опытом преподавания которого поделился в своём труде «Педагогическая психология» [2].

По результатам опроса студентов, В.А. Якунин выявил, что первое место среди всех дисциплин психологического цикла по степени сложности усвоения занимает «История психологии». В то же время студенты отмечали высокую значимость этого курса для общепсихологической подготовки, а также — повышенный интерес к его изучению. В.А. Якунин раскрыл секреты педагогического мастерства в преподавании «Истории психологии», опираясь на свой многолетний опыт и знания. Первым делом он подчёркивал необходимость правильно структурировать учебную информацию, отмечая, что это способствует повышению качества усвоения знаний по дисциплине. Логическая структура учебного предмета определяется целями обучения, состоянием развития науки, значимостью учебной дисциплины для будущей профессии, уровнем исходной подготовки студентов и самих преподавателей. К этому списку можно добавить и уровень доступности учебного материала, общий объем учебного курса, формы учебных занятий, методы обучения и т.п.

Наиболее распространенным и целесообразным подходом к построению курса «История психологии», по мнению В.А. Якунина, является персонифицированный подход, при котором история науки излагается через описание научных взглядов и представлений различных мыслителей прошлого. Преемственность научно-психологических взглядов отдельных учёных обеспечивает связанность подсистем и образует логическое единство учебного предмета как целостной системы. При разработке логической структуры курса «История психологии» автор исходил из следующего понимания: описать целое — это значит раскрыть источники его возникновения; установить преемственность; определить состав и характеристики его элементов; раскрыть взаимосвязь компонентов; установить субординацию частей целого; раскрыть связь целого с большим целым, составной частью которого оно является; определить тенденции развития целого. Примером практической реализации данного принципа структурирования и изложения учебного материала является учебное пособие автора «История психологии» [1].

В.А. Якунин предложил несколько методических находок по организации оценивания качества усвоения знаний по дисциплине. Контрольные задания должны выявлять понимание студентами предпосылок (социальных, научных) возникновения и развития идей учёных, связь психологических взглядов с общим мировоззрением учёного, состав и характеристика его психологической системы, влияние психологической системы на последующее развитие психологии, преемственность идей, школ и направлений.

В ходе проведенного им исследования на основании контентного анализа, В.А. Якунин выявил, что в среднем студентами реально усваивается около половины всей учебной информации. Тогда учёный сделал вывод о том, что одной логической структуры учебного предмета недостаточно. Необходимо искать и использовать разнообразные варианты изложения учебной информации, приёмы и способы её переработки, декомпозиции, закрепления. Особую ценность имеет мысль В.А. Якунина о том, что важно ориентироваться и на индивидуальные особенности студентов как субъектов деятельности и соотносить представление учебного материала с их видением мира. Подчеркивая, что учебный процесс всегда двусторонний, он отмечал влияние субъективных качеств обучающихся на познавательную деятельность. При одинаковом способе обучения студенты будут иметь разные результаты в усвоении знаний вследствие индивидуальных различий в способностях, интеллекте, мотивации, структуре личности, прошлом опыте и

1. Якунин В.А. История психологии: Учеб. пособие. — СПб.: изд-во Михайлова В.А., 2001.
2. Якунин В.А. Педагогическая психология: Учеб. пособие/ 2-е изд. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000.
3. Якунин В.А. Психология управления учебно-познавательной деятельностью. — Л., 1986.

Якунина О.Н.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Сергеева В.В.
МДОУ "Детский сад № 44"

Памяти В.А. Якунина: основные вехи жизненного пути (краткая биография)

История психологии, педагогика, заведующий кафедрой, ученики, семья

Валерий Александрович Якунин родился в марте 1942 года в г. Арзамасе в многодетной семье. Его жизненный путь составил 79 лет. Он окончил 7 классов школы и техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, 3 года служил в армии в ракетно-стратегических войсках, в 1964 году поступил на философский факультет (отделение психологии) ЛГУ (ныне СПБГУ). Во всех учебных заведениях, обладая хорошими способностями, он учился успешно, с большим интересом и ответственностью. В школе неоднократно получал грамоты за хорошую учебу, а в университете на факультете психологии был первым Ленинским стипендиатом. Еще учась в техникуме, он заинтересовался философией, чем был обусловлен выбор вуза для дальнейшего обучения. После окончания факультета он был аспирантом, ассистентом, доцентом и профессором кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии. Кандидатскую диссертацию защитил в 1973 году, докторскую в 1989 году. С 1984 года по 2014 год (30 лет) был заведующим кафедрой. В 2015 году Валерий Александрович по состоянию здоровья ушел на пенсию. Ленинградскому — Санкт-Петербургскому университету он отдал 50 лет своей жизни. Он был высококвалифицированным специалистом в области теории и истории психологии и педагогики, возрастной и педагогической психологии, психологии и педагогики высшей школы. Им были разработаны и читались лекции по этим специальностям для студентов и аспирантов факультета психологии, в 8 вузах города и в 15 городах нашей страны. У него было большое количество учеников. Все диссертации, выполненные под его руководством,былиуспешно защищены (около 100 работ). К ученикам он был строг, но справедлив. Его приглашали в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии 10 вузов города и страны. Он побывал с лекциями, на конференциях в 65 городах нашей страны и в 20 городах Европы. Им опубликовано 145 собственных научных, учебных и методически работ. В 2002 году ему присвоено звание «Заслуженного деятеля науки Российской федерации». В.А. Якунин активно занимался общественной работой. В течение 20 лет был председателем докторского диссертационного совета факультета по двум специальностям, в разные годы исполнял обязанности зам. декана по учебно-воспитательной работе со студентами, был ответственным секретарем приемной комиссии факультета психологии, в 1982-1983 гг. — первым заместителем ответственного секретаря Центральной приемной комиссии университета.

По характеру он был простым, жизнерадостным, активным, трудолюбивым человеком. Все ему давалось с легкость, всё он успевал делать и делал быстро и качественно. У него было много талантов: он хорошо готовил пищу, занимался садоводством, был компанейским, общительным человеком и др. Семью берег и ценил. Очень хорошо занимался с детьми. Навыки общения с детьми он приобрел еще в подростковом возрасте, когда помогал своим сестрам растить и воспитывать их детей. Валерий с 1955 года проживал с сестрами и брал на себя обязанность «няньки», пока сестры были на работе. Женился Валерий Александрович в 1968 году, а в 1969 родилась дочь Виктория. Жена — тоже студентка факультета психологии, он — аспирант. Проживали на съемных квартирах, так как жилплощадь у родителей жены была маленькая. Распорядок дня у молодых родителей был таков: утром — жена на лекциях, муж с ребенком; вторая половина дня: жена- с дочкой, муж в библиотеке. Валерий читал очень быстро, много конспектировал. Раньше компьютеров и Интернета не было, читали первоисточники. Свою кооперативную квартиру купили с помощью родителей в 1973 году. В 1978 году родился сын Вячеслав. С женитьбой, появлением детей стали возникать материальные трудности. Валерий Александрович начал подрабатывать на разных доступных по времени работах, чтобы совмещать их с учебой. Он работал и грузчиком, и дворником, и почтальоном. Разносолов в семье не было, шикарных нарядов тоже, но была забота о детях, интерес к учебе и работе, взаимное уважение и любовь. Внук, две внучки и правнучка — продолжатели рода В.А. Якунина. Мы часто вспоминаем Валерия Александровича и гордимся им.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Агафонов А.Ю.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Сознание — мираж когнитивной психологии?

Когнитивная психология, сознание, субъективность

Заявив о себе в начале 60-х годов прошлого века, когнитивисты начали изучать память и внимание, ментальные операции и речевую деятельность, т.е. явления познавательного свойства. Новый подход быстро стал влиятельным. Между тем, исследователями первой волны упорно табуируется проблема сознания. Казалось бы, познавательная активность осуществляется только благодаря сознанию. Сознание — орган познания, как отмечал еще У. Джеймс, — предтеча когнитивизма. И, тем не менее, этому феномену не находится места в теоретических построениях. Правда, если вспомнить, что модели познавательных процессов строились по аналогии с описаниями преобразований, реализуемых вычислительными устройствами, это не кажется удивительным. Понятно, что даже самые «умные машины» ничего не осознают.

С середины 70-х наступает второй этап, связанный с изучением неосознаваемой обработки информации. Эксперименты свидетельствовали: многие когнитивные операции эффективно выполняются вне контроля сознания. Было установлено, что человек, не осознавая стимула, производит его обработку на семантическом уровне; способен сохранять в памяти информацию, которую не в состоянии эксплицировать; может устанавливать в информационном массиве сложные закономерности, не осознавая ни их наличия, ни факта научения и т.д. Когнитивисты в лице П. Ливецки даже вынуждены заявить: «способность к бессознательному получению информации является основным метатеоретическим допущением всей когнитивной психологии» [1].

Накопленные данные требовали теоретического осмысления. Подготавливается третий этап. Если познавательные процессы могут эффективно протекать «в темноте», для чего требуется то внутреннее чувство, которое единственно и сообщает человеку о его существовании? Какова логика взаимодействия имплицитных и осознаваемых психических образований? Когнитивисты всё чаще стали задаваться такого рода вопросами. В этот же период зарождается когнитивная наука, объединяющая представителей разных дисциплин, в т.ч. специалистов в области искусственного интеллекта. Предлагается ряд теорий, в которых созна-

нию отводится ведущая роль в познании (Б. Баарс, Д. Розенталь, М. Велманс, Д. Тонони, В.М. Аллахвердов и др.).

Здесь стоит вспомнить, предложенное Д. Чалмерсом, разделение проблем сознания на «легкие» и «трудную». К разряду легких он относил те задачи, которые решает когнитивная наука, например, как работает внимание, или каким образом происходит категоризация. «Трудная» проблема заключается в объяснении того, почему нейрональная активность порождает субъективные переживания. И решению этой проблемы ни в коей мере не способствует знание о мозговых механизмах осознаваемого опыта и психофизиологических коррелятах. Во всяком случае, в нейронауках пока нет обнадеживающих идей, проливающих свет на то, почему объективные физические процессы в мозге сопровождаются субъективными переживаниями. Устранению объяснительного разрыва препятствует сама идеология когнитивного подхода. По результативности решения задач (правильности, времени выполнения и пр.) мы судим о механизмах, составляющих функциональную архитектонику сознания. Эта исследовательская стратегия — суть когнитивной психологии. Вместе с тем, большинство, если не все, известные экспериментальные эффекты можно воспроизвести на компьютере. Например, не составит труда оснастить компьютерную программу способностью хуже воспроизводить завершенные действия, чем незавершенные, или демонстрировать перенос при усвоении искусственной грамматики. Только причем тут сознание?

Пока в теории не получит объяснение феномен субъективности, едва ли стоит ожидать, что поиски сознания в когнитивной психологии окажутся успешными.

1. Lewicki, P. Unconscious processes as explanations of behavior in cognitive, personality, and social psychology / P.Lewicki, T.Hill // Personality and Social Psychology Bulletin, 13, — 1987. — P.355-362.

Горбунов И.А., Морозова С.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Байесовское моделирование динамики применения различных математических методов в психологии

Математические методы, Динамика, Байесовская модель, методология

Применение математических методов в психологии острая темой для дискуссии, где существовали полярные тенденции от активного применения некомпетентными специалистами, например в первой половине 30-х годов в СССР, до запрета применения (Постановление 1936 г.) (Morozova S. V. 2022). Последнее десятилетие проходило под эгидой «кризиса репликаций», одной из главных тенденций которого было ужесточение критериев оценки качества использования математических методов. Целью нашего исследования было выявление закономерностей развития математических методов в психологии и прогнозирование их распространения среди ученых психологов.

С помощью поисковой системы PsycArticles мы обработали пул запросов, в 8 ведущих журналах американской психологической ассоциации (≈204000 ссылки), в которых встречались ключевые слова к различным математическим методам, применяемыми в ≈38000 статей, с последующей коррекцией нейронными сетями (Горбунов, И. А. 2020; 2. Горбунов, И. А. Морозова, С.В. 2021).

В результате были построены кривые динамики использования 13 наиболее часто встречающихся методов по полугодиям за 106 лет. Было выявлено, что моделью для объяснения данной динамики было использование скачков с затухающими гармоническими колебаниями. Эта модель в физике обычно используется для описания колебаний маятника Скачёк можно описать формулой:

$$Y=A_0+A_0\ e^{(-\beta t)}\cos(\omega t+\varphi),$$

где A0 — Амплитуда скачка. Квадрат амплитуды пропорционален энергии колебаний (E~A2).

β — степень затухания колебания β =r/(2*m) (для маятника, r –сопротивление среды, m-масса). В нашей модели связана с тенденцией к потере интереса к методу.

ω — частота колебаний для маятника (для маятника ω2=k/m, k-коэффициент упругости) У нас ω — связана со скоростью распространения информации о качестве метода и обратно пропорциональна инертности.

φ — фаза колебания.

Динамика метода описывалась одним , двумя или тремя скачками. Параметры моделей для разного количества скачков подбирались с помощью алгоритмов Goodness of FIT (Matlab). Для выбора наиболее адекватной модели недостаточно оперировать только ошибкой предсказания и стандартными характеристиками (например RMSE и Adj.R2), необходимо оперировать показателями вероятности моделей.

В результате применения Байесовских алгоритмов (библиотека Pymc3, Arviz для Python) для сравнения моделей по параметрам WAIC (Широко используемый байесовский критерий) были выбраны наиболее вероятные модели. Оценка учитывала штрафы за величину модели (Vehtari A., Gelman A., Gabry J.2017). Трех-скачковые модели были более предпочтительны для всех методов кроме математических моделей нейронных сетей, для них была выбрана двух-скачковая модель.

Байесовское моделирование для психологических данных позволяет не только производить оценку качества модели, но и сравнивать модели по качеству, учитывая их сложность, что для психологии является актуальным, так как психологи в силу специфики предмета исследования часто игнорируют позитивистский принцип преимущества простых моделей над сложными, что отражается на надежности научных выводов.

1. Горбунов И.А., Морозова С.В. Диагностика использования математико-статистических методов в психологических исследованиях по текстовым данным резюме с помощью нелинейных алгоритмов // Ананьевские чтения — 2020. СПб, 2020. С. 527-528.
2. Горбунов И.А. Диагностика использования математических и статистических методов в психологии: нелинейные алгоритмы анализа аннотаций статей / И. А. Горбунов, С. В. Морозова // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М., 2021. С. 496-501.
3. Горбунов И.А., Морозова С.В. Моделирование динамики статистической практики в психологии // Ананьевские чтения — 2021. СПб, 2021. — С. 219-220.
4. Morozova S. V. How statistics became a “forbidden trick” for Soviet psychologists //History of Psychology, 2022. Т. 25, №. 2, С. 121.
5. Vehtari A., Gelman A., Gabry J. Practical Bayesian model evaluation using leave-one-out cross-validation and WAIC //Statistics and computing. 2017. Т. 27, №. 5. С. 1413-1432.

Морозова С.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Статистическая практика в психологии и перспективы ее развития

Статистическая практика, исследовательская модель, математические методы

Проект направлен на выявление основных закономерностей и тенденций развития математических и статистических методов в практике психологических исследований. Основной комплекс источников составили научные статьи, опубликованные в основных международных журналах Американской психологической ассоциации за последние более чем 100 лет, и учебная литература по математическим методам для психологов. Целью исследования было выявление ключевых характеристик современной статистической практики, отвечающей требованиям международного психологического сообщества. Для изучения интересующих нас закономерностей были использованы методы корпусной лингвистики и библиометрии, статистический анализ и математическое моделирование, которые включали SEM, анализ временных рядов, нейросетевые технологии, байесовское моделирование и графы. Перед построением моделей статистической практики была проведена валидизация собранных данных на основе экспертной оценки части текстов и улучшение качества данных с помощью нейросетевого моделирования. (подробнее см. в: Горбунов И.А., Морозова С.В., 2021; Морозова С.В., 2021)

Наше исследование показало, что можно выделить четыре различных типа методологических позиций ученого, отражающихся в специфике проверки исследовательских гипотез и легитимной статистической практики:

1. Экспериментальная исследовательская модель. Она восходит к традициям Лейпцигской исследовательской модели, объединенной с выборочным подходом к отбору испытуемых. Для нее характерна «прямая» логика исследования, когда формулирование гипотез post hoc невозможно. «Парадигмальными» методами для этой исследовательской модели будут дисперсионный анализ и t критерий Стьюдента.

2. Корреляционная исследовательская модель. Свое начало она берет в Гальтоновской исследовательской модели. Для нее допустимо смешение «прямой» и «обратной» логики исследования. Основные гипотезы формулируются до проведения эмпирического исследования, но возможна проверка дополнительных гипотез post hoc. Моделирование структурными уравнениями (SEM) является «парадигмальным» математическим методом для этой модели. Так же для исследований этого типа характерно использование корреляционного, факторного, множественного регрессионного анализов, анализа надежности.

3. Мета-аналитическая исследовательская модель. По своим ограничениям по дизайну исследований и подходу к выборкам испытуемых она близка модели клинического эксперимента. По сути «прямая» логика исследования в ней реа-

лизуется post hoc, так как в исследовании проверяется исходная гипотеза. «Парадигмальным» методом для этой модели является мета-анализ.

4. Исследовательская модель больших данных. Это принципиально новое явление в психологии, не имеющее прямых аналогов с исследовательскими моделями прошлого. Для исследовательской модели больших данных характерна «обратная» логика исследования, и решение обратной математической задачи, выявление скрытых закономерностей. Нейронные сети являются «парадигмальным» методом для этой исследовательской модели. Для исследований этого типа также могут быть использованы привычные для психологов многомерные методы: кластерный анализ, факторный анализ, множественный регрессионный анализ, дисперсионный анализ, дискриминантный анализ. Но во половине случаев применение этих методов в качестве моделей предсказания потребует от психолога дополнительных расчетов.

Для разных исследовательских моделей характерно свое понимание хорошей статистической практики. Например, приемлемость HARKing'а в корреляционной исследовательской модели (при условии разграничения априорных и апостериорных гипотез), недопустима в экспериментальной исследовательской модели.

1. Горбунов И.А., Морозова С.В. Диагностика использования математических и статистических методов в психологии: нелинейные алгоритмы анализа аннотаций статей //Когнитивная наука в Москве: новые исследования. — 2021. — С. 496-501.
2. Морозова С.В. Две методологии в психологии: сходства и различия //Ананьевские чтения-2021. — 2021. — С. 223-224.

Мусс А.И., Постовалов А.В., Бай С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Понятие сознания: проблема и мета-проблема

Проблема сознания, гиперсетевая теория сознания, психология, феноменалистическая онтология, фолк-психология, мета-проблема сознания

Современные исследования сознания представлены несколькими исследовательскими подходами, обладающими различными возможностями и ограничениями.

В физиологии можно отметить гиперсетевую теорию К.В. Анохина, которая предлагает рассматривать сознание как процесс в разуме, понимаемом в качестве мозговой гиперсети [1]. Этот подход позволяет изучать элементы гиперсетей, отвечающих за "элементарные единицы опыта", и связи между ними. При этом такой подход слабо согласуется со сложившимся академическим дискурсом.

Внутри психологии с уже признанными теориями (например, с теориями B. Baars и J. Tononi) конкурирует теория сознания В.М. Аллахвердова, имеющая и исходные допущения (о познавательной функции психики и о функции сознания как о "генеральном менеджере" и механизме проверки гипотез), и определенные методологические основания (принципы научного познания В.М. Аллахвердова, А.С. Кармина и Ю.М. Шилкова), и экспериментальную базу (эффект последействия негативного выбора) [2]. Эта теория позволяет оспорить исходные допущения классических когнитивных исследований и разрабатывать психологию сознания на своих собственных основаниях, однако этот подход ничего не говорит о физиологическом субстрате сознания, а вопрос согласованности терминологии решается автором лишь частично.

В русле философии и в русле психологии развивается подход к исследованию сознания, исходной точкой которого служит набор представлений о сознании, соотносимых со здравым смыслом. Среди таких подходов можно выделить феноменалистическую онтологию В.В. Васильева, которая соотносит актуальную проблематику философии сознания с естественными установками человека [3], а также фолк-психологию, которая охватывает широкий спектр вопросов, начиная от изучения повседневных психологических представлений людей, влияния на эти представления языка и культуры и заканчивая мозговой локализацией процесса оценки человеком психического состояния другого (Theory of Mind) [4]. Такой подход, с одной стороны, легитимизирует в исследованиях сознания естественные установки людей, но эта легитимизация протекает в отрыве от привычной академической терминологии и, по сути, отказывается от ответа на вопросы о природе сознания.

Такое разнообразие подходов оказывается ограниченным в отношении возможности диалога, поскольку остается неисследованным вопрос о соответствии содержания основного понятия — сознания, тогда как преимущественный отказ

исследователей от работы с привычной академической терминологией еще более ограничивает возможности для сопоставления.

Решение проблемы сопоставлении подходов может лежать в другой плоскости, предложенной философом Д. Чалмерсом и развивающейся в современных междисциплинарных исследованиях. Формулируя связанную с трудной проблемой сознания мета-проблему сознания, Чалмерс обращает внимание исследователей на то, почему возникает проблема сознания в связи с его природой [5]. Мы предлагаем обратиться к мета-проблеме сознания через изучение того, как и через что исследователи сознания (прежде всего, психологи) приходят к указанной проблематике, и в чем их проблематизирующий подход отличается от естественных установок, в рамках которых подобные вопросы не возникают.

Таким образом, мы предлагаем подойти к изучению сознания и сравнению подходов к нему через мета-проблему сознания — вопрос о том, что толкает исследователей к проблематизации этой наиболее очевидной для обывателя части нашей психики.

1. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности, 2021, Т. 71, № 1, С. 39–71.
2. Аллахвердов В.М. Собрание сочинений. СПб.: Владимир Даль, 2021.
3. Васильев В.В. Сознание и вещи. М.: УРСС, 2014.
4. Hutto, D., Ravenscroft, I. (2021). Folk Psychology as a Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/folkpsych-theory/
5. Chalmers, D.J. (2018). The Meta-Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies, Vol. 25, № 9–10, pp. 6–61.

Слепко Ю.Н., Мазилов В.А.
Ярославль, ЯГПУ им. К.Д.Ушинского

Проблема объяснения в психологии: уровневый подход

Объяснение, предмет психологии, внутренний мир человека, уровневый подход

Объяснение является важнейшей функцией научного познания, так как позволяет более полно, глубоко и всесторонне анализировать сущность изучаемых явлений. Объяснение — важнейший этап работы с данными психологических исследований. Несмотря на высочайший методологический статус проблемы объяснения, в отечественной и зарубежной психологии к настоящему времени не разработано теории объяснения, полноценно удовлетворяющей сложности предмета психологии. Это связано, прежде всего, с неразработанностью самой проблемы предмета психологии [1], что приводит, во-первых, к замене на уровне методологии и технологии организации исследований процедуры объяснения интерпретацией данных. Во-вторых, реализация объяснения строится на основе особенностей изучаемых объектов, на методологических и теоретических позициях самих психологов. Это приводит к нарастанию дезинтеграции психологического знания и психологического сообщества, к нарастанию противоречий в понимании предмета и метода психологии. В-третьих, отсутствие удовлетворяющей сложности предмета теории объяснения закреплено в классификации методов психологического исследования (Г. Пирьов, Б.Г. Ананьев, В.В. Никандров), в которой объяснение заменено интерпретацией.

Существующие в психологии модели объяснения (Пиаже, 1966; Браун, 1963, Юревич, 2006) характеризуются рядом общих недостатков. Во-первых, многообразие исследовательских процедур в психологии сводится к причинно-следственному объяснению. Во-вторых, результаты исследований чаще редуцируются к явлениям и феноменам непсихологического характера — биологическим, физическим, математическим и т.д. В-третьих, основания для выделения видов объяснения носят произвольный характер, не учитывающий сложность и многообразие проявлений предмета. Вместе с отсутствием общепринятого понимания предмета психологии, а также недостаточно активной работой самих психологов по его разработке проблема объяснения на протяжении длительного времени исследуется крайне слабо. Не применимы к решению проблемы объяснения в психологии и результаты философских исследований, среди которых особенно следует выделить работы Е.П. Никитина (1970). Несмотря на целостный характер методологических и теоретических построений, теория объяснения Е.П. Никитина не может быть принята в качестве базовой в психологическом объяснении, так как построена на материале естественных наук и не учитывает специфику предмета психологии.

Условием успешного решения проблемы объяснения в психологии авторы рассматривают встраивание процедуры объяснения в структуру предмета психологии. Для этого необходимо реализовать ряд методологических задач. В каче-

стве предмета психологии необходимо рассматривать понятие внутренний мир человека, современная трактовка которого дана в работах В.Д. Шадрикова [3]. Наиболее существенной характеристикой внутреннего мира человека является его уровневое строение, включающее уровни индивидных, субъектно-деятельностных, личностных характеристик человека. Во-вторых, уровневая структура предмета позволяет реализовать уровневый подход к решению проблемы объяснения в психологии [2]. Встраивание объяснения в уровневую структуру предмета позволяет процедуре объяснения не быть вынесенной за пределы реальности психических явлений. Уровневое строение объяснения методологически, теоретически, эмпирически соответствует специфике предмета. В-третьих, реализация уровневого подхода к объяснению предмета психологии позволяет видеть источник активности психики в ней самой, преодолеть редукцию психического к непсихическому, не редуцировать, а реально интегрировать психологическое знание с знанием в других предметных областях науки.

1. Мазилов В.А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
2. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль : ЯрГУ, 1977. 80 с.
3. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология. Москва: Юрайт, 2015. 411 с.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00089

Goryunova L.N.
Saint Petersburg, St Petersburg University

Qiang W.
Tianjin, Tianjin Normal University

Yao J.
Russia, Saint Petersburg, St Petersburg University

Cultural reasons for loss of trust in the workplace among Chinese and Russians employees

Cultural differences, communication difficulties, loss of trust, uncertainty

The relationship between China and Russia is sometimes described as "hot on top and cold on the bottom".This means that there is a high level of strategic partnership between China and Russia in the international arena and little economic interaction between our enterprises. The situation has been changing in recent years. Now it is urgent to create favourable conditions for cooperation, including the economical, political, and cultural aspects and to overcome the existing barriers.

Cultural differences between China and Russia are great, so employees of Russian-Chinese joint ventures often have communication difficulties in jointly solving work tasks, leading to a loss of mutual trust (Yang, 2019). We also need to classify the specific reasons, including communication difficulties, interpersonal relationship, completion, enterprise culture and so on.

Russia is included in the Western civilisation. China is an Eastern civilization. The peculiarity of activities in the Western civilisation is expressed in the orientation towards complication of activities, planning, productivity. Oriental civilization is oriented toward human development and perfection. In Chinese civilisation the "Tao" is eternal action and the principle of creation, which are extremely indeterminate. In Western civilisation the experience of uncertainty is negative, in Eastern civilisation uncertainty is an inherent quality of the one being.

The following point of view is common among specialists engaged in cross-cultural studies. In Western societies (countries of Western civilization) institutional trust prevails over personal trust. Which means that trust has an expression in legal documents, but not in the personality of the person who is trusted. The predominance of personal trust over institutional trust is characteristic of the countries of the East.

Which means that trust is addressed to the person, the personality, not the documents, which serve to ensure trust.

Differences in cultural values of professionals have been described by many authors in Russian and Chinese literature. These include the preferred principle of seniority and collectivism in China and positive motivation for self-realization and career growth in Russia; priority of moral encouragement for Chinese professionals and priority of material encouragement for Russian professionals and so on.

The question of how trust is formed in Russian and Chinese culture is the key to understanding what knowledge and skills are necessary for successful communication between specialists in our countries. We also should include cognitive and neural mechanisms of trust that are important for us to understanding our topic.

Previously, cultural differences between Chinese and Russian professionals have not been considered in terms of different attitudes towards uncertainty and the relationship between uncertainty and trust. A number of previous studies orient that trust factor is related to uncertainty factor, i.e. there is a relationship between experience of uncertainty and trust in knowledge, professional skills and positive value of cultural features (Clampitt, 2000)

We assume that, for cultural reasons and cognitive processes, Chinese professionals are more resistant to uncertainty than their Russian counterparts. Russian employees prefer certainty. What Russian professionals assess as uncertainty, Chinese professionals may assess as natural and evolving. This cognitive difference may play a role in the loss of trust in interactions in the work environment.

1. Yang Lei.The Role of People-to-people Exchanges in Building China-Russia Partnership. Journal of Northeast Asian Studies, 2019 (04).
2. Clampitt P. G., Williams M. L. Managing, organisational uncertainty: Conceptualisation and measurement. Paper presented at the international, communication, association conference. San Diego, CA, 2000.

Васильева И.И.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Формы представления данных социально-психологического анкетного обследования руководству предприятия: методические замечания

Анкетирование, эргономическое обследование, представление данных, качество работы, удовлетворённость зарплатой, трудовая мотивация, оценка включенности персонала

Анкетные обследования давно являются одним из наиболее эффективных методов исследования коллективных трудовых установок на предприятии. Однако, при его применении существуют трудности с получением достоверной информации даже на условиях анонимности респондентов. Сознавая, что вся информация, пусть даже в обобщённом виде, будет доведена до сведения заказчика (руководства), участники опроса дают модерированные ответы. Особенно эта проблема касается вопросов, направленных на самооценку качества работы респондентов, их отношения к труду, скрытых резервов эффективности — того, что имеет прямое отношение к зарплате и перспективам работы в организации.

Использование эргономической анкеты, разработанной коллективом ученых России и США (Г.Журавлев, С.Парсонс, Л.Тэйлор, 1999) позволяет обойти эти трудности. Анкета разработана для применения в первую очередь на предприятиях энергетического профиля, однако может быть адаптирована к любому производству. Она содержит 11 разделов, касающихся всех основных аспектов деятельности любой производственной организации, позволяющих дать исчерпывающую оценку ее состояния. В зависимости от технологической специфики те или иные разделы могут быть расширены или модифицированы. Например, раздел «Ремонты» может быть преобразован для оценки технического обслуживания, авторизованного сервиса и т.п.

Важным преимуществом анкеты является возможность получать достоверную информацию косвенно при сопоставлении ответов на прямые вопросы. Многократные применения анкеты (Журавлев и др., 2003; Васильева, 2012; Zhuravlyov, Parsons, Lomakin, Salcedo,1992 и др.) на разных предприятиях, в разных странах (США, Венгрия, Россия) и в разное время подтвердил эффективность этого метода. Для достоверной оценки качества труда в анкету включены вопросы: Хорошо ли контролируется качество Вашей работы? Можно ли существенно повысить качество работ (при надлежащем улучшении организации и оплаты труда)? Вопросы находятся одном разделе и являются проверочными (референтными) по отношению к друг другу, что позволяет выявить истинное положение дел с качеством труда.

Первый вопрос во всех без исключения исследованиях дает высокий процент утвердительных ответов, что, очевидно, следует рассматривать как коллективную защиту. Так, в одном из опросов на него получено 95% утвердительных ответов.

Обращение к ответам на вопрос «Можно ли существенно повысить качество работ?» дает неожиданный результат: 60% утвердительных ответов. Они полностью дезавуируют предыдущую информацию. Хорошо контролируемое качество можно, оказывается, существенно (!) улучшить в большинстве случаев. Представление о контроле и качестве работы, полученное на основе ответов на прямой вопрос, должно быть скорректировано: реальное качество работ существенно ниже декларируемого.

Сопоставление ответов на вопрос «Можно ли существенно повысить качество работ?» с вопросами экономического блока: «Удовлетворены ли Вы своим заработком?» позволяет вскрыть экономический фактор снижения эффективности. Показательно сравнение этих пар ответов, полученных в разных подразделениях одной организации: в подразделении «север» соотношение утвердительных ответов 98/19, «восток» — 38/75, «юг» — 90/25, «запад» — 46/50. Выявилась отчетливая обратная зависимость этих двух показателей: чем выше удовлетворённость работников заработком, тем ниже скрытые неиспользуемые резервы повышения качества труда и наоборот.

В проявившейся закономерности нет ничего нового, оригинального и, тем более, такого, что стало бы поводом для публикации. Значение имеет дидактическая составляющая метода. Результат, полученный таким способом, оказывается предельно неожиданным и поэтому убедительным для тех руководителей, для которых «товарно-денежная реальность» находится в слепом пятне управленческой банальности и которые по-прежнему верят только в могущество административного ресурса и «управленческое искусство». Метод косвенных сопоставлений позволяет убедительно развеять эти иллюзии.

1. Журавлев Г.Е., Парсонс С.О., Тэйлор Л.П. (1999). Психологическая концепция культуры безопасности атомной энергетики: Монография. Москва: ЦЭМИ РАН.
2. Васильева И.И. (2012). Психология — энергетике: на пути к безопасности и эффективности: Монография. Москва.
3. Zhuravlyov, G. E., Parsons, S. O., Lamakin, B. V. ,Salcedo, P. (1992). Operational personnel teamwork: comparative investigations in the USA and Russia. In: Human Factors and Power Plants, 1992, Conference Record for 1992 IEEE Fifth Conference. Monterey, CA: IEEE. Pp.359-369.

Глазачева В.П., Волченкова А.А.
Ярославль, ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Корпоративная культура образовательной организации в контексте инклюзивного образования

Корпоративная культура, инклюзивная образовательная организация, стили руководства.

Современная ситуация в науке и в ежедневной образовательной практике определяют необходимость помочь школьникам стать активными, ответственными, открытыми членами общества. Реализация обозначенных образовательных целей будет успешной только в том случае, если в образовательной организации (ОО) четко выстроена корпоративная культура и образовательная политика. Корпоративная культура включает в себя ожидания, опыт, философию организации, а также ценности, определяющие поведение членов, и выражается в их самооценке, внутренней работе, взаимодействии с внешним миром и ожиданиях от будущего [1, с. 49].

Цель исследования состоит в эмпирическом изучении психологических особенностей корпоративной культуры в ОО. В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение о том, что: инклюзивным ОО соответствует такой тип корпоративной культуры, как ориентированный на человека. Исследование проводилось на базе школ г. Ярославля. В исследовании приняло участие 68 педагогов в возрасте от 22 до 70 лет.

Было получено три блока результатов, которые соответствуют этапам статистической обработки. Таковыми стали: процедура описательных статистик, выявление взаимосвязей путем проведения корреляционного анализа, установление различий в результате применения дисперсионного анализа. Описательные статистики обнаружили большое количество результатов, однако, мы остановим свое внимание лишь на одном факте, который заключается в том, что в исследуемых ОО, по мнению педагогов, преобладает культура личности. Управление в организациях основывается на близости к ресурсам, профессионализме, на силе личных качеств, способностей. Эта культура присуща организациям, состоящим из объединений индивидуальностей, каждая из которых является независимой, обладает своей собственной силой личности и влиянием. В ходе статистической обработки данных применялся корреляционный анализ, который имел своей целью определение характера и силы связи между типом корпоративной культуры и исследуемыми психологическими параметрами организационного поведения. Сильные обратные связи между типом культуры ориентированным на человека и директивным, а также попустительским стилем руководства. То есть, высокие оценки педагогами такого типа корпоративной культуры, как ориентированного на человека не может существовать при попустительском (r=-,536, p=0,01) и директивном(r=-,618, p=0,01) стилях руководства. Педагогическая деятельность — это

творческая деятельность, которая будет останавливаться при высоком контроле, например, при ежедневной сверке соответствия проводимого урока — программе.

Корпоративная культура является общим творением всего педагогического коллектива. Она не появляется благодаря стараниям одного директора, это очевидный факт. Все сотрудники ОО ежедневно создают культуру, общаясь между собой, с учениками и их родителями, с организациями-партнерами. Базовые принципы успешной корпоративной культуры идентичны по своей структуре выражения: высокая скорость работы с учащимися, высокая ответственность, эффективное достижение целей, гибкость, открытость в коммуникациях, делегирование полномочий в коллективе, уважение к вкладу каждого. Отметим, что корпоративная культура складывается внутри ОО в любом случае, независимо от того, предпринимались для этого усилия или нет.

Формирование корпоративной культуры современной инклюзивной ОО ведет к удовлетворению потребностей современных школьников и позволяет изменять в лучшую сторону различные аспекты своего функционирования. Грамотно выстроенная корпоративная культура содействует усилению различных типов взаимодействия между участниками образовательного процесса в конкретной ОО — с одной стороны, а с другой — способствует социальной и профессиональной интеграции сотрудников разных организаций образования [2]. Данное направление исследования можно считать весьма перспективным с точки зрения развития инклюзивного образования и усиления поддержки школьников.

1. Карпов А.А. Рефлексивность как детерминанта стилей руководства. СМАЛЬТА. 2020. № 1. С. 46-52.
2. Никольская О.С., Кукушкина О.И., Гончарова Е.Л., Карабанова О.А., Коробейников И.А., Кантор В.З. Концепция развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г. Санкт-Петербург, 2019.

Ильина О.Н., Лепехин Н.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические и личностные предикторы проактивного увеличение социальных ресурсов

Модель требований и ресурсов, проактивное увеличение социальных ресурсов, личностные и социально-психологические предикторы, устойчивое развитие команд

Исследование проактивных стратегий изменений в работе (job crafting) опирается на концепцию требований и ресурсов (Bakker et al., 2017), а также на теорию проактивной мотивации (Parker et al., 2010). Изменения, вносимые работником в свою деятельность, позволяют успешно справляться с требованиями работы, преодолевать выгорание, усиливают вовлеченность и психологическое благополучие (Ильина и др., 2022). Стратегия проактивного увеличения социальных ресурсов направлена на расширение сети коммуникаций, получение советов и обратной связи от коллег и руководства, признание и одобрение успеха.

Цель исследования: выявление предикторов стратегии увеличение социальных ресурсов (СР) и построение ее структурной модели. Гипотеза: социально-психологические ресурсы дизайна работы, а также мотивация и вовлеченность являются предикторами стратегии увеличения СР. Выборка: работники российских организаций, N=241.

Методы. «Психологический капитал», Bakker, ад. Маничев, 2018; CSE, Judge, ад. Маничев, 2022; MSTAT, McLane, ад. Осин, 2016; «Личностные факторы принятия решения», Корнилова, 2014; «Дизайн работы», Morgeson, ад. Маничев, 2016; «Профессиональное выгорание», Demerouti, ад. Смирнова, 2017; «Мотивация профессиональной деятельности», Zamfir, ад. Реан, 2013; «Отношение коллег к изменению работы», Ильина, 2021. Сбор данных проходил в форме интернет-опроса. Обработка данных: факторный анализ, моделирование структурными уравнениями.

Результаты. Модель проактивного увеличения социальных ресурсов (СР), показатели соответствия: c2/df=1.3, p =.06, RMSEA =.35, CFI=.98; метод начальной загрузки (5000), оценки в интервале, не включающим ноль; c2=83.6, распределение c2 для выборки 5000 (32.3 ;169.2), Bollen-Stine bootstrap: p=.312. Обнаружен прямой эффект влияния на стратегию увеличения СР: мотивация избегания (.37) и социально-психологические ресурсы работы (.77); а также влияние личностных ресурсов через медиаторы вовлеченность (.206) и социально-психологические ресурсы (.212), p=.001.

Стаж работы модерирует связи модели. Значимая связь между мотивацией избегания и увеличением СР обнаружена только у сотрудников со стажем более 10 лет (.36 (t=3.61), p=.05), групповое различие c2 =3.960 (p =.04). Также у работников со стажем более 10 лет эффект влияния социально-психологических ресурсов на стратегию увеличения СР составляет 0.62 (t=4.26), p=0.001, тогда как у работников со стажем менее 10 лет данный эффект, составляет 0,44 (t=3.38),

p=0.001. Групповое различием c2 = 6.260 (p=.012). Показатели соответствия модели для всех групп: c2 =158.6 df=130 (p=.045), CFI=.98, REMSEA=.31.

Выводы. Модель проактивного поведения увеличения социальных ресурсов работы, включает как личностные, так и социально-психологические характеристики дизайна работы. Стратегия увеличения социальных ресурсов приобретает большую значимость с увеличением стажа работы и этому способствует мотивация избегания при возможности использовать социально-психологические ресурсы дизайна работы. Проактивное обращение к социальным ресурсам актуально при создании сетевого командного взаимодействия для устойчивого улучшения командных результатов в циклах выполнения задач. Изучение предикторов, посредников и взаимосвязей компонентов оптимизирует устойчивое развитие команды и психологическое благополучие ее участников.

1. Ильина, О. Н., Лепехин, Н. Н., Маничев, С. А. Проактивное рабочее поведение: концепции и направления исследований [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2022. Т. 12. № 1. С. 92–127. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru
2. Bakker, A. B., Demerouti, E. (2017). Job demands–resources theory: Taking stock and looking forward // Journal of Occupational Health Psychology .–2017–Vol. 22, №3. – P. 273–285.
3. Parker, S. K., Bindl, U. K., & Strauss, K. Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation // Journal of Management. — 2010.–Vol. 36, № 4. — P. 827–856.

Милетич М.П., Осин Е.Н.
Москва, НИУ ВШЭ

Взаимосвязь выгорания и индивидуальной настройки работы (job crafting)

Выгорание, индивидуальная настройка работы, job crafting

Индивидуальная настройка работы (job crafting) — это особый тип поведения, посредством которого индивиды вносят изменения в свою работу и «настраивают» её под себя с целью сделать работу более приятной и осмысленной [4]. Будучи представлена в терминах требований и ресурсов в работе [1, 3], индивидуальная настройка работы включает в себя четыре типа поведения: 1) увеличение структурных ресурсов в работе, таких как автономия, возможности для обучения и т.п.; 2) увеличение социальных ресурсов в работе, например, обращение за поддержкой или обратной связью к руководителю и коллегам; 3) величение стимулирующих требований работы (challenging job demands), например, выполнение дополнительных задач и участие в более сложных проектах, чем предусмотрено должностными обязанностями; и 4) сокращение обременительных требований работы (hindering job demands), т.е. избегание неприятных и сложных аспектов в работе, вызывающих напряжение и стресс. Концепция индивидуальной настройки работы изначально предполагала, что все четыре типа поведения способствуют повышению благополучия сотрудников в работе [3], однако дальнейшие исследования показали, что избегание обременительных требований в работе скорее связано с выгоранием.

В данном исследовании мы проанализировали связи между четырьмя типами индивидуальной настройки работы и выгоранием на выборке из 287 сотрудников российского производственного предприятия. Для оценки индивидуальной настройки работы нами был выполнен перевод опросника «Job Crafting Scale» (JCS) [3], а для оценки выгорания использовалась русскоязычная версия опросника «Burnout Assessment Tool» (BAT) [2,5].

Для обоих конструктов посредством конфирматорного факторного анализа была проведена оценка моделей измерения: модели с факторами первого уровня и модели с общим фактором второго уровня. Для опросника BAT обе модели показали хорошее соответствие данным (RMSEA 0.90). Для опросника JCS модель с четырьмя факторами первого уровня хорошо описывала данные, однако модель с общим фактором второго уровня не сошлась. Регрессионный анализ показал, что из четырех типов индивидуальной настройки работы лишь увеличение структурных ресурсов является значимым отрицательным предиктором выгорания ($\beta = -.23$, p .001). Сокращение обременительных требований в работе является значимым положительным предиктором выгорания ($\beta = .18$, p .01), а увеличение социальных ресурсов и увеличение стимулирующих требований не были значимыми предикторами.

Результаты подтверждают, что индивидуальная настройка работы является неоднородным конструктом: разные типы поведения, традиционно объединяемые под этим названием, не образуют единый фактор и по-разному предсказывают состояние сотрудников. В частности, избегание неприятных аспектов работы скорее может свидетельствовать о выгорании, нежели являться способом его предотвращения. Результаты исследования подтверждают, что русскоязычная версия инструмента оценки выгорания BAT является надежной и валидной. Для оценки индивидуальной настройки работы целесообразно использовать субшкалы опросника JCS по отдельности.

1. Bakker A. B., Demerouti E. The job demands-resources model: State of the art //Journal of managerial psychology. — 2007.
2. Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H. Burnout Assessment Tool (BAT)—development, validity, and reliability //International journal of environmental research and public health. — 2020. — Т. 17. — №. 24. — С. 9495.
3. Tims M., Bakker A. B., Derks D. Development and validation of the job crafting scale //Journal of vocational behavior. — 2012. — Т. 80. — №. 1. — С. 173-186.
4. Wrzesniewski A., Dutton J. E. Crafting a job: Revisioning employees as active crafters of their work //Academy of management review. — 2001. — Т. 26. — №. 2. — С. 179-201.
5. Колачев Н. И. и др. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области //Организационная психология. — 2019. — Т. 9. — №. 2. — С. 129-147.

Михайлова В.В.
Нижний Новгород, ФГАОУ ВО ННГУ им Н.И. Лобачевского

Савинова С.Ю.
Нижний Новгород, ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ

Варызгина А.А.
Нижний Новгород, ФГАОУ ВО ННГУ им Н.И. Лобачевского

Мотивация студентов при выборе будущей профессии

Мотив, мотивация, будущая профессия, студенты

Многочисленные исследования в области профессионального, карьерного развития подчеркивают важность мотивации в процессе этого выбора. Понимание мотивации студентов при выборе будущей профессии важно учитывать в диалоге и взаимодействии с партнерами, будущими работодателями.

В марте-апреле 2022 года было проведено исследование, посвященное анализу стратегий поведения студенческой молодежи на рынке труда. В исследовании приняло участие 273 студента 1–4 курсов дневного отделения бакалавриата Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Статистическая обработка данных эмпирического исследования с помощью факторного анализа позволила выявило шесть доминирующих мотивов выбора будущей специальности:

1. Престиж вуза, профессии также играет значимую роль в принятии решения относительно направления обучения. Интерес к профессии и статус вуза — те аргументы, на которые абитуриент может опереться в момент принятия решения, что крайне важно в условиях кризиса и динамично меняющейся социально-экономической среды.

2. Важными факторами в принятии решения о направлении обучения играют представления студентов о возможности карьерного роста и высокого уровня дохода, которые способна обеспечить выбранная профессия.

3. Интерес к содержанию будущей профессии. В школьный период информирование со стороны школы, родителей не в полной мере отражать истинную картину о состоянии рынка труда, актуальности профессий, что приводит к формированию иррационального субъективного взгляда на будущую профессию При поступлении в вуз появляется возможность ближе рассмотреть особенности профессии, познакомиться с ее представителями, сделать в ней первые шаги. Это может стать основанием для смены выбранной профессии.

4. Отсутствие четко выраженной мотивации включила в себя рекомендации со стороны знакомых и близких, рекомендации профориентолога.

5. Считаю профессию социально значимой.

6. Нужен диплом о высшем образовании по любой специальности.

Проведенный анализ показал наличие взаимосвязи между первичным мотивом выбора будущей специальности и дальнейшей степенью активности выхода на рынок труда в процессе обучения в вузе.

Студентам, у которых на момент поступления отсутствовала выраженная личная мотивация к изучению выбранной специальности, или тем, кто рассматривал диплом о высшем образовании как необходимую формальность, свойственна наиболее высокая степень трудовой активности в процессе обучения в вузе. Более половины студентов (57%), основной целью которых было получение диплома по любой специальности, на сегодняшний день имеют реальный опыт трудоустройства. Студенты, чей выбор профессии определило влияние окружения, или они не смогли поступить, куда планировали изначально, также уже осуществили свой выход на рынок труда. Их доля составляет 47%, что значительно превышает процент неработающих студентов в этой группе. Занятость подавляющего большинства студентов данной группы не связана с получаемой специальностью, что и не является их целью.

В свою очередь, самый большой процент студентов, не имеющих опыта трудоустройства, среди тех, кто при поступлении в вуз руководствовался интересом к содержанию будущей профессии (48%) или перспективами, которые она открывает после окончания вуза с точки зрения дохода или построения карьеры (44%).

Можно сделать вывод, что студенты, основной задачей которых является получение диплома, как обязательного и формального атрибута любого специалиста, выходят на рынок труда, не дожидаясь окончания обучения, более активно, чем студенты, осознанно выбравшие будущую профессию.

1. Сотникова С.И., Прокудина О.А. Профессиональная ориентация в контексте концепции непрерывного образования // Экономика труда. — 2019. — № 3. — С. 1059-1078.
2. Цыганкова И.В., Потуданская В.Ф., Цзывэй Я. Факторы мотивации при выборе профессии// Экономика труда.- 2019.- № 4. — С.1545- 1554.

Петросян Л.А.
Ереван, АГУ РА

Психологическое становление профессионала

Психологическая зрелость, профессиональное развитие, личностный рост

В современном восприятии становление личности взаимосвязано с его профессиональным развитием и удачами. Характеризуя состоявшуюся личность в первую очередь говорят о его профессиональных или трудовых успехах. С психологической точки зрения развитие личности связано с ее социальной ролью. В наших представлениях психологически зрелый человек- личность, которая имеет психологические и социальные достижения в соответствии с возрастом.

Цель исследования психологическая зрелость личности и становление профессионала. То есть профессиональное становление может рассматриваться как характеристика зрелой личности. Путь профессионального развития требует степень развития некоторых психологических качеств, что является основой для профессионального качества личности Некоторые исследователи в вопросе профессионального становления отмечают, что очень важно иметь профессиональное качество, развивать его и предъявлять по необходимости, получив признание. Мы считаем, что это представляет собой оригинальный цикл, который всегда находится в движении. С этой точки зрения профессиональное становление не является стабильной точкой, это явление находящийся всегда в движении явления, которое в определенном возрасте и времени жизни оценивается как становление. Цикл профессионального становления идет следующими этапами. В первую очередь важен психологический портрет личности и та социальная среда, где он находится. Часто встречающееся явление, когда выбор профессии обусловлен влиянием среды и общепринятыми нормами. Профессиональное и личностное развитие личности происходит с некоторыми психологическими закономерностями, что обусловливает реализацию полноценного развития личностного потенциала. Реализация личностного потенциала включает личностное развитие, развитие социальной среды, ценностные ориентации, динамику профессиональных мотивов, мотивы достижений, а также удовлетворенность карьерой.

Метод. Исследование проводили среди сотрудников банка (n=830). Использовали опросник оценки социально-психологической зрелости личности профессионала, разработанный Л. Петросян и А. Галстян [1]. Опросник включает следующие критерии социально-психологической зрелости: целенаправленность, практическая надежность, эмоциональная уравновешенность, решительность, реалистичность, самопознание.

Результаты. Результаты исследования показали, что уровень целенаправленности (M=10) высокий у сотрудников, также высоки показатели по критерию решительности (M=9). Показатели практической надежности (M=8), эмоциональной уравновешенности(M=8), реалистичности (M=8), самопознания

(M=8) — выше среднего. Целенаправленность, в первую очередь — это способность постановки перед собой задачи или цели и планирование пути, ведущего к достижению результата. Целенаправленность — качество, приобретаемое в ходе жизни и характеризующее психологическую зрелость личности. Решительность выражается в способности личности к принятию и претворению в жизнь ответственных решений. Решительность — это осознанный выбор человека, а также способность действовать последовательно. Данное качество также развивается благодаря социальному опыту, и требует преодоления внутренних и внешних препятствий.

Вывод. Итак, развитие личности специалиста уникальная пирамида линностного роста, которая в своих ступенях включает единство компонентов социальной среды и личностного развития, которые взаимосвязаны. Каждое время воздействует на пирамиду профессионального роста личности. Наши данные можно использовать при переподготовке сотрудников.

1. Петросян Л., Галстян А., Опросник социально-психологической зрелости личности профессионала, Ереван, 2021, 48с.(на армянском языке)

Погосян С.Г.
Севан, АГУ РА

Взаимосвязь креативности и типа принятия решения у будущих управленцев

Креативность, управленцы, принятие решения, оригинальность

В современном мире личность сталкивается с решениями все более сложных, ранее незнакомыми задачами, которые требуют быстрого решения. Но именно как личность принимает решения, как предлагает решения задачи, остается спорным вопросом. Сегодня все мы сталкиваемся с тем, что уже не применимы старые методы решения проблемы, нужны новые подходы, новые решения, новые формы мышления. Быстрые темпы изменения во всех сферах привели к тому, что креативность стала необходимым, но часто не использующим качеством личности. Креативность стала краеугольным камнем, благодаря которой личность может не только сопротивляться, реагировать на современные изменения и вызовы, но и создавать новые средства существования. Она позволяет преодолевать неопределенные ситуации, ставшие спутником современного человека. Мы считаем, что креативность- это системное качество, наличие которого позволяет личности воспринимать новое, видеть альтернативы, освобождать мысль от «кабалы», предлагать новые и уникальные решения проблемы, идти на риск, принимать различные решения, формулировать условия окружающей среды. И как взаимосвязаны креативность и тип решения проблемы, еще недостаточно исследовано.

Цель исследования выявить взаимосвязь креативности и типа принятия решения.

Метод. В исследовании приняли участие 45 будущих управленца. Мы в наших исследованиях основываемся на психометрическом подходе, то есть креативность можно измерить с помощью выделенных критериев. Применяли метод тестирования, использовали методику творческого мышления Ф. Вильямса для выявления критериев креативности и уровня креативности [1], так же Мельбурнский опросник принятия решения (адаптированный в ЕГУ РА). Провели корреляционный анализ по Пирсону.

Результаты. Результаты исследования креативности будущих управленцев показал, что у них высокий показатель креативности(M=87), также высокие показатели беглости (M=12), гибкости (M=8), оригинальности (M=27), а разработанности (M=20) и названия (M=20) выше среднего. Результаты типа принятия решения показали, что у будущих управленцев высокие показатели бдительности (M=18) и сверхбдительности (M=15). Обнаружены значимые отрицательные корреляционные связи между прокрастинацией и оригинальностью ($r=-0.500$, $p<0,001$), разработанностью ($r=-0.348$, $p<0,01$), названием $r=-0.413$, $p<0,001$), креативностью ($r=-0.516$, $p<0,001$), то есть насколько управленцы предлагают оригинальные, новые идеи, разрабатывая и совершенствуя их, творчески ,используют язык, у них высокий уровень креативности, настолько они не откладывают реше-

ния. Интересна корреляционная связь между названием и избеганием (r=0.339, p<0,01), то есть насколько управленцы творчески используют язык творчески, настолько они избегают самостоятельно принимать решения, перекладывают ответственность на других.

Вывод. На основе полученных данных можно заключить, что при высоком уровне креативности управленцы не откладывают решения, они ответственно принимают его. Наши данные еще раз подтверждают, что нужно развивать креативность управленцев, что и может способствовать принятию быстрых решений, не откладывая их на потом.

1. Туник Е. Е., Модифицированные креативные тесты Вильямса. СПб., Речь, 2003, 96с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта №21Т-5А103

Руднова Н.А.
Пермь, НИУ ВШЭ

Регуляторные особенности сотрудников с разным уровнем контрпродуктивного поведения

Саморегуляция, программирование, моделирование оценивание результатов, контрпродуктивное поведение

Согласно недавним исследованиям факторов производительности труда, в десятку наиболее значимых вошли и социально-психологические показатели (Лейберт и др., 2015). К ним можно отнести «комплекс действий и поступков работников в социально-экономической системе (организации), складывающихся под влиянием субъективных и объективных факторов, возникающих в сфере труда, и определенным образом влияющих на результаты совместной трудовой деятельности» — организационное поведение (Клименко, Шупило, 2014).

Ряд форм организационного поведения может быть охарактеризован как деструктивный — прогулы, абсентеизм, хулиганство, употребление различны запрещенных веществ на рабочем месте и т.д. Некоторые авторы называют его девиантным (Гулевич, 2013). Современными авторами выделены особенности поведения сотрудников, которые не выделяются интенсивностью, однако способны снизить эффективность труда — обсуждение негативных аспектов работы с коллегами или друзьями, фиксация на проблемах и неурядицах на рабочем месте. Подобное поведение, наносящее ущерб благополучию организации определено как контрпродуктивное (Koopmans и др., 2011).

Учитывая, что подобное поведение может наносить репутационный и экономический ущерб и организации, и сотруднику, можно предположить, что лицам, демонстрирующим его, не свойственны высокие показатели саморегуляции, как способности инициировать и управлять своим поведением (Моросанова, 2013).

Для проверки данной гипотезы было проведено исследование, в котором приняло участие 311 человек в возрасте от 18 до 61 года (M=34,3 SD=10,9), 53% — женщины. Данные собраны с помощью опросника «Индивидуальное выполнение работы» (Koopmans et al., 2011) и сокращенного варианта опросника ССПМ В.И. Моросановой (2013).

Показатель контрпродуктивного поведения отрицательно связан со всеми функциональными компонентами саморегуляции (rпл=-0,13 p=0,05; rм=-0,37, p=0,001; rп=-0,3, p0,001; rо=-0,37, p=0,001). Дисперсионный анализ выявил, что в отличие от лиц, оценивающих свое контрпродуктивное поведение как выраженное (Мм=1,96; Мп=3,1; Мо=2.12), лица с низкими (Мм=3,15, t=5, p=0,001; Мп=4.2, t=4,3, p=0,001; Мо=4,07, t=6,5, p=0,001) и средними (Мм=2,82, t=4,71, p=0,001; Мп=3,76, t=3,37, p=0,05; Мо=4.44, t=5,76, p=0,001) оценками выраженности контрпродуктивного поведения демонстрируют значимо высокие показатели

Моделирования (F=14,6, p=0,001), Программирования (F=9,66, p=0,001) и Оценивания результатов (F=23,5, p=0,001).

Можно заключить, что лица, демонстрирующие контрпродуктивное поведение не владеют навыками саморегуляции в полной мере. Им достаточно сложно выявлять и учитывать внешние и внутренние условия, которые могут помочь или помешать в достижении поставленной цели. Также они могут испытывать сложности при детализации программы реализации цели, могут затрудняться в выборе корректных способов действий, либо не вносят изменений в программу действий при очевидных помехах и препятствиях. Можно допустить, что они не критичны к себе и результатам своих действий, не склонны соотносить имеющиеся результаты с конечной целью и не имеют четких критериев оценивания собственной успешности.

1. Лейберт Т.Б., Гайфуллина М.М., Халикова Э.А., Земцова В.Д. Оценка факторов, влияющих на динамику производительности труда в отраслях топливно-энергетического комплекса // Экономика и управление. — 2015. — № 3 (125). С. 43-50.
2. Клименко О.И., Шупило О.М. Организационное поведение как фактор управления трудовой деятельностью работников // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2014. — № 1(49). С. 114-120.
3. Гулевич О.А. Контр-продуктивная активность в организации: определение, виды, факторы // Организационная психология. — 2013. — №4. С. 49-58.
4. Koopmans L., Bernaards C.M., Hildebrandt V.H. et al. Conceptual frameworks of individual work performance: A systematic review // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2011. № 53(8). P. 856–866.
5. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека — М.: Когито-Центр, 2015

Шевелева М.С.
Пермь, НИУ ВШЭ

Золотарева А.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Профессиональная апатия: роль черт личности и перфекционизма

Профессиональная апатия, апатичные мысли, апатичные действия, адаптивный перфекционизм, дезадаптивный перфекционизм, черты личности

Апатия представляет серьезную угрозу благополучию сотрудников и организаций, тем не менее, данный феномен практически не изучался в профессиональном контексте. Профессиональная апатия определяется как снижение мотивации и интереса к трудовой деятельности (Schmidt et al., 2017). Профессиональная апатия включает апатичные мысли (отсутствие интереса и удовольствия от выполняемой трудовой деятельности) и апатичные действия (отсутствие стремления хорошо выполнять трудовую деятельность). Профессиональная апатия во многом определяет поведение человека на рабочем месте, положительно связана с профессиональным выгоранием, отрицательно коррелирует с вовлеченностью сотрудников (Ugwu et al., 2019), удовлетворенностью от работы и личной инициативой (Zolotareva, 2020). Причины возникновения профессиональной апатии до сих пор не известны. Существует мнение, что формирование профессиональной апатии может быть связано с чертами личности (Alarcon, 2011).

Цель данного исследования — изучить роль черт личности и перфекционизма в формировании профессиональной апатии. В исследовании приняло участие 350 сотрудников российских организаций, из них 56% женщин, средний возраст участников исследования — 39 лет (SD = 9.80). В качестве опросников была использована Шкала профессиональной апатии (JAS; Schmidt et al., 2017), Короткая почти профессиональная шкала(SAPS; Rice et al., 2014), Короткий портретный опросник Большой пятерки (BF-10; Egorova & Parshikova, 2016).

Серия множественных регрессионных анализов указала на то, что возраст, экстраверсия, доброжелательность, открытость опыту были негативными предикторами, а пол и дезадаптивный перфекционизм — позитивными предикторами апатичных мыслей. Возраст, доброжелательность и открытость опыту являлись негативными предикторами апатичных действий на рабочем месте.

Результаты исследования показали, что дезадаптивный перфекционизм тесто связан с апатичными мыслями. Действительно, расхождение между идеальным запланированным и реальным результатом может привести к потере интереса к ежедневной профессиональной деятельности, что является ключевым симптомом апатии (Marin, 1991). Не удивительно, что после изнуряющих безуспешных попыток достичь идеального результата перфекционисты могут чувствовать упадок сил и бессмысленность собственных действий.

Обнаруженные закономерности могут быть использованы в практике психологического и организационного консультирования. Например, возможно учитывать такую черту личности как дедазаптивный перфекционизм в процессе отбора сотрудников, разрабатывать программы менторства и консультирования по развитию карьеры, обеспечивать психологическую поддержку сотрудникам с дезадаптивным перфекционизмом, низкой экстраверсией, доброжелательностью и открытостью опыту.

1. Alarcon, G. M. (2011). A meta-analysis of burnout with job demands, resources, and attitudes. Journal of vocational behavior, 79(2), 549-562.
2. Marin, R. S. (1991). Apathy: a neuropsychiatric syndrome. The Journal of neuropsychiatry and clinical neurosciences.
3. Schmidt, G. B., Park, G., Keeney, J., & Ghumman, S. (2017). Job apathy: Scale development and initial validation. Journal of Career Assessment, 25(3), 484–501.
4. Ugwu, F. O., Onyishi, I. E., Egwu, O. I., Akanu, O. O., Groupson, O., & Agudiegwu, M. (2019). Job apathy and work engagement: Moderating influence of perceived leader integrity and spiritual intelligence in a Nigerian mass transit company. Journal of Psychology in Africa, 29(2), 104-109.
5. Zolotareva, A. A. (2020). A pilot study to assess the psychometric properties of the Job Apathy Scale with Russian employees. Psychology in Russia: State of the Art, 13(3), 51–65.

Белимова П.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Защиринская О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Щеглова Н.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, Йоркский университет

Аспекты включения альтернативной коммуникации в цифровую образовательную среду для детей с легкой умственной отсталостью

Альтернативная коммуникация, символы, цифровая среда, инклюзивное образование, легкая умственная отсталость

Использование цифровых медиа, интерактивных компьютерных программ и веб-приложений является развивающимся направлением в инклюзии, коррекционной педагогике и образовании в целом. С одной стороны, существуют доказательства эффективности внедрения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в образовательную среду детей с нарушениями интеллекта. Вмешательства, проводимые с использованием цифровых устройств, потенциально полезны для исполнительных и познавательных функций при интеллектуальных нарушениях, в социальной и поведенческой сферах, а также академического обучения [4]. С другой стороны, проблема цифрового разрыва (digital divide) [5] в контексте цифровизации современного образования остается нерешенной, так как ИКТ могут рассматриваться и как возможность, и как источник потенциальных барьеров для людей с нарушением интеллекта. В частности, трудности при диагнозе «умственная отсталость» (УО) связаны с вниманием, памятью, восприятием, способностью к обучению, исполнительными функциями, скоростью обработки информации и коммуникативной сферой [1]. Все эти особенности делают учащихся с УО уязвимой группой в рамках образовательного процесса, а также затрудняют взаимодействие с ИКТ.

Многие доступные вспомогательные технологии для людей с нарушениями интеллекта основаны на методах альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК), а именно на графической репрезентации вербальных понятий в виде символов (пиктограмм) [3]. Графические символы, используемые в различных

символьных системах АДК (например, PECS), многообразны в своем графическом выражении. В настоящий момент существует пробел в научно-обоснованном представлении о том, какие параметры графического представления влияют на эффективность интерпретации символов людьми с интеллектуальными нарушениями как отдельной группы лиц с ограниченными возможностями здоровья [2].

Пилотажное исследование фокусируется на особенностях визуального восприятия и понимания невербальных символов (аналогичных семантически, но различных в своем графическом представлении), учащимися подросткового возраста с диагнозом "легкая умственная отсталость" (ЛУО, F70 по МКБ-10). Сравнительное исследование включает 60 участников контрольной группы. Для оценки когнитивных параметров восприятия использовалась технология айтрекинга (60 гц).

С помощью t-теста Стьюдента были обнаружены статистически значимые различия успешности соотнесения невербального символа с вербальным референтом в зависимости от уровня интеллекта участников ($p = 0.000$). В среднем, учащиеся с ЛУО испытывают больше трудностей при интерпретации графических символов. Были обнаружены различия в параметрах визуального восприятия в контрольной и экспериментальной группах. При восприятии невербальных графических символов у учащихся с ЛУО в среднем наблюдалось большее количество фиксаций на символах ($p = 0.004$) по сравнению с контрольной группой, а также большая продолжительность фиксаций на символах ($p = 0.000$). Анализ параметров глазодвигательной активности показал, что графическое представление символа влияет на паттерны визуального восприятия в группе обследуемых с ЛУО. Количество фиксаций на символах с более полным цветовым наполением и большим количеством деталей статистически достоверно меньше ($p=0.005$), чем на символах, отображающих вербальный референт более схематично. Обратная ситуация наблюдается относительно длительности фиксаций: общая продолжительность фиксаций на «залитых» символах больше ($p=0.000$), чем на схематичных.

Данные, полученные в результате пилотажного исследования, свидетельствуют о том, что существуют различия в параметрах глазодвигательной активности при восприятии синонимичных невербальных символов, различно представленных графически. Дальнейшие исследования будут направлены соотнесение паттернов визуального восприятия отдельных символов с корректностью их интерпретации подростками с ЛУО.

1. Исаев, Д. Н. Умственная отсталость у детей и подростков. Руководство/ Д.Н. Исаев. — СПб.: Речь, 2003. –391 с.
2. Защиринская О. В., Белимова П. А. Нарушение интерпретации пиктографических систем подростками с легкой умственной отсталостью //Российский психиатрический журнал. — 2022. — №. 1. — С. 46-54.

3. Dada S., Huguet A., Bornman J. The iconicity of picture communication symbols for children with English additional language and mild intellectual disability //Augmentative and Alternative Communication. — 2013. — Т. 29. — №. 4. — С. 360-373.
4. Torra Moreno M., Canals Sans J., Colomina Fosch M. T. Behavioral and cognitive interventions with digital devices in subjects with intellectual disability: A systematic review //Frontiers in Psychiatry. — 2021. — Т. 12. — С. 477.
5. Van Dijk J. A. G. M. Digital divide research, achievements and shortcomings //Poetics. — 2006. — Т. 34. — №. 4-5. — С. 221-235.

Бондаренко Е.В.
Ставрополь, ФГАОУ ВО СКФУ

Першина С.Н.
Ставрополь, ФГАОУ ВО СКФУ

Влияние агрессивности и тревожности на устойчивости к стрессу в учебной деятельности у подростков

Агрессивность, тревожность, устойчивость, стресс, подростковый возраст, подросток, учебная деятельность, стрессоустойчивость.

Актуальность проблемы стрессоустойчивости школьников подросткового возраста и поиск психологических детерминант устойчивости к стрессу в учебном процессе возрастает по ряду причин: особенности подросткового возраста, формирование Я-концепции, приоритет отношений со сверстниками и вместе с тем недостаточная эффективность системы психолого-педагогической помощи и поддержки учащихся в условиях школьного обучения; в частности отсутствие занятий по формированию устойчивости к стрессу и профилактики негативных эмоциональных состояний и проявлений поведения [3]. В настоящее время образовательная система переживает кризис, вызванный различными причинами. Стоит выделить то, что освоение инновационных образовательных технологий, так активно используемых сегодня в образовательном процессе, не всегда положительно воздействует на личность подростка [1]. Следует признать, что постоянно усложняющаяся школьная программа, зачастую некорректно реализуется в обучении. Всё это способствует увеличению количества стрессовых факторов, которые влияют на эмоциональное состояние как взрослых, так и детей и при этом ставит под угрозу психическое состояние человека [2].

Цель исследования: выявление влияния агрессивности и тревожности школьников подросткового возраста на уровень стрессоустойчивости в процессе учебной деятельности. Объект исследования: стрессоустойчивость подростков. Предмет исследование: особенности влияния агрессивности и тревожности подростков на устойчивость к стрессовым ситуациям. Гипотезы исследования: 1.Устойчивость подростков к стрессовым ситуациям учебной деятельности обусловлена спецификой возрастного развития, гендерными различиями и такими проявлениями как: повышенная тревожность, агрессивность и враждебность.2. Показатели устойчивости подростков в стрессовых ситуациях меняются в период текущей учебной деятельности и в период, предшествующий сдаче экзамена (контрольной работы). Методы и методики исследования: методы сбора и интерпретация теоретического и фактологического материала; сравнительно-сопоставительный анализ отечественной и зарубежной литературы по изучаемой проблеме; тестирование; тест на самооценку уровня стрессоустойчивости Е.Е. Лукашевич, опросник шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера, методика социально-ситуативная шкала тревожности А. Кондаша, опросник Басса-Дарки, при математической

обработке результатов нами использовался метод статистической проверки гипотез t-критерий Стьюдента.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

1. В ходе теоретического анализа по проблемам стресса и стрессоустойчивости были освещены основные особенности этих понятий, подходы к изучению феномена стрессоустойчивости, который мы определили как целостную характеристику личности, обеспечивающую ей устойчивость к стрессогенному воздействию среды.

2. Анализ особенностей становления личности на подростковом этапе показал, что этот период сопровождается как негативными, так и положительными проявлениями в жизни ребёнка. На данном этапе, главным образом, ребёнок стремится занять новую социальную позицию и сформировать к себе отношение как к члену общества. Психика ребёнка в этот период неустойчива, нестабильна, что связано с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь.

3. Были определены основные стрессогенные факторы образовательной среды, такие, как общие и конкретные, обусловленные организацией учебной деятельности; специфические, обусловленные личностными особенностями и профессиональной деятельностью учителя; личностные особенности подростка. Отсюда следует, что учебная деятельность является стрессогенной по своей природе, для подростка в том числе.

1. Акарачкова Е.С., Вершинина С.В., Котова О.В., Рябоконь И.В. Основы терапии и профилактики стресса и его последствий у детей и подростков//Вопросы современной педиатрии. — Выпуск№3/том 12/ 2013.
2. Андреева, А.А. Стрессоустойчивость как фактор развития позитивного отношения к учебной деятельности у студентов: Дисс . . .. канд. психол. наук / А.А. Андреева. — Тамбов, 2009.
3. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе / М.Р. Битянова. — М., 1998.

Даукша Л.М.
Гродно, ГГУ им. Янки Купалы

Связь интернет-зависимости и духовности студентов

Духовность, нравственность, самоконтрол, надежность, ответственность, правдивость, интернет-зависимость, студенты-психологи

В последнее десятилетие наблюдается цифровизация всех сфер человеческой жизни, включая обучение, профессиональную деятельность, социальные отношения. Новые информационные технологии являются сегодня одновременно и средством, и средой социального развития личности. Однако, длительное использование информационных технологий приводит к отрицательным последствиям, среди которых сужение круга интересов молодых людей, уход от реальности в виртуальный мир и развитие интернет-зависимости. Несомненно, актуальной и значимой в современной психологии является проблема изучения интернет-аддикции студентов. О.А. Попова выявила, что интернет-зависимые студенты более закрыты и обособленны от других в коллективе, конфликтны и отличаются предубеждениями по отношению к людям, они живут только собственными переживаниями, склонны к соперничеству, ревности, агрессии и девиантному поведению в обществе [1].

Целью нашего исследования являлось изучение связи интернет-зависимости и духовности студентов-психологов. Выборку исследования составили студенты факультет психологии УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» в количестве 72 человек в возрасте от 18 до 20 лет. Методы эмпирического исследования — «Шкала Интернет-зависимости» С.Х. Чена с соавторами (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова (2011) [2]; опросник «Духовная личность» — новая версия (ОДЛ-НВ), который разработан Хусейном и Анасом в 2017 г. и адаптирован Г.В. Ожигановой в 2019 году [3]. В качестве методов математической статистики использовался корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты. «Шкала интернет-зависимости» С. Чена позволила обнаружить 34% студентов-психологов с минимальной склонностью к интернет-зависимому поведению, 44% респондентов характеризуются более выраженной склонностью к интернет-зависимому поведению. Выявлено 22% респондентов с выраженным и устойчивым паттерном интернет-зависимого поведения. В результате эмпирического исследования духовности студентов-психологов выявлено 32% респондентов, характеризующихся низкими значениями общего показателя духовности личности, 61% — средними значениями и 7% — высокими значениями общего показателя духовности личности.

Корреляционный анализ позволил обнаружить статистически значимые связи между шкалами опросника «Духовная личность» Г. Ожигановой и шкалами опросника «Интернет-зависимости» С.Чена. Выявлена отрицательная корреляция общего показателя интернет-зависимости и общего показателя духовности

личности (r= — 0,531, p0,05), высокой нравственности (r= — 0,466, p0,05), самоконтроля (r= — 0,385, p0,05), надежности и ответственности (r= — 0,267, p0,05), правдивости и удовлетворенности (r= — 0,478, p0,05). Компульсивные симптомы студентов-психологов отрицательно связаны с самоконтролем (r= — 0,321, p0,05), надежностью и ответственностью (r= — 0,334, p0,05). Студенты-психологи с высоким уровнем симптомов толерантности (по шкале Чена) в меньшей степени характеризуются высокой нравственностью (r= — 0,546, p0,05), самоконтролем (r= — 0,314, p0,05), надежностью и ответственностью (r= — 0,342, p0,05).

Выводы. Студенты-психологи с высоким уровнем интернет-зависимости в меньшей степени характеризуются духовностью, высокой нравственностью, самоконтролем, надежностью и ответственностью, правдивостью, что необходимо учитывать при разработке программ профилактики интернет-зависимости.

1. Попова О.А. Личностные особенности студентов с разным уровнем интернет — зависимости // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5. С. 89 — 91.
2. Малыгин В. Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. Москва: МГМСУ, 2011. 32 с.
3. Ожиганова Г.В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 4. С. 160–176.

Егорова А.В., Асмаковец Е.С.
Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Изменение показателей жизнестойкости и тревожности у учащихся школ подросткового возраста в результате проведения тренинга по диалектической поведенческой терапии

Жизнестойкость, тревожность, Т-критерий Вилкоксона, подросток, учебная деятельность, диалектическая поведенческая терапия.

Жизнестойкость является личностным ресурсом, обеспечивающим не только высокую адаптивность личности, стрессоустойчивость, возможность преодолевать проблемные и кризисные ситуации в подростковом возрасте, но и важной характеристикой, которая обеспечивает саморазвитие и духовно-нравственный рост личности в преодолении проблем (Фоминова, 2012). Проблема низкой жизнестойкости и высокого уровня тревожности подростков в условиях постоянных изменений требований со стороны социума, является актуальной, так она обусловлена не только интенсивностью информационного обмена, ростом информационных технологий, но и требованиями к оперативной адаптации подростка в условиях неустойчивой социально- экономической среды страны, и цифровизации образовательного процесса. Современное общество находится в поиске создания благополучной ситуации развития личности подростка и её самореализации (Одинцова, 2021).

Целью данного исследования является анализ наличия изменений результатов диагностики тревожности и жизнестойкости подростков, в процессе учебной деятельности, в результате тренинговой программы, основанной на методах и техниках диалектической поведенческой терапии. В исследовании участвовало 72 подростка, в возрасте 10-16 лет. Результаты диагностики тревожности и жизнестойкости проанализированы с помощью непараметрического статистического Т — критерия Вилкоксона у подростков. Диагностика тревожности проводилась с помощью методики личностной шкалы проявлений тревоги Тейлора, диагностика жизнестойкости проводилась с помощью теста жизнестойкости С.Р. Мадди (S.R.Maddi) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой. Обработка результатов проведена с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistic.

Результаты исследования. Оценка статистического критерия Т- Вилкоксона, по диагностике тревожности Тейлора равна -6.7, при допустимой асимптотической значимости равной 0, что подтверждает различие результатов диагностики тревожности у подростков до начала провеления тренинга, и после проведения тренинга, онованного на методах диалектической поведенческой терапии. Согласно критерию рангов Вилкоксона, у 63 подростков из 72 присутствует снижение уровня тревожности (ранг Т1МН0) составляет 37.7.

Выводы: получение результаты исследования дают возможность анализа эффективности применения тренингов, основанных на техниках и методах диалектической поведенческой терапии относительно повышения жизнестойкости

и снижения уровня тревожности у подростков общеобразовательных учреждений в условиях учебной деятельности.

1. Одинцова, М. А. Психология экстремальных ситуаций : учебник и практикум для вузов / М. А. Одинцова, Е. В. Самаль. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 303 с. — (Высшее образование). — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/469938 (дата обращения: 10.05.2022).
2. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности. Монография. — М.: МПГУ, 2012. — 152 с.

Защиринская О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Нарушение коммуникации школьников как концепт семейной психотравматизации

Детско-родительские отношения, коммуникативная ситуация, психическая травма, нарушение коммуникации

Психотравматизация в целом ведет к нарушению саморегуляции внутреннего состояния. При раннем возникновении травматического опыта отмечается снижение самосознания, что оказывает влияние на всю жизнедеятельность человека, его ценностные ориентации, представления о мире, а также на формирование непластичных социальных компетенций. Различные исследования детей, переживших психическую травму, выявляют в их поведении целый ряд проявлений немотивированной агрессии, импульсивного поведения, затруднения в установлении и сохранении межличностных отношений со взрослыми и сверстниками. Неспособность регулировать свои эмоции связана с субъективным переживанием чувства опасности и утраты самоуважения. Длительные ситуации злоупотребления детским доверием и нарушения привязанности к самым близким людям обусловливают снижение критичности мышления и несформированность социальных метанавыков

Нарушение коммуникативной ситуации в семье и отношений с матерью являются предпосылками психотравматизации ребенка. Дети не в состоянии полноценно познавать окружающий мир и достигать духовного роста, если их отношения с заботящимися о них людьми ненадежны, дезорганизованы, непостоянны и отличаются пренебрежением к их потребностям. Психические травмы, возникающее в сфере семейных взаимоотношений могут быть носить повторяющийся характер, воздействовать на психику ребенка длительное время. Деструктивные семейные взаимоотношения приводят к возникновению особого вида психотравм детско-родительских отношений. В семье создаются условия, предрасполагающие к кумуляции травматических переживаний и снижению комуникативного потенциала ребенка.

В исследовании принимали участие 44 учителя 1–4 классов общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга, которые оценивали коммуникативную дезадаптацию 353 учеников как последствие их семейной психотравматизации.

Изучение коммуникативных особенности детей позволило выделить 5 факторов.

Фактор 1 (16,5%) — «Ненормативность», которая включала проявления несдержанности, конфликтности, неусидчивости, неорганизованнсти детей.

Фактор 2 (9,7%) — «Коммуникативная перцепция» позволила выявить затруднения у детей при участии в диалогах, понимании человека при визуальном контакте, вежливом обращении к другому.

Фактор 3 (8,8%) — «Коммуникативная направленность» включала такие недостатки в социальном развитии учеников, как безинициативность, отсутствие любознательности, нерешительность, проблемы с личным авторитетом в классе.

Фактор 4 (6,6%) — «Коммуникативная невыразительность» характеризовалась скованностью, скрытностью, конформизмом, неуверенность, сниженной способностью к экспресии.

Фактор 5 (5,2%) — «Коммуникативная реактивность» описывала нежелание детей подчиняться сверстникам, когда они стараются руководит, заставлять других. Данный фактор также включал такие ответы, как «Не способен длительно учиться», «Испытываю трудности в устойчивости и концентрации внимания», «Нет стойкости перед неудачей», «Нет переживания перед важным заданием». Коммуникативные проблемы учеников сочетались со сниженной успеваемостью.

Таком образом, на учебную успешность ученика влияют не только его познавательные способности, но и общение. Школьники с высокой успеваемостью отличаются высокой нормативностью поведения, положительной коммуникативной направленностью и активностью.

1. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике: пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2014. 316 с.
2. Защиринская О.В. Психические травмы межличностных отношений: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 172 с.
3. Наказава Д. Д. Осколки детских травм. Почему мы болеем и как это остановить / пер. с англ. Т. И. Порошина. М.: Издательство «Э», 2018. 336 с.
4. Стрип П. Нелюбимая дочь. Как оставить в прошлом травматические отношения с матерью и начать новую жизнь: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 326 с.
5. Трубицына Л. В. Процесс травмы. М.: Смысл, 2019. 221 с.

Лежнина Л.В., Пиркина В.Г.
Йошкар-Ола, МарГУ

Склонность подростков к девиантному поведению: эмпирическое исследование до и в период пандемии COVID-19

Девиантное поведение, подросток, делинквентное поведение, агрессивное поведение, пандемия

Девиантное поведение подростков является глобальной проблемой современного общества. Зарубежные и российские исследования отмечают высокую распространенность агрессивного и аддиктивного поведения у современных подростков [1,2,3]. Поскольку основными детерминантами девиантного поведения ученые называют внешние факторы, есть основание предположить, что период пандемии мог привести к изменению выраженности склонности подростков к различным видам девиантного поведения. Так, ученые США выявили рост проявлений зависимого поведения, конфликтности, одиночества у подростков во время пандемии [4].

Статья посвящена изучению актуальной проблемы склонности подростков к девиантному поведению. Цель исследования — сравнительное изучение склонности к различным видам девиантного поведения у обучающихся подросткового возраста до и в период пандемии. Эмпирическое исследование было проведено на базе школ Республики Марий Эл и Кировской области (выборка исследования: 2020 год — 793 подростка, 2021 год — 667 подростков). Метод организации исследования — массовое скрининговое обследование. Сбор данных проводился с помощью тест-опросника «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус и А.Г. Соловьева.

Проведенный сравнительный анализ данных, полученных до пандемии в 2020 году и в период пандемии в 2021 году, показал наличие достоверных различий по двум шкалам методики: делинквентное и агрессивное поведение. Большинство опрошенных подростков до пандемии (80,5%) и в период пандемии (75,7%) не склонны к проявлению противоречащих правовым нормам и угрожающих социальному порядку действий. Ситуативная предрасположенность к противоречащим правовым нормам поведению, т.е. возможность совершения под влиянием определенных обстоятельств дисциплинарных проступков и административных правонарушений, была присуща 19% обучающимся до пандемии и 23,4% подросткам в период пандемии. Применение непараметрического метода φ — критерий Фишера показало достоверные различия ($\varphi=2.531$, $\varphi^{*}0.01 \geq 2.31$).

Обучающихся с ситуативной предрасположенностью к агрессии в период пандемии достоверно больше на 5,4%, чем среди опрошенных до пандемии. Подростков с уже сформированным агрессивным поведением, которое может проявляться в виде вербальной или физической агрессии, враждебности по отношению к окружающему, негативизма, дерзости и мстительности в период пандемии на 1% больше, чем до пандемии (1,5% и 0,5% соответственно). Применение

непараметрического метода φ — критерий Фишера также подтвердило достоверные различия ($\varphi = 2.969$, $\varphi^* 0.01 \geq 2.31$).

Полученные результаты подтверждают выдвинутое предположение о влиянии изменившихся в период пандемии условий жизнедеятельности на склонность обучающихся к различным видам девиантного поведения — у российских подростков значимо повысилась склонность к агрессивному и делинквентному поведению.

1. Reisen, A. Bullying among adolescents: are the victims also perpetrators / A. Reisen, M. C.Viana, E. T. Santos-Neto // Brazilian Journal of Psychiatry.-2019. — 9(41). — С. 518-529.
2. Волкова, Е. Н. Профилактика агрессивного поведения детей и подростков в образовательной среде: направления работы на основе результатов исследования / Е. Н. Волкова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2021. — № 4. — С. 715-722.
3. Проскурякова, Л. А. Взаимосвязь девиантного поведения с мотивацией обучения подростков / Л. А. Проскурякова, И. В. Поляков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2022. — № 2. — С. 41-44.
4. Hawes, M. T. Increases in depression and anxiety symptoms in adolescents and young adults during the COVID-19 pandemic / M. T. Hawes et al. // Psychological Medicine. 2021. Vol. 52. № 1. P. 1–9.

Марищук Л.В.
Минск, РГСУ

Джанашиа А.З.
Могилев, МГУ им. Кулешова

Намерения подростков в самовоспитании и формирование действий для их реализации

Намерение, подросток, самосознание, личностная рефлексия, внутренний план действий, самовоспитание, содействие, подсказка

Намерение — самостоятельное психическое образование возникающее в результате целеполагания в новой, непривычной и сложной для человека деятельности, конечная цель которой отложена во времени. Структурно намерение представлено компонентами: интеллектуальным (функция планирования основной и промежуточных целей и действий); эмоционально-волевым (функция побуждения и подкрепления).

В подростковом возрасте развитие самосознания является предпосылкой возникновения новых потребностей в самопознании и самооценке, выступающих основой возникновения намерения в самовоспитании. В его образовании и реализации подростком ключевую роль играют стороны самосознания: личностная рефлексия, внутренний план действий, произвольность (как основа саморегуляции деятельности и поведения).

Рефлексия приобретает направленность на себя, что приводит к потребности в самостоятельности, в том числе в форме самовоспитания с позиций самонаблюдения и самооценивания поступков, действий, общения. Внутренний план действий в соединении с осознаванием себя во времени выступает инструментом планирования и самоотчета действий самовоспитания. Саморегуляция требует волевого «сопровождения», препятствующего девиациям при выполнении плана поведения и деятельности, играя важную роль в сохранении устойчивости намерения в самовоспитании, цель которого отсрочена во времени и предполагает выполнение или возобновление новых, непривычных и сложных действий.

Распространенность намерения подростков в самовоспитании имеет разноуровневый характер: высокий уровень — активное /устойчивое /рефлексируемое самовоспитание подростка осознается им как особая преднамеренная деятельность по самоизменению, вербализируется содержание самовоспитания и промежуточные его цели; средний уровень — промежуточное/неустойчивое (эпизодическое) — методом «проб и ошибок» предпринимался ряд попыток работы над собой, подросток осознает свои неуспехи в значимых сферах жизни и деятельности, но не прилагает волевых усилий к достижению промежуточных целей; низкий уровень — пассивное /случайное/ нерефлексируемое самовоспитание, подросток попыток к самоизменению не предпринимал, намерение

в самовоспитании отсутствует (не вербализируется), его значение подростком не осознается, волевые усилия не прилагаются.

Вовлеченность в самовоспитание взаимосвязана с обоими компонентами намерения: интеллектуальный компонент значимо положительно взаимосвязан с показателями «общая интернальность», «интернальность в области достижений», что объясняется развитием планирующей функцией мышления, рефлексивных действий над выделением наиболее существенных причин успехов; эмоционально-волевой компонент значимо положительно взаимосвязан с показателями «общий волевой самоконтроль», «настойчивость», что определяется развитием волевого процесса, с одной стороны, выступающего предметом самовоспитания, с другой — поддерживается регулярными дисциплинирующими действиями самовоспитания.

Разработанная методика содействия подростку в реализации намерения в самовоспитании представляет собой непрямую подсказку взрослого (Ф.И. Иващенко, 2008; К.А. Славская, 1968; Д. Пойа, 1959). Применяя подсказку взрослый, определяет направление анализа подростком способов реализации намерения, а его осуществление принадлежит ему самому. Подсказка дозируется взрослым в соответствии с уровнем вовлеченности подростка в самовоспитание, либо в зависимости от испытываемых им затруднений: подсказка с минимальной конкретизацией; подсказка с дополнительной частичной конкретизацией; разрешающая подсказка.

Эффективность методики подтверждена результатами значимого повышения уровня интернальности и волевого самоконтроля в экспериментальной группе в естественном формирующем эксперименте. Методика содействия подростку в реализации намерения в самовоспитании с применением подсказки определяет устойчивость намерения на компонентном уровне и позволяет взрослому сохранить аутентичность намерения и самостоятельность подростка в поиске способов его реализации.

Немцов А.А.
Москва, РГГУ

Особенности образа ближайшей жизненной перспективы и профессиональной идентичности у студентов технических специализаций

Студенты, профессиональный выбор, образование, общение, преподаватели, общение, гуманитарные знания, интеллигенция

В 2019-2020 учебном году нам представилась возможность провести социологическое анкетирование в нескольких московских технических вузах: МГТУ, МАДИ и МИРЭА. Мы воспользовались этой возможностью, тем более, что ранее уже проводили сравнительные исследования учебных и профессиональных установок у студентов технических и гуманитарных специализаций. Некоторые из результатов этих исследований были изложены нами в ряде предыдущих публикаций (1,2,3). МГТУ, МАДИ и МИРЭА, в которых проводилось анкетирование, относятся к числу наиболее известных российских технических вузов. Анкета, использовавшаяся в данном исследовании, содержала 36 вопросов и была направлена на выявление представлений студентов о процессе получения высшего образования в связи с реализацией ими своего профессионального выбора. Все вопросы были закрытыми Т.е. студентам предлагался определённый набор альтернативных ответов. Вопросы анкеты могут быть сгруппированы в несколько тематических блоков. В число этих блоков входят следующие: 1. Профессиональный выбор; 2. Профессия; 3. Учёба и образование; 4. Образованность; 5. Профессиональная и личная состоятельность; 6. Преподаватели; 7. Общение студентов; 8. Гуманитарные знания в подготовке инженера; 9. Интеллигенция.

Приведём обобщённые результаты, полученные при использовании раздела анкеты 1. “Профессиональный выбор”. Обозначим общие тенденции, обнаруженные в ответах студентов всех трёх обследованных нами технических вузов. Для этого выделим наиболее часто встречающиеся, популярные и напротив — реже встречающиеся, непопулярные ответы. Мы видим, что студенты преимущественно полагают, что профессию не выбирают на всю жизнь. Причём это мнение у них достаточно устойчиво, и они не склонны испытывать каких-либо существенных колебаний по данному вопросу. Соответственно большинство студентов не считают и лично свой нынешний профессиональный выбор окончательным, хотя здесь они уже не обнаруживают прежнего уровня убеждённости. К числу факторов, предопределивших сделанный к настоящему времени профессиональный выбор, студенты относят предполагаемую материальную выгоду и наличие личной склонности. Соответственно наименее значимыми в этом отношении были популярность данной профессии в молодёжной среде и стремление продолжить семейную традицию. Таким образом можно констатировать, что наиболее значимыми факторами при осуществлении нынешнего профессионального выбора были те, которые потенциально обеспечивают индивидуальное

материальное и психологическое благополучие. Это заставляет предположить, что студенты готовы к тому, что в случае изменения их представлений о связи выбранной профессии с этими параметрами, они с высокой степенью вероятности пересмотрят свой профессиональный выбор. Влияние же на предполагаемое изменение профессии всех остальных факторов, фигурировавших в анкете, в этом смысле малосущественно. При этом видно, что восприятие ожидаемых трудностей на пути реализации профессионального выбора не столь однородно, как мнение по трём первым вопросам данного блока анкеты.

1. Немцов А.А., Кансузян Л.В. Социальные и психологические аспекты профессионального выбора студенческой молодёжи гуманитарных и технических специализаций. Сборник статей. М. 2010 с. 549-563.
2. Немцов А.А. Связь личностных характеристик студентов с их мотивацией получения высшего образования и особенностями восприятия ими преподавателей// Бюллетень науки и практики. Электронный журнал. 2016 №5(6) с. 529-549.
3. Немцов А.А. Восприятие студентами технических вузов высшего образования и его связи с последующим профессиональным становлением.// Бюллетень науки и практики. 2021 Т.7.№2 С. 345-379.

Полещук Ю.А., Черчес Т.Е.
Минск, БГПУ им. М. Танка

Реализация технологии проектного обучения в процессе преподавания дисциплины «психология труда»

Образовательная технология, метод проектов, студенты

Применение современных образовательных технологий на данный момент выступает одной из актуальных задач в реализации компетентностного подхода в учреждениях высшего образования. Одной из таких технологий выступает метод проектов или технология проектного обучения. Проектное обучение трактуется как современная образовательная технология, предполагающая разработку и создание студентом под руководством преподавателя новых продуктов, обладающих практической значимостью [1]. В процессе работы объединяются исследовательские, проблемные, поисковые методы. Обязательным выступает осуществление обучающимися самостоятельных действий и презентация полученного результата [2].

В Институте психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка в процессе преподавания дисциплины «Психология труда» для студентов, обучающихся на третьем курсе, предусмотрена подготовка и защита научно-исследовательских проектов, которая выступает хорошей практикой при подготовке курсовой работы и предшествует ей. Тематика проектов носит выраженный практический характер: «Личностные особенности учащихся и их связь с профессиональным самоопределением при выборе профессии», «Особенности эмпатийности у студентов различных специальностей», «Психологическое благополучие студентов с различным уровнем профессиональной идентичности» и другие [3]. В применяемой нами технологии проектного обучения предусмотрены следующие этапы: организационный, теоретический, диагностический, презентация проекта, апробация и внедрение результатов [3]. Защита проектов проводится публично и представляет собой самостоятельное мероприятие. Результаты наиболее значимых научно-исследовательских проектов рекомендуются к публикации в сборниках студенческих научных работ.

Для изучения отношения студентов к проектной деятельности авторами разработана анкета [3]. В текущем учебном году нами было опрошено 35 студентов третьего курса, обучающихся по специальности «Психология». При реализации совместной деятельности преподавателя и студентов происходит формирование определенных исследовательских компетенций. При оценке умений, которые могут быть затребованы при работе над проектом, студенты оценивали в какой степени данные умения выражены — что студент умел, чему научился и чему еще необходимо ему учиться. В пределах одного умения сумма показателей принимались за 100%.

Умения выделять существенное, главное было отмечено у 86% респондентов, умение анализировать, сравнивать — у 96%, однако умение обобщать, делать

выводы — только у 67% опрошенных. В процессе работы над научно-исследовательским проектом 40% научились воображать, создавать, моделировать, 42% — формулировать научную гипотезу и цель работы, а необходимость научиться планировать и организовывать работу была отмечена у 33% студентов.

В целом, можно отметить, что студенты третьего курса владеют рядом умений, необходимых для того, чтобы начать выполнение научно-исследовательского проекта. Процент студентов, которые приобрели необходимые умения варьирует от 25% до 42%, что создает предпосылки для успешной научной деятельности в рамках предстоящей курсовой и дипломной работы. Студенты высоко оценивают возможность работы над проектом по дисциплине «Психология труда» и отмечают, что данный метод способствует развитию учебной и трудовой мотивации, ответственности, познавательной активности, расширению кругозора, способности заинтересовать аудиторию.

Успешная практика применения научно-исследовательских проектов позволяет рекомендовать более активное внедрение технологии проектного обучения в образовательный процесс университета.

1. Образовательные технологии в вузе : учебное пособие / И. В. Руденко [и др.]; сост. и ред. И. В. Руденко. — Тольятти, 2011. — 288 с.
2. Сивашинская Е. Ф., Пунчик В. Н. Педагогические системы и технологии. — Минск : «Экоперспектива», 2010. — 196 с.
3. Полещук, Ю. А., Черчес Т. Е. Метод проектов как форма активизации профессионального самоопределения студентов-психологов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей. Выпуск 21. В четырех частях. Часть 4. — Минск : РИВШ, 2021. — С. 312-318.

Селезнева Ю.В.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Профессиональные деформации в педагогической профессии: сравнительный анализ личностных трансформаций на примере педагогов дошкольного образования и преподавателей высшей школы

Профессиональные деформации, акцентуации, психологические защиты, доминантность, враждебность

Проблема профессиональных деформаций начинает активно разрабатываться в 80-е годы и остается актуальной до сих пор. Безопасность образовательной среды как один из важных показателей качества образовательной деятельности напрямую взаимосвязан с профессиональным здоровьем педагога. В случае развития профессиональных деформаций сформированный под влиянием профессии профиль негативных характеристик схлопывает реальность, сужает возможности восприятия профессиональных явлений; мир доопределяется внутри заданного коридора, и это влияет на качество труда и снижение эффективности профессиональной деятельности.

Цель исследования — изучение профессиональных деформаций у представителей педагогической профессии на примере преподавателей высшей школы и педагогов дошкольного образования (далее ДО). Методики: «Акцентуаций личности» К. Леонгарда; ИЖС (Life Style Index, LSI) опросник Плутчика-Келлермана-Конте; Диагностика межличностных отношений Т. Лири.

Анализ результатов позволил зафиксировать профессиональные деформации у педагогов со стажем профессиональной деятельности свыше 10 лет (на уровне изменений в количестве и динамики использования психологических защит, акцентуаций характера, особенностей межличностного общения). Педагогическая профессия на общепедагогическом уровне задает общий профиль негативных изменений, обусловленный особой ролью педагога в педагогическом процессе. В результате изучения акцентуаций характера в группе педагогов ДО наиболее выраженными оказались гипертимный (14,8), экзальтированный (15,37) и эмотивный (17,65) типы акцентуаций, а также усиление застревающего и дистимного. В группе преподавателей высшей школы наиболее выражены демонстративный, застревающий, гипертимный, экзальтированный типы акцентуаций. В случае заострения личностных черт застревающий тип акцентуации может проявляться как чрезмерная фиксация на требованиях к окружающим людям, отсутствии гибкости в поведении, трудностях в принятии решений. По мере увеличения времени в профессии увеличивается общая напряженность психологических защит и для педагогов ДО выраженными становятся интеллектуализация, реактивное образование; для преподавателей высшей школы — реактивное образование и компенсация. Так, в случае напряженности ПЗ по типу реактивное образование подчеркнутая забота может быть реакцией на бессердечие; жалость компенсирует

жестокость; застенчивость скрывает варианты демонстративного поведения и пр. Интересно, что преподаватели высшей школы склонны использовать защитные механизмы разного уровня, что может свидетельствовать о возможных вариантах их неэффективного поведения.

С увеличением времени пребывания в профессии у преподавателей высшей школы достоверно значимо обнаруживаются различия по шкалам подозрительный, агрессивный, эгоистичный, наиболее выраженным становится фактор доминирование в противовес подчинению; а также враждебность в противовес дружелюбию. Для них характерна нетерпимость к критике, переоценка собственных возможностей, доминантность, авторитарность (агрессивный тип — 9,07). По шкале подозрительность у преподавателей со стажем выше 10 лет существенно возрастают значения (различия значимы на уровне p=0,0001 при p0,01 по U-критерию Манна-Уитни). Таким образом, здоровая критичность мышления с увеличением профессионального стажа может перейти в негативизм установок, недоверчивость, склонность к критической оценке окружающих.

Основными показателями профессиональных деформаций у педагогов являются изменение выраженности и представленности используемых психологических защит (причем для педагогов ДО характерно смещение от незрелых защитных стратегий к защитам зрелого типа); усиление акцентуаций личностных черт (наиболее выраженной у педагогов ДО становится эмотивный тип акцентуации, у преподавателей высшей школы — экзальтированный и застревающий, что позволяет говорить об их профессиональной обусловленности, а также описать специализированный уровень профессиональных деформаций у педагогов на разных уровнях образования.

1. Болтенков Н. В., Гринько А. А. Профессиональные деформации преподавателей региональных вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. 2022. Том 7. Выпуск 1. С. 83-89
2. Зеер Э.Ф. Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. — М. Академический проект. 2005. — 237 с.
3. Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. — М.: Per Se, 2005. — 135 с.
4. Темнова, Н.С. Файман. Профессиональные деформации в соционических профессиях // Социологический журнал РУДН , 19(1) , 7-19 — 2019-
5. O. Clipa, A.Boghean. Stress factors and solutions for the phenomenon of burnout of preschooltearchers//The 6 th International Conference Edu World 2014 «EducationFacing ContemporaryWorldIssues». 7-9 November 2014.

Фанталова Е.Б.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Значение проективных методик в диагностике эффективности психолого- педагогических занятий у младших школьников

Проективные методики, эффективность диагностики, младшие школьники. коррекционная программа, психологические занятия

До сегодняшнего дня в психологии остаются проблемы, вызывающие противоречивое отношение к использованию проективных методик. Это противоречия: между распространенностью использования проективных методик в детской психодиагностике и недостаточной разработанностью теоретической базы их применения; между простотой их применения и сложностью интерпретации;

Цель настоящей работы — обоснование целесообразности использования проективных методик в психодиагностике детей младшего школьного возраста, участвовавших в занятиях по специально разработанной коррекционной программе, направленной на создание оптимальных психолого-педагогических и социальных условий, позволяющих ребенку успешно адаптироваться в школьной среде. Работа под нашим руководством была выполнена студенткой Е.В.Фуфлыгиной. Применяемая программа имела следующие задачи: разрешение трудностей в поведении; помощь в успешной адаптации ребенка к школе; помощь в формировании у обучающихся умения принимать себя и других; развитие личностной рефлексии; развитие познавательной сферы; развитие коммуникативной сферы; мотивация учащихся к развитию силы воли и самоконтроля. Программа предполагала проведение двух занятий в неделю. Общий курс был рассчитан на 10 занятий. Цикл занятий был разделен на два блока. Блок 1: Мотивационный этап (1 занятие). Блок 2: Реконструктивный этап (9 занятий). Структура занятий: ритуал приветствия, введение в тему занятия, разминочные задания; основная часть: введение нового/закрепление старого, актуализация предыдущего материала, повторение; рефлексия результатов занятия — эмоциональное отреагирование, осмысление.

В эмпирическом исследование приняли участие дети 7-7,5 лет обучающиеся в ГБОУ Школа №809, 1 класс. Всего в исследовании приняли участие 50 детей. Проективный метод использовался для диагностики эффективности проведенных психологических занятий, направленных на формирование самоотношения у младших школьников. Было сформировано 2 группы: экспериментальная — группа (1), где проводились занятия с психологом, и контрольная группа — группа (2), где не проводились психологические занятия. Были использованы методики: методика КИСС. «Методика косвенного измерения системы самооценок (КИСС)» — импрессивная проективная методика, направленная на получение общих представлений о системе самооценки личности. Разработана Е.О.Федотовой (1985) как альтернатива так называемым прямым методам исследования личности; методика «Нарисуй себя» А.М. Прихожан и З. Василяускайте. Тест

предназначен для детей 4-6 лет и направлен на выявление уровня самооценки ребенка; методика «Метаморфозы» Е.Ю.Семеновой. Проективная методика «Метоморфозы» с нашей точки зрения является наиболее удобной для выявления особенностей эмоциональной сферы ребенка; опрос-беседа «Какой Я?» Р.С. Немова. Цель — определение самооценки; методика половозрастной идентификации. Разработана Н. Л. Белопольской и предназначена для исследования уровня сформированности тех аспектов самосознания, которые связаны с идентификацией гендера и возраста.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить следующее: с помощью перечисленных выше методик были исследованы личностные особенности детей младшего школьного возраста, такие как самооценка, самоотношение и половозрастная идентификация. Выявлены достоверные различия в самоотношении и Я-образе младших школьников. У учащихся, которые посещали психологические занятия, в большей степени сформирован позитивный образ Я, позитивное отношение к себе по сравнению с контрольной группой. Общий уровень самооценки у учащихся, посещавших психологические занятия, также выше, хотя достоверных различий не обнаружено. Можно предположить, что развивающая коррекционная система психологических занятий способствует формированию положительной самооценки и позитивного Я-образа. У этих детей достоверно ниже показатели защитного и агрессивного поведения по сравнению с детьми контрольной группы.

Федосеева А.М.
Москва, ИКП РАО

Переживание беспомощности у педагогов с разным опытом работы в условиях инклюзии

Переживание беспомощности, инклюзивное образование, феноменологическое интервью, дети с задержкой психического развития, психологическое благополучие

В ситуации инклюзивного образования педагоги все чаще сталкиваются с необходимостью обучать детей и подростков с разными образовательными возможностями [1, 2]. Те методики работы, которые позволяют учителю быть эффективным с нормотипичными детьми, не приводят к привычному результату во взаимодействии с учениками с ОВЗ. Как следствие, в условиях инклюзии учителя часто переживают состояние профессиональной беспомощности. Наиболее частыми вариантами реагирования педагога на переживание беспомощности являются отказ от взаимодействия (игнорирование, попустительский стиль взаимодействия) или авторитарное давление [4]. К сожалению, такие стратегии взаимодействия приводят к снижению вовлеченности, потере мотивации и у учителя, и у ученика; и, в целом, оказываются причиной снижения уровня психологического благополучия у всех участников образовательного процесса. Задача сохранения психологического благополучия учителя [3] требует изучения паттернов реагирования педагогов в профессионально трудных ситуациях и разработки стратегии психолого-педагогической поддержки педагогов. Данное исследование посвящено выявлению качественных характеристик переживания беспомощности педагогов в профессионально трудных ситуациях.

Для участия в исследовании нами была выбрана категория детей — задержка психического развития как наиболее частотная в условиях инклюзии. В рамках качественной парадигмы исследования мы использовали следующие методы исследования: феноменологическое интервью о трудных переживаниях в обучении учеников с задержкой психического развития; для анализа эмпирических данных использовался метод обоснованной теории [5]. По результатам качественного анализа полученных данных были выделены критерии, описано их содержание. В исследовании приняли участие 22 педагога, работающих в специальных школах (8 чел.), в инклюзивных школах (6 чел.), в общеобразовательных школах со сложным социальным контекстом (8 чел.) с разным стажем — от 1 года до 40 лет.

В результате анализа данных, полученных в ходе интервью с педагогами, были определены ключевые причины, которые усиливают переживание беспомощности у педагогов в области инклюзивного и специального образования детей с задержкой психического развития: ориентация на образовательный результат и ожидание устойчивости (воспроизводимости) знаний и умений; уверенность в прямой жесткой связи образовательных результатов учеников

с собственной профессиональной компетентностью; чувств обиды из-за невовлеченности родителей; невозможность педагогов контролировать детскую агрессивность привычными в общении с нормотипичными детьми коммуникативными стратегиями.

Важно, что темы учителей из специальных школ несколько отличались от переживаний учителей общеобразовательных и специальных, инклюзивных школ. Ключевые различия в переживании ситуаций беспомощности у педагогов специальных и инклюзивных школ, по сравнению с педагогами общеобразовательных школ:

1. Отношения с учениками как приоритетная ценность педагогов в инклюзии, по сравнению с приоритетом ценностью достижения образовательных результатов у педагогов общеобразовательных школ.

2. Ценность отношений принятия у педагогов в инклюзии, по сравнению с переживанием бессмысленности и смирения у педагогов общеобразовательных школ.

3. Переживание важности родителей как участников «образовательной команды» у педагогов инклюзии и переживание отношений с родителями как фактора придания ценности собственным усилиям педагога и получения признания — у педагогов из общеобразовательных школ.

4. Переживание за будущее своих учеников, сложности в расставании при переходе на другую ступень образования. Обращает на себя внимание интенсивность переживаний педагогов специальных и инклюзивных школ, когда они говорят об этом.

5. Запрос на командную работу и дополнительное обучение родителей у педагогов инклюзивных школ по сравнению с запросом на повышение квалификации у учителей общеобразовательных школ без конкретизации запроса.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психолого-педагогического сопровождения (супервизии) учителей, работающих с учениками с ОВЗ.

1. Бабкина Н. В., Коробейников И. А. Психологическое сопровождение ребенка с задержкой психического развития: монография. — М.: Наука, 2020.
2. Коробейников И. А. Нарушения развития и социальная адаптация. М.: ПЕР СЭ, 2002.
3. Рифф, К. Теория и исследования: позитивные основания психологического благополучия / К. Рифф. — М.: Прогресс, 2016. URL:http://www.ereading.mobi (Дата обращения: 16.02.2022).
4. Федосеева А. М., Пирлик Г. П. Феноменология интерсубъектных отношений в жизненном мире человека // Консультативная психология и психотерапия. — 2016. — Т. 24. — № 5. — С. 228–239.
5. Федосеева А. М. Неосознаваемые стратегии педагогического взаимодействия взрослых, блокирующих исследовательскую инициативу у детей // Сборник трудов Международной конференции по исследовательскому образованию школьников «От учебного проекта к исследованиям и разработкам» — ICRES'2020 / Под ред. Д. Б. Богоявленской, А. О. Карпова и др. М.: НТА АПФН, 2020. С. 128 –132.

6. Glaser B. G., Strauss A. L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967, 271p.
7. Ryff C. D, Heidrich S. M. Experience and Well-being: Explorations on Domains of Life and How they Matter. International Journal of Behavioral Development. 1997;20(2):193-206.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00028-22-00

Филиппова Е.В.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Регуляторные предикторы успешности обучающихся в проектно-исследовательской деятельности

Проектная деятельность, саморегуляция, регуляторные компетенции, регуляторные предикторы

Введение. Результаты основного общего образования определены ФГОС и включают предметные, метапредметные и личностные результаты. Предметные результаты образования представлены в итоговой оценке по предметам. Метапредметные результаты оцениваются в части формирования регулятивных, коммуникативных и познавательных универсальных учебных действий. В основу их оценки положена защита индивидуального проекта. Мы предположили, что общая способность к саморегуляции у обучающегося может выступать предиктором успешности в проектной деятельности и способствовать достижению метапредметных результатов образования. Данное предположение основано на исследованиях лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО (Моросанова, Фомина, 2016; Моросанова, 2021).

Методы исследования. Диагностика развития осознанной саморегуляции осуществлялась при помощи опросника «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М)» (Моросанова, Бондаренко, 2020). Опросник позволяет оценить сформированность регуляторных процессов (планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов) и регуляторно-личностных свойств (гибкости, инициативности, ответственности и надежности). Итоговый балл за проект складывался из показателей: оценка за исследование, оценка за планирование работы, оценка за продукт, оценка за рефлексию. Оценки за проекты выставлялись педагогами-экспертами. В исследовании приняли участие обучающиеся 9-х классов (157 чел.) в возрасте от 15 до 16 лет (юноши — 61 %).

Результаты и обсуждение. Корреляционный анализ позволил выявить значимые положительные взаимосвязи показателей саморегуляции с показателем «Итоговый балл за проект»: «Планирование» (p0,05), «Моделирование» (p0,05),«Оценка результата» (p0,01), «Надежность регуляции» (p0,05), «Общий уровень саморегуляции» (p0,05). Итоговый балл за проект положительно коррелирует практически со всеми операциональными регуляторными показателями, кроме показателя программирования. Следующим этапом стало проведение регрессионного анализа с целью выявления значимых регуляторных предикторов успешности выполнения обучающимися проектной работы. В качестве зависимой переменной выступал показатель «Итоговый балл за проект». В полученной регрессионной модели в качестве значимого предиктора выступил регуляторный процесс «Оценка результатов» (β=0,256, p0,001). При включении в регрессионный анализ показателя «Общий уровень саморегуляции» была также получена значимая модель (β=0,233, p0,003).

Выводы

1. Обучающиеся, умеющие выделять значимые условия при решении учебных задач, умеющие правильно оценить полученный результат, обладающие устойчивой регуляцией и имеющие высокий общий уровень саморегуляции, выполняют проектно-исследовательскую работу более успешно.

2. Высокое качество проектно-исследовательской работы обеспечивается высоким уровнем развития такого регуляторного процесса, как оценивание результата. Данный факт важно учитывать при выстраивании педагогического сопровождения проектной деятельности обучающихся.

3. Анализ регуляторно-личностных особенностей учащихся может стать основой для оценки актуальных метапредметных компетенций обучающихся еще до включения их в проектную деятельность, что поможет педагогам правильно выбрать стратегии сопровождения обучающихся.

1. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37.
2. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. В помощь практическому психологу: опросник Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М)» // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 151-172
3. Моросанова, В.И., Фомина, Т.Г. Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов достижения учебных целей // Вопросы психологии. 2016. №2. С. 124-135.

Фоменко С.В.
Санкт-Петербург, ГБДОУ детский сад № 52

Психологические барьеры в выборе родителями инклюзивной модели обучения детей

Инклюзивное образование, равнодушие, дети с ограниченными возможностями здоровья

В основе интенсивно развивающегося сегодня инклюзивного образования лежит идея равенства. Несмотря на ряд плюсов включения детей с нарушенным развитием в систему общего образования, внедрение инклюзии сталкивается с многочисленными барьерами. Среди специалистов и родителей ведется дискуссия о ценности инклюзивного образования в сравнении с системой специального образования. Среди основных барьеров указываются неготовность общества принимать инвалидов, недостаточное финансовое и материальное обеспечение (Шипицина, 2000; Посохова, Белан, 2020). Говорится также о влиянии вида нарушения и его выраженности, несоответствие ожиданий самих обучающихся и их родителей реальным условиям обучения. Наряду с этим, одним из возможных барьеров, выступает равнодушие родителей к актуальным потребностям своих детей. Психологическое содержание равнодушия определяется отношением личности, выражающим отсутствие эмоциональной чувствительности к актуальным потребностям другого человека и отказ в помощи для преодоления критической ситуации [1].

Перед родителями, нередко встает вопрос о выборе образования для ребенка с ограниченными возможностями здоровья, вызывающий столкновение интересов ребенка и родителя. Выбор образовательной стратегии завит от способности родителей объективно оценить и принять уникальность ребенка, независимо от своих ожиданий и возможных неудобств. На практике родители, принимая решение, часто руководствуются обеспечением удобств, а не оказанием реальной помощи ребенку.

В исследовании участвовали родители детей дошкольного возраста (3-6 лет) с общим и темповым недоразвитием речи, моторной алалией и задержкой психического развития — 22 матери от 25 до 43 лет с разным родительским опытом. Проводился структурированный опрос в форме личной беседы. Цель опроса — определить отношение родителей к инклюзивному и специальному образованию и их предпочтения при выборе образования для своего ребенка.

Согласно опросу, при общем положительном отношении наблюдается разнообразие родительских предпочтений в выборе моделей образования для детей, обусловленное разной степенью понимания актуального состояния ребенка, его индивидуальности и особых потребностей. Некоторые родители, стремясь дать ребенку «все самое лучшее», не учитывают интересов и особенностей самих детей. Большую роль в принятии решения играют неудобства и ограничения, с которыми сталкиваются родители. Так, имея детей с темповыми нарушениями речи и общей

интеллектуальной сохранностью, 4 матери отдали предпочтение специальному образованию. По их мнению, этот путь требует меньше затрат. Напротив, имея детей с более сложными речевыми и интеллектуальными нарушениями, 6 матерей предпочли общее образование из-за удобного территориального расположения учреждения или наличия в семье других детей. Меньше половины опрошенных родителей — 9 матерей — выбрали специальное образование, считая, что общеобразовательное учреждение не имеет условий для необходимой коррекции. Только трое из опрошенных считают посещение ребенком общеобразовательного учреждения наиболее оптимальным, даже при имеющихся выраженных нарушениях. При этом они готовы самостоятельно обеспечить его коррекцию.

Таким образом, что не все опрошенные родители способны преодолеть эгоцентризм и действовать в интересах ребенка. Значительная часть предпочла не замечать актуального состояния и потребностей своего ребенка, объясняя свой выбор обучения формальными причинами. Тем самым, родителями демонстрируются основные психологические признаки равнодушия — нечувствительность к актуальным потребностям ребенка и эгоцентризм [1]. Родительское равнодушие может стать причиной дисгармоничности детско-родительской структуры и барьером в выстраивании партнерских отношений между родителями и специалистами.

Фомина Т.Г., Потанина А.М.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Опосредствующие эффекты осознанной саморегуляции во взаимосвязи школьной вовлеченности и академической успеваемости обучающихся

Осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность, академическая успеваемость, медиаторный анализ

Саморегуляция и школьная вовлеченность традиционно рассматриваются как значимые предикторы академической успеваемости. Актуальным на сегодня является изучение их взаимосвязи и особенностей совместной детерминации различных индикаторов успешности обучения (пр., Estévez et al., 2021). Получены результаты, раскрывающие роль саморегуляции как предиктора разных компонентов школьной вовлечённости. В то же время показано, что школьная вовлеченность способствует актуализации саморегуляции обучающихся: учащиеся с высоким уровнем вовлеченности характеризуются более эффективными учебными стратегиями, успешнее справляются с трудностями в обучении, с большей вероятностью достигают поставленных целей.

Исходя из научных представлений, а также на основе уже полученных результатов, мы предположили, что осознанная саморегуляция может выступать медиатором, опосредствующим взаимосвязь школьной вовлеченности и академической успеваемости обучающихся. Целью настоящего исследования являлась верификация данной гипотезы. Школьную вовлеченность мы рассматриваем как устойчивое, направленное, активное участие обучающихся в учебной деятельности и в школьной жизни в целом, включающее проявления поведения, когнитивной и эмоциональной включенности, а также социального взаимодействия. Саморегуляция рассматривается нами как механизм достижения учебных целей, реализуемый посредством определённого класса когнитивно-регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств (Моросанова, 2020).

Выборку исследования составили учащиеся 5-11 классов российских школ в возрасте 10-18 лет (N=1127; 57% — мальчики; M=13,78). Диагностика школьной вовлеченности осуществлялась при помощи адаптированного на российской выборке опросника «Многомерная шкала школьной вовлеченности», позволяющего оценить общий уровень вовлеченности, а также выраженность поведенческого, когнитивного, эмоционального и социального компонентов (Фомина, Моросанова, 2020). Для диагностики особенностей саморегуляции применялся опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности — ССУД-М».

Медиаторный анализ осуществлялся при помощи макроса PROCESS version 4 для SPSS. Использовалась модель с одним медиатором, где в качестве зависимой переменной выступал показатель академической успеваемости (средний бал), медиатором являлся общий уровень осознанной саморегуляции, а в качестве независимой переменной выступали компоненты школьной вовлеченности. Оценка

медиаторных эффектов была произведена с помощью процедуры бутстрепа (N = 5000). Результаты показали значимый медиаторный эффект саморегуляции для всех рассматриваемых моделей: для поведенческой вовлеченности (ab =0.071; SE = 0.017; 95% CI [0.038, 0.105]), когнитивной (ab =0.069; SE = 0.019; 95% CI [0.032, 0.108]), эмоциональной (ab =0.077; SE = 0.014; 95% CI [0.051, 0.104]), социальной (ab =0.079; SE = 0.014; 95% CI [0.053, 0.108]), а также для общего уровня школьной вовлеченности (ab =0.081; SE = 0.020; 95% CI [0.042, 0.121]). Результаты позволяют говорить о наличии значимого медиаторного эффекта осознанной саморегуляции во взаимосвязи всех компонентов и общего уровня школьной вовлеченности с академической успеваемостью. При этом можно констатировать, что наибольший эффект наблюдается в отношении эмоционального и социального компонентов вовлеченности.

Таким образом, полученные результаты вносят вклад в понимание взаимосвязи осознанной саморегуляции и школьной вовлеченности, а также позволяют уточнить различные аспекты их совместного вклада в академическую успеваемость обучающихся.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00470

Цветков В.В.
Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ №463

Выгорание как фактор психологического неблагополучия обучающихся общеобразовательных школ

Выгорание в учебной деятельности, фундаментальные экзистенциальные мотивы, учебная нагрузка

Профессиональное выгорание рассматривается как симтомокомплекс хронической усталости, деперсонализации и редукции своих профессиональных достижений у работника. У студентов это истощение (exhaustion) — ощущение постоянной усталости от чрезмерной учебной нагрузки, цинизм (cynicism) — негативное отношение к учебе, невысокое мнение об учебном заведении и о своем обучении в целом, и эффективность (professional efficacy) — сомнения в собственной эффективности как студента и в своих способностях справляться с учебными задачами [1]. В последнее время появились работы, изучающие феномен выгорания у школьников как невозможность соответствовать высоким требованиям в учебе, связанная с колоссальной нагрузкой на всех этапах обучения, отсутствием поддержки со стороны педагогических работников и родителей, а также дефицитарностью собственных ресурсов у обучающихся [2]. Стоит отметить, что современная система оценки знаний в школе стала дополнительным фактором переживаний, поскольку представляет собой весьма формализованную практику, лишенную дифференцированности и воспитательного компонента. Сама отметка теперь имеет высокую «стоимость» в глазах родителей и детей и создает условия для глубокого переживания своей неуспешности в обучении, которая самопроецируется на личность в целом. Невозможность самостоятельно преодолеть трудности в обучении формирует у школьников выгорание и является показателем неблагоприятного развития личности в период обучения в школе.

Цель исследования — выявить факторы, определяющие выгорание у школьников 4-11 классов в учебной деятельности. В исследовании 2021-22гг приняло участие 722 учащихся школ Санкт-Петербурга.

Результаты: 1. Наиболее частые состояния, которые испытывают обучающиеся в школе. Оценка проводилась среди обучающихся 4, 5, 9, 10, 11 классов (N=196). Выявлены Усталость (82,4%), Сомнение (68,3%), Радость (58,7%), Спокойствие (57,5%) и Тревога за будущее (54,1%). 2. Взаимосвязь «Шкалы выгорания для учащихся» [2] и «Многомерной шкалы удовлетворенности школьника» [3] (МШУЖ) (N=722): Все шкалы МШУЖ имеют отрицательные корреляции со шкалой выгорания (все $p \leq 0.01$): «Семья», «Школа», «Учителя», «Я сам», «Одноклассники». 3. Взаимосвязь «Шкалы выгорания для учащихся» и «Теста экзистенциальной мотивации» [4] (ТЭМ). В данной части исследования приняли участие школьники 9-11 классов (N=362). Все шкалы ТЭМ имеют достоверные различия (все $p \leq 0.01$) между группой с низким и высоким уровнем выгорания (критерий Манна-Уитни).

Для выявления влияния выгорания на экзистенциальную мотивацию был использован факторный анализ (метод Главных компонент, Varimax). В четырехфакторной модели I-й фактор в обеих группах идентичен и включает 5 мотивов. Остальные факторы различаются по количеству включенных в них мотивов (в группе с низким выгоранием некоторые мотивы входят дважды в различные факторы), и по содержанию: они больше взаимосвязаны со всеми четырьмя фундаментальными мотивами — «Фундаментальное доверие» (1ФМ), «Фундаментальная ценность» (2ФМ), «Самоценность» (3ФМ), «Смысл» (4ФМ).

Выводы:

1. Учебная нагрузка играет существенную роль в формировании выгорания у школьников.

2. Удовлетворенность основными сферами жизни школьника (семьей, школой, учителями, самим собой и одноклассниками) при выгорании — низкая.

3. Экзистенциальная исполненность при высоком выгорании у школьников 9-11 классов ниже, что указывает на неблагополучное развитие личности в данном возрастном периоде.

1. Илюхин А.Г. Выгорание в жизни школьников и студентов: причины, последствия и способы преодоления [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 2 С. 117—127.
2. Осин Е.Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 4. С. 57—74.
3. Сычев О.А., Гордеева Т.О., Лункина М.В., Осин Е.Н., Сиднева А.Н. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 5—15.
4. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016. Т. 13. № 4. С. 763–788.

Юсупов М.Г.
Казань, КФУ

Взаимосвязь смысловых структур сознания и саморегуляции психических состояний у студентов 1-го и 4-го курсов обучения

Сознание, смысловые структуры, психические состояния, саморегуляция, студенты

В настоящее время психология саморегуляции поставлена в ряд наиболее актуальных разделов психологии. Навыки самостоятельного управления психическими состояниями позволяют студентам контролировать негативные эмоции, повышая уровень адаптации. Центральным механизмом регуляции выступают смысловые структуры сознания, в связи с чем проблема данного исследования заключается в раскрытии их взаимосвязей с саморегуляцией состояний (Прохоров, 2005).

Нами проведено исследование взаимосвязей личностных смыслов, мотивов и личностных ценностей и саморегуляции состояний студентов первого и четвертого курсов. Показано, что показатели смысложизненных ориентаций студентов как первого, так и четвертого курсов обладают наибольшей включенностью в процесс саморегуляции состояний, что свидетельствует об их высокой значимости в регуляторном процессе. На этом основании их можно рассматривать как структурообразующие в системе взаимосвязей между структурами сознания и показателями саморегуляции.

По результатам исследования вклада личностных ценностей в процесс регуляции установлено, что у студентов первого курса ведущими во взаимодействии с регуляторными методиками являются такие личностные ценности как образованность, жизнерадостность, терпимость, материально обеспеченная жизнь. Отметим, что эти ведущие ценности в основном относятся к группе инструментальных ценностей. Между жизнерадостностью, образованностью и методами регуляции сильная обратная связь, следовательно, чем выше уровень этих ценностей, тем меньше студенты склонны прибегать к регуляции своего состояния. Напротив, между терпимостью, материально-обеспеченной жизнью и регулятивными методами в основном прямая связь. В отличии от первокурсников, у студентов четвертого курса ведущими во взаимодействии с регуляторными методиками являются как терминальные ценности (счастливая семейная жизнь, свобода, уверенность в себе), так и инструментальные (честность, самоконтроль и воспитанность). Обращает на себя внимание включенность ценности самоконтроля в процесс взаимодействия с показателями саморегуляции, что свидетельствует о более высокой значимости саморегуляции для студентов старших курсов.

Исследование взаимодействия мотивов с регуляторными методиками у студентов первого курса позволило выявить их ведущие мотивы — мотив саморазвития, экстернальный мотив и амотивация. Важно отметить, что корреляции мотивации саморазвития и саморегуляции положительные, то есть в этом случае

студенты чаще прибегают к использованию регулятивных методов. В то же время корреляции экстернальной мотивации и амотивации с показателями саморегуляции отрицательны. На четвертом курсе ведущими показателями взаимодействия с регуляторными методиками являются познавательный мотив, мотив достижения, мотив саморазвития и мотив самоуважения. В отличии от первого курса, все эти мотивы имеют прямые статистически значимые связи с эффективностью саморегуляции психических состояний. Наиболее сильные взаимосвязи характерны для мотивации познания и саморазвития ($p<0.01$). Отметим также, что между показателями мотивации и регуляции выявлено достаточно много взаимосвязей, что говорит о существенной включенности мотивационной сферы в процесс регуляции состояний. Качественные и количественные изменения в мотивационных коррелятах саморегуляции состояний у студентов старших курсов (по сравнению со студентами первых курсов) свидетельствуют как о развитии системы саморегуляции студентов с точки зрения ее эффективности, так и соответствия регуляторного процесса ведущим мотивам учебной деятельности.

1. Прохоров, А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А.О. Прохоров. — М.: ПЭР СЭ, 2005 — 352 с.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07072

ПОЛИНАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Веснин А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Конструирование эмоций в интернет-коммуникации через эмодзи или текст: выбор дискурса или личности

Психологическая дистанция, конструирование эмоций, эмодзи, интернет-коммуникация, дискурс, мем

Согласно «теории конструктов разного уровня» Н. Либерман и Я. Троупа (Liberman, Trope, 2008, 2010, 2021) человек использует ментальные конструкты большей абстрактности для решения задач далекой «психологической дистанции», т.е. удаленных во времени, пространстве, социальной дистанции или гипотетичности. Более конкретными категориями он оперирует при решении задач происходящего здесь и сейчас непосредственно с субъектом и наверняка. Данная теория нашла свое подтверждения при конструировании образов памяти, мышления и зрительного восприятия (Liberman, Trope, 2008). Мы бы хотели проверить ее на материале конструирования эмоций. Согласно теории конструирования эмоций Л. Барретт (2018), эмоции — не автоматизированные биологические реакции, мы конструируем эмоции, выдвигая гипотезы о происходящем и о наиболее уместном в этом контексте аффекте. Так одни и те же психофизиологические проявления в одном контексте будут переживаться как страх, в другом как возбуждение. Исходя из контекста мы реконструируем (а не «прочитываем») и эмоции других. Нами была предпринята попытка проследить в какой мере психологическая дистанция будет оказывать влияние на способ конструирования эмоций. Для определенности контекста нами была выбрана аффективно заряженная интернет-коммуникация. В качестве стимульного материала мы использовали актуальные на момент исследования мемы из юмористических пабликов на тему введения экономических санкций по отношению к РФ в феврале-марте 2022.

4 мема отражали общую неудовлетворенность ситуацией, с имплицитным вопросом «что делать?», и по 6 мемов — неудовлетворенность с намеком на ответ на вопрос «кто виноват?». Задачей испытуемых было оставить комментарий к каждому из этих мемов в одном из трех форматов: текстовый, при помощи эмодзи или смешанный.

Зависимой переменной выступал собственно выбор формата конструирования эмоции. Конструкты большей абстрактности операционализировались

через текстовый комментарий выражения отношения, когда собеседнику предлагалось реконструировать его через нарратив, и меньшей — через прямые знаки передачи эмоционального состояния (эмоджи, шаблоны, нецензурная лексика, звукоподражание). В качестве независимой переменной использовалась психологическая дистанция, операционализированная двумя параметрами: а) социальной дистанцией (реакция на мем о «своих» или о «чужих»); при наличии в комментариях явной идентичности; б) временной перспективой (давалась инструкция о том, что комментарий будет «мгновенно» опубликован в паблике, или будет «отложен и опубликован спустя год»). Испытуемые были проинформированы какого рода материал их ожидает и имели возможность отказаться или прервать участие в исследовании на любом этапе. Они решали данную задачу якобы как фокус группа для выявления особенностей влияния юмористических СМИ на эмоциональное состояние читателей. В исследовании приняли участие 88 испытуемых, 38 мужчин и 50 женщин, в возрасте от 17 до 27 лет. Выборка набиралась в социальной сети «ВКонтакте», там же была реализована экспериментальная процедура. Реализовывался как внутригрупповой план исследования, так и межгрупповой. В группу, которым сначала предлагалась инструкция о «мгновенной» коммуникации, а затем процедура повторялась на тех же мемах, но с условием «отложенной» публикации комментариев вошли 43 испытуемых; в группу, начинавшую с инструкции об «отложенной» коммуникации — 45. Результаты: Ведущую роль при выборе инструмента конструирования эмоции сыграл опосредующий фактор (дискурс в котором реализован стимульный материал), роль идентичности была меньше. Значимые различия между процентом текста и эмодзи получены только на стимулах, отражающих дискурс одной из идентичностей, вне зависимости от содержания комментариев. Расширение временной перспективы решаемой задачи (отложенная коммуникация после мгновенной) на уровне тенденции показывает уменьшение смешанного типа комментирования и увеличение процента текстовых ответов.

1. Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2018 — 432 с. ISBN: 978-5-00117-162-1
2. Liberman, N., & Trope, Y. (2008). The Psychology of Transcending the Here and Now. Science, 322(5905), 1201–1205.
3. Trope, Y., Liberman, N. Construal-level theory of psychological distance // Psychological Review. 2010. Vol. 117. P. 440–463.
4. Trope, Y., Ledgerwood, A., Liberman, N., & Fujita, K. (2021). Regulatory Scope and Its Mental and Social Supports. Perspectives on Psychological Science, 16(2), 204–224.

Горюнова Ю.В.
Санкт-Петербург, СПбГИПСР

Предписания и запреты постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей

Постмодернизм, полинарративный анализ личных историй, идентичность, дискурсивные предписания и запреты

Одной из характерных черт современной психологии является сложившаяся на рубеже XX–XXI вв. традиция исследования личности, развивающейся в контекстах истории, культуры, социокультурных изменений. Такой подход позволяет рассматривать личность, жизненный путь которой разворачивается как в контексте взаимодействия с ближайшим окружением, так и в контексте глобального мира, системно и целостно. В условиях современного постмодернистского дискурса и связанного с ним кризиса идентификации такой системный подход является особо важным, поскольку помогает учитывать особенности влияния транзитивности и текучести социальных процессов на формирование личности, предсказывать и предупреждать негативные последствия такого влияния. Исследования предписаний и запретов современного постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей представлены недостаточно, что обуславливает актуальность заявленной темы.

Исследование носит поисковой характер, его цель — изучение содержания предписаний и запретов постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей. Метод: вербально-коммуникативный, респондентам предлагалось написать текст самопрезентации от имени 4-х, 10-ти и 25-летнего человека.

Полученные данные анализировались с помощью контент-анализа, изучались предписания и запреты постмодернистского дискурса, представленные в созданных респондентами текстах, единицами анализа выступили имя, гендер персонажа, валюации, рефлексивные перспективы, социальные институты, социальный статус, идентичность личность, ее статус, временная перспектива. N=35 (Ж 30, М 5), 19-30 лет, проживающие в крупных городах России, имеющие или получающие высшее образование.

Результаты исследования:

1. В 50% ответов респонденток описанные в текстах самопрезентации персонажи были представлены противоположным гендером. Чаще всего тенденция к инверсии гендера обнаруживается при описании персонажа 25 лет. Инверсия гендера среди ответов мужской части выборки не была обнаружена.

2. При упоминании имени персонажа «взросление» имени имело место не во всех текстах самопрезентации, лишь в 30% полученных ответов.

3. Преобладающей рефлексивной перспективой в представленных текстах самопрезентации для персонажей является актерская перспектива, представленная описаниями свойств, социальных ролей, личностных особенностей, социальной репутацией вне зависимости от возраста персонажей самопрезентации. Лишь

один ответ респондента включал в себя элементы актер-агентской перспективы, соответствующей по классификации Д.МакАдамса (McAdams, D. P,2013) уровню мотивированного агента, проявляющегося к 9-15 годам. Ответы остальных респондентов по упомянутой классификации относятся к уровню социального актера, проявляющегося в возрасте с 3 до 7 лет.

4. Преобладающей временной перспективой, вокруг которой строится рассказ о себе является настоящее время.

5. Тексты самопрезентаций имеют ярко выраженный аффективный профиль, при этом тексты презентации от имени 4-летнего ребенка имеют по большей части положительный аффективный профиль, 10, 25-летних персонажей представлены сочетанием положительных и отрицательных аффективных профилей.

6. Преобладающей валюацией текстов самопрезентаций персонажей всех возрастов является тема близости (мотив «O» — Other) (Hermans, H. J. M., 2003).

7. Особенностью валюаций, представленных в текстах самопрезентации 25-летнего персонажа, является тенденция к увеличению негативного аффективного тона по теме близости, а также выраженный негативный тон темы становления (мотив «S» — Self)

8. Идентичность персонажей самопрезентаций складывается через принадлежность к социальным группам (семья, школьный коллектив), через профессиональную деятельность, хобби.

9. Профессиональная идентичность персонажей 25 лет преимущественно не сформирована, имеет негативную аффектацию, прочитывается как недостигнутая.

10. Описания, свидетельствующие о достигнутой профессиональной идентичности, изобилуют упоминанием высокого социального статуса, занятием высоких должностей, высокой оплаты труда персонажей.

На основании полученных данных можно сделать предварительные выводы о том, что к предписаниям постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей можно отнести предписания гедонистического отношения к жизни, сфокусированность на теме близости, высокий социальный статус при ограниченной возможности самодетерминации. К запретам постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей можно отнести запреты на достижение профессиональной идентичности, на самоопределение, самостоятельность в постановке целей и определение средств и инструментов для их достижения, ограничение репертуара идентичностей до уровня семьи, социальных институтов и хобби. Результаты исследования являются предварительными и будут уточнены при расширенном исследовании в дальнейшем.

1. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология. 2006–2007. Т. 3, № 1. С. 7–53.
2. McAdams D. P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author // Perspectives on Psychological Science, 8(3), 2003. P. 272-295.

Исхаков Ф.Р.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Нарратив как часть социальной среды в конструировании функциональной психической организации детей

Задержка психического развития, расстройства аутистического спектра, психическая организация, социальная среда, нарратив

На сегодняшний день как в медицине, так и в психологической науке остро стоит вопрос ранней диагностики задержки психического развития (далее ЗПР) и расстройств аутистического спектра (далее РАС) у детей. Также немаловажной областью научного интереса является поиск способов своевременного и эффективного вмешательства для предотвращения серьезных отклонений в будущем.

Современные исследования имеют расхожие представления о первопричинах симпатокомплекса ЗПР и РАС. Некоторые авторы придерживаются мнения, что первичным является нарушение восприятия, следствием чего становится выпадение целых функциональных пластов психической организации (Максимова, 2008).Помимо идей, представленных выше, популярно мнение последователей бихевиоризма, которые считают главными причинами нарушения поведенческой сферы, эмоционального реагирования и общения (Максимова, 2008).

Исходя из двух представленных точек зрения, мы хотим предложить третью, которая, в некоторой степени, находится между ними. Отметим, что мы предлагаем к рассмотрению социально-психологические конструкты, не распространяя анализ на область биологии и генетики, которые несомненно являются источником многих ответов на вопросы относительно возникновения описанных выше расстройств. Важную роль как в формировании механизмов восприятия, так и поведенческих механизмов является языковая среда ребенка и семантические конструкции, которые он получает из нее. Таким образом, в среде возникают истории разного масштаба, нарратив которых строится посредством взаимодействия субъектов, объединенных общим контекстом.

Центральную роль подобных историй в нарративной теории описывает М. Кроссли (Crossley, 2000; Horrocks et al., 2002). Исходя из этого становится возможным предположить, что ряд функциональных особенностей, присущих нормотипичным детям, могут быть получены только посредством интериоризации нарративов, создаваемых в доступной ему среде. В подтверждение этого тезиса мы можем обратиться к работам Л.С. Выготского, в которых описываются сенситивные периоды как «…динамическое единство биологических и социальных факторов, влияющих на онтогенез ребенка» (Выготский, 1982 с. 54). Мы предполагаем, что в качестве одного из социальных факторов может рассматриваться и нарративная среда.

В свою очередь нарративная среда в главенствующем сегодня дискурсе постмодерна страдает от ряда проблем. Одна из важнейших в числе этих проблем заключается в том, что данный дискурс предоставляет массу возможностей

к оперированию «симулякрами», или же означает отсутствие необходимости овладения субъектом информацией, навыками или построения функциональных связей. Отсутствие такой необходимости обусловлено следующим дискурсивным предписанием: субъекту достаточно заявить об идентичности и ее свойствах, чтобы она была принята как данность без какой-либо проверки. Подобная возможность приводит к формированию «пустой», как обозначает ее П. Кашмен (Cushman, 1990), самости.

Таким образом, мы предполагаем, что обладатель «пустой» самости не имеет возможности выстроить нарративную среду, из которой ребенок в процессе онтогенеза может почерпнуть необходимые семантические структуры и функциональные связи, лежащие в основе социального поведения и навыков, выстраивающихся на его основе.

Опираясь на данное предположение, в будущем мы предлагаем провести исследование по поиску дискурсивных маркеров в нарративной среде родителей, предположительно имеющих влияние на социальный аспект формирования функциональной психической организации детей. Подобное исследование может стать основой создания теоретических и методических рекомендаций для ранней диагностики и последующего коррекционного вмешательства при ЗПР и РАС.

1. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 Т. / Л. С. Выготский. — Москва: Педагогика, 1982. — Т. 2. Проблемы общей психологии. — 504 с.
2. Максимова Е.В. Уровни общения. Причины возникновения раннего детского аутизма и его коррекция на основе теории Н.А. Бернштейна. — М.: Изд-во “Диалог-МИФИ”, 2008. — 288 с.
3. Crossley M. L. Narrative psychology, trauma and the study of self/identity //Theory & Psychology. — 2000. — Т. 10. — №. 4. — С. 527-546.
4. Cushman P. Why the self is empty: Toward a historically situated psychology //American Psychologist. — 1990. — Т. 45. — №.5. — С. 599-611.
5. Horrocks C., Milnes K., Roberts, B. & Robinson, D. (2002) Narrative, Memory and Life Transitions // Huddersfield: University of Huddersfield Press. — 2002. — С. 17-23.

Крейтор Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Валюация «верить и доверять» в нарративах о романтических отношениях как предиктор сверхзависимости или псевдоавтономии привязанности

Валюация, межличностное доверие, романтические отношения, нарратив, автобиография, тип привязанности, верить и доверять, сверхзависимость, псевдоавтономия, женщины

Доверие партнеру и самому себе в современном психологическом дискурсе часто рассматривается как условие психологического благополучия, однако, мы полагаем, что излишний фокус внимания на доверии как ценности в межличностных отношениях может блокировать возможность построения функционального межличностного взаимодействия, особенно если сочетается с установкой на диспозициональное доверие (Weiss et al., 2021). т.е. с убеждением в том, что доверять можно людям с определёнными свойствами и качествами. Согласно социально-психологической теории привязанности (Казанцева, 2011) качество межличностных отношений связано с четырьмя установками на принятие зависимости/независимости от окружающих, включая партнеров в близких отношениях: автономный тип (принимает и зависимость, и независимость), сверхзависимый (принимает только зависимость), псевдоавтономный (принимает только независимость) и дезориентированный (не принимает ни зависимость, ни независимость). Стабильные и удовлетворяющие межличностные отношения проявляются в готовности в какой-то мере доверять партнеру принимать решения за всю семью, но сверхзависимый и псевдоавтономный партнеры вынуждены перепроверять и контролировать меру учета их личных интересов. Желание 100% доверить себя своему партнеру, который не бросит и не подведет, транслируется в рамках сверхзависимого типа привязанности. Обратным полюсом это желание проявляется в псевдоавтономном типе, как 100% недоверие любому потенциальному партнеру и отказ от ситуации потенциальной утраты контроля. Валюация (Hermans, 2018) «доверия» в личной истории о романтических взаимоотношениях, то есть центрирование смысла повествования вокруг данной темы, как мы предполагаем, будет свидетельствовать о недостатке стабильных и удовлетворяющих отношений в настоящем или прошлом, и указывать потенциально на несформированность установки на одновременное принятие и утрату части автономии и готовность к частичной зависимости при расширении идентичности до брачно-семейной группы.

Респонденткам (45 женщин в возрасте от 18 до 47 лет, ср.- 26,2 лет. 33,4% — замужем, 40% — в отношениях, 26,6% — не состоят в отношениях) предлагалось описать в виде небольшого рассказа свою историю романтических отношений. Ориентацию респондентов на развитие отношений или на их предопределённость измеряли при помощи опросника «Имплицитные представления о близких

отношениях» Р. Ни и др. в адаптации Т.В. Казанцевой (Knee et al., 2003; Казанцева и Галеева, 2020). Далее респонденты оценивали свои представления об идеальных романтических отношениях по 12 критериям Шкалы самооценки качества близких отношений (Казанцева, 2011). Результаты исследования: Среди 41 личной истории о романтических отношениях 10 содержали темы с валюациями утраченного, требуемого, обретенного «доверия» к партнеру. Половина (56,25%) историй с валюацией доверия была с отрицательным аффективным тоном близости (О-), и с пессимистическим финалом. Мера удовлетворенности текущими отношениями по параметру «доверия» (различие между имеющимся и желаемым уровнем) по шкале самооценки качества близких отношений была значимо ниже среди респондентов, валюирующих темой «доверия» в нарративе (ср. ранг среди доверяющих = 15,16; ср. ранг остальных = 26,7, U=106,5, p=0.003). Имеющееся доверие в отношениях оценено значимо ниже, чем в группе не валюирующих (U=108, p=0.004), что подтверждает нашу гипотезу о появлении данной валюации как маркера неудовлетворенности позицией в отношениях. Из 16 текстов с валюацией на доверие в 11 были обнаружены установки на сверхзависимость и/или псевдоавтономность, что подтверждает наше предположение о данной валюации как возможном маркере несформированности автономного типа привязанности. Гипотеза о валюации доверия в историях, наррированных через когнитивную схему актерского текста также подтвердилась (Хи-квадрат=8,3, p=0,039). Значимых различий между респондентами, валюирующими в доверие и остальными по параметру фактического статуса отношений не обнаружено.

1. Казанцева Т.В. Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Казанцева Татьяна Валерьевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2011. — 205 с.
2. Казанцева Т. В., Галеева А. В. Опыт отношений с родителями и представления о будущей семье студентов высших учебных заведений //Ананьевские чтения—2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). 2020. С. 49-50.
3. Hermans, H. J. (2018). Society in the self: a theory of identity in democracy. Oxford University Press.
4. Knee C. R., Patrick H., Lonsbary C. Implicit theories of relationships: Orientations toward evaluation and cultivation //Personality and Social Psychology Review. 2003. Т. 7. №. 1. С. 41-55.
5. Weiss A., Michels C., Burgmer P., и др. Trust in everyday life. // Journal of Personality and Social Psychology. 2021. № 1 (121). С. 95–114.

Пикалова Н.В., Зайцева Ю.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

(Не)готовность к изменениям и личные проекты: методика оценки реализованных дел при консервативном стиле отношения к изменениям

Нарративное целеполагание, саморегуляция, регламент, планирование, психодиагностика, стиль отношения к изменениям, стиль идентичности, личный жизненный проект, консерватор

В сфере IT-менеджмента, которые регулярно сталкиваются с инновациями и опытом внедрения инновационных продуктов, не все сотрудники сопровождения IT готовы к данным изменениям. Фокус нашего исследовательского внимания сосредоточен на таких людях — консервативного стиля отношения к изменениям (Битюцкая Е.В., Базаров Т.Ю, 2019;.Базаров Т.Ю, Сычева М.П., 2010, 2012). Целью исследования было на материале естественного планирования и реализации личных жизненных проектов (Литтл, 2015) выявить особенности нарративного целеполагания и планирования консерваторов это сферы. Изначальный дизайн предполагал организацию микролонгитюда, где люди показывали изменения в когнитивной схеме оценки реализованных и запланированных дел, при условии, что им предоставлялась свободная возможность внести изменения в организацию своих личных проектов за исследуемый период в 14 дней («Что вы хотели бы сделать в следующий раз лучше или по другому?»). На первом этапе исследования мы сосредоточились на разработке методики оценки реализованных делах. Методы исследования: опросник Стили реагирования на изменения (Т.Ю.Базаров, М.П.Сычева), метод анализа личных проектов (по Б.Литтлу в адаптации Ю.Е.Зайцевой), опросник стиля конструирования идентичности ISI-5 (М.Берзонский в адаптации Ю.Е.Зайцевой, А.Н. Исаевой, 2015).

Анализ личных проектов предполагал структурированное интервью о трех важных проектах, которые были выполнены за последние две недели, каждое из этих дел анализировалось по следующим параметрам: мера удовлетворенности по завершению (Неудовлетворен/Скорее неудовлетворен /Скорее удовлетворен/ Удовлетворен); насколько трудно/сложно было завершенное дело (легкое и простое / трудное, но несложное / сложное, но не очень трудное / трудное и сложное); насколько завершенное дело важно для других и значимо для вас (важно и значимо / важно для других, но не очень значимо для меня / значимо для меня, но не очень важно для других/ не очень важно и не очень значимо); регулярность завершенного дела (Регулярное, рутинное / Периодическое /Редкое / Уникальное); необходимость или желательность завершенного дела: (Жизненно необходимо его выполнение / Невыполнение принесет много проблем / Это желательно, но не необходимо / Хотелось бы, но это необязательное дело); завершенное дело согласуется с другими проектами или препятствует их реализации: (Легко согласуется с другими проектами / Вполне может быть согласовано с другими

делами и проектами при вкладе усилий в организацию / Плохо согласуется с некоторыми другими проектами, требует серьезного внимания к себе / Препятствует реализации других проектов). В течение двух дней с момента заполнения опросника с респондентом проводится интервью, в котором о его завершенных делах задавались уточняющие вопросы. Замер повторялся через 14 дней. Всего было проанализировано 78 дел.

Выборку исследования составили 23 женщины возрастом от 32 лет до 51 года, из них: 17 проживают в том же городе, в котором родились, 17 имеют на иждивении детей и/или родителей. Почти половина выборки (10 человек из 23) вне связи с соц.-демограф. параметрами имели выраженный консервативный стиль. Была выявлена корреляция (на уровне тенденции) между нормативным стилем конструирования идентичности и консервативным стилем реагирования на изменения (Rs=0,361, P=0,091) и отличия в структуре субъективных оценок реализованных дел и личных проектов у консерваторов. Для неконсерваторов удовлетворенность выполненным делом была тем выше, чем выше была его уникальность. У консерваторов этой связи не обнаруживалось. Сложность дела для неконсерваторов сочеталась со сложностями согласования его с другими проектами, а для консерваторов еще и с его уникальностью. Значимость для других у всех коррелировала с обязательностью выполнения. Неконсерваторы (на тенденции) отмечали для себя более сложные дела на втором этапе, а у консерваторов этой разницы не было. В динамике перехода от первого замера ко второму консерваторы были более стабильны в оценках своих дел.

1. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Социально-психологическая модель стилей реагирования на изменения: феноменология, диагностика и рекомендации // Социосфера. 2010. № 1. С. 15–25.
2. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 12.
3. Битюцкая Е.В., Базаров Т.Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения// Вопросы психологии. 2019.№3. С.94-106.
4. Исаева А.Н., Зайцева Ю.Е. Временная перспектива и смысложизненные ориентации молодых людей с различными стратегиями конструирования идентичности, Тенденции развития науки и образования. Сборник научных трудов по материалам IX международной научной конференции 25 декабря 2015., Изд НИЦ «Л-Журнал», Самара, 2015, 31 — 41. http://ljournal.ru/wp- content/uploads/2016/01/25.12.2015.pdf
5. Литтл Б. Я, опять я и мы/ Б.Литтл; пер. с англ. Ю.И. Герасимчик. — Минск: Попурри, 2015. — 272с.

Степанова О.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Когнитивные функции при различных я-позициях: самотождественность или множественность я при обращении на «ты»/«Вы»

Диалогическое я, когнитивные функции, ошибки, моторная саморегуляция, коммуникативная саморегуляция, я-позиция, психологическая дистанция, теория конструктов разного уровня абстрактности, теория вежливости

В логике исследований лаборатории полинарративной идентичности нами была предложена идея проанализировать меру значимости изменений в когнитивном функционировании при смене коммуникативной я-позиции. Традиционная модель самотождественности я предполагает единство субъекта познания, расщепление же я фиксируется в том числе через многообразие профилей когнитивного функционирования. Модель распределенного и множественного диалогического я Г. Херманса (Valuation theory, Hubert J.M. Hermans, 1991), как и полинарративное направление в психологии в целом, утверждает широкий диапазон нормативной изменчивости поведенческих стратегий и инструментов согласования позиции с контекстом, доступный одному человеку и переключаемый дискурсивно. Интерес к психомоторной саморегуляции в контексте соревновательной спортивной деятельности привел к операционализации решения задачи, совмещающей коммуникативную и моторную саморегуляцию. В качестве основной объяснительной модели была выбрана теория Н. Либерман, Я Троупа (Construal Level Theory, N. Liberman and Y. Trope, 2010) о метакогнитивном характере оперирования информацией различного уровня обобщенности при решении задач, актуализирующих представления о разной психологической дистанции, в качестве альтернативной — Теория вежливости П. Брауна и Левинсона (Politeness theory^ P. Brown & Levinson, 1987). Были поставлены следующие задачи:1. Провести теоретический анализ влияния смены психологической дистанции при разных коммуникативных позициях на саморегуляцию.2. Смоделировать ситуацию смены коммуникативных позиций при решении совместной моторной и коммуникативной задачи. 3. Провести пилотажное исследование для уточнения параметров операционализации успешности саморегуляции при решении задачи из разных коммуникативных позиций. 4. Учесть вмешивающиеся факторы (обучаемости, порядка предъявления, личностных переменных) и нивелировать их влияние за счёт организации процедуры исследования (рандомизации проб, учёт привычной формы обращения, проверка степени влияния в многофакторном дисперсионным анализом). 5. Сравнить количество моторных и коммуникативных ошибок при обращении на ты и на Вы в ситуации совместной соревновательной деятельности. 6. Контекстуализировать полученный результат в рамках теор.модели Херманса о множественном, распространённом я, модели

Либерман, Троупа о психологической дистанции и практической задачи поиска более эффективного взаимодействия тренеров и спортсменов.

Была предложена следующая экспериментальная задача: построение вдвоем карточного домика максимальной высоты при наличии коммуникативной задачи обращения к партнёру на «ты/ Вы». Проверялись гипотезы: 1) Результаты выполнения моторной деятельности из разных «я-позиций» будут различаться, 2) Схема большей абстрактности позволяет больше работать с саморегуляцией, чем более конкретная

В рамках пилотажного исследования участвовали 11 испытуемых, составивших 8 пар. Всего исследование проведено на 48 пробах, рандомизированных по типу задания. Процедура: В течение 1 минуты требовалось построить максимально высокий карточный домик, вербально взаимодействуя в паре при условии обращения другу на ты/на Вы. По 3 пробы на «ты/ Вы» для каждой пары. Фиксировались: Количество моторных ошибок; Количество коммуникативных ошибок (штраф 5 секунд за каждую); Размер построенного домика (количество секций и уровней).

Результаты и выводы: «Я-позиции» разной психологической дистанции актуализируются у испытуемых автоматически; «Я-позиция», из которой выполняется задача, оказывает существенное влияние на результаты моторной деятельности. При одновременном решении моторной и коммуникативной задач, при обращении на «Вы» количество моторных ошибок существенно ниже («ты» — 28,25, «Вы» — 20,75, p-уровень значимости = 0,044); а коммуникативных — выше (ср. кол-во ошибок на «ты» — 18,73; на «Вы» — 30,27, p-уровень значимости = 0,002).

1. Brown P., Stephen C. (1987) Politeness: Some Universals in Language Usage, Cambridge, Cambridge University Press.
2. Hermans H. J. M. The person as co-investigator in self-research: valuation theory //European Journal of Personality. — 1991. — Т. 5. — №. 3. — С. 217-234.
3. Stephan, E., Liberman, N., & Trope, Y. (2010). Politeness and psychological distance: A construal level perspective. Journal of Personality and Social Psychology, 98(2), 268–280.

Хантуев А.А., Зайцева Ю.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Практики студенческой идентичности: полинарративный анализ

Нарративная идентичность, студенчество, профессиональная идентичность, прекарность, постмодерн, психодиагностика, методики, стиль идентичности, элементы идентичности, удовлетворенность опытом, свидетельствование, дискурсивные привилегии / ограничения, фун

Основной вопрос нашего исследования — в чем отличие нарратива студенческой идентичности от нарратива об опыте студенчества, и какова специфика конструирования нарратива профессионального становления в эпоху постмодерна? Предмет исследования: нарративы об опыте студенчества как часть автобиографического нарратива профессионального становления и прекарность (временность) как элемент парадигмы постмодерна [1; 3; 4; 5]. На пилотажном этапе сформирован гайд нарративного интервью. 15 респондентов возрасте от 21 до 83 лет с разным опытом студенчества, технической, гуманитарной и медицинской направленности, столица и регионы России, Казахстана. На основании 20 часов бесед, проанализированных специалистами лаборатории изучения полинарративной идентичности, были определены следующие основные структурные элементы нарративной идентичности и создан гайд структурированного интервью:

1) Свидетельство — Кто знает (знал) вас в качестве студента? Кому было важно, что вы студент? С кем вы взаимодействовали, будучи студентом?

2) Функция — Какие задачи вы решали, будучи студентом? Какие цели ставили? Чем овладели?

3) Ограничения — Чего вы как студент себе не могли позволить? В чем себя ограничивали, будучи студентом?

4) Привилегии — Какие у вас, как у студента, были привилегии? Что по сравнению с другими, вы имели как студент?

Была создана шкала из 9 закрытых вопросов, оценивающих удовлетворенность опытом студенчества:

1. Период обучения в вузе был для вас: (а) одним из трех самых лучших в жизни; (б) положительным опытом; (в) отрицательным опытом; (г) одним из трех худших в жизни.

2. Обучение в вузе было: (а) самое правильное вложение в меня; (б) достойным; (в) чередой ошибок; (г) самой большой глупостью в моей жизни.

3. Время, проведенное в вузе, для меня было: (а) крайне эффективным; (б) продуктивным; (в) незатратным; (г) напрасной тратой времени.

4. Студенчество — это: (а) по-настоящему «мое время»; (б) важная часть моей жизни; (в) просто один из периодов моей жизни; (г) не мое.

5. Я стал тем, кто я есть: (а) благодаря времени, проведенному в стенах вуза; (б) в том числе из-за того, что со мной было во времена студенчества; (в)

не благодаря опыту обучения в вузе; (г) вопреки тому, что было во времена моего студенчества.

6. Мое образование: (а) я ценю свое образование; (б) я в достаточной мере ценю свое образование; (в) мое образование мне скорее не пригодилось; (г) мое образование мне не пригодилось.

7. Опыт обучения в вузе: (а) я с удовольствием повторил бы опыт обучения в вузе; (б) я скорее хотел бы пережить свое студенчество еще раз; (в) сейчас я многое сделал бы по-другому; (г) сейчас бы я сделал все по-другому.

8. Образование в современном мире: (а) я бы хотел, чтобы мои дети получили такое образование (б) я согласился бы, чтобы мои дети получили такое образование; (в) я бы не хотел, чтобы мои дети получили такое образование как я; (г) в современном мире такого образования недостаточно.

9. Когда я учился в Вузе (выберите один ответ): (а) меня хорошо учили; (б) я хорошо учился; (в) я плохо учился; (г) меня плохо учили.

Разработан семантический метод оценки меры принадлежности социальной / профессиональной идентичности студента: понятия «профессия», «образование», «специализация» и «ВУЗ», «факультет (кафедра, отделение, департамент)», «группа, курс». Предлагалось включить в предложения, выбрав одно из притяжательных местоимений: «мой», «наш» или «этот».

По этим показателям на выборке 88 выпускников Вузов разных поколений [6], 38 человек — от 41 до 58 лет, 50 человек — от 21 до 40 были получены значимые различия в структуре студенческой идентичности. Респонденты парадигмы постмодерна демонстрируют отрицательную студенческую групповую самоидентификацию (с ВУЗом, группой, факультетом), средний и низкий уровень приверженности идентичности (ISI-3, Берзонский, [2]), отсутствие стратегий, ориентированных на нормы, правила и предписания, а также иную структуру связей между элементами проф.идентичности. Кач.анализ подтвердил роль прекарности в проф.идентичности.

1. Бейлин М.В., Камбур Н.А. Прекарность как тип жизненной стратегии индивида // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1.
2. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М.Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 12.
3. Стендинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. — Ad Marginem, 2014.
4. Тартаковская И. Н., Ваньке А. В.Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса // Социологический журнал. 2019. №2.
5. Хорошилов, Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83.
6. Howe, N., & Strauss, W. (2000). Millennials rising: The next great generation. Vintage Books.

Шаймарданова Д.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Валюации при решении моральных дилемм у взрослых

Моральное сознание, взрослость, нарративная схема, валюации, микролонгитюд, моральная дилемма, теория Л. Колберга, актуализация дискурса морали, современность, геополитика, постмодерн

Стадиальная теория морального развития Л. Колберга (Colby A., Kohlberg L., et al., 1983) установила границы возрастных норм активного использования при решении моральных дилемм объяснительных когнитивных схем, характерных для различных стадий развития морального сознания. Рядом исследователей (Зайцева, Горюнова, 2021) отмечено, что общий современный контекст исторических и культурных условий отличается от того, в рамках которого разрабатывалась данная теория. Настоящее исследование преследовало три основные цели:

1. Уточнить на современных эмпирических данных границы возрастных норм активного использования при решении моральных дилемм объяснительных когнитивных схем, характерных для различных стадий развития морального сознания по Л.Колбергу у взрослых (пилотажный этап срезового исследования, на материале решения гипотетической дилеммы Л.Колберга «Жизнь против Закона»).

2. Проанализировать роль актуализации в обществе морального дискурса в использовании взрослыми при решении гипотетической моральной дилеммы объяснительных когнитивных схем, характерных для различных стадий развития морального сознания по Л.Колбергу (микролонгитюд январь-май 2022 г, на материале повторного решения гипотетической дилеммы Л.Колберга «Жизнь против Закона» испытуемыми, участвовавшими в пилотажном исследовании).

3. Учесть фактор идентичности (в качестве способности контекстуализировать свою личную историю историей сообществ большего масштаба или культурным мифом, прочитывая себя одновременно как персонажа одной и другой истории) как опосредующий влияние общественного дискурса (в том числе морального) на личный нарратив (объяснительные схемы морального сознания).

Для решения последней задачи нами было проведено феноменологическое исследовательское интервью об изменениях, произошедших в жизни респондента за прошедший период времени (с января по май 2022) и его отношении к ним. А также на обоих этапах замерялась общая удовлетворенность жизнью («Шкала удовлетворённости жизнью» Э.Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, 2003). Конфиденциальность и анонимизация всех ответов респондентов гарантировалась, участие в исследовании было добровольным и информированным. Все участники были совершеннолетними (от 29 до 54 лет). Средний возраст респондентов 39 лет, σ=6,6. Всего на разных этапах исследования в нем приняли участие 74 человека. Все три этапа прошли 20 человек, 3 мужчины и 17 женщин. Образование у всех — высшее, сферы профессиональной деятельности — раз-

личные, хотя на данном этапе своей профессиональной жизни все участники пилотажного исследования проходили повышение квалификации в области психологии.

В ходе исследования было выявлено, что характерные для современных взрослых возрастные нормы использования объяснительных когнитивных схем при решении моральных дилемм, свойственных различным стадиям развития морального сознания по Л.Колбергу, отличаются от возрастным норм, сформулированных Лоуренсом Колбергом по результатам лонгитюдного исследования, проведенного им в 1963-1983 г.г.. Зафиксировано преобладание в выборке 3 стадии морального сознания по результатам каждого из двух замеров (50% при первом замере и 55% при втором замере). При этом в рамках настоящего исследования не отмечено замены данных схем рассуждениями более низкой стадии. Напротив, зафиксирована замена рассуждениями более высокой стадии, как у респондентов, актуализировавших широкую идентичность (40% лиц, проявивших замену рассуждений), так и у не актуализировавших широкую идентичность в рамках интервью (60% лиц, проявивших замену рассуждений). Валюации при ответе на дилемму у респондентов, чья субъективная удовлетворенность жизнью снизилась за этот период, отличаются по временным срезам лишь у двоих респондентов из семи, продемонстрировавших субъективное снижение уровня жизни.

1. Colby A., Kohlberg L., Lieberman M., Fischer K., Saltzstein H. A Longitudinal Study of Moral Judgment. A Longitudinal Study of Moral Judgment, // The University of Chicago Press, 1983, с. 14-28.
2. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна // Петербургский психологический журнал, 2021, № 37., с. 89-132.
3. Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008

Ширяев Д.И., Зайцева Ю.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Диалогические инструменты совладания с ситуациями «несправедливости»

Несправедливость, нарратив, поли-нарративный подход, дискурс, коммуникация, история несправедливости, контекстуализация, энкод, вантала

Взаимодействие в социуме само по себе не является справедливым или несправедливым. Этими характеристиками его «наделяет» нарратор, рассказывающий историю в дискурсе «справедливости» (Sarbin, 2004). Для этого он заостряет внимание своего слушателя на расхождении поведения (отношения) участников ситуации с гласным или негласным социальным договором и (или) правилом распределения вознаграждений и наказаний (Зайцева Ю. Е., 2016).

В основу настоящего исследования легла идея, что совладать с ситуацией несправедливости можно путем ее контекстуализации поли-семантическими ситуационными высказываниями. К таким диалогическим инструментам мы отнесли: Ванталы А. Лебедева, выводящие нарратора из дискурса «несправедливости» (Козлов, 2008). Примеры вантал: «Ни в чем нет твоей вины», «Ветер, пролетая, оставляет за собой разные страны. Но и через много лет там дует ветер»; Энкоды В. Петровского, позволяющие пересмотреть/фальсифицировать инструмент согласования я-позиции, социального предписания и жизненного контекста в рамках дискурса несправедливости (Петровский, Ходорыч, 2018). Примеры энкодов: «Это было ужасно нечестно! Только я могу так делать!», «Умные люди не обижаются, а сразу начинают планировать месть».

Дизайн исследования: Испытуемых просили прочитать 51 историю и выбрать 3 наиболее несправедливые; Оценить степень несправедливости этих 3-х историй (по 11-бальной шкале Лайкерта); Оценить свое аффективное отношение к историям (аффективный профиль отношения к ситуации несправедливости — шкала Г. Херманса (Херманс, 2006)); После этого в экспериментальной группе мы просили испытуемых выбрать наиболее подходящую этим ситуациям ванталу; в контрольной — энкод; Вновь оценить свое аффективное отношение к историям; Вновь оценить степень несправедливости историй.

Выборка. В экспериментальную группу («ванталы») вошло: 26 человек 10 м., 16 ж. Ср. в.: 31, 5. В ней всего оценивался сдвиг по 78 историям. В контрольную («энкоды») вошло: 23 человека 8 м., 15 ж. Ср. в.: 37,2. Всего испытуемыми было оценено 69 историй.

Результаты. Значимо снизилась средняя оценка степени несправедливости историй после контекстуализации энкодами и ванталами (эффект более выражен у вантал: Z-Вилкоксона=-3.034, p=0.002 против Z-Вилкоксона= –2.134, p=0.033 в группе энкодов). Негативные аффективные характеристики валюаций после контекстуализации достоверно уменьшились в обеих группах (эффект более выражен у вантал Z-Вилкоксона = –4.811, p=0.000 против Z-Вилкоксона = –2.791,

p=0.005 в группе энкодов). Более отчетливое снижение позитивных аффективных характеристик валюации близости после контекстуализации энкодами (Z-Вилкоксона = –2.25 p=0.025).

Таким образом, ситуации начали читаться как еще менее отражающие положительные переживания, которые связанны с общностью. В дальнейшем особый интерес представляет более подробное изучение механизма работы вантал. Как диалогический инструмент они, вероятно, ситуативно конструирует такую я-позицию, которая становится несовместимой с дискурсом «несправедливости».

1. Sarbin T. The narrative as root metaphor for psychology // Narrative psychology: The storied nature of human conduct N. Y., 1986. P. 3–21.
2. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. — 2016. — №. 1. — С. 118–136.
3. Петровский В., Ходорыч А. Идеальный аргумент. 1500 способов победить в споре с помощью универсальных фраз-энкодов. Бомбора, М., 2018 г. 400 с.
4. Козлов Н. История одной мистификации, или Рассказы Саши Лебедева /Истинная правда, или, Учебник психолога по жизни. — АСТ, 2008.
5. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации //Постнеклассическая психология.–2006-2007. — 2006. — No. 1. — С. 7–53.

Акопов Г.В., Белоус А.В.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Понятие внутренней коммуникации личности как социально-психологический конструкт

Личность и общество; внутренний диалог; субъекты, формы, средства внутренней коммуникации

Тема внутренней коммуникации личности не является традиционной для социальной психологии. Первое понятийное обозначение соответствующего явления мы находим в книге Т. Шибутани [3]. Понятие внутренней коммуникации личности не используется в современной социальной психологии, хотя обусловленные им явления внутренней атрибуции, внутреннего оправдания, внутренней мотивации и др. широко представлены в когнитивно ориентированной социальной психологии. В рамках темы общения акцентируются вопросы, связанные с внутренним диалогом. Мы определяем понятие внутренней коммуникации личности (ВКЛ) как содержательное объединение понятий: «эгоцентрическая речь», «внутренняя речь» (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др.), «общение с собой» (Л.П. Гримак), «внутренний диалог» (Визгина А.В. и Столин В.В., Г.М. Кучинский и др.) по критерию более или менее отчетливой субъект-субъектной ориентированности релевантных процессов; второй субъект в этой дуальности может быть идеализированным. Исходным психическим процессом, представленным в этих понятиях, является информационный обмен субъекта с самим собой, а на определенных уровнях сознания, также интроспекция и рефлексия. В отсроченных по времени явлениях инсайта, вдохновения, творческого озарения ВКЛ можно идентифицировать по функции предвосхищения, обусловленного механизмами праймэффектов. Во всех случаях, в контексте категории «внутренний мир личности» или «субъективная реальность», основополагающим является вопрос о субъекте осознанной активности, либо ее отождествления с нейромозговыми процессами. В современной науке о сознании этот вопрос ассоциирован с так называемой трудной проблемой сознания (психофизическая и психофизиологическая проблемы), а в философском и психологическом измерениях — с атрибуцией сознания от 1-го либо 3-го лица [1].

Исследование механизмов внутриличностной коммуникации как особого способа самоконтроля, самопознания, саморегуляции, самоотношения и самоопределения во внутреннем и внешнем мирах является приоритетной проблемой

личности не только в аспектах субъективного благополучия, но и в связи с психологическими вызовами глобальной конфронтации, цифровизации, искусственного интеллекта и других направлений изменения образа жизни человека.

Исходными, при разработке инструментального подхода для исследований ВКЛ были определены положения социально-коммуникативной парадигмы и соответствующей модели сознания [2]. При этом на индивидуальном уровне в качестве коммуникативных средств могут выступать все знаковые формы, социально актуализированные или порожденные (интериоризованные) в процессах межсубъектных и иных социальных взаимодействий.

Соучастником внутренней коммуникации личности может быть реальный или виртуальный партнер по общению. Воображаемым субъектом часто выступает другой образ себя, образы реальных людей (более или менее значимых для субъекта), а также вымышленные собеседники (в ситуациях психологического исследования это может быть интервьюер, использующий данный опросник). Можно предположить, что с помощью «воображаемого другого» (второе Я, референтный субъект и т.д.) или воображаемого «близкого реального человека», личность осуществляет апробацию желаемого отклика, ответа, действия и т.д. в контексте текущей ситуации, или «оправдания» прошедшей ситуации, или зондирования будущей. Однако, реальная ситуация очень часто не оказывается такой же, какой она была воспроизведена в коммуникативном сознании, то есть личность способна реализовать один из многих вариантов целого спектра актуально проявляемых во внутренней коммуникации форм ситуативных знаний, переживаний, мыслей и проектируемых поступков.

1. Акопов Г.В. Категория сознания в современной психологии. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019. — 278 с.
2. Акопов Г.В., Белоус А.В. Внутренняя коммуникация личности: типы сознания и осознания // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021 Т.1. №2. С. 79-85.
3. Шибутани, Т. Социальная психология. — М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 538 с.

Альперович В.Д.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Взаимосвязи ментальных репрезентаций и интерпретативных репертуаров восприятия личностью разных партнеров по общению

Ментальные репрезентации, социальные представления, фреймы, интерпретативный репертуар, метафоры, нарративы

В социальной ситуации транзитивности, включающей в т.ч. пандемию коронавируса, новое звучание приобретает проблематика значимого события жизненного пути личности — явления, обусловливающего динамику образов других людей и стратегий взаимодействия с ними. В отечественной психологии подобные трактовки этого феномена восходят к работам Б.Г. Ананьева и представителей его школы. Б.Г. Ананьев рассматривал его как со-бытие (совместное бытие с Другими), воплощающее трансформации особенностей общения и отношений субъекта с другими людьми.

Значимые макро- и микросоциальные события и ситуации отражаются в индивидуальном и коллективном восприятии сквозь призму интерпретативных репертуаров (оценочных вербальных конструкций). Вслед за Дж. Поттером и М. Уэзерелл, в современной психологии проводятся исследования интерпретативных репертуаров разных феноменов, например, медицинских практик, организационных инноваций, старости, дискурсивных практик членов вег-сообществ [2]. Ментальные репрезентации выступают результатами процессов концептуализации и категоризации, которые обусловливают интерпретативные репертуары, поскольку последние имеют объяснительную функцию. Это индивидуальные когнитивные схемы, определяющие способы восприятия социальных и пространственно-временных объектов [4]. Системы ментальных репрезентаций образуют социальные представления [5]. Ментальные репрезентации отчасти воплощаются во фреймах [3] (вербализованных когнитивных структурах, формирующих стереотипные образы социальных ситуаций и отражающих ключевые понятия, обозначающие объекты социальных представлений).

Результаты авторских эмпирических исследований, иллюстрирующих данные положения как авторскую теоретическая модель когнитивных структур в интерпретативных репертуарах восприятия «своих» и «чужих» людей в метафорах и нарративах, более подробно рассмотрены в наших статьях. Системы ментальных репрезентаций в содержании социальных представлений воплощаются в дифференцированных образах «своих» и «чужих» людей (например, «помощник / агрессор», «единомышленник / противник» и т.д.). Фрейм «чужого» подразумевает «известные» либо «неизвестные» характеристики «чужого»: «свои» люди либо могут превратиться в «чужих» людей и наоборот, либо им противопоставляются. Изменчивые характеристики социальных ситуаций взаимодействия с этими партнерами по общению составляют «слоты» фреймов. Ожидания

участников исследования относительно социальных ситуаций, в которых «свои» и «чужие» люди демонстрируют различное поведение, отражены «скриптами» фреймов в нарративной форме. Посредством метафор разных видов респонденты обозначали социально-психологические свойства «своих» и «чужих» людей.

Таким образом, результаты авторских эмпирических исследований, в которых показаны субъективные интерпретации событий и ситуаций общения со значимыми партнерами («своими» и «чужими» людьми), иллюстрируют теоретические положения, разработанные Б.Г. Ананьевым, о влиянии «переломных» жизненных событий на изменения в развитии, характере и образе жизни личности.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
2. Ариф Э.М. Культурные репертуары питания в молодежном вег-сообществе (кейс Санкт-Петербурга) // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 119-126.
3. Радина Н.К. Прикладная герменевтика социального пространства: фрейм, идентичность, автобиография // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 4 (36). С. 126-139.
4. Степашкина В.А. Соотношение концептов «ментальная репрезентация» и «образ мира» в психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 86-88.
5. Трофимова Ю.В. Соотношение понятий «ментальные репрезентации» и «социальные представления» как методологическое основание изучения этнической идентичности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7. С. 169-173.

Антипина С.С., Микляева А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им.А.И. Герцена

Взаимосвязь киберагрессии и стратегий поведения в конфликтных ситуациях у подростков

Подростки, киберагрессия, стратегии поведения в конфликте, мотивы киберагрессии

Введение. Сегодня интернет становится одним из ведущих средств коммуникации подростков. Он привлекает их своей анонимностью, сложностью идентификации личности, отсутствием регламентов и ограничений во взаимодействии. Эти особенности интернета определяют риск возникновения деструктивной коммуникации в онлайн среде. Деструктивное поведение подростков при онлайн-общении вызывает обеспокоенность в связи с тем, что коммуникативные онлайн-риски наиболее травматичны именно в этом возрасте [2]. По данным исследований, наиболее распространенным коммуникативным риском для подростков является киберагрессия.

В настоящее время широко исследуются сущность и причины агрессивного поведения подростков в интернете. Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязей между склонностью к различным типам киберагрессии и стратегиями поведения подростков в конфликте. Формы киберагрессии выделены на основании типологической модели киберагрессии К.С. Рунионса, описывающей их через соотнесение мотивационных целей (инициативные и ответные) и способности к поведенческому самоконтролю (импульсивные и произвольные) [4].

Материалы и методы. В исследовании приняло участие 325 подростков в возрасте от 11 до 16 лет (48% девочек). Оценка склонности к киберагрессии осуществлялась с помощью опросника «Типология киберагрессии» [1], стратегии поведения в конфликте — «Теста описания поведения» К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной). Для статистической обработки использовались корреляционный (r, коэффициент Пирсона) и регрессионный анализ.

Результаты. Различные типы киберагрессии у подростков объединены друг с другом тесными положительными связями ($0{,}37 \le r \le 0{,}8$, $p \le 0{,}01$). Склонность к киберагрессии связана со всеми способами поведения в конфликте, за исключением сотрудничества. Положительно коррелирует с мотивами киберагрессии соперничество ($0{,}12 \le r \le 0{,}19$, $p \le 0{,}01$), отрицательно — компромисс ($r = -0{,}12$, $p \le 0{,}05$) и приспособление ($-0{,}19 \le r \le -0{,}12$, $p \le 0{,}01$). Избегание положительно связано с импульсивно-инициативной киберагрессией ($r = 0{,}15$, $p \le 0{,}01$). Произвольно-ответная форма киберагрессии не связана с изучаемыми формами поведения. Регрессионный анализ позволил получить статистически значимые регрессионные модели для каждого мотива киберагрессии за исключением произвольно-ответной. Приспособление и компромисс являются факторами защиты от инициативных форм киберагрессии и киберагрессии в целом ($0{,}042 \le r2 \le 0{,}07$, $p \le 0{,}001$), а сопер-

ничество — фактором риска импульсивно-ответной киберагрессии (r2=0,036, p≤0,001).

Выводы. Таким образом, подростки чаще используют в Сети агрессивное поведение как метод разрешения конфликтов, будучи включенными в киберагрессию, отвечая на провокации других пользователей, что соотносится с результатами других исследований [3]. Те подростки, которые стремятся сгладить разногласия, принося свои интересы в жертву, уступают ради справедливого исхода, реже проявляют киберагрессию. Следовательно, программа профилактики киберагрессии должна включать мероприятия, стимулирующие способность к конструктивному разрешению межличностных конфликтов.

1. Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. №1. С. 113–122.
2. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: Учебно-методическое пособие. — М.: Когито-Центр, 2019. — 176 с.
3. Garaigordobil M. Conducta antisocial: conexio´n con bullying/cyberbullying y estrategias de resolucio´n de conflictos // Psychosoc Interv. 2017. Vol. 26. P. 47–54.
4. Runions K. C., Bak M., Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ) // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. P. 74–84.

Работа выполнена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Минпросвещения России (проект № FSZN-2020-0027)

Балева М.В.
Пермь, ПГНИУ

Негативное пре-стимульное воздействие как фактор предвзятого восприятия Другого

Социальная перцепция, личностная валентность, пре-стимульное воздействие, аттитюд

В рамках когнитивной парадигмы существует большое число дуалистических теорий, которые характеризуются функциональным подходом к процессам переработки информации [5]. Они предполагают интерпретацию обнаруженных закономерностей с позиций адаптационной динамики, обусловленной эффектами фрейминга или — более широко — общим контекстом ситуации. В последние годы фокус исследований когнитивных процессов заметно сместился с классического анализа прямых стимульных воздействий на «побочные эффекты» дополнительных контролируемых переменных. Более того, имеется тенденция такого планирования экспериментальных процедур, при котором основной стимул выполняет лишь вспомогательную роль, а собственно предметом исследования становятся элементы «фонового шума». Классические эффекты оценочного обусловливания, а также фрейминга, прайминга, дистракции и др. рассматриваются как частные проявления общего фактора пре-стимульного воздействия [см.: 1, 2]. Исследования «фонового шума» позволяют иначе взглянуть на интерпретацию закономерностей процессов мышления, памяти, восприятия, а в сфере социальной психологии — на механизмы формирования аттитюдов. Это открывает перспективу не только создания более точных концептуальных схем, но и предсказания поведения, а также целенаправленного управления им. В то же время в имеющихся данных содержится немалое число противоречий. Так, например, открытым остается вопрос о механизмах ассимиляции и контраста, которые выражаются в изменении восприятия целевого объекта в направлении, совпадающем с пре-стимульной категорией или противоречащем ей [3, 4].

В ходе экспериментально сконструированного самопрезентационного видеоинтервью исследовались эффекты пре-стимульного воздействия на восприятие «хорошей», «плохой» и амбивалентной личности (целевого объекта). В качестве пре-стимулов выступали экстремально положительные и экстремально отрицательные персонажи. В исследовании приняли участие 1070 студентов от 17 до 35 лет (M = 20,26, SD = 1,29), из них 274 мужчин (26%) и 796 женщин (74%). Обнаружено, что пре-стимульный образ, обладающий высокой выраженностью «темных черт», сдвигает в позитивную сторону оценки амбивалентного и (частично) «хорошего» Другого. Экстремально позитивный пре-стимульный персонаж не обладает аналогичным эффектом. Полученные результаты имеют важное практическое значение в сфере управления впечатлением и могут использоваться в сфере образования, масс-медиа, маркетинге для создания предсказуемых перцептивных эффектов.

1. Костригин А.А., Петренко В.Ф. Оценочный прайминг как перспективный метод анализа бессознательных личностных установок: обзор зарубежных исследований // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1(112). С. 132–147.
2. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2005. № 3. С. 86–97.
3. Green L.J.S., Luck C.C., Gawronski B., Lipp O.V. Contrast effects in backward evaluative conditioning: Exploring effects of affective relief/disappointment versus instructional information // Emotion. 2021. № 21(2). P. 350–359.
4. Moran T., Bar-Anan Y. The effect of object-valence relations on automatic evaluation // Cognition and Emotion. 2013. № 27(4). P. 743–752.
5. Strack F., Deutsch R. The duality of everyday life: Dual-process and dual-system models in social psychology // M. Mikulincer, P.R. Shaver, E. Borgida, J. Bargh (Eds). APA handbook of personality and social psychology, Volume 1: Attitudes and social cognition. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2015. P. 891–927.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ и Пермского края, проект № 20-413-590001

Богославская А.А., Зиновьева Е.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Жизненные цели в жизненном сценарии феминисток

Жизненные цели, жизненные сценарии, феминистки

Жизненные цели являются основополагающим конструктом жизненного сценария [1]. В исследовании Olivia E. Atherton выявлено, что жизненные цели влияют на жизненный сценарий индивида, охватывая большие промежутки жизненного пути [4]. Жизненные цели и жизненные сценарии могут отличаться в зависимости от идентификации человека с определенной идеологией и присваиванием себе ее смысловой сущности. В качестве такой группы может выступать идеология феминизма. Отсутствие исследований, посвященных жизненным целям в жизненном сценарии феминисток, затрудняет понимание феномена феминизма и формирования образа современной феминистки без опоры на стереотипы [2]. Освещение данной проблемы стало целью нашего исследования.

Для определения содержания жизненного сценария и главных жизненных целей был модифицирован «Опросник жизненных моделей» [3]. Для глубинного выяснения жизненных целей была использована методика незаконченных предложений Rayne — Ronde, а также опросник базовых ценностей Шварца. В исследовании участвовало 117 женщин. С помощью авторской анкеты. они были разделены на три группы (активные феминистки (n=42, средний возраст — 26 лет, σ=8,6), неактивные феминистки (n=38, средний возраст — 29 лет, σ=7,7) и нефеминистки (n=37, средний возраст — 32 лет, σ=9,2)) в зависимости от идентификации / не идентификации себя с феминистками и участию / не участию в акциях в поддержку движения. Обработка данных: однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ, факторный анализ, критерий Хи-квадрат.

Были выявлены различия (p0.05) по трём жизненным сферам — отношений, персональной и профессиональной. Обе группы феминисток не ставят перед собой цели создать семью и родить детей. Активные феминистки уделяют большое значение принесению пользы обществу, распространению своих идей и карьере. Неактивные феминистки сосредоточены на личностном росте, находятся в постоянном самоизменении, осваивают новые навыки. Нефеминистки в большей степени ориентированы на самореализацию в семье. Метод незаконченных предложений показал, что активные феминистки рассматривают семью как опору и поддержку себя, но, в тоже время, рождение детей не является важной целью для них. Опросник Шварца выявил различия (p0,01) по шкалам «Самостоятельность Мысли», «Традиция», «Забота о других», «Забота о природе». Обе группы феминисток стремятся изменить мир под свои взгляды ради равенства, справедливости и экологичности. Нефеминистки в большей степени привержены к сохранению традиций.

Кластерный анализ позволил выделить два жизненных сценария феминисток по приоритетным жизненным целям — содержащий «стремление изменить

мир для себя», и содержащий «стремление изменить себя для изменения мира». Первый характеризуется готовностью изменению реальности под себя, стремлению к достижениям, эгоцентризмом. Второй — конформизмом, ориентацией на самоизменения, ценностью служения обществу и значимостью социального признания.

1. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация / Психологические исследования, 4 (17), 2011.
2. Зауэр А.А. Популяризация феминизма в российских медиа и политическое движение: постановка проблемы / Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. №1 (9). 2017.
3. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичёва Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности / Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т.8. Вып. 4. С. 341-357.
4. Atherton O.E., Grijalva E., Roberts B.W., Robins R.W. Stability and Change in Personality Traits and Major Life Goals from College to Midlife / Department of Psychology, University of California, Davis One Shields Ave. 2020.

Виноградова Я.Е., Гуриева С.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические особенности восприятия феномена предательства

Феномен предательства, социальные представления, ценностные предпочтения

В научных исследованиях отмечают высокий темп изменений, характеризующий современные социальные условия. Опираясь на утверждения ученых, В. Вагнер подчеркивает место анализа повседневной коммуникации в изучении социальных процессов [4]. У. Уорнер подробно описывает свойства коммуникации, в которой выявлен феномен предательства [5].

Целью нашего исследования является изучение социально-психологического феномена предательства в представлениях современных индивидов. Мы предположили, что: существуют различия в представлениях о предательстве в исследуемой группе; ценностные предпочтения влияют на особенности социальных представлений о феномене предательства. Объект исследования составили 292 человек. Из них 86 (29.5%) мужчин (64 юноши и 22 мужчины) и 206 (70.5%) женщин (142 девушки и 64 женщины). Данные собирали с помощью авторского опросника, направленного на изучение социальных представлений о феномене предательства. Основой опросника является метод незаконченных предложений [1]. Также использовали стандартизованные методики [2, 3]. При анализе данных применяли сравнительный, корреляционный и регрессионный анализ. Обработка данных выполнена с помощью IBM SPSS, 21.

В результате исследования было обнаружено, что в современных представлениях о феномене предательства выделены подгруппы респондентов, которые по-разному оценивают феномен предательства (Х2-Пирсона, $p<0.01$). В 41,8 % случаях респонденты обозначают предательство «проявлением всего плохого», 37.7% респондентов считаю предательство обычным явлением, а 20,5 % отмечают, что предательство «хорошо отображает реальность». При этом респонденты демонстрируют разные качества преданности: Безупречность и Верность. Безупречные респонденты считают предательство недопустимым событием общественной жизни. Верные считают, что предательство допустимо в трудных обстоятельствах, в отношении Чужых, может быть совершено с определенной целью и т. д.Особенности данного качества сопряжены для юношей и девушек ($p=0.040$). Юноши чаще будут Верными (70.4%). Девушки чаще (53.3 %) – Безупречными. Достоверных связей гендера и качества преданность для взрослых не обнаружено ($p>0.05$). Среди мужчин 66.7% являются Безупречными, а 33.3% оказываются Верными. Среди женщин: 42.3% Безупречные, и 57.7% – Верные.

Анализ связей социальных представлений и качества преданность показал достоверно значимые связи ($p=0.023$) только для взрослых респондентов. При этом, данные связи значимы только для женщин ($p=0.043$). Женщины будут Безупречными, в связи с оценкой феномена «плохо», и Верными, в связи с оцен-

ками «обычно» и «хорошо». Обнаружено, что женщины, которых отличает Безупречность, высоко оценивают значимость ценностей консерватизма и иерархии по сравнению с женщинами, которых отличает Верность: Стимуляции (M 10.46, SD 3; M 7.9, SD 4, p=0.015), Власти (M 9.2, SD 3; M 7.2, SD2.9, p=0.33), Конформности (M 9.3, SD 2,4; M 7.7, SD 2.8, p=0.030) и Традиций (M 7.8, SD 3; M 6.2, SD 2.9, p=0.048).

Таким образом, наши предположения были доказаны и раскрыты. Представления о феномене предательства связаны с ценностными предпочтениями у женщин, в отличие от мужчин, юношей и девушек.

1. Пахомов А. П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса–Леви как учебное пособие. Экспериментальная психология, том 5, No 4. – 2012. – С. 99–116.
2. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности. Учебно–методическое пособие. – Курган: Изд–во Курганского гор. Университета, 2000. – 23 с.
3. Schwartz Sh. H. An Oveview of the Schwartz Theory of Basic Values.// Online Readings in Psychology and Culture. – 2012, 2(1). — 20 p.
4. Wagner W. & Kronberger, N. Killer Tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology. In K. Deaux& G. Philogene (Eds.), Representations of the Social — Bridging Theoretical Traditions. Oxford: Blackwell, 2001. – P. 1–29.
5. Warner W.L. (Ed.) Yankee City. New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963. – P. 35 – 61. 3 983

Воронцова Т.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Гендерный фактор воспринимаемого возраста: сравнительный анализ особенностей восприятия возраста мужчин и женщин на основе социальной перцепции их внешнего облика

Возраст, воспринимаемый возраст, восприятие возраста, внешний облик, социальное познание, социальное восприятие, мужчины, женщины, возрастные группы

Введение. В настоящий момент проблема воспринимаемого возраста входит в число новых проблем социальной психологии. «Воспринимаемый возраст» человека (объекта восприятия) представляет собой его возраст, приписанный ему другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в процессе восприятия его внешнего облика (ВО)» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450).

Постановка проблемы. В работах Т.А. Воронцовой (Шкурко), В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, посвященных поиску психологических детерминант и особенностей конструирования воспринимаемого возраста, описаны структура восприятия возраста; иерархия компонентов ВО, участвующих в конструировании воспринимаемого возраста; определено дифференцированное влияние отдельных компонентов ВО человека на его воспринимаемый возраст; проанализированы факторы воспринимаемого возраста. Изучение гендерных особенностей восприятия возраста незнакомого другого является одной из перспективных задач при изучении факторов и механизмов конструирования воспринимаемого возраста, которая в настоящее время не решена в полной мере ни в отечественной, ни в зарубежной науке, в том числе и из-за существующего на сегодняшний день разрыва в исследованиях на молодых и пожилых выборках, а также имеющегося дефицита баз данных, включающих фотографии лиц пожилого возраста. Цель проведенного исследования — изучение гендерных особенностей восприятия взрослыми фотовизуальных презентаций возраста. Гипотезы исследования: 1) Представленность компонентов ВО при восприятии взрослыми визуальных презентаций возраста мужчин и женщин, вероятно, будет различаться. 2) Особенности восприятия возраста мужчин и женщин-«моделей» могут быть обусловлены их принадлежностью к возрастной группе «молодость» / «зрелость».

Методы: 1) Процедура «Фотовидеопрезентации ВО» Т.А. Воронцовой; 2) Анкета «Самооценка возраста» Т.А. Воронцовой; 3) Процедура контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемого человека, разработанная Т.А. Воронцовой (Шкурко, 2018). В качестве «моделей» (объектов восприятия) в исследовании приняли участие 12 человек (6 мужчин, 6 женщин в возрасте от 22 до 58); в качестве субъектов восприятия — 60 человек (47 ж., 13 м. от 14 до 77 лет). В работе были проанализированы свободные описания критериев конструирования возраста «моделей» при восприятии их фотографий (2027 высказываний).

Результаты исследования: 1) Обнаружены особенности вклада компонентов ВО в структуру восприятия возраста мужчин и женщин: доля опоры на гендерно-возрастные, профессиональные, этнокультурные стереотипы в большей степени представлена в структуре восприятия возраста мужчин, чем женщин; «физический ВО» значительно более представлен в структуре восприятия возраста женщин; доля «социального ВО» в восприятии возраста мужчин и женщин идентична; «экспрессивное поведение» в большей степени представлено в структуре восприятия возраста мужчин; 2) выстроена иерархия компонентов ВО в порядке убывания при восприятии возраста мужчин и женщин; 3) обнаружены различия в структуре восприятия возраста мужчин и женщин на возрастных этапах «молодость»/ «зрелость».

Обсуждение и выводы. Проведенное исследование расширяет существующие в социальной психологии представления о компонентах ВО мужчин и женщин, участвующих в конструировании их воспринимаемого возраста; выявляет роль гендерного фактора в процессе восприятия ВО человека и формировании на его основе оценки возраста воспринимаемого субъекта.

1. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 450-457
2. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104 — 117

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01763

Воронцова Т.А., Артамонова А.Г.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Контролирующие тенденции поведения и воспринимаемый возраст личности: выглядят ли моложе те, кто склонен к контролю социальной среды?

Возраст, воспринимаемый возраст, восприятие возраста, внешний облик, отношение к внешнему облику, контроль, потребность в контроле, локус контроля, самоэффективность, контролирующая личность

Введение. В качестве контролирующих тенденций поведения в данной статье рассматриваются локус контроля, потребность в контроле и самоэффективность личности. Данные личностные переменные рассматриваются исследователями (Shkurko, 2013) в качестве критериев выделения «контролирующей» личности, особого типа личности, склонной брать на себя ответственность за других, склонной к контролю своего социального окружения.

Постановка проблемы. Нами не обнаружено исследований, которые бы связывали контролирующие тенденции поведения и воспринимаемый возраст человека. «Воспринимаемый возраст» человека (объекта восприятия) представляет собой его возраст, приписанный ему другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в процессе восприятия его внешнего облика» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450). Так как «фактор внешнего облика» является доминирующим фактором конструирования воспринимаемого возраста (Воронцова, 2022), то в работе мы обратились также к изучению отношения к своему внешнему облику объекта восприятия. Цель исследования — изучение особенностей отношения к своему внешнему облику и разницы между хронологическим и воспринимаемым возрастом (ХВ-ВВ) у взрослых с выраженными контролирующими тенденциями поведения.

Методы: 1) Процедура «Фотовидеопрезентация внешнего облика» Т.А. Воронцовой; 2) Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В.А. Лабунской; 3) Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым; 4) Методика «Локус контроля» Д. Роттера, модифицированный Е.Г. Ксенофонтовой; 5) Шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптированнная В.Г. Ромеком. В исследовании приняли участие 139 человек. В качестве объектов восприятия выступили 103 человека (65 ж., 38 м.) от 19 до 77 лет (M=34,14); в качестве субъектов восприятия — 36 человек (29 ж., 7 м.) от 21 до 65 лет (M=39,11). Выборка объектов исследования была разделена на 2 подгруппы: 1) «молодые» взрослые — 58 человек 19-34 лет (34 ж., 24 м.); 2) «зрелые» взрослые — 45 человек 35-77 лет (31 ж., 14 м.).

Результаты исследования: 1) Показатель ХВ-ВВ и параметры отношения к своему внешнему облику объектов восприятия взаимосвязаны с выраженностью контролирующих тенденций поведения, при этом эти взаимосвязи опо-

средованы их принадлежностью к возрастной группе «молодые» / «зрелые»; 2) Значительно старше своего возраста выглядят «молодые» взрослые с высокой самоэффективностью (ХВ-ВВ&самоэффективность, r=-0,430, a=0,001) и «зрелые» взрослые с высокой выраженностью потребности в контроле себя и других («контролирующие личности») (ХВ-ВВ&потребность в контроле, r=-0,426, a=0,004); 3) Контролирующие тенденции поведения личности определяют отношение к своему внешнему облику в молодом возрасте (19-34 года) и не определяют в зрелом. «Молодые» взрослые с выраженными контролирующими тенденциями имеют позитивные оценки своего внешнего облика и удовлетворены им.

Обсуждение и выводы. Исследование расширяет существующие в социальной психологии представления о социально-психологических факторах воспринимаемого возраста, о сложных взаимосвязях отношения к своему внешнему облику, оценок воспринимаемого внешнего облика и выраженности интернальности, самоэффективности, потребности в контроле у взрослых. В результате проведенного исследования получен ответ на вопрос «Выглядят ли моложе те, кто склонен к контролю социальной среды?» и этот ответ — нет.

1. Shkurko T.A. Socio — psychological analysis of controlling personality // Procedia — Social and Behavioral Sciences, 2013. Volume 86. Pp. 629-634
2. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 450-457

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01763

Гура О.Р., Лабунская В.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Анализ взаимосвязей между оценками значимости внешнего облика и выбором стратегий поведения в романтических отношениях

Внешний облик, значимость внешнего облика, романтические отношения, стратегии поведения в романтических отношениях, типы привязанности.

В данной работе представлены результаты анализа взаимосвязей между степенью значимостью внешнего облика и выбором стратегий поведения в романтических отношениях. Мы полагаем, что внешний облик как социально-психологический конструкт выступает способом визуальной коммуникации и во многом обуславливает возникновение и развитие романтических отношений [4]. Мы исходим из того, что романтические отношения основаны на межличностной аттракции, причинами которой в том числе является внешняя привлекательность партнеров [2]. С понятием романтические отношения тесно связана теория привязанности Дж.Боулби. Данная теория выделяет четыре основных типа привязанности: надежный, избегающий, тревожный и дезорганизованный стиль [1]. При этом тревожность рассматривается как «модель себя», а избегание — как «модель другого». Стиль привязанности формируется в детстве, однако в последующем каждый раз воспроизводится в отношениях с объектом привязанности. Тип привязанности определяет выбор стратегии поведения в романтических отношениях [3]. В данной работе нами будут рассмотрены избегающая и тревожная стратегии поведения в романтических отношениях.

Исходя из тезиса о том, что внешний облик выступает предиктором возникновения романтических отношений, мы выдвигаем гипотезу о взаимосвязи между значимостью внешнего облика и выбором стратегий поведения в романтических отношениях. Эмпирическую базу исследования составили 136 человек в возрасте от 18 до 30 лет, 73% — женщины, 27% — мужчины. Методы исследования: 1. Для определения избегания близости в межличностных отношениях: опросник «Опыт близких отношений» («ECR-R») K.Brennan и R.K.Fraley адаптация Т.В. Казанцевой. 2. Для определения значимости внешнего облика в романтических отношениях: опросник «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской.

Результаты исследования:

1. Частотный анализ ответов респондентов показал, что большинство участников исследования считает внешний облик значимым в романтических отношениях, они согласны, что от внешнего облика зависят отношения с романтическим партнером и считают для себя важными оценки внешнего облика романтическим партнером.

2. Обнаружены значимые сильные корреляции между переживаниями в ситуации предъявления внешнего облика партнеру и стратегией избегания

близости в отношениях (r= 0,25 при p=0,002). Так чем сильнее у респондента выражена стратегия избегания близости, там чаще и острее он испытывает смущение, неловкость и скованность в ситуации предъявления внешнего облика романтическому партнеру.

3. Избегание близости в романтических отношениях влияет на значимость внешнего облика в романтических отношениях (F= 1,9 при p=0,02), на важность оценок внешнего облика романтическим партнером (F=1,8 при p=0,04), на ощущение смущения при предъявлении внешнего облика романтическому партнеру (F=1,8 при p=0,05)

4. Тревожность в близких отношениях значимо влияет на ощущение смущения при предъявлении внешнего облика романтическому партнеру (F=1,76 при p=0,05).

Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу, между стратегиями поведения в романтических отношениях и значимостью внешнего облика существуют сильные взаимосвязи. Мы можем полагать, что лица, с избегающей и тревожной стратегиями ощущают себя более уязвимо при рассмотрении их внешнего облика романтическим партнером, а также более сензитивны к оценкам их внешности романтическим партнером.

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей /Дж.Боулби. — Москва, 2006.
2. Ильин Е. П. Психология любви. — Издательский дом"Питер", 2013.
3. Казанцева Т.В. Исследование психологической близости в теории привязанности// Вестник СПбГУ. Сер.12. 2010. Вып. 4. С.94-98.
4. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография/Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019, 445с.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01641

Дубовских Ю.В., Чикер В.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Иррациональные установки, семейные ролевые ожидания и притязания представителей различных поколений

Семейные ценности, семейные ценности поколений, ролевые ожидания и притязания в семье, иррациональные установки

Семья является одной из главных ценностей для человека. Однако, с развитием общества видоизменяется институт семьи, трансформируются формы и функции семейных отношений. Вероятно, что люди, принадлежащие к различным поколениям, сформировавшиеся под воздействием разных исторических событий, обладают различающейся структурой семейных ценностей. В исследовании мы изучали особенности потребностей, удовлетворяемых в семье, у представителей трех поколений — Беби-бумеров, X и Y. Нас интересовало на каких ценностях основываются их семейные отношения. Особым образом мы обратили внимание на иррациональные установки. Мы предполагаем, что они в разной степени присущи представителям трех поколений и имеют связь с ролевыми ожиданиями и притязаниями в семье.

В исследовании приняли участие 100 человек, среди них 23 человека поколения Бэби-бумеров, 1944-1963 г.р.; 49 человек поколения X, 1964-1985 г.р.; 28 человек поколения Y, 1986-2002 г.р. Классификация и временные границы поколений основаны на теории В. Штрауса и Н. Хоува [1]. Использовались опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой; методика А. Эллиса. Статистическая обработка данных проведена с помощью однофакторного дисперсионного анализа и корреляционного анализа.

Иррациональная установка долженствования в отношении себя и оценивания наиболее выражены у представителей поколения бэби-бумеров ($p \leq 0{,}01$), они склонны предъявлять к себе неоправданно высокие требования. Иррациональная установка фрустрационной толерантности и катастрофизации наиболее выражена у представителей поколения Y ($p \leq 0{,}01$), что говорит о тенденции более ярко воспринимать ужасными и невыносимыми неблагоприятные события.

Анализ средних значений выраженности потребностей, удовлетворяемых в семье, показал, что значимость интимных отношений, внешнего вида и желание психологического комфорта равнозначны для всех поколений. Потребность в воспитании детей наиболее выражена в поколении бэби-бумеров ($p \leq 0{,}01$). Потребность в личностной идентификации с супругом, то есть совместном времяпровождении и духовном взаимообогащении наиболее выражена в поколении Y($p \leq 0{,}05$).

В поколении бэби-бумеров выявлена связь иррациональной установки оценивания и ожиданиями в родительско-воспитательной сфере ($p \leq 0{,}01$), эмоциональными ожиданиями ($p \leq 0{,}05$), хозяйственными ожиданиями ($p \leq 0{,}01$), родительскими притязаниями ($p \leq 0{,}05$). Также выявлена связь установки должен-

ствования по отношению к себе и ожиданиями в родительско-воспитательной сфере ($p \leq 0{,}01$), притязаниями в сфере внешней привлекательности ($p \leq 0{,}05$). Такие связи можно объяснить сформированностью в этом поколении образа «хорошего отца», «хорошей матери», «хорошего хозяина», «идеальной жены». Для этого поколения присуще оценивать личность в зависимости от того, насколько человек хороший родитель, хозяин, супруг. В поколении X выявлена связь иррациональной установки долженствования по отношению к другим и ожиданиями от своего партнера активности в хозяйственной и родительской сферах ($p \leq 0{,}05$), что может говорить о высокой и, возможно, неоправданной значимости ожиданий от противоположной стороны в выполнении семейных ролей. В поколении Y выявлена обратная связь между иррациональной установкой фрустрационной толерантности и эмоциональными притязаниями, то есть, заботиться об эмоциональном благополучии партнера в семье могут те, кто сам стрессоустойчив и эмоционально стабилен.

Анализ связей иррациональных установок и сфер семейной жизни показал, что они чаще присутствуют в поколении бэби-бумеров. Такие связи, вероятно, можно объяснить накопленным в течение жизни социальным опытом, сформированными социальными стереотипами и установками.

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 127–145.

Екимчик О.А.
Кострома, КГУ

Экзистенциальная мотивация к близким отношениям как предиктор диадического копинга партнеров

Диадический копинг, близкие отношения, экзистенциальная мотивация

Проблема сохранения близких отношений в современном обществе при трансформации ценностей и установок, высоком уровне неопределенности и нестабильности приобретает особую актуальность. Диадический копинг партнеров в близких отношениях направлен на борьбу с диадическим стрессом, который угрожает целостности и функционированию диады. Общий диадический копинг партнеров связан с удовлетворенностью отношениями (Г. Бодденман), сопряжен с их качественными характеристиками (О. А. Екимчик, Т.П. Опекина).

При анализе проблемы выявлен ряд факторов диадического копинга: социокультурный, взрослая привязанность к романтическому партнеру, вид стрессора (внутренний или внешний). Парадоксальной является ситуация, что мотивация поддержания близких отношений не рассматривалась как фактор диадического копинга. Это обуславливает актуальность исследования.

Гипотеза: мотивация к близким отношениям предсказывает диадический копинг партнеров. Выборка: в исследовании приняли участие 105 пар (105 женщин и 105 мужчин), состоящих в близких отношениях от 3 месяцев до 12 лет (m=3.41 sd=2.72). В выборку вошли женщины в возрасте от 18 до 33 лет (mж=22.83 sdж=3.33) и мужчины от 18 до 57 лет (mм=25.67 sdм=5.84), проживающие в крупных и средних городах Российской Федерации. По статусу отношений диады распределились следующим образом: 29 пар встречаются, 44 пары проживают совместно в незарегистрированных отношениях и 32 пары состоят в официальном браке. Все респонденты дали согласие на участие в исследовании. Каждый респондент опрашивался индивидуально. Методы: Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях — ТЭММО (Е.М. Уколова, В. Б. Шумский, Е.Н. Осин, 2016); Опросник диадического копинга (DCI) Г. Боденманна в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, 2017). Методы статистической обработки данных: описательная статистика и регрессионный анализ.

В ходе исследования были получены интересные результаты. В частности, не выявлено различий в экзистенциальных мотивациях в близких отношениях у мужчин и женщин, а различия в стратегиях диадического копинга подтверждают ранее установленные закономерности (Крюкова, Екичик, 2017). В качестве предикторов рассматривалась экзистенциальная мотивация самого субъекта и его партнера. Выявлено влияние экзистенциальной мотивации на общие стратегии и оценку диадического копинга у мужчин и женщин в близких отношениях. На общий диадический копинг в отношения у женщины влияют (R=0.68, R2=0.46 p=0.03) компоненты ее экзистенциальной мотивации: аутентичность (β=0.42 p=0.000) и доверие (β=0.25 p=0.03) в отношениях. На оценку эффективности

диадического копинга у женщины также влияют (R=0.70, R2=0.49 p=0.01) указанные компоненты ее мотивации к отношениям: аутентичность (β=0.42 p=0.000) и доверие (β=0.32 p=0.01). На общий диадический копинг у мужчин влияют (R=0.70, R2=0.50 p=0.01) компоненты его экзистенциальной мотивации: смысл отношений (β=0.32 p=0.01) и аутентичность в отношениях (β=0.30 p=0.01), а также компонент мотивации партнерши — аутентичность в отношениях (β=0.22 p=0.02). На оценку диадического копинга у мужчины влияет (R=0.65, R2=0.42 p=0.000) только компонент его экзистенциальной мотивации доверие (β=0.65 p=0.000).

Вывод: гипотеза подтвердилась полностью, экзистенциальная мотивация к близким отношениям предсказывает общий диадический копинг партнеров и его оценку. При этом специфика предикции сопряжена с полом субъекта отношений.

1. Екимчик, О., Крюкова, Т. (2017). Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г. Боденманна. Психологические исследования, 10(55).
2. Уколова Е.М., Шумский В.Б., Осин Е.Н. ТЭММО — опросник для оценки экзистенциальной исполненности в межличностных отношениях: факторная структура, надежность и валидность // Экзистенциальный анализ. №8. 2016, С. 151-182

Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2020-0005

Зинченко Е.В., Алтынова А.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Агрессивность и эмпатия студентов-первокурсников психологического направления подготовки

Агрессивность, эмпатия, первокурсник, студент, психологическая адаптация, психологическая служба, психологическое сопровождение

В условиях современности возникает потребность в создании системы психологического сопровождения студентов вузадля облегчения процесса их психологической адаптации [1].Исследователями диагностирована повышенная степень агрессивности первокурсников в рамкахпсихологического кризиса, детерминированного проблемой психологической адаптации [2,3]. Эмпатия — одна из ключевых черт личности будущих психологов, служащая предпосылкой формирования профессиональных компетенций. Помимо этого, онавыступает регулятором взаимоотношений между людьми. Проблему связи эмпатии и агрессивности изучали многие исследователи [по 4], но единого мнения о характере этой взаимосвязи пока нет.

Цель исследования — изучить особенности агрессивности у студентов-первокурсников с разным уровнем эмпатии, обучающихся на психологическом направлении подготовки. Оно представляет часть масштабного проекта, реализованного Психологической службой АПП ЮФУ, направленного на изучение признаков деструктивного поведения у первокурсников. Методический инструментарий: «Диагностика уровня эмпатии» В. В. Бойко и опросник диагностики агрессивныхреакций Басса–Дарки. Для статистической обработки данных использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

Анализ полученных на 90 респондентах данных показал, что для обучающихся характерен заниженный уровень эмпатии (73%). У большинства студентов диагностирован повышенный уровень агрессивности (71%). Доминирующими реакциями являются: вербальная агрессия, чувство вины и раздражительность. Это может свидетельствовать о приоритетном способе выражения агрессии для студентов в форме крика, брани, а также о наличии недоверия и к людям, что может стать причиной появления чувства вины за свои действия и мысли. Стоит отметить, что у первокурсников диагностирован низкий показатель физической агрессии, то есть они не склонны применять физическую силу для выражения негативных чувств. Мы разделили выборку на группы: с заниженным (73%) и средним (и выше) уровнем эмпатии (27%). Математический анализ данных с применением U-критерия Манна-Уитнипозволил определить наличие статистически значимых различий между этими группами по показателю агрессивности ($p=0,005$), а также по таким формам агрессии, как «косвенная агрессия» ($p=0,000$) и «чувство вины» ($p=0,000$). Первокурсники с низким уровнем эмпатии оказались более склонны к проявлению агрессии.

Таким образом, у большинства будущих психологов слабо сформировано умение сопереживать другим. Имсвойственны выражение негативных чувств косвенным путем или с помощью вербальных средств. Первокурсники с нормативным уровнем эмпатии проявляют агрессию в меньшей степени, чем студенты с низкой эмпатией.

Результаты исследования используются в целях совершенствования процесса психологической адаптации первокурсников ЮФУ, гармонизации их социальной среды, модернизации системы воспитательной работы, психолого-педагогического сопровождения; повышения качества образовательного процесса обучающихся первого курса.

1. Зинченко Е. В. Организация психологической помощи в период самоизоляции: опыт психологической службы Южного федерального университета // Природа. Человек. Культура: Материалы Второго Международного научно-просветительского форума, Кисловодск, 01–03 октября 2020 года. — Кисловодск — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Научный консультант", 2020. С. 75-78.
2. Карабинская О.А. Изатулин В.Г., Геран О.Ю., Макарова О.А. Агрессивность и ее уровень в студенческой среде // Философия здоровья: интегральный подход : Межвуз. сборник научных трудов. — Иркутск : Иркутский государственный медицинский университет, 2021. С. 92-99.
3. Шумская Д. Д. Агрессивное поведение у студентов // Студенческий меридиан. 2016. № 2. С. 72–81.
4. Пономарева М. А. Взаимосвязь эмпатии и агрессивности в подростковом возрасте // Сборник статей XVIII международной научно-практической конференции Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2018, 2 ч. С. 14-15.

Капитанова Е.В.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Внешний облик в структуре ценностей молодых людей

Внешний облик, ценностные ориентации, молодежь, ценность привлекательного внешнего облика, обеспокоенность

В настоящее время физическая привлекательность рассматривается как предиктор успеха в разных сферах жизни. Этот тренд сформирован массовой культурой. Транслируемые эталоны привлекательной внешности оказывают социокультурное давление на личность, порождают обеспокоенность своим внешним обликом, неудовлетворенность собой. Представляется актуальным изучение оценок внешнего облика, переживания обеспокоенности внешним обликом с позиций ценностного подхода [1, 2, 3]. При этом недостаточно изученной является структура ценностных ориентаций, а также то, какое место занимает ценность привлекательного внешнего облика в этой структуре у молодых людей. Кроме того имеются противоречивые данные относительно гендерного аспекта данной проблемы, то есть то, насколько привлекательный внешний облик является ценностью, как для девушек, так и для юношей.

Рассматривая вопрос о внешнем облике в структуре ценностей молодых людей, следует учитывать современные условия изменений в социально-экономических и социокультурных процессах, кардинальные перемены в привычном образе жизни молодых людей. Стремительное развитие информационных и компьютерных технологий, многообразие и открытость информационного пространства, стали новой реальностью и все сильнее влияют на формирование и развитие современной молодежи [4]. С другой стороны, закономерности их развития не слишком отличаются от сформулированных ранее. Центральным психологическим новообразованием юношеского возраста является становление «Я», как системы представлений о себе, формирование психологической реальности, влияющей на поведение и переживания, поиск значимого набора ценностей.

В нашем исследовании, целью которого стало изучение внешнего облика в структуре ценностных ориентаций, приняли участие молодые люди в возрасте 16-17 лет. Определяласьи степень выраженности ценностных ориентаций молодых людей, различия в структуре ценностных ориентаций, в том числе, ценности привлекательного внешнего облика для юношей и девушек.

Результаты показали, что существуют значимые взаимосвязи между ценностью привлекательного внешнего облика и другими ценностями. Внешний облик представляет значимую ценность для молодых людей, наряду с такими ценностями, как «любовь» (р 0,01), «признание и уважение людей, влияние на окружающих» (р 0,05), «приятное времяпрепровождение, отдых» (р0,05), что расходится с данными полученными ранее в группах студентов, возможно из-за возрастных различий и изменений социальной ситуации.

1. Лабунская В.А. Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей // Социальная психология и общество 2019. Т. 10. № 3. С. 51-66.
2. Лабунская В.А. Внешний облик человека как культурно — природный конструкт, порождающий психологические проблемы личности // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр; Московский институт психоанализа, 2020. 502 с.
3. Сериков Г.В. Привлекательный внешний облик как «инструментальная ценность», его значимость в молодежной среде // Психолог. 2018. № 6. С. 21-31.
4. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество 2018. Т. 9. № 3. С. 71-80.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01641

Капитанова Е.В., Лабунская В.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Иерархия воздействия ценностей на обеспокоенность внешним обликом

Ценности, обеспокоенность, внешний облик, иерархия

Введение. Проблема обеспокоенности своим внешним обликом (ВО) многогранно рассматривается в психологии ВО [3,4]. Исходя из работ, в которых подчеркивается, что ценности, ценностные ориентации определяют значимость для человека различных объектов окружающей среды, принципов, идей, норм [1. с. 137-139], что они регулируют социальную активность [5], осуществляется нами рассмотрение проблемы «ценности и обеспокоенность ВО». Цель исследования заключалась в том, чтобы выстроить иерархию интенсивности воздействия ценностей на обеспокоенность ВО. Мы предположили, что уровень обеспокоенности ВО будет зависеть от выраженности определенных ценностей у молодых людей, сила воздействия которых на обеспокоенность ВО может отличаться.

Методы: 1) анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» [2], 2) вариант методики С.С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» [4]. Математические процедуры: кросстабуляция, Mann-Whitney U test, ANOVA. В исследовании приняли участие 172 человека, в возрасте от 18 до 25 лет (Мвозр.=20,1), 86 женщин и 86 мужчин.

Результаты:

1. Из 172 человек — участников исследования имеют низкий уровень обеспокоенности ВО 60 человек- 34% (М = 3,4; минимум 2,2, максимум 4,5), а высокий уровень обеспокоенности ВО демонстрируют — 48 человек -28% (М = 7,5; максимум 9,6), что соответствует распределению в связи с 10 бальной оценкой обеспокоенности своим ВО и выводами исследователей [3] о том, что обеспокоенность своим ВО является неотъемлемой чертой современного человека. Утверждение «о тотальной обеспокоенности ВО» [3] не подкрепляется четкими сведениями о показателях, свидетельствующих об обеспокоенности ВО. Исходя из результатов, приведенных выше, других исследований [2,3,4], можно полагать, что люди обеспокоены ВО, но отличаются различными уровнями проявления этого феномена.

2. Среди участников исследования, демонстрирующих низкий уровень обеспокоенности ВО, преобладают мужчины; среди тех (42 человека), кто имеет высокий уровень обеспокоенности ВО, преобладают женщины (38 женщин). Этот вывод подтверждают результаты кросстабуляции пола участников исследования с уровнем обеспокоенности своим ВО. В целом, женщины, в отличие от мужчин (U = 2648,000 при p=0,001) выбирают более высокие баллы, оценивая обеспокоенность своим ВО. Данный вывод совпадает с результатами исследований многих отечественных и зарубежных ученых [4].

3. В соответствии со степенью интенсивности влияния изучаемых ценностей на обеспокоенность ВО можно их разделить на три подгруппы, используя критерии F (ANOVA) и P, отличающийся уровнем и указывающий на значимость воздействия (F). В соответствии с уровнями P, в первую подгруппу вошли ценности, которые оказывают наиболее интенсивное воздействие по сравнению с другими ценностями на обеспокоенность ВО: «ценность привлекательного ВО» (p=0,000), «ценность признания, уважения людей и влияния на окружающих» (p=0,000), ценность «познание нового в мире, природе, человеке. (p=0,004). Во вторую подгруппу по силе влияния на обеспокоенность ВО (при p<0,05) входят ценности: «поиск и наслаждение прекрасным», «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе», «общение». В третью подгруппу входят ценности, влияние которых на обеспокоенность ВО является не значимым, мало интенсивным (p=0,154; 0,166; 0,176; 0,199; 0,322; 0,533). К ним относятся ценности: «высокое материальное благосостояние». «приятное времяпрепровождение, отдых», «высокий социальный статус и управление людьми», «любовь», «помощь и милосердие к другим людям», «здоровье».

Заключение. Таким образом, иерархия интенсивности влияния ценностей на обеспокоенность ВО не только указывает на приоритет ценности «привлекательного ВО», но и свидетельствует о том, что на обеспокоенность ВО воздействует «ценность признания, уважения людей и влияния на окружающих». Такие ценности, как «любовь», «помощь и милосердие к другим людям», «здоровье» не оказывают существенного воздействия на выраженность обеспокоенности ВО.

1. Знаков В.В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия// Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии Ран», 2016. С. 136-146.
2. Лабунская В.А., Капитанова Е.В. Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик// Российский психологический журнал. 2016. Т.13. № 1. С. 167-183.
3. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / Н. Рамси, Д. Харкорт. СПб.: Питер, 2009. 256 с.
4. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования Коллективная монография. Ростов-на-Дону: Мини-Тайп, 2019 . 445 с.
5. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 124-141.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01641

Кулакова К.И., Перова С.А., Ершов Б.Б.
Санкт-Петербург, СЗГМУ им. И.И. Мечникова

Влияние эмоционального интеллекта на формирование внутригрупповых отношений

Эмоциональный интеллект, статус в группе, студенты

Актуальность. Разработку, реализацию педагогических программ в современной педагогики высшей школы трудно себе представить без продуманного учета индивидуально-психологических особенностей обучающихся, также как социально-психологических характеристик в студенческих коллективах. Особый теоретический и практический интерес представляют результаты исследований, сосредоточенных на изучении взаимоотношений между индивидуальными особенностями и социально-психологическими характеристиками в студенческих коллективах в условиях конкретного высшего учебного заведения с учетом специфики получаемой специальности и особенностей организации педагогического процесса.

Цель исследования: изучение взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ) и социальным статусом в студенческих коллективах медицинского университета. Гипотеза: исходя из концепции эмоционального интеллекта (Ушаков Д.В., Люсин Д.В., 2009; Сергиенко Е.А., 2017), было выдвинуто предположение, что высокий уровень эмоционального интеллекта положительно влияет на уровень социального статуса в студенческом коллективе. Выборка: в исследовании приняли участие студенты медицинского вуза первого курса в количестве 87 человек (61-ж, 26–м) в возрасте 16-20 лет.

Методы исследования. Опросник ЭИ (Люсин Д.В., 2006), методика социометрии (Волков И.П., 1970), математико-статистические методы исследования с использованием пакета программ Statistica 8.0: критерии проверки нормальности распределения (критерий Колмогорова-Смирнова (K-S), критерий Лиллиефорса, коэффициент корреляции r-Пирсона. Анализ результатов опросника ЭИ проводился по четырем основным шкалам: межличностный ЭИ (способность к пониманию эмоций других людей, управлению ими), внутриличностный ЭИ (способность к пониманию собственных эмоций, управлению ими), понимание эмоций (способность к пониманию своих, чужих эмоций), управление эмоций (способность к управлению эмоциями). При проведении методики социометрии круг вопросов включал несколько аспектов социального статуса: С1 — ответственный, организованный человек («Кого бы вы позвали делать совместный важный проект?»), С2 — надежный, сильный человек («С кем бы вы отправились в трудный поход?»), С3 — веселый, активный человек («Кого бы вы позвали на вечеринку?»), С4 — психологически близкий человек, друг. («Кого бы вы позвали на свой день рождения?»).

Результаты исследования. Полученные данные, соответствуют нормальному распределению (K-S, p0.01, Lilliefors, p0.01), что позволило применить корреля-

ционные методы анализа данных применительно к метрическим переменным. На уровне выраженной корреляционной связи (p0.01) обнаружена единственная положительная корреляция между показателями ВЭИ и качествами социального статуса, которые имеют отношение к надежности, силе (С2). На более низком уровне статистической достоверности (p0.05) выявлены положительные корреляционные связи между С2 (сильный и надежный) с одной стороны, и общим ЭИ, ВЭИ, УЭ, с другой. На том же уровне достоверности также выявлена отрицательная корреляционная связь между МЭИ и С3 (показателями веселости, активности).

Выводы. Вопреки гипотезе, полученные данные не подтверждают значения уровня ЭИ на формирование социального статуса в студенческих коллективах. Напротив, студентам с высоким уровнем межличностного ЭИ не стоит ожидать приглашения на веселую вечеринку, особенно при высоком понимании и управлении эмоциями.

Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты с высоким уровнем ЭИ ценятся благодаря наличию качеств надежности, психологической силы, что, по мнению студентов, востребовано в условиях повышенных физических, психологических нагрузок. Следовательно формирование социального статуса в студенческих коллективах зависит больше от других, индивидуально-психологических, коммуникативных качеств, чем от ЭИ.

1. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: сб. ст. / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. — М.: ИП, 2009. — 350 с. — (Интеграция академической и университетской психологии).

Куликов Л.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Потапова Ю.В.
Омск, ОмГМУ

Блеканов И.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психолингвистические характеристики участников социальной сети с различной психологической устойчивостью

Сетевая коммуникация, субъективное благополучие, настроение, семантика чувств и эмоций

Сетевая коммуникация подростков и юношей прочно вошла в их уклад жизни и выполняет множество функций (Войскунский А., Евдокименко А., Федунина Н., 2013; Солдатова Г. В., 2021 и др.). Предметом изучения выступали психолингвистические характеристики текстов участников социальной сети «ВКонтакте» с различными уровнями психологической устойчивости. В данной сети были выделены сообщества, в дискурсе которых центральное место занимает обсуждение проблем в межличностных отношениях, уклад жизни в неблагополучных семьях, депрессивные и субдепрессивные состояния, переживания, связанные с анорексией и т.п. Комментарии в них содержат большое количество описаний жизненных проблем, тягостных переживаний, признаний в суицидальных намерениях. В данном массиве были проанализированы 768 комментариев, включающих, в среднем 149 слов в одном комментарии. Весь массив состоял из 117 339 слов. В данном сегменте социальной сети многие люди находят поддержку, сопереживание, обнаруживают принятие своей индивидуальности и своих проблем со стороны других участников. Такого рода сообщества могут рассматриваться ресурсом психологической поддержки. В них коммуниканты получают возможность выговориться, что в определенной степени снижает остроту переживаний, улучшает состояние и настроение. В них пользователи часто откровенно говорят об отсутствии душевного равновесия, о трудностях и проблемах в жизни, о напряженных, конфликтных межличностных и родственных отношениях. Тексты данного сегмента социальной сети сопоставлялись с текстами пользователей с выраженным вниманием к социально значимым событиям, к вопросам образования и обучения, деятельности образовательных и производственных организаций. Тексты этого сегмента включали 1 459 039 слов. Пользователи этой группы представляют собой категорию участников, активно высказывающихся в интернете, чувствующих себя в онлайн-среде вполне комфортно. Они редко упоминают о своих трудностях, мало склонны описывать собственные переживания и неудачи в межличностных отношениях. Есть основания оценивать этих участников сети как достаточно устойчивых в психологическом плане. Тексты

этих двух групп участников социальной сети сравнивались по набору из восьми шкал негатива, позитива, отдаления, сближения, силы, слабости, активности и пассивности (суммарно 625 лексем наречий и 323 лексем глаголов) и пяти шкал эмотивов — трех шкал настроечных эмотивов (астенические, гедонические и меланхолические эмотивы) и двух шкал коммуникативных эмотивов — отдаления и сближения (суммарно 254 лексемы).

В массиве текстов психологически устойчивых авторов значимо чаще используются наречия шкалы позитива ($H=7{,}07$, $p\leq0{,}05$), и негатива ($H=8{,}09$, $p\leq0{,}05$), глаголы шкалы позитива ($H=8{,}46$, $p\leq0{,}05$) и значимо реже наречия шкалы отдаления ($H=8{,}09$, $p\leq0{,}05$), силы ($H=25{,}2$, $p\leq0{,}001$), слабости ($H=10{,}79$, $p\leq0{,}01$), глаголы шкалы пассивности ($H=7{,}75$, $p\leq0{,}05$). В массиве текстов лиц со сниженной психологической устойчивостью значимо чаще используются глаголы шкалы сближения (притяжения) ($H=9{,}23$, $p\leq0{,}01$), слабости ($H=8{,}36$, $p\leq0{,}05$) и активности ($H=6{,}57$, $p\leq0{,}05$), и реже используются астенические эмотивы ($H=82{,}90$, $p\leq0{,}001$). У лиц с пониженной психологической устойчивостью многократно выше частотность эмотивов сближения (любовь, забота, симпатия, взаимность, обожание и др.) и эмотивов отдаления (стыд, обида, вина, ненависть, отвращение, злоба и др.). Есть также различия в частотности гедонических и меланхолических эмотивов. Эти и ряд других данных свидетельствуют о выраженной фиксации коммуникантов на тематике межличностных отношений, стремлении эмоционально отреагировать осознаваемые трудности в межличностном взаимодействии, описаниях желаемых отношений. Дисгармония в межличностных отношениях неизбежно отражается в пониженном настроении, дефицитарности субъективного благополучия, повышенной раздражительности, гневливости или подавленности.

1. Войскунский А., Евдокименко А., Федунина Н. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. — 2013. — № 1 — С. 66–83.
2. Солдатова Г. В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» // Психологическая газета. — URL: https://psy.su/feed/9511/ (дата обращения: 04.11.2021).

Лабунская В.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Ценность внешнего облика как предиктор его значимости в сфере межличностного общения, романтических отношений

Внешний облик, ценность, романтические отношения, межличностное общение

Введение. Социальная психология внешнего облика (ВО) постоянно обращается к изучению различных факторов, предикторов отношения человека к своему и чужому ВО, рассматривает функции ВО в жизни человека. В зарубежных работах [3,4,5] подчеркивается «инвестиционная сила ВО», его значимость для сферы регуляции межличностных и романтических отношений, но, учитывая социокультурный статус ВО, влияние на его формирование различных социальных институтов, возникает сомнение в правомерности переноса выводов о ВО, как о гуманитарном капитале, выводов о тотальной обеспокоенности ВО, о его прямолинейном воздействии на различные сферы жизнедеятельности, молодежи, проживающей в России. Проблема «ценности и значимости ВО» для российской молодежи остается на периферии внимания отечественных исследователей. Цель исследования — это проверка гипотезы о воздействии гендерно-возрастных факторов на выраженность «ценности ВО»; о влиянии «ценности ВО» на значимость ВО для сферы межличностного общения, романтических отношений.

Методики: 1. Анкета «Значимость внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности», разработанная совместно с Г.В. Сериковым [2]; 2. Модифицированный вариант опросника С.С. Бубновой [1] «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности»; Математические процедуры: Mann-Whitney U test, ANOVA. В исследовании приняли участие 172 человека, в возрасте от 18 до 25 лет (Мвозр.=20,1), принадлежащих к возрастным подгруппам: 1. Подгруппа: 18-20 лет (113 человек, 48 женщин и 65 мужчин); 2. Подгруппа: 21-25 лет (59 человек, 38 женщин и 21 мужчина).

Результаты и выводы:

1. Распределение по уровню выраженности ценности ВО указывает на то, что около 50% участников исследования имеют низкий уровень выраженности ценности ВО. Мужчины значимо отличаются от женщин в признании ценности ВО (U =2696,000 при p=0,002). У мужчин существенно ниже, чем у женщин выражена ценность ВО.

2. Выраженность ценности ВО значимо не отличается между группой 18-20 лет и 21-25 лет (U=2828,500, p=0,096). Между этими возрастными группами отсутствуют различия в приписывании значимости ВО в межличностном общении (U = 2871,500, p=,135), но в группе 18-20 лет выше ценность ВО и значимость ВО для сферы межличностного общения, возникновения дружеских отношений. Представители возрастной подгруппы 18-20 лет значимо выше оценивают значимость ВО (U=2671,500, p=,030) для романтических отношений по сравнению с подгруппой 21-25 лет.

3. Показатели ANOVA указывают на то, что выраженность ценности внешнего облика оказывает влияние на вариативность показателей значимости внешнего облика в сфере межличностного общения, в возникновении дружеских (F=10,410, p=0,00), романтических (F=12,043, p=0,00) отношений, а также воздействует на значимость внешнего облика для переживания счастья (F=6,839, p=0,00).

Заключение. Гипотеза подтверждена и можно утверждать, что российская молодежь включает в круг ценностей — «ценность ВО», отмечает значимость ВО. «Ценность ВО» определяет его значимость для российской молодежи в сфере межличностного общения, романтических отношений. Учитывая данные о преобладании у российской молодежи низкого уровня «ценности ВО», необходимо определение воздействия сочетания гендерно-возрастных, экономических факторов с динамикой отношения к ВО, с удовлетворенностью жизнью.

1. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал, 1999. Т. 20. № 5. С. 38–44.
2. Лабунская В.А., Сериков Г.В., Андриенко Т.А. Теоретические подходы и эмпирические исследования выраженности «ценности внешнего облика», его функциональной значимости в рамках «многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику»//Лицо человека: познание, общение, деятельность.М.: МИП, 2019. С.13-37.
3. Maria F. L., Sebastião S. Almeida & Lori A. Klos | Feng Kong (Reviewing editor)// Body image and the role of romantic relationships// Cogent Psychology, 2018. 5:1.
4. Quittkat HL, Hartmann AS, Düsing R, Buhlmann U, Vocks S Body Dissatisfaction, Importance of Appearance, and Body Appreciation in Men and Women Over the Lifespan//Front. Psychiatry, 2019, 17 Dec.
5. Zimmer-Gembeck, M.J., Rudolph, J., Webb, H.J. et al. Face-to-Face and Cyber-Victimization: A Longitudinal Study of Offline Appearance Anxiety and Online Appearance Preoccupation// J. Youth Adolescence, 2021. no. 50, P. 2311 -2323.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01641

Маленова А.Ю.
Кострома, КГУ

Гендерные особенности эмоциональной привязанности на этапе молодого супружества

Брачно-семейные отношения, эмоциональная близость, привязанность, гендер

Молодежь целенаправленно стремится к личностной самореализации, удовлетворяя потребность в социальной, образовательной, профессиональной, рекреационной и др. видах активности. Индивидуалистические ценности успешно конкурируют с коллективистскими, поддерживая эгалитарную модель семейных отношений, основанную на равноправии партнеров, их относительной автономности и самодостаточности. Полагаем, что увлечение супругов саморазвитием, реализацией собственных способностей, может также выступать одним из факторов их отдаления друг от друга, нарушения необходимой для супружества эмоциональной близости, и, как следствие, поиска дополнительной эмоциональной стимуляции за пределами брачных отношений. Причем, если раньше эмоциональные нарушения приходились на этап зрелого супружества, то в современных условиях это может проявляться и на начальных стадиях отношений, отличающихся особой «хрупкостью» [1].

Для проверки этой гипотезы мы изучили уровень эмоциональной близости и привязанности партнеров на этапе молодого супружества. Выборку составили 46 мужчин и 42 женщины, состоящих в браке до 9 лет. Методический комплекс: «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, Р.К. Фрейли); «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых» (К. Бреннан, Ф. Шейфер в адаптации. Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик); «Диагностика потребности в поисках ощущений» (М. Цукерман). Методы обработки: критерии Фишера и Манна — Уитни.

Результаты показали, что, несмотря на доминирование в выборке «надежного» типа привязанности (56,5% мужчин и 50% женщин), четверть женщин и пятая часть мужчин имеют «зависимый» тип, встречаются также «избегающий» (более свойственный мужчинам: 17,4% против 11,9%) и «боязливый», характерный для 9,5% женщин и 6,5% мужчин. Дальнейшая детализация показала, что все компоненты привязанности у супругов выражены в средней степени. Если это относительно продуктивно в отношении фрустрации (ср. балл 3,4±0,9), амбивалентности (3,2±0,9 у мужчин и 3,6±1,1 у женщин), ревности (3,8±1,4 у мужчин и 4±1,1 у женщин) и «цепляния» за партнера (3,5±1,1 у мужчин и 3,6±1,1 у женщин), то средний уровень стремления к сближению (5,4±1,1 у мужчин и 5,8±1,0 у женщин) и доверия (4,1±1,3 у мужчин и 3,9±1,2 у женщин) вызывает сомнение в значимости отношений с партнером, несмотря на то, что показатели по этим шкалам выше, чем у указанных ранее. Также следует отметить, что средние результаты показывают присутствие негативных переживаний у супругов, противоречивость и нестабильность их эмоционального состояния, некоторую недифференцированность личностных границ. При этом, мужчины в отношениях

с супругой ведут себя более автономно (4,5±0,8), тогда как женщины в большей степени нуждаются в поддержке партнера (3,9±0,9, Uэмп.= 594 при p≤0,001). Большинство опрошенных женщин (61,9%) одновременно открыты новому опыту, но довольно сдержанны в своих желаниях, среди мужчин таких значительно меньше (39,1%: φэмп.=2,15 при p≤0,01). 36,9% мужчин отличаются особой предусмотрительностью и осторожностью, тогда как таких женщин было обнаружено лишь 19% (φэмп.=1,78 при p≤0,05). Такой же процент молодых женщин активно стремится к новым ощущениям и впечатлениям, составляя конкуренцию мужчинам, которых в аналогичной группе 23,9%. Таким образом, молодые супруги ориентированы на «надежный» тип привязанности, ценят стабильность, готовы выстраивать гармоничные отношения со своим партнером. Однако, таких пар чуть более 50%. Несмотря на стремление к эмоциональной близости, супруги не всегда достигают необходимого уровня доверительности, их отношения сопровождаются зависимостью от партнера или, напротив, стремлением к независимости и автономности, что вызывает амбивалентные переживания и, вероятно, соответствующие им формы поведения.

1. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. — Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. — 340 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ FZEW-2020-0005

Михайлова И.В.
Ульяновск, УлГУ

Влияние центральной социальной характеристики на когнитивные процессы личности

Центральная черта, центральная характеристика личности, каузальная атрибуция, эксперимент

Введение. Исследование когнитивных, в частности, атрибутивных процессов личности является актуальным вектором изучения в психологии. Теоретической базой исследования является теория С.Аша о наличии «центральной черты» (Asch, 1946).

Постановка проблемы. Несмотря на существование традиций в области изучения разных видов атрибуции и выделения определенных теоретических моделей атрибуции, в настоящее время достаточно мало исследований по выявлению именно детерминант атрибутивного процесса. Представленное исследование предполагает ответить на вопрос, что именно влияет на процесс познания и интерпретации субъектом социальной ситуации.

Методы. В качестве гипотезы выступило предположение, что центральная характеристика в описании личности влияет на дальнейшее восприятие субъекта и опосредует отличие в типах каузальной атрибуции воспринимающего индивида. Нами также была проверена гипотеза о различие типов атрибутивного процесса в разных культурах (на примере российской и иракской выборки). Для проверки гипотезы был разработан эксперимент: Всем испытуемым демонстрировали одну фотографию, на которой было зафиксировано ДТП. Затем испытуемым в случайном порядке предлагали текст с описанием попавшего в ДТП водителя. Текстов было два вида, они отличались между собой только одной единственной центральной характеристикой водителя (теплый-холодный). Перед испытуемыми ставили две задачи: выразить своё суждение об аварии, представив себя наблюдателем и ответить на ряд вопросов, которые были составлены для выявления разных типов каузальной атрибуции (стимульной, личностной и обстоятельственной). В качестве статистической обработки данных использовались различные методы, в частности, метод углового преобразования Фишера.

Выборку исследования составили 70 испытуемых, из них 50 человек –граждане РФ, 20 — граждане Ирака. Было выделено 4 эмпирических группы: 1 группа — испытуемые из РФ, которые в тексте описания попавшего в ДТП водителя видели центральную характеристику «теплый»; 2 группа — испытуемые из РФ, которые видели центральную характеристику «холодный»; 3 группа — испытуемые из Ирака, которые в тексте описания попавшего в ДТП водителя видели центральную характеристику «теплый»; 4 группа — испытуемые из Ирака, которые в тексте описания попавшего в ДТП водителя видели центральную характеристику «холодный».

Обсуждение результатов и выводы. По результатам проведенного исследования действительно было установлено различие каузальной атрибуции в зависимости от предъявленной центральной характеристики. Был сделан анализ типов каузальной атрибуции в зависимости от предъявления определенной центральной характеристики. В стимульной атрибуции вне зависимости от страны проживания испытуемых, при наличии в тексте «теплой» характеристики респонденты достоверно больше склонялись к наличию смягчающих факторов при возникновении ДТП (φ^*=2.2 в выборке РФ; φ^*=2.9 в выборке Ирака), чем при наличии в тексте характеристики «холодный». При исследовании личностного типа каузальной атрибуции в российской выборке было выявлено значимое различие (φ^*=4.2) при предъявлении стимула «теплый-холодный», а в иракской выборке нет (φ^*=0.7). При исследовании обстоятельственной атрибуции результаты исследования выборок из двух стран попали в зону неопределенности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что было установлено влияние центральной социальной характеристики на когнитивные процессы личности, однако это влияние различается в зависимости от типа каузальной атрибуции.

1. Asch, Solomon E. "Forming impressions of personality", The Journal of Annormal and Social Psychology 41.3 (1946): 258.

Исследование проведено при поддержке гранта № 19-011-00118а

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Роль волонтерства для психологического благополучия современной молодежи

Волонтерство, психологическое благополучие, молодость

Волонтерство является формой добровольной и бескорыстной деятельности человека, направленной на оказание помощи нуждающимся. В российском информационном пространстве также активно используется термин «добровольчество», который может быть использован как синонимичный понятию «волонтерство». Федеральный закон о волонтерской деятельности 2018 года значительно расширил возможности добровольческой деятельности в нашей стране

Молодость как период активного вхождения во взрослость на правах полноценного партнерства с социальным миром является периодом начала созидания будущей «продуктивности» своего бытия. Волонтерство как вид просоциальной активности, реализующее помогающее поведение, создает условия для проявления заботы, развития ориентировки на нужды и потребности социального окружения, других людей [1]. Этим обусловлено особое значение волонтерства для самоопределения и развития молодежи. Данные зарубежных исследований показывают, что добровольчество позитивно влияет на психологическое благополучие и социальную вовлеченность молодежи. Необходимо отметить, что в России наблюдается рост количества людей, участвующих в волонтерской активности: в 2021 году число официально зарегистрированных волонтеров в России составило около 3 млн. человек, а количество добровольцев, работающих на базе НКО или образовательных организаций превышает 7,5 млн человек.

Целью нашего исследования было изучение роли волонтерства для психологического благополучия современной молодежи. В исследовании приняли участие 329 подростков в возрасте от 14 до 18 лет, из которых 57.4% юношей и 42.6% девушек. Предварительный анализ показал, что у 43.8% подростков есть опыт волонтерской деятельности, а у 56.2% такого опыта нет. В качестве методик исследования были использованы: опросник мотивации волонтерской деятельности [2], шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург [3,4]; шкала депрессии, тревоги и стресса [5].

Психологическое благополучие подростков оценивалось при помощи двух методик: шкале психологического благополучия и выраженности показателей депрессии, тревоги и стресса. Анализ корреляционной плеяды показал, что выраженность депрессии, стресса и тревожности связаны друг с другом прямо, а с оценками психологического благополучия обратно. Соотношение психологического благополучия и волонтерской деятельности демонстрирует, что оценки психологического благополучия значимо выше, а выраженности депрессии и тревожности значимо ниже у подростков, имеющих опыт волонтерской деятельности, чем у подростков, не имеющих такого опыта. Было показано, что оценки

психологического благополучия у девушек значимо выше (t=-2.602; p=0.010), чем оценки юношей. Анализ взаимосвязи психологического благополучия и мотивации волонтерства демонстрирует, что оценки психологического благополучия связаны прямо с оценками «волонтерство как ценность», «волонтерство как социальная функция» и «волонтерство как источник компетенции. Были обнаружены гендерные различия в характере взаимосвязи психологического благополучия и мотивации волонтерства.

1. Молчанов С. В., Алмазова О. В., Поскребышева Н. Н. Отношение к цифровому волонтерству российской молодежи // International Journal of Open Information Technologies. — 2021. — № 12, с. 83-88.
2. . Clary, E. G. & Snyder, M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current Directions in Psychological Science. 2002. No. 8. P.156-159
2. Шилко Р.С., Долгих А.Г., Алмазова О.В. Измерение психического здоровья в образовательном пространстве: шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы I Международной научно-практической конференции (10-11 октября 2018 г., Санкт Петербург). 2018, ч.1, с. 278-283.
3. Lovibond S.H., Lovibond P.F. Manual for the Depression Anxiety and Stress Scales. Psychology Foundation, Sidney, NSW, 1995.
4. Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // Health and Quality of Life Outcomes. 2007 V. 5:63.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00439

Мышкина М.С.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Структура идентичности одаренных семиклассников

Идентичность, социальная, персональная идентичность, одаренность, семиклассники, подростковый возраст, эксперимент

Идентичность — сознательное самоопределение социального субъекта и результат связи между процессами познания, идентификации и социальным контекстом, воспринимается как динамично развивающийся мир, границы которого определяются осознанным отношением к своему месту в разных социальных группах (Гудзовская, 2014; Мышкина, 2020). Дж. Тернер выделяет условия категоризации: межгрупповой характер ситуации, роль других людей в определении направления классификации, единство действий членов группы, поддержка со стороны значимых членов группы, коллективное обсуждение параметра категоризации (Тернер, 2003). Тем самым возникает персональная идентичность как знание и эмоциональное переживание собственной уникальности и социальная как часть «я», результат ценности принадлежности к социуму. Это позволяет изучить структуру идентичности, в том числе семиклассников как центральной группы подросткового возраста. Одаренные подростки с высоким уровнем интеллекта — обладатели особых представлений о своей идентичности.

Цель — выявить особенности баланса персонального и социального видов в структуре идентичности одаренных семиклассников. Исследование проведено в ГБНОУ СО «Академия для одаренных детей (Наяновой)», г. Самара (сентябрь-декабрь 2021). Выборка: 33 (11 м, 22 ж), 13 лет; экспериментальная (ЭГ, n=16) и контрольная (КГ, n=17) группы. Методы: тестирование («Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда); 10 специальных занятий по активации групповой сплоченности и расширению социальной идентичности (живое общение и онлайн); финальное тестирование. Анализировалось сравнение средних значений категорий персональной (Я, индивидуальные характеристики) и социальной (человек, социальные роли) идентичности ЭГ до и после занятий; ЭГ и КГ финального тестирования с использованием t-критерия Стьюдента.

Результаты. В ЭГ выявлена динамика (p=0,05) в употреблении «я» (от 0,35 до 1,5), в том числе в сравнении с КГ (1,5 и 0,13). В ЭГ выявлена тенденция к росту в самоописании индивидуальных характеристик (от 14,18 до 16,25) и социальных ролей (от 6,94 до 8,75). Употребление категории «человек» в ЭГ не изменилось (от 0,77 до 0,75). Выявлено значимое различие (p=0,05) в использовании ЭГ индивидуальных характеристик в сравнении с КГ (16,25 и 5,63). В обеих группах выявлена тенденция динамики средних значений персональной и социальной идентичности. В ЭГ — рост персональной (от 15,53 до 17,75) и социальной (от 7,71 до 9,50); в КГ — уменьшение персональной (от 8,01 до 5,76) и увеличение социальной (от 5,69 до 14,06) идентичности.

Обсуждение. Результат специально организованных занятий по активизации групповой сплоченности в ЭГ — изменение баланса в структуре идентичности, рост персональной идентичности. Это связано с доминированием в данной группе индивидуалистического самоотношения, собственной уникальности, стремления подчеркнуть личностную неповторимость на фоне группы, ценность которой также выросла. Обратная тенденция в КГ говорит о нелинейности процесса самокатегоризации у одаренных подростков, необходимости более длительной серии занятий по стимулированию социальной идентичности с приоритетом непосредственного общения.

Выводы. Специально организованные занятия по активизации субъективной значимости группы влияют на баланс персональной и социальной видов в структуре идентичности у подростков. У одаренных семиклассников с высоким уровнем интеллекта процессы самокатегоризации характеризуются как нелинейные, зависящие от когнитивной ориентации, формата общения (непосредственный/онлайн), количества специальных занятий и осознания ценности включения в социальные группы различного уровня и масштаба.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00567

Попова Л.В., Ковалева А.П.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Анализ влияния компонентов эмоционального интеллекта на оценку внешнего облика у студентов

Эмоциональный интеллект, внешний облик, студенты

Интерес к собственному внешнему облику в современном мире основывается на его роли в выстраивании межличностных отношений и социально-перцептивного познания человека человеком. Как отмечает В.А. Лабунская, внешний облик, внешнее Я, являясь формой объективизации внутреннего мира личности, характеризуется динамичностью, вариабельностью конструируемой совокупности трех взаимосвязанных подсистем: физического, социального облика и экспрессивного поведения (В.А. Лабунская, 2018). Контроль экспрессии или управление своим поведением является одним из компонентов эмоционального интеллекта, определяемого как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» (Д.В. Люсин, 2004). Обрабатывая эмоциональную информацию, личность получает способность максимально соответствующего адаптивного поведения, что делает эмоциональный интеллект значимым регулятором социальных взаимоотношений (Mayer J.D. & Salovey P., 1993).

Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и отношения к внешнему облику у студентов. Эмпирическим объектом выступили 76 студентов ЮФУ в возрасте от 18 до 24 лет, из них 13 юношей и 63 девушки. Гипотеза — эмоциональный интеллект и отношение к внешнему облику у студентов могут быть взаимосвязаны. Методы исследования: респондентам было предложено ответить на вопросы методики «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика В.А. Лабунской, анкеты «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской и И.И. Дроздовой, теста (опросника) эмоционального интеллекта Д.В. Люсина.

Статистический анализ полученных результатов осуществлялся с помощью корреляционного анализа по Пирсону (коэффициент корреляции r при уровне достоверного p 0,05), который позволил выявить статистически значимые корреляционные взаимосвязи между компонентами эмоционального интеллекта и оценочно-содержательной интерпретации внешнего облика. Наибольшее количество значимых взаимосвязей оказалось со следующими шкалами: общий эмоциональный интеллект, межличностный эмоциональный интеллект; субшкалами управление чужими эмоциями и управление своими эмоциями (которые составляют шкалу «управление эмоциями»). Можно сделать вывод о том, что в оценочно-содержательной интерпретации внешнего облика оказывает влияние на наибольшее количество оценочно-содержательных характеристик ВО способность человека управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. Чем лучше респонденты способны управлять своими эмоциями, контролировать их, на основе пони-

мания собственного эмоционального состояния и эмоционального состояния других людей, тем выше респонденты оценивают собственный внешний облик (оформление, выразительное поведение, привлекательность лица и телосложения, мужественность/женственность, привлекательность для противоположного пола и сексуальность), так как негативные эмоции не подавляются, а обрабатываются личностью и сообразно используются для решения возникающих в межличностном общении проблем, а также способствуют повышению уровня удовлетворенности своим внешним обликом, о чем свидетельствует полученная положительная корреляционная взаимосвязь (r = 0,351).

Таким образом, мы доказали нашу гипотезу о наличии взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и оценкой внешнего облика у студентов.

1. Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103.
2. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Институт психологии РАН; под редакцией Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. Москва: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.
3. Mayer J.D. & Salovey P. (1993). The intelligence of emotional intelligence, Intelligence, 17, (4), 433–442.

Посохова С.Т., Голенищева Н.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Культурно-исторический аспект потребности в познании феномена любви

Любовь, феномен любви, познание, культура

Историческая хроника свидетельствует о том, что любовь, как объект познания, всегда обладала исключительной притягательностью. В европейской культуре она обретает когнитивный суверенитет и осмысляется как самостоятельный феномен в эпоху античности. На этом этапе были эксплицированы мифологическая, космогоническая и натурфилософская концепции любви, которые собирательно отражены в работах Платона. Средневековые мыслители, Аврелий Августин, Григорий Двоеслов и многие другие, исследуют природу любви в рамках христианского учения, которое задает вертикальный вектор познания: «Бог есть любовь». Ренессансная теория любви преломляет когнитивные идеи предыдущих эпох и конструирует собственный, антропоцентричный концепт. В.П. Шестаков (1999г.) выделяет три этапа осмысления феномена: поэтический, философский и эротико-дидактический. В эпоху Просвещения, любовь к закону и праву, агрессивно вытесняет приоритет человеколюбия. Антропоцентричная модель любви, сменяется на рациоцентричную, что очевидно выражено в трудах Гельвеция и Франсуа де Сада. В XX в. теория любви была переквалифицирована в сексологию, основателем которой считается З. Фрейд. Когнитивная доминанта, сжатая до либидо, осмысляется в пространстве биоцентричной концепции.

С целью определить культурное содержание и ценность любви для современного человека, мы разработали опросник из пяти шкал. Одна из субшкал позволила оценить когнитивный статус и потребность в познании феномена любви. Субшкала «Актуальная потребность познания феномена любви» состоит из 10 вопросов, раскрывающих значимость различных потребностей в жизни современного человека. В исследовании участвовали 90 человек, мужчины и женщины от 14 до 65 лет, разного социального статуса и образования.

В результате многомерной статистической обработки диагностических данных было получено три фактора. Первый фактор «Личный контекст познания феномена любви» (дисперсия 31,9%) указывает на то, что любовь не является культурным объектом когнитивного внимания до момента возникновения личного опыта любви. Содержание второго фактора «Преобладание прагматической установки над потребностью познания феномена любви» (дисперсия 14,9%) позволяет считать, что любовь как объект познания не включена в сферу повседневной жизни, не является камертоном для обыденных ситуаций. Реализация прагматических задач преобладает над потребностью познания феномена любви. Третий фактор «Вытесненная потребность в познании феномена любви» (дисперсия 12,7%) выявил наличие дезактуализированной потребности в познании феномена, вероятно, по причине личного разочарования в опыте любви. Собственное

представление о любви консервируется, считается предельным и достаточным, авторитетных источников по данному вопросу для личности не существует.

Проведенное нами культурно-историческое исследование позволяет говорить, что актуальность когнитивного познания и культурное содержание феномена любви связаны с духовно-нравственным состоянием общества, ходом исторических событий и судьбой отдельной личности. Однако полученные эмпирические результаты отражают некоторую когнитивную отчужденность участников исследования от культурно-исторического опыта. Когнитивная потребность в познании феномена отстает от личного опыта переживания любви. Когнитивно обедненный образ любви, лишенный культурных и экзистенциальных ориентиров, становится для человека возможной причиной личного разочарования в опыте переживания любви.

Проведенное исследование показывает важность маркировки когнитивного статус любви как самостоятельного культурного феномена, требующего систематизированного и глубокого осмысления. Любовь является уникальным ресурсом и основанием для развития миротворческой коммуникации с окружающим миром, с близкими и собой.

1. Шестаков В.П. «Эрос и культура: философия любви и европейское искусство» Режим доступа: Lib.ru/Современная литература: Шестаков Вячеслав Павлович. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство (2022 г.)

Сабитова М.С., Одинцова М.А.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Типы семейных сценариев взрослых (пилотажное исследование)

Семейные сценарии, модели семьи

Подход к влиянию семейной истории на судьбу человека был зарожден в психоаналитической традиции и нашел свое продолжение в теории семейных систем М. Боуэна, концепции жизненного сценария Э. Берна, трансгенерационном подходе А.А. Шутценбергер, В. Де Гольжак, концепции лояльности Бузормени-Надя и др., постулирующих о бессознательной природе повторения чувств, поведения и судеб в рамках нескольких поколений.

Одной из задач пилотажного исследования было определение типов семейных сценариев взрослых на основании индикаторов, отражающих отличительные черты близких значимых отношений на протяжении трех поколений в семье: доминирующие чувства в близких отношениях, повторение опыта семейных отношений и поведенческих паттернов в истории семьи; эмоции, связанные с детским опытом. В исследовании участвовало 32 человека (7 мужчин и 25 женщин). Из них в формате двух психологических тренингов — 17 человек, и в индивидуальной работе с семейной историей — 15 человек. Использованы методики: 1. Авторская проективная техника Е.С. Гусаровой, М.А. Одинцовой "Свободная генограмма отношений" (Гусарова, Одинцова, 2018), по которой был проведен анализ значимых аспектов в отношениях между партнерами в трех поколениях. 2. Проективная методика К. Адамс (Adams, 2019), содержащая четыре проективные картинки для иллюстрации детских переживаний. Участникам предлагалось выбрать одну из предложенных, которая отражала период их детства.

Был проведен качественный анализ по сценарным индикаторам: 1) доминирующие чувства в отношениях (собственных; родителей; прародителей); 2) модели поведения в выстраивании своих отношений, в истории отношений родителей и прародителей; 3) иллюстрации, отражающие различный детский опыт; 4) эмоциональный и поведенческий компоненты, относящиеся к детскому опыту. Для выделения типов семейных сценариев, все ответы были закодированы экспертами. Определение типа семейного сценария осуществлялось с помощью ЭФА (вращение Варимакс). Выявлено 4 фактора, объясняющих 51,09% общей дисперсии (F1=18,24%; F2=12,05%; F3=11,71%; F4=9,09%).

Обнаружено четыре типа семейных сценариев: 1) "Жизнеспособный" (12,5%) характеризуется безопасностью отношений, позитивным опытом близости; 2) "Поддерживающий" (6,25%), в котором обнаружена некоторая пассивность и опора на поддерживающую фигуру в детстве; 3) Сценарий "Нарушенной привязанности" (65,62%) характеризуется амбивалентностью эмоций, смешением разных способов избегания близости; 4) Сценарий "Тяжелая судьба" (15,63%) отразил трагичные события семьях и деструктивные отношения. У одной женщины с инвалидностью выделился сценарий «Тяжелая судьба»; а у одной матери

ребенка с инвалидностью «Жизнеспособный» сценарий. Полученные результаты значимы для практики семейного консультирования. Необходимо продолжение исследования для расширения ряда индикаторов и уточнения типов сценариев.

1. Гусарова, Е. С. Одинцова М.А. Семейные сценарии лиц с разным уровнем жизнеспособности // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2018. С. 806-812.
2. Adams K. Navigating the spaces of children's spiritual experiences: influences of tradition(s), multidisciplinarity and perceptions // International Journal of Children's Spirituality. 2019 Vol. 24. №1. P. 29-43.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00820

Савина О.О., Баранова В.А.
Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова

Реальное и виртуальное общение в пандемию COVID-19: опыт подростков

Мотивация общения, подросток, реальное общение, социальная изоляция, дистанционное обучение

Введение. В психологическом плане социальная изоляция представляет собой реальное или воспринимаемое отсутствие удовлетворяющих социальных отношений, несоответствие между желаемыми и достигнутыми паттернами социального взаимодействия. Вследствие ограничений, вызванных пандемией COVID-19 в 2020 году, в ситуации самоизоляции, дистанционной работы и обучения общение людей на длительное время переместилось в интернет-среду, приобрело форму онлайн-общения, что повлекло за собой изменение как процесса общения подростков, так и их потребности в личных встречах офлайн.

Проблема. Тенденция по вытеснению реального общения виртуальным, которая усилилась в ситуации пандемии, ставит вопросы о том, является ли виртуальное общение полноценной заменой реальному, каковы последствия смещения общения в сторону виртуальной среды для развития подростков, удовлетворяет ли общение в интернет-пространстве потребности подростка, возможна ли полноценная реализация ведущей деятельности подросткового возраста интимно-личностное общение в подобной форме.

Методы. Опросник аффиляции А. Мехрабиана (в адаптации М.Ш.Магомед-Эминова); разработанная авторами анкета на выявление изменений в общении у подростков во время пандемии, степени удовлетворенности виртуальным и реальным общениями в разный период, оценка изменения круга общения (10-балльная шкала). Анонимная анкета в Google-форме распространялась в соцсетях в период обязательного дистанционного обучения (весна 2020-начало 2021 гг.) и в осенний период 2021 г., когда были частично сняты ограничения. Выборка: 72 человека (76 % девушек, 24% юношей). Средний возраст опрашиваемых — 16 лет.

Результаты. Данные по опроснику аффилиации А. Мехрабиана демонстрируют большую выраженность мотива «стремление к принятию группой» (M=120,08(SD=24,21); страх отвержения с в среднем ниже (M=128,83 (SD=26,2), что отражает высокую потребность подростков в контактах и ведет к поиску общения в группе. По данным исследования подтверждены гипотезы: менее удовлетворены дистанционным общением подростки с большей удовлетворённостью в реальном общении (Rp =,284; p.05); со временем удовлетворённость дистанционным общением повысилась (Rp =,550; p.05); более удовлетворены реальным общением подростки, которые меньше нуждаются в близких друзьях, чем большинство других (Rp =,22; p.05); более удовлетворены реальным общением подростки, которые легко сходятся с людьми (Rp =,310; p.05).

Обсуждение. Выявлено, что за период пандемической ситуации и постепенного снятия социальных ограничений удовлетворённость дистанционным общением повысилась. Произошли значимые изменения в структуре общения: подростки стали более ориентированы на дистанционное общение. Более удовлетворены реальным общением подростки, которые меньше нуждаются в близких друзьях и подростки, которые легко сходятся с людьми. Менее удовлетворены дистанционным общением подростки с большей удовлетворённостью в реальном общении и подростки с мотивационной тенденцией боязни отвержения.

Выводы. Выраженность потребности в общении у подростков имеет высокую степень. Дистанционная форма общения является органичной формой общения — большая часть опрошенных смогла перестроиться на общение в интернете, расширить свой круг общения, быть вполне удовлетворенными этим общением. Однако, виртуальное общение имеет для респондентов как положительные, так и отрицательные аспекты. Полноценная реализация ведущей деятельности подросткового возраста (интимно-личностное общение) возможна при гармоничном сочетании реальной и виртуальной форм общения.

Сачкова М.Е.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Психология последователя: типы и особенности изучения

Последователи, лидерство, типы последователей, аутсайдеры, среднестатусные члены группы

В последнее время все больше внимания в рамках изучения феномена лидерства уделяется проблеме последователей. Следование заключается в принятии индивидом или группой влияния, оказываемого лидером для достижения общей цели. При этом особый интерес у исследователей вызывает вопрос о том, какой тип последователя и соответственно стиль взаимодействия являются наиболее эффективными. На данным момент было уже предпринято несколько попыток классификации последователей (Петрушихина, 2018). Так, большинство исследователей разделяют не-лидеров по степени их активности — от самых деятельных, мотивированных, которые ставят общественные интересы выше личных, до пассивных индивидов, занимающих либо позиции «наблюдателей», либо полностью исключенных из ситуации взаимодействия с лидером и группой.

Одной из самых популярных стала модель Р. Келли, разработанная на основе результатов фокус-групп и индивидуальных опросов, в ходе которых респонденты давали словесное описание «лучших» и «худших» последователей (Kelley, 1992). Опираясь на два параметра — критическое мышление и вовлеченность, автор выделил 5 основных типов последователей: 1) Отчужденные — независимые, часто выступают в роли «критика». 2) Конформисты — лояльны целям организации и не имеют собственного взгляда на ситуацию. 3) Прагматики — средняя степень независимости и включенности в группу. 4) Пассивные — не отличаются критическим мышлением и имеют низкую степень включенности, крайне зависимы от лидера. 5) Образцовые — критически мыслящие и самые активные члены группы, которые могут предлагать новые идеи и выходить за рамки традиционного подхода.

Еще одной интересной типологией стала 4D-модель Р. Адэра, разделившая последователей на: 1) учеников (сосредоточены на удовлетворении чужих запросов, коммуникативны, готовы учиться, привержены организации), 2) деятелей (сосредоточены на своих потребностях, достаточно трудолюбивые и конкурентноспособные), 3) отстраненных (пассивны, не включены в организационное взаимодействие), 4) разочарованных (сильно реагируют на стресс, агрессивны, не толерантны).

В социальной и организационной психологии можно найти и другие типологии, однако следует отметить, что авторы не акцентируют внимание на том, кого они анализируют в действительности — последователей или подчиненных и можно ли последователями считать всех сотрудников организации? Модель Р. Адэра сконцентрирована, например, в большей степени на проблеме удовлетворенности трудом и текучести кадров, нежели взаимоотношениях с лидером. Зача-

стую разные названия не-лидеров понятийно размываются и рассматриваются как синонимы. Однако если мы разводим понятия руководства и лидерства, то же самое нужно делать и в ситуации с последователями. Прежде всего, мы должны рассмотреть вопросы статусно-ролевых отношений, лежащих в основе определения психологических особенностей последователей. Так, ни один автор типологии не описывает специфику аутсайдеров и среднестатусных членов группы, которые имеют существенные различия. Они выявлены в наших исследованиях (Сачкова, 2020). Таким образом, разработка проблемы психологии последователя должна быть напрямую связана как с детализацией самого понятия, так и разработкой теоретико-методологических подходов к изучению данного феномена.

1. Петрушихина, Е.Б. Последователи в лидерстве: возможные типологии / Е.Б. Петрушихина // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. — Красноярск: Издательство ФГБОУ ВО СГУНиТ им. ак. М.Ф. Решетнева, 2019. — С. 125-128.
2. Сачкова, М. Е. Психология среднестатусного учащегося / М.Е. Сачкова. — Москва: Юрайт, 2020.
3. Adair, R. Developing great leaders, one follower at a time / R. Adair In R. Riggio, I. Chaleff, & J. Lipman-Blumen (Eds.), The art of followership: How great followers create great leaders and organizations. 2008. San Francisco: Jossey-Bass. — P. 137-153.
4. Kelley, R. The Power of Followership / R. Kelley — New York: Doubleday. — 1992.

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования с общественной опасностью лиц, признанных невменяемыми

Невменяемость, общественная опасность, ранние дезадаптивные схемы, дисфункциональные режимы функционирования схем

Сформированные до болезни антисоциальные установки вносят весомый вклад в генез общественно опасного поведения невменяемых лиц [1]. А. Бек высказал идею, что такие установки начинают формироваться в детстве под влиянием неблагоприятного опыта, а во взрослой жизни приводят к недоверчивости, враждебности, восприятию других в качестве «добычи» и недооценке возможных последствий во время немедленного удовлетворения собственных потребностей [2].

Согласно концепции схема-терапии, под влиянием детского опыта у человека формируются ранние дезадаптивные схемы — личностные структуры, включающие эмоции, когниции, воспоминания; и дисфункциональные режимы их функционирования — эмоциональные и поведенческие реакции, запасающиеся в ответ на активацию схем [3]. Справедливо предположить, что некоторые из таких схем и режимов могут являться драйверами совершения общественно опасных действий, в том числе в группе невменяемых лиц. Существуют исследования, показавшие взаимосвязь определённых схем и режимов с историей агрессии осуждённых и внутрибольничной агрессией невменяемых лиц [4,5].

В нашем исследовании на основе анализа литературы была сформулирована гипотеза: дезадаптивные схемы «недостаточность самоконтроля», «недоверие», «привилегированность» и «подавление эмоций», а также дисфункциональные режимы «разъярённый» и «импульсивный» ребёнок положительно связаны с уровнем общественной опасности невменяемых лиц. В выборку вошли 30 пациентов-мужчин от 23 до 50 лет (средний возраст 33±7,1 года), направленных на принудительное лечение в Санкт-Петербургскую Психиатрическую больницу специализированного типа с интенсивным наблюдением. Методы исследования: опросники схем «YSQ-S3R» и режимов «SMI» (Young, J., 2014, пер. П.М. Касьяник), шкала оценки риска насилия «HCR-20» (Кристофер Д. Вебстер, 2008). Статистическая обработка данных производилась с помощью программы «IDE RStudio» и языка программирования «R» (ранговый коэффициент корреляции Спирмена, поправка Бенджамини-Хохберга).

Как и прогнозировалось, обнаружена умеренная положительная взаимосвязь схемы «недоверие» ($p \leq 0{,}05$) и слабая — «недостаточность самоконтроля» ($p \leq 0{,}05$) с уровнем общественной опасности невменяемых лиц, что подтверждает идею о недоверчивости и импульсивности личностей, склонных к антисоциальному поведению. Статистически значимых связей со схемами «привилегированность»

и «подавление эмоций» и со всеми дисфункциональными режимами не обнаружено, что может являться следствием ограничений исследования (небольшая выборка, отсутствие доступа к пациентам, представляющих особую опасность, и исследований о валидности отечественных версий трёх методик).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что схемы, связанные с доверием и самоконтролем, играют определённую роль в структуре общественной опасности невменяемых лиц, что согласуется с данными зарубежных исследований [4,5]. Для снижения риска совершения повторных деликтов может использоваться схема-терапия, показавшая свою эффективность [4]. Полученные значимые результаты свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших исследований для дополнительного прояснения взаимосвязи схем и режимов с уровнем общественной опасности. Стоит также отметить, что работа на данную тему — первая на русском языке.

1. Мальцева М.М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. — М: Медицина, 1995. — 256 с.
2. Янг, Дж. Клоско, Дж., Вайсхаар, М. Схема-терапия. Практическое руководство: Пер. с англ. — СПб: ООО «Диалектика», 2020 — 446 с.
3. Beck A.T., Davis D.D., Freeman A. (ed.). Cognitive therapy of personality disorders. — Guilford Publications, 2015.
4. Dunne A.L. et al. The role of aggression-related early maladaptive schemas and schema modes in aggression in a prisoner sample //Aggressive behavior. — 2018. — Vol. 44. — No. 3. — PP. 246-256.
5. Lewis D. et. al. Assessing schema modes using self-and observer-rated instruments: associations with aggression //Journal of interpersonal violence. — 2021. — Vol. 36. — No. 17-18. — PP. NP9908-NP9929.

Ширко С.М.
Минск, БГУ

Личностные особенности мужчин и женщин, склонных к диспозиционной жадности

Диспозиционная жадность; ситуативная жадность; гендерные различия; личностные характеристики.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях жадность определяется как ненасытное желание и неограниченное стремление получать всё больше новых благ и нежелание расставаться с накопленными сбережениями, как материальными, так и нематериальными [2; 4; 5]. В психологических исследованиях жадность рассматривается с ситуационной точки зрения, а жадное поведение в определённых конкретных обстоятельствах. Однако, есть люди, которые более мотивированы жадностью, чем другие, и могут отличаться друг от друга уровнями жадного поведения в определенных ситуациях [3–5]. Диспозиционная жадность (жадность как устойчивая мотивация) проявляется по отношению к любым предметам или объектам не зависимо от ситуации как ненасытное, эгоистичное желание большего, независимо от используемых средств и может быть активирована ситуационными характеристиками [2].

Теоретический анализ ранее проведённых исследований жадности как устойчивой мотивации [1–5] позволил констатировать, что личностными факторами диспозиционной могут выступать материализм, зависть, эгоизм, собственничество, ненасытность, скупость, невротизм и психотизм.

В исследовании приняло участие 398 респондентов (188 мужчин и 210 женщин) в возрасте от 24 до 67 лет (средний возраст 45,5 лет). В качестве инструментария были использованы следующие методики: «Шкала диспозиционной жадности», разработанная И. А. Фурмановым и С. М. Ширко; Опросник «Алчность» (автор Ю. Щербатых); «Опросник измерения монетарных аттитюдов B. Klontz и T. Klontz» в адаптации Д. А. Баязитовой, Т. А. Лапшовой; «Опросник диспозиционного материализма» (авторы К. В. Карпинский и Н. В. Кисельникова (Волкова); Шкала «Альтруизма-эгоизма» («Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной; Шкала «Невротизма-психотизма» (в составе «Психодиагностического теста (ПДТ)» В. М. Мельникова, Л. Т. Ямпольского).

Сравнительный анализ полученных данных позволил определить личностные особенности мужчин и женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности. Было выявлено, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении с мужчинами имеют более высокие показатели по таким личностным характеристикам: ненасытность (M=3,91, SD=2,15 против M=3,10, SD=1,98 при p0,001), жадность (M=7,52, SD=2,23 против M=6,85, SD=2,19 при p=0,003), собственничество (M=8,15, SD=2,22 против M=7,70, SD=2,21 при p=0,046), общий материализм (M=20,36, SD=4,43 против M=18,95, SD=4,49 при p=0,002), альтру-

изм (M=5,63, SD=2,21 против M=4,83, SD=2,31 при p0,001), невротизм (M=6,02, SD=2,35 против M=4,50, SD=2,29 при p0,001).

Таким образом, результаты проведённого исследования позволяют констатировать, что женщины с высоким уровнем диспозиционной жадности в отличии от мужчин неспособны быть удовлетворёнными и отличаются высокой предрасположенностью наделять значимостью материальную сторону своей жизни.

1. Карпинский, К. В., Кисельникова (Волкова), Н. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова) // Психол. журнал. — 2019. — Т. 40. — № 1. — С. 104–117.
2. Фурманов, И.А., Ширко, С.М. Разработка шкалы диспозиционной жадности / И.А. Фурманов, С.М. Ширко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология — 2020. — №3. — С.78–86.
3. Щербатых, Ю. В. Психология жадности / Ю. В. Щербатых // Социально-экономические, правовые и общенаучные аспекты модернизации российской экономики. — Воронеж : ВФ МГЭИ, 2011. — С. 215 — 218.
4. Krekels, G., Pandelaere, M. Dispositional greed / G. Krekels, M. Pandelaere // Personality and Individual Differences. — 2015. — Vol. 74. — P. 225–230.
5. Seuntjens, T. G., Zeelenberg, M., van de Ven. N., Breugelmans, S. M. Dispositional greed / T. G. Seuntjens, M. Zeelenberg, N. van de Ven., S. M. Breugelmans // Journal of Personality and Social Psychology. — 2015. — Vol. 108, №6. –P. 917–933.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ В РАЗВИТИИ

Зверева Н.В., Зверева М.В.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Пилотное сопоставление результатов применения методики «Конструирование объектов» для исследования мышления подростков с шизотипическим расстройством в 1990, 2000 и 2010 годах

Шизотипическое расстройство, подростки, методика «Конструирование объектов»

Введение. Со времен Э.Крепелина и в течение всего 20 века расстройства (патология, нарушения, особенности) мышления рассматриваются как существенно важные при заболеваниях шизофренического спектра. Б.В.Зейгарник описала свой взгляд на проблему, в работах Ю.Ф.Полякова и коллег также показано своеобразие мыслительной деятельности при шизофрении у лиц молодого возраста. Работы Н.П.Щербаковой, Т.К.Мелешко, С.М.Алейниковой выявили своеобразие формирования мышления у детей и подростков, заболевших шизофренией. Н.В.Зверева, А.А.Коваль-Зайцев, А.И.Хромов, С.Е.Строгова и др. продолжили работу. Представляет интерес оценка результатов этих исследований в историческом аспекте, поскольку известно, что культурно-историческая ситуация, своеобразие социальной ситуации развития по Л.С.Выготскому может серьезно влиять на формирование мышления в его нормативном варианте, и при различных видах дизонтогенеза. Работы патопсихологов из Санкт-Петербурга (О.А.Литвиненко, В.И.Рождественского и др.) показали влияние историко-временного фактора на проявления психопатологической симптоматики у пациентов с шизофренией.

Последняя четверть XX века прошла под знаком выделения когнитивных (нейрокогнитивных) нарушений в особый, отдельный вариант проявлений психических болезней. Когнитивные нарушения при шизофрении у детей и подростков изучены меньше, чем у взрослых. В России особенности мышления оценивают через качественный анализ количественных показателей методик, разработанных в нашей стране, адаптированных вариантов зарубежных средств диагностики. С 80-х годов 20 в. сотрудники лаборатории патопсихологии (ныне отдел медицинской психологии) Научного центра психического здоровья используют методику

«Конструирование объектов» в клинико-психологической диагностике детей и подростков при изучении своеобразия мышления.

Цель: сопоставление результатов применения методики «Конструирование объектов» в 1990, 2000 и 2010 годах. Проведен пилотный анализ результатов диагностики подростков с диагнозом шизотипическое расстройство(F21) по МКБ10. Мы предполагаем, что в выполнении этой методики будут обнаружены изменения результатов в эти 3 периода. Испытуемые: больные подростки обоего пола, диагноз F21.x по МКБ10, проходившие лечение в НЦПЗ. В 1990 -11 человек (16-19 лет) (далее — 1990). В 2000 — 16 человек (13-16 лет) (далее 2000). В 2010 — 16 лет (13-16 лет) (далее 2010). Методика: «Конструирование объектов» (разработана Т.К.Мелешко, С.М.Алейниковой, настоящий вариант обработки описан Н.В.Зверевой). Ответы пациентов сопоставлялись со стандартными ответами соответствующих возрастных групп. Параметры оценки: КС — коэффициент стандартных ответов (отношение стандартных ответов к общему числу ответов); КЦ — коэффициент целостных ответов (отношение ответов, включающих обязательное присутствие всех заданных свойств объекта без дополнительных условий к общему числу ответов), КК — коэффициент комбинаторных ответов (отношение ответов, в которых создается специальное условие для наличия какого-либо из свойств и общему числу ответов), П — продуктивность (общее количество ответов, включая соответствующие требованиям инструкции и иные).

Результаты. При сравнении показателей по критерию Крускала — Уоллиса выявлены достоверные различия показателя КК между группами больных 1990 и 2010, H= 10,412 (p 0,033), и между группами обследованных пациентов 2000 и 2010 H=11,906 (p0,007). Между 1990 и 2000 существенных различий по КК не обнаружено. По другим параметрам (КЦ,КС,П) достоверных различий не выявлено. Полученные результаты свидетельствуют об определенной стабильности параметров мышления подростков с шизотипическим расстройством и указывают на необходимость расширения вариантов способов оценки. Тот факт, что основные различия получены в КК, может быть связан с принадлежностью к разным поколениям исследуемых больных X (1990), Y (2000), Z (2010). Это предположение требует дополнительной проверки на больших выборках и других дополнительных средств оценки мышления.

1. Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М. 2015.

Ипатов А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГГМУ

Шишигина Т.Р.
Санкт-Петербург, СПбГУПТД

Системные эффекты влияния самодетерминации аутодеструкции на поведение подростка в различных ситуациях социального взаимодействия

Аутодеструкция, подросток, личность, самодетерминация, коррекция, акцентуация, поведение

Аутодеструкция обусловлена не универсальным и статичным свойством или набором свойств личности, а скорее гибким сочетанием личностных параметров в зависимости от конкретной ситуации [1].

Гипотеза исследования: в субъективно различно воспринимаемых социальных ситуациях выбор аутодеструкции подростком будет определяться не только общим дефицитом личностной регуляции (предикативная функция), но и системным взаимодействием индивидуально-психологических и ситуативных особенностей, в котором личностный дефицит будет выполнять функцию опосредования (модерационная функция). Для проверки гипотезы была сформирована группа подростков 13-15 лет в количестве 600 чел. Методический инструментарий был представлен методикой исследования самооценки эмоционально-волевых, коммуникативных, интеллектуальных свойств личности «Самооценка» (Р. Кеттелл, Т. Дембо — С.Я. Рубинштейн, модификация И.И. Мамайчук), тест-опросником самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантилеева (ОСО), методикой «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина (МЛО, 1 часть), опросник ПОР. Для статистического сравнения полученных результатов изучаемых групп использовался критерий t-Стюдента для независимых выборок..

На основе модели взаимоотношений были рассмотрены следующие типы ситуаций: давления, угрозы, противоречивых требований, самоопределения.

В ситуации давления (по субъективной оценке испытуемых) фактор личности опосредует влияние на формирование аутодеструкции следующих индивидуально-психологических особенностей подростков: неустойчивой акцентуации характера (увеличение доли объясняемой дисперсии на 13%; β=0,162), самооценки напряженности (R^2=11%; β=0,225), самооценки беспечности (R^2=5,7%; β=0,124), расслабленности (R^2=3,7%; β=-0,15). Анализ полученных зависимостей объясняет выбор аутодеструктивного поведения в ситуации давления: чем директивнее воспринимаемая подростком ситуация, тем быстрее он хочет от неё избавиться, но не действует.

Ситуация угрозы — системный эффект личности и субъективной оценки ситуации проявляется парадоксальным образом: мера опасности подростком недооценивается. Во враждебной ситуации слабость личности опосредует дей-

ствие эмоциональных факторов: флегматичности и ее самооценки (R^2=6,8%; β=-0,12 и R^2=12%; β=-0,23 соответственно), лабильной акцентуации характера (R^2=13%; β=0,217).Снижение показателей активности и возбудимости и повышение переживаний от неприятия окружающими.

Ситуация противоречивых требований — системный эффект проявляется в том, что слабый личностный фактор облегчает проявление аутоагрессии (R^2= 11%; β=0,33), озабоченности (R^2= 17%; β=-0,27) и шизоидной акцентуации характера (R^2= 17%; β=0,33). В ситуации противоречивых требований, когда, по сути, обостряется потребность в опоре, определенности и предсказуемости, у подростков формируется аутодеструктивное поведение как следствие отсутствия внутренней опоры, стержня.

Ситуация самоопределения — результаты модерационного анализа показывают, что в автономной ситуации значительно возрастает роль внутренних противоречий. Вообще-то, чем менее свободной воспринимается ситуация подростком, тем выше коэффициент аутодеструкции как следствие неудовлетворенной возрастной потребности в самоопределении и самоутверждении и псевдокомпенсаторной активности в форме рискованного поведения.

Механизм коррекции саморазрушения в контексте социальной ситуации — разрушение сформированного стереотипа на восприятие и понимание других людей и самого себя. Это возможно через активизацию внутренней работы по осмыслению и переработке личного опыта. В коррекции саморазрушения важно обеспечить осуществление двух процессов: 1) сосредоточенность на аутодеструктивном поведении и его причинах, осознанность и понимание истоков личного неблагополучия, 2) выход за пределы наличной ситуации, создание установки на альтернативное видение мира.

1. Ипатов А.В. Психология аутодеструктивного поведения подростков: монография / А.В. Ипатов. — Москва: РУСАЙНС, 2019. — 288 с.

Миланич Ю.М., Мамайчук И.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Когнитивно-поведенческий подход в снижении симптомов дистресса матерей новорожденных с патологией центральной нервной системы

Когнитивно-поведенческий подход, дистресс, матери новорожденных, патология центральной нервной системы

Введение. Подавляющее число программ семейного вмешательства при неонатальной госпитализации разработано для родителей недоношенных новорожденных. При этом наибольшую эффективность показал когнитивно-поведенческий подход (Bernard et al., 2011; Shaw et al., 2013; Mendelson et al., 2017; Sabnis et al., 2019; Simon et al., 2021). Существует дефицит психологических интервенций в случае иных перинатальных проблем, например, таких как поражение ЦНС с риском нарушения психофизического развития. Между тем опыт данной категории родителей признается специфическим вне зависимости от гестационного возраста ребенка. Данное исследование направлено на разработку и оценку эффективности программы когнитивно-поведенческого вмешательства, учитывающего особый опыт матерей новорожденных с патологией ЦНС.

Материал и методы. Принимали участие 98 матерей новорожденных, госпитализированных по причине гипоксического поражения ЦНС. Средний возраст — 28,8±6,8 лет. По результатам оригинального интервью было выделено 80 матерей с неблагоприятным типом реагирования на трудную жизненную ситуацию. Участницы основной группы (n=50) проходили 8 индивидуальных сеансов по 30-40 минут при гибком графике встреч. Женщины контрольной группы (n=30) получали одну консультационную беседу. До и после прохождения программы в основной группе и с интервалом в три недели в контрольной использовались «Интегративный тест тревожности» и «Шкала самооценки депрессии» В. Зунга.

Цель программы — снижение симптомов дистресса (депрессивного фона настроения, тревоги). Основная мишень вмешательства — иррациональные убеждения, которые приводят к неверным представлениям о состоянии и потенциале ребенка, игнорированию или излишней фиксации на проблемах и плохих прогнозах, непропорциональному приписыванию вины себе и другим, недооценке или переоценке возможности контролировать ситуацию, трудностям принятия ребенка. Использовались техники: информирование, когнитивная реструктуризация, эмпатийное слушание, различения степени эмоционального переживания, предоставление обратной связи при наблюдении за взаимодействием матери и ребенка, приемы мышечной релаксации, «домашние задания».

Результаты. При первом обследовании респонденты обеих групп показали средний уровень ситуативной тревожности, эмоционального дискомфорта, астенического и фобического компонентов тревоги, тревожной оценки перспективы, реакции социальной защиты. Показатель депрессии попал в область низких

значений. Не было выявлено статистически значимых различий по изучаемым характеристикам в двух группах. При повторном обследовании в основной группе снизился показатель депрессии ($p \leq 0,05$), при этом в контрольной существенной динамики не было. В основной группе выявлена положительная динамика показателя ситуативной тревожности ($p \leq 0,01$), а также двух ее компонентов — эмоционального дискомфорта ($p \leq 0,05$) и фобического компонента ($p \leq 0,05$). Не обнаружено изменений по астеническому компоненту, тревожной оценке перспективы и социальным реакциям защиты. В контрольной группе также обнаруживается снижение ситуативной тревожности ($p \leq 0,05$). Но не выявлено существенных изменений ее компонентов. В частности, нет сдвигов по эмоциональному дискомфорту и фобическому компоненту как в основной группе.

Выводы. У женщин, прошедших программу когнитивно-поведенческого вмешательства, улучшилось настроение, снизились ситуативная тревожность, эмоциональное напряжение и фобические переживания с иррациональными опасениями и чувством вины. Можно говорить об умеренной эффективности программы в снижении симптомов дистресса. Другие исследования также указывают на умеренную эффективность когнитивно-поведенческого вмешательства (Bernard et al., 2011; Shaw et al., 2013; Simon et al., 2021). Полагаем, что подход целесообразно использовать при оказании психологической помощи матерям новорожденных с патологией ЦНС.

1. Bernard R. S., Williams S. E., Storfer-Isser A., Rhine W., Horwitz S. M., Koopman C., Shaw R. J. Brief cognitive-behavioral intervention for maternal depression and trauma in the neonatal intensive care unit: a pilot study // Journal of Traumatic Stress. 2011. Vol. 24 (2). P. 230-4.
2. Mendelson T., Cluxton-Keller F., Vullo G. C, Tandon S. D., Noazin S. NICU-based Interventions To Reduce Maternal Depressive and Anxiety Symptoms: A Meta-analysis // Pediatrics. 2017. Vol. 139 (3):e2016-1870.
3. Sabnis A., Fojo S., Nayak S. S., Lopez E., Tarn D. M., Zeltzer L. Reducing parental trauma and stress in neonatal intensive care: systematic review and meta-analysis of hospital interventions // Journal of Perinatology. 2019. Vol. 39 (3). P. 375-386.
4. Shaw R. J., Sweester C. J., St John N., Lilo E., Corcoran J. B., Jo B., Howell S. H., Benitz W. E., Feinstein N., Milnyk B., Horwitz S. M. Prevention of postpartum traumatic stress in mothers with preterm infants: manual development and evaluation // Issues Mental Health Nursing. 2013. Vol. 34(8). P. 578-86.
5. Simon S., Moreyra A., Wharton E., Dowtin L. L., Borkovi T. C., Armer E., Shaw R. J. Prevention of posttraumatic stress disorder in mothers of preterm infants using trauma-focused group therapy: Manual development and evaluation // Early Human Development. 2021. 154:105282.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-013-0045

Авдулова Т.П.
Москва, МПГУ

Фактор эмоциональных связей в расстройстве пищевого поведения у детей

Нарушения пищевого поведения, дошкольный возраст, эмоциональное отношение, стратегии совладания

Среди поведенческих проблем и нарушений здоровья у детей все большее место занимают расстройства пищевого поведения. Эта проблема, согласно исследованиям разных авторов, является комплексной и включает в себя эмоциональный и коммуникативный компоненты [1, 2]. Для детей дошкольного возраста фактором большинства поведенческих нарушений является специфика родительско-детских отношений.

Цель исследования: изучение эмоциональных связей ребенка с матерью как фактора расстройств пищевого поведения у детей дошкольного возраста. В дошкольном возрасте наблюдается принципиальная нераздельность физиологической и психической реальностей ребенка, что позволяет предположить наличие связи между характеристиками эмоционального отношения матери к ребенку и особенностями пищевого поведения детей. Методики исследования: тест тревожности (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен); Опросник пищевого поведения детей (анкета для родителей) (CEBQ); Опросник эмоциональных отношений в семье ОДРЭВ (Захарова Е.И.); Методика диагностики тревожности, включающая наблюдение (методика Р. Сирса); Анкета для родителей.

Сопоставление различных показателей осуществлялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Анализировались взаимосвязи между особенностями пищевого поведения детей и показателями материнского эмоционального отношения к ребенку. Эмоциональное переедание (EOE) у дошкольников показало значимую обратную связь с характеристикой способности матери воспринимать состояние ребенка ($p \leq 0{,}05$) и представлением матерей о себе как о родителе ($p \leq 0{,}05$). Эмоциональное переедание оказалось характерно для детей, чьи матери испытывают сложности в понимании эмоционального состояния и потребностей ребенка, что в свою очередь не позволяет адекватно отреагировать на это состояние. Матери переедающих дошкольников демонстрируют родительскую неуверенность. Кроме того, общий эмоциональный фон у матерей дошколь-

ников, проявляющих эмоциональное переедание значимо снижен по сравнению с критериальными значениями.

Показатель зависимости детей от еды (FR) статистически значимо отрицательно связан с отношением к себе как к родителю ($p \leq 0,05$) и чувствами матери ($p \leq 0,01$). Доминирование негативных чувств в отношении ребенка и не принятие себя как родителя запускают повышенный отклик детей на еду. Компонент медлительности детей в еде (SE) показал значимую обратную связь со способностью матерей к эмоциональной поддержке ($p \leq 0,05$). Дети, не получающие необходимой эмоциональной поддержки, демонстрируют медлительность в еде, повышение аппетита ($p \leq 0,05$) и высокую потребность в дневном сне ($p \leq 0,05$). Личностная тревожность у детей значимо положительно связана с показателем эмоционального недоедания (EUE) ($p \leq 0,01$). Одновременно, с тревожностью коррелирует реакция на сытость ($p \leq 0,01$) и выраженность аппетита у детей ($p \leq 0,01$). Повышение тревожности уже в дошкольном возрасте усиливает пищевые реакции трансформируясь в устойчивый копинг.

Представления дошкольных педагогов о нарушениях пищевого поведения воспитанников не отражают картину реальных расстройств пищевого поведения. Так, зависимое эмоциональное отношение детей к еде педагоги воспринимают как нормативное поведение.

Еще одно измерение особенностей пищевого поведение — запивание (DD) — значимо положительно связана с продолжительностью грудного вскармливания ($p \leq 0,05$) и высоким уровнем включенности в воспитание ребенка бабушки. Бабушка становится заместителем матери. Важно, что в отношении детей данной подгруппы отмечается статистически значимое снижение в следовании правилам поведения во время приема пищи в детском саду.

Таким образом определяется ряд взаимосвязей пищевого поведения у детей дошкольного возраста с характеристиками эмоционального взаимодействия матерей с детьми и социальными факторами жизни.

1. Гирш Я.В., Юдицкая Т.А. Сравнительный анализ пищевого поведения детей различных возрастных групп. Бюллетень сибирской медицины. 2018; 17 (2): 21–30.
2. Мешкова Т.А. Роль наследственности и среды в этиологии нарушений пищевого поведения. I. Обзор семейных исследований [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Том 4. №1. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Meshkova.shtml (дата обращения: 14.10.2021).

Андрущенко Н.В.
ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мухамедрахимов Р.Ф.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Иова А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова

Плотникова Е.В.
Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр высоких медицинских технологий"

Динамика эмоционального состояния матерей недоношенных младенцев со структурными внутричерепными изменениями на первом году их жизни

Недоношенные дети, младенческий возраст, материнская депрессия, внутрижелудочковые кровоизлияния

Эмоциональное состояние близких взрослых имеет выраженное влияние на эмоциональное благополучие и, в целом, на развитие младенцев. В литературе достаточно полно представлено влияние послеродовой депрессии у матерей в том числе на развитие младенцев группы риска, например младенцев, родившихся раньше срока [1,2]. Вместе с тем имеется недостаток данных о динамике эмоциональных состояний матерей, чья беременность закончилась преждевременными родами, а их недоношенных младенцы имеют дополнительные факторы риска в виде структурных внутричерепных изменений [3].

С целью изучения динамики эмоционального состояния матерей недоношенных младенцев, имеющих структурные внутричерепные изменения (внутричерепные желудочковые кровоизлияния, ВЖК) на базе Детского городского многопрофильного клинического специализированного центра высоких медицинских технологий (Детской городской больницы №1) г. Санкт-Петербурга проведено лонгитюдное исследование, в которое были включены 77 матерей, чьи дети родились преждевременно и у которых были диагностированы внутрижелудочковые кровоизлияния (ВЖК) в боковые желудочки головного мозга разной степени тяжести.

Исследовательской группой проведен анализ депрессивных переживаний матерей недоношенных младенцев по методике Шкала депрессии Бека (BDI) на различных (трех) этапах обследования два из которых проводились в госпитальных условиях, первый — на отделении реанимации и интенсивной терапии новорожденных или же на отделении патологии новорожденных сразу после перевода ребенка на отделение, второй — при достижении ребенком корригированного возраста 3 месяца, третий — в домашней среде при достижении ребенком

12 корригированных месяцев. Дети подразделены на три группы в зависимости от выраженности степени внутричерепных структурных изменений.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о влиянии на значения состояния марей (по методике BDI) этапа обследования (возраста детей на время обследования) ($F (1, 162) = 4.0$, $p = 0.02$, $\eta^2 = 0.052$) и взаимодействия факторов принадлежности матерей к группе и полу детей ($F (2, 162) = 3.032$, $p = 0.039$, $\eta^2 = 0.044$). Выявлено снижение показателя депрессии от 1 ко 2 этапу (с 33.4±1.23 до 28.6±1.25, $p = 0.008$; здесь и далее в абзаце представлены групповые значения M±SE) и от 1 к 3 этапу (с 33.4±1.23 до 29.8±1.29, $p = 0.045$) в целом для всех матерей вне зависимости от их принадлежности к группе, а также в тенденции снижение показателя депрессии у матерей группы ВЖК от 1 ко 2 этапу (с 32.6±1.73 до 27.8±1.96, $p = 0.066$) и у матерей ВЖК сравнения от 1 к 3 этапу (с 33.6±2.50 до 27.9±2.14, $p = 0.082$).

Таким образом, обнаружено влияние на проявление депрессии у матерей недоношенных младенцев, имеющих внутричерепные структурные изменения этапа обследования, связанного прежде всего с его снижением от 1 ко 2 этапу и, в тенденции, от 1 к 3 этапу в целом для всех матерей вне зависимости от их принадлежности к группе или от пола их детей.

1. Оптимизация выхаживания недоношенных новорожденных на госпитальных этапах ранней помощи при поддержке детско-родительских отношений / Н. В. Андрущенко, В. О. Аникина, А. С. Иова [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2021. — Т. 121. — № 10. — С. 123-130. — EDN OCAFMA.
2. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми / Н. В. Андрущенко, Р. Ж. Мухамедрахимов, Е. Ю. Крюков [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2019. — Т. 119. — № 5. — С. 148-153. –EDN ELNJPU.
3. Руководство по перинатологии: В двух томах / Д. О. Иванов, Е. В. Аврелькина, Ю. С. Александрович [и др.]. — Издание 2-е, переработанное и дополненное. — Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Информ-Навигатор", 2019. — 1592 с. — ISBN 978-5-906572-31-8. — EDN AZHWOR.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01183

Асламазова Л.А.
Майкоп, ФГБОУ ВО АГУ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние программы психологического сопровождения на показатели развития детей в замещающих семьях

Приемные дети, развитие, замещающая семья, программа сопровождения

Введение. Данные широкого круга зарубежных исследований детей с опытом институционализации в замещающих семьях свидетельствуют, с одной стороны, о существенной позитивной динамике в их развитии и поведении после принятия в семью (Van IJzendoorn, 2006), с другой — о продолжающемся проявлении нарушений психического развития и здоровья (Nelson, 2014). Целью настоящего исследования явилось изучение влияния программы психологического сопровождения на показатели психического развития детей в российских замещающих семьях (ЗС).

Методы. Выборку исследования составил 201 приемный ребенок (100 мальчиков) в среднем возрасте 86.5+39.4 мес., из которых 108 — типично развивающиеся (ТР) дети и 93 –с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Для изучения их психического развития и поведения использовалась «Карта развития ребенка», разработанная в ГБУ РА «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» и включающая такие показатели, как соматическое здоровье, освоение учебных навыков, общительность в семье и социуме, эмоционально-поведенческое развитие (саморегуляция), навыки самообслуживания. Методика применялась до и после (первое и второе обследование) участия ЗС в 1,5 летней программе сопровождения, основанной на методологии поддержки взаимодействия и формирования привязанности детей и замещающих родителей. Степень участия семей в программе сопровождения оценивалась по шкале от 1 до 3.

Результаты. Для ТР детей отмечается изменение, в зависимости от времени обследования, таких показателей, как соматическое здоровье, освоение учебных навыков, эмоционально-поведенческое развитие, навыки самообслуживания (для всех случаев $F(1, 104)=4{,}14–44{,}83$; $0{,}001 \leqslant p \leqslant 0{,}05$; $\eta 2 = 0{,}038–0{,}301$). Кроме того, отмечается взаимодействие времени обследования и степени участия семьи в программе сопровождения для соматического здоровья ($F(2, 104)=3.508$, $p=0.034$, $\eta 2=0.063$) и освоения учебных навыков ($F(2, 104)= 3{,}51–6{,}64$, $p \leqslant 0{,}03$, $\eta 2=0{,}063–0{,}113$).

Для детей с ОВЗ наблюдается изменение, в зависимости от времени обследования, показателя соматического здоровья, освоения учебных навыков, общительности в семье и социуме, навыков самообслуживания (для всех случаев $F(1, 89)=6{,}25–25{,}54$; $0{,}001 \leqslant p \leqslant 0{,}014$; $\eta 2=0{,}066–0{,}223$). Также обнаружено взаимо-

действие времени обследования и степени участия семьи в программе сопровождения для таких показателей, как соматическое здоровье, освоение учебных навыков, общительность в семье и социуме ($F(2, 89)= 4{,}33–10{,}66$; $0{,}001 \leqslant p \leqslant 0{,}016$; $\eta 2=0{,}089–0{,}193$).

При попарном сравнении, вне зависимости от степени участия семей в сопровождении, обнаружено улучшение каждого из пяти показателей от первого ко второму обследованию, как для ТР детей ($p \leqslant 0{,}001$), так и для детей с ОВЗ ($0{,}001 \leqslant p 0{,}015$). Обнаружено улучшение в целом всех показателей при различной степени участия семей в программе сопровождения для детей как ТР ($0{,}001 \leqslant p \leqslant 0.037$), так и с ОВЗ ($p 0{,}001$).

Выводы. Результаты исследования позволяют сформулировать вывод о значимости использования в практике работы с замещающими семьями научно обоснованных программ сопровождения и их позитивном воздействии на показатели развития принятых на воспитание детей, как из группы ТР, так и с ОВЗ.

1. Nelson, Ch. A. Romania's Abandoned Children: Deprivation, Brain Development, and the Struggle for Recovery / Ch. A. Nelson, N. A. Fox, Ch. H. Zeanah. — Cambridge, MA, USA: Harvard University Press, 2014. — 416 p.
2. Van IJzendoorn, M. H. Adoption as intervention: Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional and cognitive development / M. H. Van IJzendoorn, F. Juffer // Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 2006. — Vol. 47. — P. 1228-1245.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00626

Бержанова М.К.
Нур-Султан, Университет КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева

Васильева Н.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное состояние женщин в условиях неопределенности и нестабильности

Психическое здоровье матери, влияние на развитие ребенка, эмоциональное состояние в неопределенности, COVID-2019, нестабильность в мире.

Психическое здоровье матери представляет собой одно из самых ранних, поддающихся изменению влияний в жизни ребенка. Проблемы с психическим здоровьем матери во время беременности и/или в послеродовой период повышали вероятность того, что дети школьного возраста испытали субоптимальное глобальное, поведенческое, когнитивное и социально-эмоциональное развитие[1]. Перинатальное психическое здоровье, признанное со времен Гиппократа и комментируемое на протяжении веков, представляет собой общий термин, охватывающий различные расстройства, такие как депрессия, тревога, обсессивно-компульсивные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и послеродовое психическое расстройство [2].

Пандемия COVID-19 оценивается как стрессовая ситуация, способная приводить к дестабилизации психических и физических процессов в организме, затрагивает все без исключения группы населения, особенно те, что наболее уязвимы для стресса (Brooks et al., 2020). Китайские ученые, изучившие взаимоотношение родителей и детей во время пандемии, выявили высокий уровень одиночества и депрессии[3]. Беременные женщины в ситуации пандемии коронавируса испытывали выраженное беспокойство в отношении внешних обстоятельств (изменения в системе здравоохранения, политическая ситуация и финансовая безопасность и значительно меньшее беспокойство по поводу здоровья как собственного, так и будущего ребенка[4].

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи между эмоциональным состоянием матерей в условиях нестабильности. Методика исследования: опросник Depression Anxiety and Stress Scale (DASS-21) С. Ловибонда и П. Ловибонда (1995) и Beck Depression Scale (Beck, 1961). В выборку срезов вошли на сегодняшний день 41 женщин и детей, средний возраст составил 28,3± 6,2 (18-41), из Казахстана участвовали N=23 матерей, из Российской Федерации участвовали N=18. Высокую тревогу демонстрируют более 15 % женщин, стресса 36 % женщин сообщают о стрессе и более 21% женщин сообщают о депрессии.

Выводы и обсуждение: мы связываем показатели промежуточного результата с обеспокоенностью в связи с пандемией, политическим кризисом и санкциями в России и в том числе в Казахстане. Изоляция и само заболевание COVID-19 сопровождалось страхом смерти. Страх потерять работу и доход во время кризиса

естественным образом сопровождается тревогой и безнадежностью. По сей день легкая простуда у себя или ребенка рассматривается женщинами как признак беспокойства и подозрения на COVID-19. В дальнейших работах мы будем проверять воздействие негативного эмоционального состояния матери на эмоциональное здоровье ребёнка.

1. Rebecca H. Bitsko, Angelika H. Claussen., Mental Health Surveillance Among Children — United States, 2013–2019, 2022
2. Junsheng Liu, Tong Zhou., Daily Routines, Parent–Child Conflict, and Psychological Maladjustment Among Chinese Children and Adolescents During the COVID-19 Pandemic, 2022
3. Dawn Kingston & Suzanne Tough., Prenatal and Postnatal Maternal Mental Health and School-Age Child Development: A Systematic Review, 2018
4. Вахабова А.А., Блох М.Е., Стресс и копинг-стратегии у беременных женщин во время пандемии коронавируса, 2021

Вахабова А.А., Блох М.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Стресс и копинг-стратегии у беременных женщин во время пандемии COVID-19

Беременность, пандемия COVID-19, стресс, копинг-стратегии

Исследование проводилось с целью изучения взаимосвязи между переживаниями стресса и копинг-стратегиями беременных женщин во время пандемии COVID-19. В исследуемую группу вошли 162 женщины, находящиеся на разных триместрах беременности, в возрасте от 20 до 43 лет. В исследовании были оценены: ситуативная тревожность (Шкала реактивной тревожности Спилберга-Ханина); копинг-стратегии (Способы совладающего поведения (Р. Лазарус, С. Фолкман, ад. Т.Л. Крюковой, Е.В.Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004); влияние пандемии на эмоциональное состояние (признаки развития ПТСР) (Шкала оценки влияния травматического события ((сокр. ШОВТС, англ. Impact of Event Scale, сокр. IES-R)).

По итогам корреляционного анализа было выявлено что, чем выше ситуативная тревога, тем больше у респондентов наблюдаются физиологические симптомы ПТСР такие как: гипертрофированная реакция испуга на травмирующую ситуацию; трудности с концентрацией внимания, бессонница. Кроме того, было выявлено, что адаптивная копинг-стратегия «Положительная переоценка» снижает ситуативную тревогу, в то время как дезадаптивная копинг-стратегия «Бегство-избегание» повышает её. Также на основе анализа самооценки уровня стресса было выявлено, что чем выше самостоятельно оцениваемый респондентами уровень стресса, тем выше раздражительность; гипертрофированная реакция испуга на травмирующую ситуацию; трудности с концентрацией; психофизиологическое возбуждение, обусловленное воспоминаниями о событиях.

Анализ эмоционального состояния беременных женщин по методике «Шкала оценки влияния травматического» показал, что 14,2% женщин относится к риску развития ПТСР, по данным «Шкалы реактивной тревожности Спилберга-Ханина» во время пандемии COVID-19: 25,31% женщин испытывают высокий уровень ситуативной тревоги, 34,57% испытывают средний уровень ситуативной тревоги. Анализ данных анкеты показал, что 35,8% женщин в период пандемии рассматривают стресс, связанный с пандемией как значительный.

1. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности/ Практическое руководство по психологической диагностике, 2005. С.44-49.
2. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Журнал практического психолога, 2007. № 3. — С. 93-112.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса/Практика психологии посттравматического стресса, 2001.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60386

Деева А.А., Савенышева С.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние отношения женщины к ребенку в период беременности и после родов на психическое развитие младенца

Отношение к ребенку, пренатальная привязанность, постнатальная привязанность, психическое развитие младенца

Влияние материнского отношения в период беременности на развитие ребенка в настоящее время активно изучается. Так исследования Добрякова И.В., Мещеряковой С.Ю. показали влияние отношения к беременности и ребенку в период беременности на дальнейшее его психическое и социально-эмоциональное развитие [1, 2]. Однако, исследований, сочетающих анализ влияния отношения к ребенку как в период беременности, так и после его рождения на психическое развитие ребенка крайне мало. В связи с этим целью нашего исследования является изучение влияние отношения матерей к ребенку на этапе беременности и после родов на психическое развитие младенца.

Гипотеза: психическое развитие младенца тесно связано с отношением матери к нему как в период беременности, так и после родов. Выборку составили 78 женщин в возрасте 21-38 лет на этапе беременности (2-3 триместр) и через 4-6 мес. после родов.

Методы. Методика «Тест отношений беременной» И.В. Добрякова, шкала оценки пренатальной привязанности Дж. Кондона (MAAS — Maternal Antenatal Attachment Scale), шкала оценки постнатальной привязанности Дж. Кондона (MPAS — Maternal Postnatal Attachment Scale), методика "тест отношений матери" Блох М.В., Савенышевой С.С., Аникиной В.О., Грандилевской И.В.; методика оценки раннего развития ребенка Ж. Ройтер (KID-R Scale — Kent Infant Development Scale).

Результаты исследования. Корреляционный анализ влияния отношения беременной женщины к ребенку на его психическое развитие в возрасте 4-6 месяцев выявил следующее. При наличии эйфорического типа ПКГД женщины у младенца отмечаются превышающие возрастную норму показатели двигательного развития ($p \leq 0{,}01$) и навыков самообслуживания ($p \leq 0{,}05$). В случаях с гипогестогнозическим типом ПКГД беременной женщины у младенца наблюдаются более низкие значения по общему психическому развитию ($p \leq 0{,}05$), также отмечается отставание в сфере движения ($p \leq 0{,}05$). При депрессивном типе ПКГД матери во время беременности для ребенка характерны более низкие значения по двигательному и познавательному развитию ($p \leq 0{,}05$). Корреляционный анализ влияния материнского отношения к ребенку после родов на его психическое развитие в возрасте 4-6 месяцев выявил следующее. В случае эйфорического типа отношения матери к ребенку обнаружены значения выше возрастной нормы по двигательному развитию ($p \leq 0{,}01$), развитию навыков самообслуживания и общему показателю психического развития ($p \leq 0{,}05$). При тревожном типе

материнского отношения для младенца характерны более низкие значения по двигательному развитию, развитию языковых способностей и общему показателю психического развития ($p \leq 0{,}05$). Также, согласно результатам, чем сильнее привязанность матери к ребенку после родов, тем более вероятно опережение в психическом развитии в целом ($p \leq 0{,}01$), в развитии языковых способностей ($p \leq 0{,}01$), социальной сферы ($p \leq 0{,}05$), двигательного развития ($p \leq 0{,}05$). Корреляционный и регрессионный анализ также показал тесную связь отношения матери к ребенку до и после его рождения.

Выводы. Полученные результаты позволяют подтвердить гипотезу исследования: чем более позитивное отношение матери к ребенку в период беременности и после его рождения, тем лучше показатели психического развития, причем связи психического развития с постнатальным отношением более тесные.

1. Добряков И. В. Особенности течения перинатального периода и психомоторное развитие младенца в зависимости от типа психологического компонента гестационной доминанты //Психическое здоровье. — 2010. — Т. 8. — №. 12. — С. 13-18.
2. Мещерякова С. Ю., Авдеева Н. Н., Ганошенко Н. И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери //Соросовские лауреаты: Философия. Психология. Социология. М. — 1996. — Т. 4.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-04

Игнатенко Н.С., Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Изменение взаимодействия детей с расстройствами аутистического спектра с матерями в связи с возрастом детей

Дети, расстройства аутистического спектра, взаимодействие с матерями

Введение. Развитие детей с Расстройствами Аутистического Спектра (РАС), так же, как и развитие типично развивающихся детей, невозможно без участия родителей, роль которых возрастает в связи с дефицитами коммуникации и нежелательным поведением ребенка. При этом серьезность нежелательных проявлений расстройства связана с качеством взаимодействия родителя и ребенка (Hobson, Tarver, Beurkens, & Hobson, 2016). Вместе с тем, современные исследования показывают, что эмоциональная вовлеченность матери во взаимодействие и стремление понять поведение и мотивы ребенка с РАС способствует снижению проявлений нежелательного поведения и улучшению показателей взаимодействия (Плешкова, Татаренко, Севрюгин, 2021). Результаты изучения психологического взаимодействия матерей с типично развивающимися детьми свидетельствуют о положительных изменениях показателей взаимодействия с увеличением возраста детей (Иванова, 2007), при этом в доступной нам научной литературе информации о возрастных изменения взаимодействия с родителем у детей раннего возраста с РАС до настоящего времени не представлено.

Цель работы — изучение особенностей взаимодействия детей с РАС с матерями в связи с возрастом детей. Участниками исследования были 30 пар матерей и детей с РАС в возрасте от 27 до 52 месяцев (22 мальчика и 8 девочек). Изучение характеристик взаимодействия матерей с детьми проводилось с помощью процедуры видеозаписи свободной игры с последующим анализом показателей взаимодействия со стороны ребенка, со стороны родителя и показателей взаимодействия в диаде. в соответствии со шкалами методики PCERA (Clark, 1999). Связь показателей взаимодействия с возрастом анализировалась с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. С увеличением возраста детей обнаружено значимое отрицательное изменение таких показателей взаимодействия со стороны детей, как «социальные инициативы» (r= -0,466, p0,01), «качество исследовательской игры ребенка» (r= -0,507, p0,01) и «внимание» (r= -0,396, p0,05).

Обсуждение. Полученные данные свидетельствуют о том, что чем старше становятся дети с РАС, тем меньше у них наблюдаемое в процессе свободной игры с матерью качество социальных контактов, исследовательской игры и внимания. Эти данные подчеркивают отличие проявляемой детьми с РАС возрастной динамики взаимодействия с матерями от динамики у типично развивающихся сверстников (Иванова, 2007), и соответствуют представленной в литературе информации о большем проявлении нарушений коммуникативной активности и развития у этой группы детей с особыми потребностями в более старшем воз-

расте. Дальнейшие исследования предполагают оценку динамики материнских и диадных показателей взаимодействия в связи с увеличением возраста детей с РАС, а также изучение показателей взаимодействия в связи с участием семей с детьми с РАС в программе ранней помощи по Денверской модели раннего вмешательства.

1. Clark, R. (1985). The Parent-Child Early Relational Assessment: Instrument and manual. Madison: University of Wisconsin Medical School, Department of Psychiatry.
2. Hobson J., Tarver L., Beurkens N., Hobson P. The Relation between Severity of Autism and Caregiver-Child Interaction: a Study in the Context of Relationship Development Intervention. J Abnorm Child Psychol 44, 745–755 (2016).
3. Иванова В. Ю. Особенности взаимодействия персонала домов ребенка с детьми младенческого и раннего возраста : автореферат дис. кандидата психологических наук : 19.00.13 / Иванова Валентина Юрьевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2007. — 23 с.
4. Плешкова Н.Л., Татаренко О.В., Севрюгин Д.В. Особенности детскородительского взаимодействия и характеристик поведения у детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 2. С. 162–178.

Илич М.
Тольятти, ТГУ

Чапала Т.В.
Тольятти, ТГУ

Москаленко Е.В.
Москва, ФГБУ ДПО «ЦГМА»

Тревожные состояния у матерей, имеющих детей младшего школьного возраста

Тревожные состояния, ситуативная тревожность, личностная тревожность, матерый детей, младший школьный возраст.

От эмоциональной устойчивости матерей, их готовности помочь ребенку в преодолении трудностей и сохранении учебной мотивации, зависит усвоение ребенком школьной программы. Из-за включенности в образовательный процесс своего ребенка и многочисленных обязанностей у многих матерей проявляется негативное эмоциональное состояние.

Цель исследования. Изучить ситуативную и личностную тревожность у матерей детей младшего школьного возраста. Исследование проводилось в первой половине марта 2022 года — после возвращения детей с дистанционного обучения (вследствие введения карантинных мер, вызванных пандемией COVID-19) к традиционной (очной) форме обучения. База исследования — русскоязычные школы Бостандыкского района г. Алматы (ШГ № 51, ОШ № 10, Г № 20). В исследовании приняли участие 40 матерей детей младшего школьного возраста: 20 матерей детей первого класса и 20 матерей детей четвертого класса), в возрасте 34,7±3,68 лет. В исследовании применялись: психологическая беседа, анкета и методика исследования тревожности Спилбергера-Ханина.

Результаты исследования. 90% детям первого класса при выполнении школьных заданий постоянно или часто помогали матери, 10% детей чаще всего выполняли уроки самостоятельно и лишь иногда нуждались в помощи. Из детей четвертого класса 30% нуждались в постоянной помощи при выполнении заданий, 55 % иногда нужна была помощь, 15% всегда справлялись самостоятельно. 60% матерей первой и второй группы относятся отрицательно к дистанционному формату обучения, 40% — положительно. 30% матерей детей первого класса во время пандемии обращались за профессиональной психологической помощью, 70% женщин не обращались, справлялись самостоятельно. Однако 50% женщин первой группы ответили, что нуждаются в психологическом сопровождении, 10% затрудняются с ответом и 40% не нуждаются в психологической поддержке. Только 10% матерей детей четвертого класса обратились к психологу во время пандемии, остальные (90%) не обращались за психологической поддержкой. 30% женщин второй группы ответили, что нуждаются в психологическом сопро-

вождении, 15% затруднились с ответом и 55% не нуждаются в психологическом сопровождении.

Исследование тревожности показало: у 40% матерей детей первого класса определяется высокий уровень ситуативной тревожности, у 60% среднее значение, низкого уровня по шкале ситуативной тревожности не выявлено. Средний уровень баллов матерей первого класса составил 45,20±11,72. У матерей детей четвертого класса не выявлен высокий уровень ситуативной тревожности, у 70% — определено среднее значение, у 30% — низкие баллы по ситуативной тревожности. Средний уровень баллов у матерей учеников четвертого класса составил 35,60±6,91. Сравнением ситуативной тревожности между матерями детей первого и четвертого классов были выявлены достоверные различия (F=9,949; p0,05). У 60 % матерей учеников первого класса определяется высокий уровень личностной тревожности, у 40% выявлено среднее значение, низкий уровень баллов не определился. Средний уровень баллов у них составил 47,6±7,02. У 50% матерей детей четвертого класса определяется высокое значение личностной тревожности и такой же процент (50%) — среднее значение; низкий уровень личностной тревожности у матерей школьников четвертого класса не выявлен. Средний уровень баллов 44,30±4,18. Сравнением средних значений личностной тревожности между матерями детей первого и четвертого класса не определяются статистически значимые различия (F=3,260; p0,05).

Выводы. Результаты проведенного исследования показали: матери детей первого класса по сравнению с матерями детей четвертого класса более озабочены обучением детей, так как первоклассники требуют постоянного включения в образователей процесс, большинство матерей нуждаются в психологическом сопровождении. Статистически значимых различий в личностной тревожности не выявлено, однако более склонны к проявлениям ситуативной тревожности матери детей первого класса при сравнении их с матерями учеников четвертого класса.

Колесникова М.А., Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Личностно-социальное и коммуникативное развитие детей в связи с их возрастом, полом и длительностью проживания в доме ребенка

Дети, дом ребенка, социально-эмоциональная депривация, коммуникация, личностно-социальное развитие

В концепции детского психического здоровья, эмоциональное и социальное благополучие ребенка формируется в контексте отношений с близким взрослым. В предыдущих исследованиях было показано, что ранний социально-эмоциональный опыт ребенка имеет критическое значение для его дальнейшего социального-личностного и коммуникативного развития [2], а социально-эмоционально депривационные условия проживания негативно влияют на характеристики его развития [3]. Целью нашего исследования было изучить личностно-социальное и коммуникативное развития детей в связи с их возрастом, полом и длительностью проживания в депривационных условиях дома ребенка (ДР).

В исследовании приняли участие 57 детей (22 мальчика и 35 девочек) в возрасте от 12 до 49 месяцев, (M (SD) = 26 (10) мес.), проживавших в социально-эмоционально депривационных условиях одного из домов ребенка Санкт-Петербурга. Для оценки уровня развития детей были использованы шкалы личностно-социального и коммуникативного развития методики BDI (Battelle Developmental Inventory)[4]. Данные о возрасте, поле и длительности проживания в доме ребенка были получены из карт обследования детей. Для изучения взаимосвязи показателей развития с возрастом и длительностью проживания в ДР использовался корреляционный анализ с критерием r-Пирсона и частный корреляционный анализ.

Обнаружена взаимосвязь показателей личностно-социального и коммуникативного развития с возрастом детей (r = 0,8 и 0,74 соответственно).

Результаты исследования поддерживают научную информацию об изменении личностно-социального и коммуникативного развития детей первых лет жизни с возрастом обследования, в т. ч. при проживании в доме ребенка. При этом, наше обоснованное данными литературы предположение о взаимосвязи развития детей в доме ребенка с полом, возрастом поступления и длительностью проживания детей в доме ребенка не подтвердилось. Вероятно, что полученные результаты определяются проживанием детей в социально-эмоционально депривационных условиях дома ребенка.

1. Мухамедрахимов Р.Ж. Развитие детей с опытом жизни в учреждении в раннем возрасте // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 299-309.

2. Landry S., Smith K., Swank R. Responsive parenting: Esteblishing early foundations for social, communication, and independent problem-solving skills. Developmental Psychology, 2006. № 42. P. 627-642.
3. Muhamedrahimov R. J., Nikiforova N. V., Palmov O. I., Groark C. J., McCall R. B., Fish L. Characteristics of children, caregivers, and orphanages for young children in St. Petersburg, Russian Federation // Journal of Applied Developmental Psychology. 2005. № 5. P. 477-506.
4. Newborg, J., Stock, J. R., Wnek, L., Guidubaldi, J., & Svinicki, J. Battelle developmental inventory: Examiner's manual. Allen, TX: DLMLINC Associates. 1984.

Коротких Н., Аникина В.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психическое здоровье беременных женщин, особенности родов и здоровье ребенка в период пандемии

Беременность, пандемия, психическое здоровье, роды, здоровье детей

Переход к родительству представляет собой важное жизненное событие, которое влияет на личное благополучие, отношения и семейное благополучие. Беременные женщины могут быть особенно уязвимы к психологическому стрессу, поскольку они сталкиваются с изменениями в своем самоощущении, а также с новыми задачами и обязанностями. Несмотря на то, что пренатальный психологический дистресс у матери является обычным явлением в выборке беременных женщин, основные стрессоры, такие как кризисы в области здравоохранения и стихийные бедствия, могут усилить пренатальный стресс и оказать долгосрочное воздействие на развитие ребенка. [1] Беременные женщины могут быть особенно уязвимы к психологическому стрессу, поскольку они сталкиваются с изменениями в своем самоощущении, а также с новыми задачами и обязанностями. Стресс от глобальной пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) может быть еще одним фактором, подрывающим самочувствие будущих матерей.

В данном исследовании изучалось психическое здоровье беременных женщин, особенности родов и здоровье ребенка в период пандемии. Это лонгитюдное исследование. В первом этапе (во время беременности, 75% на третьем триместре) приняли участие 202 женщины, на втором этапе(в течение месяца после рождения ребенка, из этой группы) — 66 человек, на третьем (в возрасте 4 — 6 месяцев ребенка) — 35 женщин. Оценивались: на 1 этапе — эмоциональное состояние беременных женщин (Опросник Т.Ахенбаха для взрослых, Шкала оценки влияния травматического стресса (ШОВТС), Шкала тревоги Спилбергера), на 2 этапе — оценка женщиной своих родов (телефонное интервью), на 3 этапе — анкета о состоянии здоровья ребенка.

Результаты: Корреляционный анализ показал, что более высокая субъективная оценка родов (психологическое состояние, физиологическое течение и общая оценка) связана с более низкими показателями стресса, тревожности и меньшей выраженностью нарушений психологического функционирования в период беременности. В результате регрессионного анализа выявлено, что на субъективную оценку родов оказывают влияние показатели стресса и нарушения психологического функционирования (нарушений мышления, депрессивности, тревожности и агрессивности в частности) в период беременности. В результате сравнительного анализа групп женщин с естественными родами, плановым кесаревым сечением и экстренным кесаревым сечением было обнаружено, что наиболее адаптированными, испытывающими меньше стресса во время беременности оказались женщины, которым впоследствии было сделано экстренное кесарево сечение. У женщин с плановым кесаревым сечением наблюдалась большая выра-

женность стресса, депрессивности, нарушений мышления во время беременности. В результате сравнительного анализа оказалось, что у матерей, чьи дети после рождения и в возрасте 4-6 месяцев имели наиболее тяжелые заболевания, были самые низкие показатели стресса и самый высокий уровень психологического функционирования во время беременности. Самые низкие показатели адаптации, психологического функционирования были характерны для группы женщин, у детей которых впоследствии диагностированы заболевания средней тяжести.

1. Wang C. et al. Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China //International journal of environmental research and public health. — 2020. — Т. 17. — №. 5. — С. 1729

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60386

Левинцова М.И., Плешкова Н.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь представлений о детском опыте и характеристик переживания стыда у взрослых

Стыд, неблагоприятный детский опыт, социальное избегание, посттравматическое стрессовое расстройство

Стыд является частью клинической картины многих ментальных расстройств [2], представляя интерес как для исследователей, так и для практикующих специалистов. Однако некоторые аспекты стыда остаются противоречивыми: одни исследования связывают стыд с избегающим поведением, другие — с социальным. Недавние исследования показали, что стыд в первую очередь сопровождается социальным поведением для реабилитации своего положительного образа в глазах окружающих, но если это не кажется возможным, человек склонен к избегающему поведению [3]. При этом не вполне понятно, с чем связано ощущение невозможности реабилитироваться при стыде.

Прояснить природу избегания при стыде могут исследования неблагоприятного детского опыта. Показано, что люди с таким опытом во взрослом возрасте более склонны испытывать симптомы вторжения, возбуждения и избегания при переживании стыда [5]. Они не просто чувствуют стыд, вспоминая какую-либо ситуацию, но и переживают в связи с ней навязчивые мысли и чувства, возбуждение нервной системы и т.п. Эти посттравматические симптомы связаны с переживанием бессилия и отвержения [1], которые могут усугублять ощущение невозможности реабилитироваться в глазах окружающих при стыде, способствуя избегающему поведению.

Цель исследования — изучение связи представлений о неблагоприятном детском опыте и поведенческих характеристик стыда. В исследовании приняли участие 73 человека (60 женщин, M=23,9 ±3,6). Представления о детском опыте изучались с помощью опросника виктимизации в детском возрасте [JVQ; 4], посттравматические симптомы при стыде — с помощью шкалы оценки влияния травматического события (IES-R; 6), склонность к избеганию при стыде — с помощью методики измерения склонности к стыду и вине (GASP; 7). Также была модифицирована методика изучения наблюдаемого избегающего поведения при чувстве стыда [3]. Использовались факторный и регрессионный анализы.

Обнаружено, что склонность испытывать посттравматические симптомы при переживании стыда сильнее всего связана с психологической травлей и пренебрежением в детстве (p0,01). Также выявлены гендерные особенности: у женщин посттравматические симптомы при стыде были больше связаны с насилием в межличностных отношениях (p0,01), у мужчин — с наблюдением и переживанием физического насилия в детстве (p0,05). Участники с более выраженными посттравматическими симптомами были более склонны к избегающему поведению при стыде (r=0,594, p0,001).

Неблагоприятный детский опыт может способствовать переживанию стыда как посттравматического состояния — предположительно, из-за памяти о пережитой беспомощности в социальных ситуациях. Как следствие, человек может недооценивать вероятность социальной поддержки и избегать социального взаимодействия при переживании стыда. Результаты могут быть использованы в психотерапии и образовательных программах.

1. Budden A. The role of shame in posttraumatic stress disorder: a proposal for a socio-emotional model for DSM-V // Social Science and Medicine. 2009. Vol. 69. P.1032–1039
2. Cândea D.M., Szentagotai-Tătar A. Shame-proneness, guilt-proneness and anxiety symptoms: A meta-analysis // Journal of anxiety disorders. 2018. Vol.58. P.78–106.
3. De Hooge I. E., Breugelmans S. M., Wagemans F. M. A., Zeelenberg M. The social side of shame: approach versus withdrawal // Cognition and Emotion. 2018. Vol.32(8). P.1671-1677.
4. Hamby S. L., Finkelhor D., Ormrod R., Turner H. The Juvenile Victimization Questionnaire (JVQ): Administration and scoring manual. Durham, NH: Crimes Against Children Research Center.2005.
5. Matos M., Pinto-Gouveia J. Shame as a traumatic memory // Clinical Psychology and Psychotherapy. 2010. Vol.17. P.299–312.
6. Weiss D. S., Marmar C. R. The Impact of Event Scale -Revised // Assessing psychological trauma and PTSD. 1997. P.399–411.
7. Wolf S.T., Cohen T. R., Panter A.T., Insko C.A. Introducing the GASP Scale: A New Measure of Guilt and Shame Proneness // Journal of Personality and Social Psychology.2011. Vol.100(5). P.947–966

Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические особенности речевого функционирования недоношенных детей с последствиями перинатальных гипоксически-ишемических повреждений ЦНС в период раннего детства

Недоношенные дети, ранний возраст, психическое развитие, речевое функционирование

Речевые нарушения у недоношенных детей является одним из наиболее часто встречающихся хронических состояний у детей (ОШ, 2,27), родившихся раньше срока, наряду с синдромом дефицита внимания/синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (отношение шансов [ОШ], 1,59), тревогой (ОШ, 1,63), неспособностью к обучению (ОШ, 2,07), задержкой развития (ОШ, 3,17) (Stern E. et al., 2018). Тем не менее, оценка психологического статуса в раннем возрасте с применением качественного нейропсихологического подхода остаётся практически без внимания клинических психологов (Глозман Ж.М., 2019). Кроме того, в настоящий момент нет данных о том, какое влияние с позиции биопсихосоциальной модели здоровья оказывают тяжесть неврологической патологии на характеристики нейропсихического функционирования, в частности, речевого, недоношенных детей в период раннего детства.

В исследование было включено 36 пациентов (17 девочек и 19 мальчиков), рождённые в период с 27-й по 36-ю неделю беременности с массой тела ≥500 грамм (средний гестационный возраст 33±3,23 — нед., от 27 до 36 нед.; средний вес при рождении — 1956,67±634,45 г, от 720 до 2600 г). Средний хронологический возраст детей — 25,8±1,7 (от 24 до 29 месяцев). Клинико-анамнестические данные матери и ребёнка получены с помощью специально разработанных исследовательских форм. Оценка нейропсихического функционирования недоношенных детей в возрасте от 2х до 3х лет проводилась при помощи: Мюнхенской функциональной диагностики развития для детей 2го и 3го года жизни („Münchener Funktionellen Entwicklungs — diagnostik", Hellbrugge Th., 1994); Нейропсихологической диагностики детей дошкольного возраста (Глозман Ж.М. и др., 2020); «Теста речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и жесты» (8—17 мес.), русская версия которого была разработана коллективом авторов: М.Б. Елисеева, Е.А. Вершинина и др. («The MacArthur Communicative Development Inventory: words and gestures»; Fenson L. et al., 2007).

Было выявлено, что нейродинамическое и регуляторное развитие имеют отличительные особенности развития у недоношенных детей с последствиями перинатальных гипоксически-ишемических повреждений центральной нервной системы (ЦНС) раннего возраста по показателям умственной работоспособности, концентрации внимания, произвольной регуляции собственной деятельности.

У обследованных нами детей обнаружено отставание в области экспрессивной речи вне зависимости от пола, в частности — объём активного лексикона, в сравнении с возрастом развития словаря возрастной нормы. Результаты оценки речи ребенка по элементарным грамматическим категориям, впервые появляющимися в этом возрасте: число и падеж существительных и время, число и лицо глагола, указывают на бедность грамматической стороны речи, что может быть связано с незрелостью или же поражением речевых зон. Клинически это может проявляться нарушением или темповой задержкой психо-речевого и моторного развития, особенно в сенситивные периоды формирования высших психических функций.

Способность к продолжительной концентрации внимания, поддержание оптимального уровня работоспособности, следование инструкциям и отсутствие импульсивности могут оказывать влияние на уровень сформированности активной речи и её морфологического строя у таких детей.

Полученные в результате настоящей работы данные, касающиеся раннего речевого функционирования недоношенных детей с последствиями перинатальных гипоксически-ишемических повреждений ЦНС в период раннего детства с применением нейропсихологического инструментария в связи с возможными биологическими и психологическими факторами риска и обуславливает их практическое применение, состоящее, например, в том, что для развития речи необходимо обратить внимание на развитие I и III блоков головного мозга.

1. Stern E. et al. Long-term outcomes of twins based on gestational age at delivery, The Journal of Maternal-Fetal & Neonatal Medicine. — 2018. — Т. 31. — №. 23.
2. Глозман Ж. М., Соболева А. Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста. — 2014.

Николаева А.С., Аринцина И.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь отношений с родителями и к будущему ребенку у беременных женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии

Бесплодие, беременные женщины, пренатальная привязанность, вспомогательные репродуктивные технологии, отношения беременной

Увеличение количества бесплодный пар приводит к разработке новых технологий лечения бесплодия — вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Исследования показывают, что эффективность ВРТ зависит не только от успеха медицинских технологий, физиологической возможности организма матери выносить и родить здорового ребенка, но и от ее психологического состояния (Котова, 2013). Было выявлено, что бесплодие и его длительное лечение отрицательно влияют на эмоциональное состояние женщины, у них наблюдаются невротические, депрессивные, ипохондрические, диссоциативные, адаптационные расстройства (Peterson et al., 2014); а также тревожные и самообвинительные переживания, нарушение самоидентификации и сексуального функционирования (Czyżkowska et al., 2016); показатели настроения, самочувствия и активности у них ниже, чем у беременных женщин, зачавших естественным путем (Стеняева и др., 2019). В исследованиях также показано, что течение беременности у женщин очень тесно связано с такими психологическими факторами как опыт взаимодействия со своей матерью в детстве, готовность к материнству, отношения в ее собственной семье и отношение к своему будущему ребенку (Котова, 2013; Manohar et al., 2016).

Целью настоящего исследования было изучение взаимосвязей отношений с родителями и к будущему ребенку у беременных женщин, использовавших ВРТ. Выборка: 124 женщины, 87 из них зачали ребенка естественным путем и 41 — при помощи ВРТ. Методики: семантический дифференциал с использованием понятий «Мой ребенок», «Я как мать», «Отношения с мамой», тест отношений беременной, шкала оценки пренатальной привязанности, биографический опросник, социально-демографическая и медицинская анкеты. Результаты: у женщин с ВРТ значимо меньше выражен гипогнозический тип гестационной доминанты и значимо больше эйфорический, чем у женщин с естественной беременностью, они выше субъективно оценивают свою готовность к материнству; женщины с ВРТ характеризуют своего будущего ребенка ниже по фактору активности, однако имеют выше показатели качества пренатальной привязанности, чем женщины с естественной беременностью. Анализ значимых взаимосвязей характеристик женщин обеих групп показал: чем выше женщины обеих групп оценивают свои отношения с мамой, тем выше они оценивают свои характеристики как мамы и своего ребенка; чем лучше женщины с естественной беременностью оценивают свои отношения с родителями, тем выше у них субъективная готов-

ность к материнству и характеристики пренатальной привязанности; чем больше у женщин с ВРТ выражен оптимальный тип гестационной доминанты, тем ниже у них характеристики пренатальной привязанности, а также чем ниже эти женщины оценивают свои отношения с родителями, тем выше они характеризуют себя как маму.

1. Котова А.В Исследование стиля переживания беременности у женщин с разным опытом отношений со своей матерью в детстве // Сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы медицинской психологии. М., 2013. С. 25-26.
2. Стеняева Н.Н., Хритинин Д.Ф., Чаусов А.А., Григорьев В.Ю., Сухих Г.Т. Психопатологические особенности инфертильных женщин с сексуальными дисфункциями, участвующих в программах вспомогательных репродуктивных технологий // Журнал неврологии и психиатрии. М., 2019. С. 51-58.
3. Czyżkowska A., Awruk K., Janowski K. Sexual satisfaction and sexual reactivity in infertile women // The contribution of the dyadic functioning and clinical variables, 2016. 76 p.
4. Manohar M., Khan H., Shukla V. Proteomic Identification and Analysis of Human Endometrial Proteins Associated with Unexplained Infertility // J Proteomics, 2016. P. 99-112.
5. Peterson B., Sejbaek S., Pirritano M., Schmidt L. Are severe depressive symptoms associated with infertility-related distress in individuals and their partners? // Hum Reprod, 2014. P. 76-82.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00859А.

Никулина Е.О., Аникина В.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное состояние женщин, использовавших разный тип зачатия, и характеристики их взаимодействия с детьми первого года жизни

Материнство, отношение к ребенку, младенческий возраст, вспомогательные репродуктивные технологии

Современные исследования показывают, что существует множество факторов, оказывающих воздействие на эмоциональное состояние матерей до беременности, во время ее протекания и после. Из-за большого числа различных влияний можно наблюдать динамику психологических характеристик женщины, в том числе и после рождения ребенка, это, в свою очередь, может сказаться на их взаимодействии друг с другом. Особую группу женщин составляют те, кто прибегнул к зачатию при помощи вспомогательных репродуктивных технологий. Существующие исследования и клинические наблюдения показывают, что эти женщины нередко обладают определенными психологическими характеристиками и отношением к ребенку, поскольку на пути к беременности они вынуждены обращаться к специалистам, проходить длительное лечение, возможно, несколько раз прибегнуть к ВРТ [2]. Данная группа женщин продолжает расти. Это связано с увеличением количества бесплодных пар и, соответственно, ростом потребности в методах лечения бесплодия, тем не менее сегодня можно говорить, что исследований в этой области не хватает. Существующие результаты противоречивы и требуют уточнений [1]. Довольно много внимания уделяется биологическим и медицинским аспектам, но психологическая сторона все еще раскрыта недостаточно полно и однозначно. Все вышесказанное определило направленность нашего научного интереса, и, поскольку данное исследование является частью большего, то мы можем позволить себе сосредоточится на узконаправленном вопросе, а именно на изучение эмоционального состояния матерей с разным типом зачатия в течение первого года после родов.

Актуальность выбранного в исследовании периода связана с тем, что психическое развитие ребенка в младенческом и раннем возрасте отличается наиболее высоким темпом, при этом одним из значительных факторов, определяющих качество жизни ребенка, являются отношения с матерью. Именно от нее зависит, как будут выстраиваться взаимодействия между ней ребенком [4]. При этом обнаружены значимые связи между отношением матери к ребенку, представлениями о нем и его развитии и уровнями сенсорного развития, навыков самообслуживания и активной речи у детей в раннем возрасте [3].

Методы исследования: Шкала психологического функционирования (Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, в адаптации Е.Р. Слободской); Семантический дифференциал с использованием понятий «Мой ребенок», «Я как мать», (Osgood,

1969, Шмелев, 1983); «Родительские оценки детей» (Ланцбург М.Е., Дудина А.А., 2014).

Таким образом, мы предполагаем, что существуют различия в эмоциональном состоянии женщин, использовавших ВРТ и тех, кто осуществил зачатие естественным путем. Это, в свою очередь, может оказывать влияние на их взаимодействие.

1. Аникина В.О., Блох М.Е., Савенышева С.С. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6
2. Петрова Н. Н., Подольхов Е.Н., Гзгзян А.М., Ниаури Д.А. Психические расстройства и личностно-психологические особенности у женщин с бесплодием при лечении ЭКО // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. №2. С. 42–49.
3. Савенышева С. С., Чижова В. Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2013. — №. 3.
4. Jover M. et al. Maternal Anxiety following Delivery, Early Infant Temperament and Mother´s Confidence in Caregiving //The Spanish Journal of Psychology. — 2014. — Т. 17.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00859

Первушина О.Н., Шамшикова О.А., Гилева Д.И.
Новосибирск, ФГБОУ ВО НГПУ

Формирование эмпатических реакций у детей с аутизмом

Расстройства аутистического спектра, прикладной анализ поведения, развитие эмпатических реакций

Отсутствие или низкий уровень эмпатии является существенным дефицитом, осложняющим социальное взаимодействие и, соответственно, адаптацию в целом при РАС. Нечувствительность или пониженный уровень чувствительности к социальным подкреплениям является тормозом на пути развития эмпатии. Люди с РАС показывают снижение порога дискомфорта в восприятии стимулов, имеющих большое значение при социальном взаимодействии, таких как человеческое лицо, голос, прикосновение. В то же время существуют лишь немногочисленные (можно сказать, единичные) упоминания о возможности устранения этого дефицита, которые показывают, что сопереживающий ответ может быть сформирован с помощью оперантных техник дифференциального подкрепления, моделирования и подсказки.

Целью данной работы являлась разработка программы формирования эмпатических реакций у детей с РАС и проверка ее эффективности. Разработанная программа была ориентирована на формирование навыков различения трех вариантов эмоциональных проявлений (радость, разочарование, грусть) и соответствующего (эмпатического) реагирования. Мы исходили из того, что люди с РАС могут идентифицировать и различать необходимые характеристики аффективных стимулов, а снижение у них эмпатического поведения может быть связано с невыученными отношениями между аффективными стимулами и соответствующими эмпатическими реакциями (Gena, 2005). Участниками стали 6 детей с аутизмом 6 — 7 летнего возраста, которые в течение полугода (5 часов в день 5 дней в неделю) осваивали развивающую программу, предлагающую поведенческое вмешательство в центре прикладного анализа поведения. При этом все дети имели опыт работы с жетонной мотивационной системой, а также необходимые навыки вокального подражания трехсловным фразам, смоделированным инструктором.

Эмпатическое реагирование на проявление всех трех аффектов систематически увеличивалось после начала введения развивающей программы у участников, имеющих навык сотрудничества. Кроме того, увеличилось распространение навыков эмпатии от обучающих к необучающим стимулам в рамках тех же аффективных категорий, а именно: от обучающих кукол и марионеток к реальным людям в нетренировочных условиях.

Реализация данной программы поведенческого вмешательства показала, что для формирования эмпатического поведения необходимо иметь определенные базовый уровень навыков (прежде всего, сотрудничества), способствующих взаимодействию инструктора и ребенка и помогающих ребенку обучаться. В целом, наши результаты показывают, что дети с аутизмом в возрасте 7-8 лет

могут научиться демонстрировать социально значимые навыки сопереживания в предварительных игровых условиях, и что эти навыки могут распространяться на игровые тест-ситуации и игрушки, не предназначенные для обучения. Иначе говоря, мы можем заключить, что производство эмпатических реакций как аффективное реагирование доступно детям с РАС.

В то же время дети с РАС показывают рассогласованность в проявлении аффекта, т.е. отсутствие контекстуального единства зрительного контакта, мимических проявлений, интонационного сопровождения, вербального и моторного проявления. Данная рассогласованность в проявлениях эмпатических реакций предопределяет трудности в восприятии и интерпретации таких реакций другими людьми. Как показывает результаты данного исследования, предлагаемая программа может помочь детям с РАС проявлять контекстуальные эмпатические реакции, но проявление согласованной эмпатической реакции является сложно реализуемой задачей, решение которой требует дальнейших поисков.

1. Gena A., Couloura S., Kymissis E. Modifying the Affective Behavior of Preschoolers with Autism Using In-Vivo or Video Modeling and Reinforcement Contingencies // J. Autism Dev. Disord. 2005. Vol. 35, № 5. P. 545–556.

Севастьянова У.Ю.
Кострома, КГУ

Изучение нормативного родительского стресса

Родительство, стресс, травматичность, удовлетворенность родительской ролью

В последнее время феномен родительства претерпевает достаточно большие изменения. Современные семьи — это, с одной стороны, ответственность, вовлеченность, удовлетворение родительской ролью, с другой стороны, тревожность, срессовость, травматичность. В настоящее время существует достаточно много исследований, оценивающих положительные стороны родительства, мы же хотим изучить негативные переживания матерей и отцов, воспитывающих детей, то есть нормативный родительский стресс. Данное явление обусловлено в первую очередь личностными особенностями как самих родителей, так и их детей, неудовлетворенностью ролью, спецификой семейной системы.

Целью настоящего исследования является выявление уровня родительского стресса. Методики исследования: Опросник «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» Berry, J. O., & Jones, W. H., 1995) адаптация Мисиюк Ю.В., Тихонова И.В., 2021; методика исследования удовлетворенностью родительской ролью в адаптации Куфтяк Е.В., 2006. В исследовании приняли участие 56 респондентов (11 мужчин 45 женщин), 37,8 средний возраст, (10,8 средний возраст детей; 11,4 среднее количество лет нахождения в браке).

В ходе проведения исследования нами получены данные, свидетельствующие о наличии родительского стресса. Так, у респондентов максимальную выраженность имеет шкала «Родительские стрессоры» (M=9,61; SD=2,25), то есть требования, которые предъявляет исполнение родительской роли. Родители испытывают стресс при выполнении ежедневных задач и обычных аспектов воспитания, трудности возникают при уходе и заботе о ребенке, которые проявляются в увеличении затрат времени и сил, а также финансовом бремени. Поведение ребенка также усиливает стресс. Эти данные также подтверждает и общий уровень стресса у респондентов (M=43,7; SD=8,47). В то же время матери и отцы, выполняя родительские обязанности и требования, не утрачивают контроль над своей жизнью в результате появления и воспитания ребенка, так среднее значение по шкале «Потеря контроля» имеет низкий показатель (M=7,45; SD=2,29). Несмотря на наличие стрессовой ситуации родители также испытывают удовлетворенность своей ролью («Родительское удовлетворение» (M=8,37; SD=1,96), «Родительское вознаграждение» (M= 8; SD=2,05)).

Анализируя данные по методике исследования удовлетворенностью родительской ролью, мы можем выделить следующие положения. Наиболее высокие показатели обнаружены по шкале «Важность роли родителя» (M=53,87; SD=10,39). Родители придают большую значимость воспитанию и родительской роли. Также матери и отцы отмечают, что родительство требует большого труда, значительных усилий («Тяжесть роли родителя» (M=49,02; SD=8,88)). Минимальную выражен-

ность имеет шкала «Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства» (M=38,84; SD=5,36). Родители в меньшей степени ощущают чувство радости, успеха, успокоения от исполнения обязанностей.

Таким образом, мы видим, что для современных родителей характерно наличие нормативного родительского стресса, высокий самоконтроль, большая осмысленность целей воспитания детей и удовлетворенность жизни. Но в тоже время они не испытывают эмоционального удовольствия; в большей степени переживают за поведение детей, беспокойны и тревожны.

В дельнейшем мы планируем осветить вопросы определения степени травматизации условно «нормативного» родительского сообщества, систематизацию травматических стрессоров и феноменологии стрессов родителей.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00678

Соколова И.А., Честюнина Ю.В.
Челябинск, ФГБОУ ВО ЧелГУ

Особенности родительского отношения в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ

Детско-родительские отношения; особенности родительского отношения; семьи, воспитывающие детей с ОВЗ, дети с ОВЗ; семейное воспитание; родительские установки.

Многие исследователи склонны подчеркивать значимость родительского отношения для развития детей с ОВЗ. Вместе с тем, они указывают и на негативный характер влияния диагноза у детей на установки и отношение родителей. Как следствие, родители бессознательно используют такие модели воспитания, которые лишь усугубляют уже имеющиеся проблемы развития детей. Поэтому исследование особенностей родительского отношения в семьях, имеющих особенных детей остается актуальным по сей день, так как выявляя особенности родительского отношения можно предотвратить социальную дезадаптацию таких семей, определить и устранить препятствия на пути социальной интеграции особых деток, предупредить деструктивные межличностные взаимодействия с окружающими.

Наше исследование проводилось на базе ГБУЗ Центр медицинской реабилитации «Вдохновение» г. Челябинска. Выборку исследования представили 24 человека (из них 12 мужчин и 12 женщин), образующих семейные пары. В качестве диагностического инструментария были отобраны психодиагностические методики: ОРО А.Я. Варга, В.В. Столина и методика изучения родительских установок PARI Е.С. Шефер, Р.К. Белл; адаптация Т.В. Нещерет. Гипотезы исследования: 1.Есть отличия в отношении отцов и матерей к ребенку с ОВЗ. 2. Характер родительских установок и отношения к ребенку различается в зависимости от диагноза у ребенка.

В результате проведения исследования нами было выявлено:

1. Выявлено, что как у матерей, так и у отцов детей с ОВЗ в большинстве случаев наблюдается интерес к потребностям и интересам детей, стремление сформировать с ними близкие и доброжелательные отношения. В половине семей отмечается наличие адекватного контроля, не влекущего за собой ограничение личностного пространства детей. Вместе с тем, в ряде семей отмечается чрезмерный родительский контроль, а также неготовность и/или нежелание принимать детей такими, какими они есть. Также установлено, что многие родители не верят в возможности своих детей и сомневаются в их благополучии в будущем.

2. Проведённое нами эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о том, что характер родительских установок и отношения к ребенку различается в зависимости от диагноза, что проявляется в высоком уровне авторитарности родителей, в склонности родителей инфантилизировать своих детей, в эмоцио-

нальном отвержении своих детей, а также в склонности к формированию симбиотических отношений даже тогда, когда они тормозят индивидуализацию ребенка.

Так в семьях воспитывающих детей с ДЦП на высоком уровне принятия ребенка таким какой он есть, поддержание его свободы, ведущей к развитию и адекватный контроль со стороны родителей, а так же вера в успех своего малыша. В семьях с детьми, воспитывающих детей с ЗПР и ЗРР можно выделить следующую специфику воспитания, которую можно увидеть: в высоком уровне авторитарности родителей в воспитании детей с ЗПР и детей с задержкой психического развития; в склонности родителей этих групп инфантилизировать своих детей; в эмоциональном отвержении родителями детей с ЗПР;

3. Матери детей с ОВЗ склонны видеть основные проблемы во взаимоотношениях между собой и ребенком и признают, что они слишком опекают ребенка и активно вмешиваются в его жизнь. Отцы в отличие от матерей более склонны обращать свое внимание на решение текущих семейных проблем, поэтому в их отношениях с детьми присутствует адекватный родительский контроль и доброжелательность. В то же время, более половины из опрошенных отцов детей с ОВЗ ощущают себя жертвами ситуации и считают, что вынуждены отказываться от удовольствий, от личных жизненных целей ради защиты интересов других людей (семьи и, в частности, больного ребенка).

Все это указывает на необходимость при оказании психологической помощи ребенку обязательно включать родителей в психокоррекционный процесс. Результаты изучения особенностей родительского отношения могут стать содержательной основой выбора методов психокоррекционной работы.

1. Авдеева, Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы [Текст] / Н.Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. — 2017. — Т. 6, №2. — С. 7-14.
2. Высотина, Т.Н. Личностные особенности родителей, воспитывающих детей со сложными нарушениями развития [Текст] / Т.Н. Высотина // Вестник СПбГУ. — 2011. — Сер. 12. — Вып. 2. — С. 122-127.

Суркова К.Л., Зверева Н.В.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Изучение возможных рисков негативного воздействия методов вспомогательных репродуктивных технологий на когнитивное и речевое развитие ребенка

Экстракорпоральное оплодотворение, вспомогательные репродуктивные технологии, когнитивное и речевое обследование, дети ЭКО

Введение. На протяжении последних десятилетний, применение экстракорпорального оплодотворения является ведущим в лечении женского и мужского бесплодия. Многие бездетные пары обращаются к процедурам вспомогательных репродуктивных технологий, среди которых метод ЭКО является ведущим. Исследования детей ЭКО весьма малочисленны и представлены в основном в медицинских источниках, с преимущественной оценкой физического развития ребенка. Оценка психомоторного развития ребенка ЭКО производится медицинскими специалистами, в большинстве случаев, без применения специализированных методов оценки когнитивного и речевого развития ребенка. Отсутствие лонгитюдных исследований, не позволяют оценить риски воздействия применения методов ВРТ на дальнейшее развитие ребенка.

Нами были поставлены цели изучения возможного влияния методов ВРТ (возраст матери, хронические заболевания, количество подсадок эмбриона, протекания беременности и родов, анамнестические данные ребенка с рождения до настоящего возраста и т.д.) на когнитивное и речевое развитие ребенка. Для оценки когнитивного и речевого развития, были выбраны приемы нейропсихологического, патопсихологического, логопедического диагностического обследования ребенка. В исследовании приняли участи 46 детей (27 мальчиков, 19 девочек) зачатых путем ВРТ, возрастом от 3-х до 7,5 лет. Среди них 25 детей, зачаты путем ЭКО и 21 ребенок зачат путем ИКСИ. Средний возраст матери на момент рождения ребенка составлял 35±7 лет, отца 38±5 Среди гинекологических заболеваний у матерей чаще всего наблюдался эндометриоз, воспаления малого таза, отсутствие маточных труб в следствии внематочной беременности. У мужчин преимущественной причиной бесплодия была слабая подвижность сперматозоидов. Реже встречалось бесплодие неясного генеза. По количеству от 1 до 3 включительно попыток процедур ЭКО, успешно было оплодотворено 25 эмбриона, с помощью процедуры ИКСИ — 8 эмбрионов; от 4-х до 5 попыток: ЭКО — 3 эмбриона, ИКСИ — 8 эмбрионов; свыше 6 попыток: ЭКО — 0, ИКСИ — 2 эмбриона. В двух семьях для оплодотворения был взят донорский материал: в одном случае только мужской материал, в другом и мужской, и женский одновременно.

У 75% женщин беременность протекала без особенностей, у 35% наблюдался отягощенный акушерский анамнез (токсикоз, преимущественно первого триместра; отслойка плаценты; задержка внутриутробного развития плода и т.д.).

Родоразрешение было у 28 женщин с помощью кесарева сечения, у 18 роды были естественными. Недоношенными по сроку гестации, родилось 18 детей (с 37 по 35 неделю -15 детей; с 34 по 32 неделю — 1 ребенок; с 31 по 29 неделю — 2 детей). По анамнестическим данным медицинской документации условно «нормальное» психомоторное и речевое развитие ребенка наблюдалось у 10 детей.

В результате проведенных психолого-педагогических исследований наряду с сопоставлением с медицинской документацией ребенка были выявлены следующие особенности:

1. Речевые расстройства и отклонения в когнитивном развитии чаще всего встречались у детей, родители которых на момент рождения ребенка были старше 40 лет.

2. Прослеживается возможная взаимосвязь между количеством выполненных подсадок ооцита до успешного оплодотворения на течение беременности и психомоторное развитие ребенка на первом году жизни

3. Хронические заболевания матери, осложненный акушерский анамнез (многоплодная беременность, преждевременные роды, токсикозы и тд) оказывают непосредственное влияние на факторы энергетического обеспечения активности и нейродинамического баланса ребенка в дальнейшем

Выводы. Изучение развития когнитивных и речевых функций у детей, зачатых с помощью ВРТ, в сопоставлении с особенностями проведения процедуры ЭКО и возможным его влиянием на пренатальный, интранатальный и постнатальный этап развития ребенка, является современным вектором исследования в медицинской психологии.

Чернего Д.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Механизмы влияния институциональной депривации на развитие ребенка

Дети, сиротские учреждения, институционализация

Введение. Ранний опыт человека имеет огромное значение для его последующего развития, о чем свидетельствуют исследования детей с опытом проживания в сиротских учреждениях. У детей с ранним опытом институционализации были обнаружены нарушения развития в различных областях: задержка физического, познавательного развития, трудности с исполнительным функционированием и регуляцией эмоций, нарушения привязанности, иммунной системы, регуляции при стрессовом воздействии, структурные и функциональные нарушения мозга, эпигенетические изменения (см. обзор Gunnar, Bowen, 2021). Исследователи выделяют основные факторы — это отсутствие постоянного в жизни ребенка, чувствительного и отзывчивого близкого взрослого и адекватной для развития стимуляции, отсутствующей в связи с социально-эмоциональной депривацией в учреждениях.

Цель работы заключается в анализе и обобщении научной информации о возможных путях влияния ранней институциональной депривации, полученной в результате исследований детей с опытом пребывания в сиротском учреждении. Метод исследования: анализ, обсуждение и обобщение результатов исследований развития детей с опытом институционализации, опубликованных в изданиях, включенных в базы Web of Science, Scopus.

В результате обобщения имеющихся в научной литературе исследований можно выделить некоторые механизмы, с помощью которых происходят негативные изменения в развитии детей с ранним опытом институционализации: сокращение синоптических связей в связи с отсутствием должной стимуляции; уменьшение объема серого и белого вещества головного мозга (см. обзор Gunnar, Bowen, 2021); изменение активности ГГН системы в связи с отсутствием чувствительного к сигналам ребенка близкого взрослого и гипокортицизм как защитная реакция организма чувствительных к стрессу областей мозга от токсического действия глюкокортикоидов (Herman et al., 2012); эпигенетические изменения экспрессии генов в результате процесса метилирования ДНК (Naumova et al., 2019); укорочение теломеров и их раннее старение (Humphreys et al., 2016); фенотип, характеризующийся нарушением клеточного иммунитета и имунностарением (Elwenspoek et al., 2017); изменение микробиома кишечника (Callaghan et al., 2020).

Несмотря на общий негативный эффект депривационных условий институциональной заботы о детях, существует вариабельность угнетения различных систем их организма и поведенческих проявлений в зависимости от генотипа каждого отдельного организма и работы некоторых генов (см. обзор Gunnar, Bowen, 2021).

Заключение. К настоящему времени в наибольшей степени изучены последствия институционализации на психическое развитие детей, наименее изученными и имеющими особый интерес являются междисциплинарные исследования, позволяющие более комплексно оценить и понять механизмы влияния ранней депривации среды сиротского учреждения на био-поведенческое развитие человека.

1. Gunnar M.R., Bowen, M. What was learned from studying the effects of early institutional deprivation// Pharmacology Biochemistry and Behavior, 2021. 210.
2. Herman J.P., McKlveen J.M., Solomon M.B., Carvalho-Netto E., Myers B. Neural regulation of the stress response: glucocorticoid feedback mechanisms// Braz. J. Med. Biol. Res., 2012. 45, 292–298
3. Naumova O.Y., Rychkov S.Y., Kornilov S.A., Odintsova V.V., Anikina, V., Solodunova M.Y., Grigorenko E.L. Effects of early social deprivation on epigenetic statuses and adaptive behavior of young children: a study based on a cohort of institutionalized infants and toddlers //Plos One 14, 2019. e0214285.
4. Humphreys K.L., Esteves K., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A., Drury S.A. Accelerated telomere shortening: tracking the lasting impact of early institutional care at the cellular level// Psychiatry Res. 2016. 246, 95–100
5. Elwenspoek M.M.C., Sias K., Hengesch X., Schaan V.K., Leenen F.A.D., Adams P., Turner J.D. T cell immunosenescence after early life adversity: association with cytomegalovirus infection// Front. Immunol , 2017. 8, 1263.
6. Callaghan B.L., Fields A., Gee D.G., Gabard-Durnam L., Caldera C., Humphreys K.L., Goff B., Flannery J., Telzer E.H., Shapiro M., Tottenham N. Mind and gut: Associations between mood and gastrointestinal distress in children exposed to adversity// Development and Psychopathology, 2020. 32 (1), 309–328.

Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности взаимодействия детей с близкими взрослыми в доме ребенка семейного типа и в замещающей семье

Дети, опыт институционализации, детско-родительское взаимодействие, замещающая семья

Введение. Депривация потребности в безопасных отношениях с близким взрослым отрицательно влияет на развитие детей с опытом институционализации (ОИ), в том числе после перевода в замещающие семьи (ЗС) [1, 2]. Установлено, что качество взаимодействия с близким взрослым может смягчать негативные последствия ОИ [2]. Показано, что дети, воспитывающиеся в доме ребенка (ДР) семейного типа после обучения персонала и структурных изменений (О+СИ) демонстрируют более высокий уровень взаимодействия с сотрудницами ДР, чем дети в ДР без изменения (БИ) социально-эмоционального окружения [1]. Однако, до сих пор не изучены особенности взаимодействия детей с замещающими родителями после их перевода из ДР семейного типа (О+СИ) в ЗС.

Цель работы — изучение качества взаимодействия детей с опытом проживания в ДР семейного типа (О+СИ) и их близких взрослых на разных этапах обследования (в ДР, 24 мес. проживания в ЗС, 25-48 мес. в ЗС).

Методы. Участниками исследования были дети с опытом проживания в ДР семейного типа (О+СИ), переведенные в ЗС, и близкие взрослые (сотрудницы ДР или замещающие родители). Качество взаимодействия изучалось по видеозаписям свободной игры ребенка и близкого взрослого, которые оценивались по методу PCERA [3]. Взаимодействие в диадах изучались на разных этапах: 1) в ДР О+СИ: N=29; возраст 22.7(16.3) мес.; 11 мальчиков); 2) 24 мес. в ЗС: N=32; возраст 41.4(16.2); 17 мальчиков); 3) 25-48 мес. в ЗС: N=22; 55.5(12.5); 11 мальчиков). Статистическая обработка включала дисперсионный анализ (ковариата — возраст детей) и проводилась в программе SPSS 23.0.

Результаты. Выявлены значимые различия показателей взаимодействия в связи с этапом обследования. На этапе 24 мес. в ЗС с детьми из ДР семейного типа О+СИ наблюдаются более низкие значения взаимодействия замещающих родителей (суммарный, $p = 0.003$; «Чувствительность к сигналам ребенка, отражение, вовлеченность во взаимодействие», $p = 0.018$; «Отсутствие негативных эмоций и реакций, предсказуемость», $p = 0.024$; «Энтузиазм, жизнерадостность, положительные эмоции», $p = 0.009$) и диадного показателя ($p = 0.036$), по сравнению с данными показателями при взаимодействии детей с сотрудницами ДР О+СИ. На этапе 25-48 месяцев в ЗС взаимодействие не отличается от других этапов.

Обсуждение. В данной работе установлено, что в первые два года после перевода детей из семейного ДР в ЗС качество взаимодействия детей и замещающих родителей ниже, чем у детей и сотрудниц ДР. Полученные данные могут быть

связаны с высоким уровнем чувствительности и отзывчивости сотрудниц ДР семейного типа по итогам проведения вмешательства в этом ДР [1]. Также трудности во взаимодействии в первые два года в ЗС предположительно связаны с кризисным периодом адаптации и взаимной подстройки в диаде [4].

Выводы. Результаты свидетельствуют о более низком качестве взаимодействия в ЗС с детьми из семейного ДР, относительно обследования детей с сотрудницами ДР. Полученные данные подчеркивают важность создания эффективных программ сопровождения ЗС с детьми с ОИ на ранних проживания детей в ЗС, которые будут направлены на установление безопасных отношений в диаде с учетом особенностей взаимодействия.

1. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. М., 2009. 296 с.
2. Juffer F., Bakermans-Kranenburg M. J., Van IJzendoorn M. H. The importance of parenting in the development of disorganized attachment: Evidence from a preventive intervention study in adoptive families //Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 2005. — Т. 46. — №. 3. — С. 263-274.
3. Clark R. The Parent-Child Early Relational Assessment: Instrument and manual. Madison: University of Wisconsin Medical School, Department of Psychiatry, 1985.
4. Токарская Л. В. и др. Детско-родительское взаимодействие и развитие ребенка раннего возраста: коллективная монография. — 2019.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00626

Эрнепесова Е.Д., Аникина В.О., Плешкова Н.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности психологического функционирования и отношения к ребенку у беременных женщин, использовавших ВРТ

Беременность, бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии, психологическое функционирование, отношение к ребенку

Сегодня набирают популярность исследования влияния лечения бесплодия на беременную женщину, ее психологическое функционирование, отношение к беременности и ребенку. Считается, что доля психологической нагрузки, связанной с бесплодием, может значительно превосходить физиологический дискомфорт организма. Многими исследователями отмечается тенденция к довольно высокому уровню психоэмоционального стресса (тревожности, напряженности, проявлению депрессивной симптоматики, психосоматической патологии и пр.), который в свою очередь может оказывать влияние на протекание беременности и пренатальный исход, а также на особенности восприятия себя, своей беременности и своего ребенка [1, 4]. Ряд исследователей отмечают специфику в отношении к ребенку у женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), а именно: эйфорическую доминанту и идеализацию его образа [1]. В связи с этим особое значение приобретает исследование психологического функционирования, особенностей отношения к будущему ребенку у женщин, использовавших ВРТ. Методы: Шкала психологического функционирования (Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, в адаптации Е.Р. Слободской); «Шкала оценки пренатальной привязанности (Condon J., 1993); Тест отношений беременной (ТОБ, Добряков И.В., 2010); Родительские оценки детей» (Ланцбург М.Е., Дудина А.А., 2014), социально-демографическая анкета.

Результаты представлены по 177 женщинам: 57 женщин, зачавших с помощью ВРТ (34,31±4,459 лет) и 120 с естественной беременностью (ЕС) (31,87±4,786 лет) (p=0,000). Женщины из группы ВРТ дольше состоят в отношениях и проживают с супругом/партнером (p=0,000). Они выше отмечают свою готовность к материнству (p=0,019), при этом 50,9% женщин не посещает курсы по подготовке к родам и материнству, когда как в группе с ЕС 69,7% уже посещают подобную группу (p=0,001). Также значимые различия были установлены по времени наступления беременности. Средний показатель у группы ВРТ чуть более 4 лет (p=0,000). По методике ТОБ женщины из группы ВРТ по отношению к беременности больше испытывают эйфорию и у них менее выражен оптимальный тип гестационной доминанты. Положительная корреляционная взаимосвязь была выявлена между компонентами привязанности и эйфорической гестационной доминантой по компонентам «отношение к беременности» и «отношение к ребенку», а отрицательная взаимосвязь была выявлена с оптимальным типом отношения к беременности. По методике адаптивного функционирования значимые различия были обнаружены по шкалам: нарушения мышления и депрессивные

расстройства. В сравнении с группой ЕС выраженность этих шкал у группы ВРТ ниже (p=0,050). Большинство показателей методики «Родительские оценки детей» положительно коррелируют с эйфорическим типом гестационной доминанты по компоненту «отношение к ребенку», таким образом женщины с эйфорическим отношением к ребенку выше оценивают выраженность его качеств на настоящий момент и в том числе выше оценивают необходимый уровень выраженности качеств для гордости ребенком. Вывод: Женщины с ВРТ отмечают свою готовность к материнству как высокую, при этом не посещают курсы по подготовке, они выше оценивают качества своего ребенка в утробе, при этом их отношение характеризуется большей эйфоричностью и меньшим уровнем оптимального отношения. Можно сказать, что женщины, прибегнувшие к ВРТ, переоценивают свои материнские способности в период беременности.

1. Аникина В.О., Блох М.Е., Савенышева С.С. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6
2. Verhaak CM, Smeenk JM, Evers AW, Kremer JA, Kraaimaat FW, BraatDD. Women's emotional adjustment to IVF: a systematic review of 25 years of research. // Hum Reproduction Update. 2007.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00859

Яковлева Е.В.
Санкт-Петербург, Женская консультация №32, ГБУЗ Поликлиника №96

Особенности работы клинического психолога в женской консультации

Беременность, аборт, материнство, подготовка к родам, репродуктивное здоровье, женская консультация

В настоящее время наша страна находится в демографическом кризисе. Женщин репродуктивного возраста недостаточно, количество родов уменьшается; аборты по-прежнему ежегодно уносят тысячи жизней. На изменение этой ситуации может влиять каждый психолог, работающий с женщинами, внося свою малую лепту в дело сохранения численности нашего народа.

Работа психолога в женской консультации подчинена главной цели: сохранению психического здоровья будущих матерей, их подготовке к родам и материнству и в целом сохранению репродуктивного потенциала наших женщин. Каждая женщина, сомневающаяся в сохранении беременности, должна получить от врача-гинеколога направление на консультацию психолога. Подготовленный специалист, используя определенный алгоритм построения такой беседы, помогает женщине расширить границы видения проблемы, увидеть внутренние и внешние ресурсы. Если женщина нуждается материально, психолог помогает обратиться в социальные и благотворительные службы, где при благоприятном решении женщины ей оказывается поддержка вплоть до родов и после них. Процент сохранения беременности после подобной консультации составляет 15-18%.. Внутренняя позиция самого психолога чрезвычайно важна, ценность каждой жизни должна быть неоспорима, формализм недопустим. При этом психолог обязан с уважением относиться к женщине и не оказывать на нее давления при принятии решения.

Причин, толкающих женщину на аборт, несколько: бытовая неустроенность, усталость, возраст, карьера, сложности в семейных отношениях; однако, основной является нежелание лишать себя привычного комфорта. На прием приходят и матери-одиночки, и юные девушки, и женщины БОМЖ; но по большей части — это вполне обеспеченные женщины, состоящие в браке, уже имеющие 1-2 детей. Средний возраст женщин, получающих консультацию психолога в ситуации репродуктивного выбора: 30,57 лет.

Если женщина принимает решение оставить ребенка, дальнейшая работа психолога заключается в психологическом сопровождении женщины на всем протяжении беременности, формировании у нее адекватной материнской позиции, отработке навыков саморегуляции. Для диагностики применяются тестовые и проективные методики.

При посещении первых трёх консультаций до 30 недель беременности психолог ведет записи в обменной карте беременной, где врач акушер-гинеколог может увидеть сведения о динамике эмоционального состоянии женщины, а также фор-

мировании ведущего типа гестационной доминанты. Таким образом, совместная работа психолога и врачей акушеров-гинекологов способствует благополучному течению беременности, профилактике послеродовых осложнений и подготовке женщины к материнству.

Кроме консультаций с женщинами, находящимся в ситуации репродуктивного выбора, психолог работает с пациентками по следующим направлениям: 1. Психологическая поддержка беременной женщины (работа со страхами, тревогой, формированием адекватной материнской позиции), 2. Ведение курса подготовки к родам и материнству (курс состоит из 8 занятий, включает в себя лекции, семинары, психогимнастику, дыхательный тренинг, элементы арт.- и музыкотерапии), 3. Подготовка к отцовству, 4. Перинатальные потери. Сопровождение беременности женщины, столкнувшейся с потерей ребенка в предыдущей беременности, 5. Постабортный синдром, 6. Послеродовые депрессии, 7. Бесплодие (обнаружение психологических причин), 8. Подготовка к беременности (женщины обращаются с просьбой помочь «настроиться» на предстоящую беременность и материнство).

Артемцева Н.Г.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Галкина Т.В.
Москва, ФАНО ВО МосГУ

Взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и смысложизненными ориентациями человека при созависимости

Субъект, отношение, психологическое здоровье, личность, смысложизненные ориентации, уровень притязаний, представления

Понятие «психологическое здоровье» рассматривается нами значительно шире более традиционного и часто употребляемого понятия «психическое здоровье». С нашей точки зрения, психологическое здоровье включает в себя представления о ресурсах личности и потенциале развития человеческого духа, а осмысленность целей жизни в значительной мере определяет социальную адаптацию личности, являясь регулятором поведения и деятельности. Страшась свободы быть собой и быть независимым в своих выборах, созависимый человек предпочитает не уделять внимания собственным потребностям и не нести за себя ответственность. Возникшую же от потери собственной идентичности пустоту, он пытается заполнить другим человеком. Для того чтобы исцелить психологически и стать душевно здоровым, необходимо осознать состояние созависимости с таких позиций, как смысл жизни, жизненные ценности и ориентации.

Изучая представление о психологическом здоровье созависимой личности, мы обнаружили, что наши испытуемые давали эмоционально окрашенные характеристики своего отношения к этому явлению. Среди этих характеристик присутствовали и такие, как свобода выбора, стремление к самоактуализации и самовыражению, осмысленность жизни (Артемцева, Галкина, 2015; Галкина, Артемцева, 2016).

С целью проверить гипотезу, что существует взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и смысложизненными ориентациями у созависимого субъекта, было проведено эмпирическое исследование. В качестве респондентов выступили 353 человека; из них: 316 женщин и 37 мужчины, в возрасте от 18 до 70 лет, разного уровня образования, представители различных профессий. Среди всех опрошенных респондентов было выявлено всего 3 человека, не являющихся созависимыми в данный момент своей жизни. Дальнейшему анализу были

подвергнуты результаты 350 созависимых субъектов. Для исследования использовались: авторский опросник ШОПЗ — «Шкала отношения к психологическому здоровью» (Артемцева, Галкина, 2016), методика «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 2000), опросник «Профиль созависимости» (Артемцева, 2012).

Результаты исследования и обсуждение результатов. В результате корреляционного анализа была выявлена статистически значимая взаимосвязь (при p0,01) отношения к психологическому здоровью со всеми шкалами теста СЖО, а именно с показателями целей в жизни (0,3), показателем процесса жизни (0,3), результативностью жизни (0,3), локусом контроля Я (0,3) и локусом контроля жизни (0,3) В целом корреляция показателей ШОПЗ с общим показателем СЖО (0,3) может говорить о том, что осмысление своей жизни связано с необходимостью быть психологически здоровым. Такой результат, возможно, объясняется тем, что человек осознает роль своего психологического здоровья как смыслообразующего фактора благополучного и удовлетворенного бытия.

Выводы. Полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что отношение к психологическому здоровью в целом может быть частью осознаваемого смысла жизни человека.

1. Артемцева, Н.Г. Феномен созависимости: психологический аспект. М.: РИО МГУДТ — 2012.
2. Артемцева Н.Г., Галкина Т.В. Особенности представления о психологическом здоровье у созависимых субъектов // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал МосГУ — 2015. № 2. С. 291-301.
3. Артемцева Н.Г., Галкина Т.В. Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. С. 121–126.
4. Галкина Т.В., Артемцева Н.Г. Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и несозависимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. Сер. «Труды Института психологии РАН /Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. Москва, 2016. С. 352-381.
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2022-0007

Басаровская П.А.
Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС

Анисимов А.И.
Санкт-Петербург, СПбГИПСР

Личностно-профессиональное развитие и значимость здоровья в системе ценностных ориентаций студентов вуза

Психология здоровья, психология развития, ценность здоровья, ценностные ориентации студентов, субъектность, потенциал самоизменений, ресурсный подход, психологические ресурсы здоровья

Многие молодые люди ставят перед собой важные жизненные цели, требующие всестороннего развития личности. Одним из неотъемлемых условий личностно-профессионального развития является высокий уровень индивидуального здоровья. При этом современные исследования показывают недостаточно серьёзное отношение со стороны учащейся молодежи к проблеме здоровья и его укрепления, что проявляется в низкой приверженности нормам здорового образа жизни. Любое развитие непременно предполагает изменения (структурные или функциональные), развитие — особая форма изменений. В рамках экзистенциального подхода Н.В. Гришина предложила экзистенциальную модель взаимодействия человека с окружающим миром: «внешние вызовы» ставят человека перед необходимостью выбора конкретного способа реагирования и отношения к этим «вызовам», что побуждает человека выступать в качестве активного субъекта изменений своей жизненной ситуации и фактического самоизменения. Автор вводит понятие «потенциал самоизменений» для описания совокупности факторов, определяющих готовность человека к изменениям.

Потенциал самоизменений (показатель «инициативности и активности субъекта действия») можно определить как важнейшую характеристику личностно-профессионального развития. На это указывают работы А.А. Деркача и О.С. Яркиной, которые рассматривают субъектность как психолого-акмеологическое условие личностно-профессионального развития: высокий уровень субъектности способствует переходу личностно-профессионального развития на уровень саморазвития, высокой степени готовности к трудовой деятельности и непрерывному самосовершенствованию. В структуре субъектности О.С. Яркина выделяет ценностно-смысловой компонент, который предполагает «активность личностных ресурсов», направленных на реализацию ценности всего того, что входит в сферу профессиональной деятельности.

Одно из важнейших мест в системе ценностных ориентаций будущего профессионала должно занимать здоровье. Поддержание и укрепление здоровья требует от него усилий по активизации собственных психологических ресурсов. По степени активизации таких ресурсов возможно судить не только о стремлении личности к самоизменению, но и о ценности здоровья для неё в целом.

На основании этого мы предположили, что существует взаимосвязь между личностно-профессиональным развитием и значимостью здоровья в системе ценностных ориентаций студентов вуза, и выдвинули гипотезу: студенты с более высоким уровнем личностно-профессионального развития характеризуются ценностным отношением к здоровью, что будет проявляться в их стремлении активизировать психологические ресурсы здоровья: экзистенциальных способностей и жизнестойкости.

Для проверки гипотезы были использованы следующие психодиагностические методики: опросник «Индекс стремлений» (Э. Деси), Тест экзистенциальных мотиваций, опросник «Потенциал самоизменений», Тест жизнестойкости, опросник «Шкала экзистенции», авторская анкета. Сравнивались группы студентов-психологов СПбГИПСР (77 человек) с разным уровнем потенциала самоизменений по показателям психологических ресурсов здоровья.

Выявлены значимые различия по следующим показателям: «самодистанцирование», «самотрансценденция», «свобода», «ответственность» («Шкала экзистенции») и «вовлеченность», «контроль», «принятие риска», «жизнестойкость» (Тест жизнестойкости). Из этого следует, что студенты, стремящиеся к личностно-профессиональному развитию, в большей степени придают значимость ценности здоровья, что подтверждается превышением показателей их психологических ресурсов. Такие результаты свидетельствуют о том, что существует выраженная взаимосвязь между личностно-профессиональным развитием и значимостью здоровья в системе ценностных ориентаций студентов вуза.

1. Гришина Н.В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 132;
2. Деркач А. А. Профессиональная субъектность как психолого-акмеологический феномен // Акмеология. 2016. №1 (57).

Викентьева Е.Н.
Москва, ФУ при Правительстве РФ

Емельянова Т.П.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Финансовая тревожность у безработных предпенсионного возраста

Финансовая тревожность, предпенсионный возраст, восприятие ситуации потери работы, субъективное финансовое благополучие

В настоящем исследовании финансовая тревожность рассматривалась не как реактивное состояние, возникающее в силу определенных обстоятельств, а как личностное свойство человека (Дробышева, Садов, 2021, с. 296). Оно определяется как склонность личности испытывать состояние тревоги в ситуациях взаимодействия с другими людьми, опосредованных монетарными отношениями. Высокий уровень финансовой тревожности влечет за собой снижение самоконтроля личности за своими тратами и рациональности в управлении своими финансами. Умеренный уровень финансовой тревожности носит конструктивный характер, наблюдается взвешенное отношение к деньгам, самоконтроль своего экономического поведения (там же, с. 309).

В современных условиях основной проблемой, которую создает потеря работы, является недостаток денежных средств. У лиц предпенсионного возраста ситуация безработицы осложняется и их особым статусом на рынке труда: специалисты предпенсионного возраста подвергаются заметной дискриминации со стороны работодателей (Забелина, 2018).

В исследовании изучалась финансовая тревожность безработных предпенсионного возраста (N=153) во взаимосвязи с самооценкой финансового положения и субъективным финансовым благополучием. Использовались методики: «Шкала финансовой тревожности личности», опросники восприятия ситуации потери работы, самооценки финансового положения и субъективного финансового благополучия. Дизайн исследования включал в себя: 1) выявление с помощью факторного и кластерного анализа эмпирических типов безработных по характеру их переживаний своей ситуации; 2) описание выявленных эмпирических типов по социально-демографическим характеристикам; исследование различий между полученными эмпирическими типами по уровню их финансовой тревожности, по восприятию своего материального благосостояния и его субъективной оценке.

В результате было выявлено четыре эмпирических типа безработных: респонденты потенциально активные, размышляющие об альтернативных возможностях трудоустройства (16%), респонденты с негативным отношением к ситуации (36%), респонденты, занимающие пассивную позицию и рационализирующие проблему (38%), респонденты, ориентированные на заработок способами, не связанными с трудоустройством (10%).

Обнаружены значимые различия между типами по параметрам «Уровень материального благосостояния семьи» (p=.023) и «Удовлетворенность материальным благосостоянием семьи» (p=.027). Наиболее высокие значения по восприятию своего материального благополучия были обнаружены у респондентов, потенциально активных, планирующих альтернативные способов заработка, а наиболее низкие — у респондентов, оценивающих ситуацию, в которой они находятся, с тревогой и эмоциональным напряжением. Таким образом можно говорить о тенденции к более оптимистичной оценке своего текущего материального статуса у людей, которые позитивно настроены в отношении возможностей заработка.

Сравнительный анализ типов респондентов по параметру «Финансовая тревожность» показал наличие значимых различий (p=.016). Наиболее высокие значения выявлены у респондентов, занимающих пассивную позицию и рационализирующих проблему. Наиболее низкие — у респондентов, ориентированных на заработок способами, не связанными с трудоустройством. Таким образом финансовая тревожность, вероятно, предопределяет характер отношения человека к ситуации отсутствия работы как в эмоциональном, так и в когнитивно-поведенческом аспектах.

В качестве перспектив исследования можно говорить о расширении выборки, изучении финансовой тревожности в динамическом и ситуационном контекстах.

1. Дробышева Т.В., Садов В.А. Разработка тест-опросника «шкала финансовой тревожности личности» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2 (22). С. 296–320.
2. Забелина О.В. Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 165–176.

Гофман О.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Образовательная игра «PROздоровье»: опыт внедрения

Образовательная игра, психология здоровья, активные методы обучения

Интерес к образовательным играм стабильно высок. Задача повышения вовлеченности в процесс получения знаний особенно актуальна для современных студентов, которые предпочитают иные способы получения информации. Представим опыт внедрения игры в образовательный процесс для студентов факультета психологии СПбГУ на курсах «Психология здоровья» (бакалавриат, специалитет) и «Практикум по психологии профессионального здоровья» (магистратура). Настольная игра «PROздоровье» разработана при поддержке Благотворительного Фонда Владимира Потанина. Проект «Практикум по психологии профессионального здоровья» стал победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2020/2021.

Цель игры: научить студентов проводить комплексную диагностику факторов риска здоровья и давать комплексные рекомендации по его улучшению. Игра проводится ближе к концу курса, когда сформирован понятийный аппарат дисциплины и необходимо интегрировать полученные знания по психологии здоровья в практику собственной жизни. Игра базируется на биопсихосоциальной модели здоровья. Через игру студенты решают ряд задач: диагностируют текущий образа жизни, определяют барьеры здорового поведения и ищут пути повышения качества жизни, улучшения собственного здоровья, определяют индивидуальные траектории заботы о себе, учатся поддерживать друг друга.

Игра проводится в мини-группах по 5–7 человек и включает: вступление (методология игры, правила), постановку персональных целей в части сохранения здоровья, два раунда («Где я сейчас?» и «Как мне продвинуться к своей цели?»), подведение итогов и рефлексия участников. Оптимальная длительность игры 3 часа. Перед началом игры участники получают индивидуальную карточку игрока, в которой делают записи с инсайтами по сферам своего здоровья (тело — психика — социум). В игре используется стимульный материал: пять видов карточек с метафорами (изображениями), цитатами (короткими высказываниями ученых-психологов), действиями с возможностью замерить результат (например, функциональные пробы, оценка памяти, внимания, социальных связей), историями участников о своем здоровье, консультациями (кейсы на тему образа жизни и его корректировку). Для обеспечения взаимодействия, кроме заданий, которые необходимо выполнять в парах или всей мини-группой, участники решают общую задачу — выстраивают метафоричное «здоровое общество» с помощью кубиков Лего. Так, после успешной работы с карточкой участник получает один кубик и прикрепляет его к создаваемому группой объекту, при этом, другие участники, которые также выполняли задание или поддерживали игрока тоже получают

кубик для строительства. Ход состоит из четырех частей: выбор сферы, работа с заданием, реакция других участников, строительство.

В апробации игры приняло участие 180 студентов (средний возраст 20 лет) и 30 работников организаций (средний возраст 33 года). Для оценки эффективности игры была подготовлена анкета обратной связи, которую участники заполняли после игры (заполнение предполагало анонимность). Так, по результатам обратной связи от участников осознание ответственности за собственное здоровье после игры выросло на 50%, интерес к психологии здоровья и практикам заботы о себе вырос на 70%. В общей выборке участники отметили: игра способствует лучшему закреплению материала — 50%, увеличению сплоченности группы, снижению тревожности и ощущению, что «ты не один со своими проблемами» — 80%, желание принимать участие в подобных играх отметили 100% участников. Таким образом, во-первых, отмечается высокий интерес студентов к активным методам обучения, во-вторых, применение образовательных игр способствует интеграции теории в практику, в-третьих, взаимодействие участников приводит к активизации рефлексии и творческого взгляда на текущий образ жизни и сферы здоровья, в — четвертых, происходит освоение универсальных и профессиональных компетенций.

Колесников В.Н., Мельник Ю.И.
Петрозаводск, ПетрГУ

Психологическое измерение академического благополучия

Психологическое благополучие, академическое благополучие, студенты, самоэффективность, удовлетворенность жизнью

В настоящее время в исследованиях психологического благополучия обучающихся происходит сдвиг от оценки общих параметров благополучия к разработке показателей благополучия, соотносимых с особенностями периода развития и особенностями учебной деятельности. В своем исследовании мы ориентировались модель субъективного благополучия студентов, разработанную с учетом специфики студенческого возраста и включающую в себя четыре переменные [1]. Для обозначения психологических аспектов благополучия студентов в рамках данного исследования мы использовали термин «академическое благополучие», поскольку многие показатели этой модели в оригинале содержат в своем названии прилагательное «академический/академическая». Академическое благополучие представлено четырьмя компонентами:

1. Академическая удовлетворенность (Academic Satisfaction) — переменная отражает удовлетворенность обучением и своими учебными достижениями.

2. Академическая успешность (Academic Efficacy) — отражает усилия, прилежность и организованность студента.

3. Академическая вовлеченность (School Connectedness) — отражает то, насколько комфортно чувствует себя студент в университете, как к нему относятся окружающие, насколько он считает себя принятым, может ли он оставаться собой, пребывая в университете.

4. Академическая признательность (College Gratitude) — признательность студента вузу за возможность получить образование и узнать что-то новое, признательность преподавателям и студентам, которые помогали учиться.

Целью нашего исследования стало изучения связи компонентов академического благополучия с показателями, разработанными в рамках основных подходов к изучению психологического благополучия: гедонистического и эвдемонического.

Для сбора эмпирических данных использовались: опросник субъективного благополучия студентов (The College Student Subjective Wellbeing Questionnaire) [2]; опросник студенческого благополучия (The student well-being process questionnaire), включающий в себя шесть переменных: «стрессоры», «социальная поддержка», «позитивность личности», «негативный копинг», «позитивный копинг», «добросовестность», как предикторы благополучия, и три итоговых показателя субъективного благополучия и психического здоровья: «позитивный итог» (счастье, удовлетворенность, позитивные чувства), «негативный итог» (тревога, стресс, депрессия) [3]; шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема; опросник субъективного счастья С. Любомирски; шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера. Методики, не имеющие версий на русском языке,

были переведены с использованием процедуры двойного перевода. В исследовании приняло участие 61 студент ПетрГУ, в возрасте от 17 до 23 лет.

Шкала академического благополучия коррелирует на уровне достоверности 0,01 и выше со всеми шкалами психологического и субъективного благополучия, которые использовались в исследовании, в том числе с суммарными показателями благополучия («позитивный итог», положительная корреляция) и неблагополучия («негативный итог», отрицательная корреляция).

Полученные результаты указывают на возможность использования методики в научных и мониторинговых исследованиях психологических компонентов благополучия студентов.

1. Renshaw, T. L., & Bolognino, S. J. (2016). The College Student Subjective Wellbeing Questionnaire: A brief, multidimensional measure of undergraduate's covitality. Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being, 17(2), 2016. pp. 463-484.
2. Zhang, D.C., Renshaw, T.L. Personality and college student subjective wellbeing: A domain-specific approach. Journal of Happiness Studies, 21. 2020/ pp. 997-1014.
3. Williams, G.M. & Pendlebury, Hannah & Thomas, Kai & Smith, Andrew. The Student Well-Being Process Questionnaire (Student WPQ). Psychology. 8. 2017. pp. 1748-1761. 10.4236/psych.2017.811115.

Кригер Е.Э.
Москва, РГГУ

Психологическое здоровье и жизненный опыт человека

Психологическое здоровье, жизненный опыт, становление, психологическая устойчивость

Становление жизненного опыта современного человека предопределяет во многом его состояние психологического здоровья. Дистресс стал неотъемлемой частью жизни личности, адаптироваться к изменения новой реальности не предоставляется возможным, тревога и истощение сопровождают психику современного человека. В этой связи возникает необходимость обращаться к проблемам становления жизненного опыта, поскольку его трансформация позволяет искать способы сбережения психологического здоровья и сохранения субъектности.

Основные модели психологического здоровья были хорошо выделены в работах О.С. Васильевой и Ф.Р. Филатова, в которых авторы предлагают для понимания психологического здоровья использовать адаптационную модель, модель гармонического развития личности и модель творческого самоосуществления. Именно эти модели являются основополагающими для определения параметров психологического здоровья человека и его диагностики. Вместе с тем, современный мир оказался настолько нестабильным, изменчивым и непредсказуемым, что к его информационным процессам сложно адаптироваться, а уровень дистресса у некоторых людей таков, что достичь состояния гармонии невозможно. Вместе с тем, в ситуациях нарушения адаптации и при дисгармониях личности решить вопросы с самореализацией также оказывается затруднительно. Основная задача, которая в настоящее время становится одной из значимых для многих, это сохранение психологической устойчивости. Именно через ее решение появляется возможность обеспечения психологического здоровья.

Для сохранения психологической устойчивости необходима трансформация приобретаемого в современном мире жизненного опыта человека. Психологическая устойчивость сохраняется при возможности «компетентного функционирования» и является важным параметром психологического здоровья личности. Поэтому одна из значимых проблем, которая сегодня встает перед психологией — это предупреждение нарушений психологического здоровья личности через обретение психологической устойчивости в процессе трансформации жизненного опыта человека. Тогда возникают вопросы, что может выступить предметом трансформации, каковы механизмы, сценарии и ее критерии.

Рассматривать данную проблему становится возможным через системную антропологическую психологию (В.Е.Клочко, О.М.Краснорядцева), позволяющую понять как возникающий во внутреннем мире хаос, оказывается приведенным в порядок, через переоценку ценностей и обретение новых смыслов, прежде всего предельных (Д.А.Леонтьев). Трансформация опыта становится возможной через обращение к живому движению (В.П.Зинченко), его наблюдение и актива-

ции, что обеспечивает переживание собственной живости, текучести и изменчивости, позволяя включить опыт в рефлексивные и духовные связи.

Жизненный опыт представляет собой единство образа мира и образа жизни личности. Он позволяет связать приобретаемые знания мире и их переживания, а также встроить в духовные и рефлексивные связи. В настоящее время в качестве предмета переосмысления связанности с миром могут выступить процессы сосуществования между людьми в больших социальных системах; роль каждого общественного института в возникновении конфликтных ситуаций; способы, приводящие к согласованности отношений между людьми. Эти связи не могут быть рассмотрены вне самой личности. Важна точка сингулярности, через которую человек строит связанность с миром и собственное тождество самому себе в связи с происходящими событиями.

Лаская Д.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Руженкова В.В.
Белгород, НИУ БелГУ

Розанов В.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности психосоциального стресса, испытываемого современными студентами вузов (предварительный анализ)

Студенты вузов, психосоциальный стресс, стрессовые факторы, суицид

Введение. Стресс, который испытывают студенты в современном информационно насыщенном и динамичном мире, не сводится только к т.н. академическому стрессу, это хронический стресс, имеющий психологическое и социальное измерение. Одним из его последствий может стать суицидальное поведение [1].

Цель исследования — изучить характеристики основных проблемных сфер жизни современных студентов вузов и оценить выраженность ассоциированных с ними нарушений психического здоровья студентов.

Организация и методы. В исследовании приняли участие 456 студентов в возрасте от 17 до 29 лет из СПбГУ (N=350) и БелГУ (N=106). Анонимный опрос проводился онлайн с использованием разработанной авторами анкеты, куда были включены вопросы о социально-демографических показателях, страхах и фрустрациях, об отношении к обучению, взаимоотношениях с родителями, психологическом благополучии, негативных и позитивных событиях и приемах преодоления стрессовых ситуаций. Для выявления уровня депрессии, тревоги и стресса использовался опросник DASS-21 [2]. При статистической обработке использовали критерий Стьюдента.

Результаты. Большинство студентов из обоих вузов (70,3% и 73,6%) выросли в полной семье, являются единственным ребенком (72% и 73,6%) и находятся на полном обеспечении родителей (73,6% и 61,1%). Среди студентов СПбГУ больше иногородних (58,9%), среди студентов БЕлГУ велика доля местных (39,6%). На бюджетной основе в СПбГУ обучается 69,4% студентов, в БелГУ — 50%. 42,9% студентов СПбГУ проживают в общежитиях, а 25,7% — с родителями, в то время как 29,2% студентов БелГУ проживают с родителями, а 27,4% — в общежитиях. При этом 44,3% студентов СПбГУ тратят на дорогу до вуза 2-3 часа, в отличие от студентов БелГУ, среди которых 58,5% проводят в транспорте не больше 1 часа. Переживание стресса несколько раз в неделю или чаще отмечают 53,8% студентов СПбГУ и 36,8% студентов БелГУ, невозможность справиться с проблемами больше или гораздо больше обычного — соответственно 55,2% и 32%, невозможность заснуть из-за сильных переживаний — 39,2% и 29,2%, ощущение частого и постоянного одиночества — 44,6% и 25,4%. Отсутствие депрессии, тревоги и стресса

выявлено у 45,3%, 34% и 43,4% студентов БелГУ и только у 28,3%, 18,9% и 23,1% студентов СПбГУ. При этом выраженные депрессия, тревога и стресс наблюдаются у 22,0%, 44,9% и 20% студентов СПбГУ по сравнению с 15,1%, 32,1% и 9,4% студентов БелГУ. Студенты СПбГУ по сравнению со студентами БелГУ имели значимо более высокие баллы депрессии, тревоги и стресса (соответственно p=0,007, p=0,008 и p=0,000). Вызывает беспокойство то, что 28,8% студентов СПбГУ и 25,5% студентов БелГУ на вопрос «мне кажется, что жизнь не имеет смысла» дают ответы «часто и большую часть времени». Потребность в психологической или психиатрической помощи отметили 56,9% студентов СПбГУ и 23,6% студентов БелГУ. Страхи у студентов обоих вузов во многом аналогичны, они касаются преимущественно учебной сферы и сферы будущего: это тревожность перед сессией и опасения оказаться некомпетентным специалистом. В качестве самого распространенного негативного события было отмечено увеличение учебной нагрузки, затем — болезнь члена семьи. Среди стратегий совладания со стрессом у студентов СПбГУ на первом месте (32,6%) оказалось использование социальных сетей и интернета, а среди студентов БелГУ — обращение за советом и поддержкой со стороны родителей (29,2%).

Обсуждение. Полученные данные свидетельствуют о наличии среди студентов существенной минорной группы (порядка 30%) с признаками психологической дезадаптации, что повышает суицидальные риски. Различия в уровне психосоциального стресса у студентов двух вузов могут быть обусловлены различиями в социально-демографических характеристиках, условиях проживания в мегаполисе или в областном центре, характеристиках вузовской среды. Необходимо дальнейшее углубленное изучение стресса, испытываемого студентами, с целью уточнения факторов риска суицидального поведения среди них.

1. Розанов В. А., Лаская Д. А., Шаболтас А. В. Самоубийства студентов — что мы знаем, и чего мы не знаем (результаты анализа сообщений сетевых СМИ) // Суицидология. — 2021. — Т. 12. — №. 3 (44). — С. 39-57.
2. Руженкова В. В., Руженков В. А., Хамская И. С. Русскоязычная адаптация теста DASS-21 для скрининг-диагностики депрессии, тревоги и стресса // Вестник психиатрии, неврологии и нейрохирургии. 2019. — №10. — С.39-46

Опекина Т.П.
Кострома, КГУ

Сочувствие к себе у взрослых с разным статусом здоровья

Сочувствие к себе, типичное развитие, атипичное развитие, статус здоровья, нарушения здоровья

Особенности современного уклада жизни с его многозадачностью и разнообразием жизненных ситуаций предъявляют высокие требования к уровню стрессоустойчивости, активности и творческого приспособления личности. Происходящие изменения в различных сферах жизни напрямую влияют на необходимость по-новому решать имеющиеся задачи, адаптироваться к изменениям, реализовывать свой потенциал. Особенно данная проблема актуальна для лиц с атипичным развитием, чей адаптационный потенциал зачастую снижен ввиду физиологических и психологических особенностей [1]. При этом уровень самопринятия у данной группы лиц может быть завышенным, что связано с работой компенсаторных механизмов [2]. Другим, более гуманистическим вариантом самоотношения является сочувствие к себе — конструкт, который был введен в психологию К. Нефф и означающий сострадательность к себе; не избегающее, но и не преувеличенное восприятие своих чувств [3].

Проблема: каковы различия в сочувственном отношении к себе у взрослых с разным статусом здоровья (типичным и атипичным развитием)? Выборка: 154 человека 19-60 лет (M=32,9; SD=17,98); среди них 76 человек (M=27,6; SD=15,07; 50 женщин, 13 мужчин) условно здоровых и 76 (M=37,1, SD=17,9; 52 женщины, 24 мужчины) с атипичным развитием. Из них 15 человек имеют нарушения зрения, 9 — нарушения слуха, 27 — нарушения опорно-двигательного аппарата, 25 — соматические заболевания. Все они имеют дефицитарный тип дизонтогенеза и статус лица с ограниченными возможностями здоровья с детства. Методы: опросник «Сочувствие к себе» К. Нефф, 2003 «Self-compassion» (K. Neff, 2003) (адаптация К.А. Чистопольской и др., 2020). Статистический анализ проводился с помощью программы SPSS-21 методами критерия U-Манна-Уитни, H-критерия Краскелла-Уоллиса.

Результаты. Различия в субшкалах конструкта «Сочувствие к себе» у исследуемых групп были обнаружены только у субшкалы «Доброта к себе» ($U=2335$, $p\leq0{,}041$), и означает, что лица с атипичным развитием более склонны относиться к себе по-доброму в ситуациях неудач и трудностей, нежели взрослые с типичным развитием. Вероятно, это связано, с одной стороны, с общей гуманизацией отношения к людям с ограниченными возможностями, что может сказываться и на их собственном отношении к себе; с другой стороны, также являться результатом защитной компенсации.

Несмотря на большой возрастной разброс в группах респондентов, нами не было обнаружено взаимосвязи показателей сочувственного отношения к себе и возраста испытуемых. Анализ половых различий показал, что мужчинам с ти-

пичным развитием менее свойственна доброта к себе (H=9,679; p≤0,021), нежели мужчинам и женщинам с атипичным развитием, а также женщинам с типичным развитием. Вероятно, здоровые мужчины более требовательны к себе, что может быть связано с гендерными стереотипами или установками о важности для мужчин проявлять силу, выносливость, жесткость, иметь высокие социальные успехи.

Таким образом, взрослым с атипичным развитием свойственно болеет доброе отношение к себе, нежели взрослым с нормативным развитием; наименее доброе отношение к себе свойственно мужчинам с типичным развитием.*

1. Хазова С.А., Шипова Н.С., Адеева Т.Н., Тихонова И.В. Совладающее поведение лиц с ограниченными возможностями здоровья как фактор качества жизни и субъективного благополучия // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 101—118.
2. Адеева Т.Н., Хазова С.А. Предикторы внутренней картины дефекта у взрослых с различными вариантами дизонтогенеза // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. №203. С. 135-147.
3. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 35—48.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2

Петровская М.В.
Воронеж, ВУНЦ ВВС "ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина"

Волков П.Р.
Кострома, ВАРХиБЗ

Психологическая культура как акмеологический ресурс психологического здоровья субъектов образовательного процесса военных вузов

Психологическая культура, субъекты образовательного процесса, военные вузы, психологическое здоровье

Психологическое здоровье — не просто мера качества жизни людей, но важнейший ресурс социальной эволюции. И если во многих сферах жизнедеятельности поиск эффективных методов здоровьесбережения является уже давно очерченной зоной реальных решений и действий, то следует признать, что в Вооруженных силах в целом, и в военном образовании в частности, проблемы сохранения психологического здоровья чаще остаются лишь декларируемыми, но не реализуемыми на практике. Решению данной проблемы могут способствовать многочисленные акмеологические разработки. Акмеологическая парадигма рассматривает, прежде всего, возможности совершенствования скрытых резервов возможностей, создания условий для саморазвития и самореализации в целях личностного и профессионального самосовершенствования. Рассматривая акмеологические ресурсы психологического здоровья, М.В. Хватова говорит адаптационных, антропоцентрических и феноменологических ресурсах [1].

Психологическая культура как феномен представляет собой «образование личности, интегрирующее психолого-акмеологическое содержание и аспекты общечеловеческой, смысложизненной и профессиональной направленности…» [2], что позволяет рассматривать ее как безусловный акмеологический ресурс психологического здоровья.

В ходе частного исследования был оценен уровень психологической грамотности как показателя психологической культуры субъектов образовательного процесса нескольких военных вузов. Опрос показал, что респонденты умеют слабое представление о сущностных характеристиках рассматриваемых явлений. Психологическое здоровье рассматривается либо как отдельные разрозненные индивидно-личностные характеристики («особенности темперамента, самооценки, стрессоустойчивости», «устойчивость к неблагоприятным воздействиям» и т.п.), либо как слабо дифференцируемые состояния («состояние, при котором нормально на всё реагируешь», «здоровое состояние психики» и т.п.), либо как частные поведенческие признаки («отсутствие в поведении отклонений и негативных склонностей», «отсутствие агрессивности», «быстрая адаптация» и т.п.). Психологическая культура также представляется большинству респондентов как некие упрощенные личностные («внутренний мир», «осведомленность в психологии»,

«набор нравственных качеств») и поведенческие («умения общаться с людьми», выражать свои мысли, вести себя в обществе») характеристики.

Следует отметить, что самооценка респондентами психологического здоровья в 7,6 балла (из 10 возможных) расходится с результатами ранее проведенного исследования, выявившего негармоничность структуры психологического здоровья и недостаточную сформированность ее отдельных компонентов [3]. Еще выше респонденты оценивают уровень своей психологической культуры — 8,3 балла, что также не подтверждается результатами психодиагностики [там же].

Полученные результаты позволяют говорить о необходимости проведения дальнейших исследований, направленных на развитие у субъектов образовательного процесса военных вузов социальной зрелости, ориентирующей на определение траекторий индивидуального развития. Рассмотрение психологической культуры как одного из акмеологических ресурсов психологического здоровья дает возможность не только сохранять само здоровье, развивать его скрытые резервы, но и создает условия для саморазвития и самореализации.

1. Хватова М.В. Акмеологические ресурсы психологического здоровья личности как целостный феномен [Текст] / М.В. Хватова // Акмеология. — 2010. — №3(35). — С.87-96.
2. Петровская М.В. Основные подходы к анализу психологической культуры преподавателя военного вуза [Текст] / М.В. Петровская // Фундаментальные исследования. — 2013. — №8(Ч.1). — С.187-190.
3. Петровская М.В. Психологическая культура как педагогическое условие сохранения психологического здоровья субъектов образовательного процесса военных вузов [Текст] / М.В. Петровская, А.С. Желтухина, А.Н. Дорохов, В.В. Тимошенко // Казанский педагогический журнал. — 2020. — №6. — С.96-103.

Правдина Л.Р.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности субъективного благополучия у лиц, меняющих профессию

Субъективное благополучие, профессиональная идентичность, выгорание, смена профессии, второе высшее образование

Динамичность рынка профессией во всем мире и в России, все большая нестабильность социально-экономических условий позволяют утверждать, что сегодня для сохранения психологического здоровья необходимо быстро адаптироваться к переменам; и актуальными становятся исследования особенностей и динамики личностных характеристик в процессе смены профессии. В основу формирования новой профессиональной идентичности, лежит множество психологических феноменов, опирающееся на структуры субъективного благополучия (далее — СБ) личности, которая выбирает, ищет, в какой деятельности она чувствует большее субъективное удовлетворение (Чарина Е.В., 2015; Шамионов Р.М., 2008).

Рассматривая особенности людей, получающих второе высшее образование в контексте нормативных кризисов взрослости, Е.Л. Солдатова (2006; 2007) показывает, что у них выявляются предпочтения таких ценностей, как Развитие себя, Достижения и Сохранение собственной индивидуальности. Ю.П. Поваренков (2021) подчеркивает, что профессиональная идентичность формируется в присутствии положительного эмоционального переживания личности по поводу избранной сферы деятельности, при этом человек ориентируется на СБ, обеспечивающее чувство защищенности, веру в свои возможности.

Маркером начала утраты прежней профессиональной идентичности и профессиональной маргинализации субъекта становится синдром эмоционального выгорания (Нор-Аревян О. А., Шаповалова А. М., 2016). Переобучение при этом выступает как способ обретения новой профессиональной идентичности (Дементий Л.И., 2009). Люди, получающие второе высшее образование, отличаются большим стремлением к личностному развитию и достижению успеха, большей активностью и стремлением к самореализации; доступностью терминальных ценностей Познание и Развитие, значимостью инструментальных ценностей Образованность и Широта взглядов (Яковлева Е.А., Крячко В. Е., 2019). Однако для таких лиц еще не рассмотрены особенности выраженности различных сторон СБ — гедонистической и эвдемонической, а также их соотношение с уровнем выгорания, которое является маркером состояния личностных ресурсов, что определило цель предпринятого нами исследования.

Респонденты: 54 человека — студенты программы переподготовки (второе высшее образование) университета по специальности «Психология здоровья». Для диагностики СБ использовалась шкала ШСБ (Perrudet-Badoux, Mendelssohn и Chiche («Шкала субъективного благополучия»); а также Шкала экзистенции

Лэнгле (далее — ШЭ). Для диагностики выгорания использовался опросник выгорания MBI Маслач (в адаптации Н. Водопьяновой); в качестве косвенного показателя выгорания применялся Тест поведения в конфликтной ситуации (TKI) Томаса-Килмана. Математическая обработка данных включала: дескриптивный анализ, корреляционный анализ; оценку достоверности различий с использованием критерия U Манна — Уитни.

Гипотезы исследования: 1)У лиц, поступивших в вузы по программам переподготовки, наблюдаются симптомы выгорания и снижения субъективного благополучия. 2) Симптомы выгорания взаимосвязаны с экзистенциальной исполненностью личности; при этом уровень экзистенциальной исполненности личности может служить маркером эмоционального истощения.

Полученные результаты показали, что обе гипотезы подтвердились; в частности, было показано, что респонденты имеют выраженный эмоциональном дискомфорт, неудовлетворенность собой, недоверие к миру, трудности в контроле своих эмоций; они тревожны и неуравновешены, эгоцентричны, нерешительны, подвержены стрессам, ощущают отсутствие включенности в жизнь, что в целом говорит об их сниженном субъективном благополучии; у респондентов наблюдаются симптомы выгорания, наиболее ярко выраженные для шкал Эмоциональное истощение и Деперсонализация; в конфликтах они чаще прибегают к стратегиям соперничества, избегания и сотрудничества; а степень экзистенциальной исполненности личности может служить свидетельством наличия эмоционального истощения как одного из компонентов профессионального выгорания.

Смолова Л.В.
Санкт-Петербург, СПбГИПСР

Здоровье человека в контексте системного подхода

Здоровье, человек, психология здоровья, системный подход, самоорганизующаяся система

В условиях глобальной нестабильности современного мира проблема здоровья приобретает особую актуальность.

Дисциплина психология здоровья рассматривает здоровье как сложный феномен, отражающий наиболее значимые биологические, психологические, социальные и духовные аспекты человека. Принципиальное значение имеет и то, что он есть сложнейшая самоорганизующаяся система — динамическая система, способная при изменении внешних или внутренних условий ее функционирования и развития, сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта. Однако, что значит здоровье системы Человек?

Рассмотрим основные составляющие самоорганизующейся системы и обсудим, какое значение они могут иметь в углублении взгляда на здоровье человека.

Любая система состоит из множества элементов, связанных между собой и образующих единую целостность. Несомненно, представление о том, какие элементы могут быть включены в систему Человек, напрямую связано с позицией наблюдателя. Представители различных наук выскажут разные версии: с точки зрения биологии — это биологические органы; психологии — психика и элементы внутреннего мира; социологии — элементы социальной системы, группы и сообщества людей.

Элементы связаны между собой принципом иерархичности, согласно которому каждый уровень организации (подсистема), обладая относительной автономностью, подчинен другому более высокому уровню организации, т.е. подсистеме, находящейся на более высоком уровне иерархического развития.

В любой открытой нелинейной системе потенциально заложено множество виртуальных (возможных) структур — аттракторов, представляющих собой реальные пространственно-временные структуры, к которым притягиваются все возможные траектории движения систем (в терминологии психологии — мечты, потребности, ценности, смыслы и др.).

Границы системы отделяют структуру и взаимодействующие друг с другом элементы данной системы от внешней среды и других систем. Обратная связь помогает поддержанию баланса системы с окружающей средой и другими системами и определяет уровень ее открытости.

Несомненный интерес представляют собой и способы существования системы: саморегуляция (целесообразное функционирование живых систем; в этом случае система старается адаптироваться к условиям среды, вышестоящим и нижестоящим системам, удерживаясь в зоне комфорта как состоянии гомеостаза и стабильности) и саморазвитие (стремление к непрерывному усложнению,

экспансии, освоению больших ареалов обитания; в этом случае система должна стать гибкой, мобильной, чуткой к изменяющимся условиям, готовой к постоянным переменам).

Разные направления практической психологии обращают свое внимание на различные составляющие системы. Так, областью интереса логотерапии являются аттракторы; гештальт терапия сосредоточена на границе системы и особенностях ее контакта с другими системами и окружающей средой. Изучением элементов внутреннего мира занимается психоанализ, гуманистическое и другие направления. Несомненно, такая дифференциация относительна; принципиальное значение при работе с любой темой, особенно с проблемой здоровья, будет иметь способность консультанта мыслить масштабно и объемно, оперировать системным мышлением — процессом познания окружающего мира в своей целостности и неделимости. Подобный взгляд для более глубокого осознания своего здоровья он может предложить и своему клиенту.

Итак, осмысление здоровья человека в контексте системного подхода имеет непосредственное отношение к развитости и целостности его внутреннего мира, гармоничному единству всех его элементов; осознанному осуществлению обратной связи; присутствию аттракторов; гибким границам, расширяющимся и сужающимся в зависимости от потребностей человека. Большое значение для целостного и непротиворечивого бытия имеет и осознанность им своих жизненных стратегий, содержащих в себе целеполагание: как происходит его развитие, куда и зачем.

Такой подход делает взгляд на собственное здоровье более масштабным и позволяет управлять условиями своей жизни.

Юхневич А.М., Васильева О.С.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Психологические особенности реабилитации профессиональных и непрофессиональных спортсменов

Реабилитация, спортивная травма, спортсмен, тревожность, совладающее поведение

С каждым десятилетием спорт делает большой скачок в своем развитии, а спортсменам и спортивным коллективам предъявляются новые требования не только по физическим, но и по психологическим аспектам подготовки. В связи с этим возрастает количество и серьезность полученных спортсменами травм. Как пишет Д. Паргман, спортивная травма — это значительное негативное событие, которое имеет физические и психологические последствия, способствует изменению привычного образа жизни и требует реабилитации; состояние, при котором спортсмен не может функционировать так же полноценно (Pargman D., 2007).

Современный спортсмен практически не способен самостоятельно справиться с психологическими последствиями спортивной травмы. Он испытывает чувства неопределенности, страх повторения травмы, боязнь подвести команду и т. д. Задача психолога в данной ситуации — помочь спортсмену выйти из этого кризиса готовым к новым вызовам, вынести важный и нужный опыт из произошедшего и вернуться на прежний уровень. Качество и скорость реабилитации травмированных спортсменов зависит от их типов. На выделение типов травмированных спортсменов влияют такие факторы как возраст, возраст получения травмы, пол и количество травм (Довжик Л.М., Тихонов Г.Н., Бочавер К.А., 2018).

Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение психологических особенностей восприятия спортивной травмы и процесса реабилитации профессиональными и непрофессиональными спортсменами.

Методы исследования: респондентам было предложено ответить на вопросы модифицированного интегративного теста тревожности (ИТТ) (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев), методики «Способы совладающего поведения» (WCQ) (Р. Лазарус), модифицированного опросника «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС/SVF120) (В. Янке, Г. Эрдманн) и авторской анкеты. При разработке авторской анкеты за основу была взята модель переживания горя Кюблер-Росс (Кюблер-Росс Э., 2001). Она была нами дополнена и адаптирована к спорту: 1) «до травмы»; 2) получение травмы; 3) состояние шока; 4) отрицание; 5) гнев/озлобленность; 6) торг; 7) депрессия; 8) принятие; 9) формирование навязчивых мыслей и страха возвращения; 10) восстановление. Эмпирическим объектом выступили 30 профессиональных и непрофессиональных спортсменов-мужчин, которые получили травму и выбыли из тренировочного и соревновательного процесса минимум на 2 месяца. Возраст испытуемых от 18 до 30 лет.

Гипотеза: профессионалы и непрофессионалы могут по-разному воспринимать полученную травму, вследствие чего выбор психологических рекомендаций будет отличаться.

На основе анализа проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Профессиональные и непрофессиональные спортсмены проживают спортивную травму по-разному. Непрофессионалы проще переживают стресс от травмы и предстоящей реабилитации, так как спорт не является их основной деятельностью. Профессионалы с получением травмы теряют очень значимый аспект своей жизни и находятся в дезориентированном состоянии. Также профессионалы уверены в том, что травма не случайна и она является результатом цепочки событий в их спортивной деятельности. Есть существенные различия в степени тревожности в процессе реабилитации, нужде в социальной поддержке, владении навыками совладания со стрессом, склонности к избеганию проблем и т. д.

Это помогло дополнить и скорректировать картину дезориентированного после получения травмы спортсмена. В дальнейшем мы планируем на основе полученных результатов разработать психологические рекомендации для каждого типа травмированных спортсменов.

1. Довжик Л.М., Тихонов Г.Н., Бочавер К.А. Эмпирическая типология травмированных спортсменов: психологические ресурсы и риски // Спортивная медицина: наука и практика. 2018. № 8(3). С. 72–80.
2. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. — М.: София, 2001.
3. Pargman D. Psychological Bases of Sport Injuries // Fitness Information Technology (FiT); 3rd edition. 2007.

Янко Е.В., Евсеева Е.К., Тетюшкина Л.Г.
Кемерово, ФГБОУ ВО КемГУ

Цифровая тревога в контексте современного общества

Психическая адаптация, цифровая среда, сеть Интернет, цифровая тревога.

Окружающая среда со времен последней биологической эволюции человеческого вида претерпела значительные изменения. Более того, научно-техническая революция привела к лавинообразному преобразованию антропогенной среды, когда качественные изменения требовали не столетий, а происходили в течении жизни одного человека. Как отметил Миронов Д.Ф., наиболее быструю адаптацию к столь скоро меняющейся среде обеспечивает преобразование психики человека как наиболее гибкой структуры [2]. Ключевым механизмом в процессе психической адаптации человека является тревога, которая способствует мобилизации ресурсов человека. Однако, становясь чрезмерной, она приобретает патологический характер и может проявляться в рамках тревожных расстройств.

На сегодняшний день развитие технологий приводит к формированию нового общества, которое многие исследователи характеризуют как цифровое. Определяющую роль в нем играет процесс цифровизации, характеризующийся проникновением цифровых технологий во все сферы жизни общества, что образует новый, особый способ бытия для личности нового типа — «человека информационного» (e-Homo Sapiens) [3].

Мы полагаем, что в таком обществе существуют риски появления цифровой тревоги — особого явления, которое рассматривается нами как тревожное состояние, основной причиной которого является взаимодействие человека с цифровой средой.

Одной из причин возникновения патологической тревоги является так называемый информационный шум, который характеризуется обилием нерелевантной информации. Данный феномен сегодня является фоном для человеческого существования, оттягивая на себя психические ресурсы человека. Помимо этого, характерное для цифрового общества явление поляризации информации, когда в сети транслируются крайние позиции и практически отсутствуют взвешенные мнения, также является фактором возникновения тревоги. Крайне негативная информация подтверждает тревожные ожидания человека, в то время как идеальные, «дистиллированные» образы могут служить причиной тревоги, разочарования в себе и в жизни. Также, по замечанию Бочавера А.А., подкрепление в виде «лайков», активизирующее ответственные за удовольствие зоны мозга, потенциально опасно, поскольку недостаток такого подкрепления может способствовать снижению самооценки и усилению тревожно-депрессивных переживаний [1].

Данные феномены могут приводить к нарушению процессов адаптации и выступают причиной возникновения цифровой тревоги, которая, в свою очередь, может лежать в основе тревожных и тревожно-депрессивных расстройств, которые, по данным открытых источников (Российское общество психиатров,

Всемирная организация здравоохранения, The European Study of the Epidemiology of Mental Disorders), в настоящее время имеют устойчивую тенденцию к широкому распространению.

В целях изучения цифровой тревоги нами был проведен анкетный опрос 51 респондента в возрасте от 19 лет до 22 лет. Проведенное исследование показало следующие тенденции: высокая вовлеченность респондентов в цифровую среду (37% респондентов проводят в сети Интернет от 5 до 12 часов в день, 70% опрошенных пребывает в сети непосредственно перед ночным сном); частая встречаемость в сети нерелевантной информации, что отмечают более 70% респондентов; частая встречаемость информации, которую более 45% респондентов оценивают негативно; сравнение себя и своей жизни с идеалами, представленными в Интернете (41% опрошенных); страх упустить информацию (29% респондентов), который у 18% приводит к постоянному, навязчивому использованию сети Интернет; ухудшение психического состояния после нахождения в сети Интернет, что отмечается у 25 % респондентов.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что взаимодействие человека с цифровой средой может носить негативный характер и служить причиной возникновения особого тревожного состояния — цифровой тревоги.

1. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 1–18.
2. Миронов Дмитрий Феликсович Современный коммуникативный паттерн и его влияние на образовательный процесс // Вестник СПбГИК. 2014. №2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-kommunikativnyy-pattern-i-ego-vliyanie-na-obrazovatelnyy-protsess (дата обращения: 04.05.2022).
3. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-teoreticheskie-kontury-skladyvayuscheysya-paradigmy (дата обращения: 04.05.2022).

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Антонова Н.Л.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Здоровое тело как нормативная модель в условиях пандемии

Здоровье, тело, нормативное тело, студенты, пандемия

Пандемия «перевернула» современные представления о нормативном образе тела. Наблюдается отход от традиционных моделей феминности и маскулинности к новым образцам, в которых тело становится важнейшим ресурсом эффективного функционирования индивида в общественной системе. А.В. Меренков отмечает, что в условиях «новой нормальности» телу предписывается быть прежде всего здоровым как физически, так и психически, а внешняя привлекательность отодвигается на второй план (Меренков, 2021). Индивиды и группы получили новый опыт в осмыслении своего тела и его функций. Это связано с тем, что пандемию можно охарактеризовать как период с высоким эмоциональным накалом, поскольку привычные схемы повседневности были нарушены (Гаязова, Вихристюк, 2020).

Наше исследование было проведено в весной 2022 года. Мы разработали путеводитель интервью и опросили 20 студентов Уральского федерального университета в возрасте от 18 до 21 года. Основной целью исследования стал анализ востребованного образа тела в условиях пандемии. Материалы интервью были транскрибированы и обобщены в соответствии с целевой установкой.

Результаты исследования убедительно демонстрируют, что пандемия оказала значительное влияние на представления молодого поколения о теле: «Я поняла, что мое тело должно быть, прежде всего, выносливым. Его основная задача — справится и с трудной ситуацией, и с болезнью» (жен., 21 год); «Нужно, чтобы тело выдержало нагрузки: целый день за компьютером, практически без физической активности в локдаун» (жен., 20 лет).

Забота о теле, по оценкам молодежи, в период локдауна стала одной из лидирующих повседневных практик; при этом как физическое состояние здоровья волновало информантов, так и психологическое: «Конечно забочусь о теле, я его люблю, поэтому и делала несколько раз в день зарядку, купила гантели и коврик» (жен., 18 лет); «Очень тяжело было, плохое психологическое состояние давило на тело, я бы сказала, что психосоматика: болели ноги, руки, голова. Нашла

выход — стала больше общаться с друзьями в соцсетях, участвовать в челленджах» (жен., 21 год).

Описывая свои ощущения в период локдауна, информанты были обеспокоены и снижением ряда показателей, характеризующих состояние здоровья. Так, информанты отметили ухудшение зрения и указали, что появились симптомы остеохондроза: «Глаза очень уставали, все занятия за компьютером и задания выполнять за компьютером, пришлось капли купить» (жен., 19 лет); «У меня спина и шея заболели, приходилось постоянно разминаться» (муж., 21 год).

Формирование новых практик здоровьесбережения в период локдауна информанты используют и сегодня, когда ограничения постепенно снимаются. Наряду с физической активностью, опрошенные также указали, что забота о теле проявлялась и в практиках рационального питания: «Готовила дома, еда была только здоровая и правильная, тело мне до сих пор благодарно, а я ему, т.к. выдержали суровое испытание» (жен., 19 лет). В нашем исследовании, проведенном в 2014 году (n=360), значительная часть опрошенных студентов не контролировала питание, а физическая активность была сведена к посещению занятий физической культурой в рамках учебного плана (Антонова, Меренков, 2016).

Полученные в ходе интервью материалы свидетельствуют о том, что тело в условиях пандемии по оценкам опрошенных должно быть функциональным, способным выстоять в трудных условиях, уверенно выполнять все действия и поведенческие практики. На смену идеальным пропорциям тела приходит потребность в теле, прежде всего, здоровом и выносливом.

1. Антонова Л.Н., Меренков А.В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. № 2. — С. 88–100.
2. Гаязова Л.А., Вихристюк О.В Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) // Вестник практической психологии образования. — 2020. — Т. 17. № 2. — С. 78–88.
3. Меренков А.В. Конструирование востребованного тела: до и во время пандемии // Вестник Удмуртского государственного университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2021. — Т. 5. №2. — С. 145– 154

Исследование выполнено за счет совместного гранта РНФ и Правительства Свердловской области № 22-28-20365

Быченко И.В.
Минск, РНПЦ психического здоровья

Психосоматическая симптоматика у врачей общей практики на фоне пандемии COVID-19

Психосоматика, пандемия, врачи общей практики, психологическая помощь

Новая коронавирусная инфекция оказалась одной из глобальных проблем всего человечества за последнее время (ВОЗ, 2020). Для системы здравоохранения во всем мире пришлось изменить тактику и стратегию оказания медицинской помощи, которая повлияла на работу большого количества врачей. Одними из тех, кто первым принял поток пациентов — стали врачи общей практики, которые столкнулись с неизвестной болезнью, где стандартные методы диагностики и лечения не давали нужного эффекта, а также большего количества новых случаев заражения, тем самым вызывая сильное напряжение, оказывая негативное влияние на физическое и психическое состояние.

Адаптация системы здравоохранения к оказанию медицинской помощи в период пандемии, увеличение финансирования и стимулирование врачей, работающих с пациентами с коронавирусной инфекцией, лишь немного ослабило нагрузку на учреждения здравоохранения. Личность врача — осталась в тени, которой не достаточно было уделено внимания в условиях пандемии. Открытие кабинетов психологической помощи для работы с врачами, контактирующих с пациентами с коронавирусной инфекцией не полностью разработали механизмы для оказания такой помощи в условиях пандемии (APA, 2022). Работа психологов, оказываемая врачам на сегодняшний день, является одной из важных задач и никоим образом не обесценивается, остается лишь полностью усовершенствовать способы оказания психологической помощи врачам во время пандемии COVID-19. Для врачей общей практики недостаточно уделяется внимания к физическому и психическому здоровью.

Постановка проблемы в заголовке не основывается на субъективном представлении, она имеет собой реальный взгляд на пандемию, где все больше встречаются работы ученых и международных сообществ о значении оказания психологической помощи медицинскому персоналу (Бачило, 2020; ВОЗ, 2021; Холмогорова, 2021). Постоянное напряжение, вызванное интенсивной работой, приводит к истощению организма и психологическому дискомфорту врачей, а также профессиональному выгоранию (Abramson, 2022). Проявление этих последствий может иметь разнообразный характер и выражаться в нарушении сна, расстройствах приема пищи, соматических нарушениях, головных болях и т.д., что может быть обусловлено психосоматическими проявлениями (Marinaci, 2020) и приводить к другим психическим расстройствам (Li, 2020).

Психосоматические проявления могут быть выражены в обычных жалобах и проявлениях в теле, причина которых не может быть понята соматически.

Жалобы могут быть проявлениями различных психологических конфликтов, психологических травм, постоянного стресса и напряжения и т.д.

Работа представляет собой совокупность стрессовых факторов и постоянного напряжения, во врачебной деятельности еще больше, особенно в период пандемии. Психосоматические жалобы или симптомы у врачей общей практики — возможно один из путей выхода из постоянного напряжения связанного с их деятельностью. Выраженность жалоб может зависеть от интенсивности и нагрузки на работе и от личности самого врача. Некоторые врачи могут не предать значения симптомам или искать их причину в возможном инфицировании коронавирусной инфекцией и не обращаться за психологической помощью. Пренебрежительное отношение к своему состоянию может усилить симптоматику и сказываться на выполнении своей деятельности в дальнейшем.

Оказываемая психологическая помощь врачам в период пандемии и постпандемию является одной из значимых задач на сегодняшний день. Имеется опыт работы зарубежных специалистов (APA, 2022) по оказанию психологической помощи и отечественный, которые не в полной мере охватывают решение в помощи врачам, особенно врачам общей практики.

Таким образом, в условиях новой реальности врачам общей практики необходима психологическая помощь, которая сможет оказать действенное решение. Новые программы профилактики и коррекции психологического состояния врачей общей практики будут способствовать снижению психосоматической симптоматики и улучшению здоровья.

1. Marinaci, T., et al. Emotional distress, psychosomatic symptoms and their relationship with institutional responses: A survey of Italian frontline medical staff during the COVID-19 pandemic / Heliyon 6 (12), e05766, 2020
2. Li, X. et al. The prevalence and risk factors of PTSD symptoms among medical assistance workers during the COVID-19 pandemic / Journal of psychosomatic research 139, 110270, 2020
3. Burnout and stress are everywhere / A. Abramson // APA, Vol. 53 No. 1, P. 72 (Режим доступа: https://www.apa.org/monitor/2022/01/special-burnout-stress)
4. Холмогорова А.Б., Рахманина А.А., Суроегина А.Ю., Микита О.Ю., Петриков С.С., Рой А.П. Психическое здоровье и профессиональное выгорание врачей-ординаторов во время пандемии COVID-19: ситуационные и психологические факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 2. С. 9–47.
5. Бачило Е.В., Новиков Д.Е., Ефремов А.А. Оценка психического здоровья медицинских работников в период пандемии COVID-19 в России (результаты интернет-опроса). Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021;121(3):104-109.

Куба Е.А., Честюнина Ю.В.
Челябинск, ФГБОУ ВО ЧелГУ

Восприятие пандемии людьми трудоспособного возраста

Пандемия, COVID-19, здоровье, психологическая сфера, социальная сфера, экономическая сфера, трудоспособное население

Пандемия, начавшись в 2019 году изменила все сферы жизни общества и каждого человека, затронув все возрастные группы. Цель: выявить особенности влияния пандемии на взрослую выборку населения. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО "Челябинский государственный университет", в исследовании приняли участие респонденты старше 18 лет (N=227) распределение мужчин и женщин составило 1:5 (n=21,1% и n= 78,9% соответственно), средний возраст составил (M=53,59, σ=11,68). Данная категория людей относится к трудоспособному населению, выпадение из профессиональной сферы может негативно сказываться на всех сферах жизни человека (экономической, социальной, психологической), снижении экономики региона и страны. Опрос участников осуществлялся через Google Forms® в период с ноября 2021 по апрель 2022 года. Онлайн-согласие было получено от всех участников. Участникам в свободной форме предлагалось описать 1-2 предложениями, как повлияла пандемия на жизнь. Методом контент-анализа было выделено 49 категорий, объединенных в 6 сфер «здоровье», «психологическая сфера», «социальная сфера», «экономическая сфера», «потеря», «отдых», категория «отсутствие переживаний» не была отнесена к сферам жизни и проанализирована отдельно. Для квантификации определялась медиана плотности от общего числа утверждений.

Наибольшие значения в группе лиц трудоспособного возраста получены в психологической сфере на нее приходится (8,82) от общего числа категорий, затем по убыванию здоровье (6,83), социальная сфера (5,04), потеря (1,77), отсутствие переживаний (1,41), экономическая сфера (0,5), отдых (0,45). По мнению участников, наиболее острыми вопросами, относящимися с психологической сферы относятся: страх (снова заболевать (0,52), страх смерти (0,26), страх снова заразиться (0,26), страх потерять работу (0,17)), появление тревоги (2,67), раздражительности (0,09) , одиночество (0,17), происходит переоценка собственной жизни (0,09), что можно рассматривать, как адаптационную составляющую. В сфере здоровья, наиболее острыми вопросами являются: восстановление здоровья (2,48), появление хронических заболеваний (сахарный диабет II типа (0,17), Гипертоническая болезнь(0,17), артрит (0,17)), снижение зрения и слуха (0,17) и частые головные боли большей интенсивности (0,26). В социальной сфере острыми вопросами являются: работа (ее потеря (1,32), но и новые возможности (0,79), увеличение работы и новый формат «удаленная форма работы»), снижение общения (0,77), появление свободного времени (0,43), которое заполнялось обучением «онлайн курсы»(0,27), посещением спортивного зала (0,18), участники отметили, что начали употреблять алкоголь(0,09). Отмечается возникновение

усталости от ношения масок (0,17), домашней изоляции (0,17) и поступающей информации, которая воспринимается как ложная «надоело вранье» (0,09). В категорию «потеря» вошли потеря близких членов семьи (1,13) и потеря времени (0,64). С момента начала пандемии накоплен некоторый опыт исследования влияния COVID-19 на физическое, психическое состояние и социальное благополучие, ценность нашего исследования заключается в использовании открытого вопроса использовании контент-анализа, которое позволило выявить сферы, которые являются актуальными для участников.

В результате исследования было установлено, что для лиц трудоспособного возраста наиболее волнующими и проблемными сферами являются «психологическая сфера», наличие различных страхов и тревоги, сфера «здоровье» восстановление здоровья и появляющиеся хронические заболевания, в «социальной сфере» работа: потеря работы, а так же ее увеличение, переход в новый формат и появление новых возможностей в связи с переоценкой возможностей.

Данные, полученные в ходе данного исследования, подтверждаются проведенными ранее, в котором респонденты указывают на то, что пандемия в большей степени оказывает влияние на их профессиональную и социальную жизнь, физическое состояние [1].

1. Лукашева, К.Э. Трушина И.А., Субъективное благополучие у людей трудоспособного возраста в период пандемии / К.Э. Лукашева, И.А. Трушина // Психология. Психофизиология. — 2021. — Т. 14, № 3. — С. 39–48.

Купченко В.Е.
Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Факторы переживания профессионального стресса у медицинских работников в условиях COVID-19

Стресс, профессиональный стресс, факторы, переживание, медицинский персонал, COVID-19

Проблема преодоления стрессовых ситуаций в профессиональной сфере является достаточно острой для представителей социономических профессий, включая медицинский персонал, поскольку тесное общение с другими людьми предполагает особую нагрузку на психическую сферу и может при неоптимальном использовании психических ресурсов приводить к профессиональному выгоранию (Василюк, 1984). Наше исследование направлено на выявление взаимосвязи ряда личностных и поведенческих особенностей медицинского персонала с переживанием ими профессионального стресса в условиях COVID-19. Выбор личностных факторов переживания стресса обусловлен спецификой профессии медика, предъявляющей особые требования к качествам специалиста, необходимостью понимания осмысленности, ценности их жизнедеятельности.

В исследовании тестировалась гипотеза о том, что копинг-стратегии, смысложизненные ориентации, ответственность, эмпатия и самоорганизация деятельности оказывают влияние на переживание профессионального стресса у медицинского персонала в условиях COVID-19. В исследовании приняли участие 40 сотрудников ГБУЗ ЯНАО «Надымская ЦРБ», работающих в инфекционном отделении с пациентами, зараженными COVID-19. Всего 40 человек (8 мужчин и 32 женщины в возрасте от 23 до 56 лет). Методы исследования включали: методику «Шкала психологического стресса PSM-25», методику на исследование копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, опросник «Ответственное поведение» Л.И. Дементий Опросник «Ответственное поведение» Л.И. Дементий, «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева, «Исследование уровня эмпатийных тенденций» И.М. Юсупова, «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) (Н. Фишер и М. Бонд в адаптации Е.Ю. Мандриковой), авторская анкета для оценки восприятия медицинским персоналом профессиональных трудностей. Для обработки полученных результатов использовался множественный регрессионный анализ.

Полученные результаты.

1. Медики с высоким уровнем профессионального стресса составляют 22% от общего числа респондентов. Наиболее часто встречающимися и наиболее стрессогенными рабочими факторами у медиков вне зависимости от уровня переживания ими стресса являются проблемы, связанные с собственным «физическим самочувствием» и «условиями труда».

2. При возникновении стрессов на работе в условиях COVID-19 медицинские работники с высоким уровнем переживания стресса чаще всего используют

копинг-стратегии: «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы» и «дистанцирование», реже всего — «принятие ответственности» и «конфронтацию». «Принятие ответственности» при возникновении профессиональных трудностей в значительно большей степени выражено у медиков со средним и низким уровнями стресса, чем у медиков с высоким стрессом.

3. В условиях COVID-19 у медицинского персонала на «профессиональный стресс» прямое влияние оказывает способность к «ориентации на настоящее» и «отношение к тому, за что человек должен нести ответственность», а обратное влияние — «эмоциональное отношение к ответственным делам» и копинг-стратегия «конфронтация». Способность к «самоорганизации деятельности», а также «локус контроля — жизнь» медиков обратно влияют на выраженность проблем с «физическим самочувствием»; «психологические трудности» обратно обусловлены «эмоциональным отношением к ответственным делам» и напрямую — ответственным отношением к «выполнению намерений». На стрессогенность «отношений с пациентами» обратное влияние оказывает «настойчивость» медиков при самоорганизации своей деятельности и напрямую влияет их ответственность за «выполнение своих намерений». «Эмоциональное отношение к ответственным делам», а также «результативность жизни» медицинского персонала обратно влияют на выраженность стрессогенности «отношений с коллективом» в период COVID-19.

1. Василюк Ф.Е. Введение понятия переживания в категориальный аппарат теории деятельности //Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 198 с.

Ролдугина Д.А., Фаустова А.Г.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Исследование когнитивных процессов у людей после перенесённой новой короновирусной инфекции (COVID-19) в лёгкой форме

COVID-19, когнитивные процессы, оптико-пространственные представления,

Введение:

У пациентов, которые перенесли инфекционные заболевания, часто диагностируют различные формы когнитивных нарушений. Около 25% пациентов, отмечают симптомы когнитивных нарушений и через 1 год после перенесённого заболевания, независимо от возраста [1]. Этиологию когнитивных нарушений связывают с возможностью вируса SARS-CoV-2 поражать центральную и периферическую нервную систему [2]. С помощью КТ, МРТ и ПЭТ было продемонстрировано развитие диффузных поражений, связанных с COVID-19: лимбические структуры (поясная извилина, гиппокамп), лобная кора, таламус, гипоталамус [3]. Юсеф Ю.Н. и др. отмечают, что вирус SARS-CoV-2 влияет на зрительный анализатор [4]. Brutto O.H. отмечает, что у лиц, перенёсших легкую форму COVID-19, вероятность развития когнитивного снижения выше в 18 раз, чем у лиц, с бессимптомной формой или у лиц, которые не имели диагностированной инфекции до момента исследования. Как правило, снижение когнитивных функций в ближайшее время после выздоровления остаётся незамеченным для большинства пациентов, а так же для членов их семьи [7]. Снижение когнитивных функций может оказывать влияние как на повседневную деятельность, так и на профессиональную. Выявление, особенно на ранних стадиях развития, когнитивных нарушений, изучение вариантов их клинического течения, помогут в разработке адекватной и своевременнойреабилитационной программы, что значительно улучшит качество жизни как самого больного, так и его близких. В связи с этим, в данной работе мы предприняли попытку качественно оценить особенности когнитивных процессов после перенесённой новой короновирусной инфекции (COVID-19) в лёгкой форме.

Материалы и методы. Нами был создан протокол, который содержал психологические методы, патопсихологические методики и нейропсихологические пробы. Для обработки полученных результатов использовались методы описательной статистики. В исследовании приняли участие респонденты, которые имели положительный результат лабораторного исследования на наличие РНК SARS-cov-2 или антигена SARS-cov-2, при наличии клинических проявлений (шифр U07.1 по МКБ-10), проходили лечение амбулаторно. Средний возраст респондентов — 24,3 года.

Результаты. Пациенты, которые перенесли COVID-19 в лёгкой форме имеют когнитивные нарушения спустя более 6 месяцев после выздоровления. Мы обнаружили особенности когнитивных процессов в сфере восприятия (оптико-про-

странственные представления), внимания, памяти, мышления, а также отмечаются ошибки регуляторного, динамического праксиса. Обнаруженные в ходе исследования симптомы могут указывать на возможное вовлечение в патологический процесс лобных, теменно-затылочных (преимущественно правого полушария), субкортикальных отделов и зоны ТРО.

Выводы. В ходе пилотажного исследования нами были обнаружены особенности когнитивных процессов у людей после перенесённой новой короновирусной инфекции (COVID-19) в лёгкой форме.

Предполагается дальнейший сбор данных.

1. Pandharipande P.P., Girard T.D., Jackson J.C., et al. Long-term cognitive impairment after critical illness // The New England journal of medicine. Vol. 369, №14. 2020.
2. Asadi-Pooya A.A., Simani L. Central nervous system manifestations of COVID-19: A systematic review // Journal of the neurological sciences. Vol. 413. 2020.
3. Del Brutto OH, Wu S, Mera RM, et al.Cognitive decline among individuals with history of mild symptomatic SARS-CoV-2 infection: a longitudinal prospective study nested to a population cohort // European journal of neurology. Vol. 28, №10. 2021.
4. Юсеф Ю.Н., Казарян Э.Э., Анджелова Д.В., и др. Офтальмологические проявления постковидного синдрома // Вестник офтальмологии. Т. 137, №5(2). 2021

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ: ПРОСТРАНСТВО ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО МИРА

Алпатова О.С., Петраков А.С.
Пятигорск, ЧГУ им. А.А. Кадырова

Особенности реагирования на трудные жизненные ситуации среди представителей молодежи чеченского этноса

Этнокультурные особенности, трудные жизненные ситуации, когнитивное оценивание, чеченцы.

Этнокультурные особенности — один из важных факторов, влияющих на поведение человека в трудной жизненной ситуации (далее — ТЖС). Через опыт оказания экстренной психологической помощи обнаружено, что этносы по-разному реагируют на экстремальные ситуации [1].

Выборка: студенты Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, n= 192. Из них 80 юношей, 112 девушек (от 17 до 21 года). Процедура сбора данных: письменный опрос с использованием стандартизированных методик «Когнитивное оценивание ТЖС», далее — КО ТЖС; «Стили реагирования на изменения», далее — СРНИ, «Опросник когнитивной регуляции эмоций», далее — ОКРЭ. Процедура обработки данных: описание средних значений по трем методикам по критерию Манна-Уитни среди мужчин и женщин; корреляционный анализ по коэффициенту Спирмена.

По методике КО ТЖС наибольшие результаты по средним значениям: общие признаки ТЖС — 3,4, необходимость быстрого реагирования — 3,9, затруднения в принятии решений — 3,1. Таким образом, чеченская молодежь признает, что ТЖС действительно является трудной, когда нужно быстро принимать непростые решения и на это не хватает времени. По критерию Манна-Уитни были обнаружены различия по полу в «Перспективе будущего» -p=0,001, что отобразилось в частотном анализе: юноши — 80,5%; девушки — 19,5%. Эти результаты показывают, что юноши-чеченцы больше думают о будущем в ТЖС, чем девушки. По методике СРНИ наибольший результат по средним значениям по шкале «Консервативный стиль» — 21,7. Частотный анализ выявил, что девушки более консервативны, чем юноши: консерватизм — 47,4% юноши, 51,1% девушки; инновационность — 21,8% и 9,8% соответственно. По критерию Манна-Уитни различия по «Реализующему стилю» — p=0,012. В частотном анализе средние значения по этому стилю выглядят так: юноши — 23,1%; девушки — 13,4%.

Поэтому, изменения девушки — чеченки воспринимают негативно, им нужно время, чтобы привыкнуть. Юноши больше стремятся к изменению и разрешению ситуации. По методике ОКРЭ важно обратить внимание на шкалы: фокусировка на планировании — 63,32, позитивная переоценка — 63,08, рассмотрение в перспективе — 62,35. Это значит, что чеченская молодежь склонна к планированию шагов для разрешения ситуации, поиску положительного смысла в произошедшем событии. Критерий Манна-Уитни показал различия по шкалам «Принятие» -p=0,026 и «Обвинение других» — p=0,041. По «Принятию» частотный анализ дал следующие результаты по среднему уровню: юноши — 35,5%; девушки — 41,3%. По шкале «Обвинение других» получены следующие результаты по средним показателям: юноши — 30,3%; девушки — 26,6%. Таким образом, юноши больше признают реальность ТЖС и ее влияние на настоящее, склонны обвинять других в произошедшем.

Результаты корреляционного анализа: при неподконтрольности и непонятности ситуации и сильных эмоциях увеличивается использование руминации — sig=0,08;0,00; 0,00. При неподконтрольности ситуации преобладает катастрофизация — 0,013. При фокусировании на планировании и позитивной переоценке преобладает реализирующий стиль реагирования — 0,00; 0,002.

Выводы: 1. Девушки-чеченки более склонны к принятию ситуации и любые изменения вызывают негативные эмоции, юноши же стремятся изменить ситуацию и заботиться о будущем. 2. При возникновении размышлений о последующих шагах, которые необходимо предпринять и отвлечении на мысли о других ситуациях чеченцы могут принимать и поддерживать изменения, если в этом видят объективную необходимость или личную выгоду.

Таким образом, при оказании экстренной психологической помощи девушкам психологу необходимо принимать во внимание их эмоциональность, чаще пассивную позицию и потребность во внешнем контроле и сопровождении. Работа с юношами будет основываться на стремлении изменить ситуацию, активно действовать с целью поиска решения ТЖС.

1. Филиппова М.С. Культурно-этническая принадлежность как фактор регуляции поведения пострадавших в чрезвычайных ситуациях/Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2015. №. 2 — с. 128-133.

Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю.,
Ениколопов С.Н. Казьмина О.Ю.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Переживание пандемии COVID-19 людьми пожилого возраста

COVID-19, пожилой возраст, SCL-90-R, COPE, CTI, стресс, копинг-стратегии

Представители старшей возрастной группы уязвимы с точки зрения, однако согласно зарубежным данным (Ishida A., Ishida E., 2021), люди пожилого возраста во многом легче переносят эту ситуацию. Целью нашего исследования стало изучение переживания пандемии в данной возрастной когорте в российской популяции.

Материалы и методы. Материалом исследования стали данные интернет-опроса (март 2020 — январь 2021 года). Общее число участников: 1754 человек, из них в марте 2020 года, когда в России еще COVID-19 еще не был распространен, отсутствовали массовые случаи заражения и смертей ответило 662 человек (до 25 лет — 111, 25-55 лет — 443, старше 55 лет — 108), в остальной период — 1092 (до 25 лет — 347, 25-55лет — 557, старше 55 лет — 188). Предъявлялись общие вопросы о ситуации и реакции на нее, и методики SCL-90-R, CTI, COPE.

Результаты и их обсуждение. Процент боящихся тяжело заболеть и умереть вырос во время пандемии в группе пожилых (с 13,2% до 17%), но меньше, чем в более молодых подгруппах: до 25 лет (с 15,5% до 22,8%), в группе 25-55 лет (с 13,2% до 23%). При этом представителей старшей возрастной группы больше пугало снижения доходов (51,1% по сравнению с 37,1% и 20,3% в других возрастных группах), но меньше — ухудшение отношений в семье (6,4% против 15,4% и 17% в других возрастных группах), хотя статистический анализ не показал значимых различий из-за большого разброса внутри каждой из групп. Несмотря на более высокий уровень сердечно-сосудистых заболеваний (25% по сравнению с 5,4% и 8,8%) как на старте пандемии, так и по мере ее развития (37,2%, по сравнению с 10,1% и 15,8%), уровень соматизации (SCL-90-R) у них, несмотря на рост, остаётся самым низким в по сравнению с другими подгруппами — он растет с 0,47 до 0,61, в то время как у людей младше 25 лет с 0, 51 до 0,79, а в группе 25-55 летних — с 0,48 до 0,67. У них наименьший прирост уровня психопатологической симптоматики SCL-90-R GSI (с 0,49 до 0,53 по сравнению с от 0,64 до 0,92 и от 0,55 до 0,68). Уровень стресса (PDSI по SCL-90-R) у них также ниже и меньше растет, чем у представителей других групп (от 1,33 до 1,4 по сравнению с от 1,54 до 1,76 и от 1,42 до 1,52), как и уровень депрессии (DEP по SCL-90-R) — рост у них с 0,62 до 0,73 по сравнению с от 0,95 до 1,23 и от 0,78 до 0,96. Объяснением этого может быть более высокий уровень эмоционального совладания (CTI) 92,54-93,32 в сравнении с 80,65-82,38 и 86,55-87,83. Этот параметр отрицательно коррелирует со страхом смерти (-,272**), потребностью в психологической помощи (-,364**), GSI (-,678**), PDSI (-,528**), ощущением подавленности (-,462**), SOM (-,265**), с копинг-стратегиями мысленный уход (-,218**), концентрация на эмоциях

(-,602**), отрицание (-,285**), использование успокоительных (-,320**), использование социальной поддержки (-,251**), положительно с хорошим сном (,275**), копинг-стратегиями юмор (,217**) и позитивное переформулирование (,259**).

Возможным объяснением может быть более привычный опыт одиночества и большей социальной изоляции среди пожилых людей до пандемии, что означает, что COVID-19 привел к меньшим изменениям в образе жизни по сравнению с молодыми людьми. Другим возможным объяснением является влияние определенных личностных факторов: большей устойчивости, связанной с большим опытом, лучшей регуляции эмоций, использованием более подходящих для пролонгированной стрессовой ситуации стратегий совладания.

Выводы. Результаты нашего исследования демонстрируют сходную с зарубежными данными картину — люди пожилого возраста более психологически благополучны по сравнению с представителями других возрастных групп. Вероятно, важную роль в этом играет характерное для них более хорошо освоенное эмоциональное совладание. Ограничения исследования: отсутствие в выборке людей без доступа к интернет-технологиям.

1. Ishida A., Ishida E. Changes in Daily Life Satisfaction among Community Dwelling Elderly during the COVID-19 Pandemic in Japan. J. Ageing Longev. 2021, 1(1), 3-10

Быховец Ю.В.
Москва, Москва, ФГБУН ИП РАН, НИУ ВШЭ

Динамика переживания вирусной угрозы в период пандемии COVID-19 в 2020-2022 гг.

Вирусная угроза, COVID-19, переживание, невидимый стрессор

С начала 2020 года вирусная угроза COVID-19 быстро распространилась среди населения всего мира, повлияв почти на все аспекты человеческой жизни и став большим вызовом системе здравоохранения. Уже спустя полгода продолжающейся пандемии смертность стала заметной, т.е. каждый человек так или иначе столкнулся с угрозами своему выживанию, причем некоторые люди стали свидетелями смерти близких в результате данной болезни. Вирусная угроза COVID-19 рассматривается нами как невидимый стрессор, основными отличительными признаками которого являются многофакторность воздействия, тотальность распространения и контроль/предупреждение заражения (Быховец, 2021). Нами предложен теоретический конструкт «переживание вирусной угрозы», под которым мы понимаем отношение субъекта к изменениям в собственной жизни и жизни общества в связи с вирусной угрозой, включающее его чувства, мнения о масштабе угрозы, суждения о правительственных инициативах и появление новых форм поведения. Таким образом, переживание вирусной угрозы рассматривается нами как многомерный конструкт.

Нами был разработан опросник переживания вирусной угрозы (ОПВУ), который позволяет оценить интенсивность этого переживания (Быховец, 2022). С 2020 по 2022 года мы проводили опросы с использованием данной методики. Выборка: опрос апрель-июнь 2020 года (n=235) — средний возраст 39,96 лет; опрос октябрь 2021 года (n=129) — средний возраст 40,13 лет; опрос апрель-май 2022 года (n=263) — средний возраст 25,4 года. С использованием критерия Манна-Уитни было проведено попарное сравнение групп между собой по уровню выраженности переживания вирусной угрозы.

Показано, что первый временной замер и второй не различаются по уровню переживания вирусной угрозы (U=13531 при p=0,09). Однако, первый и третий (U=19873 при p=0, 00), второй и третий (U=13332,5 при p=0,00) временные замеры имеют статистически значимые различия по уровню выраженности переживания вирусной угрозы. В 2020, 2021 году интенсивность переживания вирусной угрозы была выше, чем в 2022 году. Средние значения показателя «переживание вирусной угрозы»: исследование 2020 года — 104, 52; исследование 2021 года — 101, 883; исследование 2022 года — 97,064.

Полученные данные свидетельствуют о том, что переживания населения относительно вирусной угрозы COVID-19 постепенно нормализуются, т.е. происходит принятие реальности опасности для жизни данного вируса, снижение чувства страха и тревоги, сформировались индивидуальные формы защитного поведения. Возможным объяснением полученного результата являются сниже-

ние количества заболевших COVID-19 и изменения в социально-политической обстановке в связи с событиями на Украине в 2022 году. Данные об уменьшении заболеваемости являются информацией, которая свидетельствует об ослаблении угрозы вируса. Понимание этого снижает уровень стресса и страха смерти в случае заражения COVID-19. Т.е. мы имеем дело с эмоциональным спадом переживаний угрозы жизни. Второй механизм снижения уровня переживания вирусной угрозы может быть связан с ростом политической нестабильности в связи с событиями на Украине, т.е. появился иной источник переживаний.

Также наше исследование показало, что в течение 2020 и 2021 года уровень выраженности переживания вирусной угрозы населения оставался на высоком уровне, что связано с действием комплекса факторов: во-первых, сам факт существования потенциальной опасности заражения коронавирусом; во-вторых, информационное освещение этих событий в СМИ; в-третьих, экономические последствия эпидемии, затронувшие в той или иной степени всё население (снижение качества жизни, сокращение заработной платы, потеря работы и т.д.); в-четвертых, изменение привычного уклада жизни (нахождение длительное время в замкнутом пространстве, снижение социальной активности, переход на домашний режим учебы/работы и т.п.) в связи со здоровьесберегающими мерами.

Таким образом, представления о характере и динамике переживаний, вызванных угрозой COVID-19, с учетом многообразия сопутствующих стрессовых факторов, делают возможным изучение психической травматизации, источником которой являются невидимые стрессоры.

1. Быховец Ю.В. Интенсивность информационного воздействия как психотравмирующий фактор ситуации вирусной угрозы // Психологический журнал. 2021. Т.42. №5. С.72-83.
2. Быховец Ю. В. Разработка опросника переживания вирусной угрозы / Ю. В. Быховец // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — No 2. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN222.pdf

Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0005

Пятакова Г.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Защитно-совладающее поведение у детей и подростков с ЮХА

Ювенильный хронический артрит, копинг-стратегии, механизмы психологической защиты, трудная жизненная ситуация

Ювенильный хронический артрит (ЮХА) тяжелое заболевание, механизмом формирования которого, выступает развитие аутоиммунного процесса. Причинные агенты заболевания включают генетическую предрасположенность, инфекции, гормональный статус, травматизацию, психологические факторы. Последствием заболевания может быть поражение инвалидизация. Заболевание может начаться в любом возрасте. Реактивные проявления заболевания, наблюдаемые в течение шести месяцев, считаются хроническими. Лечение ЮХА требует пребывания ребенка в стационаре, сопровождается болезненными лечебными процедурами. Предикторами стремительного развития заболевания могут выступать психологические факторы, обеспечивающие психическую адаптацию в трудной жизненной ситуации, связанной с заболеванием и восстановительным лечением.

Целью исследования было изучение механизмов психической адаптации у детей и подростков с ЮХА. В исследовании принятии участие 77 детей младшего школьного возраста и подростков с суставной формой (ЮХА) и 66 их здоровых сверстников. Группы исследования были сформированы на основании предварительного, клинико-психологического обследования, с оценкой уровня интеллектуального развития. Для решения задач диагностики использовался инструментарий, позволяющий выявить объективные характеристики жизненной ситуации детей и подростков, уровень их посттравматического стресса, частоту встречаемости копинг–стратегий и механизмов психологической защиты.

Результаты исследования показали, что дети с ЮХА младшего школьного возраста, обладают репертуаром совладающего поведения, включающего активные и пассивные копинг–стратегии. В репертуаре копинг — стратегий в большей степени представлены стратегии эмоциональной разрядки и пассивного отвлечения от имеющихся проблем. Девочки с ЮХА чаще, чем мальчики, страдающие этим заболеванием, используют стратегии, направленные на аффективную разрядку. Мальчики чаще используют копинг-стратегии, связанные с рефлексивным уходом от проблем, связанных с травмирующей ситуацией. В репертуаре совладающего поведения у подростков с ЮХА представлены активные, ориентированные на решение проблемы и поиск социальной поддержки, и пассивные — избегающие стратегии совладания с трудностями. При этом структура копинг-поведения подростков с ЮХА, характеризуется дисгармоничностью, что проявляется в преобладании копинг-стратегии «избегание». Девочки и мальчики с ЮХА подросткового возраста, одинаково часто используют активные, ориентированные на решение проблем, и избегающие копинги. Полученные результаты могут

свидетельствовать о формировании специфического стиля совладания в условиях хронического психосоматического заболевания, одним из проявлений которого является астенический синдром. В этих условиях, избегающий способ преодоления трудностей, может представлять собой энергосберегающий вариант совладающего поведения. У детей младшего школьного возраста с ЮХА, так же как и у их здоровых сверстников, в защитной системе личности преобладает защитный механизм «проекция». У детей с ЮХА преобладает механизм психологической защиты «отрицание», что, вероятно, является специфической характеристикой личностной диспозиции, формирующейся в условиях приобретенного ортопедического заболевания, и представляет собой «почву» для формирования сознательных стратегий совладания избегающего типа. У подростков с ЮХА, в защитной диспозиции личности преобладает механизм «реактивное образование», что, отражает трудности в выборе и вербализации приемлемых способов отрегирования негативных эмоциональных переживаний, что может свидетельствовать об «алекситимическом варианте

1. Ревматоидный артрит у детей. Современные аспекты патогенеза, клиники, диагностики и лечения. //ред.Е.М.Лукьяновой, Л.И.Омельченко.- Киев.:Книга плюс., 2002.-176 с.
2. Coping, Attributions, and Health Functioning Among Adolescents with Chronic Illness and Their Parents: Reciprocal Relations Over Time / Christina M. D'Angelo et al. // Journal of Clinical Psychology in Medical Set-tings.

Синельникова Е.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПГУПС

Благодарность в трудных жизненных ситуациях: опыт переживания российских студентов

Благодарность, моральные чувства, переживание, эмоции, трудные жизненные ситуации, студенты

Благодарность — моральное чувство, позитивный ответ на добро по отношению к благодарному и значимым для него людям. Благодарность является ценным психологическим ресурсом в трудных жизненных ситуациях. Благодарность способствует конструктивной эмоциональной регуляции (Wood, 2007). В стрессовых ситуациях благодарным людям в меньшей степени свойственны самообвинение и обвинение окружающих. Они в большей степени склонны справляться со стрессом с помощью активного конструктивного совладания с ситуацией: переосмысления ситуации, планирования своей деятельности, привлечения эмоциональной и инструментальной поддержки (Wood, 2007). Как следствие, благодарные люди в меньшей степени склонны к различным формам саморазрушающего поведения — суицидальному поведению, употреблению алкоголя и наркотиков (Kaniuka et al., 2020).

Благодарным людям в большей степени свойствен посттравматический рост (Wood, 2007), что может быть связано с тем, что они конструктивно справляются с ситуацией, извлекая из нее ценный опыт и укрепляя свои связи с другими людьми. Еще одним возможным механизмом, объясняющим роль благодарности в трудных ситуациях, является ее связь с переживанием радости (Balgiu, 2019), которое особенно ценно в непростые периоды жизни, и также позволяет снизить симптомы депрессии, которая характеризуется дефицитом положительных эмоций. На более глубоком уровне благодарность связана с принятием актуальной ситуации и мира в целом, что очень непросто для человека, который находится в непростой жизненной ситуации, однако необходимо для конструктивного совладания с ней. В исследовании А.О. Полюшкевич (Полюшкевич, 2017) было выявлено, что переживание глубокой благодарности у многих респондентов различного возраста, статуса и убеждений были связаны с трудными жизненными ситуациями, порой на грани жизни и смерти (Полюшкевич, 2017).

Целью эмпирического исследования было изучение опыта переживания благодарности российскими студентами. В исследовании приняли участие 90 студентов ПГУПС, г. Санкт-Петербург в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст 18.9 лет, 35.6% юношей, 63.3% девушек, 1 человек не указал свой пол). Респонденты отвечали на открытые вопросы: «Что такое благодарность?», «По отношению к кому Вы чувствуете благодарность?», «Вспомните и опишите ситуацию, когда Вы испытывали глубокую благодарность», «Выразили ли Вы ее? Если да, то как?»

Результаты исследования позволили выявить три основные формы переживания благодарности: благодарность в трудных жизненных ситуациях (46.7%),

повседневная благодарность (34.4%), благодарность в длительных отношениях (32.1%). Наиболее часто в ответах респондентов встречалась благодарность за помощь в трудных жизненных ситуациях. Трудные жизненные ситуации были связаны с витальными угрозами (тяжелая авария), социальным отвержением, жизненным выбором.

Респонденты были благодарны за помощь, поддержку и заботу в ситуации витальной угрозы и плохого самочувствия («благодарна маме, за то, что она была рядом со мной 24/7, когда я попала в тяжелую аварию»); поддержку в ситуации социального отвержения, особенно тяжелого для подростка. Респонденты писали о своей благодарности как за деятельную (инструментальную), так и за эмоциональную поддержку. В ситуации жизненного выбора: принятия решения о выборе специальности и переезде в другой город некоторые респонденты были благодарны за помощь в принятии решения, а некоторые — за поддержку принятого ими решения.

В трудных жизненных ситуациях человек наиболее остро нуждается в помощи и поддержке других людей, и она является для него особенно ценной. Формы помощи и поддержки разнообразны и зависят как от специфики переживаемой трудной ситуации, так и от психологических потребностей личности.

1. Полюшкевич О. А. Философия благодарности / О.А. Полюшкевич // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74.
2. Balgiu B.A. (2019) Possible mechanism of the influence of gratitude on life satisfaction. Journal of psychological and educational research, 27, 2, 75-78. Retrieved from: https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000506575600004.
3. Kaniuka A.R., Rabon J.K., Brooks B.D., Sirois F., Kleiman E. Hirsh J.K. (2020) Gratitude and suicide risk among college students: Substantiating the protective benefits of being thankful. Journal of American college health.
4. Wood A.M., Joseph S., Linley P.A. (2007) Coping style as a psychological resource of grateful people. Journal of Social and Clinical Psychology, Vol. 26, No. 9. Pp. 1076–1093

Трусова А.Д., Фаустова А.Г.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и отношения к собственному телу у людей с опытом межличностного насилия

Травмирующий опыт, ранние дезадаптивные схемы, образ тела, отношение к телу

В настоящее время проблема психологической травматизации и ее последствий активно изучается. В первую очередь это обусловлено повышенной частотой встречаемости данного феномена и снижением уровня стигматизации в обществе. Особое внимание уделяется пережитому травматическому опыту в детском возрасте и, как следствие, формированию ранних дезадаптивных схем (РДС). РДС формируют определенные паттерны поведения, которые имеют тенденцию к повторению на протяжении всей жизни. Они оказывают непосредственное влияние на поведение человека и его отношение к себе. Например, могут приводить к формированию расстройств пищевого поведения, которые характеризуются выраженными когнитивными искажениями и дезадаптивными схемами [1].

Цель проведенного нами исследования — изучить взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и отношения к собственному телу у людей с различным уровнем индекса массы тела (ИМТ). В исследовании приняли участие 200 человек, из которых были отобраны 126 девушек, в возрасте 22-30 лет. Использованы следующие методики: опросник травматических событий (LEQ); YSQ-S3R Jeffrey Young для диагностики ранних дезадаптивных схем; MBSRQ мультимодальный опросник отношения к собственному телу Т. Кэша. Участники исследования были разделены на 2 группы по показателям ИМТ, согласно критериям ВОЗ. Первую группу составили девушки, имеющие ИМТ меньше 18; вторую группу составили девушки с ИМТ больше 25. Респонденты отрицали наличие хронических соматических заболеваний, влияющих на изменение веса. Все участники имели опыт травматизации в детском возрасте: физическое и психологическое насилие, потеря близких.

По результатам проведённого исследования выявлено, что обеим группам свойственны общие РДС — «недоверие» и «покинутость», т.е. для респондентов свойственно ожидание эмоциональной изолированности и недоверие к миру в целом. Ранее нами уже было установлено, что лица, имеющие опыт травматизации в детском возрасте, обладают определёнными РДС, что подтверждается в данном исследовании [2]. Помимо этого, для каждой группы удалось выявить типичные РДС и их связь с отношением ксобственному телу. Для группы девушек, имеющих ИМТ ниже нормы, характерны такие РДС как «отчуждённость» и «дефектность», им свойственно притворятся «своими», но при этом чувствовать отличие; присутствует постоянное стремление выглядеть «идеально». Эти РДС взаимосвязаны с оценкой внешнего вида (-0,646) и ориентацией на неё (0,765). РДС «дефектность» взаимосвязана с неудовлетворённостью тем, как выглядят

их лицо и нижние конечности. Для девушек, имеющий ИМТ выше нормы, свойственны РДС «уязвимость» и «недостаточность самоконтроля», им свойственны постоянные переживания по поводу своего веса и страх, что с ними может что-то случиться. Для лиц, имеющих РДС «недостаточность самоконтроля» характерна постоянная потеря контроля над эмоциями и злоупотребление едой, что может являться одной из причин набора веса. РДС «уязвимость» взаимосвязана с оценкой физического состояния (-0,765) и ориентацией на внешний вид (0,598). РДС «недостаточность самоконтроля» имеет положительную связь с проблемой лишнего веса (0,623).

Таким образом, у участников исследования, имеющих в детском возрасте травматический опыт, выявлено формирование следующих ранних дезадаптивных схем: «недоверие», «покинутость», «отчуждённость», «дефектность», «уязвимость», «недостаточность самоконтроля». Паттерны поведения, отражающиеся в этих РДС, имеют взаимосвязь с особенностями отношения к собственному телу. Это исследование объясняет одну из возможных причинно-следственных связей в проблеме восприятия и оценки тела.

1. Legenbauer T., Radix A.N. Power of Cognition: how dysfunctional cognitions and schemas influence eating behavior in daily life among individuals with eating disorders // Psychol. 2018. № 9. P. 2136-2147.
2. Трусова А.Д. Взаимосвязь психопатологических симптомов и ранних дезадаптивных схем у людей, переживших насилие в детском и подростковом возрасте // Ананьевские чтения— 2021. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 533-534.

Баранова А.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ, ФГБУН ИП РАН

Мустафина Л.Ш.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Личностные факторы и субъектность в выборе возможных Я у молодежи

Возможные Я, Я-концепция, личность, личностные факторы, субъектность, «большая пятерка», молодежь

В настоящее время в исследовании личности актуально рассмотрение плана возможного. Возможные Я как часть Я-концепции, были выделены в 1986 году (Markus, Nurius, 1986) как представления о себе, не соответствующие действительности, но обладающие потенциальностью в реализации, выражающие надежды, опасения и ожидания. Они могут быть разделены по степени субъективной привлекательности на желаемые и избегаемые и, на наш взгляд, могут выступить в качестве опорного элемента исследования личности в данном плане. Функциональными характеристиками возможных Я являются их параметры. Под параметрами возможных Я понимается субъективная оценка собственной способности реализовать возможное, важности, самоэффективности действий, ожидаемого результата, частоты мыслей о возможном Я. Предполагается, что между данными параметрами и характеристиками личности и ее способности к осуществлению надситуативной активности существуют взаимосвязи, различные для желаемых и избегаемых возможных Я.

Исследование было посвящено изучению связи параметров возможных Я как с личностными факторами, так и с компонентами субъектности как общей способности к начинанию и осуществлению направленной активности. Использовались следующие методики: 1) стандартизированная анкета возможные «Я» (адаптация протокола интервью возможные «Я» (Frazier, Hooker, 2006) в переводе Е.Ю. Василевской); 2) пятифакторный личностный опросник Мак-Крае — Коста в адаптации А.Б. Хромова; 3) опросник М.А. Щукиной «Уровень развития субъектности личности». Выборку составили 65 студентов лечебного факультета ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России (средний возраст 19,2 + 0,732). Получен-

ные данные обрабатывались с использованием программы IBM SPSS Statistic 26 при помощи корреляционного и факторного анализа.

Результаты исследования показали устойчивые и разнообразные корреляции параметров возможных Я с факторами «большой пятерки», в то время как связей параметров избегаемых возможных Я с ними существенно меньше, что может говорить о том, что личность предпочитает не связывать непривлекательное или вызывающее опасение потенциальное бытие с собой, а также о большей типичности избегаемых возможных Я в сравнении с желаемыми. Корреляционные связи субъектности и параметров возможных Я также различны: если в случае с желаемыми возможными Я сильные взаимосвязи определяются между компонентами субъектности и параметрами соответствия реальному Я, воспринимаемой самоэффективности и ожидаемого результата, то для параметров избегаемых наибольшее число связей дает «опосредованность — непосредственность», характеризующая понимание контекста социальной среды. Иными словами, если для достижения желаемого значение приобретает активность самой личности, то избегание оценивается успешнее исходя из внешнего по отношению к личности социума и умения действовать в его условиях. В результате факторного анализа с помощью метода главных компонент были получены 7 основных факторов. Так, один их них — фактор, направляющий на достижение желаемого возможного Я. В него вошли такие компоненты субъектности, как креативность и самоценность, фактор экстраверсии, а также все пять параметров оценки желаемого возможного Я. Это показывает, что субъективная оценка возможности достижения желаемых возможных Я включает направленность на других людей, но также требует сформированности представлений о личностной значимости и креативности. Можно предположить, что данный фактор способствует позитивной оценке как своих усилий по осуществлению стратегий достижения желаемого, так и окружающего мира как способствующего.

Таким образом, желаемые и избегаемые возможные Я различно связаны с личностными и субъектными качествами человека, что может находить отражение в его активности по осуществлению стратегий, приближающих или отдаляющих воплощение представляемой возможности в реальность.

1. Markus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. — 1986. — Т.41. — №.9. — P. 954-969.

Бровкина А.А., Аванесян М.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Автобиографические воспоминания о значимых событиях и их взаимосвязь с потенциалом самоизменения личности

Автобиографическая память, значимые воспоминания, потенциал самоизменения личности, нарративная согласованность, переживания.

Идентичность человека создается и сохраняется в той жизненной истории, которую он о себе рассказывает (Макадамс, 2008; Нуркова, 2004). В ряде исследований показано, что автобиографическая память может быть ресурсом преодоления внутриличностного конфликта в трудных жизненных ситуациях (напр., при алкоголизме, тюремном заключении) (Нуркова, 2004; Нуркова, Бодунов, 2014); при шизофрении Я пациентов поддерживается менее яркими, менее конкретными и менее организованными воспоминаниями (Bennouna-Greene et al., 2012); тип согласованности событий в автобиографической истории связан с взрослением (Köber et al., 2015). Исследователи заключают, что жизненный нарратив создает ощущение личностной целостности, протяженности жизни человека, несмотря на изменения, проходящие в самой жизни. В связи с этим интерес представляет феномен «сдвига самотождественности» — переход от одного интервала самоидентичности к другому — «Теперь я другой, не тот, что прежде» (Нуркова, 2004). Однако на сегодняшний день отсутствуют исследования того, связаны ли особенности автобиографических воспоминаний личности и ее потенциал к самоизменениям. Потенциал самоизменений — та совокупность возможностей реализации изменений человека, относящихся к различным уровням психической его организации, которые могут им осознанно актуализироваться и инициироваться (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020).

Цель данной работы — исследовать и описать автобиографические воспоминания о значимых событиях респондентов, проанализировать их связь с потенциалом самоизменений личности (ПСИ). Была выдвинута гипотеза, что с более высоким потенциалом самоизменения связаны: 1) продуктивность воспоминаний о значимых событиях; 2) более высокая согласованность между ними; 3) особенности переживания воспоминаний, отражающие их полноту, отнесение к своему Я (уровни переживаний, по Ю.Джендлину). В ходе исследования были использованы следующие методы: неструктурированное автобиографическое интервью, методика «Линия жизни» (А.А. Кроник), опросник «Потенциал самоизменений» (Н.В. Гришина, В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, М.О. Аванесян), статистический анализ. В ходе сбора эмпирического материал нами было проведено 17 интервью. Респондентами явились студентки СПБГУ ДОП «Психология», в возрасте от 24 до 57 лет (средний возраст — 38 лет). Среднее время проведения интервью составило 107 минут, среднее количество автобиографических воспоминаний о значимых событиях — 14 (от 3 до 29). Для анализа интервью были выбраны следующие характеристики: длительность интервью, количество автобиографи-

ческих воспоминаний о значимых событиях; тип нарративной согласованности в структуре рассказа о значимых событиях) — темпоральная (хронологическая последовательность при перечислении значимых событий); биографическая (культурный жизненный сценарий); каузально-мотивационная (динамика индивидуальности в связи с событиями жизни); тематическая (наличие темы ценностей, устойчивости намерений и свойств личности) (Макадамс, 2008; цит. по Зайцевой, 2018); уровень переживаний по Ю. Джендлину при актуализации автобиографических воспоминаний о значимых событиях.

Проведенное нами исследование позволило выявить взаимосвязь между типами согласованности воспоминаний автобиографической памяти, а также высокими уровнями переживаний и высокими значениями опросника «Потенциал самоизменений». Предварительный анализ данных показал, что всего 1% выборки продемонстрировал «чистую» тематическую согласованность и высокий показатель по опроснику ПСИ — 64 балла; еще 49% — высокую каузальную и тематическую согласованность и показатель по опроснику ПСИ (в среднем 61 балл). Чаще всего — 50% — встречалась высокая темпоральная и биографическая нарративная согласованность при средних показателях опросника ПСИ 42 балла.

Полагаем, что полученные нами результаты могут быть использованы в консультативной практике в контексте актуализации воспоминаний о значимых событиях клиента с целью сохранения личной идентичности, формирования позитивного самоотношения.

1. Манукян В.Р., Муртазина И.Р., Гришина Н.В. Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 4. С. 35–58.
2. Нуркова В.В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 79–89.
3. Нуркова В.В., Бодунов Е.А. Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С.46-60.
4. Нуркова В.В., Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. №2. С. 77–87.
5. Köber C., Schmiedek F., & Habermas T. Characterizing Lifespan Development of Three Aspects of Coherence in Life Narratives: A Cohort-Sequential Study. // Developmental Psychology. 2015. 51(2). С. 260-275.

Голубева Н.А.
Москва, РГГУ, ФГБНУ ПИ РАО

Плотников А.Ю.
Москва, РГГУ

Особенности социально-психологических характеристик современной молодежи с разной степенью активности в цифровом пространстве

Эмоциональный интеллект, коммуникативная толерантность, потенциал изменений, цифровое пространство.

При изучении феномена метавселенной особое внимание привлекает размытие границ между физическим и цифровым пространством. Особенно это размытие стало актуальным в период турбулентности.

Цель работы — исследовать особенности социально-психологических характеристик пользователей социальных сетей с различной степенью активности. Диагностический инструментарий: опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» (Д.В. Люсин), для диагностики коммуникабельности опросник В.Ф. Ряховского, опросник коммуникативной толерантности В.В. Бойко (тест Бойко), опросник стиль идентичности Берзонки, Анкета «Ведущий канал восприятия», опросник «Потенциал изменений» В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина. Выборка: 173 человека, которые были разделены на 2 группы по степени активности в цифровом пространстве и по возрастному признаку.

Результаты и их обсуждение. В условиях транзитивности все больше места в цифровой идентичности подростков занимаетцифровое пространство. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что социально-психологические особенности такие как эмоциональный интеллект и уровень общительности не имеют прямой значимой связи с уровнем активности респондентов в социальных сетях. Толерантность незначительно преобладает или равнозначна с интолерантностью в отношении таких характеристик, как неприятие или непонимание индивидуальности другого человека, категоричность или консерватизм в оценках других людей и неумении прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причинённые неприятности. У менее активных пользователей ниже показатели «Потребность в самоизменениях», «Визуал», повышаются показатели «Возможность самоизменений», «Информационный стиль индентичности», «Нормативный стиль идентичности», «Диффузный стиль идентичности», «Аудиал», «Дигитал». Чем выше показатель «Потребность в самоизменениях», тем активнее проявляют себя в сети пользователи и выше показатель «Визуал», ниже показатели «Шкала приверженности», «Аудиал». Более высокий показатель «Визуал» чаще наблюдается у более активных пользователей, при этом возрастают показатели «Потребность в самоизменениях», «Потенциал самоизменений» и снижаются показатели «Возможность самоизменений», «Диффузный стиль идентичности».

1. Асмолов 2019 — Асмолов Г. А., Асмолов А. Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии 2019 №4 С. 1-26. Издательство Педагогика. Москва, 2019 Психология. 2010. №1 С. 3—21. Издательство Московского университета, 2011
2. Белинская, Марцинковская 2018 — Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой / Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", Коломна, 2018, С. 43-48

Работа выполнена в рамках проекта «Транзитивное и виртуальное пространства — общность и различия» 19-18-00516

Гришина Н.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Ситуационные и контекстуальные детерминанты поведения человека в изменяющейся ситуации

Ситуационное воздействие, контекстуальные факторы, изменяющаяся ситуация, диспозиция ситуационизма, установка на изменчивость/неизменность

Современная психология личности исходит из того, что изменения сегодняшней реальности ставят человека перед необходимостью развития собственного потенциала готовности и способности к изменениям, обеспечивающим его созвучие реальной жизненной ситуации. Результатом серии проведенных нами исследований стала разработка структурной модели потенциала самоизменений, получившая концептуальное обоснование и прошедшая эмпирическую верификацию [Гришина и др., 2022].

Актуализация потенциала самоизменений и его проявления в активности человека определяются взаимодействием человека с жизненным контекстом и реальной ситуацией. Дальнейшее развитие наших исследований в области разработки модели потенциала самоизменений предполагает обращение к описанию взаимодействия человека с ситуацией и контекстом и механизмов актуализации его потенциала самоизменений.

Имеющиеся в литературе теоретические представления и эмпирические данные, а также результаты проведенных нами исследований позволяют сформулировать некоторые тезисы, обозначающие значимые направления в развитии психологии ситуаций.

1. Человек обладает высокой чувствительностью к ситуационным и контекстуальным воздействиям; при этом ситуационные факторы оказывают влияние на конкретное поведение в данной ситуации, а контекстуальные — на целевые и мотивационные регуляторы активности личности. В одном из проведенных под нашим руководством исследований были зафиксированы значимые изменения в характеристиках возможных Я и вероятности воплощения желаемых Я и избегания нежелательных, происшедшие за несколько месяцев с начала пандемии.

2. Устойчивые паттерны поведения в меняющихся условиях связаны с личностными особенностями, среди которых могут быть обозначены общая диспозиция ситуационизма, включающая чувствительность (восприимчивость) человека к контекстуальным влияниям и внимание к контексту [Roberts et al., 2015], и фундаментальная установка человека на изменчивость/неизменность, проявляющаяся как в особенностях восприятия окружающей реальности [Козлова, Гришина, 2019], так и в присущих человеку способах реагирования на изменяющиеся ситуации [Битюцкая, Базаров, 2019].

3. Вариативность в способах реагирования человека на изменения ситуации связана с ее особенностями, оценка которых индивидом лежит в основе выбора

им соответствующей стратегии поведения. Значимым критерием этой оценки является оценка возможностей и ограничений, предоставляемых контекстом. Эта оценка выносится индивидом на основе соотнесения характеристик ситуации со своими целями и интересами, которые интегрируются индивидом в его будущих возможных Я.

4. Соотношение устойчивого и изменчивого в поведении человека отвечает его поиску оптимального для себя способа взаимодействия с окружающим миром, при этом необходимость адаптации к изменяющейся ситуации может становиться вызовом к его идентичности и приходить в противоречие со стремлением человека к аутентичности. Исследования в области «быть настоящим» — устойчивой тенденции личности действовать во внешнем мире в соответствии со своими внутренними чувствами и убеждениями, без учета личных и социальных последствий — говорят о необходимости уточнения понятия аутентичности как соответствия своим личностным чертам или соответствия требованиям ситуации.

1. Гришина Н.В., Манукян В.Р., Муртазина И.Р., Аванесян М.О. Самоизменения личности: проблемы, модели, исследования. СПбГУ, 2022.
2. Roberts M., Gibbons F., Gerrard M., Klein W. Individual differences in situation awareness // The Journal of Social Psychology. 2015. No. 155. P. 143–162.
3. Козлова Ю.В., Гришина Н.В. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» — дискурсивные представления и представления обыденного сознания: сравнительный анализ // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н.В. Гришиной. СПбГУ, 2019. С. 185–220.
4. Битюцкая Е. В., Базаров Т. Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения // Вопросы психологии. 2019. No 3. С. 94–106.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00871

Гусельцева М.С.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Психология ценностей и аксиологическое пространство социализации личности

Трансдисциплинарный подход, психология ценностей, личность, современный мир, аксиологическое пространство социализации

Изучая личность в современном мире, психология все чаще производит свои исследования в едином поле социального знания [5]. Релевантным исследовательским инструментом становится здесь трансдисциплинарный подход, объединяющий изучение ценностей, личности, общества и культуры [1].

Трансформации ценностей, оказывающие латентное влияние на развитие личности, происходят как на индивидуальном, так и надиндивидуальном уровнях. Изменения ценностей на индивидуальном уровне обусловлены приобретаемым жизненным опытом, социальными взаимодействиями, образовательными воздействиями и профессиональной социализацией, а также процессами самоконфронтации и саморефлексии. На надиндивидуальном уровне такими подспудными факторами являются общая социокультурная ситуация, создаваемые СМИ репрезентации ценностей, рост социальной мобильности и публичные конфликты, деятельность корпораций и общественных организаций [3].

Ценностные приоритеты личности выступают предпосылками ее поведенческих стратегий, субъективных предпочтений и политического выбора [3]. Следует отметить, что ценности не только интернализируются, но и создаются самой личностью, чему в социогенетических подходах психологии не всегда уделялось должное внимание. Иной важной для текущих исследований проблемой выступают социокультурные ситуации, в которых индивидуальные ценности личности вступают в противоречие с надиндивидуальными ценностями общества, а также возможные траектории личностного развития в таких обстоятельствах.

Один из ведущих исследователей в этой области Г.Р. Мэйо исследует ценности применительно к поведению, специализируясь на изучении тех психологических процессов, которые помогают людям соотнести ценности и действия. Ценности здесь –абстрактные идеалы, которые люди считают важными. Однако на то обстоятельство, станут ли ценности личности основанием ее будущих действий, огромное влияние оказывает такое психологическое качество как саморефлексивность: если люди имеют привычку размышлять о своих ценностях, вероятность того, что эти ценности будут реализованы в поступках, становится гораздо выше [4].

В свою очередь, исследования К. Шатене показывают, что едва ли не в каждом, даже наиболее благополучном обществе существуют предпосылки для актуализации негативистских и тоталитарных идеологий [3]. Это делает особенно важной профилактическую работу в области позитивной социализации подрастающих поколений.

В этой связи нами вводится и обосновывается конструкт — аксиологическое пространство социализации. Конструкт объединяет как целенаправленные воздействия на личность со стороны социального окружения и образовательных институтов, так и рассредоточенные, скрытые влияния, обусловленные трансформациями повседневности и меняющегося образа жизни. В современном российском обществе социологами фиксируется до 20% «модернистов» и 10% «традиционалистов» среди молодежи, тогда как большинство являет «смешанные типы» [2]. Латентная система ценностей не только с трудом диагностируется исследователями, но зачастую не отрефлексирована и самим субъектом. Одним из продуктивных инструментов ее обнаружения является культурно-психологический анализ повседневной жизни [1].

1. Гусельцева М.С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
2. Кошарная Г.Б., Рожкова Л.В. Ценности модерна в ориентациях современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. No 1(17). С. 64–76.
3. Шатене К. Психология ценностей. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
4. Maio G. R. The psychology of human values. London: Psychology Press, 2017.
5. Van Lange P.A.M. (ed.). Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches. Mahwah: Erlbaum, 2006.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-18-00140

Доценко А.Е., Зиновьева Е.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

К вопросу об изучении опыта переживания психотравмирующих ситуаций и жизненной успешности личности

Опыт, переживание, травмирующая ситуация, жизненные события, жизненная успешность

Изучение опыта переживания трудных жизненных ситуаций является одной из актуальных проблем современной научной и прикладной психологии в условиях интенсивной глобализации, обострения политических, военных конфликтов, а также эпидемиологической обстановки. В то же время существуют методологические трудности, связанные с теоретическими понятиями такого рода исследований и их операционализацией. Так, категория «опыт» является примером глубокой и длинной истории в философии и психологии, с одной стороны, и до конца неизученным и неопределённым конструктом без чёткой структуры, понятных механизмов и наполненного содержания, — с другой (М.А. Холодная, 2019). На сегодняшний день категория «опыт» рассматривается в двух значениях, которые условно можно обозначить как «познавательный опыт» и «субъективный опыт». В первом случае во главу угла ставится непосредственно процесс получения, накопления и обработки информации о мире (М.А. Холодная, 2019). Нас же интересует в большей степени второе значение, где раскрывается роль самого человека, субъекта, который активно перерабатывает опыт, устанавливает и оценивает его результаты, самостоятельно определяет условия своего жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, 2011). В рамках событийного подхода С.Л. Рубинштейна большее значение уделяется событиям, приобретающим субъективное значение и побуждающим личность к изменению своего жизненного пути. Предложенное автором понятие «человек как субъект жизни» раскрывает идею об активном человеке, который сам определяет условия жизни, находит способы справиться с решением жизненных трудностей и ситуаций. В связи с этим, актуальными становятся понятия «переживание», «смыслы», «жизненные события», «критические ситуации», позволяющие рассматривать жизнь человека как цепь событий, отражающих субъективную картину мира, формирующих его жизненный опыт.

Что касается понятия травмирующая ситуация, то она сопрягается с синонимичными понятиями «критическая ситуация», «чрезвычайная ситуация» и в основном рассматривается в контексте острых кризисных ситуаций, которые нарушают привычный уклад жизни человека и целостность самого субъекта (Н.В. Тарабрина, 2009). Однако в имеющихся на сегодняшний день исследованиях не до конца установлена роль самого субъекта в переживании травмирующих ситуаций: от каких факторов зависит, будет ли ситуация восприниматься человеком как травмирующая или нет? И почему для одного человека, она носит разрушительный характер, а другой не воспринимает её таковой и способен

совладать с последствиями этого воздействия. К тому же, не каждая критическая ситуация обязательно становится травмирующей, в связи с чем актуальным становится вопрос операционализации данных конструктов.

От того, как человек воспринимает, интерпретирует и переживает то или иное психотравмирующее событие, ассимилирует новый опыт, зависит будет ли он успешным и вовлечённым в выстраивание своего жизненного пути или переживание травмирующей ситуации станет препятствием для реализации жизненных задач. В связи с этим, на наш взгляд, важно обратиться к такому понятию как «жизненная успешность», которое С.Ю. Ключников (2003) рассматривает как интегративное психологическое образование в системе регуляции личности. Кроме того, в имеющихся на сегодняшний день исследованиях отмечается роль отдельных компонентов жизненной успешности в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями, в осмыслении происходящего и поиске новых смыслов (О.Н. Истратова, И.А. Кибальченко, 2017). Данный конструкт отражает основные ценностные ориентиры и стратегии жизни личности, является основой для самоопределения, трансформации личности и её опыта, в том числе и травматичного.

Однако открытым остаётся вопрос об обратном механизме взаимодействия конструктов «травмирующая ситуация» и «жизненная успешность»: влияет ли опыт переживания на способность адаптироваться к новой реальности, быть активным, быть автором жизни и продолжать создавать свой уникальный жизненный путь с учётом полученного опыта.

1. Кибальченко И.А. Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: теоретические основы / И.А. Кибальченко, Т.В. Эксакусто, О.Н. Истратова // Таганрог, Изд-во ЮФУ. — 2017. — 160 с.
2. Ключников С.Ю. Философия успеха: гносеологический анализ. — Дис. … канд. филос. наук. М, 2003. — 145 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2011. — 713 с.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 334 с.

Зиновьева Е.В., Кузнецова Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Ценностные послания, транслируемые лидерами мнений в цифровой среде: гендерный аспект

Лидер мнения, цифрововое пространство, гендер, ценностные послания

В настоящее время цифровое пространство постепенно становится основным пространством, в котором реализуют свою жизненную активность современные молодые люди. В связи с этим, особенный интерес представляет изучение отдельных пользователей сети Интернет, которые становятся «центром притяжения» для других. Они могут быть не только источником различной информации, но и моральными ориентирами, влияющими на мнения и настроения молодых людей. Таких представителей цифрового пространства принято называть лидерами мнений в цифровой среде (Кузнецова, Зиновьева, 2020). Однако, что именно транслируют лидеры мнения, что становится востребованным у молодых людей и интегрируется ими в свою систему ценностей (или согласуется с тем, что есть), является «слепым пятном» для исследователей.

Целью нашего исследования стало выявление ценностных посланий лидеров мнений в социальной сети YouTube с учетом гендерной принадлежности. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе посредством опроса выявлялись популярные среди молодежи блогеры — лидеры мнений. Было выявлено 10 блогеров-мужчин и 7 блогеров-женщин, всего 17 человек. На втором этапе были выделены транслируемые ими ценностные послания. Под ценностными посланиями мы рассматривали утверждения, отражающие мнение блогеров об основных сферах жизни, в которых подчеркивалась, что оно важно для них. Нас интересовали ценностные послания, касающиеся профессиональной сферы, сферы отношений и сферы образа жизни (lifestyle). Ценностные послания выделялись нами в ходе просмотра контента, предлагаемого блогерами для своих пользователей, а также посредством изучения интервью, проводимых с этими персонами. Для обработки данных использовался контент-анализ. Анализировались речевые отрезки (цитаты-послания, адресованные своей аудитории), в которых выявлялись имплицитные и эксплицитные ценности лидеров мнений, и метод экспертной оценки. Учитывалась широта представленности послания (как много блогеров транслирует это ценностное утверждение) и частота цитирования каждым автором (как часто это послание транслируется блогерами). Общие по смыслу цитаты были переформулированы в обобщенное утверждение. Если конкретная цитата повторялась всеми, она также бралась в качестве обобщенного утверждения. Полученный список утверждений проходил процедуру экспертной оценки, в которой участвовали психологи и лингвисты (8 человек).

Было проанализировано 568 цитат. Наибольшее число цитат относилось к профессиональной сфере (230 цитат), меньше — к образу жизни (211 цитат), и теме отношений (127 цитат). Всего было сформулировано 37 посланий: 12

о профессиональной деятельности, 11 — об отношениях, и 14 о жизненной позиции. То есть, чаще блогеры транслируют свое мнение о том, как выстраивать профессиональный путь, на что ориентироваться, что является целями и успехом.

Сравнительный анализ между блогерами-мужчинами и блогерами-женщинами не выявил различий по профессиональной деятельности, но выявил различия по сфере образа жизни. Так, женщины чаще говорят о том, что «у человека должна быть свобода делать со своей внешностью и телом все, что хочется» ($p \leq 0{,}001$), а также «Важно делиться с людьми тем, что ты считаешь ценным для себя» ($p \leq 0{,}001$). Мужчины, чаще транслируют, что «Нужно быть честным с самим собой и другими» ($p \leq 0{,}001$). В сфере отношений женщины часто транслируют ценности равноправия ($p \leq 0{,}001$) («Между мужчинами и женщинами должно быть равноправие») и ценности свободы ($p \leq 0{,}001$) («В отношениях у каждого должна быть свобода»). Мужчины чаще говорят о любви ($p \leq 0{,}001$) («Для отношений важна любовь») и интимности ($p \leq 0{,}001$) («Отношения не нужно выставлять напоказ»).

В целом мы можем говорить о том, что женщины чаще транслируют ценности, направленные на изменение социальных гендерных устоев, тогда как мужчины демонстрируют более консервативные ценности.

1. Кузнецова Е.А. Зиновьева Е.В., Психологические аспекты определения и изучения лидеров мнений в цифровой среде // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. № 5. Т. 8.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00738

Корнилова А.П., Скиртач И.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности взаимосвязи копинг-стратегий и творческого потенциала личности молодых людей с ПТСР

Творческий потенциал, креативность, копинг-стратегии, совладающее поведение, посттравматическое стрессовое расстройство.

Введение. В современной действительности с её динамичным темпом жизни актуальным становится изучение проблемы совладающего поведения личности, в том числе, копинг-поведения. На настоящий момент внимание психологов сфокусировано, по большей части, на обнаружение тех ресурсов личности, которые необходимы для адекватного совладающего поведения, приводящего к снижению риска дезадаптации или к полной адаптации человека [2]. Более того, известно, что психологические травмы могут привести к развитию посттравматического расстройства в 25-35% случаях, а 60% людей всё ещё продолжают страдать от его симптомов в 60% случаев [1]. Многие исследователи отмечают, что креативность позволяет эффективно справляться с трудностями, а люди с высоким творческим потенциалом склонны к использованию разнообразных копинг-стратегий [3,4].

Цель: установление предпочитаемых копинг-стратегий у молодых людей с признаками ПТСР с разным творческим потенциалом личности. Гипотезы: существуют различия в предпочитаемых копинг-стратегиях у лиц с признаками ПТСР с разным уровнем творческого потенциала. Существует связь между креативностью и творческим потенциалом и реализуемыми копинг-стратегиями. Предмет: копинг-стратегии, уровень креативности. Выборка: 31 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет.

Результаты исследования. Анализ связей исследуемых характеристик при помощи корреляционного анализа Кендалла позволил выделить наличие достоверно значимой тенденции к связи между креативностью и эвристичностью ($\tau = 0{,}28$; $p \leq 0{,}5$), новаторством ($\tau = 0{,}27$; $p \leq 0{,}5$), конкурентоспособностью ($\tau = 0{,}39$; $p \leq 0{,}5$) и революционерством ($\tau = 0{,}28$; $p \leq 0{,}5$). Интересным представляется достоверно значимая тенденция к связи между показателями по шкале ПТСР и энергичностью ($\tau = 0{,}35$; $p \leq 0{,}5$), и революционерством ($\tau = 0{,}25$; $p \leq 0{,}5$).

Выводы. Различий в предпочитаемых копинг-стратегиях у людей с разным творческим потенциалом выявлено не было. В целом, люди с более высоким творческим потенциалом оценивают себя такими качествами, которые характерны для адаптивной и активной личности. Существует тенденция к связи между показателями выраженности ПТСР и определёнными качествами, которыми респонденты себя характеризуют.

Заключение. Таким образом, связей между креативностью и предпочитаемыми копинг-стратегиями выявлено не было, однако результаты эмпирического исследования показали, что более креативные молодые люди склонны наделять себя такими качествами, как эвристичность, новаторство, конкурентоспособ-

ность и революционерство. Это можно назвать характеристиками активной личности, и использовать опору на них в работе с травматичными переживаниями. Вместе с тем, была выявлена достоверно значимая тенденция к связи между показателями шкалы ПТСР и такими качествами, как энергичность и революционерство, что, как предполагается, может быть связано с более частым попаданиям в рискованные ситуации людей подобного склада. Однако для данного утверждения требуется продолжение исследования на представленную тему.

1. Brillon P. Comment aider les victimes souffrant de stress post-traumatique — Montréal (Québec): Les Éditions Québec-Livres, 2013. — 456 с.
2. Крюкова Т.Л. Петрова Е.А. Семейные ресурсы совладающего поведения: значение прародителей и предков // Психология и практика: Сб. науч. статей, 2006.
3. Мирославский Ю.А. Саморегуляция и творческая активность личности // Вопросы психологии. 1998.
4. Хазова С.А. Помогает ли креативность справляться с трудностями? // Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. ст., 2012.

Луцик М.Ю., Костромина С.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Онтологическая безопасность в условиях множественности Я

Я-позиция, онтологическая безопасность, множественное Я, целостность

В настоящее время всё чаще отмечается, что человек является носителем множественной идентичности, различных Я, творчески объединяя их в свою личность [3]. Его внутренней идеологией становится радикальный плюрализм [4]. Помимо этого, склонность психологов к осмыслению Я, как множественного, заключается в том, что ситуация транзитивного общества, представляет человека погруженным в поток постоянных изменений, как себя, так и своего окружения, что ведет к необходимости различных Я-позиций для адаптации, которые и составляют множественность Я [2]. Тем самым, психологический дискурс характеризуется кризисом тоталитарной структуры, переходом к децентрализированному Я состоящему из внутреннего пантеона Я-позиций [1].

Несмотря на возрастающее количество эмпирических фактов, указывающих на множественность и динамичность нашего Я, у человека есть онтологическое требование, необходимость в ощущении единства и целостности своего Я [5]. Это ведет к основному противоречию и проблеме исследования: как возможно переживание целостного и устойчивого Я в условии его множественности? И какие особенности взаимодействия Я-позиций обуславливают переживание онтологической безопасности?

В теоретическом исследовании, направленным на разрешение этих вопросов, было установлено, что в качестве основного критерия переживания целостного Я, выделяется конструкт доминирующей Я-позиции, которая опосредует взаимодействие других Я. При изменении ситуации/появлении новой потребности, которую актуальное Я не может удовлетворить, оно вступает в диалог с другой Я-позицией, привлекая ее для совладания с ситуацией [1]. Если привлеченная Я-позиция способствует разрешению ситуации, она может закрепиться в роли адаптивной и необходимой, тем самым, закрепляясь в системе личности.

Помимо доминирующей Я-позиции выделяются следующие феномены, которые ведут к переживанию расщепления Я, отсутствию его целостности и нарушению чувства онтологической безопасности: отсутствие актуальной, Я-позиции, метаимпликатора, с которым возможна идентификация и; жесткие границы Я-позиций, не позволяющие вступать в диалогичные отношения с другими Я, что выражается в их низкой связанности.

Тем самым, Я состоит из множества позиций, значащихся субъектами внутреннего диалога [5]. Они являются несовпадающими, иногда даже противоположными, что позволяет им быть ресурсными и актуализироваться при возникновении различных ситуаций. Именно их процессуальное изменение и взаимодействие позволяет переживать целостность Я, несмотря на его феноменологическую множественность.

Однако внутренние механизмы взаимодействия Я-позиций требуют дальнейшего эмпирического изучения, что позволит выявить их основные формы отношений, которые позволяют переживать Я как целостное и сохранять чувство онтологической безопасности.

1. Džinović V. The Multiple Self: Between Sociality and Dominance / Journal of Constructivist Psychology — 2020, P. 1-19.
2. Аванесян М.О, Баканова А.А., Гришина Н.В. и др. Психология личности: Пребывание в изменении / Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. — 576 с.
3. Березкина, А. А. Множественная идентичность личности: социально- психологический аспект / А. А. Березкина, Ю. А. Ильина // Вопросы философии, политологии и социальной антропологии — 2020. — № 2(12). — С. 57-62.
4. Гречко П. К. Идентичность — современные перспективы / Ценности и смыслы. — 2009. — № 2 — С. 38-53.
5. Трунов, Д. Г. Модели концептуализации множественности “Я” / Д. Г. Трунов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 20(201). — С. 22-25.

Маргевич В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Представленность альтернативных жизненных выборов в автобиографии личности в связи с субъективным психологическим благополучием

Потерянные возможные Я, альтернативная жизненная история, психологическое благополучие, автобиография личности, исследовательское интервью, качественное исследование.

Традиционно жизненный выбор рассматривался как «развилка», пройдя которую, человек оставляет невыбранные варианты в прошлом. В современных исследованиях все больше внимания уделяют категориям не свершенного, но возможного [1]. Качественный анализ автобиографий показывает, что, помимо основной жизненной истории, существуют альтернативные истории, которые представляют собой нереализовавшиеся или отвергнутые возможности прошлого [2]. Выбирая определенную альтернативу, человек оставляет прочие варианты в качестве «возможных для себя в будущем или же полностью теряя их во времени. Некоторые из шансов не реализуются никогда, но продолжают сохраняться в индивидуальном сознании как значимые для человека "спящие" интенции, некоторые в силу их "уже-неосуществимости" переходят в план "выдуманных жизней", "легенд о себе", внутренних реальностей» [3]. Эти возможные Я, хоть и не реализованы в настоящем, но являются носителями основных ценностей, мотивов и устремлений индивида, а также опасений и угроз (возможные Я могут включать не только желаемые, но и избегаемые альтернативы), играя важную роль в оценке себя и своего положения. Так, при оценке себя люди обычно учитывают не только прошлые и нынешние состояния, но и собственный потенциал: кем я хочу стать, а кем стать опасаюсь, что меня беспокоит, что для меня важно, кем я мог бы стать и т.д. Феномен возможных Я содержит представления разных временных модальностей — не только прошлого, но также настоящего и будущего.

Таким образом, мы предполагаем, что важным фактором психологического благополучия личности являются выраженность и характер альтернативных историй. Возникновение альтернативных жизненных историй обычно связано с так называемыми переломными моментами жизни, нарушающими ее непрерывность и определяющими дальнейшее содержание жизненного сценария. Зачастую такими переломными моментами выступают жизненные выборы, поэтому именно на них в данном исследовании мы и решили сосредоточить свое внимание.

Цели исследования: теоретический анализ феномена альтернативных жизненных выборов; описание и категоризация способов репрезентации жизненных выборов и их альтернатив в автобиографии личности; изучение связи между параметрами жизненных выборов и их альтернатив и компонентами психологического благополучия. Объем выборки — 30 человек в возрасте от 21 до 45 лет,

из них 11 мужчин и 19 женщин, выборка отбиралась по доступности. Основной метод исследования — полуструктурированное интервью; с целью изучения феномена в контексте автобиографии в целом, в качестве основы для интервью была использована методика «Линия жизни». Для измерения психологического благополучия используются опросник психологического благополучия К. Рифф и тест на самоуважение М. Розенберга.

В результате качественного анализа интервью были выделены основные параметры альтернативных жизненных выборов, дополнена типология альтернативных жизненных историй М.О. Аванесян [2]. Далее полученные данные будут верифицированы методом избирательной проверки, будет проведен корреляционный анализ.

1. Гришутина, М. М., Костенко, В.Ю. Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов// Вестник СПб. ун-та. Психология.— Т. 9.— Вып.3, 2019.— С. 268–279.
2. Аванесян М. О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 4.
3. Сапогова Е.Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании /Е.Е. Сапогова//Психологическая служба. -2003. -№ 2. -С. 88-102.

Медведев Б.П., Петровский В.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Имплицитные теории демаркации Я и не-Я

Я, не-Я, демаркация, психологическая дистанция, имплицитные теории

В современном психологическом дискурсе проблема демаркации Я и не-Я не представлена явно. Чаще вопрос о принципах этого разграничения возникает как практический (например, в рамках психотерапевтического процесса), где ответ на него будет иметь реальные последствия. В этом контексте уместно смотрятся концепции, утверждающие, что каждый человек сам конструирует Я и не-Я [1]. При этом можно предположить, что имплицитные теории (то, как люди сами разделяют Я и не-Я) заключают в себе закономерности, изучение которых может стать основой для разработки различных психологических практик. С целью их поиска было проведено данное качественное исследование.

Метод сбора данных: полуструктурированное интервью.бВыборка: 15 человек, 12 мужчин, возраст: от 20 до 28 лет (M = 24.6, SD = 2.8). Для выявления как изменчивых, так и устойчивых элементов имплицитных теорий демаркации у респондентов, интервью с каждым проводились дважды, с перерывом в полтора года. Анализ данных проводился методом рефлексивного тематического анализа, позволяющим выявлять и анализировать информацию о закономерностях (темах) в наборе данных.

После транскрипции интервью и проведения первичного кодирования данных, нами были получены следующие результаты:

Для ответа на 1-й исследовательский вопрос — Каким значением для личности обладает возможность разграничивать Я и не-Я? (например: «Бывают ли в обычной жизни ситуации, в которых Вы разделяете Я и не-Я?») — были извлечены латентные темы и подтемы:

1) Адаптационное значение

1.1) Распределение своих ресурсов («решить, за что несу ответственность»)

1.2) Отношения («презентовать, описывать себя»)

1.3) Ориентирование («не врезаться, ориентирование в мире»)

2) Экзистенциальная значение

2.1) Индивидуализация («понять, кто я, как я поступаю, а как — нет»)

2.2) Трансценденция («позволяет мне растворять эти границы»)

Для ответа на 2-й исследовательский вопрос — На основании чего и как происходит процесс демаркации Я и не-Я? (например: «Как Вы сами понимаете, что такое Я (не-Я)?») — были извлечены латентные темы:

1) Интеллектуальные критерии («границы моего тела») — опора на сформулированные самостоятельно понятия «Я» и «не-Я», четкое их разграничение.

2) Чувственные критерии («чувство близости») — опора на переживание субъективной удаленности феномена — психологическую дистанцию [2], градиентное разграничение («скорее Я, но немного и не-Я»).

В ходе анализа полученных результатов, мы выделили типичные пересечения различных тем и сравнили их изменчивость для каждого респондента при повторном интервьюировании. Выделенные типичные закономерности взаимосвязей тем у респондентов при разделении Я и не-Я, образуют три типа имплицитных теорий демаркации Я и не-Я:

1. Дистанционные — свойственно преобладание чувственных критериев демаркации, которые оставались сравнительно неизменными по прошествии полутора лет. Более выражено экзистенциальное значение демаркации. Представленность среди респондентов творческих профессий (режиссер, музыкант).
2. Понятийные — преобладание интеллектуальных критериев демаркации, существенно изменчивых (даже в рамках одного интервью). Более выражено адаптивное значение демаркации.
3. Интегративные — характеризуется осознанием возможности произвольного выбора вида критерия: интеллектуальный — для ситуаций с адаптивной значимостью демаркации, чувственный — для ситуаций с экзистенциальной значимостью. Респонденты из этой группы отмечали роль практик осознанности и медитаций в формировании своего представления о разделении Я и не-Я.

Основным ограничением исследования являлась гомогенность выборки (все респонденты имеют высшее образование). Для развития исследования необходимо включение в выборку представителей других социальных групп. Многообещающим представляется переход к кросскультурному исследованию.

1. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 504 с.
2. Trope, Y., Liberman, N. Construal-level theory of psychological distance // Psychological review, 2010, 117(2), pp. 440–463.

Морозова А.В., Мироненко И.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Виртуальная идентичность блогера как ресурс самоидентификации и смыслообразования личности

Онлайн-идентичность, блогер, миссия блогера, самоидентификация, ценности, смысл, самопрезентация, жизненное пространство.

Каждый блог является платформой для формирования виртуальной идентичности блогера, а также ресурсом вариативности кибер-пространства, как генеративной системы, в контексте эволюционного развития человечества в мире конвергентности социально-политических, культурных и информационных структур [1]. Каждому необходимо выстроить свое пространство, встать над полем, без чего невозможно ни выстроить барьеры, ни преодолеть их [3]. Блогер повседневно выстраивает свое жизненное пространство в реальном мире и сети Интернет для достижения своих целей в цифровом, а как следствие реальном мире.

Актуальность исследования обусловлена ростом места и значения «цифрового образа жизни» в современной культуре. Так, во время всемирной пандемии люди массово были вынуждены перейти на цифровой формат профессиональной деятельности и личного общения, многих подобное резкое расширение личностного пространства и нахлынувших потоков информации привело к фрустрации и потере самоидентификации. Мы полагаем, что изучение деятельности блогеров позволит наметить способы адаптации человека к современному цифровому образу жизни, который многие ведут вынужденно, не имея необходимых умений саморегуляции и самосбережения.

Проведено пилотажное исследование методом глубинного интервью, в котором приняли участие 30 блогеров разных профессий, разного возраста, разного социального статуса, уровня образованности и социальной ответственности, кто создает блоги на совершенно разные темы для различных целей, например, создания сообщества единомышленников, продажа услуг и товаров, продвижение личного бренда, развлечение и др. Предметом обсуждения был жизненный путь блогера от момента идеи создания блога до настоящего времени, а также его ежедневная активности по созданию контента личного блога. Цель пилотажа — выявить основные мотивы деятельности блогеров, преследуемые осознанные и частично осознаваемые цели, среди которых выделяются удовлетворение потребностей в социализации и близких отношениях, потребности в признании и ощущении собственной значимости. Результаты позволяют также предположить, что деятельность блогера в числе прочих мотивов, направляется специфическим смысловым образованием, частично осознаваемым, которое мы назвали «миссией» блогера.

Результаты нашего исследования показывают, что «миссию» блогеров определяет степень осознания и субъективная значимость для личности своей деятельности, общее представление о значимости своей деятельности для окружающих,

представление масштаба своего влияния (в разрезе охватываемого сообщества), преследуемые цели влияния, средства, используемые для оказания воздействия на аудиторию и осознанность их использования.

Глубинная потребность в единении с другими индивидами заставляет блогера находить новые аспекты ценности собственных знаний, опыта, деятельности и делиться ими со своей аудиторией. Подобная регулярная деятельность и обратная связь аудитории формируют новые направления мотивации к личностному и профессиональному развитию и активной деятельности по созданию нового контента. Если блогер научается запрашивать у своей аудитории обратную связь, осознает результаты своей онлайн активности, понимает степень своего влияния на других, он начинает более детально и масштабно формулировать для себя свою главную цель, миссию в большем масштабе и протяженности.

1. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство // Вопросы психологии. 2019. №4. С. 1-26.
2. Марцинковская Т.Д. Психология пространства: от вселенной до личности, от экосферы до экзисферы // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под редакцией Гришиной Н.В., Костроминой С.В. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2020. С. 63-99.

Москвичева Н.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Исследования личности в цифровом пространстве: особенности и перспективы

Личность, цифровое пространство, совладание, нарциссизм

В последнее десятилетие в психологии наблюдается рост интереса к исследованиям личности в цифровом пространстве. Первоначально оно представлялось в научном дискурсе как особое поле проявлений личности, отделенное от реальной жизни. Сегодня, с вхождением цифровых технологий в повседневную жизнь людей, исследования уже строятся на основе понимания, во-первых, единства и взаимосвязи «реального» и «цифрового» существования личности, и во-вторых, необходимости исследования специфики последнего. Отдельные аспекты того, как человек выстраивает свое психологическое пространство в цифровой среде, исследовались в ряде магистерских работ 2020-2021 года под нашим руководством.

В работе, посвященной исследованию переживания личностью цифрового стресса (выполнена Пожарской А.Е.), использовались методы: полуструктурированное интервью, «Шкала воспринимаемого стресса» (адаптация В. А. Абабкова и др.); опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптациия Т.Л. Крюковой и др.), выступивший также основой контент-анализа. Выборка (n=64) включила 42 женщины, 22 мужчины, средний возраст 25,3±1,3. Наиболее стрессовыми компонентами цифровой среды респонденты посчитали перегрузку информацией; тревогу одобрения и постоянную доступность. Страх «упустить информацию» оценивался как наименее стрессовый, что можно объяснить постоянным погружением респондентов в поток информации в период пандемии. Качественный анализ подтвердил предположение о специфике использования присущих личности копинг-стратегий в цифровом пространстве. Так, сдерживающая функция цифровой среды проявляется в том, что личность в интернете, в сравнении с обычной жизнью, реже прибегает к какой-либо стратегии (например, конфронтации) ввиду публичности своих действий, отсроченной коммуникации и др. Помогающая функция увеличивает вероятность использования стратегий, становящихся в цифровой среде более удобными и доступными (поиск социальной поддержки, бегство-избегание, планирование решения проблемы). Разнонаправленная функция проявляется и в более частом, и в более редком использовании определенных стратегий в цифровой среде (принятие ответственности, самоконтроль и др.), что может объясняться опосредующим влиянием других переменных, например, личностных качеств респондентов. Это было показано в работе, направленной на изучение поведения в социальной сети молодых мам (выполнена Семиной Е.В., n= 62, средний возраст 32,7±2,1). Методы: контент-анализ личных страниц женщин, методика PARI (адаптация Т. Нещерет), дифференциальный опросник переживания одиночества (Е.Н. Осин,

Д.А. Леонтьев), опросник «Нарциссические черты личности» (О. Шамшикова, Н. Клепикова).

Показано, что выраженность нарциссических черт прямо связана с частотой презентации в социальной сети положительного образа себя как матери, а также успехов ребенка (все связи значимы на уровне $p \leq 0,05$). Так, количество постов с упоминанием самопожертвования в роли матери прямо коррелирует с верой в собственную уникальность; количество постов об экзистенциальных переживаниях (конечности бытия, ответственности) прямо связано с потребностью в восхищении и внимании, т.е. могло побуждаться демонстративными мотивами. Однако, матери, переживающие проблемное одиночество, реже других обозначают свое одиночестве в сети ($p \leq 0,05$). Полученный результат может быть связан как с действием защитных механизмов личности, так и с нормами, принятыми в конкретной социальной сети. Следует учитывать, что матери, которые делятся переживаниями в социальных сетях, действительно меньше чувствуют одиночество, так как получают поддержку от других пользователей.

Приведенные результаты подтверждают, с одной стороны, единство проявлений личности в разных жизненных контекстах, а с другой, позволяют наметить дальнейшие перспективы исследования личности в плане предоставляемых цифровой средой возможностей.

1. Психология личности: Пребывание в изменении /Коллективная монография под ред. Гришиной Н. В. — СПб, изд-во СПбГУ, 2019.

Нартова-Бочавер С.К.
Москва, НИУ ВШЭ

Аутентичность личности и моральные мотивы

Аутентичность, экзистенциальная психология, личностно-центрированный подход, экзистенциальная психология, психология субъекта

Аутентичность личности — это верность себе, своему истинному я (true self) — индивидуальности, жизненному пути, предназначению. Традиционно аутентичность личности изучается во внутриличностном пространстве, с точки зрения самоэффективности и психологического благополучия. Остается малоисследованным вопрос о том, связана ли аутентичность с ценностным отношением к внешнему миру, выполняя не только адаптирующую, но и «облагораживающую» роль [3; 4].

Для ответа на этот вопрос нами было проведено исследование связи между разными показателями аутентичности и моральными мотивами. Аутентичность изучалась в контексте трех парадигм: личностно-ориентированного подхода К. Роджерса [2], экзистенциальной психологии [5] и психологии субъект [3]. Независимая переменная была представлена Моделью моральных мотивов (МММ) Р. Янофф-Бульман [1]. Исследование имело корреляционный план. Выборку составили 430 респондентов (Mage = 19,2, SDage = 1.2, 342 женщины). Использовалось четыре стандартизированных опросника. Для независимых переменных применялись отвечающие перечисленным парадигмам опросники: Шкала аутентичности А. Вуда и др. (показатели — Аутентичная жизнь (Authentic living), отсутствие Принятия внешнего влияния (Accepting external influence) и Самоотчуждения (Self-alienation)) [2], Опросник аутентичности М. Кернеса и Б. Голдмана (показатели: Осознанность (Awareness), Непредвзятость (по отношению к себе) (Unbiased processing), Поведение (Behavior) и Отношения (Relational orientation)) [5] и Московская шкала аутентичности Резниченко С.И. и Нартовой-Бочавер С.К. [3], включающая один общий показатель, отражающие субъективное соответствие образа себя природе, призванию и пространственно-временным обстоятельствам своей жизни. Для изучения зависимой переменной использовалась Модель моральных мотивов (МММ) [1], включающая шесть мотивов: помощь, непричинение вреда, усердие, социальный порядок, социальная справедливость и самоограничение.

Для каждого из моральных мотивов, за исключением самоограничения, была построена регрессионная модель. Наиболее сильные модели получены для мотивов помощи и непричинения вреда. Мотив помощи предсказывается Отношениями, Поведением и Московской шкалой. Мотив непричинения вреда предсказывается Отношениями и полом (выше у девушек). Мотив социальной справедливости неожиданно предсказывается Самоотчуждением и отношениями (выше у девушек). Мотив социального порядка предсказывается Самоотчужде-

нием и Московской шкалой. Мотив усердия предсказывается Самоотчуждением, Осознанностью и Отношениями.

Полученные модели не очень сильны (R2 варьирует от 0,04 до 0,20); более того, неожиданно именно отсутствие аутентичности (самоотчуждение) оказалось довольно сильным предиктором. Полученные данные требуют осторожной интерпретации. Стоит также заметить, что парадигма субъектного подхода и экзистенциальной психологии проявляют себя более ярко на российской выборке, по сравнению с клиент-ориентированной парадигмой.

1. Janoff-Bulman, R., & Carnes, N. C. (2013). Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities. Personality and Social Psychology Review, 17(3), 219-236.
2. Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J. The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture // Frontiers in Psychology. — 2021 — 11. -- 3762.
3. Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Irkhin, B. D. (2021). Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. Psychology in Russia, 14 (3), 81-102.
4. Strohminger, N., Knobe, J., & Newman, G. (2017). The true self: A psychological concept distinct from the self. Perspectives on Psychological Science, 12(4), 551–560.
5. Нартова-Бочавер С. К., Корнеев А. А., Резниченко С. И. Краткая версия Опросника аутентичности Керниса–Голдмана: адаптация в России // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3 (в печати)

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00262

Одинцова М.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Самоотношение как маркер самодетерминации в выборе жизненной модели молодежью

Самоотношение, самодетерминация, саморуководство, жизненная модель, молодежь

Самодетерминация определяется, как способность личности действовать непредсказуемым образом, не поддаваясь внешнему давлению, однако согласованно с логикой собственных долгосрочных интересов и ценностно-смысловых ориентаций [1]. Как механизм реализации свободы выбора самодетерминация с одной стороны, выступает одним из способов выстраивания отношений с окружающим миром, а с другой — движима личностными процессами. Нашей задачей стала попытка определить место и особенности самоотношения в концептуальных структурах самодетерминации в условиях развертывания определённого жизненного сценария, жизненной историей [2,3].

Эмпирическое исследование проводилось с использование тест-опросника самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев); полуструктурированного интервью «Жизненные модели»; опросника экзистенциальных мотиваций «ТЭМ»; опросника Ш. Шварца. Все выбранные методики опираются на базовые потребности самодетерминации: автономии, компетентности и связанности [1]. Выборку составили 166 человек, в возрасте 18-27 года. Обработка результатов проводилась с использованием описательных статистик, кластерного, факторного и дискриминантного анализов. Данные, полученные по методикам были факторизованы, а выделившиеся 8 функций включены в дискриминантный анализ как независимые переменные. В качестве сравниваемых групп в дискриминантном анализе были взяты выявленные в ходе кластерного анализа типы жизненных моделей («Противоречивый»; «Активные и целеустремленные»; «Семьянин»; «Поколение «новых» ценностей»; «Консерваторы, ориентированные на поддержку семьи») [4].

По результатам выделены 2 канонических функции (первая — 55,5% дискриминирующей мощности, вторая — 27,8% дисперсии). Первая была обозначена как «Полнота и безопасность проживания жизни» (её структура образована переменными: «Шкала Фундаментальная ценность (ТЭМ)» (0,559); «Шкала Смысл жизни(ТЭМ)» (0,348); ценность «Безопасность» (0,258). Однако, именно во вторую функцию вошла одна из шкал опросника самоотношения, а именно Шкала самопоследовательности (саморуководства). Данную функцию можно назвать как «Достижения и уверенность в себе» (ее структура образована такими переменными как «Достижения (на уровне индивидуальных приоритетов)» (0,497), «Шкала самопоследовательности (саморуководства)» (0,410); «Традиции (на уровне индивидуальных приоритетов)» (-0,533). Функция характеризуется отрицанием традиционных способов поведения в повседневной активности; важностью личного успеха, который проявляется в деятельности через высокую

степенью уверенности в себе, переживае собственного «Я» как внутреннего стержня, убежденности что судьба находится в его собственных руках.

Согласно особенностям данной функции и роли Шкалы саморуководства в ней., можно отметить, что типы жизненных моделей «Семьянин» ,«Консерваторы, ориентированные на поддержку семьи», «Противоречивый» (положительные значения по функции) характеризуются индивидуальными приоритетами в достижениях, руководствуются "Я"- позицией, последовательно воплощая переживания относительно себя, проявляют уверенность в том, что их судьба исключительно в их руках. В кардинальной противоположности находится тип «Поколение «новых» ценностей».

Полученные данные позволяют сделать вывод, что оособенности самоотношения в связи с экзистенциальной мотивацией и ценностями могут являться предикторами выбора типа жизненной модели, маркером проявления самодетерминации, как саморуководства собственной деятельностью. Результаты исследования могут явиться основой для дальнейшего изучения соотношения феноменов самодетерминации и самоотношения (а именно проявлений саморегуляции в нём).

1. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 103—121.
2. Костромина С.Н. Жизненные модели современной российской молодежи// Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н.В.Гришиной, С.Н.Костроминой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 223-247 с.
3. Мак-Адамс Д. П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Выпуск 3. С. 135-166.
4. Одинцова М.М. Взаимосвязь интернет-контента и жизненных моделей в пространстве возможного// Ананьевские чтения— 2021: материалы международной научной конференции, 19–22 октября 2021 года 2021 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — с. 201-202

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00460

Орестова В.Р., Райнис А.А.
Москва, РГГУ

Связь личностных ресурсов с психологическим благополучием в ситуации неопределенности

Психологическое благополучие, COVID-19, личностные ресурсы, ситуация неопределенности, жизнестойкость

Одним из основных вызовов последних лет стало появление в 2020 году коронавирусной инфекции, повлекшее за собой рост смертности, ограничение социальных контактов и передвижения, изменение уклада привычной жизни людей по всему миру. Одним из самых значимых факторов мировой пандемией, стало резкое увеличение социальной и личностной неопределенности, связанной с неизвестностью четких способов защиты от нового вируса, способов поведения в новой ситуации и ее последствий и для общества, и для отдельного человека.

Цель исследования — выявить особенности связи личностных ресурсов с психологическим благополучием у людей по-разному переживающих ситуацию пандемии COVID-19. Использованы методики: Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Леонтьева Д.А. и Рассказовой Е.И.); опросник «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (в адаптации Шевеленковой Т.Д., Фесенко П.П); новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова, 2009); тест диспозиционного оптимизма (в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина, 2010); анкета, направленная на выявление особенностей переживания в ситуации неопределенности. В исследовании приняли участие 123 человека в возрасте от 25 до 35 лет (ср. возраст — 28,9; SD=3,2), из которых 36 (29,2%) мужчин и 87 (70,7%) женщин, проживающих в г. Москве и Московской области. В зависимости от ответа на вопрос ощущается ли ситуация на период лето-весна 2021 года кризисной, респонденты были поделены на две группы: в группу 1 вошли респонденты, которые ответили, что не ощущали ситуацию как кризисную и напряжённую (52 человека, 42,3%); в группу 2 — те, кто ощущал сложившуюся ситуацию как кризисную и напряженную (71 человек, 57,7%).

Выявлено, что респонденты из группы 1 демонстрируют значимо более высокие показатели психологического благополучия по всем шкалам методики «Шкала психологического благополучия К.Рифф» ($p \leq 0{,}01$), а также более высокие показатели жизнестойкости ($p \leq 0{,}01$), по сравнению с респондентами из группы 2. Корреляционный анализ показал, что психологическое благополучие респондентов группы 1 связано с такими личностными ресурсами как межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН) и всеми шкалами методики теста жизнестойкости, причем все корреляции отрицательные: шкала «Автономия» имеет обратную связь со шкалами «Жизнестойкость» (-0,321, $p \leq 0{,}05$) и «Принятие риска» (-0,336, $p \leq 0{,}05$) и «Вовлеченность» (-0,378, $p \leq 0{,}05$); шкала «Позитивные отношения» имеет обратную связь со шкалой «Контроль» (-0,282, $p \leq 0{,}05$); шкала «Цели в жизни» имеет обратные корреляции со шкалами «МИТН» (-0,284, $p \leq 0{,}05$)

В группе 2 было выявлено существенно меньше связей психологического благополучия с личностными ресурсами: шкала «Автономия» связана со шкалой «Негативные ожидания» (0,326, $p \leq 0,05$) и имеет отрицательную связь со шкалой «Межличностная интолерантность к неопределенности» (-0,249, $p \leq 0,05$); шкала «Личностный рост» имеет обратную связь со шкалой «Межличностная интолерантность к неопределенности» (-0,232, $p \leq 0,05$).

Таким образом, анализируя связь личностных ресурсов с психологическим благополучием в ситуации неопределенности, необходимо отметить, что психологическое благополучие соотносится с разными личностными ресурсами у респондентов, по-разному оценивающих кризисность и напряженность ситуации пандемии лично для себя. Однако, было отмечено, что психологическое благополучие имеет отрицательную связь с МИТН у респондентов обеих групп, что может говорить о том, что толерантность к неопределенности в отношениях с другими людьми является важным личностным ресурсом, связанным с психологическим благополучием.

1. Корнилова, Т. (2010). Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы. Психологические исследования, 3(11).
2. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00516

Полева Н.С.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Трансцендентное измерение повседневности

Повседневность, трансценденция, отстранение, самотрансценденция, «spots of time»

Введение. Представление о целостности повседневности как течения жизни дополняется представлениями о ее сложности и сегментарности, о наличии «малых хронотопов», определенных периодов в жизни конкретного человека между «spots of time» как условными точками биффуркации (Марцинковская, 2021). В этом контексте возникает вопрос о «разрывах» повседневности, о возможности выхода из текущей ситуации «здесь и сейчас» и перехода между разными сферами бытия человека.

Процесс трансценденции. Развивая идею У. Джеймса о множественных реальностях, А. Шюц рассматривает мир повседневности как один из видов реальности наряду с миром сновидений, миром религиозного опыта, миром детской игры, миром искусства и т.д. (Шюц, 2003 с.18). Переход из одной реальности в другую является трансценденцией (от лат. transcendens — превосходящий, выходящий за пределы). Таким образом, трансценденция — это любой выход за пределы ситуации «здесь и сейчас», способ отстранения от реальности повседневной жизни (Вахштайн, 2009, с.67). По мнению Шюца, трансценденция сопровождается переживаниями «скачка» или «шока», которые постоянно происходят в повседневной жизни человека и включены в ее реальность. Яркими примерами переживаний трансценденции и «разрывов» повседневности являются ситуации, связанные с восприятием произведений искусства. Переход между мирами всегда является мерцанием, осцилляцией между повседневной реальностью и, например, реальностью художественного произведения, которая в субъективном восприятии-переживании оказывается не менее реальной, чем рутина повседневности.

Трансценденция как переход в экзистенциальное. Трансценденция как любой выход из актуального «здесь и сейчас», может обладать экзистенцинальным измерением (Вахштайн, 2009 с.67-68). Выделяя различные уровни существования человека, представители гуманистической и экзистенциальной психологии связывают высший, экзистенциальный или бытийный уровень со способностью личности к самотрансценденции. По мнению В. Франкла, самотрансценденция и самоотстранение открывают возможность самодетерминации личности и принадлежат к ноэтическому измерению человека (Франкл, 1990). Трансценденциями как переходом из повседневного «здесь и сейчас» на экзистенциальный уровень можно назвать «пограничные ситуации» К. Ясперса, «скачок» в религиозное переживание С. Кьеркегора, «озарение» В. Франкла, «пик» и «плато» переживания А. Маслоу и др.

Заключение. Многомерный мир повседневности объединяет разные уровни, разные контексты существования человека — от индивидного до индивидуального и личностного, экзистенциального. Мир повседневной жизни субъекта

структурируется внутренней формой психологического хронотопа, переживаниями «spots of time», которые сопровождаются «разрывами» повседневности и трансценденцией в другие реальности или на другие уровни бытия. Некоторые «spots of time» могут быть источниками переживания экзистенциального опыта и триггерами возможных изменений.

1. Вахштайн В.С. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Том 8. №1. С.61-70.
2. Марцинковская Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021 № 2 С. 31–45.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
4. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. №2. С.3-34.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00075

Прусаков В.И., Александрова О.В., Шаболтас А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Специфика самосознания человека в контексте его гендерной и сексуальной идентичности

Самосознание, гендерная идентичность, сексуальная идентичность, стресс меньшинств

В отечественной психологии достаточно глубоко изучены взаимосвязи деятельности и самосознания, особенно на ранних стадиях его формирования, однако в последние годы среди исследователей растёт интерес к изучению самосознания человека в контексте его идентичности, при этом большая часть эмпирических работ ограничивается исследованием профессионального или национального самосознания. Одной из самых перспективных областей остаётся изучение специфики самосознания с учётом гендерной и сексуальной идентичности, что является особенно актуальным в то время, когда общество претерпевает трансформацию социокультурных представлений о вариативности гендерных норм и сексуального поведения, несмотря на это сохраняя жёсткие рамки, наложенные на сексуальное самоопределение человека.

С опорой на полученные раннее данные [3] о специфическом содержании самосознания мужчин различной гендерной и сексуальной идентичности, обусловленном переживанием кризисной ситуации становления нецисгетеронормативной идентичности, логично предположить, что данные результаты могут быть распространены на всю генеральную совокупность, однако для проверки этой гипотезы будет проведено расширенное эмпирическое исследование, которое позволит наиболее полно выявить специфику содержания когнитивного, эмоционального и поведенческих компонентов самосознания людей с различной гендерной и сексуальной идентичностью, в том числе с учётом разнообразия идентичностей в группе транс-людей. Также немалый исследовательский интерес вызывает изучение вклада, который стресс меньшинств вносит в формирование специфического содержания самосознания и особенности взаимосвязей между её структурными компонентами [1].

В предыдущем исследовании было обнаружено, что структура представлений о себе специфична в зависимости от гендерной и сексуальной идентичности, что выражается в значимых различиях между группами в структурно-модальностных характеристиках когнитивной сложности; было выяснено, что не только группы цис- и транс-мужчин и гомо-, би- и гетеросексуалов различаются в содержательном аспекте самосознания, но и каждая группа в отдельности имеет собственную, уникальную конфигурацию личностных конструктов, отличную от других. Также у исследуемых групп различались уровни глобального самоотношения и аутосимпатии: у гомо- и бисексуалов, по сравнению с гетеросексуалами, и транс-мужчин по сравнению с цис-мужчинами, эти показатели ниже,

также было выяснено, что уровень самообвинения у гомо- и бисексуалов выше по сравнения с гетеросексуалами.

Известно, что самосознание человека является сложной иерархической структурой, каждый элемент которой сам представляет собой многокомпонентную конструкцию. В проведённом ранее исследовании, как и во многих современных работах [2, 3], уделялось недостаточное внимание описанию всех компонентов самосознания и механизмов их взаимодействия. Результаты будущего исследования позволят устранить эти пробелы и не только сформировать общее представление об особенностях самосознания человека в контексте его гендерной и сексуальной идентичности, но и могут стать базой для разработки актуальных программ психологической поддержки ЛГБТК+-людей и стратегий по профилактике и лечению ВИЧ. Несмотря на то, что способы поддержания непротиворечивых представлений о себе у разных исследуемых групп только предстоит уточнить, трудно переоценить тот факт, что практически впервые в отечественном психологическом исследовании будет учтено разнообразие идентичностей среди транс-людей.

1. Hossain F., Ferreira N. (2019). Impact of Social Context on the Self-Concept of Gay and Lesbian Youth: A Systematic Review. Global Psychiatry. 2. 51-78.
2. Белова И.М., Парфенов Ю.А., Сологуб Д.В., Нехвядович Э.А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход // Фундаментальные исследования. 2014. № 3-3. С. 620-628.
3. Прусаков В.И., Александрова О.В. Особенности самосознания цис- и трансгендерных мужчин различной сексуальной ориентации // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2020. С. 68-75.

Чудакова Т.Л., Субботина Л.Ю.
Ярославль, ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Адаптивность личности как фактор переживания безопасности

Безопасность, состояние безопасности, адаптация, адаптивность

Категория безопасности все чаще звучит в психологических исследованиях. Только ощущая безопасность своего положения, человек может чувствовать себя комфортно, вести себя естественно и раскованно. Мы рассматриваем субъективную безопасность как психическое состояние. Было показано, что переживание безопасности может быть более или менее типичным для разных людей. Одна и та же ситуация разными людьми может быть воспринята как опасная и, наоборот, безопасная. Данная особенность была названа нами «склонность к переживанию состояния безопасности». Она отражает степень типичности переживания человеком состояния безопасности в различных ситуациях. Представляется интересным посмотреть, как связаны адаптивность личности и ее склонность к переживанию состояния безопасности. Мы предположили, что ощущение собственной безопасности в целом способствует адаптации личности к среде, и наоборот — адаптированный к миру человек в большей степени чувствует себя в безопасности, чем слабо адаптированный.

Цель исследования — изучить взаимосвязь между параметрами социально-психологической адаптации личности и ее склонностью к переживанию состояния безопасности. Мы использовали следующие методы исследования: 1. Методика диагностики склонности к переживанию состояния безопасности (Л.Ю. Субботина, Т.Л. Чудакова (Смирнова)) [1]; 2. Методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд). При обработке результатов высчитывался коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена. Общая выборка составила 61 человек (23 мужчины, 38 женщин в возрасте от 18 до 69 лет).

Результаты исследования. Было выявлено, что склонность к переживанию состояния безопасности положительно связана с общим уровнем адаптивности ($r = 0{,}555$, $p = 0{,}000003$), а также такими ее параметрами, как самопринятие ($r = 0{,}496$, $p = 0{,}000048$), принятие других ($r = 0{,}419$, $p = 0{,}000773$), эмоциональный комфорт ($r = 0{,}524$, $p = 0{,}000015$), интернальность ($r = 0{,}519$, $p = 0{,}000018$), стремление к доминированию ($r = 0{,}454$, $p = 0{,}00024$). Эскапизм как уход от проблем отрицательно связан со склонностью к переживанию собственной безопасности ($r = -0{,}507$, $p = 0{,}000031$). Таким образом, чем более адаптивен человек, тем чаще он ощущает безопасность своего положения. Состояние безопасности, в свою очередь, может являться: 1. Индикатором (признаком) успешной адаптации личности; 2. Фактором, влияющим на социально-психологическую адаптацию личности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что связь между состоянием безопасности и адаптивностью не однонаправленная, а дву-

сторонняя. Как склонность к переживанию состояния безопасности является одной из необходимых для успешной социально-психологической адаптации особенностей личности, так и адаптивность человека способствует переживанию им состояния собственной безопасности и эмоционального комфорта. Поскольку адаптивность является одной из интегративных характеристик личности, можно высказать предположение, что именно она в конечном итоге является детерминантой состояния безопасности, а не наоборот.

Полученные результаты имеют ценность как для психологической науки, так и для практики психологической работы, поскольку содержат эмпирические данные о детерминантах состояния безопасности, о его роли и включенности в структуру психики человека. Основные возможные сферы и направления применения результатов — профессиональный отбор и профориентация (в особенности в сфере особо-опасных профессий), психологическое консультирование, тренинговая работа по формированию психологической устойчивости и повышению адаптивности. Безусловно, для построения полной картины детерминант субъективной безопасности необходимо проведение дальнейших исследований.

1. Субботина Л.Ю., Смирнова Т.Л. Разработка методики на диагностику субъективного предпочтения состояния безопасности // PSIXOLOGIYA, №1, 2018. — с. 40–45.

Батурина С.С., Погребицкая В.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мотивационно-ценностные предикторы удовлетворенности персонала

Удовлетворенность трудом, мотивация, ценности, персонал, предикторы

Во время ситуаций неопределенности и частых перемен каждой организации важно сохранять и поддерживать свой персонал, в частности, способствовать повышению удовлетворенности трудом своих работников. Удовлетворенность можно определить как совокупность оценочных отношений к различным аспектам трудовой деятельности. По Ф. Герцбергу на удовлетворенность работника влияют гигиенические факторы — внешняя рабочая среда и мотивационные факторы — внутренняя среда работника. При этом немаловажную роль играют ценностные ориентации человека.

Данное исследование было инициировано запросом организации розничной торговли: поставлена задача выявить, какие именно мотивы и ценности в большей степени влияют на удовлетворенность трудом работников для возможности разработки адекватных мероприятий по повышению удовлетворенности персонала. Организация представляет собой сеть магазинов продуктов, косметики и бытовой химии. В исследовании приняли участие 100 работников магазинов со стажем от полугода до 5 лет. Методики исследования: «Возможность реализации мотивов» (В.И. Доминяк), «Ценностные ориентации личности» (Ш. Шварц, адаптация В.Н. Карандашев, С.В. Дмитрук), «Опросник удовлетворенности работой» (П.Е. Спектор).

Данные по удовлетворенности показали, что средние значения различных аспектов удовлетворенности трудом по выборке, в целом, находятся на уровне выше среднего. Данные по методике ВРМ показали, что мотивационный профиль работников всей выборки, в целом, довольно близок с оценками возможности реализации мотивов в данной организации. Результаты, полученные по методике Ш. Шварца, показали, что ценности работников на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов, так же, очень близки. То есть, у работников исследуемой организации результаты оказались довольно похожими по выраженности и ценностных ориентаций, и оценок возможности реализации значимых мотивов, и различных аспектов удовлетворенности работой. Таким образом, вос-

приятие измеренных показателей коллективом работников оказалось довольно сбалансированным.

Тем не менее, представлялось важным определить, какие переменные вносят наибольший вклад в удовлетворенность работников. Для дифференциации выборка была разделена по стажу работы на 3 группы: менее 1 года (N=29), от 1 до 3 лет (N=36) и более 3 лет (N=35). Для каждой группы был проведен регрессионный анализ. Результаты регрессионного анализа для «новичков» показали, что предикторами удовлетворенности являются с высокими значениями ценность «Конформизм» на уровне индивидуальных приоритетов и возможность реализации мотива «Наиболее полная самореализация в профессиональной деятельности», а также с низкими значениями ценности «Щедрость» и «Безопасность» на нормативном уровне и значимый мотив «Продвижение и карьерный рост». Для второй группы был выявлен только один предиктор — значимый мотив «Ощущение собственной полезности, служение людям». Для опытных работников основными предикторами удовлетворенности оказались возможности реализации мотивов «Материальный достаток» и «Удовлетворение от достижения цели».

Таким образом, для «новичков» наиболее важным является содержание деятельности и наличие интересных задач, поскольку эти работники на данном этапе повышают уровень необходимых профессиональных компетенций, готовы прислушиваться к советам и рекомендациям более опытных коллег, включаться в принятое социальное взаимодействие в новом коллективе. Для работников со средним стажем важно ощущение значимости своей работы. Для опытных работников на первый план выходят потребность в высокой заработной плате и чувстве удовлетворения от результата своей деятельности. Им важно, что работа оценивается и оплачивается по достоинству, а их личные достижения замечает и оценивает руководство.

Таким образом, при разработке системы повышения удовлетворенности трудом персонала, организации нужно дифференцировать планируемые мероприятия, учитывая мотивационные ожидания работников с различным стажем работы.

Верещагина Л.А., Вань Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Актуальные потребности и мотивы среднего медицинского персонала (на примере клиники КНР)

Мотивы, потребности, средний медицинский персонал, удовлетворенность трудом.

В настоящее время практические психологи обратили свое внимание на работу среднего медицинского персонала. В условиях последней пандемии коронавирусной инфекции увеличилась нагрузка на медицинский персонал из-за большой численности больных людей, сложности их лечения и обслуживания. Организация и содержание работы среднего медперсонала в КНР отличается от работы медицинских сестер в больницах Российской Федерации. Это касается содержания работы среднего медицинского персонала, их квалификации и требуемом уровне профессиональной подготовки. Заинтересованность медицинских сестер в своей работе во многом зависит от того, удовлетворены ли их базовые потребности и насколько реализованы мотивы в профессиональной деятельности и удовлетворены ли они своей работой.

Цель исследования: доминирующие потребности и мотивы медицинских сестер и их удовлетворенность работой. Предмет исследования: — доминирующие потребности и мотивы работников и их влияние на удовлетворенности работой. Гипотезы исследования: 1. Актуальными для медсестер являются базовые (физиологические) потребности; 2.Уровень заработной платы обусловливает удовлетворенность медсестер своим трудом; 3. Удовлетворение базовых потребностей и актуализация доминирующих мотивов оказывает положительное влияние на их общую удовлетворенность работой. В исследовании приняли участие 100 человек, работающие в больнице Китайского медицинского университета, которые проработали в клиническом отделении более 1 года и имеют квалификационный сертификат медсестры. Среди них:15 мужчин и 85 женщин, в возрасте от 21 года до 50 лет. Опыт работы от 1 года до 20 лет. Методы исследования. 1.Биографический вопросник; 2. Шкала «Предпочтений в работе» (автор — Ван Бинь; шкала состоит из 12 вопросов, 6 из которых направлены на выявление внутренних мотивов, еще 6 на выявление внешних мотивов. Используется 5-бальная система оценивания.); 3. Шкала оценки удовлетворенности работой (автор — Тао Хонг; шкала содержит 38 утверждений, направленных на определение удовлетворенности медперсонала: рабочей нагрузкой, отношением с коллегами, содержанием работы, уровнем заработной платы и льготами, возможностью личностного роста и развития и др.) Для математико-статистической обработки данных нами были использованы: корреляционный анализ и линейная регрессия.

Анализ и обсуждение результатов. Результаты обследования по шкале «Предпочтений в работе» (автор- Ван Бинь) показали, что для медицинских сестер наиболее значимо проявление показателей внутренней мотивации, что демонстрируется высокими баллами при ответах на вопросы: « Я надеюсь, что моя

работа даст мне возможность повысить свои знания и навыки", "Я хочу знать, насколько хорошо я могу выполнять свою работу" и др. К внешним мотивирующим факторам можно отнести высокие показатели при ответе на вопросы: «Возможность получать одобрение других оказывает на меня сильное мотивирующее воздействие», «Я четко представляю, как можно получить желаемый доход». Корреляционный анализ выявил значимую положительную связь между «Оценкой удовлетворенности работой» и "Вы считаете свою зарплату разумной" (r= 0,656, при p= 0,01 и значимую связь между "Оценкой удовлетворенности" и "Оценкой мотивации" (r= 0,792, при p=0.01) (методика Тао Хонга).

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Медсестры придают наибольшее значение рабочей мотивации и своим индивидуальным потребностям.

2. Уровень заработной платы является основным фактором, влияющим на удовлетворенность трудом.

3. Удовлетворение базовых потребностей и сформированные рабочие мотивы повышают удовлетворенность медсестер своим трудом.

1. Ван Бинь, исследование инновационного поведения научно-технических талантов на китайских предприятиях. Университет Хохай, 2007.

Верещагина Л.А., Чаркина М.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Внутренняя мотивация как предиктор проактивного поведения работников творческой сферы (на примере IT-специалистов)

Проактивность, мотивация, сфера IT- технологий, удовлетворенность жизнью, жизненные стремления

Актуальность исследования обусловлена изучаемой предметной областью, а именно, сферой IT- технологий, названной наиболее приоритетной и востребованной во всем мире. Спрос на компетентные кадры в IT-сфере достаточно высок. Однако работодатели сталкиваются с проблемой текучести кадров в этой области, их неудовлетворенностью факторами рабочей среды, уровнем заработной платы, организацией работы и др. Во многом это связано с психологическими переменными, в том числе, недостаточной мотивированностью таких специалистов.

Цель исследования: изучить взаимовлияние внутренних мотивов и проактивного поведения сотрудников IT-организаций. Предмет исследования: внутренняя мотивация и проактивное поведение IT-специалистов. Гипотезы исследования: 1. IT- специалисты характеризуются проактивным поведением и доминирующими внутренними мотивами, обусловливающими их эффективную работу; 2. Проактивное поведение IT- специалистов направлено на обеспечение удовлетворенности трудом и жизнью в целом; 3. Значимыми мотивами работников творческой направленности в сфере IT-технологий является стремление к "самореализации" и "удовлетворенности процессом труда". Методики психодиагностического обследования: 1. Методика общей проактивности А. Беккера (Bakker A. B., в адаптации С.А. Маничева и др.); 2. Методика «Возможность реализации мотивов» (В.И. Доминяк, Е.А. Родионова); 3. Методика «Жизненные стремления как личностный конструкт» (Э.Деси и Р. Райана, в адаптации Т. Д. Василенко); 4. Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS, Diener, в адаптации Осина и Леонтьева); 5. Авторская биографическая анкета. Математико-статистическая обработка данных представляла собой статистический анализ данных и корреляционный анализ. В исследовании приняло участие 104 специалиста, работающие в сфере IT- технологий (Web-разработчики, Frontend, Backend, Fullstack-разработчики), а также инженеры-программисты). 24 — женщины и 80- мужчины. Возраст работников- от 20 до 49 лет; стаж работы- от 1 года до 23 лет.

Анализ результатов эмпирического исследования. В соответствии с целью исследования и сформулированными гипотезами было установлено, что IT-специалисты характеризуются высоким уровнем проактивного поведения, что подтверждается и работами А.И Ерзина [1]. Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS, Diener, в адаптации Осина и Леонтьева) показала, что работники удовлетворены своей жизнью. По данным методики "Возможность реализации трудовых мотивов" В.И.Доминяка оказалось, что доминирующими мотивами оказались: "удовлетворение процессом деятельности", "удовлетворение дости-

жением цели", "повышение профессиональной компетенции", "материальный достаток", "ощущение свободы". Подавляющее большинство из которых относится к внутренним мотивам, исключая «материальный достаток». Это подтверждается и результатами опроса по методике Э.Деси и Р. Райана.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Результаты исследования подтвердили наше предположение, что IT- специалисты, создающие новый продукт (Web- сайты, программы и др.) демонстрируют высокий уровень проактивного поведения.

2. Доминирующими внутренними мотивами IT- специалистов (по методике «Возможность реализации мотивов» — авторы В.И. Доминяк и Е.А. Родионова) являются: "удовлетворение процессом деятельности", "удовлетворение достижением цели" и др.

3. IT- специалистам свойственно стремление к личностному росту, оптимизации социального окружения, забота о своем здоровье (по методике «Жизненные стремления как личностный конструкт» авторы Э.Деси и Р. Райана), как проявление внутренних мотивов.

4. С помощью корреляционного анализ была установлена значимая положительная взаимосвязь внутренних мотивов и показателей проактивного поведения специалистов в сфере IT- технологий (r=0,306, при p0,01).

1. Ерзин А. И. Проактивность как основа становления личности специалиста // Актуальные проблемы психологического знания. 2014 (в) . №1. С. 100 -110.

Горюнова Л.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Воскресенская Н.В.
Сосновый Бор, АО «Концерн Росэнергоатом» «Ленинградская атомная станция»

Масакова И.А.
Сосновый Бор, АО «Концерн Росэнергоатом» «Ленинградская атомная станция»

Никонова В.В.
Сосновый Бор, АО «Концерн Росэнергоатом» «Ленинградская атомная станция»

Инструменты взаимного обмена знаниями при устранении причин нарушений в работе энергосистем

Разделение знаний, взаимный обмен знаниями, инструменты взаимного обмена знаниями, совместный анализ ситуации, оперативный персонал

При выявлении и устранении причин нарушений в работе энергосистем ведущая роль принадлежит способностям работников анализировать текущие состояние оборудования, вырабатывать общую стратегию действий специалистов, противостоять избыточности или недостатку информации для выполнения производственной деятельности, компенсировать недостатки отображения средств информации, качества работы средств осуществления коммуникации. В целом комплекс указанных способностей может быть рассмотрен в позиций концепции разделения знаний, разработанной (Hooff, Huysman, 2009) и развиваемой на кафедре эргономики и инженерной психологии факультета психологии СПбГУ (Маничев, Червинская, Горюнова, Антропова, 2009). Процесс разделения знаний понимается как процесс взаимного обмена знаниями участников профессиональных групп, приводящий их к успешному решению поставленных (нестандартных) задач.

Цель исследования установить инструменты взаимного обмена знаниями при устранении причин нарушений. Инструменты взаимного обмена знаниями — это возможности для передачи знаний в процессе взаимодействия специалистов, которые создают условия для участия работников в совместной деятельности, качественного взаимного контроля, взаимопомощи, взаимозаменяемости, повышения ответственности за результаты и использования индивидуальных и групповых потенциалов в полном объеме. Гипотеза исследования заключается в том, что в качестве основного инструмента взаимного обмена знаниями выступает совместный анализ ситуации. Для проверки гипотезы были проанализированы действия оперативного персонала при устранении причин нарушений в работе энергосистем: ведение оперативных переговоров, работа в команде, самоконтроль и стрессоустойчивость и др. — всего 22 поведенческих проявлений. Сбор данных проводился в рамках психолого-педагогического сопровождения противоаварийных тренировок оперативного персонала на полномасштабных

тренажерах в учебно-тренировочном центре Ленинградской АЭС специалистами лаборатории психофизиологического обеспечения ЛАЭС. Основной метод исследования — наблюдение за действиями оперативного персонала на основе поведенческих критериев и их индикаторов, оценка действий каждого участника противоаварийной тренировки и оценка взаимодействия оперативного персонала в условиях отклонения от нормальной эксплуатации. В исследовании участвовало 110 человек оперативного персонала ЛАЭС в 2019 и 2020 г.г., всего — 220 человек.

Результаты исследования показали, что наибольшая динамика развития проявляется в умении осуществлять совместный анализ ситуации: повышается уровень согласованности, способности ориентироваться в задаче и действовать в соответствии со своими должностными обязанностями при взаимодействии. В качестве основных индикаторов совместного анализа ситуации выступают: общекомандная ориентировка в текущей ситуации и расстановка приоритетов, отсутствие «посторонних» действий (не ведет отвлекающие переговоры и не осуществляет действия, не связанные с устранением причин нарушений), действие в соотвтетсвии с распределением обязанностей в смене, принятие ответственности при принятии решений, поддержка другим работникам в сложной ситуации, отсутствие критики и внесения напряжения в деятельность, координация работ, контроль выполнения поставленных задач, пресечение споров и конфликтов между работниками.

Таким образом, умение осуществлять совместный анализ ситуации выступает как наиболее значимый инструмент взаимного обмена знаниями при устранении причин нарушений в работе энергосистем.

1. Hooff B., Huysman M. (2009). Managing knowledge sharing: Emergent and engineering approaches. Information & Management. 46 (1) Pp. 1-8. January 2009.
2. Маничев С.А., Червинская К.Р., Горюнова Л.Н., Антропова М. Стратегии аккультурации в процессе разделения знаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 3-12.

Гудайтис А.А., Горюнова Л.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Анализ коммуникативных компетенций управляющих на примере сети пекарен

Коммуникативные компетенции, трудные рабочие ситуации, психологический анализ деятельности, метод критических инцидентов, управленческий персонал организации

В современных условиях существенно изменился характер взаимоотношений внутри организации и связи организации с внешней средой. Основным механизмом, способным устранить разрыв между требованиями рынка и потенциалом организации, является развитие коммуникативных умений персонала компании. Для проведения исследования была выбрана сеть пекарен. В ходе исследования был проведен анализ профессиональной деятельности управляющих пекарен с целью выделить коммуникативные компетенции необходимые для преодоления трудных ситуаций в рабочем процессе. Для этого были установлены основные трудности в сфере профессиональной деятельности управляющих и профессиональные компетенции, которые способствовали успешному разрешению трудных ситуаций. Выборка исследования составила 50 человек, управляющих пекарен и старшего персонала, мужчины и женщины с разным стажем от 1 года до 3 лет.

На первом этапе исследования была разработана анкета на основе метода критических инцидентов, в которой респондентам было предложено описать трудные ситуации, которые произошли непосредственно с ними на рабочем месте. Затем предлагалось описать рабочие качества, которые помогли решить эти ситуации. Контент анализ ответов позволил выделить основные категории инцидентов и компетенции, которые помогли их решить. Были выделены следующие критические ситуации: негативная оценка деятельности клиентом, технические неисправности оборудования, недостаточный опыт в данной деятельности, конфликты внутри коллектива, сбои в работе других отделов. Компетенции, выделенные в ходе исследования: стрессоустойчивость, навыки решения конфликтных ситуаций, готовность решать критическую ситуацию, грамотная речь, умение строить диалог, умение следовать должностной инструкции. На втором этапе исследования выделенные компетенции были ранжированы для каждой критической ситуации.

Навыки поведения в конфликтной ситуации занимают 1 место при негативной оценке деятельности клиентом, 2 место при решении конфликтов внутри коллектива, 4 — в ситуации технической неисправности оборудования, 6 место — для решения критических ситуаций, связанных с небольшим опытом работы и при сбоях в работе других отделов. Стрессоустойчивость занимает 1 место в ситуациях, связанных с небольшим опытом работы, 3 место при технической неисправности оборудования и сбоях в работе других отделов, 5 место при негативной оценке деятельности клиентом и при конфликте в коллективе. Готовность решать критическую ситуацию была оценена как наиболее важная

в ситуации сбоя в работе других отделов, небольшого опыта и технической неисправности оборудования. 3 место данная компетенция занимает для ситуаций конфликта в коллективе и при негативной оценке деятельности клиентом. Умение вести диалог респонденты поставили на 1 место в ситуации конфликта в коллективе, на 2 место при негативной оценке деятельности клиентом и сбоях в работе других отделов, на 4 место в ситуации небольшого опыта и на 5 место при технической неисправности оборудования. Грамотная речь заняла 3 место в ситуациях негативной оценки деятельности клиентом и сбоях в работе других отделов, 4 — в ситуации конфликта в коллективе, 5 место при небольшом опыте на должности и 6 — при технической неисправности оборудования. Умение следовать должностной инструкции занимает 2 место в ситуации технической неисправности оборудования, 5 — в ситуации сбоя работы других отделов и 6 место в ситуациях негативной оценки деятельности клиентом, недостаточного опыта работы и при конфликтах внутри коллектива.

В целом ранги компетенций расположились следующим образом: 1 место — готовность решать критическую ситуацию; 2 место — умение вести диалог, 3 место — стрессоустойчивость; 4 место — навыки поведения в конфликтной ситуации; 5 — умение следовать должностной инструкции; 6 — грамотная речь. Полученный результат позволяет организовать отбор и подготовку управляющего персона с учетом выявленных трудных рабочих ситуаций.

1. Аббасова Л. И., Фильчева Н. В. Критерии, показатели и уровни сформированности коммуникативной компетенции у будущих руководителей ДОО // Теория и практика современной науки. 2016. № 5. С. 1143–1146.
2. Багинская А.А. Критическая ситуация: от стресса до кризиса. — Режим доступа: https://www.b17.ru/article/kriticheskaya_situacia_stress_krizis/?ysclid=l2oeg6ta2c (дата обращения — 01.05.2022).
3. Багузова Л.В. Основы профессиональной компетентности: учебное пособие / Багузова Л.В. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 184 с.

Киреева О.В., Ильина М.
Краснодар, КубГУ

Профессиональное выгорание сотрудников банковской сферы

Труд, профессиональное выгорание, ненадежное будущее, ненадежное настоящее, профессиональный стресс

Синдром профессионального выгорания является одной из актуальных проблем, разрабатываемых как социальными психологами, так и сотрудниками кадровых и HR-служб организаций различных сфер. В частности, в данной работе будет рассмотрен банковский сектор, т.к. в современных социально-экономических условиях (а именно в условиях санкций) банки являются одним из самых нестабильных и уязвимых экономических направлений. Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время исследования взаимосвязи профессионального выгорания и социально-экономической неопределенности имеют как никогда высокую необходимость в следствие высокого уровня стресса от переживаемого социально-экономического кризиса, а также нестабильности работы или полной остановки работы предприятий, влияющие на потерю дохода, а иногда и полную потерю рабочих мест.

Цель данного исследования — выявить связь неопределенности восприятия настоящего и будущего и профессионального выгорания банковских сотрудников. Выборка состояла из 30 человек — сотрудников банковской системы различных типов профессий, а именно «Человек-Человек» и «Человек-Знак». Испытуемыми выступают лица зрелой возрастной группы (от 30 до 45 лет). В исследовании применялись следующие методы: опросник выгорания MBI К. Маслач, опросник толерантности к неопределенности МакЛейна, адаптация Е.Г. Луковицкой, опросник ненадежности настоящего и будущего А.Н. Дёмина. Также применялись методы описательной статистики, коэффициент корреляция Пирсона. Сбор данных проводился в мае 2022 г.

В ходе анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

С помощью методики MBI К. Маслач было выявлено, что все респонденты в той или иной степени (как минимум по одной исследуемой шкале) проявляют признаки профессионального выгорания, однако большинство (около 73%) опрошенных имеют минимум средний, заметный, уровень выгорания. У большинства респондентов (примерно 67%) на данный момент происходит ухудшение психического состояния, связанного с профессиональной деятельностью (говоря об общем уровне профессионального выгорания личности). Достоверных различий в уровне профессионального выгорания у сотрудников банковской системы с различными типами профессий, а именно «Человек-Человек» и «Человек-Знак», не выявлено.

По результатам методики определения толерантности к неопределенности видно, что банковские служащие на данный момент склонны к переживанию дискомфорта в сложных, неоднозначных, неопределенных ситуациях, а также

к боязни неизвестности (половина всех опрошенных). Часть опрошенных (около 13%) не смогли выразить свою позицию относительно неопределенности, находясь в состоянии равнодушия к сложностям: данные равные нулю расцениваются как удовлетворенность современными условиями производства и жизнедеятельности, отсутствие условий жизненного выбора. Также в ходе проведения данной методики были выявлены сотрудники, испытывающие принятие сложившейся социально-экономической ситуации, успешно интегрирующие ее с собственной жизнедеятельностью (около 37%).

Заключительной методикой выступил опросник А.Н. Дёмина, исследующий неопределенность будущего и настоящего. Большинство респондентов (около 83%) имеют большую разность, при том, что будущее кажется опрошенным менее стабильным, чем настоящее. Это может быть связано с нестабильностью и напряженностью ситуации. У 17% присутствуют оптимистические взгляды относительно настоящего и будущего, держащиеся на среднем стабильном уровне. В целом банковские служащие, вероятно исходя из специфики профессиональной деятельности, склонны к более негативному видению будущего относительно текущей жизненной обстановки.

Выявлены прямые связи между уровнем профессионального выгорания и представлением о ненадежности настоящего и будущего ($r=0,37$ и $r=0,41$ при $p=0,05$). Негативные ожидания о будущем и отсутствие ресурсов в настоящем только усиливают истощение ресурсов сотрудников.

Полученные результаты могут быть использованы в консультировании сотрудников банков и в профилактике выгорания.

Коневцев И.В., Родионова Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Адаптивные копинг-стратегии как фактор субъективного благополучия специалистов IT-сферы

Субъективное благополучие, Subjective Well-Being, адаптивные копинг-стратеги, IT-сфера, совладающее поведение

Активное развитие научного интереса к теме психологического субъективного благополучия, (Subjective Well-Being — SWB), продиктовано различными социально-экономическими преобразованиями и развитием общества в целом. Показатели SWB используются для сравнения культур и государств. Более высокий уровень SWB связан с эффективностью труда, качеством жизни и долголетием [3]. Под копинг-стратегиями понимается совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий по преодолению стресса, в данной работе нами применялась концепция К. Карвера [2]. В число наиболее изучаемых профессий входят медицинские работники, педагоги, сотрудники правоохранительных органов и служб спасения, а также сотрудники IT-компаний [1]. Профессиональная деятельность IT-персонала связана с потенциальными рисками для физического и психологического здоровья [4]. Проблема, на решение которой направлено исследование, касается субъективного благополучия работников IT-компаний во взаимосвязи с адаптивными копинг-стратегиями.

Новизна: на данный момент проблема взаимосвязи адаптивных копинг-стратегий с психологическим благополучием изучена недостаточно глубоко, поскольку основная часть работ посвящена работникам гуманитарной и медицинской сферы. Практическая значимость: данное исследование направлено на углубление темы связи особенностей совладающего поведения с SWB для повышения качества жизни и профессиональной деятельности IT-специалистов.

Гипотеза: более частое использование адаптивных копинг-стратегий будет связано с более высоким уровнем SWB. В исследовании принял участие 51 сотрудник IT-компаний, из них 28 мужчин в возрасте от 19 до 52 лет (M = 26,12). Методики исследования: опросник совладания со стрессом, COPE, C. Carver (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, 2013.); шкала удовлетворённости жизнью, E. Diener (Осин Е. Н., Леонтьев Д. А., 2020); шкала субъективного благополучия, A. Perrudet-Badoux (Духновский С. В., 2010).

При изучении вопроса о взаимосвязи адаптивных копинг-стратегий с уровнем SWB сотрудников IT-компаний было выявлено, что существует взаимосвязь между субъективным благополучием и стратегиями «Инструментальная поддержка» (rs = .48, p = .001), «Активным совладанием» (rs = .51, p = .001) и «Планированием» (rs = .51, p = .001). Это может быть объяснено тем, что выявленные копинг-стратегии являются адаптивными, что способствуют большему приспособлению индивидов к окружающей среде. В результате регрессионного анализа (F(3, 47) = 7,313, p = .001, adj. R2 = .275) был выявлен основной предиктор субъ-

ективного благополучия — копинг-стратегия «Инструментальная социальная поддержка» (b = -0.21 [95% CI: -.43, -.001], p = .049). Полученный эффект можно объяснить тем, что данная стратегия направлена на поиск реальной помощи у более опытных коллег или наставника и, исходя из результатов, способствует успешному выполнению профессиональных задач и росту субъективного благополучия в IT-компаниях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение адаптивных копинг-стратегий, таких как «Инструментальная поддержка», «Активное совладание» и «Планирование», связано с более высоким уровнем SWB, основным предиктором выступает «Инструментальная поддержка».

1. Carver, C. S. (2011). Coping. In R. J. Contrada & A. Baum (Eds.), The handbook of stress science: Biology, psychology, and health (pp. 221–229). Springer Publishing Company.
2. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research //Nature Human Behaviour. — 2018. — Т. 2. — №. 4. — С. 253-260.
3. Lalloo D. et al. Health, lifestyle and occupational risks in Information Technology workers // Occupational Medicine. — 2021. — Т. 71. — №. 2. — С. 68-74.
4. Панина Н. Т. Эмпирическое исследование психологического благополучия работников IT-сферы //Тенденции развития науки и образования. — 2020. — №. 62-20. — С. 39-42.

Круглова М.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Столярчук Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Круглов В.А.
Санкт-Петербург, Университет при МПА ЕврАзЭс

Заржицкая А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

VR-технологии в процессе профессиональной социализации личности

Профессиональная социализация; обучение персонала; технологии виртуальной и дополненной реальности

В основе данного исследования лежит модель требований и ресурсов в работе (JD-R модель) (Demerouti, Bakker, 2001; 2008). Основная идея модели состоит в том, что рабочий стресс возникает вследствие дисбаланса между требованиями и ресурсами, которыми располагает работник для их удовлетворения. Хотя требования к работе не обязательно являются негативными, все же они могут превратиться в стрессоры на работе, в то время, когда их урегулирование требует больших усилий, которые для сотрудника являются трудозатратными и эмоционально сложными (Meijman, Mulder, 1998).

Трудовые ресурсы могут обладать как внутренним мотивационным потенциалом, способствуя обучению или личностному развитию, так и внешним мотивационным потенциалом, предоставляя инструментальную помощь или конкретную информацию для достижения целей (Schaufeli, Bakker, 2004). Таким образом, они побуждают сотрудников к достижению своих целей. Данный вывод согласуется с теорией характеристик работы, которая подчеркивает мотивационный потенциал трудовых ресурсов на уровне задач, включая автономию, обратную связь и значимость задач (Hackman, Oldham, 1980). Кроме того, это согласуется на более общем уровне с теорией сохранения ресурсов (COR), согласно которой основная человеческая мотивация направлена на поддержание и накопление ресурсов. Соответственно, ресурсы ценятся сами по себе или потому, что они являются средством достижения или защиты других ценных ресурсов (Hobfoll, 2001).

Одним из видов трудовых ресурсов может являться VR-обучение, которое в свою очередь положительно влияет на психологическое состояние сотрудника, позволяет не только развить профессиональные навыки, но и ослабить или вовсе снять стрессовое состояние. Использование VR-технологий в обучении и развитии персонала может смягчить взаимосвязь между требованиями к работе и проблемами психологического здоровья.

В исследовании VanWoerkom, Bakker и Leiter уделяется особое внимание вмешательствам в позитивную психологию, имея в виду любую преднамеренную деятельность или метод, основанные на культивировании ценного субъективного опыта и формировании положительных индивидуальных особенностей и черт личности. Одним из таких методов могут быть различные формы обучения, коучинг и др. (Schaufeli, Bakker, 2004). Систематические обзоры и метаанализы показали, что эти вмешательства оказывают положительное влияние как на улучшение желаемых результатов работы, так и на снижение нежелательных результатов работы (Donaldson, S. I., Lee, 2019; Bond, Flaxman, Loivette, 2006).

Использование VR-технологий в обучении и развитии персонала способствует не только снижению уровня стресса, но и повышению вовлечённости сотрудников.

Было проведено пилотажное исследование, направленное на изучение связи VR-обучения с социально-психологическими аспектами трудовой деятельности персонала. Методы исследования: включённое наблюдение, анкетирование и анализ внутренних документов. Объект исследования: программы обучения и развития персонала с использованием VR-технологий в ПАО «Газпром нефть». Предмет исследования: социально-психологический эффект от программ обучения и развития персонала с использованием VR-технологий. Гипотеза исследования: применение VR-технологий в обучении и развитии персонала способствует росту вовлечённости сотрудников организации.

Было установлено, что VR-технологии имеют множество преимуществ, таких как возможность оттачивания теоретических знаний на практике, приближение к реальной ситуации, интересная форма подачи материала, использование современных технологий, конструктивная обратная связь, а также более высокий уровень вовлечённости участников в процесс, в сравнении с традиционными методами обучения, по мнению самих сотрудников. Также данный вид обучения помогает сотрудникам справляться со своими потребностями, мобилизовывать свои ресурсы, поддерживать психологическое здоровье и повышать производительность труда. Таким образом, VR-технологии способствуют эффективной профессиональной социализации работников.

1. Bakker, A. B., & Demerouti, E. (2008). Towards a model of work engagement. CareerDevelopmentInternational, 13, 209–223.
2. Bakker, A.B., & Van Wingerden, J. (2021). Do personal resources and strengths use increase work engagement? The effects of a training intervention. Journal of Occupational Health Psychology, 26, 20-30.
3. Bond, F. W., Flaxman, P. E., &Loivette, S. (2006). A business case for the management standards for stress. Research Report 431. London: HSE.
4. Donaldson, S. I., Lee, J. Y., & Donaldson, S. I. (2019). Evaluating positive psychology interventions at work: A systematic review and meta-analysis. InternationalJournalofAppli edPositivePsychology, 4, 113–134.
5. Hackman, J.R. and Oldham, G.R. (1980), Work Redesign, Addison-Wesley, Reading, MA.

6. Hobfoll, S.E. (2001), "The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: advancing conservation of resources theory", Applied Psychology: An International Review, Vol. 50, pp. 337-70.
7. Meijman, T.F. and Mulder, G. (1998), "Psychological aspects of workload", in Drenth, P.J., Thierry, H. and de Wolff, C.J. (Eds), Handbook of Work and Organizational Psychology, 2nd ed., Erlbaum, Hove, pp. 5-33.
8. Schaufeli W.B, Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study.// Journal of organizational Behavior. 2004.Vol. 25, Issue 3, pp. 293-315
9. Van Woerkom, M., Bakker, A.B., & Leiter, M.P. (2021). Positive psychology interventions in organizations. JournalofOccupationalandOrganizationalPsychology, 94, 221-229.

Погосян С.Г.
Севан, АГУ РА

Агузумцян Р.В.
Ереван, АГУ РА

Хачатрян А.Р.
Ереван, АГУ РА

Бдоян Л.Н.
Ереван, АГУ РА

Модель психологического исследования и развития креативности современного управленца

Креативность, управленческая деятельность, специалист, развитие, модель

В наше время вопрос подготовки специалиста в управленческой деятельности требует подготовку таких специалистов, которые способны противостоять современным вызовам. В современной управленческой деятельности поощряются и востребованы креативные личности, которые могут работать в неопределенных, сложных ситуациях. Ну нужно учесть, что для проявления креативности необходимы личностные качества, которые будут способствовать проявлению креативности в благоприятных ситуациях. Недостаточно изучено соотношение креативности личности и его личностных качеств в управленческой деятельности, более того, существует необходимость в особом исследовании того, при каком взаимодействии креативности и личностных качеств личность какой метод креативности применяет, так как применение методов креативности связано с личностными качествами. Однако если в основе всех качеств поставить креативность как системообразующее качество, то, выделив качества креативных личностей, можно предположить, какие качества проявит личность при наличии креативности.

Наша цель: исследовать креативность специалиста как системообразующее качество, которое в сочетании с личностными качествами и применением креативных методов способствует выдвижению уникальных, новых идей. Это исследование может послужить основой для разработки программы профессиональной переподготовки, основанной на развитии креативности.

Теоретической основой послужил подход А. Маслоу о том, что необходим новый тип обучения, направленный на формирование человека нового типа, человек, который стремится к творчеству, способен к импровизации, уверен в себе, решителен и самостоятельен[1]. Теоретический анализ позволил выделить характерные особенности креативных личностей, важных для управленческой деятельности, таковы: способность видеть проблему, острота, гибкость, оригинальность, терпимость к неопределенности, лидерство, социальная смелость, способность идти на риск, настойчивость, самореализация, воображение, стремление к совер-

шенству, способность мыслить самостоятельно, свобода, восприимчивость, эстетическое чувство. Обладая такими качествами, личность в управленческой деятельности может самостоятельно выдвигать проблемы и решать их своеобразно, прибегать к риску, проявлять инициативность. Креативные личности открыты, гибки и готовы рисковать[2].

Вывод. Новизна данного исследования — это новая модель развития креативности, в которой системообразовательным качеством выступает креативность, которая в сочетании с личностными качествами и применением креативных методов способствует выдвижению уникальных, новых идей. Итогом данного исследования будет новая модель психологической подготовки специалиста, предполагающая: выявление когнитивно-личностно-мотивационных ресурсов.

1. Маслоу А., Далные пределы человеческой психики, СПб, Питер, 2022, 448с. с. 141.
2. Carmeli, Abraham; Reiter-Palmon, Roni; and Ziv, Enbal, "Inclusive Leadership and Employee Involvement in Creative Tasks in theWorkplace: The Mediating Role of Psychological Safety" (2010). Psychology Faculty Publications, (Barron & Harrington, 1981; Dewett, 2006; Feist, 1998; Sternberg & Lubart, 1991).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта №21T-5A103

Хван А.А.
Москва, ГГУ

Особенности копинг-поведения различных групп педагогов в ситуации утомления

Утомление, копинг-стратегии, педагоги школ и дополнительного образования

С целью изучения механизма и способов преодоления стресса (утомления) нами были обследованы две группы учителей (60 человек) и педагогов дополнительного образования (60 человек). Использовали опросники диагностики утомления А.Б. Леоновой [2]. Установлено, что у педагогов дополнительного образования по всем параметрам утомления результаты статистически достоверно ниже. Логично предположить, что две указанные группы педагогов различаются условиями трудовой нагрузки и способами ее преодоления.

Для определения способов преодоления стресса использовали Опросник стратегий совладающего поведения в модификации Л.И. Вассермана и соавторов [1]. Установлено, что в обеих группах отсутствует доминирующая копинг-стратегия, при этом показатели учителей значительно ниже. Иначе говоря, учителя просто намного реже вообще используют копинг-стратегии.

Ведущую тройку используемых копинг-стратегий у педагогов дополнительного образования составили: Положительная переоценка (54,16), Планирование (53,9), Поиск социальной поддержки (51,8 Т-баллов). Педагоги пытаются преодолеть негативные переживания за счет положительного переосмысления проблемы, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. Также используют целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов (стратегия «Планирование) и эмоционально-отвлекающие способы поведения в виде понимания, сочувствия, помощи (стратегия «Поиск социальных контактов»). Фактически педагоги пытаются преодолеть стресс через рациональную работу с ним.

Учителя школ демонстрируют другой набор стратегий поведения в стрессе: Бегство (54,2), Принятие ответственности (45,2) и Дистанцирование (45,1 Т-балла). Доминирующая стратегия (Бегство) характерна своей пассивностью, стремлением уйти от конфликта, типичны регулярные вспышки раздражения, погружение во внутренние мысли, фантазии. Такое поведение трудно назвать рациональным и конструктивным. Вторая и третья стратегии используются практически одинаково. И если принятие ответственности предполагает признание субъектом своей роли в возникновении и решении проблемы, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения, то преодоление негативных переживаний в связи с проблемой происходит за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в ситуацию, через рационализацию, переключения внимания, юмор («Дистанцирование»). Другими словами, наиболее популярными для учителей являются стратегии преодоления стресса как внутреннего ухода от него.

Далее мы провели анализ комплекса копинг-стратегий, используемых конкретной группой педагогов. Использовали аппарат парных корреляций по К.Пирсону с последующим выделением соответствующих корреляционных плеяд. Выделенные структуры копинг-стратегий в обследованных группах значительно, количественно и качественно, отличаются между собой. У педагогов дополнительного образования выделена жесткая, многократно связанная между структурными компонентами система копинг-стратегий, включающая все восемь регистрируемых копинг-стратегий. Центральную, системообразующую роль играет показатель «Положительная переоценка», имеющий взаимосвязи со всеми остальными показателями. В группе учителей общеобразовательных школ выделены три изолированных диады, включающие только шесть копинг-стратегий из восьми. Это обстоятельство — несовершенство используемых систем копинг-стратегий — во многом объясняет различия в уровне формирования утомления (проявлениях стресса) педагогов дополнительного образования и учителей общеобразовательных школ.

1. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: Пособие для врачей и медицинских психологов / Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р. и др. — СПб, 2009. — 45с.
2. Практикум по инженерной психологи и эргономике / Под ред. Ю.К. Стрелкова. — М.: Академия, 2003 — 400 с.

Юртаева М.Н., Видякина М.А.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Исследование организационной закрытости в связи с чертами темной триады и удовлетворенностью работой

Организационная закрытость, темная триада, догматизм, удовлетворенность работой, руководители, специалисты,

В психологии организационная открытость рассматривается широком контексте процессов и явлений — коммуникации, готовности к изменениям, организационной культуры. Обнаружен дефицит психологических исследований организационной закрытости, хотя они представляют собой единый континуум. Закрытость организации зачастую отождествляется со степенью информационной закрытости, как внешней, так и внутренней, что представляет явно ограниченный взгляд на данное явление.

Теоретической основой исследования послужили работы М. Рокича (1959, 1960, 1964), О. Харвей, Д. Ханта, Г. Шродера (1960), а также представления об «организационных патологиях», сформулированные А.И. Пригожиным. Понятие «организационной патологии» является скорее метафорой. Термин закрытости не используется в работах А.И. Пригожина, но его подход к анализу нарушений в организациях обнаруживает ряд пересечений с принципами и формами организации закрытых систем (структура-функция, часть-целое, дифференциация-интеграция). Представления о нарушениях в строении организации, в организационных отношениях и принятии решений были положены в основу анкеты «Организационная закрытость».

Основная гипотеза исследования состояла в том, в организациях, которые воспринимаются сотрудниками как закрытые, существует неопределенность в организационных нормах и правилах, что легализует макиавеллистические установки в поведении и снижает удовлетворенность работой. Дополнительная гипотеза исследования заключалась в том, что закрытость в организационных отношениях и управленческих решениях, позволяет руководителям поддерживать необоснованную самоуверенность, сохранять возможность манипуляции с целью удержания власти. Методы исследования. Выборку исследования составили 30 сотрудников крупной производственной компании г. Екатеринбурга (6 руководителей, 24 специалиста). Исследование было добровольным и анонимным. В процессе сбора данных было получено большое количество отказов от участия в исследовании по различным причинам, анализ которых позволил сделать вывод о недоверии сотрудников организации. Инструменты исследования: анкета «Организационная закрытость», опросник догматизма (С. Ширмэн, Т. Ливайн, 2006), короткий опросник «Темная триада», (М.С. Егорова и др., 2015), опросник удовлетворенности работой (Т.Ю. Иванова и др. 2012).

Результаты исследования. Использование критерия Колмогорова-Смирнова, позволило выявить переменные, которые существенно отклоняются от нормаль-

ного распределения — макиавеллизм, психопатия, удовлетворенность заработной платой и удовлетворенность условиями труда. Применение корреляционного анализа по Спирмену обнаружило следующую картину связей. Показатель закрытости в организационных отношениях положительно коррелирует с показателями закрытости в управленческих решениях (r=,807; p≤,01), закрытости в строении организации (r=,385; p≤,05) и догматизмом (r=,489; p≤,05). Показатель закрытости в управленческих решениях положительно коррелирует с догматизмом (r=,362; p≤,05) и отрицательно с удовлетворенностью заработной платой (r=-,441; p≤,05). Отрицательно взаимосвязаны между догматизмом и удовлетворенностью процессом и содержанием труда (r=-,396; p≤,05).

Применение критерия Манна-Уитни позволило выявить статистически значимые различия между руководителями и специалистами по показателям закрытости в организационных отношениях (p≤,048), закрытости в управленческих решениях (p≤,003), макиавеллизмом (p≤,017), нарциссизмом (p≤,031), удовлетворенностью заработной платой (p≤,006).

Таким образом, гипотезы исследования получили частичное подтверждение. Восприятие организации как закрытой и удовлетворенность работой взаимосвязаны со степенью закрытости личной системы убеждений.

1. Harvey O., Hunt D., Schroder H. Conceptual systems and personality organization. New York: Wiley, 1961.
2. Rokeach M. The open and closed mind. New York: Basic Books, 1960.
3. Пригожин А. И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

Якунин И.М., Сачкова М.Е.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности

Гендерное неравенство, стереотипы, предрассудки, женщины, карьерное продвижение

По состоянию на 2020 год Россия занимала 81-е место во Всемирном Индексе гендерного разрыва [4]. Исследователи отмечают, что уровень женской занятости в стране довольно высок (около 53%), однако соотношение зарплат остается несправедливым: женщины получают в среднем 72% от того, что зарабатывают мужчины. Частично это продиктовано объективными факторами: женщины вынуждены совмещать карьеру с заботой о семье, меньше вкладывают в свое обучение, чаще отказываются от профессиональных амбиций. Однако есть и дискриминационная составляющая, выраженная в том, что в обыденном представлении женщина не обладает качествами, свойственными ценному сотруднику.

Предпосылки гендерных стереотипов могут быть зафиксированы на уровне ассоциаций. Было установлено, что женщины чаще ассоциируются с понятиями «мать», «красота», «забота», «дети», в то время как мужчины — с «разумом», «силой», «опорой» [1]. Респонденты убеждены, что женщины более эмоциональны, менее склонны к умственной работе, болтливы, поверхностны, подвержены предрассудкам, чаще разносят сплетни и сами тяготеют к «домашнему» труду. Подобные результаты подтверждаются и другими исследованиями. Так, например, М. Шевченко было выделено несколько «бинарных оппозиций» стереотипов, в которых мужчинам присуща логичность, абстрактность, инструментальность, а женщинам, напротив, интуитивность, конкретность и экспрессивность [3].

В современном обществе выделяют так называемые STEM-области (science, technology, engineering, mathematics — наука, технологии, инженерия, математика), в которых общественное мнение считает потенциально успешными исключительно мужчин. Начиная со школы, родители и учителя транслируют следующий стереотип: добившийся успехов в математике мальчик — способный, а девочка — старательная [2]. В университете выбравшие STEM-направленность студентки регулярно сталкиваются с предрассудком, что их решение развиваться в этом направлении связано с желанием выйти замуж, оказавшись в сообществе, в основном состоящем из мужчин. Ситуация усугубляется на рабочем месте: конвенционально сотрудников таких областей обычно воспринимают как социально изолированных, замкнутых, в то время как женщины больше стремятся к общению.

Фундаментальных врожденных различий в психологии мужчин и женщин не существует [3]. Однако доказано, что сохранение гендерных стереотипов ведет к возникновению феномена «стеклянного потолка» — вида карьерной сегрегации, при котором женщина не может добиться повышения по службе по причинам, никак не связанным с ее компетенциями. В результате сотрудницы под давлением окружающих вынуждены покидать компанию, менять отрасль и соглашаться

на менее оплачиваемые должности. Благодаря этому увеличивается гендерный разрыв, что делает эту тему особенно актуальной. Однако «стеклянный потолок» и другие феномены, обусловленные гендерными стереотипами, остаются слабо изученными в социальной психологии, наблюдается нехватка методологического аппарата для их фиксации и комплексного объяснения причин.

1. Гуриева, С. Д. Социальные представления о гендерных различиях в разных сферах жизни: апробация опросника и проверка надежности шкал / С. Д. Гуриева, Т. В. Казанцева, О. Е. Белова // Петербургский психологический журнал. — 2019. — № 27. — С. 88–114.
2. Савинская, О. Б. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов / О. Б. Савинская, Н. В. Лебедева // Женщина в российском обществе. — 2020. — №2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-zhenschiny-uhodyat-iz-stem-rol-stereotipov. (дата обращения: 06.06.2022).
3. Шевченко, М. Н. Гендерные стереотипы / М. Н. Шевченко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — №48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy. (дата обращения: 06.06.2022).
4. The Global Gender Gap Report 2020 / World Economic Forum // URL: https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality. (дата обращения: 06.06.2022).

Арушанян К.А., Шмульская Л.С.
Лесосибирск, ЛПИ — филиал СФУ

Формирование региональной идентичности подростков в социальных сетях (на примере Telegram)

Социальные сети, региональная идентичность, сибирский регион, направления деятельности по формированию региональной идентичности

Аннотация. Осознание собственной принадлежности человека к месту проживания, к его малой родине является неотъемлемой частью для создания целостного представления о себе как о личности, как о гражданине. В настоящее время работа по становлению региональной идентичности в общеобразовательных учреждениях носит эпизодический и часто отчетно-показательный характер. Средний школьный возраст является сензитивным периодом для формирования региональной идентичности, поскольку в этом возрасте у подростков происходит переоценка ценностей, перестраивается система отношений к окружающей действительности, развивается самопознание и самоопределение, формируется определенная жизненная позиция. На это влияет множество факторов и среди них стоит отдельно выделить средства массовой информации. Современные средства массовой информации сегодня являются доминирующими и способны оказывать огромное влияние на формирование мнения, образа жизни, моды и стандартов потребления у детей [1]. Широкие возможности средств массовой информации вызывают необходимость изучать механизмы их функционирования и развития, степень воздействия на подрастающее поколение. На сегодняшний момент в качестве популярных средств массовой информации среди подростков выступают социальные сети.

Исходя из вышеуказанного, целью исследования является: показать возможности социальных сетей как средства формирования региональной идентичности подростков. Методы исследования: теоретические методы, среди которых анализ предмета исследования на основе изучения психолого-педагогической литературы; систематизация и обобщение. В качестве эмпирических методов использовано анкетирование, направленное на выявление уровня сформированности региональной идентичности у подростков. В исследовании приняли участие 43 школьника Красноярского края в возрасте 13-15 лет. Результаты опроса свидетельствуют о том, что региональная идентичность подростков сформирована на недостаточно

высоком уровне. Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости поиска различных средств, которые способствуют формированию региональной идентичности. В рамках исследования на основе результатов анкетирования школьников создана страница в социальной сети Телеграм. Обосновано, что предлагаемый формат будет эффективным средством формирования региональной идентичности. Контент страницы предусматривает размещение информационных материалов, знаменательных событий, интересных фактов, новостей, различного рода опросов, конкурсов, игр, рубрик, флешмобов. Дети воспринимают все это как игру, но в то же время они больше узнают о своем городе/регионе, становятся более заинтересованными в жизни своего города/региона, им прививается чувство принадлежности к своей малой родине.

1. Лучинкина, А.И. Специфика интернета как института социализации / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2019. — № 1. — С. 59–69.

Блинцова И.М., Колокольникова З.У.
Лесосибирск, ЛПИ — филиал СФУ

Деятельностный подход как основа музейной педагогики

Музейная педагогика, музейная экспозиция, педагогическая технология, деятельность, деятельностный подход.

В настоящее время одной из активно развивающихся технологий педагогической науки является музейная педагогика. В общеобразовательных школах, в средних и высших учебных заведениях создаются музеи на различные темы: Музей счастливого детства (Казань), Музеи истории образования (Новосибирск), Музей игрушки (Сергиев Посад), Детский музей (Череповец) и др. Их экспозиции строятся на основе деятельностного подхода, который был основан Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, и в последующие годы развивался Алексеем Николаевичем Леонтьевым.

В Лесосибирском педагогическом институте — филиале Сибирского федерального университета работает Музей истории развития образования "От Енисейской губернии до Красноярского края", участие в котором принимают студенты, преподаватели института. Регулярно в данном музее проходят экспозиции, связанные с образованием в Российской Федерации. В ходе создания музейной экспозиции студенты и преподаватели проходят следующие этапы: I. Мотивация юношей и девушек к проектированию и реализации музейной экспозиции; II. Целеполагание, предполагающее составление целей на период от создания экспозиции до проведения экскурсии; III. Выбор и выполнение действий и операций в ходе подготовки и презентации; IV. Фиксирование результата в форме видеороликов, фотографий; V. Рефлексия в форме беседы с преподавателями и заполнения Google-формы. Также следует выделить, что в ходе подготовки экспозиции участники выполняют различные виды деятельности, например, такие как: создание и оформление экспонатов, научно-исследовательская деятельность, репетиции публичных выступлений, проведение экскурсий перед студентами, школьниками, преподавателями, учителями и воспитателями.

Основной педагогической задачей музейной педагогики является воспитание и развитие у юношей и девушек аккуратности, терпеливости, инициативности, организованности, ответственности, творческого подхода к работе, общительности, уверенности в себе, выдержки, наблюдательности, работоспособности, целеустремлённости, эмпатии и др. Участие студентов предусматривает решение следующих педагогических задач: 1. Развитие уважения к героям Великой Отечественной войны, к деятельности педагогов разных времён; 2. Формирование представлений о событиях, происходивших во время исторического развития России; 3. Воспитание чувства уважения к учителям, воспитателям, героям ВОВ и т.д.

Одной из последних экспозиций, проведённых в музее Лесосибирского педагогического института в 2021 году, была экспозиция на тему «История Ново-

годних и Рождественских праздников». Студенты 2-5 курсов активно участвовали в её создании, поспособствовали формированию личностных и профессиональных качеств педагога, сформировали собственное отношение к педагогической деятельности, к трудовой деятельности, и прошли выделенные этапы деятельности человека.

В заключение хочется сказать, что такая педагогическая технология как музейная педагогика основывается на деятельностном подходе, использует разные виды деятельности. Результатом музейной педагогики и музейных экспозиций является воспитание у юношей и девушек педагогических учебных заведений личностных и профессиональных качеств через ряд определённых этапов.

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — 2-е изд. — М., Политиздат, 1977. С. 304
2. Колокольникова, З. У. Музейная педагогика как инновационная технология активного обучения в профессиональном образовании будущего учителя / З. У. Колокольникова, О. Б. Лобанова // Инновации в образовании. — 2016. — № 1. — С. 46-55.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 151
4. Деятельностный подход в образовании / И. М. Реморенко, Б. Д. Эльконин, К. А. Баранников [и др.]. — Москва : Некоммерческое партнерство содействия научной и творческой интеллигенции в интеграции мировой культуры «Авторский Клуб», 2018. — 360 с.

Исследование выполнено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности»: проект № 2022050708646

Бондарчук С.К., Шмульская Л.С.
Лесосибирск, ЛПИ — филиал СФУ

Ресурс российской социальной сети вконтакте в поликультурном воспитании современных подростков

Поликультурность, социальные сети, направление деятельности по поликультурному воспитанию, духовно-нравственное воспитание, калейдоскоп культур.

Проблема исследования. Россия является многонациональным государством, соединяющим в себе культуры и традиции разных народов. Приоритетом сегодня становится формирование основ поликультурного воспитания и привлечение подрастающего поколения к культуре, традициям, как своего народа, так мира в целом. Поэтому сегодня государство придает большое значение созданию условий по формированию положительного отношения к культуре, традициям и особенностям другого народа, а также для бесконфликтного общения со сверстниками.[3] Одним из основных способов приблизить подрастающее поколение к соответствующему эталону поведения — создание соответствующей среды, где обучающиеся могли бы в удобное для них время узнавать новое о традициях как своего, так и другого народа, общаться со сверстниками. Такой благоприятной средой могут стать социальные сети, которые уже давно пользуются спросом у молодежи. В рамках нашего исследования создано сообщество на платформе «ВКонтакте». Сообщество предполагает: информационные посты, рубрики — сообщение знаний о традициях, обычаях своего и соседствующих народов, специфике культур и ценностей, проведение различных флешмобов, мастер-классов, а также возможность обсуждения в режиме чата.

Социальные сети являются эффективной площадкой для реализации деятельности направленной на формирование поликультурных компетенций. У нового поколения детей потребность в визуальной информации и зрительной стимуляции гораздо выше, так как оно выросло на телевидение и компьютерах, а социальные сети стали неотъемлемой частью жизни любого подростка. Выбранная нами площадка для внедрения воспитательного контента пользуется своей популярностью уже свыше 10 лет и соответствует всем условиям для его продвижения. Информация, представленная в наглядной форме, в часто используемых источниках, усваивается легче и быстрее.[1]

Исходя из вышеуказанного, целью исследования является: показать возможности социальных сетей как средства приобщения подростков к культуре, традициям народов. Методы исследования: теоретические методы, среди которых анализ предмета исследования на основе изучения психолого-педагогической; систематизация и обобщение. В качестве эмпирических методов использовано анкетирование. В исследовании приняли участие 54 школьника в возрасте 12-14 лет. Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости проведения специально-организованных мероприятий, направленных на формирование положительного отношения к своему народу,

а также к особенностям и традициям другого. В рамках исследования на основе результатов анкетирования подростков разработано сообщество «Калейдоскоп культур». По мнению авторов все это будет способствовать формированию у детей этнокультурных навыков. Результаты исследования могут быть использованы при выборе форм, методов и средств работы с подростками, для повышения положительного отношения к представителям разных этнических принадлежностей, знакомства школьников с культурами разных народов, конфликтами и их плачевными последствиями.

1. Куликова, А. П. Особенности контента образовательных сообществ в социальной сети ВКонтакте / А. П. Куликова // Челябинский гуманитарий. 2019. №4 (49).
2. Манюкова Е.В., особенности социального конструирования гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного воспитания / Е. В. Манюкова // Вестник НГПУ. 2020. №2.
3. Сабанова, М. М. Роль социальных сетей в информатизации образования / М. М. Сибанова // Научные междисциплинарные исследования. 2020. №6.
4. Селиванова, Н. Л. Воспитание в современном обществе: взгляд на проблему / Н. Л. Селиванова // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. — № 1. — С. 18-19.

Виндекер О.С.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

К вопросу о стигме образовательной неуспешности

Стигма, стигматизация обучающегося, образовательная неуспешность

Феномен стигмы активно изучается в социо-гуманитарных науках. Стигма — это отношение между имеющимися у человека особенностью и стереотипным представлением о «нормальности». Стигматизация — это процесс связывания «отклоняющейся от принятой нормы» черты с конкретным человеком таким образом, что автоматически приписывается еще целый ряд недостатков, которые не имеют к его личности никакого отношения. В психологических исследованиях изучение феномена стигматизации является достаточно распространенным, особенно в области клинической и социальной психологии (например, проблема стигматизации людей с ограниченными возможностями здоровья [2; 4]). Предметом исследования в этом случае является стигма как следствие наличия реально существующей «инаковости» человека, с одной стороны, и определенного представления о «нормальности» со стороны общества, — с другой [3]. Это несоответствие и приводит к стигматизации индивида.

Актуальными являются исследования, посвященные феномену стигмы в контексте проблемы образовательной неуспешности [1]. Несмотря на ведущую роль гуманистической парадигмы, в образовании сохраняется тенденция к «навешиванию ярлыков» в структуре отношений «ученик — ученик», «ученик — учитель», «ученик — родитель» [1, с. 18]. Действительно, оценка образовательной успешности связана с представлениями всех субъектов образования. На наш взгляд, особое значение имеет также процесс самостигматизации, когда на первый план выходят отношения обучающегося с самим собой. Как пишет И. Гофман [3], «усвоенные стандарты позволяют человеку улавливать то, что другие считают недостатком» (с. 6). Автор отмечает, что стигматизация приводит к «разрушению самооценки» [3, с. 10], поскольку существует непреодолимое расхождение между «нормальностью» и «реальностью». Стигма в образовании — это «особое отношение между реальными качествами обучающихся и социальными стереотипами относительно планки образовательных достижений» [1, с. 18].

Стигматизация образовательной неуспешности приводит к мучительному чувству стыда, состоянию беспомощности, поскольку с каждой учебной неудачей обучающемуся все труднее выбраться из порочного круга стигмы. Теперь не только «другие», но и он сам воспринимает себя как неуспешного. Мы полагаем, что профилактика стигматизация обучающегося в контексте образовательной неуспешности возможна только при условии укрепления позитивной Я-концепции. К. Роджерс и Д. Фрейберг [5] отмечают, что неотъемлемой частью образовательного процесса является возможность подлинного бытия в учебной аудитории. Авторы убеждены, что учителя и ученики способны взаимодействовать как личности, а не исходя из «роли» или «стигмы» («двоечник», «летает

в облаках», «вечно опаздывает», «что-с-него-возьмешь»). Одобрение, принятие и доверие позволяют сформировать более позитивную Я-концепцию. В таком случае обучающемуся не предъявляются условия ценности, и он обучается воспринимать себя, не испытывая чувства стыда из-за несоответствия реальных учебных результатов и ожиданий.

1. Амбарова, П. А. Феномен стигматизации в российских школах в контексте проблемы образовательной неуспешности //Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. — Том 74. — № 5. С. 18–28.
2. Бовина, И. Б., Бовин, Б. Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. — Том 3. № — 3. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778.shtml (дата обращения: 10.05.2022).
3. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (в переводе М.С. Добряковой) [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 06.05.2022).
4. Милютина Е. В. Психология стигматизации: феномен изгойства // человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. — Том 38. — № 2. — С. 143–153.
5. Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. — М.: Смысл, 2019. — 527 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07016

Виндекер О.С., Храмова А.С.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Образовательная мотивация студентов в связи с их имплицитными теориями интеллекта в условиях пандемии COVID-19

Образовательная мотивация, имплицитные теории интеллекта, дистанционная и смешанная формы обучения

В настоящее время исследования, направленные на изучение образовательной мотивации студентов в условиях пандемии COVID-19, не теряют своей актуальности. Образовательная успешность подразумевает не только объективные результаты обучения, такие как, например, баллы и отметки, но и внутреннюю удовлетворенности процессом обучения. При этом значение имеет не столько уровень мотивации, сколько ее качество [1, 2]. Непредсказуемая смена формата обучения, от смешанного до дистанционного, вынуждает студентов быстро перестраиваться и может негативно влиять на качество образовательной мотивации. При этом большое значение имеют устойчивые представления студентов об интеллекте и собственных возможностях развиваться и личностно расти [3]. Мы предположили, что образовательная мотивация в условиях вынужденного смешанного и дистанционного обучения значимо связана с имплицитными теориями студентов интеллекта.

В 2020–2021 году в Уральском федеральном университете было проведено исследование образовательной мотивации студентов с привлечением к опросу в условиях дистанционного и, через несколько месяцев, в условиях смешанного обучения (студенты-психологии, n=86; 10 юношей и 76 девушек). Использовались следующие методики: «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой), «Методика изучения мотивации в вузе» Т. Ильиной и «Опросник имплицитных теорий интеллекта и личности» К. Двек — Т.В. Корниловой.

В условиях вынужденного дистанционного обучения студенты, полагающие, что интеллект можно развивать, имели ярко выраженные мотивы получения диплома (r=0,37; p=0,001) и престижа (r=0,28; p=0,01), а также профессиональные мотивы (r=0,35; p=0,001). При этом студенты с ярко выраженным мотивом приобретения знаний имели четкие цели обучения (r=0,28; p=0,01) и считали, что могут развивать свои личностные качества (r=0,26; p=0,01). Студенты, принимающие цели обучения, имели ярко выраженные мотивы получения диплома, а также социальные и профессиональные мотивы. Примечательно, что мотивы творческой самореализации были связаны с самооценкой обучения.

В условиях смешанного обучения, когда ограничительные меры из-за COVID-19 были ослаблены, связи между имплицитными теориями интеллекта и мотивами обучения не наблюдалось. То есть мотивация студентов не зависела от их представлений о возможностях развития интеллекта и личности. При этом

наблюдались связи с самооценкой обучения: студенты с выраженными мотивами приобретения знаний оценивали свою успеваемость и эффективность в обучении высоко (r=0,40; p=0,001).

Отметим, что в условиях дистанционного и смешанного обучения мотив избегания учебных неудач противоположным образом был связан с представлениями студентов об интеллекте. В условиях дистанта приверженцы «теории наращиваемого интеллекта» имели ярко выраженную мотивацию избегания (r=0,22; p=0,05), а в условиях смешанного обучения, напротив, не имели мотивации избегания вовсе (r= -0,28; p=0,01). Данные, полученные в условиях дистанционного обучения, противоречат имеющимся в литературе данным [3], что еще раз подтверждает необходимость более тщательного изучения этой формы обучения, поскольку результаты «в обычных условиях» здесь не воспроизводятся.

1. Гордеева, Т. О., Сычев О. А. Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2017. — №1. — С. 67–87.
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Пути к успешности в образовании: поведенческие стратегии студенчества в региональных вузах России //Высшее образование в России. — 2021. — Т. 30. — № 11. — С. 64–80.
3. Корнилова, Т.В., Смирнов, С.Д., Чумакова, М.В., Корнилов, С.А., Новотоцкая-Власова, Е.В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов //Психологический журнал. Том 29. — № 3. — 2008. — С. 86–100.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07016

Даринская Л.А., Балышев П.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Учебная коллаборация как форма педагогического взаимодействия: результаты контент- и дискурс-анализа

Учебная коллаборация, коллаборативное обучение, педагогическое взаимодействие, педагогика сотрудничества

Понятие коллаборация или коллаборативное обучение все чаще встречается в отечественных педагогических исследованиях. Вместе с тем, отмечена терминологическая неопределенность данной педагогической категории. Коллаборацию понимают и как групповую форму организации взаимодействия (О.В. Максименкова, А.А. Незнанов), и как педагогический подход, основанный на тесном взаимодействии между участниками образовательного процесса (Н.В. Павельева); и как философию образования, исходную концепцию учебного взаимодействия (А.В. Куликов).

Целью исследования является уточнение содержания термина коллаборация как педагогической категории. Для достижения поставленной цели были использованы методы контент- и дискурс-анализа научных трудов в количестве 28 единиц в области социологии, философии и педагогики. Контент-анализ применялся для выявления тенденций в описаниях и трактовках основных категорий анализа: взаимодействие, совместная деятельность, коллаборация, учебная коллаборация. Дискурсивный анализ предполагал рассмотрение текстов в неразрывной связи с социальной действительностью времени их создания [2].

По результатам качественно-количественного анализа текстов с помощью указанных методов было установлено нижеследующее.

1. Ключевым смыслообразующим понятием при научном рассмотрении феномена коллаборации является общефилософская категория взаимодействия, которая впервые наиболее полно была раскрыта И. Кантом как отношение между действующим и подвергающимся воздействию через соотношение качеств и количеств [3].

2. В начале 20-го столетия взаимодействие становится объектом изучения психологии. Российские ученые (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн) при исследовании человеческого взаимодействия выдвинули ключевой принцип субъектной активности, что впоследствии послужило как основанием для разработки психологической структуры деятельности и совместной деятельности, так и для разработки типологий взаимодействия в социологии [1].

3. Анализ многочисленных трудов отечественных (Л.И. Уманский, А.В. Мудрик, Н.И. Шевандрин) и зарубежных (М. Вебер, Дж. Мид, Дж. Хоманс) социологов, представленных в различные периоды 20-го века, позволил заключить, что коллаборация (коллаборативное взаимодействие) является формой социального сотрудничества наряду с кооперацией, ассоциацией, партнерством и др.

4. Рассматривая педагогическое взаимодействие как подсистему социального взаимодействия, учебную коллаборацию целесообразно относить к формам педагогического сотрудничества. При этом было установлено, что специфика учебной коллаборации рассматривается в основном в трудах зарубежных авторов (Д. Джонсон, К. Брюффи, Р. Роквуд и др.). К специфическим особенностям указанной формы взаимодействия исследователи относят: опору на конструктивистскую теорию учения, сетевой характер коммуникации, принцип синергии компетентностей учащихся, работу в учебных сообществах, оценивание продуктов учебной деятельности с привлечением экспертных сообществ, гетерархическое деление учебных заданий между обучаемыми и др. [4;5].

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на то, что коллаборацию в качестве педагогической категории следует понимать прежде всего как форму педагогического взаимодействия.

1. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования — М.: Педагогика, 1986 — 240 с.
2. Даринская Л.А., Бузина О.К., Иванова М.В. Проблемы высшей школы в социогуманитарной периодике (по материалам исследовательской работы студентов) // ЖССА. 2008. №2. — С. 93–109.
3. Кант И. Критика чистого разума / Кант И., пер. с нем. Н. О. Лосского. — М.: Академ. Проект, 2020. — 567 с.
4. Baek Youngkyun & Zhan Hui & Yun Seongchul & Cui Xiangzhe. Comparing Collaboration with Cooperation in Game-Based Learning // ICAT2E 2017. — 2016. — pp. 64–81.
5. Haataja E., Malmberg J., and Järvelä S. Monitoring in collaborative learning // Comp. Hum. Behav. 87. — 2018. — pp. 337–347.

Дьячук А.А.
Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева

Особенности восприятия ситуации студентами с разной успешностью функционирования в условиях вынужденного удаленного обучения

Ситуация, переживание времени, самоэффективность, успешность в учебной деятельности

Происходящие изменения в жизнедеятельности человека актуализируют вопросы успешного функционирования в ситуации неопределенности. Успешность функционирования в разных сферах рассматривается как активность личности, направленная на поиск возможностей преодоления затруднений в самореализации, использования имеющихся ресурсов для снижения негативных эффектов неблагоприятных условий, проектирования вариантов решения задач сегодняшнего дня и формирования предпосылок движения вперед.

Мы полагаем, что успешность функционирования студентов в новых условиях вынужденного удаленного обучения соотносится с особенностями переживания ситуации и самоэффективностью. Успешность функционирования рассматривалась нами через переживания в учебной деятельности, характеризующие мотивацию, связанную с вовлеченностью (на основе модели Д.А. Леонтьева и М. Чиксентмихайи), и субъективную оценку динамики результатов обучения.

На основе результатов онлайн-опроса 1962 студентов в возрасте 17–26 лет (M=20,6, SD=1,9), проводимого в январе–феврале 2021 г., путем кластеризации методом k средних были выделены 4 группы, отличающихся по соотношению переживания удовольствия, смысла и пустоты («Диагностика переживаний в деятельности» Д.А. Леонтьева), оценкой ухудшения / улучшения результативности в учебе на основе анкетного опроса. Для первой группы (13,2%) характерно преобладание переживания пустоты и оценка снижения успеваемости. Во второй группе (36,2%) преобладает переживание пустоты при неизменной либо улучшившейся успеваемости. Третья группа (24,9%) характеризуется переживанием удовольствия в соотношении с неизменной либо ухудшившейся успеваемостью. Четвертую группу (25,7%) составили студенты с преобладанием удовольствия и смысла, оценившие улучшение успеваемости.

В результате сопоставления данных групп по ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина и переживанию текущего состояния на основе «Шкал состояний» были выявлены значимые различия на уровне p=0,001. В первой группе преобладает плохое и пониженное самочувствие и высокая ситуативная тревожность, в четвертой — более хорошее самочувствие и меньшая выраженность ситуативной тревожности по сравнению с другими группами. Тем самым, выделенные группы можно представить как проявление уровня позитивного функционирования: низкий уровень — несправляющиеся с трудностями (первая группа); пониженный уровень, проявляющийся в стремлении сохранить

результаты при переживании отчуждения, подавленности (вторая), повышенный уровень у третьей группы, ищущей возможности, но испытывающие затруднения в обеспечении результатов; высокий уровень позитивного функционирования для четвертой группы.

На следующем этапе изучения восприятия ситуации осуществлялся анализ типов ориентаций в трудных ситуациях по методике ТОрТС Е.В. Битюцкой, переживания времени по шкалам Е.И. Головахи, А.А. Кроника, а также общей самоэффективности («Опросник общей самоэффективности» Р. Шварцера и др.) как веры в способность организовать свои действия для достижения цели. В результате сравнительного анализа выявлены значимые различия на уровне p=0,001 в преобладании стремления к трудностям — драйв, ориентации на тщательную трудоемкость, поиск возможностей для достижения цели у студентов с повышенным и высоким уровнем функционирования, при этом ориентация на возможности более характерна для повышенного уровня. У студентов с низким и пониженным уровнем преобладает ориентация на избегание трудностей (p=0,001), беспечность как игнорирование трудностей (p=0,001), бездействие как сохранение ресурсов (p=0,001), а также ориентация на сигналы угрозы, предвещающие наступление трудной ситуации (p=0,01), которые приводят скорее к повышению тревожности, чем готовности к быстрому реагированию. Переживания времени для выделенных групп также отличны (p=0,001). Выраженность ориентаций на уход от трудностей соотносится с переживанием времени как медленного, скачкообразного, однообразного, пустого, неорганизованного, неприятного, а также прерывистого и раздробленного, которые более характерны для пониженного уровня, чем низкого. Студенты с повышенным и высоким уровнем оценивали время как быстрое, плавное, непрерывное, цельное, разнообразное, насыщенное, организованное и приятное, что соотносится с более высоким уровнем самоэффективности.

Таким образом, восприятие ситуации как несущей возможности, готовность к высоким затратам усилий, оценка затруднений как вызова, проверки себя в решении новых задач, переживание себя как источника изменений, обладающего возможностями и ресурсами для достижения цели, в соотношении со связанностью, организованностью, насыщенностью времени можно рассматривать как условие успешного функционирования студентов в новых условиях обучения.

Жабакова Т.В.
Челябинск, ЮУрГГПУ

Самореализация личности будущих педагогов физической культуры и ее психологическое сопровождение в процессе обучения

Самореализация личности, процесс обучения в вузе, психологической сопровождение

Современная социальная действительность трансформирует психологическое содержание самореализации личности будущих педагогов. Эффекты и результаты самореализации оцениваются не только в контексте требований времени, но и реализации «возможного» и «потенциального» в системе личных координат. Рассогласование «социально обусловленного» и «личностно осознанного» определяется невозможностью адаптироваться к новым вызовам социальной действительности, поэтому психологическое сопровождение самореализации личности будущих педагогов обеспечивает «новый» ресурс гуманизации и «осовременивания» высшего педагогического образования. В нашей работе мы опираемся на методологические положения исследования самореализации Э. В. Галажинского [1], который определяет сущность феномена самореализации как переход от самореализации репродуктивно-адаптивного типа к самореализации продуктивно-сверхадаптивной.

На первом этапе эмпирического исследования психологических особенностей самореализации мы выявили тенденцию к нивелированию биполярных показателей шкал самореализации (опросник С.И. Кудинова [2]). Разброс средних по показателям самореализации составил от 10,5 до 26,7, что соответствует оценкам по шкалам среднему и высокому уровням. Таким образом, явную диспозицию низкий — высокий уровень мы не наблюдаем ни по одному из показателей. Высокие результаты испытуемых отмечены по показателям социально-корпоративные установки самореализации, активность, оптимистичность, интернальность, конструктивность.

На втором этапе изучались показатели самореализации в общей выборке (п=66). В соответствии с задачами были организованы необходимые группы испытуемых. Из общей выборки по показателю уровень самореализации выделились четыре подвыборки: в первую подвыборку вошли испытуемые с иррациональным уровнем самореализации (6 чел.), во вторую выборку — инертным уровнем самореализации (18 чел.), в третью — с адаптивным уровнем самореализации (28 чел.), в четвертую — с гармоничным уровнем самореализации (14 чел.). На основании описательных статистик был составлен и описан профиль самореализации личности в общей выборке, а также на гармоничном, адаптивном, иррациональном, инертном уровнях самореализации. Качественные различия шкал самореализации на гармоничном и адаптивном уровнях связаны с показателями личностные и социальные барьеры самореализации, которые детерминируют трудности, препятствия в самореализации личности будущих

педагогов, возможно обусловленные несформированностью способов и приемов самовыражения личности.

На третьем этапе исследования осуществлялось проектирование системы психологического сопровождения самореализации личности будущих педагогов в рамках реализации НИР «Трансдисциплинарное проектирование практико-ориентированной подготовки будущих педагогов физической культуры в условиях современных вызовов». В качестве основных направлений психологического сопровождения выделены: 1) развитие представлений о полифункциональности деятельности; 2) развитие флексибильности; 3) формирование аутентичности; 4) реализация феномена префигуративности в процессе обучения в вузе.

Самореализация личности в процессе обучения — это процесс «самодвижения» будущих педагогов через инициирование субъектом целенаправленных продуктивных, преобразующих действительность действий через реализацию «потенциального» и «возможного». В таком случае, психологическое сопровождение самореализации личности будущих педагогов стимулирует переход от репродуктивно-адаптивных уровней самореализации к гармонично-продуктивным.

1. Галажинский, Э. В. Системная детерминация самореализации личности : дисс… .д-ра психолог. наук: 19.00.01 / Галажинский Э. В. — Томск, 2002. — 320 с. — Текст : непосредственный.
2. Кудинов, С. И. Психодиагностика личности : учебное пособие / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов. — Тольяттти : Изд-во ТГУ, 2012. — 270с. — Текст : непосредственный.

Жебровская О.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Идеи педагогического дизайна в работах Дэвида Меррилла

Педагогический дизайн, цифровая трансформация образования, учебная задача

Исследования в области педагогического дизайна связаны с работами Дэвида Меррилла (M. David Merrill), профессора образовательных технологий Университета штата Юта (США), которому принадлежит тезис о том, что «информация сама по себе еще не обучение» («Information is not instruction») [1]. По его мнению, важно соблюдение баланса между технологической составляющей и дизайном учебных материалов. Им было доказано, что избыточная технологичность, например, в компьютерных обучающих программах, снижает эффективность обучения. Как и недостаток технологичности при избытке среди учебных ресурсов обычных электронных текстов и иллюстраций. Теория отображения компонентов, теория учебных транзакций и принципы обучения («Первые принципы обучения»), разработанные Д. Мерриллом, повлияли на все, что преподаватели создают в цифровой образовательной среде, в области современных образовательных технологий и педагогического дизайна [2].

«Первые принципы обучения» Д. Меррилла связаны с опытом обучающихся, учебными задачами, с проблемно-ориентированным обучением. В требованиях обновленных федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования появилось понятие «учебная задача». Это требует определенной логики, четкой структуры организации новых знаний, использования учебных задач в контексте реальной проблемы [3]. Понятие актуально и для других уровней образования.

Теория компонентного отображения учитывает два компонента образовательного процесса: содержание и производительность. Матрица измерения содержания включает факты, процедуры, концепции и принципы; матрица измерения производительности — запоминание, использование и поиск. Эти матрицы можно применять в современных условиях, а теория компонентного отображения может быть использована для проектирования любых образовательных продуктов в условиях цифровой трансформации образования. В 1994 году теория компонентного отображения была перенесена автором на конкретные учебные операции [2], что сделало ее еще более соответствующей идее учебных задач.

Теория обучающих транзакций, под которыми Д. Меррилл понимал алгоритмы, структуру обучающих взаимодействий, расширила подходы Р. Ганье [4] и позволила создать теорию педагогического дизайна и автоматизированное обучение.

К сожалению, идеи Д. Меррилла неизвестны современным преподавателям. Исследование, проведенное в 2022 году, показало, что лишь малая часть (5%) современных преподавателей высшей школы фрагментарно информирована об этом. Аналогичное исследование было проведено в рамках преподавания

дисциплин магистратуры «Педагогика высшей школы», «Методология профессионального образования» и «Педагогический дизайн (с практикумом)», оно продемонстрировало полную неосведомленность обучающихся о работах Д. Меррилла. После проведения занятий и ознакомления магистрантов с идеями Д. Меррилла был отмечен значительный интерес к этой теме и более эффективное изучение ими дидактики и современных образовательных технологий.

Идеи Дэвида Меррилла сегодня имеют большую ценность для преподавателей, работающих в условиях цифровой трансформации образования, для учебных стратегий обучающихся, для развития педагогического дизайна, чему Д. Меррилл придавал особое значение.

1. Абызова Е. В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // Теоретические основы педагогики, [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-dizayn-ponyatie-predmet-osnovnye-kategorii (дата обращения: 19.03.2022)
2. Merrill M. D. (2002). First principles of instruction // Educational Technology Research and Development. 50 (3). P. 43-59.
3. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. URL: https://fgos.ru (дата обращения: 22.04.2022).
4. Gagné R.M., Wager W.W., Golas K., & Keller J.M. (2005). Principles of instructional design, Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, (5th ed.). P. 392

Исхакова М.П., Тихомирова М.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональный интеллект студентов и их теоретические знания по теме «Эмоции»

Эмоциональный интеллект, усвоение, теоретические знания, студент

На сегодняшний день эмоциям отводится важная роль в процессе обучения, что обусловлено их влиянием на успеваемость и качество получаемых знаний, связью с психологическим благополучием учащихся [4]. Усвоение теоретической информации по теме «Эмоции» является уникальным, с точки зрения того, что студенты уже имеют практический опыт эмоциональных переживаний и, согласно модели построения обучения Д. Колба и Р. Фрая [1], выходят на третий этап обучения — концептуализацию, где формируют абстрактные теоретические представления о феномене.

В настоящем исследовании, целью которого стало определение взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта (ЭИ) студентов с результатом усвоения теоретической информации по теме «Эмоции» в рамках курса «Психология», приняли участие студенты первых курсов экономического (105 человек, очный формат) и медицинского (109 человек, онлайн формат) факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Содержание лекционных занятий и итоговое тестирование было идентичными. Исследование ЭИ предшествовало изучению темы «Эмоции». Учебный тест проводился через неделю после изучаемой темы посредством ИКТ.

При исследовании ЭИ мы опирались на модель М.А. Манойловой [2]. Тестовые задания были разработаны с опорой на структурно-функциональную модель терминологической компетентности Н.В. Бордовской, Е.А. Кошкиной [3].

В результате установлено, что студенты первого курса имеют средний уровень ЭИ вне зависимости от направления обучения. Наиболее развит в обеих группах компонент «Управление своими чувствами и эмоциями», наименее — «Осознание своих чувств и эмоций». Что свидетельствует скорее о сдерживании студентами эмоций, нежели об умении осознанно ими управлять.

Результаты усвоения теоретической информации у студентов медицинского факультета статистически выше, чем у студентов экономического. Мы объясняем это меньшим влиянием стрессогенных факторов в домашней обстановке.

Кроме того, были обнаружены различия во взаимосвязях уровня ЭИ с результатами усвоения теоретической информации по теме «Эмоции»: у студентов медицинского факультета выявлены положительные корреляции компонента ЭИ «Осознание чувств и эмоций других людей» как с общим результатом тестирования, ($r=0{,}278$, $p=0{,}003$), так и с результатами блока на знание терминологии ($r=0{,}204$, $p=0{,}033$) и на оперирование терминами ($r=0{,}231$, $p=0{,}016$); интегрального показателя ЭИ со знаниями терминологии ($r=0{,}193$, $p=0{,}045$). В группе студентов экономического факультета выявлена положительная взаимосвязь компонента

ЭИ «Осознание чувств и эмоций других людей» со знаниями терминов (r=0,198, p=0,043). То есть, чем внимательнее студенты к эмоциональному состоянию других людей, тем лучше они усваивают теоретическую информацию по данной теме. Можно предположить, что они стремятся расширить свои знания для лучшего взаимодействия с окружающими.

Таким образом, ЭИ студентов может выступать основой для формирования теоретических знаний по теме «Эмоции» в ходе учебного процесса. Полученные данные согласуются с теоретическими представлениями о роли эмоций в процессе обучения, подчеркивают актуальность изучаемой темы и выявляют возможности для развития у студентов способности к осознанию, принятию и регуляции своих эмоциональных состояний и чувств других людей. Что, однако, требует дополнения в виде экспериментального исследования о влиянии ЭИ на усвоение теоретической информации по теме «Эмоции», а также о влиянии теоретических знаний по теме «Эмоции» на развитие ЭИ студентов.

1. Макарова Н.С. Развитие дидактического знания об образовательном процессе в высшей школе: дисс. док.пед. наук/ Макарова Н.С. — Омск, 2015. — 461 с.
2. Манойлова М.А. Авторская методика диагностики эмоционального интеллекта МЭИ // Педагогическая диагностика. — 2007. — № 3. — С. 95–109.
3. Терминологическая компетентность педагога: монография /Н.В. Бордовская, Е.А. Кошкина, М.А. Тихомирова. — Москва: РУСАЙНС, 2019. — 182 с.
4. Sternberg R. J., Kaufman S. B. The Cambridge handbook of intelligence. — Cambridge University Press, 2011. — pp. 528–549.

Кочнёва Е.В.
Санкт-Петербург, ГБОУ школа № 4

Динамика саморегуляции младших школьников с задержкой психического развития в процессе обучения

Саморегуляция, учебная деятельность, задержка психического развития.

Задержка психического развития в младшем школьном возрасте обнаруживается в процессе учебной деятельности и выражается в недостаточном запасе общих знаний об окружающем мире, ограниченных представлениях, незрелом мышлении и ограниченной познавательной направленности, в преобладании игровых интересов, быстром утомлении в процессе решения интеллектуальных задач. Организация учебной деятельности в образовательной среде во многом обеспечивается механизмами саморегуляции. Эффективная саморегуляция предполагает широкий спектр способностей и умений, связанных с целеполаганием, планированием, прогнозированием, контролем, коррекцией и оценкой усвоенного материала (Моросанова В.И., 1998, Троценко С.Н., 2012).

Цель исследования — выявить динамику саморегуляции младших школьников с задержкой психического развития в процессе освоения основной образовательной программы. В исследовании участвовало 59 младших школьников с задержкой психического развития возрасте от 6,5 до 12 лет, 1-4 классов обучения. Использовалась специально разработанная программа, включающая в себя метод наблюдения, беседы и тестирования на основе психодиагностики, предложенной Я.Я. Семаго и М.М. Семаго.

Результаты исследования указывают на то, что в начале обучения (1-2 класс) у 13% учащихся регулятивные универсальные учебные действия не сформированы. На начальном этапе формирования находятся целеполагание (50%), планирование (59%), оценка (53%) и в целом саморегуляция (56%). Большие сложности возникают при необходимости следовать действиям по предложенной схеме, самостоятельно их регулировать (26% учеников). Лишь 18% учащихся 1-2 класса могут удерживать в сознании способ действия и эталоны поведения. В этот период дети с задержкой психического развития нуждаются в помощи учителя. С помощью учителя они могут определить цель учебной задачи, выстроить план с учетом собственного опыта, оценить и контролировать полученный результат.

На протяжении всего периода обучения в младшей школе способность к саморегуляции развивается медленно. К 3-4 классам определенный прогресс в саморегуляции отмечается. Увеличивается до 29% количество детей, способных удерживать в сознании необходимые действия и эталоны поведения. В этот период повышается уровень целеполагания (48%), планирования (63%), контроля (48%) и оценки собственной деятельности (44%). Наряду с этим сохраняются трудности саморегуляции. Высокого результата развития регулятивных универсальных учебных действий дети с задержкой психического развития в 3-4 классах не достигают. В этот период у 26% учащихся наблюдаются проблемы при состав-

лении умозрительного плана. У 19% учащихся контроль носит непроизвольный характер. Ученики преимущественно действуют неосознанно, предугадывают правильное направление действия. Наиболее сложным для овладения оказалось прогнозирование. Для 26% учащихся к 3-4 классам подобное умение недоступно в ходе учебной деятельности.

Таким образом, начало обучения детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития связано с низким уровнем сформированности механизмов саморегуляции. Специально организованные условия обучения этой категории учащихся способствуют положительной динамике саморегуляции, необходимой для учебной деятельности. Однако саморегуляция не достигает высокого уровня. Возникает необходимость разработки специальных программ развития саморегуляции детей с задержкой психического развития, включая не только школьный, но и дошкольный период развития.

1. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998.
2. Психологический мониторинг уровня развития универсальных учебных действий у обучающихся 1-4 классов. Методы, инструментарий, организация оценивания/ сост. И.В.Возняк [и др.]. — Волгоград: Учитель, 2016. — 83 с.
3. Троценко С.Н. Уровневый анализ компонентов учебной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. // Мир науки, культуры, образования. №5 (36), 2012. С. 169-172.

Кошкина Е.А.
Северодвинск, ФГБОУ ВО СПбГУ, ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова

Тихомирова М.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Внутренние и внешние ресурсы готовности преподавателей к использованию смешанных образовательных технологий

Смешанные образовательные технологии, готовность, преподаватель, студент

Сложность применения смешанных образовательных технологий (СОТ) в педагогической практике исходит в большинстве своем из-за неготовности педагогов к осуществлению перехода на смешанный формат обучения. Однако, недостаточно рассматривать только внутренние ресурсы готовности самих преподавателей к использованию СОТ, важно учитывать также внешние ресурсы — возможность для реализации смешанного образовательного процесса, предоставляемую учебным заведением (Андрюхина и др., 2021). Поэтому готовность педагога мы, вслед за Л.Н. Еременко (2019), рассматриваем как сочетание внешних и внутренних условий для реализации СОТ в образовательной практике.

В эмпирическом исследовании, проводимом с целью определения внутренних и внешних ресурсов готовности к использованию СОТ, приняли участие 46 преподавателей вузов гг. Санкт-Петербурга и Архангельска. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся эффективности применения СОТ в их образовательной практике.

80% опрошенных дали положительную оценку персональному опыту использования СОТ, поскольку они обеспечили улучшение образовательных результатов. 74% отметили, что заинтересованы в дальнейшем применении СОТ. 66% преподавателей оценили как высокий собственный уровень сформированности компетентности, позволяющей эффективно использовать СОТ в образовательном процессе, однако только 37% преподавателей ощущают высокий уровень комфорта и благополучия в условиях смешанного обучения, и 24% респондентов считает уровень самостоятельности студентов в процессе смешанного обучения достаточно высоким. Возможно, это связано с тем, что лишь половина опрошенных (56%) педагогов наблюдает заинтересованность студентов в применении СОТ.

По результатам опроса нами был сделан вывод о недостаточной обеспеченности внешними ресурсами реализации СОТ в образовательной практике вузов. Так, например, преподавателями отмечено, что отбор и формирование электронного образовательного реестра ими осуществляется самостоятельно для каждой учебной дисциплины (59%) или некоторых модулей или тем (15%). Респонденты указали, что применение СОТ рекомендовано учебными программами дисциплин (модулей) (48%) или регламентировано (24%). Большинство опрошенных (67%) указывает, что использование компьютеров в специально оборудованных аудиториях ограничено по времени для студентов, что может

затруднять их самостоятельную работу в смешанной образовательной среде. А об оптимальной обеспеченности студентов и преподавателей персональными компьютерами упомянули лишь 28% респондентов. При этом все респонденты указали на возможность доступа в интернет и к электронным базам, то есть возможность работать в цифровой среде со своего персонального устройства. 50% преподавателей подчеркнули возможность получения технической поддержки всеми участниками образовательного процесса, но 17% отметили наличие ограничения такой поддержки.

Таким образом, преподаватели вузов заинтересованы использовать СОТ и активно применяют их в своей образовательной практике. При этом немногие отмечают высокий уровень благополучия и ощущения комфортности в условиях смешанного обучения, что можно связать с недостаточной технической готовностью вузов к переходу на смешанное образование.

1. Андрюхина, Л.М., Ломовцева, Н.В., Садовникова, Н.О., Коновалов, А.А., Чебыкина, И.В. Готовность педагогов профессионального образования к работе в условиях цифровой образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. — 2021. — № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30563 (дата обращения 15.05.2022).
2. Еременко, Л.Н., Еременко, М.В., Львова, И.В. Готовность педагога к использованию технологий интерактивного обучения в педагогической деятельности // Вестник науки и образования. — 2019. — 11-2 (65) — С.79-84.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00013

Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А.
Мурманск, ФГБОУ ВО МАГУ

Индивидуализация стратегий взаимодействия педагогов и родителей детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании

Инклюзивное образование, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, индивидуализация, стратегии взаимодействия

Поиск путей повышения качества инклюзивного образования приводит к пониманию взаимодействия педагогов и родителей обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) как одного из наиболее значимых ресурсов для создания инклюзивной образовательной среды, ориентированной на учет особенностей индивидуального психосоциального развития ребенка. Проблема исследования определяется тем, что, несмотря на направленность многолетней модернизации системы образования на командную работу педагогов, осуществляющих практику инклюзивного образования во взаимодействии с родителями детей с ОВЗ, сегодня доминирующей остается автономия их деятельности, не позволяя обеспечить действенную индивидуализацию образования обучающихся с ОВЗ (Кузьмичева, 2022). Необходимость согласованности усилий педагогов и родителей для оказания психолого-педагогической помощи ребенку с ОВЗ в раскрытии своего образовательного потенциала, на наш взгляд, предполагает выстраивание индивидуализированных стратегий их взаимодействий с учетом следующих основных позиций: типологии имеющихся у родителей запросов в отношении образовательного процесса младших школьников с ОВЗ; иерархии представлений педагогов и родителей о трудностях ребенка; степени включенности педагогов и родителей в образовательный процесс.

С целью изучения индивидуализированных стратегий взаимодействия педагогов и родителей детей с ОВЗ в инклюзивном образовании нами было предпринято исследование, в котором приняли участие 280 родителей младших школьников с ОВЗ, обучающихся в образовательных организациях г. Мурманска и Мурманской области и 90 педагогов разного профиля (учителя, логопеды, психологи и дефектологи) Исследовательскими инструментами выступили полуформализованное интервью и анкетирование родителей детей с ОВЗ.

Проведенное нами исследование показывает, что на первый план в родительских запросах выходят затруднения, связанные с усвоением ребенком программного материала. Несколько менее половины опрошенных родителей обеспокоены взаимодействием их ребенка с другими детьми, причем чаще отмечается нежелание принимать его сверстниками, чем коммуникативные трудности самого ребенка. Около половины интервьюируемых родителей выделили запрос на большее включение ребенка во внеурочную деятельность, где бы они могли проявить себя, реализовать интересы и способности, также как их одноклассники. В ответах большинства родителей просматривается дефицит дифференциро-

ванных представлений о характере трудностей, испытываемых детьми с ОВЗ, их причинах и возможностях компенсации средствами образования. В качестве диагностической основы изучения стратегий их взаимодействия нами была разработана анкета, которая позволила определить механизмы повышения их эффективности. Анализ данных показывает преобладание среди типов взаимодействия педагогов с родителями таких непродуктивных стратегий поведения как «избегание», «уступчивость» и «противодействие». Отметим, что продуктивная стратегия взаимодействия — «сотрудничество»- проявилась только у 16 % опрошенных родителей.

Анализ дифференцированных образовательных потребностей родителей детей ОВЗ в условиях инклюзивного образования позволил нам разработать поэтапную технологию взаимодействия педагогов с родителями, направленную на коллегиальное изучение педагогами разного профиля особенностей индивидуального развития ребенка и объективацию запросов родителей; коллегиальное проектирование педагогами образовательных условий и совместная рефлексия педагогами и родителями эффективности принятых мер, позволяющая своевременно обнаружить изменения в развитии ребенка и закрепить положительные эффекты включения.

1. Кузьмичева Т.В. Психолого-педагогическая оценка индивидуализации образовательной среды в условиях инклюзивного образования: коллективная монография / Т.В. Кузьмичева, Ю.А. Афонькина, Д.А. Морозова. — Красноярск: Научно-инновационный центр, 2021. — 208 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00811

Макушина О.П.
Воронеж, ВГУ

Связь тревожности по поводу пандемии COVID-19 и экзистенциальные способностей студентов

Пандемия, COVID-19, тревожность, свобода, ответственность, осмысленность, экзистенциальные способности

Появившаяся в России в 2020 г. пандемия COVID-19 вызвала в обществе самые разные чувства, переживания и состояния, актуализировала многие осознанные и неосознаваемые страхи людей, усилила их тревоги и опасения по поводу здоровья, жизни, настоящего и будущего. Разные люди переживали разную степень тревоги и беспокойства по поводу сложившейся ситуации, начиная от легкого волнения и заканчивая паникой и невротическими расстройствами [1]. В связи с этим интересен вопрос о факторах, влияющих на глубину и тяжесть переживаний во время пандемии. В основном волнения людей были связаны с такими категориями как жизнь и смерть, болезнь и здоровье, настоящее и будущее, т.е. с глобальными аспектами человеческого существования, экзистенциальными феноменами. Поэтому в нашем исследовании внимание было обращено на экзистенциальные способности человека, его ощущение собственной свободы и ответственности, осмысленности и исполненности.

Исследование проводилось в марте 2020 г. Цель работы — выявление связи между тревожностью по поводу пандемии и экзистенциальными способностями индивида. В качестве испытуемых выступили студенты Воронежского государственного университета в количестве 144 человек, из них 84 девушки и 60 юношей в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст — 20,4 лет. Для выявления тревожности по поводу пандемии применялась Шкала ситуативной тревожности Ч. Спилбергера, при этом инструкция к методике была модифицирована следующим образом: «Подумайте, как вы себя чувствуете в последнюю неделю и оцените, насколько предложенные утверждения соответствуют вашему состоянию в контексте нынешней ситуации с COVID-19». Для выявления экзистенциальных способностей использовалась Шкала экзистенции А. Лэнгле. Данная методика позволяет диагностировать экзистенциальные способности индивида по четырем шкалам и трем личностным факторам (1. «Самодистанцирование» — умение посмотреть на себя со стороны; 2. «Самотрансценденция» измеряет способность чувствовать близость к кому-либо и сочувствовать ему; 3. «Свобода» — способность принимать самостоятельные решения; 4. «Ответственность» — способность доводить до конца решения, принятые на основании личных ценностей; также методика позволяет продиагностировать следующие личностные качества: 1) персональность — открытость миру, эмоциональная отзывчивость; 2) экзистенциальность — способность активно включаться в жизнь; 3) исполненность — осмысленность собственной жизни.) Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Первоначально полученные статистические данные специфичны тем, что в целом по выборке не было выявлено ни одного значимого коэффициента корреляции между тревожностью и экзистенциальными характеристиками.

Далее мы разделили выборку по гендерному признаку и провели корреляционный анализ отдельно в группах юношей и девушек. В группе девушек так же не было выявлено значимых коэффициентов корреляции, в то время как выборка юношей обнаружила следующие значимые связи: 1) обратная связь между тревожностью по поводу пандемии и ответственностью ($r=-0{,}615$, $p < 0{,}01$), 2) обратная связь между тревожностью по поводу пандемии и экзистенцией ($r=-0{,}506$, $p < 0{,}01$), 3) обратная связь между тревожностью по поводу пандемии и исполненностью ($r=-0{,}435$, $p < 0{,}05$), 4) обратная связь между тревожностью по поводу пандемии и свободой ($r=-0{,}371$, $p < 0{,}05$).

Таким образом, тревожность по поводу пандемии тем выше, чем слабее ответственность, активность, свобода и осмысленность собственной жизни. И напротив, способность ответственно принимать самостоятельные решения, активно включаться в жизненные ситуации, ощущать смысл собственной жизни уменьшают тревогу в период пандемии, но только у мужчин. По всей видимости, тревога женщин носит более сложный и комплексный характер и обнаруживает на себе влияние большего количества факторов.

1. Бачило Е.В. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19 / Е. В. Бачило // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2020, № 120 (10). — С. 130–136.

Махмутова Е.Н.
Москва, МГИМО

Жакшылыков Б.А.
Бишкек, МГИМО

Аксиологические основания обучения иностранному языку в вузе

Профессиональная языковая подготовка, аксиологический подход, интеграционные процессы в образовании, социально-личностные компетенции, лингвокультурная личность

Система образования России, Кыргызстана и Казахстана с приобретением странами независимости проходит путь значительных и разнонаправленных преобразований: вносятся изменения в содержание, структуру и формы образования, развиваются процессы по обеспечению качества образования. Государственная политика в области развития человеческих ресурсов поддерживает внедрение и совершенствование национальных систем квалификаций, которые строятся вокруг решения реальных жизненных проблем и вызовов. Главным приоритетом является модернизационная образовательная политика, направленная на новые результаты и качество профессиональной языковой подготовки студентов. В профессиональной языковой подготовке студентов активно используются цифровые технологии. В процессе реформирования усилия вузов направляются на повышение качества образования, его доступности и внедрение в мировое образовательное пространство. Повышение уровня развития социально-личностных компетенций и профессиональных языковых навыков специалистов становится одним из ключевых факторов развития стран. В рамках интеграции с системами образования других государств изучение иностранного языка в вузе стало фактором формирования у студентов представлений о поликультурной картине современного мира. В системе обучения иностранному языку возникла категория «лингвокультурная личность», фокусирующая внимание на обучаемом не только как на языковой, но и как на социально-психологической личности (Гальскова, 2020).

В процессе обучения иностранному языку важно определить значимые для личностного и профессионального развития студентов ситуации общения как в социально-бытовой, так и в деловой сферах. Простой обмен информацией должен уступить место умениям и навыкам ведения диалога в поликультурной среде с интеграцией общечеловеческих и индивидуально-личностных ценностей в процессе обучения иностранному языку в вузе. В этой связи особую важность приобретает развитие у студентов таких качеств личности, как гуманизм, толерантность, способность к самоанализу в процессе приобретения индивидуального культурного опыта (Сластенин, Артамонова, 2002).

Заинтересованное изучение иностранного языка в вузе возможно только через «соответствующие ценностные ориентиры социокультурной среды» (Мишота, 2017, с. 140-141), при реализации на методологическом уровне аксиологического подхода (Рубцова, 2009). Модернизация профессиональной языковой подготовки студентов происходит в ряде стран СНГ, традиционно связанных различными формами делового сотрудничества. На современном этапе обучения иностранному языку в вузе важно выявить современные факторы, влияющие на актуальность профессионального владения английским языком у студентов; определить соотношение традиционных и инновационных учебных программ профессиональной языковой подготовки; оценить роль русского, кыргызского, казахского языков в преподавании английского языка; выявить соотношение методов преподавания с действительно достигаемыми целями; сформулировать практические рекомендации по моделированию наиболее эффективных программ обучения английскому языку. Успех интеграционных процессов во многом будет зависеть от социально-личностных компетенций обучающихся. При определении специфических и общих аспектов в профессиональной языковой подготовке студентов стран СНГ (на примере России, Кыргызстана, Казахстана) важно исследовать аксиологические основания обучения иностранному языку как неотъемлемые условия современного качественного образования.

1. Гальскова, Н. Д. Лингвокультурная личность как ценность профессионального педагогического образования / Н. Д. Гальскова // Аксиология иноязычного педагогического образования: монография / коллектив авторов; по итогам Международного научно-практического форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания иностранных языков (Москва 6-7 декабря 2019 г.) / под ред. А.К. Крупченко, С. В. Чернышова. М.: МПГУ, Г.Ю. Крюков. — 2020. — С. 12-22.
2. Мишота, И. Ю. Особенности аксиологического подхода в преподавании иностранных языков в современных условиях / И. Ю. Мишота // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения." — 2017. — №4/1. — С. 138-145.
3. Рубцова, А. В. Аксиологический подход как методологическая основа продуктивного обучения иностранному языку на переходном этапе российского образования / А. В. Рубцова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 83. — С. 179-184.
4. Сластенин, В. А. Аксиологический аспект содержания современного педагогического образования / В. А. Сластенин, Е. И. Артамонова // Педагогическое образование и наука. — 2002. — № 3. — С. 4-8.

Мелкая Л.А., Бордовская Н.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Отношение студентов к смешанному обучению

Смешанное обучение, студенты, отношение, удовлетворенность результатами, удовлетворенность процессом, удовлетворенность условиями

Эффективность смешанного обучения определяется многими показателями, среди которых значимое место занимает отношение студентов к данному формату обучения. Анализ литературы по этой проблеме показал разные подходы и результаты изучения такого отношения. Зарубежные исследователи подчеркивают важность оценки воздействия смешанного обучения на обучающихся и целесообразность применения таких показателей, как успешность, оценки, результаты протоколов оценки и свидетельства учащихся об опыте смешанного обучения [Dziuban C., Graham C R., Moskal P.D., Norberg A., Sicilia N., 2018]. Отечественные психологи и педагоги отмечают необходимость опроса обучающихся для оценки мотивационной и педагогической ценности смешанного обучения [Руднева М.А., 2017]. Выявлено положительное отношение студентов к применению в образовательном процессе цифровых ресурсов и зафиксирована корреляция между положительной оценкой студентами достигнутых образовательных результатов и положительным отношением к новому формату обучения [Сорокова М.Г., 2020]. Результаты исследования по изучению взаимосвязи отношения студентов к дистанционному обучению с отчуждением от учебы и эмоциональным выгоранием подтверждают актуальность и целесообразность развития смешанного обучения [Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сариева И.Р., 2022].

Цель исследования — выявление отношения студентов к смешанному обучению с позиций удовлетворенности его результатами, организацией процесса и создаваемыми условиями. Методами исследования выступили онлайн-опрос студентов и методы статистического анализа данных. В анкетировании приняли участие 146 студентов бакалавриата и магистратуры СПбГУ и САФУ.

В ходе исследования выделены три группы студентов: положительно (89%), нейтрально (8%) относящиеся к смешанному обучению и затруднившиеся с ответом (3%). Не выявлено студентов с отрицательным отношением к смешанному обучению, хотя собственный опыт смешанного обучения 59% респондентов оценивают положительно, 20% — скорее положительно, 9% — нейтрально, 11% — скорее негативно, 1% — негативно. Общий уровень заинтересованности студентов в смешанном обучении по шкале от 0 до 10 составил 8,63 балла. 73% респондентов отметили, что наибольшее удовлетворение при использовании смешанных образовательных технологий вызывает учебный процесс, где используются и традиционные и цифровые образовательные технологии. 51% опрошенных студентов удовлетворены результатами, которые они получают в рамках смешанного обучения, и 32% удовлетворены условиями, созданными в вузе.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса производилось сравнение трех групп студентов (положительно и нейтрально относящиеся к смешанному обучению, затруднившиеся с оценкой) с рядом параметров, свидетельствующих об удовлетворенности смешанным обучением. Выделены статистические зависимости (на уровне значимости p=0,05) между отношением студентов к смешанному обучению и: заинтересованностью студентов (p=0,007) и преподавателей (p=0,026) в применении смешанных образовательных технологий; оценкой благополучия и ощущением комфортности студентов в условиях смешанного обучения (p=0,037); влиянием смешанных образовательных технологий на успеваемость (p=0,03).

Таким образом, смешанное обучение оценивается студентами, в целом, положительно, причем они удовлетворены в большей степени процессом (оптимальным применением традиционных и цифровых технологий), и менее всего — условиями, создаваемыми вузом для реализации смешанного формата (техническим сопровождением учебного процесса).

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00013

Павлова С.А., Деева Н.А.
Краснодар, КРУ МВД России

Реализация андрагогического подхода посредством циклической модели обучения в высшем образовании

Андрагогический подход, андрагогическая модель, циклическая модель обучения.

Обучение приобретает особенности реализации в зависимости от возрастной категории обучающихся, имеющегося у них опыта в соответствующей области знания. В высшем образовании специфика процесса обучения определяется тем, что обучающиеся приобретают профессиональные компетенции. Наиболее эффективно этот процесс реализуется в андрагогическом подходе. Андрагогический подход предполагает активную позицию обучающихся в процессе освоения нового опыта, осмысления его с позиций имеющегося багажа знаний и умений, включения в свою картину мира [2]. Самостоятельная субъективация нового опыта обучающимися реализуется в андрагогической модели М.Ш. Ноулза [3]. Компоненты данной модели имеют различную степень выраженности у обучающихся, что требует от образовательной программы гибкости в построении и возможности индивидуального подхода в процессе ее реализации.

Наиболее актуальная модель обучения взрослых предложена Дэвидом А. Колбом и его коллегами, которые обнаружили, что процесс усвоения новых знаний цикличен. Согласно представлениям авторов модели процесса обучения, оно состоит из циклически повторяющихся и взаимосвязанных этапов: ощущение, осмысление, размышление, выполнение. Содержание данных этапов заключается в следующем: ощущение как способ приобретения конкретного опыта (получение нового опыта или интерпретация старого в новых условиях); осмысление как способ рефлексивного наблюдения (наблюдение и анализ нового опыта); размышление как способ формирования абстрактных понятий (выявление и систематизация сущностных характеристик явлений, формулировка понятий, а также переосмысление уже имеющихся теоретических знаний); выполнение как способ активного экспериментирования (применение полученного опыта, проверка его реальностью). Эффективное обучение должно включать в себя все этапы, причем цикл может начинаться с любого этапа. Цикл повторяется до окончания формирования нового навыка; после того, как определенный навык сформировался, обучающийся готов к освоению следующего. В данной модели может идти формирование нескольких навыков одновременно, причем циклы могут быть асинхронны.

Представленные модели эффективно используются при разработке учебных заданий различного уровня сложности, с учетом имеющегося опыта у обучающихся, стилевых особенностей учебной деятельности. Так, исходя из уровня сформированности компонентов модели М.Ш. Ноулза определяется начальный этап циклической модели Д. Колба, который задает траекторию обучения и подбор заданий [1]. В этом случае преподаватель в рамках утвержденного учебного

плана при реализации одной или нескольких учебных дисциплин предлагает такие методы обучения, которые позволяют учесть каждую позицию обучающегося. Задание, предполагающее осмысление и размышление может быть представлено в виде структурированного эссе, размышление и выполнение реализуется в виде самоанализа и осмысления нового опыта в рамках своей профессиональной деятельности.

Таким образом, применение циклической модели обучения на основе андрагогического подхода позволяет структурировать процесс обучения взрослых, выявить уровень и содержание индивидуального профессионального опыта и способствовать повышению мотивации непрерывного обучения.

1. Деева, Н. А. Реализация андрагогического подхода при обучении в адъюнктуре с учетом циклической модели обучения Д. Колба / Н. А. Деева, С. А. Павлова // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : Материалы всероссийской научно-практической конференции. — СПб. 2021. — С. 77-81.
2. Кукуев А.И. Андрагогический подход в педагогике: [монография] / А. И. Кукуев; Федеральное агентство по образованию, Южный федеральный ун-т, Педагогический ин-т. — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2009. — 326с.
3. Knowles, M.S., Holton III, E.E., Swanson, R.A. The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development. — 6th edition. — London, New York, etc.: ELSEVIER Butterworth Heinemann, 2005.

Парфенова О.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Профессиональное выгорание учителей в условиях цифрового обучения в период пандемии

Эмоциональное выгорание, психоэмоциональное напряжение, цифровое обучение

В условиях инклюзивного образования изучение детерминант социально-психологической адаптации педагогов к ситуациям когнитивной неопределенности актуально для прогнозирования включенности специалистов в реформирование педагогической деятельности и своевременной профилактики их эмоционального выгорания. Напряжённость труда как ведущая характеристика деятельности педагога (Прохоров А.О., Dunham J.И) рассматривается в качестве специфической психологической защиты на длительные профессиональные стрессы в межличностной коммуникации с проявлением признаков психоэмоционального напряжения и истощения. Современный цифровые инновации на фоне интенсивности педагогической деятельности в условиях пандемии, рассматриваются как дистресс социального генеза. В проведенном исследовании изучение структурно-динамических компонентов профессионального выгорания учителей осуществлялось в контексте адаптации к условиям когнитивной неопределенности. Значимой определялась взаимосвязь симптоматических и временных характеристик эмоционального выгорания в контексте стадии развития синдрома

Материалы и методы. В мае-июне 2020 г. в онлайн-исследовании приняли участие 417 педагогов средних специальных и общеобразовательных учреждения г. Санкт-Петербурга. В выборке обследуемых выделен сегмент педагогов в возрасте от 34 до 40 лет: 37 коррекционных педагогов и 28 учителей массовых школ. Данные сопоставлялись с результатами исследований структурно-динамических показателей выгорания педагогов в 2015 году: 35 учителей коррекционных школ и 35 учителей общеобразовательных учреждений (Защиринская О.В.). Психодиагностический метод включал следующие методики: опросник «Профессиональное выгорание» (Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.), опросник «Диагностика эмоционального выгорания личности» (Бойко В.В.), методика «Незаконченные предложения», экспресс-методика оценки социально-психологического климата в трудовом коллективе (Михайлюк А.С., Шарыто Л.Ю.). Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением многофакторного дисперсионного и корреляционного анализа.

Результаты. Специфика обстоятельств когнитивной неопределенности, сформировавшихся с началом пандемии COVID-19, определила сходство параметров психологического благополучия учителей различных типов образовательных учреждений, в том числе в изменении структурно-динамические показателей эмоционального выгорания. До начала периода пандемии педагоги специальных образовательных учреждений в сравнении с коллегами из общеобразовательных школ достоверно различались ($p=0,001$) по своим общим проявлениям синдрома

выгорания. По окончании 2019/2020 учебного года в период начала пандемии достоверные различия в общем уровне профессионального выгорания не фиксируются. При изучении представлений о трудных ситуациях профессиональной деятельности в процессе адаптации к обстоятельствам социальных изменений отмечается наличие значимых корреляций параметра «Переживание психотравмирующих обстоятельств» с показателями фазы «Напряжения» в развитии эмоционального выгорания как у сотрудников общеобразовательных, так и педагогов специальных школ (p=0,01). У педагогов отмечается различный генез профессионального выгорания в отдельных структурно-динамических показателях. Для коррекционной практики характерно значительно меньшее число достоверно значимых коррелятов между показателем «Эмоциональное истощение» с параметрами выгорания учителей. Субъективное переживание недостаточности личных ресурсов у педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, при изменяющихся институциональных требованиях оказалось менее выражено, чем у их коллег из массовых школ.

По результатам исследования структурно-динамических показателей профессионального выгорания у учителей специальных и общеобразовательных школ выявлено нивелирование последствий влияния профессиональных и организационных стрессоров социального генеза при реализации цифрового формата обучения школьников.

1. Ахарова О.Н. Психоэмоциональное выгорание педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2010. № 1. С. 73 — 80.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 343 с
3. Защиринская О.В. Виктимизация личности при комплексных психических травмах // Современная реальность в социально-психологическом контексте — 2021: Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием /под науч. ред. О.А. Белобрыкинной, М.И. Кошеновой. Новосибирск: НГПУ, 2021. С. 194 — 206.
4. Schuck R. K., Lambert R. «Am I Doing Enough?» Special Educators' Experiences with Emergency Remote Teaching in Spring 2020 // Education Sciences. 2020. Vol. 10, no 11. P. 320.
5. Zashchirinskaia, O.V. Special education paradigm in contemporary vital environment at educational institutions (Editorial) // Journal of Intellectual Disability — Diagnosis and Treatment. Volume 8, Issue 3, 2020. — P. 262.

Посохова С.Т., Лукошко-Смолкина Д.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-демографические особенности замещающих родителей

Родители, замещающие родители, семья, принимающая семья

В ситуации, когда ребенок лишен заботы кровных родителей, его дальнейшее жизнеустройство определяется или размещением в специализированное учреждение, или устройством в замещающую семью. Такая семья сохраняет основные признаки обычной, благодаря чему считается наиболее оптимальным решением, дающим больше возможностей для развития и социализации ребенка [1]. Тем не менее, на практике оказывается, что устройству детей в семьи сопутствует множество трудностей, ведущих к осложнению детско-родительских отношений и препятствующих нормальному функционированию самой семейной системы [2]. Корни этих трудностей кроются в недостаточно проработанной концепции подготовки приемных семей, отсутствию единого механизма их отбора и обучения. Для отлаживания такого механизма необходимо изучение особенностей людей, уже имеющих опыт воспитания приемных детей.

Целью исследования стало выявление наиболее значимых биографических особенностей замещающих родителей. Предполагалось, что для таких родителей характерен более старший возраст и не так свойственен высокий уровень образования, как для родителей без опыта принятия ребенка в семью. Предметом исследования стали биографические характеристики родителей. Объектом — родители с разным опытом замещающего родительства. В анкетировании приняло участие 52 родителя: 26 — с опытом воспитания приемных детей и 26 — без такого опыта. В процессе статистической обработки эмпирического материала использовались процедуры дескриптивного анализа, проверялась нормальность распределения показателей, использовался U-критерий Манна-Уитни.

Как показали результаты исследования, обе группы родителей имеют ряд сходных биографических признаков: в обеих группах преобладают люди трудоустроенные (50,0% — среди замещающих родителей и 65,4% — среди обычных), состоящие в зарегистрированном браке (88,5% и 69,2% — соответственно), со средним достатком (42,4% и 53,8% — соответственно). Однако обнаружена тенденция к тому, что замещающие родители старше обычных (41,65±8,99 — замещающие и 37,62±5,64 — без опыта замещения) (при $p \leq 0{,}12$). Между группами выявлено также расхождение в отношении к религии. В группе родителей, не имеющих опыта принятия на воспитание ребенка-сироту, чаще встречается позиция «верю, но в религиозной жизни не участвую» (52,0%). Замещающие родители чаще определяют себя, как людей верующих (45,8%). При корреляционном анализе выявлена тенденция к тому, что приемные родители более вовлечены в религиозную жизнь ($r=-0{,}252$, при $p \leq 0{,}1$). Вместе с тем религия имеет прямую связь с количеством приемных детей в семье ($r=0{,}311$, при $p \leq 0{,}05$). Обнаружена

связь между уровнем образования и опытом замещающего родительства (r=0,384, при p≤0,01). Кроме того, в группе замещающих родителей обнаружена обратная связь образования с количеством приемных детей (r=-0,503, при p≤0,05). Можно предположить, что люди с более высоким уровнем образования менее склонны к принятию ребенка в семью. Вероятно, чем выше уровень образования родителя, тем адекватнее он оценивает свои ресурсы и более осведомлен о рисках, связанных с воспитанием ребенка-сироты, что влияет на принятие конечного решения. В группе замещающих родителей выявлена прямая связь между количеством кровных и приемных детей в семье (r=0,530, при p≤0,01), а также между планированием появления новых кровных и приемных детей (r=0,481, при p≤0,05).

Результаты исследования показали, что существенных различий в биографических характеристиках замещающих и обычных родителей не наблюдается. Однако существует тенденция к тому, что люди, принимающие на воспитание детей-сирот, несколько старше обычных родителей и более вовлечены в религиозную жизнь. Основным отличием является уровень образования, который ниже в группе замещающих родителей.

1. Боулби Дж., Привязанность, — М.: Гардарики, 2003 г. — 447 с.
2. Позднякова Ю.В., Понятие «замещающая семья» в России // Вестник Университета Российской академии образования, №5, — М.: 2011 г. С. 83–84

Силина Е.А.
Пермь, ФГБОУ ВО ПГГПУ

Различия в показателях перфекционизма и академической мотивации у студентов в зависимости от проходных конкурсных баллов

Перфекционизм, академическая мотивация, студенты

Предметом нашего исследования являются особенности перфекционизма в связи с учебной мотивацией студентов, различающейся у групп студентов с различными проходными конкурсными баллами при зачислении в педагогический университет. Теоретической основой являются работы по перфекционизму Хьюитта П. (1990), Флетта Г. и Золотарева А.А. (2018), а также Гордеевой Т.О. (2006) относительно академической мотивации. Высокая степень выраженности академических мотивов способствует конструктивному стремлению к совершенствованию своей деятельности и личности, что может соотноситься с нормальной формой перфекционизма.

Мы предположили, что наличие высоких или низких проходных конкурсных баллов в вуз у студентов-первокурсников разных факультетов связано с показателями перфекционизма и учебной мотивации. По данным приемной комиссии в группу с высокими проходными баллами вошли студенты факультетов музыки, иностранного языка, физической культуры и филологического факультета численностью 46 человек. В группу с низкими проходными баллами вошли студенты факультетов педагогики и методики начального образования, педагогики и психологии детства и факультета дошкольного образования численностью 39 человек. Использовались следующие методики: «Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта П. и Флетта Г.» (в адаптации Грачевой И.И. «Краткий дифференциальный тест перфекционизма» (КДТП) (разработанный Золотаревой А.А.) и «Шкала академической мотивации» (ШАМ) (разработанная Гордеевой Т.О., Сычевым О.А. и Осиным Е.Н.).

При сравнении по t-критерию Стьюдента показателей перфекционизма и академической мотивации у студентов педагогического университета двух сформированных нами групп, в зависимости от низких и высоких проходных баллов в вуз, были получены следующие результаты: значимые различия (при p=0,01) были выявлены по шкалам внешней мотивации — «мотивация самоуважения». Данный показатель оказался значительно выше у группы студентов с низкими проходными баллами, что можно интерпретировать как большая степень выраженности желания учиться ради ощущения собственной значимости и самооценки. «Социально-предписываемый перфекционизм» выше у студентов с высокими баллами, а показатели «экстернальной» мотивации и «саморазвития» выше у группы студентов с низкими баллами. Это значит, что студенты с высокими проходными баллами больше испытывают потребность соответствовать стандартам и ожиданиям референтных для них людей, в то время как студенты

с низкими баллами испытывают ситуацию вынужденного выполнения учебной деятельности. Таким образом, эмпирически доказано, студенты, поступившие в вуз с высокими проходными баллами, имеют существенные различия в показателях перфекционизма и академической мотивации по сравнению со студентами с низкими проходными баллами.

Практическое применение полученных результатов связано с целенаправленным формированием и развитием академической мотивации у студентов в соответствии с предлагаемой программой развития, направленной на усиление внутренней учебно-познавательной мотивации, формирование набора основополагающих ценностей учебной деятельности в вузе, которые определяют как главные цели учебной деятельности, так и развитие способности планировать их достижение.

1. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения/ Гордеева Т. О. М. : Смысл, 2006. — 336 с.
2. Золотарева А. А. Краткий дифференциальный тест перфекционизма: проверка кросс-культурной устойчивости факторной структуры и психометрических характеристик // Золотарева А. А. Культурно-историческая психология. 2018. — Т. 14. — № 1. — С. 107–115.
3. Hewitt P., Flett G. Perfectionism and depression: A multidimensional study // Journal of Social Behavior and Personality 1990. — V. 5. — №5. — P. 423-438.

Сорокин В.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Кац Е.Э.
ГБОУ школа № 4

Научное наследие Р.М. Боскис в пространстве становления отечественной культурно-исторической патопсихологии детства (к 120-летию со дня рождения)

Р.М.Боскис, концепция культурно-исторического развития психики, дети с нарушениями слуха, сурдопедагогика

Рахиль Марковна Боскис, выдающийся отечественный дефектолог, сурдопедагог, психолог родилась в 1902 году. С юности проявляла интерес к научно-исследовательской деятельности. В 1926 г. окончила медицинский институт, работая одновременно педагогом в школе глухих детей. Кроме этого, активно занималась изучением особенностей психического развития и воспитания детей с патологией слуха в киевском психоневрологическом институте. Переломным моментом в научной биографии Р.М. Боскис стало начало работы в Экспериментально-дефектологическом институте в 1931г. Под влиянием идей Л.С. Выготского и при его непосредственном участии Рахиль Марковна занялась изучением формирования речи и мышления в условиях глухоты. Проблема соотношения мышления и речи в этот период активно интересовала самого Л.С. Выготского, особенно в клинико-генетическом плане. Речь как знаковая система, опосредующая строение всех высших психических функций, в условиях патологии слухового восприятия характеризуется вторичным отставанием в своем развитии, что сказывается практически на всех сторонах возрастного генеза психики глухого ребенка. В этом отношении исследование специфики формирования речи при патологии слуха и в особенности путей преодоления этого отставания создает условия для нормализации всего процесса психического развития глухого и слабослышащего ребенка. Исследования в этой области Р. М. Боскис были также важны для понимания соотношения общих и специфических закономерностей психического развития нормального и аномального ребенка. Разработка этой проблемы имела принципиальное значение для построения целостной концепции культурно-исторического развития психики Л.С. Выготского. В этот период Рахиль Марковна начинает свою преподавательскую деятельность в педагогическом институте, разработав оригинальный курс сурдопсихологии. Фундаментальные по сути своей исследования речевого генеза у детей с нарушенным слухом позволили Р.М. Боскис, впервые в отечественной сурдопедагогике, разработать научно-обоснованные принципы формирования словесной речи у детей с недостатками слухового анализатора.

В период Великой отечественной войны Р.М. Боскис как и многие отечественные клиницисты и психологи, такие как А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, С.Я.

Рубинштейн, В.С. Мерлин, Б.И. Коваленко, А.Н. Леонтьев, Б.Г Ананьев и многие другие, используя свой богатый клинико-психологический и психолого-педагогический опыт, успешно занималась вопросами реабилитации и восстановления речи при черепно-мозговых ранениях и контузиях. Результаты многолетнего изучения глухих и слабослышащих Р.М. Боскис нашли свое отражение в фундаментальной монографии «Особенности речевого развития при нарушении слухового анализатора у детей» [1], что выдвинуло ее в ряд наиболее авторитетных отечественных дефектологов. Для ее исследований характерен системный подход, где клинические, психологические и педагогические аспекты гармонично друг друга дополняют.

Исследования Р.М. Боскис позволили создать психолого-педагогическую классификацию, положенную в основу современного дифференцированного обучения детей с недостатками слуха, выделяющую несколько групп и не утратившей своей актуальности до настоящего времени: слабослышащие, которые обладают относительно развитой речью с небольшими недостатками; слабослышащие с глубоким недоразвитием речевой функции

Среди глухих также выделяют 2 группы детей в зависимости от времени возникновения дефекта: рано оглохшие дети, потерявшие слух на 1-2 году жизни или родившиеся неслышащими; позднооглохшие дети, т.е. потерявшие слух в 3-4 года, а также позже, сохранившие речь в связи с более поздним возникновением глухоты.

Эллер Е.Г.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Койфман А.Я.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГППУ

Различия в академической мотивации студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе

Академическая мотивация, выгорание, перфекционизм, финансовые обязательства

Исследуются различия в академической мотивации студентов в зависимости от основы их обучения: договор (полная, ДПолн, или частичная стоимость/скидка, ДСкид), бюджетная основа (Бд). Студенты, которым необходимо оплачивать обучение, стараются не пропускать занятия с целью получения максимального количества баллов, тратят большое количество времени на учебу, отказывая себе в отдыхе, увлечениях, прикладывают большие усилия для повышения успеваемости. Нас в первую очередь интересует вопрос, не формируется ли неоптимальная структура мотивов учебной деятельности у таких студентов. В качестве дополнительных факторов рассматриваются перфекционизм и выгорание в учебе.

В работе использованы: опросник «Шкалы академической мотивации» (Гордеева и др., 2014), шкала «мотивы престижа» из методики для диагностики учебной мотивации студентов Реана и Якуниной в модификации Бадмаевой (Бадмаева, 2006), трехфакторный опросник перфекционизма (Гаранян и др., 2018), опросник выгорания MBI-SS Маслак в переводе Гаузер (Гаузер, 2022). Выборку составили 126 студентов бакалавриата московских вузов (110 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет. Из них 30 человек в группе Бд, 54 — ДПолн, и 42 — ДСкид. Все методики показали достаточную надежность (α-Кронбаха от 0.7 до 0.9).

Различия в академической мотивации обнаружились по всем шкалам внутренней мотивации (познавательная мотивация ($F(2,123) = 3.725$, $p = .027$, $\eta2 = .057$), мотивация достижения ($F(2,123) = 4.145$, $p = .018$, $\eta2 = .063$), мотивация саморазвития ($F(2,123) = 5.131$, $p = .007$, $\eta2 = .077$), мотивации самоуважения ($F(2,123) = 4.420$, $p = .014$, $\eta2 = .067$) и мотивам престижа ($F(2,123) = 7.695$, p .001, $\eta2 = .111$), причем наибольшая разница наблюдается между группами ДПолн и ДСкид, первая из которых демонстрирует более низкий уровень мотивации, а вторая — более высокий, у студентов-бюджетников промежуточные результаты. Только Я-адресованный тип перфекционизма показал различия ($F(2,123) = 3.319$, $p = .039$, $\eta2 = .051$), у студентов из группы ДСкид он выражен сильнее, чем у студентов-бюджетников и группы ДПолн; озабоченность оценками со стороны других и фиксация на негативном опыте и собственном несовершенстве не дали различий. По выгоранию: эмоциональное истощение и цинизм в отношении учебы не различаются в трех группах, а по самооценке эффективности группы Бд и ДСкид значимо превосходят группу ДПолн ($F(2,123) = 7.360$, p .001, $\eta2 = .108$).

Необходимость оплачивать обучение как внешний мотивирующий фактор проявила себя по-разному в зависимости от наличия скидки: для студентов, заработавших скидку, главными являются мотивы, основанные на высоких достижениях в учебе, — самоуважение и социальный статус, не характерные для студентов, оплачивающих обучение в полном объеме, в то время как мотивы, связанные с чувством долга или желанием избежать неприятностей, выражены в двух группах примерно в равной степени. С учетом более низкой внутренней мотивации в группе ДПолн, можно утверждать, что менее оптимальное соотношение мотивов наблюдается именно в этой группе, но не в группе ДСкид. Высокая внутренняя мотивация студентов этой группы согласуется с более высокими требованиями к себе и высокой оценкой собственной эффективности.

1. Бадмаева Н.Ц. Мотивационная основа развития общих умственных способностей. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра психол. наук. — Новосибирск, 2006.
2. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 8–32.
3. Гаузер А.Э. Индивидуально-психологические особенности студентов с разными профилями академической мотивации. ВКР бакалавра, факультет психологии МГУ БФ, 2022.
4. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 1. С. 67-87.

Белых С.Л.
Санкт-Петербург, СПб УГПС МЧС России

Ажимов В.В.
Ижевск, ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской республике

Динамика изменений и структура профессионально-важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы

Динамика изменений личностных качеств, комплексный подход, профессионально-важные качества, сотрудники уголовно-исполнительной системы ФСИН

Для поддержания необходимого уровня профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы ФСИН регулярно проводится плановая психологическая диагностика ряда профессионально-важных качеств, а также показателей психического здоровья, инициированная нормативными актами системы ФСИН, и аттестация на ее основе. В соответствии с п. 9.7 приказа Минюста России от 06.06.2005 N 76 (ред. от 12.12.2013) в аттестационной форме «объективно и всесторонне отражаются индивидуальные особенности сотрудника, его знания, умения, навыки и их соответствие замещаемой им должности». Результаты психологической диагностики сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляемой в течение многих лет в соответствии с приказом Минюста России № 238 от 12 декабря 2005 г., позволяют проследить динамику адаптивных процессов, личностных изменений, формирования новых качеств, актуальных для выполнения профессиональных обязанностей, а также возможных акцентуаций и профессиональных деформаций (Тропов В.А., 2008). Психологическая диагностика актуальна для прогнозирования профессиональной успешности сотрудников (Бовин Б.Г. и др., 2009), причем особый интерес представляет ее мотивационная составляющая.

Методика. Эмпирические данные ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской республике, полученные за 8 лет (2015-2021г.г.) на выборке более, чем в 100 человек, включают в себя результаты психологической диагностики, выполненные в системе Psychometric Expert (автоматизированное рабочее место психолога) (Васищев А.А., 2008) по 11 методикам, направленным на диагностику личностных качеств, межличностных отношений, саморегуляции, стресса и стрессоустойчивости, а также возможных негативных процессов профвыгорания и акцентуаций.

База данных, сформированная в течение нескольких лет, дает возможность проследить динамику обозначенных качеств в соотношении со структурными характеристиками психической организации сотрудников и выполнить сравнительный анализ групп сотрудников, различающихся по стажу, возрасту, специфике профессиональных обязанностей и другим параметрам. Для комплексного обозначения нормативных ориентиров с учетом специфики профессиональной деятельности была выделена нормативная группа на основе экспертной оценки профессиональной успешности и сделано сравнение с ней результатов остальных сотрудников. Методы математической статистики: проверка выборки на нормальность распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), корреляционный анализ, сравнение групп (по U-критерию Манна-Уитни), сравнение (по Т-критерию Вилкоксона), дисперсионный анализ, линейный регрессионный анализ, факторный анализ.

Полученные результаты комплексно характеризуют сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской республике, создавая научную основу для формирования мероприятий по профилактике профессиональных стрессов и профессионального выгорания.

1. Приказ Минюста России от 06.06.2005 N 76 (ред. от 12.12.2013) «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.06.2005 N 6748).
2. Приказ Минюста России № 238 от 12 декабря 2005 г. «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы».
3. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Кокурин А.В., Красов Д.А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. — 2009. — №3. — С.72-85.
4. Тропов Особенности синдрома эмоционального выгорания и профессионально-личностных изменений у оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы // Экология человека. — 2008. — №9. — С.14-18.
5. Васищев А.А. Psychometric Expert как базисная компьютерная система организации психодиагностики и научно-исследовательской деятельности // Прикладная юридическая психология. — 2008. — №3. — С.122-129.

Бондаренко Е.В., Першина С.Н.
Ставрополь, ФГАОУ ВО СКФУ

К вопросу теоретического анализа психологической помощи в процессе осуществления служебной деятельности: ключевые направления, задачи и цели

Психология безопасности, психология, служебная деятельность, труд, трудовая деятельность.

Значимость психологической помощи заключается в том, что с её помощью работники, независимо от должности, будут эмоционально уравновешены, а также получат некий базовый уровень психологической подготовки.Психологические аспекты безопасности в служебной деятельности приобретают все большую актуальность, так как, несмотря на автоматизацию производственных процессов, люди были и будут их постоянными участниками и одновременно наиболее уязвимыми элементами в системе «человек — машина». Работа в данном направлении должна быть основана на теориях психологии безопасности, которая изучает психологические факторы, влияющие на появление несчастных случаев, а также особенности психологии человека в экстремальной ситуации и создавать эффективные методы диагностики личности, склонной к опасному поведению в служебной деятельности, а также различные способы его предотвращения. В качестве объекта психологии безопасности рассматриваются разновидности деятельности человека, которые связаны с опасностью, а в качестве предмета — психические процессы, которые порождает деятельность и воздействующие на ее безопасность, психические состояния и свойства личности, влияющие на безопасность деятельности.

В трудах Ю.Ю. Стрельникова говорится, что главный фундамент оказания психологической помощи во время осуществления служебной деятельности основывается на следующих постулатах: 1. первоначальном психологическом отборе соискателей, претендующих на эту профессию; 2. оказание психологической помощи во время обучения новых работников; 3. помощь психолога во время адаптации (испытательного срока) нового работника; 4. психологическая поддержка в процессе дополнительного обучения, переподготовки либо повышения квалификации работника; 5. помощь психолога увольняемым, либо выходящим на пенсию работникам [3]. В трудах В.И. Евдокимова мы читаем, что «ключевой смысл оказания психологической помощи трудящимся тесно связан с беспрерывным процессом оказания данного вида психологической и эмоциональной помощи и поддержки. Это связано с тем, что психологическая помощь, оказываемая лишь от случая к случаю — малоэффективна [1]. Помимо этого, в качестве главного объекта оказания психологической помощи необходимо считать, не только отдельных сотрудников, но и весь трудовой коллектив в целом. Это связано с тем, что если на службе будет плохо построенная психологическая

помощь в целом — то и каждый из сотрудников будет ощущать повышенный психологический гнёт.

Следовательно, чтобы процесс оказания психологической помощи в коллективе был более эффективным, психолог может поставить перед собою такие дополнительные задачи и цели, как совершенствование уровня стрессовой устойчивости и иных позитивных моральных и нравственных качеств работников; формирование позитивной психологической обстановки в коллективе; своевременная борьба с негативной психологической атмосферой на службе вне зависимости от того, с какими социальными и психологическими факторами связано её появление. В главной степени это объясняется тем, что если каждый из трудящихся успешно справляется возложенными на него трудовыми обязанностями, то в большинстве случаев — процветает вся организация в целом. Верно и обратное утверждение: если организация, в которой работают сотрудники процветает, то внутри трудового коллектива, чаще всего складывается благоприятная психологическая обстановка [2].

Таким образом, исходя из всего сказанного выше становится ясно, что ключевая роль, а также — основные задачи процесса оказания психологической помощи на службе тесно связаны с беспрерывностью оказания данных мер поддержки, а также — комплексности и многозадачности работы психолога. Результативность его работы тесно связано с повышением уровня профессионализма как рядовых трудящихся, так и лиц, занимающих руководящие посты в данной компании. Помимо этого, работа психолога должна содействовать своевременному разрешению психологических проблем, имеющихся между сотрудниками данной организации.

1. Евдокимов В.И. Наукометрический анализ научных статей по медико-биологическим проблемам у специалистов экстремальных профессий на Крайнем Севере России (2005–2016 гг.): Моногр. / Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России. СПб.: Политехника-сервис, 2017. 78 с.
2. Иванов А.Е. Психологические особенности мотивационных установок, связанных с профессиональной деятельностью в чрезвычайных ситуациях / Черная А.В. Иванов А.Е. // Среднее профессиональное образование. — 2017. — №3. — С. 42-46
3. Стрельникова Ю.Ю. Структурно-динамическая модель изменений личности у специалистов профессий экстремального профиля: дис. … д-ра. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2017. 580 с.

Гречко А.А.
Хабаровск, ФГБОУ ВО ТОГУ

К вопросу о профессиональной идентичности психолога: зарубежный опыт

Профессиональная идентичность, психолог, личностное развитие, отношение к профессии

В современное время спрос на психологические услуги вырос в несколько раз (результаты исследований сервисов Profi.ru., avito.ru). Следовательно, происходит спрос на специалистов, способных оказать психологическую помощь (данные HeadHunte). Требования к профессионалу становятся выше: необходимы эффективные специалисты, способные оперативно реагировать на происходящие изменения в системе психологической службы. Психологи становятся эффективными, проходя через процесс, включающий в себя множество компонентов: понимание особенностей своей профессии, изучение теоретических дисциплин, приобретение практических навыков, изменение представлений о себе, своих способностях и слабостях, интенсивным самоопределением и поиском собственного места в профессиональном мире. Процесс формирования профессиональной идентичности идет одновременно с личностным развитием. В России вопрос о качестве психологической помощи остается открытым, на данный момент идет работа над обновлениями стандартов работы психолога, а также прорабатывается вопрос о сертификации специалистов, оказывающих психологическую помощь.

В зарубежных исследованиях профессиональная идентичность психолога, рассматривается как интеграция профессиональной подготовки с личными качествами в контексте профессионального сообщества [2]. Согласно исследованиям, специалисты-психологи, обладающие сильной профессиональной идентичностью, будут более эффективны в профессии. Компоненты профессиональной идентичности выделяют следующие: знание профессии (базовое знакомство и понимание профессии, включая ее историю, стандарты этические и профессиональной подготовки, влияние достижений и сертификации); философия профессии (восприятие человеческого опыта через призму развития, профилактики, хорошего самочувствия, расширения прав, возможностей и защиты интересов отдельных клиентов, групп, а также самой профессии); опыт и понимание профессиональных ролей (обладание специфическим опытом и знаниями является обязательным условием для развития профессиональной идентичности, а также понимание профессиональной роли); отношение к профессии и к самому себе, (позитивные профессиональные перспективы, соответствие между личными характеристиками, целями и ценностями человека и профессией); поведение, ожидаемое от профессии, вовлеченность (участие в профессиональных ассоциациях, публикации и презентации, изучение научных исследований в профессиональных журналах, поддержание репутации и участие в общественных службах); взаимодействие с другими специалистами в этой области (общения

с профессиональными коллегами, коллегами-наставниками, супервайзерами, другими смежными специалистами в психологической области) [1; 3].

Несформированная (фрагментарная) профессиональная идентичность может привести к непреднамеренному причинению вреда клиенту в результате собственных непроработанных проблем психолога или эмоционального выгорания. Вопрос развития профессиональной идентичности будущих психологов и оптимизация работающих специалистов остается актуальным, так как «инструментом» профессии психолога является собственно личность. Перспектива исследования состоит в дальнейшем изучении механизмов и факторов развития профессиональной идентичности психологов.

1. Auxier C., Hughes F. R., Kline W. B. Identity development in counselors-in-training. // Counselor Education and Supervision.2003. No.43(1). Pp.25-38.
2. Reisetter M., Korcuska. J. S.. Yexley M., Bonds. D., Nikels H., McHeniy W. Counselor educators and qualitative research: Affirming a research identity. // Counselor Education and Supervision. 2004 No.44. Pp. 2-16.
3. Hongryun W., Malik S. Henfield, Choi N. Developing a Unified Professional Identity in Counseling: a Review of the Literature // Journal of Counselor Leadership and Advocacy. 2014. No.1. Pp. 1-15.

Духновский С.В.
Ханты-Мансийск, ФГБОУ ВО ЮГУ

Толерантность к неопределенности и отношение ко времени государственных гражданских служащих

Отношение, временная свобода, инфантилизм, зависимость, неопределенность, толерантность

Применительно к системе государственной гражданской службы, отношение к времени выступает ресурсной характеристикой личности служащего, от которой зависит профессиональное самоосуществление и достижение целей, эффективное преодоление ситуаций неопределенности, возникающих в трудовой деятельности.

В исследовании мы предполагали, что отношение ко времени государственных гражданских служащих взаимосвязано с их толерантностью к неопределенности, характеристики которой, детерминируют виды отношения к времени. Ответы на эти вопросы и послужили целью нашего исследования. Респондентами 125 государственных гражданских служащих (стаж работы на госслужбе от 1 до 5 лет), проходивших повышение квалификации на базе ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск). В качестве психодиагностических методик использовали авторскую методику «Шкала отношения к времени» [1], а также «Шкалу общей толерантности к неопределенности» [2].

На основании результатов, полученных по методике «Шкала отношения к времени», обследованная выборка была разделена на три группы. Первая — субъекты с «временной зависимостью» (n=51). Служащие характеризуются навязчивым желанием и стремлением рационально планировать и использовать своё время, подчиняя и ограничивая им своё поведение и деятельность. Вторая — обследованные с «временной свободой» (n=43). Госслужащие отличаются гибкостью при планировании, контроле и управлении временем. Третья — субъекты с «временным инфантилизмом» (n=31). У служащих имеет место отсутствие ценностного отношения к своему времени, используя время в качестве ресурса для реализации себя, своих способностей и потенциалов.

Далее, используя процедуру множественного регрессионного анализа, мы построили регрессионные модели для каждого вида отношения к времени (инфантилизма, свободы и зависимости). Так, в регрессионной модели «Временной инфантилизм» 80% дисперсии данной переменной, определяется совокупным воздействием показателей по шкалам «отношение к новизне», «отношение к сложным задачам» и «неопределенным ситуациям» (коэффициенты регрессии $\beta = 0{,}69$, $\beta = -0{,}70$ и $\beta = -0{,}72$ — соответственно). В модели «Временная свобода» 83% дисперсии, определяется совокупным воздействием показателей по шкалам «отношение к сложным задачам», «отношение к новизне» и «отношение к неопределенным ситуациям» (коэффициенты регрессии $\beta = 0{,}73$, $\beta = 0{,}71$ и $\beta = -0{,}72$ соответственно). В модели «временная зависимость» 78% дисперсии данной

переменной, определяется совокупным воздействием показателей по шкалам «отношение к сложным задачам», «отношение к новизне», «отношение к неопределенным ситуациям» и «предпочитание неопределенности» (коэффициенты регрессии $\beta = 0{,}75$, $\beta = -0{,}72$, $\beta = -0{,}67$ и $\beta = -0{,}74$, соответственно). Так, детерминантами временного инфантилизма, как отношения к времени, являются позитивное отношение к новизне, в сочетании со стремлением избегать решения сложных задач и неопределенных ситуаций. Временная зависимость обследованных субъектов определяется негативным отношением к ситуациям неопределенности и новизне, предпочтением привычного, знакомого, что ограничивает адаптационные ресурсы, несмотря на позитивное отношение к сложным задачам. Детерминантами временной свободы выступают позитивное отношение к новизне и сложным задачам, но негативное отношение к неопределенным ситуациям. Это, на наш взгляд, является мотивационным фактором гибкости в изменении своего временного плана (распорядка), что не ухудшает их благополучие и не изменяет настроение в неблагоприятную сторону.

Таким образом, наше предположение о том, что особенности толерантности к неопределенности (отношение к новизне, сложным задачам, неопределенным ситуациям, предпочитание неопределенности) являются детерминантами временной свободы, инфантилизма и зависимости, как проявлений отношения к времени — нашло своё эмпирическое подтверждение.

1. Духновский С.В. Шкала «Отношение к времени»: психометрическая характеристика и возможности использования // Личность: ресурсы и потенциал. 2021. № 4 (21). С.59-66
2. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С.65-86

Казачёнок Ж.И.
Минск, УО ВАРБ

Значимые психологические аспекты личности специалиста в современных кризисных условиях

Личность, подходы к дефиниции «личность», профессиограмма специалиста, значимые психологические аспекты личности для оценки и прогнозирования готовности к деятельности в кризисных условиях.

В ситуации обострения мировой политической обстановки, экономических и социальных кризисов психологическая наука выдерживает «экзамен» на релевантность предлагаемых научно обоснованных законов и закономерностей. Актуален исследовательский поиск теоретико-практического фундамента оценки и развития эффективного жизнестойкого специалиста человека, как социально обусловленной системы

При обеспечении психологического сопровождения профессиональной и служебной деятельности представители психологических служб учреждений все чаще испытывают затруднения в прогнозировании поведения специалиста в сложных кризисных ситуациях. В перечне широкого диапазона профессиограмм выделяется широкий диапазон различных уровней требований (Дикая, Журавлев, 2014). Сегодня значимыми детерминантами в развитии современного специалиста являются не только личностные качества, но социальная среда. Психологу нужно быть компетентным в изучении представлений о социальных установках специалиста, его нравственных критериях выбора в ситуации кризиса, способе жизнедеятельности профессионала. Например, какой критерий и показатель укажет психологу на прогноз выбора профессионалом страны для жизни в условиях жесткой анти славянской пропаганды? Будет ли он жить в той стране, где родился, по ценностям своих родителей и останется на своей земле, либо определится «цвести» на чужбине?

Одним из этапов поиска решения указанной проблемы является осознание подхода к понятию личности в психологии. Как не парадоксально, но Л. Хелл еще раз подтверждает неопределенность этого понятия, взаимодополняемость, либо противоречивость подходов к дефиниции «личность» (Хелл, Зиглер, 1997). Целесообразен такой ракурс рассмотрения личности, где бы основа его поведения не состояла в удовлетворении потребностей, не в адаптации человека к предъявляемым обществом требованиям, а в его истинном человеческом поведении — осознанном, самостоятельном и ответственном перед собой и другими людьми. Автоматизм и неосознанное конформное поведение, подверженное манипуляциям из вне — это отличительная характеристика современного человека. В это связи актуальным является понятие личности, предложенное В. А. Иванниковым. Личность он трактует как человека «способного делать осознанные и намеренные выборы своего поведения с учетом последствий своих действий для других людей» (Иванников, 2012, с. 125). Личность — многомерное существо, которое и орга-

низм, и субъект как общественных, так и нравственных (или безнравственных) отношений с другими людьми, обществом и природой.

На основании анализа публикаций в рамках представленного ракурса личности, командой психологов учреждений образований Республики Беларусь при проведении мероприятий по профессионально-психологическому отбору специалистов (кандидатов) к имеющимся психодиагностическим пакетам апробировали следующие направления изучения значимых в кризисной ситуации аспектов личности:

1. Мониторинг проблемных профессиональных и жизненных ситуаций, где специалист (кандидат) делал самостоятельный нравственный выбор и анализ критериев этого выбора.

2. Выявление наличия у специалиста (кандидата) опыта волевой саморегуляции, настойчивого и целеустремлённого поведения по реализации принятого нравственного решения в сложной ситуации.

3. Изучение поступков, выражающих нравственное отношение к профессиональному коллективу, родителям, членам семьи, элементов взаимопомощи, совместной трудовой деятельности.

4. Учет наличия бескорыстного профессионального опыта специалиста (кандидата), его способности работать «за идею».

5. Изучение наличия требовательности к себе, умения прогнозировать последствия своих поступков не только для себя, но и окружающих.

6. Изучение опыта жизнедеятельности, где специалист (кандидат) работал на добровольных началах.

7. Анализ способности специалиста (кандидата) брать ответственность за себя, за окружающих и за общий результат деятельности профессионального коллектива.

1. Хелл, Л, Зиглер, Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение) / Л.Хелл. — СПб.: Питер Пресс,1997. — 608 с.
2. Дикая, Л. Г., Журавлев, А. Л. Личность профессионала в современном мире / Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. — М.: «Институт психологии РАН», 2014. — 942 с.
3. Иванников, В. А. Понятие личности в психологии // Вопросы психологии. 20012. №5. С. 125–132.

Караяни А.Г., Караяни Ю.М.
Санкт-Петербург, СПбВИ ВНГ России

Конструирование ложных событий как технология информационно-психологического воздействия

Информационно-психологическое воздействие, симулякр, гиперреальность, конструирование ложных событий

Боевые события на Украине сопровождаются масштабным информационно-психологическим противоборством. Анализ методов деструктивного информационно-психологического воздействия (ИПВ), используемых нашими информационными противниками, показывает, что они характеризуются высоким уровнем циничности, технологической изощренности, эмоциональной насыщенности, широким использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Среди этих методов, как никогда ранее, широко представлены технологии конструирования ложных событий. Яркость, динамичность, компактность используемых в этих технологиях методов, делают их эффективным инструментом деструктивного ИПВ. Под конструированием ложных событий мы понимаем процесс создания новых событий-симулякров или модификацию реальных событий с целью подмены реальности гиперреальностью с заданными информационными характеристиками. Целенаправленное формирование гиперреальности используется для формирования искаженного общественного мнения, социальных представлений, установок и поведения различных категорий людей. В связи с этим остро актуальной становится задача всестороннего исследования технологий конструирования ложных событий, используемых в контексте деструктивного ИПВ, и поиска эффективных методов противодействия таким технологиям.

Анализ 96 публикаций, размещенных на ютуб-площадках, телеграм-каналах, страницах социальной сети ВКонтакте, позволил сформулировать определение, выявить и классифицировать технологии конструирования ложной реальности нашими информационными противниками. Б.В. Подорога (Подорога, 2018, с. 303), интерпретируя взгляды Ж. Бодрийяра, отмечает, что «симулякр — это знак без референта, т.е. того предмета, вещи, к которой он должен отсылать. Симулякр — это знак, обретающий значение в тот момент, когда исчезает его референт». По мнению Ж. Бодрийяра (Baudrillard, 2012), в наши дни гиперреальное решительно берет верх над реальным и нам приходится довольствоваться этой предельной виртуальностью. Война также не избежала виртуализации, целью которой является ввести людей в заблуждение.

Определив средства, используемые для конструирования ложной реальности, в качестве оснований для классификации исследуемого феномена нами были выделены следующие технологии: 1. «Фабрикация события» — создание ложных материальных, социальных, военных и иных элементов события-симулякра, которое дискредитирует противника; 2. «Стрит-перформанс» — театрализованные представление, совершаемое группой актеров в населенных пунктах,

и представляющее противника в крайне неблагоприятном свете; 3. «Медиа-симуляция события» — искусственное моделирование события средствами СМИ «с нуля» либо тотальная модификация события. (Подорога, 2018); 4. «Видео-симуляция» — фабрикация событий-симулякров на основе сюжетов из художественных и документальных фильмов; 5. «Гейм-экшен» — фабрикация события на основе вырезок из компьютерных игр; 6. «Дипфейк-перформанс» — фабрикация события с участием, созданных с помощью дипфейк-технологий «копий» высокостатусных лиц, действующих по провокационным сценариям; 7. «Фотошоп-конструирование» — корректировка фотографий реальных событий в целях дискредитации противника и реабилитации своих.

Таким образом, конструирование ложных событий может осуществляться живыми актерами в режиме реального времени, создаваться комплексными средствами на местности, фабриковаться в киберпространстве. В связи с этим необходимо изучать методы эффективного противодействия подобным информационным технологиям.

1. Подорога Б.В. Социально-политические аспекты постсекулярной цивилизации. Образ теракта 11 сентября в философии Жана Бодрийра: глобализационное бессознательное запада и российский контекст // Электронный философский журнал Vox: http://vox-journal.org. — Выпуск 25 (декабрь 2018). —С. 299-310.
2. Baudrillard J. (2012). The Gulf War Did Not Take Place: Power Publications, Sydney.

Кириллова А.И.
Москва, Институт Психологии Творчества П.Пискарёва

Интегративные коучинговые методы как инструменты работы в диагностической схеме профессиональной мотивации педагогов

Интегративная психология, коучинг, парадигмальный анализ, выгорание, мотивация, педагог

Введение. Социально-политические изменения настоящего исторического периода вызывают множество вопросов относительно психологической адаптации личности в кризисных условиях. Для современного общества травмирующие события со времен введения пространственного ограничения, обусловленные пандемией, усугубились не только глобальным содержанием транзитивности, но и тревожности. Мы находимся в состоянии тревоги не только за свое будущее в целом. Отчетливо на фоне новоявленной парадигмы проблем звучит проблема профессиональной мотивации, в частности у педагогов. Кроме того, феномен эмоционального/профессионального выгорания не потерял своей актуальности в образовательной сфере и усугубился тем, что педагогу сложно определить, что именно превалирует в его дезинтеграционном состоянии. Соответственно, для исследования данной проблемы необходимо вводить работу различные психодиагностические инструменты.

Методы. Согласно П.М. Пискарёву «Интегративная методология гуманитарного знания — уникальный метанаучный метод, применение которого дает возможность проанализировать метафеноменальную современную эпоху во всем множестве ее характеристик» [1]. Интегративная методология представляет собой систему специфически-психологических, психотерапевтических и философских (майевтики, герменевтики, экзистенциальных методов) методов, которые отвечают запросам современных задач своей многофункциональностью и удобством применения. Так, «парадигмальный анализ», который П.М. Пискарев выстраивает на коучинговых принципах работы, может вполне быть используем самим педагогом для диагностики и стабилизации своей аффективной сферы. Парадигмальный анализ представлен «Экранами Метамодерна» [2], которые разработаны на основе декартовой прямоугольной системе координат, включающих набор смыслов в соответствии с тестируемой областью. Для пилотного исследования было проведено тематическое интервью с группой педагогов (6 человек — учителя средних общеобразовательных школ и 5 -преподаватели ВУЗов). Работа проводилась в соответствии с выдвинутой гипотезой о том, что педагоги, оценивающие свой уровень профессионального стресса как «высокий» испытывают проблемы с реализацией профессиональных мотивов. С помощью коучинговых вопросов в парадигме экрана «Личность/Человек» проводилось тестирование каждого участника, оценочную функцию выполнял метод «шкалирование». Именно в этом пробном исследовании стало понятно, что необходимо применять дополнительные психо-

диагностические методики для актуализации конструкта «профессиональное выгорание», поскольку уровень стресса, несмотря на четкую направленность вопросов, имел устойчивую оценку как «высокий», что затрудняет определение валидности результатов и метода.

Выводы. Уровень профессионального стресса во всех 4х синтагмах рамки «Личность/Человек» затрагивает так же и личную мотивационную сферу педагога. Дополнительный интерес в исследовании дает психомоторный аспект.

Таким образом, следующим этапом планируется провести исследование с использованием интегративных методик на экспериментальной группе педагогов от 30 до 60 лет в количестве 100 человек для реализации задач по изучению устойчивости факторной структуры коучинговой методики «парадигмального анализа» и инвариативности ее измерений.

1. Пискарев, П. М. Метамодерн и интегративная методология гуманитарного знания : дис. . д.псих.наук : 19.00.01 ¬/ Пискарев Павел Михайлович; Международная академия психологических наук. — Ярославль, 2019. — 461 с.
2. Пискарев, П. М. Метамодерн. Счастье в квадрате. // Павел Пискарев. — Москва : Эксмо, — 2020. — С.255–256.

Коноплева Е.А.
Екатеринбург, ГКУ «ТЦМ»

Взаимосвязь деонтологических качеств и мотивации у сотрудников правоохранительных органов

Деонтологические качества, морально-нравственная сфера личности, мотивационные факторы

Мотивы профессиональной самореализации сотрудника полиции — это совокупность потребностей определяющих поведение и технологии профессиональной деятельности и позволяющих оценивать их соответствие интересам отдельного сотрудника полиции. Деонтологические качества наряду с мотивами являются регуляторами профессиональной самореализации.

Приступая к исследованию, мы полагали подвергнуть проверке гипотезу: деонтологический характер профессиональной деятельности взаимосвязан с мотивационными потребностями сотрудников ОВД. Для проверки гипотезы использовались методики «Деонтологический профиль личности» [1], позволяющая оценить особенности морально-нравственной сферы личности, развитость деонтологических качеств личности и «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи и П. Мартин) [2], рассматривающей значимость для респондента мотивационных факторов. Исследование проводилось среди сотрудников органов внутренних дел четырех регионов Уральского федерального округа. Объем выборки — 434 человека. Корреляционный анализ проведен с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank correlationco efficient).

Между шкалами методики «Деонтологический профиль личности» и мотивационными факторами методики «Мотивационный профиль» получены следующие корреляции: шкала «Коммуникативные качества» имеет корреляционные связи с мотивационными факторами «Физические условия» ($r=-0,257$; $p\leq0,05$), «Стабильность» ($r=0,418$; $p\leq0,01$). «Гуманистические качества» — «Стабильность» ($r=0,299$; $p\leq0,05$), «Власть и влиятельность» ($r=-0,241$; $p\leq0,05$), «Интерес и полезность» ($r=0,270$; $p\leq0,05$). «Цели морального регулирования» — «Стабильность» ($r=0,296$; $p\leq0,05$), «Разнообразие и перемены» ($r=-0,264$; $p\leq0,05$), «Креативность» ($r=0,270$; $p\leq0,05$). «Особенности морального регулирования» — «Стабильность» ($r=0,425$; $p\leq0,01$), «Идейно-нравственные и морально-политические качества» — «Власть и влиятельность» ($r=0,249$; $p\leq0,05$), «Самосовершенствование» ($r=-0,282$; $p\leq0,05$). «Морально-деловые и морально-экономические качества» — «Разнообразие и перемены» ($r=-0,321$; $p\leq0,01$). «Морально-прагматические качества» — «Разнообразие и перемены» ($r=-0,273$; $p\leq0,05$).

Анализ полученных данных позволяет отметить интересную тенденцию: значимые положительные связи определены между показателями развития морально-нравственных качеств методики «Деонтологический профиль личности» со шкалами «Стабильность» и «Интерес и полезность» методики «Мотивационный профиль». Указанные мотивационные факторы отражают потребность в работе,

наполненной смыслом и значением, с элементом общественной полезности, в наличии обратной связи и информации, позволяющей судить о результатах своей работы, ее значимости для отдельного человека и общества.

Отрицательные корреляции наблюдаются между шкалами методики «Деонтологический профиль личности» и мотивационными факторами «Разнообразие и перемены», «Креативность», «Самосовершенствование», отражающими тенденцию к проявлению пытливости, нетривиального мышления, независимости, готовности к действиям, риску. Иными словами, свобода личности предполагает отсутствие жестких рамок, которыми в определенной мере являются моральные нормы. Снижение личностной надежности, проявляющееся в нарушении служебной дисциплины и законности, может быть следствием предъявления разнонаправленных требований к сотрудникам ОВД. Данное наблюдение требует дальнейшего научного рассмотрения.

1. Коноплева Е.А., Ларионова С.В. Деонтологический профиль личности. Методическое руководство. Екатеринбург: Екатеринбургский дом учителя, 2022. — 53 с. — ISBN 978-5-91256-546-5.
2. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: Учебное пособие для вузов /Пер. с англ, под ред. проф. Е.А. Климова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 399 с. — ISBN 5-238-00599-7

Косицина В.И., Куфтяк Е.В.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Личностные предикторы совладающего со стрессом поведения у военнослужащих

Совладающее поведение, темная триада, толерантность к неопределенности, офицеры, военнослужащие по контракту

Деятельность военнослужащих связана с воздействием различных стресс-факторов, таких как, экстремальные ситуации, двойная система соподчинения, боевой стресс. Диспозиционные характеристики играют ведущую роль в выборе способов преодоления трудных и экстремальных событий. Интерес к изучению личности военнослужащих и схожих профессий связан со спецификой служебной деятельности и особенностей ее организации. В качестве предикторов совладающего поведения рассматривается Темная триада, как комплексный феномен, включающий в себя неклинический нарциссизм, неклиническую психопатию, неклинический макиавеллизм, которые формируют социально неодобряемое поведение (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015), а также толерантность к неопределенности как гибкое и специфическое отношение личности к неопределенности и риску (Корнилова, 2010).

Методами исследования выступали: Короткий опросник Темной триады (SD3), в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой 2015 года (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015); методика Brief-COPE (Eisenberg et. Al., 2012), в адаптации Е. В. Куфтяк и В. И. Косициной; Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой (Корнилова, 2010). Для статистической обработки данных использовалась программа SPSS 26. В исследовании приняли участи 314 респондентов (52,9% офицеры, 47,1% военнослужащие контрактной службы), проходящие службу в Западном военном округе.

Было установлено, что макиавеллизм и психопатия в группе офицеров детерминирует стратегии избегания трудных ситуаций ($p=0,001$) и самопоражения ($p = 0,030$) в контексте классификации стратегий копинг-поведения В.А. Бодрова. В меньшей степени макиавеллизм представлен в группе контрактников и детерминирует не только стратегии избегания ($p = 0,014$), но и приспособления к трудным ситуациям ($p = 0,004$).

Межличностная интолерантность к неопределенности детерминирует преобразующие стратегии ($p = 0,033$), а также избегание ($p = 0,001$) и приспособление к трудным ситуациям ($p = 0,000$). В модели контрактников интолерантность к неопределенности детерминирует преобразующие стратегии ($p = 0,004$) и приспособление к трудным ситуациям ($p = 0,014$). На основании этого можно предположить, что контрактники не приспособлены к неопределенности внутри данной системы и стараются различными продуктивными способами изменить стрессовые ситуации. Офицеры, наоборот, больше опираются на коллектив при решении стрессовых ситуаций в связи с выполнением руководящих функций.

Полученные результаты представляют эвристическую ценность для установления прогностических возможностей личностных особенностей в выборе стратегий совладания со стрессом.

1. Егорова, М.С., Ситникова, М.А., Паршикова, О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады / М.С. Егорова, О.В. Паршикова, М.А. Ситникова // Психологические исследования, 2015, 8(43), 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html (дата обращения 15.05.2022)
2. Корнилова, Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности / Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. 2010. № 5. — С. 3-12.

Леньков С.Л.
Москва, ФГБУ РАО

Рубцова Н.Е.
Москва, АНО ВО РосНОУ

Низамова Е.С.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Взаимосвязь личностных факторов с профессиональной направленностью психологов

Профессиональная направленность, профессиональное развитие, Большая Пятерка, экстраверсия, дружелюбие, сознательность, эмоциональная стабильность, открытость опыту

Актуальность изучения профессионального развития психологов обусловлена неполнотой данных на выборках российских психологов. Большинство отечественных исследований выполнено в отношении студентов-психологов. Цель — выявить характеристики профессионального развития психологов, рассматриваемые в динамике от этапа вузовской подготовки до периода самостоятельной деятельности. Выборка: 405 чел. в возрасте от 17 до 58 лет, включая группу психологов из 53 чел., работающих по профилю, и 149 студентов, получающих высшее образования по направлениям психологии, психологии служебной деятельности. Дизайн предусматривал межгрупповые сравнения и проверку влияния ряда факторов: предметная сфера профессии (психологи и представители иных профессий); этап профессионального развития (обучение, самостоятельная трудовая деятельность); трудовая занятость (только обучение; обучение, совмещенное с трудовой деятельностью; труд в качестве специалиста). Структура личности определялась в соответствии с моделью Большой Пятерки. Опросник TIPI (S. D. Gosling) в адаптации «Краткий пятифакторный опросник личности TIPI-RU» [2]. Методика «Интегративная профессиональная направленность личности» [1].

Для психологов структура личности и профессиональной направленности характеризуются вариативностью. Достоверное отличие между психологами и не психологами состоит в том, что психологи имеют более низкую информационную направленность (а не более высокую субъектную направленность, как ожидалось). По факторам Большой Пятерки различия выявлены на уровне тенденции: у психологов выше экстраверсия и дружелюбие, но ниже эмоциональная стабильность. Различия выявлены внутри группы психологов под влиянием фактора этапа профессионального развития: специалисты-психологи, по сравнению со студентами, проявили высокое дружелюбие, сознательность, информационную направленность. Трудовая занятость оказывает влияние на сознательность, эмо-

циональную стабильность, открытость опыту, дружелюбие и информационную направленность.

Анализ корреляций выявил для группы психологов значимые связи между компонентами структуры личности и профессиональной направленности: субъектной направленности — с экстраверсией, открытостью опыту, информационной направленностью ($p=0.01$); объектной направленности — с сознательностью и эмоциональной стабильностью ($p=0.05$); информационной направленности — со всеми факторами Большой Пятерки ($p=0.01$), кроме дружелюбия.

Среди психологов представлены все типы профессиональной направленности и их распределение различается для групп психологов и не психологов ($p=0.01$). Большая Пятерка оказывает влияние на профессиональную направленность психологов: экстраверсия увеличивает субъектную, объектную, информационную направленности, сознательность и эмоциональная стабильность увеличивает информационную направленность, а открытость опыту увеличивает субъектную и информационную направленности.

В группе психологов представлены все типы профессиональной направленности: субъектный (46%), объектный (27%), интегральный (19%) и информационный (8%), что отражает соответствие специализациям деятельности: психологи с доминированием объектной направленности склонны к работе с телесно-ориентированными практиками; информационной направленностью — к работе с психодиагностическим инструментарием; субъектной направленностью — к живому психологическому консультированию; интегральной направленностью — сочетают в своей деятельности разнородные техники, включая дистанционное взаимодействие с клиентами.

1. Рубцова Н. Е. Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности. — Тверь: Изд-во ТФ МГЭИ, 2011. — 140 с.
2. Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. — 2016. — Т. 9, № 3. — С. 138–154.

Лукина А.К.
Красноярск, СФУ

Мотивационные факторы сохранности контингента студентов: возможности учета в образовательном процессе ВУЗа

Высшее образование. мотивы. образ профессии. сохранность контингента. интеграция. учебный процесс

Отсев студентов в процессе обучения в вузе является серьезной проблемой: для ВУЗа — снижает качество аккредитационных, репутационных и экономических показателей; для общества: нехватка специалистов нужных специальностей, нерациональные расходы на образование; для студентов — снижение качества образовательного процесса, незначительное количество студентов в учебных группах не обеспечивает возможность приведения различных активных форм учебного процесса, снижает возможность соцальной интеграции; для самого отчисленного студента — психологическая травма, напрасно потраченное время на обучение. Проблема: обеспечение сохранности контингента студентов при сохранении высокого качества образования. Методы и результаты: теоретические моделирование, анализ публикаций по проблеме, эмпирические исследования, анализ практики.

В статье Е.Д. Шмелевой и И.Д. Фрумина [1] показано, что риск отчисления на инженерных направлениях подготовки выше всего у студентов с низкими баллами ЕГЭ и у тех кто обучается не по тому направлению подготовки, на которое стремился поступить. Кроме того, совершенно очевидно, что важнейшим фактором успешного обучения студента является его учебная мотивация, определяемая тем, насколько получаемая профессия позволяет осуществить жизненное самоопределение.[2] Немаловажным фактором является также интегрированность студентов в социальную и учебную среду ВУЗа.

Анализ различных публикаций по проблемам учебной мотивации студентов, а также собственные исследования позволили нам выделить несколько основных групп студентов с точки изрения соотношения их учебной мотивации и готовности к обучению по выбранному направлению: 1. Студенты с неслучившимся выбором, попавшие «случайно», «за компанию» по настоянию родителей, чтобы избежать армии и т.д.; 2. Студенты с «романтическими», нереалистическими представлениями о сути будущей профессии и обучении в ВУЗе , разочаровавшиеся после первых месяцев обучения; 3. Студенты с нереалистическими представлениями о студенческой жизни, не готовые к систематическому учебному труду; 4. Студенты с сильной мотивацией, но разочаровавшиеся в качестве обучения; 5. Студенты с адекватной мотивацией, но не подготовленные к обучению (низкий уровень стартовой подготовки).

Обсуждение и выводы. Естественно, что студенты с различными мотивационными профилями нуждаются в различных формах психолого-педагогического сопровождения при вхождении в учебный процесс, а также перестройки самого

учебного процесса. Для первой группы — прояснение жизненных целей, проф. самоопределение, нахождение возможностей самореализации «внутри» выбранного направления подготовки. Для второй группы:- прояснение жизненных целей, включение в реальную профессиональную деятельность, проекты, исследования, социальная интеграция, возможность переживания успеха. Для третьей группы — жесткое тьюторство, тренинги самоорганизации, пошаговый контроль. Для четвертой (и всех) использование современных методов обучения, опирающихся на идеи контекстного обучения. Для пятой группы: дополнительные курсы по базовым учебным дисциплинам (физике, математике), тьюторство, система взаимопомощи и группового обучения, дополнительные консультации.

В практике работы кафедры общей и социальной педагогики при подготовке студентов психолого-педагогического направления апробированы и успено зарекомендовали себя такие формы работы, как: 1. Курс «Введение в профессию» который проводится в форме проблематизирующего семинара, в ходе которого студенты строят образ будущей профессии, и осуществляют собственное самоопределение по отношению к получаемому образованию; 2. Непрерывная практика, которая начинается с первых дней обучения; 3. Проектные и групповые формы обучения, при которых происходит объединение студентов различных курсов, для реализации конкретных проектов на местах практики; 4. Проведение различных профессионально-учебных конкурсов. Это способствует повышению мотивации, академической и социальной интеграции студентов.

Митрухина С.В., Слюсарь Е.С.
Абакан, ФГБОУ ВО ХГУ им. Н.Ф. Катанова

Профессиональный стресс специалистов социальной сферы: результаты эмпирического исследования

Стресс, профессиональный стресс, социальная работа

Изучение профессионального стресса является актуальной темой для исследования, научный и практический интерес представляют вопросы своевременной диагностики, изучение причин, источников и последствий профессионального стресса, симптоматики переживаний острого и хронического стресса, способы профилактики и др. Социальную работу, наряду с другими «помогающими» профессиями (медицинский работник, психолог, педагог и др.), относят к стрессогенным, так как профессиональная деятельность часто приводит специалистов учреждений социальной сферы к состоянию физического и психического истощения. Под профессиональным стрессом чаще всего понимают напряжённое состояние работника, которое возникает под воздействием эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов, вызванных профессиональной деятельностью [1, с.17] .

Цель исследования: провести диагностику профессионального стресса специалистов учреждений социальной сферы. Выборка исследования: 80 сотрудников социальной сферы Республики Хакасия. Выборка была разделена на 3 группы: руководители, специалисты, непосредственные работники. Была применена методика «ИДИКС» А.Б. Леоновой [2]. Для статистической обработки данных был применён однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Статистическая обработка производилась на основе пакета программ IBM SPSS Statistics 20.

У всех трех группы выявлен выраженный уровень профессионального стресса. Высокие показатели выявлены по шкале «Субъективная оценка профессиональной ситуации» (разнообразие, сложность, значимость задач и автономия исполнения) чрезмерная сложность или простота решаемых задач, отсутствие творческого компонента в работе, невостребованность профессионального опыта; недостаточная самостоятельность в работе, необходимость жестко следовать предписанным инструкциям; отсутствие разнообразия в работе (преобладание в работе повседневной рутины, исполнение частных и малосвязанных между собой поручений, частая повторяемость одних и тех же операций и пр.); сниженная значимость труда (отсутствие ощутимой пользы от выполняемой работы, поручение бессмысленных и никому ненужных заданий, незначительная роль в решении главных производственных задач, стоящих перед группой или организацией в целом, и пр.) В большей мере профессиональный стресс у руководителей и специалистов проявляется в форме острого стресса: ухудшении общего состояния (общая слабость, вялость, плохое настроение, отсутствие желания, что либо делать и т.п.), у непосредственных работников — когнитивной напряженностью, затруднением в протекании психических процессов («зашумленное восприятие,

трудности в сосредоточении внимания, вспоминании нужной информации, принятии решений и пр.). Результаты, полученные по субшкалам показали, что хронический стресс у специалистов и непосредственных работников проявляется в виде депрессивных тенденций: подавленное настроение, хандра, мрачные предчувствия, ощущения безнадежности и безысходности, беззащитности. У группы специалистов также дополнительно отмечаются тревожные состояния и неудовлетворенность оплатой труда.

Статистический анализ показал, что группы достоверно различаются между собой по показателям: содержание труда (p=0,000), организация трудового процесса (p=0,002), сложность задач (p=0,041), оплата за труд (p=0,007), контроль за исполнением (p=0,008).

Эти моменты обусловливают ту или иную степень полноценности адаптации сотрудников социальных учреждений к труду и в первую очередь подлежат коррекции и профилактике.

1. Профессиональный стресс и стрессоустойчивость специалистов экстремального профиля деятельности: учебное пособие. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2017. — 161 с.
2. Леонова А.Б. Методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса (ИДИКС): методическое руководство. СПб: ИМАТОН, 2007. — 56с.

Молчанова Г.В.
Москва, МПГУ, РМАНПО

Перфекционизм как фактор эмоционального выгорания студентов младших курсов педагогических ВУЗов

Эмоциональное выгорание, перфекционизм, студент, педагог

Проблема эмоционального выгорания отражена в работах многих зарубежных и отечественных исследователей: содержание и структура (Г. Дион, Т.В.Зайчикова, Л.М.Карамушка, В.Е. Орел, М.Л. Смульсон и др.), методы диагностики (В.В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, С. Джексон,К. Маслач, А.С. Старченкова и др.) [1,2]. Синдром эмоционального выгорания — это физическое, эмоциональное или мотивационное истощение, которое расценивается как стресс (реакция в ответ на производственные и эмоциональные требования). Эмоциональное выгорание развивается чаще всего в профессиях человек-человек: у врачей, педагогов, медицинских и социальных работников. Актуальный вопрос: может ли сформироваться эмоциональное выгорание у будущих педагогов непосредственно во время учебы? Может ли перфекционизм выступать значимым фактором их эмоционального выгорания? Эмоциональное выгорание на первом и втором курсах обучения обычно связывают со сменой ведущего типа деятельности (с учебной на учебно-профессиональную) и круга общения, с началом самостоятельной жизни вне родительского дома, оставляя без внимания прогрессирующие с каждым годом перфекционисткие установки в молодежном сообществе.

Перфекционизм — это психологический конструкт, имеющий трехкомпонентную структуру: 1) социально приписываемый перфекционизм: озабоченность оценками со стороны других людей; 2) Я-адресованный перфекционизм: высокие стандарты и требования по отношению себе, 3) перфекционисткий когнитивный стиль: негативная селекция и фиксация на собственном несовершенстве.

В 2021-2022 нами было проведено исследование (N=79 студентов 1-2 курсов педагогических ВУЗов Москвы в возраста 17;9-24;1) с целью определения доминирующего компонента перфекционизма у студентов младших курсов педагогических ВУЗов, его связи с эмоциональным выгоранием. Методологическую основу исследования составляли: трехмерная модель перфекционизма Г. Флетта и П. Хьюитта, трехфакторная модель эмоционального выгорания С. Maslach,S. Jackson. Методики: «Многомерная шкала перфекционизма» (P.L Hewitt., G.L Flett., в адаптации И.И. Грачёвой), «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (В. В. Бойко),авторский опросник для оценки субъективной значимости факторов эмоционального выгорания (смена ведущей деятельности, смена круга общения, самостоятельная жизнь, собственный перфекционизм).

В результате исследования обнаружилось:

1. Высокий уровень общего перфекционизма наблюдался у 22% студентов младших курсов, при этом высокий уровень Я-адресованного перфекционизма проявился у 57% студентов, у 15,2% студентов был представлен высокий уровень

социально предписываемогоперфекционизма, а у 21,5% студентов прослеживался перфекционистский когнитивныйстиль. У студентов младших курсов педагогических ВУЗов доминирующий компонент — Я-адресованный перфекционизм (выдвигают высокие требования к себе и стараются соответствовать им).

2. Синдром эмоционального выгорания сформирован полностью — у 13,5% студентов младших курсов, у 27,4% — уже находится в процессе формирования.

3. Социально-предписываемый перфекционизм приводит к формированию синдрома эмоционального выгорания (симптомокомплексов напряжения, резистенции и истощения), (двусторонняя связь r (Пирсона)=0,363 и r (Пирсона)=0,411(с фазами «Напряжения» и

«Истощения» соответсвенно, при $p \leq 0{,}01$, r (Пирсона)=0,270 с фазой «Резистенция», при $p \leq 0{,}05$).

4. Перфекционистский когнитивный стиль приводит к формированию симптомокомплексов напряжения и истощения (двусторонняя связь r (Пирсона)=0,462 и r(Пирсона)=0,421 при $p \leq 0{,}001$.

5. По субъективным оценкам студентов младших курсов педагогических ВУЗов, доминирующий фактор их эмоционального выгорания — сверхтребование к себе, желание получить максимальный балл по учебным предметам (89% опрошенных).

6. Я-адресованный перфекционизм не имеет значимых корреляционных связей как в целом с синдромом эмоционального выгорания, так и с его отдельными симптомокомплексами.

Таким образом, социально предписываемый компонент перфекционизма и перфекционисткий когнитивный стиль могут выступать факторами эмоционального выгорания у студентов младших курсов педагогических ВУЗов.

1. Бойко В.В. Синдром “эмоционального выгорания” в профессиональном общении / В.В. Бойко. — СПб.: Питер, 2009. — 105 с.
2. Гаранян Н. Г. Перфекционизм, депрессия и тревога / Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева // Московский психотерапевтический журнал. — 2001. — № 4. — С. 18–48.

Подсадная М.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические проблемы студентов музыкальных ВУЗов

Психические расстройства, депрессия, музыканты, страх сцены

Профессиональная деятельность музыкантов часто становится предметом психологических исследований. Это связано с такими неблагоприятными для психического здоровья факторами, как высококонкурентная среда, высокий уровень стресса, ненормированный рабочий график, злоупотребление ПАВ. По данным исследования, проведенного в 2018 г. Вестминстерским университетом (Великобритания), выяснилось, что 7 из 10 музыкантов-профессионалов страдали приступами тревоги и паники, около 67% жаловались на депрессивные проявления (в 3 раза чаще, чем в среднем в популяции), и почти 12% сообщили о суицидальных мыслях (в 3,5 раза чаще, чем в среднем). Другое исследование, проведенное в 2019 году в Швеции, показало, что около 80% независимых музыкантов в возрасте от 18 до 25 лет борются с различными психическими заболеваниями. Среди главных страхов, влияющих на формирование различных психических расстройств, названы: отсутствие финансовой стабильности, страх сцены, а также сложности в построении длительных прочных семейных взаимоотношений из-за ненормированного рабочего графика и злоупотребления ПАВ.

В ходе проведенного нами пилотного исследования было опрошено 50 студентов 1-3 курсов Института музыки, театра и хореографии РГПУ им. А.И. Герцена. Возраст участников — 19-22 года, 8 юношей и 42 девушки; специальности: фортепиано, струнные, духовые, вокал.

Результаты показали, что почти все из них испытывали когда-либо страх сцены (96%), подавляющее большинство чувствуют его всегда, когда выступают (80%); для того, чтобы снизить его влияние, некоторые используют медикаментозные препараты (30%); при этом половина опрошенных указали на плохие/неудачные отношения с педагогами (52%); чуть менее половины испытывают социофобические проявления (такие, как прокрастинация, пропуск занятий с педагогом — 46%), некоторые испытывают страх, связанный с необходимостью зарабатывать себе на жизнь (32%).

Для того, чтобы оценить динамику данных затруднений, мы обратились к более ранним отечественным работам. Большой вклад в эту тему внес Борис Анатольевич Бараш. Он указал, что в 70-80-е годы XX века количество студентов Ленинградской консерватории, обратившихся за психоневрологической помощью в Институт им. В.М. Бехтерева значительно превышало количество студентов из других ВУЗов города. Кроме того, «при анализе заболеваемости студентов консерватории было выявлено, что в 1977-79 гг. 47%-57% академических отпусков приходилось на функциональные расстройства нервной системы и психические заболевания». Причинами этого автор видел специфическую неравномерность развития молодых музыкантов, выражавшуюся в сочетании высокого уровня

профессиональных знаний и умений с инфантильностью в жизненно-бытовых ситуациях и неразвитостью коммуникативных навыков; а также высокую конкурентность профессии музыканта, что увеличивает уровень невротизации музыкантской среды. Сочетание этих факторов (личностная незрелость и высокая профессиональная конкуренция) накладывалось на кризисы различного рода (студенческие; кризисы психосексуального развития; кризисы детско-родительских отношений), что и порождало такой массовый эффект «выпадания в болезнь» молодых музыкантов.

Очевидно, что тенденция предрасположенности музыкантов к психическим расстройствам усилилась в наши дни. Это указывает на необходимость исследования уровня психических заболеваний и психологического благополучия музыкантов и студентов музыкальных ВУЗов и формирования, согласно полученным данным, программ психопрофилактических мероприятий для них.

1. Бараш Б.А. Психопрофилактическая помощь студентам ВУЗов. — В кн.: Психогигиена и психопрофилактика. — Ленинград, 1983, с. 39-45.
2. ttps://www.helpmusicians.org.uk/assets/publications/files/can_music_make_you_sick_part_1-_pilot_survey_report_2019.pdf
3. https://psrc.princeton.edu/news/mira-survey-musicians-april-june-2018

Правдина Л.Р., Долгушина Н.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Субъективное благополучие и профессиональный стресс у представителей экстремальных профессий

Экстремальные профессии, субъективное благополучие, профессиональный стресс, стратегии преодоления, различия

Введение. Актуальность исследования определяется до сих пор существующим дефицитом знаний о влиянии риска и стресса на субъективное благополучие (далее — СБ) представителей экстремальных профессий; а также остающейся неразрешенной проблемой прогнозирования поведения людей в экстремальных условиях (Бессонова Ю.В., 2018). Субъективное благополучие сегодня уже описывается не как эмоциональное переживание, а скорее как длительное состояние; остаются не проясненными вопросы его достижимости в условиях экстремальной деятельности, его детерминант и роли в обеспечении эффективности и работоспособности представителей опасных профессий (Бессонова Ю.В., 2018). Утверждается, что под воздействием неблагоприятных факторов возможно не только снижение, но увеличение уровня СБ (Целик Е.В., 2018), а профилактической мерой предупреждения воздействия стрессовых факторов является использование копинг-стратегий или совладающего поведения (В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2011).

Постановка проблемы. Представители экстремальных профессий сталкиваются с профессиональным стрессом, берущим начало из двух источников: травматический стресс опасных условий деятельности и организационный стресс. Задумка исследования связана со сравнительным изучением баланса адаптивных характеристик (СБ, преодоление) и дезадаптивных (профессиональный стресс) у представителей экстремальных профессий. Респондентами стали: 40 сотрудников в возрасте (служба охраны ООО «ЛЕНТА») и 44 сотрудника (управление МЧС одного из районов г. Ростова-на-Дону).

Гипотезы: 1) У сотрудников управления МЧС эффективные стратегии совладающего поведения и субъективное благополучие развиты выше, чем у сотрудников ООО «ЛЕНТА», у которых более выражен организационный и травматический стресс. 2) Взаимосвязи субъективного благополучия, профессионального стресса и стратегий преодолевающего поведения, специфичны для представителей 2-х исследуемых профессиональных групп. Использовались методики: «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) в адаптации Водопьяновой Н.Е; Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» («SACS») С. Хобфолла,; «Шкала организационного стресса» А. Маклин; «Шкала оценки влияния травматического события» (ШОВТС). Математические методы: дескрептивный анализ, корреляционный анализ (к. Спирмена), U-критерий Манна-Уитни.

Выдвинутые гипотезы подтвердились, из полученных результатов можно сделать следующие выводы. Сотрудники управления МЧС ощущают себя более

благополучно, меньше склоны к переживанию травматического и организационного стрессов, а так же используют более эффективные стратегии совладающего поведения, чем сотрудники охраны магазинов «ЛЕНТА». Субъективное благополучие сотрудников экстремальных профессий взаимосвязано с индексом конструктивности и стратегиями совладающего поведения, причем структура и количество взаимосвязей показателей принципиально различается у представителей двух различных профессий. У респондентов двух профессиональных групп наблюдаются различия при сравнении групп сотрудников с высоким и низким показателем СБ: у сотрудников охраны различия в уровне СБ связаны с выраженностью стратегий Импульсивность, Осторожность, Асоциальность и Вступление в контакт; а у сотрудников МЧС различия в уровне СБ связаны с выраженностью профессионального стресса, ассертивных стратегий и стратегии Избегания.

Различия в структуре, выраженности и количестве взаимосвязей показателей исследования, также как и специфичность различий между субъективно благополучными и субъективно неблагополучными сотрудниками двух профессиональных групп объясняются, на наш взгляд, наличием психологического отбора и сопровождения, а характером деятельности с большим числом вызовов и степеней свободы в случае сотрудников МЧС.

Рогов Е.И.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

К проблеме представлений учителей о профессиональном благополучии

Профессиональные представления, учитель, педагогическая деятельность, образ благополучия, факторы удовлетворенности трудом, профессиональные деструкции

Исследователи по-разному определяют понятие «благополучия», анализируя его как психическое состояние (П.С.Гуревич, Н.Д. Левитов, А.О. Прохоров, Р.Х. Шакуро), оценку (М.Аргайл, А.А. Мурутар, И.Г. Столяр), отношение (В.Н. Мясищев), установку (В.А. Ядов, Е.С. Кузьмин), мотив (Н. В. Андреенкова, А.Г. Ковалёв, П.М. Якобсон). Многообразие феноменологии благополучия, предопределена разнообразием обуславливающих его детерминант, к которым относят факторы от наследственности до социальной мобильности.

В данном проблемном поле представляется не совсем верным анализ представлений субъектов о благополучии вне конкретной профессии, так как, очевидно, что эти образы у представителей групп разных профессий будут различаться. Именно профессия обеспечивает достижение складывающихся в сознании образов личного благополучия. Положительные эмоции от своей деятельности субъект получает только в том случае, если она ему нравится. Успешность и эффективность субъекта в рамках любой деятельности выступает важнейшим фактором жизненного благополучия. Особо выделяются лица, действующие в сфере «человек-человек», неудовлетворенность которых способствует эмоциональному выгоранию [1]. В ряду данных профессий труд учителя наиболее нагляден: труд педагогов часто не нормирован, они проводят на работе длительное время, часто ощущают дискомфорт в профессиональной деятельности, что отражается на общем отношении к жизни, снижении уровня благополучия. Ситуация обостряется тем , что отношения в системе «учитель-ученик» — вертикальные, обусловленные зависимостью обучающегося от учителя, что, в худших случаях, может сделать школьника заложником неразрешенных проблем педагога, «отразиться» на обучаемых, изменять их состояние, влиять на учебу.

Представления педагогов о профессиональном благополучии остро обсуждаются в социуме, так как их детерминанты позволяют ответить на вопросы о мотивах и детерминантах выбора профессии, о вовлечении в данную сферу наиболее способных кадров, об определении методов повышения качества образования, возрастании степени удовлетворенности педагогической деятельностью, оптимизации вариантов профессионального роста, приверженности к образовательной организации, создание лучших условий труда и административной поддержки и др.

Представление педагога о благополучии основывается на доминирующих потребностях субъекта, стремлении к самореализации, к общению с детьми, к физическому и психологическому комфорту, удовлетворенности выбором

профессии, возможности ее смены, достижении жизненных планов, престиже профессии, чувстве социальной защищенности, стремлении к независимости, самостоятельности, условиях работы, содержании труда, комфортности взаимоотношений с окружающими, психологической атмосферой в педагогическом коллективе, движением по ступеням карьеры и профессиональным развитием и проч.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что факторов, оказывающих влияние на представления учителей о профессиональном благополучии, очень много, они разнообразны и нуждаются в систематизации. Решить вопрос позволяет опора на структуру профессиональной личности [2], распределив детерминанты представлений на личностные, деятельностные и социальные.

Использование подобной классификации представлений учителей о профессиональном благополучии позволяет предупредить возникновение серьезных проблем в каждой из указанных сфер педагогического труда.

1.Рогов Е.И., Желдоченко Л.Д. Профессиональные деформации в педагогической деятельности. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. — 266 с.

2.Рогов Е.И. Психология становления профессионализма (в социономических профессиях). — Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2016. — 340 с.

Саджая С.Т., Сирота Н.А., Бердичевский А.А., Канатбек А.
Москва, ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова

Копинг-стратегии как фактор профессионального выгорания медицинских работников Клинического центра COVID-19

Копинг-стратегии, совладающее поведение, профессиональное выгорание, психоэмоциональное выгорание, COVID-19.

Важность профилактики профессионального выгорания у медицинских работников отмечается многими исследователями (Сирота, 2017). Выгорание медиков приводит к снижению качества их профессиональной деятельности. Показано, что уровень профессионального выгорания сотрудников «красных зон» связан с наличием стрессовых факторов различного генеза, а также значимо выше, чем у медиков, работающих в обычных условиях (Холмогорова, 2021). Степень выгорания женщин больше, чем у мужчин. Профессиональное выгорание возникает тогда, когда ресурсы для совладания специалиста с высоким уровнем стресса истощены. Копинг-поведение является одним из самых значимых факторов преодоления стресса. Показано, что эффективное копинг-поведение способствует снижению уровня профессионального выгорания.

Целью исследования является определение роли копинг-стратегий в профессиональном выгорании сотрудников «красной зоны», мужчин и женщин. Задачи: определить различия в профессиональном выгорании между медработниками мужчинами и женщинами; определить специфику влияния копинг-стратегий на профессиональное выгорание мужчин и женщин. Характеристика выборки В исследовании принимали участие 259 сотрудников Клинического центра COVID-19 ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова Минздрава РФ в возрасте от 18 до 57 лет (M=26,63, SD=7,9), их них: мужчины (N=98) возрасте от 18 до 51 года (M=26,3, SD=7,15); женщины (N=171) в возрасте от 19 до 57 лет (M=26,82, SD=8,31). Методики исследования: методика «Стратегии совладающего поведения» (ССП) в адапт. Л.И. Вассерман и др.; Опросник профессионального выгорания К. Маслач (Maslach Burnout Inventory (MBI) в адапт. Н.Е. Водопьяновой.

Результаты исследования. По степени выраженности профессионального выгорания получены значимые различия по шкале эмоционального истощения (U=5595,5 при p=0,00). По данным корреляционного анализа (r-Спирмана при p=0,01) у мужчин медиков эмоциональное истощение связано: положительно связано с бегством-избеганием (r=0,56), дистанцированием (r=0,41), принятием ответственности (r=0,39) и самоконтролем (r=0,35); отрицательно с планированием решения проблемы (r=-0,32). Деперсонализация положительно связана с бегством-избеганием (r=0,41), а отрицательно с планированием решения проблемы (r=-0,32). Редукция профессиональных достижений положительно связана с копинг-стратегиями планирования решения проблемы (r=0,49), положительной переоценкой (r=0,42), поиском социальной поддержки (r=0,29) и конфронтацией (r=0,29, при p0,05), а отрицательно с бегством-избеганием (r=-0,34). Множествен-

ный регрессионный анализ (R^2=0,40) показывает, что бегство-избегание (β=0,55, при p=0,00) и планирование решения проблемы (β=-0,27, при p=0,00) вносят вклад в развитие эмоционального истощения у сотрудников «красной зоны» — мужчин. Редукция профессиональных достижений опосредована (R^2=0,45) влиянием бегство-избегания (β=-0,53, при p=0,00), положительной переоценки (β=0,42, при p=0,00) и конфронтации (β=0,33, при p=0,00). Корреляционный анализ (r-Спирмана при p=0,01), проведенный на выборке женщин-медиков, показывает положительную связь эмоционального истощения с бегством-избеганием (r=0,56), принятием ответственности (r=0,34), конфронтацией (r=0,28), самоконтролем (r=0,27), поиском социальной поддержки (r=0,24) и дистанцированием (r=0,21). Деперсонализация положительно связана с бегством-избеганием (r=0,34) и конфронтацией (r=0,30). Редукция профессиональных достижений положительно взаимосвязана с планированием решения проблемы (r=0,43 и положительной переоценкой (r=0,35). Эмоциональное истощение женщин-медиков «красной зоны» обусловлено влиянием (R^2=0,31) бегства-избегания (β=0,56, при p=0,00). Эмоциональное истощение женщин-медиков, работающих в «красной зоне» с пациентами, болеющими COVID-19 выше, чем у мужчин.

Копинг-поведение мужчин-медиков характеризуется большим репертуаром применяемых стратегий и их более мощным воздействием на выраженность профессионального выгорания, чем у женщин.

1. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Ялтонская А.В., Московченко Д.В. Эмоциональное выгорание врачей // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2017. Т. 10. №4.
2. Холмогорова А.Б., Рахманина А.А., Суроегина А.Ю., Микита О.Ю., Петриков С.С., Рой А.П. Психическое здоровье и профессиональное выгорание врачей-ординаторов во время пандемии COVID-19: ситуационные и психологические факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 2. С. 9–47.

Тарасова А.А.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Оценка групповой формы постэкспедиционного психодиагностического обследования в МЧС России на основе психологических показателей

Специалисты МЧС России, чрезвычайные ситуации, постэкспедиционное обследование, острая стрессовая реакция, психологические показатели

Специфика профессиональной деятельности специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС), заключается в воздействии на них определенных экстремальных факторов (повышенные требования к выполняемым задачам, выполнение работ в круглосуточном режиме и в любых погодных условиях, высокий темп и динамика деятельности, разнообразные возникающие сложности в выполнении задач, общение с пострадавшими и родственниками пострадавших и погибших, физическое и психологическое напряжение и др.). При этом специалисты МЧС России в режиме повседневной деятельности находятся в оперативной готовности, готовы в любое время к выезду на ЧС и проведению спасательных, поисковых и др. видов работ. Это свидетельствует том, что специалисты МЧС России подвержены угрозе собственной жизни и здоровью, что может привести к возникновению дезадаптации и, как следствие, острым стрессовым реакциям. Все это требует своевременного выявления последствий, связанных с выполнением деятельности по ликвидации последствий ЧС, что в МЧС России решается посредством постэкспедиционного психодиагностического обследования, проводимого не позднее 7 дней после возвращения из зоны ЧС (Тарасова, Казакова, 2016). В настоящее время является актуальным выделение унифицированных критериев, на основании которых будет происходить определение степени дезадаптационных изменений, связанных с деятельностью по ликвидации последствий ЧС.

В исследовании приняло участие 2450 специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий ЧС (средний возраст 33,6 ± 7,6 лет; стаж работы 8,4 ± 6,6 лет; количество времени, проведенного в зоне ЧС 10,6 ± 7,7 дней). Психодиагностический инструментарий: Оценка влияния травматического события Горовица; Шкала депрессии Бека-Зунге; Опросник травматического стресса И.О. Котенева. Общее количество изучаемых психологических показателей составило 11 единиц. Согласно дескриптивному анализу (IBM SPSS Statistics Version 22) эмпирическая выборка была разделена на 3 группы, где 1 группа — первичная психологическая профилактика (n = 475), 2 группа — вторичная психологическая профилактика (n = 1246), 3 группа — психологическая коррекция (n = 729). Так, в 1 группу вошли специалисты МЧС России, имеющие в сумме 11 показателей с уровнем выраженности «низкий», «ниже среднего», «средний», при этом показатели с уровнем выраженности «выше среднего» и «высокий» отсутствуют; во 2 группу вошли обследуемые, имеющие показатели с уровнем выраженности

«низкий», «ниже среднего» и «средний» в количестве 10 единиц и ниже, от 1 до 3 показателей с уровнем выраженности «выше среднего» и 1 показатель с уровнем выраженности «высокий»; в 3 группу вошли специалисты МЧС России, набравшие 9 и ниже показателей с уровнем выраженности «низкий», «ниже среднего» и «средний», 4 и более показателей с уровнем выраженности «выше среднего» и 2 и более показателей с уровнем выраженности «высокий». Согласно «U-критерию Манна-Уитни» установлены значимые различия между группами ($p \leq 0,05$) по всем изучаемым психологическим показателям.

Таким образом, можно заключить, что различия между группами по постэкспедиционному обследованию в МЧС России (групповая форма проведения) заключается не только в уровне выраженности показателей, но также и в их количестве, то есть, чем большее число психологических показателей с негативным уровнем выраженности, тем неблагоприятнее психологическое состояние обследуемых специалистов МЧС России и тем сильнее ими переживаются травматические события.

1. Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации: сборник материалов / Под ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. — С. 165-176.

Финогенова О.Н.
Красноярск, СФУ

Профессия в процессах самоопределения подростков

Самоопределение, самореализация, профессиональная траектория, подростки, события жизни, событийный подход психологии, жизненный путь

Научный коллектив кафедры общей и социальной педагогики Сибирского федерального университета проводит исследование событийного мира подростков, одной из задач которого является выяснение роли профессиональной деятельности в формировании жизненной траектории личности. Контуры жизненного пути закладываются в представлениях субъекта о мире, собственной жизни, о тех событиях, которые с ним происходят и произойдут в будущем. Выяснив, какие профессиональные события подростки включают в свой жизненный путь, можно составить представление о роли профессии в процессах самоопределения современных подростков.

Исследование проводилось в декабре 2021-феврале 2022 года среди обучающихся 9-10 классов общеобразовательных школ. Выборку составили 160 школьников 14-17лет, учащиеся в школах Красноярского края и Казахстана. Основная методика исследования Опросник «Лист жизненных событий», разработанный А.К. Лукиной на основе методик «Линия жизни» А.А.Кроника и Е.И.Головахи [1] и Л.Ф.Бурлачука «Психологическая автобиография»[2]. Задание «Листа жизненных событий» «Напиши события своей жизни, прошлой, настоящей и будущей, которые оказали или окажут влияние на твою жизнь». Каждое из событий оценивается респондентом по нескольким критериям, в том числе по эмоциональной окраске события и сфере жизни, в которой разворачивается событие.

Результаты. Количество важных событий, отнесенных подростками к сфере «работа»: нет ни одного события из области профессии у 50,6% подростков; среднее количество «профессиональных» событий на одного респондента меньше единицы — 0,86; четверть подростков (25%) упоминают единственное профессиональное событие, как правило, это обобщенное «работа». У мальчиков доля профессиональных событий от общего количества событий жизни составляет 5,7%, у девочек — 10%. Наиболее значительные различия в профессиональных событиях жизни обнаружены для категорий город-село. У сельских подростков события профессионального характера в жизненной перспективе отсутствуют.

Отношение к работе. Средняя оценка составляет 3,73 балла по шкале от -5 до +5. Выражена группировка оценок: ровно половина (50%) подростков, имеющих в перечне событий события профессиональные, оценили события сферы «работа» максимальными баллами. Для половины респондентов работа — это желанное состояние. По содержанию и направленности профессиональной деятельности наблюдается разделение подростков на когорты: предпринимателей, карьеристов и ориентированных на профессии, связанные с творческим самовыражением.

Обсуждение. В жизненной перспективе подростков работа и профессиональная самореализация занимает скромное место, уступая прочим сферам жизни — семейной, личной. Особенно выражено отсутствие профессиональных перспектив у сельских подростков. У подростков, у которых профессия наличествует в жизненной перспективе, выражено позитивное отношение к профессиональной деятельности.

Выводы. В самоопределении, в системе личностных смыслов и иерархии «значимостей» современных подростков профессиональная деятельность уступает позиции личным и семейным событиям. В субъективной мире половины подростков нет места событиям, связанным с профессией. Для остальных подростков работа и профессия имеет позитивный смысл. Сопоставимое количество подростков ориентированы на профессии с социальными мотивации (престижные, позволяющие сделать карьеру) и профессиям, дающими возможность творческого самовыражения.

Цыганов И.Ю.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Колесникова И.М.
Липецк, МАОУ СОШ №51

Кондратюк Н.Г.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Профессиональные планы молодежи и выбор профессии в ситуации неопределенности

Выбор профессии, профессиональные планы, мотивация, неопределенность, молодежь

Вопрос понимания психологических механизмов, обуславливающих выбор профессии, определенность и устойчивость профессиональных планов молодежи не только не утрачивает своей актуальности, но и в эпоху глобальных изменений приобретает новые, требующие осмысления и изучения, стороны. В презентуемом исследовании стояла задача понять, как разные виды профессиональной мотивации могут быть связаны с определенностью и устойчивостью профессиональных планов молодежи в ситуации распространения пандемии коронавируса в мире. Исследование проходило в ноябре-декабре 2020 года — спустя более полугода после официального начала пандемии COVID-19. Подчеркнем, что полученные результаты имеют общепсихологическое значение. Ситуация пандемии рассматривается как модельная, позволяющая максимально заострить и сопрядить в себе ряд смыслообразующих жизненных аспектов.

Выборка: 314 российских учащихся 10-11 классов (201 девушка) в возрасте 15-19 лет (M=16,62, SD=0,66). Для решения задач исследования разработана Анкета профессиональных планов, включающая 7 вопросов, направленных на оценку трех факторов: определенности профессиональных планов старшеклассников, влияния ситуации пандемии на профессиональные / образовательные планы и устойчивости профессиональных предпочтений. Правомерность, как включенности в анкету факторов определенности планов и их устойчивости, так и в целом их исследования в контексте проблемы выбора профессии, обосновывается имеющими место в научной литературе теоретическими и эмпирическими исследованиями по данной тематике [1, 2]. Включенность фактора влияния пандемии обусловлена беспрецедентностью его влияния на жизнь человека, многократно подверженного, в том числе, в опубликованных психологических исследованиях [3]. Факторизация утверждений анкеты на данных нашей выборки подтвердила корректность использования трех показателей (полная объясненная дисперсия составила 77,62%). Внутренняя согласованность показателей анкеты колебалась от 0,67 до 0,83. Доминирующая мотивация определялась при помощи методики Л.А. Ясюковой «Тест мотивации выбора профессии для 7-11 классов».

По результатам исследования обнаружена статистически значимая положительная связь показателя «определенность профессиональных планов» с такими видами мотивации выбора профессии, как собственно профессиональная мотивация, учебная и статусная мотивация; положительные значимые корреляции наблюдались и между показателем «влияние ситуации пандемии коронавируса на профессиональные планы» с коммуникативной и внешней мотивацией выбора профессии. Отсутствие корреляций показателя «устойчивость профессиональных предпочтений» с мотивационными показателями профессионального выбора закономерно, поскольку именно «устойчивость» как психологический феномен может быть обусловлена влиянием темпераментально-характерологических и регуляторных оснований психики человека, что было неоднократно показано ранее.

Полученные результаты могут быть использованы при разработки программ профессионального развития молодежи, включающих целенаправленное формирование у учащихся профессиональной и учебной мотивации.

1. Харченко И.И., Арсентьева Н.М. Парадоксы профессиональной ориентации молодежи: что в приоритете — интересы и самореализация или потребности экономики // Социодинамика. 2019. № 12. С. 86-102.
2. Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8, №1. С. 50-68.
3. Moreno C., Wykes T., Galderisi S., Nordentoft M., Crossley N., Jones N, ... Arango C. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic // Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7. Pp. 813-824.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00741

Шингаев С.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

О внедрении концепции психологического обеспечения профессионального здоровья менеджеров применительно к новым профессиональным группам

Профессиональная деятельность, концепция, профессиональное здоровье, психологическое обеспечение.

При разработке концепции психологического обеспечения профессионального здоровья, мы первоначально апробировали ее на выборке менеджеров [1]. Последующая работа над концепцией позволяет сделать обоснованный вывод о возможности применения ее для других профессиональных групп, поскольку подразумевает охват с точки зрения психологического обеспечения все этапы профессионального пути человека. Специфика профессии накладывает отпечаток на особенности организации процесса сопровождения, при этом нисколько не изменяя самой сути психологического обеспечения. Поэтому считаем обоснованным рассматривать данную концепцию как методологическую основу укрепления профессионального здоровья таких профессий, как педагоги [2], военнослужащие [3], сотрудники войск национальной гвардии Российской Федерации [4] и др.

Специфика профессиональной деятельности военнослужащих Вооруженных Сил РФ заключается в систематических психологических и физических нагрузках, часто возникающих стрессовых ситуациях связанные с угрозой жизни и здоровью. По существу, становясь курсантов военно-учебного заведения, а затем офицером, человек выбирает стиль жизни, за который приходится платить своим здоровьем, готовностью идти на риск. Профессиональная деятельность сотрудников Росгвардии характеризуется высокими физическими и психологическими нагрузками, высоким уровнем ответственности, работой с различными категориями населения, в том числе с маргиналами.

Для деятельности педагогов характерны действия по становлению и преобразование личности обучающихся, управлении процессом их интеллектуального, эмоционального и физического развития, воспитания, а также такие профессиональные вредности как синдром информационной усталости, карпальный синлром.

Если закладывание основ профессионального здоровья на этапе профессионального самоопределения не несет специфики, то важнейшие особенности профессионального здоровья специалистов, отражающие специфику того или иного типа профессии, закладываются прежде всего: 1) на этапе профессиональной подготовки, осуществляемой для будущих педагогов — в педагогических вузах, для будущих офицеров и росгвардейцев — в высших военно-учебных заведениях, где сам уклад жизнедеятельности кардинально отличается от гражданских вузов; 2) на этапе адаптации к профессиональной деятельности и этапе регулярной профессиональной деятельности.

1. Шингаев, С.М. Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров: специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Шингаев Сергей Михайлович ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург. — 2014. — 565 с. — Библиогр.: том 2., с.3-46. — Текст : непосредственный.
2. Шингаев, С. М. Профессиональное здоровье педагогов: теория и практика / В.М. Голянич, О. В. Ходаковская и др. // Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде : монография / Санкт-Петербургский государственный институт культуры. — Санкт-Петербург : ООО “НИЦ АРТ”, 2019. — 396 с. — 500 экз.. — ISBN 978-5-906968-92-0 : С.46-62. — Текст : непосредственный.
3. Шингаев, С. М. Особенности волевых качеств курсантов–выпускников военных образовательных организаций высшего образования, необходимых для работы в особых условиях профессиональной деятельности / С. М. Шингаев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2018. — № 4 (5). — С. 78–83. — URL: http://vestnik-spvi.ru/2018/12/019.pdf (дата обращения: 12.05.2022) — Текст : электронный.
4. Шингаев, С. М. О применении концепции психологического обеспечения профессионального здоровья сотрудников войск национальной гвардии РФ / С. М. Шингаев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2019. — № 2 (7). — С. 97–102. — URL: http://vestnik-spvi.ru/2019/06/019.pdf (дата обращения: 12.05.2022) — Текст : электронный.

Шишкина А.Н.
Киров, ФГБОУ ВО ВятГУ

Удовлетворенность молодых учителей условиями труда

Образовательная организация, удовлетворенность трудом, условия труда, молодой учитель

Осуществление профессиональной деятельности современным учителем происходит в сложных условиях, характеризующихся постоянным возрастанием требований к нему на фоне продолжающейся модернизации образования. На образование как на важнейшую социальную деятельность обществом возлагаются серьезные задачи. В связи с этим возрастает потребность в обеспечении системы образования квалифицированными педагогическими кадрами. В то же время ощутимый отток молодых учителей из образовательных организаций является в настоящее время серьезной проблемой не педагогического сообщества [1, 4]. Во многом решение об уходе из профессии определяется степенью удовлетворенности трудом. В вопросах реализации профессиональной деятельности удовлетворенности трудом отводится роль значимого человеческого ресурса. Она признается исследователями одним из существенных факторов мотивации сотрудников, результативности и эффективности профессионального взаимодействия [3], а также значимым показателем успешности самоосуществления субъекта себя как профессионала [2]. В контексте описанных проблем и противоречий изучение удовлетворенности трудом молодых учителей приобретает особую важность.

Целью исследования является: выявить уровень удовлетворенности молодых учителей условиями труда, определить зависимость общей удовлетворенности трудом молодых учителей от стажа профессиональной деятельности. Из числа теоретических методов использовался анализ психологической литературы, который позволил составить представление о предмете исследования, определить условия удовлетворенности трудом, их системные взаимоотношения. Для сбора эмпирического материала было использовано анкетирование. Оценка респондентами предложенных в анкете утверждений осуществлялась с помощью пятибалльной шкалы Лайкерта. Полученные данные подвергались процедуре нормирования. Выборку исследования составили молодые учителя (N=412) в возрасте от 20 до 35 лет (средний возраст – 20±4,5 лет) со стажем профессиональной деятельности не превышающем пяти лет, из них 381 женщина (92,5%) и 31 мужчина (7,5%). Все респонденты осуществляют профессиональную деятельность в образовательных организациях Кировской области.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что низкий уровень удовлетворенности молодых педагогов обнаруживается в отношении следующих условий: режим работы (15,8%), объем учебной нагрузки (18,5%), функционирование рабочих процессов — планирование и координация работ (12,9%), распределение обязанностей (17,7%), возможность высказывать свои идеи

и вносить предложения (13,1%), предлагаемые возможности профессионального роста (12,8%) и количество времени для самообразования (32,8%). Для изучения взаимосвязи между стажем профессиональной деятельности и удовлетворенностью трудом использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В ходе применения корреляционного анализа между обозначенными переменными была выявлена значимая отрицательная взаимосвязь (r=-0,157, p0,01). Полученный результат позволяет предположить, что с увеличением стажа общая удовлетворенность трудом молодых учителей имеет тенденцию к снижению.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке комплекса мер организационного и психологического сопровождения молодого учителя в образовательной организации.

1. Будникова С. П. Психологические факторы в проблеме восполняемости учительских кадров // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 1(47). С. 30-44.
2. Ермолаева М. В., Охотенко Р. В. Удовлетворенность трудом как обобщенное переживание качества самореализации субъекта в пространстве его саморазвития // Мир психологии. 2009. № 2(58). С. 249-256.
3. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И. Социально-демографические и организационные факторы удовлетворенности трудом // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 59-71.
4. Amitai A., Van Houtte M. Being pushed out of the career: Former teachers' reasons for leaving the profession. Teaching and Teacher Education. 2022. Vol. 110.

Бехтер А.А., Филатова О.А.
Хабаровск, ФГБОУ ВО ТОГУ

Параметры саморегуляции как предикторы превентивного преодоления в молодом возрасте

Превентивное преодоление, молодой возраст, трудные ситуации

В молодом возрасте саморегуляция является одним из механизмов, контролирующих протекание проактивных стратегий в режиме реального времени в соотношении с будущей ситуацией. Превентивное преодоление является частью проактивного поведения и заключается в том, чтобы накопить ресурсы и использовать прошлый опыт в трудных ситуациях. Если проактивное совладание ориентировано на то, чтобы использовать ситуацию для саморазвития и быть при этом в безопасности, то основная цель превентивного преодоления — просто быть в безопасности [1]. В зарубежных исследованиях было показано, что проактивное, так и превентивное совладание являются одномерными конструкциями [1; 3]. Превентивное преодоление у молодых людей частично служит «модератором стресса, положительно коррелирует с фрустрацией [2], с оптимизмом и отрицательно связано нейротизмом и тревогой [1]. Установлено, что в молодом возрасте накопление ресурсов не так актуально, как в более зрелом возрасте, и зависит от пола, уровня образования, социального статуса [1].

Целью нашего эмпирического исследования было установить предикторы превентивного преодоления у молодых людей. Опрос осуществлялся через онлайн-опрос в январе 2022 года. Всего в эмпирическом исследовании приняло участие 158 молодых людей (136 женщин и 21 мужчина, средний возраст 18±3,5) Тихоокеанского государственного университета г. Хабаровска. Нами были использованы следующие методики: опросник проактивного совладающего поведения (адаптация Е.П.Белинской и др.) и опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И.Моросанова и др.). Выборка оказалась неоднородна по своему гендерному содержанию, распределение отличается от нормального. Для обработки результатов применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена и метод пошаговой линейной регрессии в программе SPSS 20.

Корреляционный анализ показал, что превентивное преодоление тесно связано с общей саморегуляцией ($r=0,423$ при $p=0,001$), планированием ($r=0,402$ при $p=0,001$), моделированием ($r=0,224$ при $p=0,01$), программированием ($r=0,348$

при p=0,01) и оцениванием результатов (r=0,328 при p=0,001). Далее мы применили метод линейной регрессии для того, чтобы предсказать значение зависимой переменной (превентивное преодоление). В качестве номинальных предикторов выступили параметры саморегуляции (общий уровень саморегуляции, планирование, моделирование, программирование, гибкость, оценивание результатов).

Для превентивного преодоления в молодом возрасте более значимым оказываются такие параметры как оценивание результатов (β=0,9729 при r=0,002), гибкость (β=0,5401 при r=0,051) и планирование (β=1,2263 при r=0,001). Данная модель объяснила 29% от общей выборки зависимость превентивного преодоления от указанных параметров саморегуляции (R^2=0,292 при p=0,001). Отсутствие значимых коэффициентов в данной модели параметров общей саморегуляции, программирования и моделирования мы полагаем связано именно с тем, что молодежь не имеет жизненного опыта, часто подвержена смене настроения, в основном предпочитает жить «здесь и сейчас».

В молодом возрасте для превентивного преодоления оказались важными умения быть гибким, планировать, оценивать результаты своей деятельности в стрессовой ситуации. Перспектива исследования состоит в изучении механизмов превентивного преодоления на расширенной выборке.

1. Drummond S., Brough P. Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct constructs? // Personality and Individual Differences.2016. No.92. Pp.123–127.
2. Vaculíková J., Jim Johnson J., Daniel Flint D. Testing the unidimensionality of proactive and preventive coping // International Journal of Psychology and Psychological Therapy.2019. No. 17(3). Pp.327-335.
3. Yiqun Gan Yueqin Hu Yiwen Zhang. Proactive and Preventive Coping in Adjustment to College // The Psychological record. No. 60(4). Pp. 643-658

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО № 21-513-07004

Борисова Д.Ю., Трошихина Е.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Динамика психомоторных и эмоционально-личностных характеристик взрослых людей с особенностями здоровья в процессе танцевально-двигательной терапии

Взрослые люди с особенностями здоровья, танцевально-двигательная терапия, сосудистое заболевание головного мозга.

Взрослые люди с особенностями здоровья могут иметь разнообразные соматические и психические нарушения. Актуальность данной темы связана с внедрением новых форм психосоциальной реабилитации лиц с особенностями здоровья в различные организации по оказанию медико-социальной помощи гражданам.

Цель исследования: изучить динамику психомоторных и эмоционально-личностных характеристик взрослых людей, страдающих сосудистым заболеванием головного мозга (СЗГМ) в процессе танцевально-двигательной терапии (ТДТ). Данное заболевание характеризуется нарушением моторики и социального функционирования, сопровождается разнообразными психопатологическими синдромами. Цель ТДТ — профилактика гиподинамии, двигательная и коммуникативная активизация, коррекция эмоционального состояния, поддержание и усиление когнитивных функций.

Исследование проводилось в соматопсихиатрическом отделении ПБ № 1. Выборку составили 65 женщин с диагнозом СЗГМ с психоорганическим синдромом средней глубины выраженности, в возрасте от 66 до 78 лет (M=73 года). Из них 40 человек вошли в экспериментальную группу, с которой два раза в неделю проводилась ТДТ (группы с составом до 10 человек, с каждой всего 30 встреч по 40 минут) и 25 — в контрольную. Методы исследования: методика САН (Доскин В.А., 1973), трехэтапная проба «Кулак-ребро-ладонь» (Лурия А.Р., 1973), моторная проба «Пуговицы»: модификация теста метрической шкалы «Укладывание монет» Л.А. Головей (2006), свободный рисунок.

Результаты. В экспериментальной группе выявлены статистически значимые различия в средних значениях до и после ТДТ по показателям самочувствия ($p \leq 0,05$), активности ($p \leq 0,05$), настроения ($p \leq 0,01$) методики САН. Можно говорить о достоверном повышении показателей данных функциональных состояний в результате проведения ТДТ. По пробе «Кулак-ребро-ладонь» у 80% испытуемых до ТДТ отмечались трудности вхождения в задание, у 20% нарушения пространственной организации движений, дезавтоматизация. После ТДТ 65% испытуемых продемонстрировали трудности усвоения двигательной программы, 25% удерживали кинетический рисунок в медленном темпе, 10% не усвоили задание. По моторной пробе «Пуговицы» до ТДТ среднее количество пуговиц M=10,4 (в комфортном темпе за 30 секунд) и M=13.1 (в быстром темпе), а после ТДТ в комфортном темпе M=13,6; в быстром темпе M=19,2. Отмечается более четкое исполнение инструкции, повышение концентрации внимания. По методике

«Свободное рисование» анализировалось использование пространства, цвета, сила нажима, сложность/простота рисунка, содержание. Статистически значимые различия были выявлены по показателям «пространство листа» ($p \leq 0,05$), «использование цвета» ($p \leq 0,01$), «сила нажима» ($p \leq 0,01$). После ТДТ испытуемые стали использовать большее пространство листа, увеличилась сила нажима, более чем у половины испытуемых цвет объекта на рисунке стал совпадать с реалистичным. По результатам проведенного исследования в контрольной группе отмечается незначительное повышение показателей по предложенным методам исследования, кроме методики САН и «Свободное рисование».

Выводы:

1. ТДТ положительно влияет на настроение участников группы, общее самочувствие и активность (по методике САН); способствует повышению общего тонуса участников, более реалистичному восприятию действительности (по методике «Свободный рисунок»)

2. По завершению ТДТ не удалось достичь значимых улучшений моторики испытуемых с СЗГМ, в связи с атрофическими изменениями головного мозга восстановление моторики затруднено, но в комплексе с медикаментозной терапией ТДТ может поддерживать моторику на исходном уровне.

3. ТДТ может выступать вспомогательным методом в комплексе мер медико-социальной реабилитации совместно с соответствующей биологической терапией.

Таким образом, у испытуемых с СЗГМ отмечается выборочная чувствительность к терапевтическим возможностям ТДТ, этот вид невербальной терапии может рассматриваться в контексте психосоциальной, поддерживающей терапии данной группы пациентов с целью улучшения качества жизни участников терапии.

1. Круглов Л.С. Сосудистые заболевания головного мозга с психоорганическим синдромом у пациентов позднего возраста (исследование клинико-социальных характеристик, их значения и динамики в процессе терапии) : дисс. ... доктора мед. наук. СПб., 2007. 368 с.

Глинкина Л.С., Василенко В.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Личностные особенности юношей и взрослых, играющих в компьютерные игры

Компьютерные игры, возрастные различия, гендерные различия, компьютерная зависимость, личностные черты.

Исследователи отмечают, что изменения, происходящие в обществе в связи с активно идущей цифровой революцией, затрагивают все аспекты его устройства. В частности, появление виртуального пространства вызывает у ученых некоторое беспокойство, связанное с определенными рисками. Согласно статистике наибольшее количество времени в виртуальной среде проводят люди в возрасте от 15 до 24 лет. Цель исследования — выявление возрастных и гендерных различий в уровне компьютерной зависимости и личностных особенностях играющих в компьютерные игры в периоды юности и ранней взрослости.

Группа ранней взрослости: 124 человека от 18 до 30 лет (M=25,1), из них 64 женщины и 60 мужчин. Группа юности: 42 человека, из них 22 юноши и 20 девушек от 15 до 18 лет (M=16,3). Методики: шкала интернет-зависимости Чен, тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми Гришиной А.В. (модифицирован для использования на более старшей возрастной выборке), Нехасо, методика «Способность самоуправления» (тест ССУ) и «Диагностика моральных оснований» (MFQ-30). Распределение не соответствует нормальному, использовался U-критерий Манна-Уитни.

Полученные нами различия между группами ранней взрослости и юношества согласуются с данными исследований о возрастных особенностях. Так, у юношей выявлены более низкие показатели любознательности ($p \leq 0,05$), что подтверждает теоретические сведения [1], упорства ($p \leq 0,05$), что говорит о продолжающемся процессе формирования волевых качеств и открытости опыту ($p \leq 0,01$), что сигнализирует о юношеском максимализме.

Большая выраженность симптоматики интернет-зависимости у юношей по сравнению со взрослыми по отдельным шкалам: компульсивных симптомов ($p \leq 0,05$), симптомов отмены ($p \leq 0,05$), а также надшкале ключевых симптомов Интернет-зависимости ($p \leq 0,05$) перекликается с данными Е.Ю. Казариновой и А.Б. Холмогоровой [2], получивших различия между школьниками и студентами на уровне тенденции.

Перейдем к различиям по полу. В юношеской группе девушки отмечают у себя большую симптоматику интернет-зависимости, выражающуюся в большем количестве внутриличностных проблем и проблем со здоровьем, а также баллам по надшкале проблем, связанных с интернет-зависимостью. Девушки являются более чувствительными, более склонными к прощению и перфекционизму, но менее любопытными, лучше анализируют противоречия и у них больше выражено моральное основание «Забота» ($p \leq 0,05$).

В группе ранней взрослости женщины отмечают у себя большую симптоматику интернет-зависимости, но проявляется это не на общем уровне, а на уровне шкал, в виде большего количества компульсивных симптомов и толерантности ($p \leq 0{,}05$).

Со стороны личностных черт по HEXACO женщины обнаруживают большую боязливость ($p \leq 0{,}01$), тревожность и чувствительность ($p \leq 0{,}05$), которые фасетками входят в домен Эмоциональность ($p \leq 0{,}001$), более развитое эстетическое чувство ($p \leq 0{,}01$), большее добродушие (p0,05) и при этом у них ниже социальная самооценка ($p \leq 0{,}01$) и меньше выражена смелость в социальных ситуациях ($p \leq 0{,}05$).

При этом в ранней взрослости мужчины обнаруживают большие способности к самоуправлению в общем ($p \leq 0{,}01$), а также по шкалам: критерий оценки качества, принятие решения, самоконтроль ($p \leq 0{,}01$) и прогнозирование ($p \leq 0{,}05$). Также как и в группе юношества у женщин больше выражено моральное основание «Забота» ($p \leq 0{,}05$).

Полученные нами личностные портреты свидетельствуют о большем погружении в виртуальную среду в юности, что согласуется и с данными о том, что в этот период выше уровень интернет-аддикции.

1. Шумакова Н.Б. Возраст без вопросов. В кн.: Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия для студентов высших педагогических учебных заведений / сост. И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. — Москва: Академия, 2008. — с. 367.
2. Казаринова Е. Ю., Холмогорова А. Б. Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи //Психолого-педагогические исследования. — 2021. — Т. 13. — №. 2. — С. 123-139.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90039

Истомина Е.А., Михайлова Н.Ф.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Долгосрочные последствия у участников буллинга

Буллинг, виктимизация, последствия буллинга, психическое здоровье, жертва, агрессор

Исследований отдаленных последствий виктимизации у жертв буллинга и кибербуллинга явно недостаточно. Буллинг носит систематический характер и является феноменом, вследствие которого закрепляются роли «жертвы», «обидчика» или «свидетеля», что отражается на развитии их личности в дальнейшем. Учитывая негативное воздействие травматизации важно, чтобы буллинг рассматривался как социальная проблема, имеющая потенциальные долгосрочные последствия для психического и физического здоровья всех его участников. Травля и издевательства со стороны сверстников в детстве и подростковом возрасте могут приводить к развитию целого ряда пограничных нервно-психических расстройств и нарушении адаптации во взрослой жизни (Farrington D. P., Loeber R., 2011).

В нашем исследовании долгосрочных последствий у жертв буллинга участвовало 100 студентов вузов из разных городов России (37 юношей и 63 девушки) в возрасте 17-29 лет. Оценивались буллинг с помощью «Retrospective Bullying Questionnaire» (RiversI., 200) и «Illinois Bully Scale» (Espelage DL, 2001), совладающее поведение (R. Lazarus, S. Folkman, 1988), а также личностные индикаторы психического здоровья — TRF (Becker, Minsel, 1986). Статистическая обработка данных: Mann — Whitney U-test, дисперсионный,и регрессионный анализы. Цель исследования: изучение степени виктимизации и агрессии, способов совладания, личностных индикаторов психического здоровья у участников буллинга.

Результаты:

1. «Жертвы» от остальных участников буллинга отличались специфическими особенностями личности — низкой самооценкой, отсутствием склонности к доминированию или лидерству, выраженной депрессивностью и самым худшим психическим здоровьем.

2. «Агрессоры» демонстрировали несформированность конструктивных копинг-стратегий (самоконтроля, планирования решения проблем, принятия ответственности), а также низкую частоту использования совладающего поведения вообще, тогда как у «Жертв» и «Свидетелей» буллинга копинг был востребован в большей степени.

3. Участники с выраженным симптомами ПТСР характеризовались частым использованием стратегий планирования решения проблем ($p=0,007$) и их избегания ($p=0,017$), более высоким поведенческим контролем ($p=0,003$), а также выраженной способностью к эмпатии/любви ($p=0,011$).

4. Участникам с невыраженным ПТСР характеризовались лучшим психическим здоровьем ($p=0,002$), меньшей депрессивностью или наличием достаточного количества эмоциональных переживаний (как плохих, так и хороших) ($p=0,001$),

более выраженным эгоцентризмом (p=0,001), экспансивностью или склонностью к лидерству/доминированию (p=0,008), а также и чувством самоценности (p=0,001).

5. Предикторами виктимизации стали частота буллинга, мысли о суициде, выраженность симптомов ПТСР, негативная оценка школьного периода времени, а также низкий уровень собственной агрессивности. Личностными предикторами виктимизации стали такие качества личности, как депрессивность, низкая самооценка, автономия и способность к эмпатии, а также использование копинг-стратегий «бегство-избегание».

6. Предикторами агрессии стали частота случаев участия в буллинге, выраженная киберагрессия, но не у тех, кто был виктимизирован в результате буллинга и кибербуллинга. Личностными предикторами агрессии стали плохой поведенческий контроль и неспособность к эмпатии/любви, а также отсутствие конструктивного копинга планирования решения проблем.

7. Предикторами ПТСР у участников буллинга стало наличие виктимизации, использование стратегий избегания, самоконтроля при несформированности стратегии положительной переоценки. Предикторами ПТСР также стали такие личностные индикаторы психического здоровья, как автономия и способность к эмпатии, депрессивность и низкая самооценка.

Полученные результаты доказывают наличие у всех участников буллинга долгосрочных последствий, негативно сказывающихся на психическом здоровье и психической адаптации, что требует оказания продолжительной психологической и психотерапевтической помощи.

Клементьева М.В.
Москва, ФГОБУ ВПО "ФУ при Правительстве РФ"

Оценка психологической структуры методики «формирующаяся взрослость»

Формирующаяся взрослость, шкала, валидность, надежность, структура

Наблюдаемая в индустриальных и постиндустриальных обществах новая динамика перехода к взрослой жизни привела к предложению в области возрастной психологии о новой стадии развития, названной «формирующуюся взрослостью» (emerging adulthood), хронологически охватывающей период 18–25 (30) лет и обладающей рядом психологических особенностей. В возрасте 18-25 лет молодые люди достигают относительной автономии и свободы, обретая возможность биографического экспериментирования, принимают решения относительно своего образования, работы, романтических отношений и мировоззрения, но при этом испытывают желание отложить вступление во взрослость когнитивно, эмоционально и поведенчески. Для оценки психологической структуры «формирующейся взрослости» используется шкала IDEA (The Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood), разработанная и валидизированная для англосаксонской выборки (Arnett, 2015). Адаптированные варианты IDEA для европейских, азиатских, латиноамериканских выборок демонстрируют психометрическую валидность и надежность шкалы, однако свидетельствуют о культурной детерминированности содержания, наличии изменчивости и вариативности интерпретаций отдельных субшкал (там же). Целью настоящего исследования стала адаптация шкалы IDEA для измерения «формирующейся взрослости» на русскоязычной выборке, а также эмпирическое обоснование структуры «формирующейся взрослости».

Выборку исследования составили данные опроса, полученные от 350 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Опрос был проведен с использованием адаптированной нами для русскоязычной выборки шкалы измерения «формирующейся взрослости», которая представляет собой шкалу самоотчета из 31 пунктов, где каждый пункт оценивается в баллах по шкале Лейкерта («1 — категорически не согласен» — «2 — скорее не согласен, чем согласен» — «3 — скорее согласен, чем не согласен», «4 — полностью согласен»).

Пункты шкалы сгруппированы в 6 субшкал: самоисследование, биографическое экспериментирование, нестабильность, интерсубъективность, эгоцентричность, лиминальность. Адаптированный вариант шкалы был последовательно подвергнут проверке методом фокус-групп, а затем статистическому анализу в соответствии с психометрическими требованиями. Проверка шкалы методом фокус-групп предполагала оценку по бинарной системе (да-нет), оценка согласованности осуществлялась с использованиемкоэффициента согласия Каппы ($к \geq 0{,}81$, при $p < 0{,}01$). На основании оценок были доработаны пункты шкалы. Новый вариант шкалы был предложен респондентам (n=350). С целью дости-

жения уменьшения искажений со стороны респондентов была использована стратегия «балансирования социальной желательности». Параметры внутренней согласованности и однородности пунктов (α Кронбаха) со значением ≥ 0,90, образующие оценочную шкалу при $p \leq 0,05$. Параметры распределения показателей шкалы по тесту Колмогорова-Смирнова не отличаются от нормального (при $p = 0,63$). Значения факторной нагрузки по фактору «социальной желательности» менее 0,30. Оценка структурной валидности шестикомпонентной модели проведена в конфирматорном факторном анализе (КФА) с использованием метода максимального правдоподобия, ML — Maximum Likelihood Estimation ($p = 0,18$; $\chi 2/df=1,12$; RMSEA=0,01; CFI=0,98).

Результаты демонстрируют психометрическую надежность и валидность шкалы как инструментария для оценки «формирующейся взрослости» в российском контексте. Полученные материалы согласуются с положениями современной психологии взрослости и психологии взросления о психологических показателях достижения «взрослости» как принятия ответственности, независимости, релятивности, «авторства» жизни, стабильных межличностных отношений.

1. Arnett J.J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties (2nd edition). Oxford, NY: Oxford University Press, 2015. 416 p. d

Кондрашихина О.А., Лысаченко О.К.
Севастополь, СевГУ

Косвенная агрессия и ее проявления в супружеских отношениях

Косвенная агрессия, супружеские отношения, злой юмор

Введение. Агрессия — мотивированное деструктивное поведение, наносящее вред одушевленным и неодушевленным объектам нападения, приносящее ущерб людям и вызывающее у них психологический дискомфорт. Изучением проявления агрессии занимались З.Фрейд, К.Лоренц, Э.Фромм, Дж.Доллард, Н. Миллер, Л.Берковиц, А.Бандура и др. Косвенная агрессия определяется как действия, направленные не напрямую на объект агрессии, а достигающие своей цели окольным путем в виде активного распространения сплетен, слухов, клеветы, наговоров, создавая социальное отчуждение [1]. Косвенная агрессия является проявлением подавленной прямой агрессии. Основные разновидности косвенной агрессии: физическая активная косвенная агрессия (настраивание других людей нанести физический ущерб противнику); физическая пассивная косвенная агрессия (отказ от выполнения поставленных задач); вербальная активная косвенная агрессия (неприятные шутки, злословие); вербальная пассивная косвенная (отказ давать нужную информацию). Однако на сегодняшний день недостаточно исследована выраженность косвенной агрессии и ее видов в супружеских отношениях.

Методы исследования: тестирование (опросник «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева; шкала оценки косвенной агрессии (IAS) С. Форрест, перевод и адаптация С.О. Кузнецовой и др.) [1], методы математической статистики. Исследование проводилось в октябре 2021 года, в индивидуальной форме. Выборку составили 20 семейных пар со стажем супружеской жизни от 5 до 10 лет. Возраст: от 27,4 до 40,1 лет. Образование высшее, у 2 участников — среднее специальное. Тип выборки — случайная.

Результаты исследования. На первом этапе эмпирического исследования было принято решение об исключении супружеских пар, в которых применялась физическая прямая агрессия. С оставшимися двадцатью супружескими парами была проведена психометрическая шкала оценки косвенной агрессии (IAS) С. Форрест. Согласно полученным диагностическим данным 40% женщин прибегают к использованию косвенной агрессии, в то время как оставшиеся 60% продемонстрировали невысокие показатели по данной шкале, что говорит об умении справляться с конфликтными ситуациями, не используя косвенную агрессию на постоянной основе. У мужчин довольно схожие показатели — у 45% высокие, у 55% — в пределах нормы. У мужчин чаще всего встречается такая разновидность косвенной агрессии, как индукция вины (у 55%) — постоянное желание вменять жертве установки, что все проблемы возникают из-за ее неверных действий или бездействия; склонность к использованию эмоционального шантажа, провоцирование жертвы и инициация ссоры для того, чтобы вывести жертву из эмоционального равновесия. Далее по частоте встречаемости следуют

«злой юмор» и «социальная изоляция» (у 30% обследованных мужчин показатели превышают нормативные). «Злой юмор» проявляется в использовании сарказма, оскорбительных замечаний, часто негативно комментирующих чужую внешность. «Социальная изоляция» проявляется в склонности к намеренному сокрытию от своей жертвы важной информации, бойкотирование объекта агрессии и исключение его из общей коллективной деятельности. У женщин чаще всего проявляются высокие показатели по такому виду косвенной агрессии, как индукция вины (у 70%) и «злой юмор» (у 60%), реже — социальная изоляция (у 15%).

Верификация различий в общем уровне косвенной агрессии и ее компонентов у мужчин и женщин осуществлялась при помощи многофункционального критерия Фишера. Статистическая значимость выявлена только в отношении такого вида косвенной агрессии, как использование «злого юмора». Женщины значимо чаще прибегают к данному виду агрессивного поведения по сравнению с мужчинами (φ^*эмп = 1.938, что больше φ крит0,05 =1,64).

Таким образом, к косвенной агрессии прибегает около половины обследованных мужчин и женщин. Для мужчин наиболее характерна «индукция вины», а для женщин — стратегия «злого юмора». По сравнению с мужчинами, женщины значимо чаще прибегают к «злому юмору».

1. Кузнецова, С. О. Психологические особенности исследования косвенной агрессии / С. О. Кузнецова, С. Н. Ениколопов, А. А. Абрамова. — Текст: непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2015. — № 2. — С. 6-17.

Павлова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова

Совладающее поведение студентов медицинского вуза и их отношение к очной и дистанционной формам обучения

Дистанционное обучение, учебный стресс, совладающее поведение студентов

Учебный процесс в вузах весной 2020 года претерпел серьезные изменения. Очный формат обучения вынужденно сменился дистанционным форматом в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Международные исследования [1] адаптации студентов к онлайн-обучению продемонстрировали, что переход к онлайн-обучению может вызывать у студентов сильный стресс и тревожность, которые, в свою очередь, отрицательно коррелируют с успеваемостью студентов. Между тем стратегии совладания со стрессом при онлайн-обучении детально не изучались.

Целью настоящего исследования является изучение совладающего поведения студентов медицинского вуза и их отношения к очной и дистанционной формам обучения. В исследовании приняли участие 100 студентов 1 курса ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. акад.И.П. Павлова. Средний возраст выборки составляет 18,32±1,5 года; среди них 29 мужчин и 71 женщина. Для исследования причин возникновения учебного стресса у студентов и стратегий совладания со стрессом применялись копинг-тест Лазаруса и тест на учебный стресс (Ю.В. Щербатых). Стиль саморегуляции поведения изучался при помощи методики Моросановой. Для исследования отношения студентов к очной и дистанционной формам обучения использовалась специально разработанная анкета

Анализ достоинств дистаницонного обучения показал, что главными преимуществами такого обучения являются экономия времени на дорогу (39%), возможность пересмотреть записи лекций (22%) и возросшее время на сон и отдых (19%) Самыми существенными недостатками дистанционного обучения студенты называют повышенную отвлекаемость на занятиях (35%), отсутствие прямого контакта с преподавателем (26%), ухудшение качествав образования в целом (14%) и недостаток общения с одногрупниками (13%). Уровень удовлетворенности очным форматом обучения составлял по пятибалльной шкале 3,76 балла, тогда как дистанционным — 3,51. При этом, 80% респондентов отметили приоритетным смешанный вид обучения в виде и дистанционных и очных занятий.

Анализ причин возникновения учебного стресса у студентов, обучающихся дистанционно, показал, что ведущими причинами стресса у студентов являются большая учебная нагрузка (7,32), большие объемы материала для запоминания (7,2), сложности в понимании материала (6,99), а также наличие отработок (6,82), которые введены в ПСПбГМУ для ликвидации задолженности по несданным контрольным работам. Перечисленные причины соответствуют как проблемам, с которыми обычно сталкиваются первокурсники, так и трудностям, испытываемым на дистанционном обучении.

Главным физическим и соматическим проявлением стресса является тревога, проявляемая в волнении перед опросами и контрольными работами, ощущение постоянной нехватки времени и волнение перед выходом в эфир на вебинарах. Наименьшую значимость представляют соматические проявления в виде телесных недомоганий.

Изучение стратегий совладания со стрессом у студентов, обучающихся дистанционно, показало, что ведущими копинг-стратегиями являются «самоконтроль» (13,29), «планирование решения проблемы» (13,21) и «положительная переоценка» (12,99). Это говорит о том, что студенты активно предпринимают проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, при этом регулируя или подавляя свои чувства и эмоции и фокусируясь на положительной переоценке ситуации. На последнем месте находится копинг «принятие ответственности», это редко применяемая стратегия в ситуации стресса. Изучение поведения студентов в ситуации стресса показало, что самыми распространенными способами борьбы со стрессом были выбраны сон (17%), вкусная еда (15%), общение с друзьями (14%), прогулки на свежем воздухе (13%) и поддержка или совет от родителей (12%). Таким образом, у студентов преобладают конструктивные стратегии поведения в ситуации стресса.

1. Biwer F., Wiradhany W., oude Egbrink M., Hospers H., Wasenitz S., Jansen W., de Bruin A., Changes and adaptations: How university students self-regulate their online learning during the COVID-19 pandemic // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12

Попова Т.А., Затонский В.А.
Пермь, ПГНИУ

Взаимосвязь субъективного благополучия, переживания повседневного стресса и стратегий совладания в ранней взрослости

Субъективное благополучие, повседневный стресс, восприятие стрессоров, стратегии совладания со стрессом, ранняя взрослость.

Проблема совладания со стрессовыми ситуациями, способностью справляться с ними, переживание психологического благополучия молодыми людьми активно обсуждается в науке [1]. В психологии существуют различные подходы к пониманию психологического благополучия личности, классификации повседневных стрессоров и стратегий совладания [2,3]. Возраст вступления во взрослость связан как с поиском и нахождением жизненных смыслов и ценностей, раскрытием творческих потенциалов, самоактуализацией, так и со значительными сложностями и кризисными переживаниями.

Мы предположили, что в ранней взрослости существует специфическая взаимосвязь между показателями субъективного благополучия, переживаниями повседневного стресса и стратегиями совладания с ним. Характер коррелятов изучаемых показателей в мужской и женской выборках различен. Были применены методики «Шкала субъективного благополучия» (М. В. Соколова), «Опросник повседневных стрессоров (М .Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая, Л. А. Головей, С. С. Савенышева), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер, адаптированный вариант Т. А. Крюковой). В исследовании принял участие 51 испытуемый (20–25 лет), 34 девушки и 17 юношей. Корреляционный анализ Пирсона показал следующие результаты.

1. Копинг-стратегия «эмоциональная реакция» коррелирует со шкалами субъективного благополучия: «изменения настроения (r=0,550; p≤0,01); «значимость социального окружения» (r=0,597; p≤0,01); удовлетворённость повседневной деятельностью (r=0,626; p≤0,01); «самооценка здоровья» (r=0,572; p≤0,01); «психоэмоциональная симптоматика» (r=0,580; p≤0,01).

2. Копинг-стратегия «эмоциональная реакция» коррелирует со шкалой переживания повседневного стресса «финансы» (r=0,468; p≤0,01), с общими показателями переживания повседневного стресса (r=0,540; p≤0,01) и субъективного благополучия (r=0,688 p≤0,01), «семья (r=0,426, p≤0,05).

3. В мужской выборке копинг-стратегия «избегание» коррелирует со шкалой переживания стресса «финансы» (r=0,409, p≤0,05) и со шкалами субъективного благополучия «напряжённость и чувствительность» (r=0,380, p≤0,05). Шкала переживания стресса «конкуренция» взаимосвязана со шкалами субъективного благополучия: «изменения настроения» (r=0,393, p≤0,05), «напряжённость и чув-

ствительность» (r=0,455, p≤0,01), «значимость социального окружения, (r=0,434, p≤0,05), «удовлетворённость повседневной деятельностью, (r=0,376, p≤0,05).

4. В женской выборке копинг-стратегия «эмоциональная реакция» коррелирует со шкалами переживания стресса «семья, (r=0,386, p≤0,05), «планирование (r=0,374, p≤0,05), а копинг «решение задачи» взаимосвязан со шкалами стресса «нарушение планов (r=0,414, p≤0,05) и «окружающая действительность (r=0,455, p≤0,01), шкала субъективного благополучия «психоэмоциональная симптоматика» взаимосвязана со шкалами переживания стресса «финансы» (r=0,392, p≤0,05), «работа-дела», (r=0,340, p≤0,05), «взаимоотношения с окружающими (r=0,475, p≤0,01), «планирование (r=0,420, p≤0,05).

1. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савенышева С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // Консультативная психология и психотерапия. 2018 Т. 26 № 4 С. 8—26.
2. Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е. Параметры психологического благополучия/неблагополучия травматизации // Вестник МГУ. Серия 14: Психологические науки. 2015. № 2 С. 37—50.
3. Манукян В.Р., Трошихина Е.Г. Современные психологические концепции психологического благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2 (26). С. 77—84.

Тихомирова Е.В., Киселькова А.А.
Кострома, КГУ

Сопряженность параметров близких отношений супругов и их экзистенциальных мотиваций в контексте современности

Близкие отношения, параметры близких отношений, близость, установки на любовь и секс, экзистенциальные мотивации, супруги

В современном контексте социальной напряженности, отчуждения и индивидуализации общества претерпевает изменение ценность отношений, происходит нарушение экзистенциальных мотиваций. При этом, ученые сходятся во мнении, что близкие отношения имеют особое ресурсное значение для поддержания жизнестойкости личности (Крюкова, 2020; Сапоровская, 2021). С помощью другого у человека появляется возможность прийти к более аутентичному бытию. В тоже время нарушение фундаментальных мотиваций приводит к разобщению человека с миром, будущим (смыслом), с собой и другими (Лэнгле, 2009). Цель данного исследования: уточнить характер сопряженности фундаментальных экзистенциальных мотиваций и параметров близких отношений у супругов в современном контексте.

Методический комплекс: анкета для изучения особенностей понимания близости и ее оценки; Методика «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, Р. К. Фрейли, 2000; Т.В. Казанцева, 2008); «Персональная оценка близости в отношениях» (PAIR) (М.Т. Шефер и Д.Х. Олсон, 1981); «Тест профиля отношений» (Р. Борнштейн, 2001; О.П. Макушина, 2005); «Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях» (В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин, Я. Д. Лупандина, 2016); «Установки на любовь и секс» (К. Хендрик, С. Хендрик, 1986; О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, 2011). Выборка: 38 супружеских пар (М женщин = 34,7; SD = 9,4; М мужчин= 36,2; SD = 8,9).

В результате обнаружено, что экзистенциальные мотивации являются предикторами ряда параметров близких отношений. Независимо от пола общий уровень экзистенциальной исполненности в межличностных отношениях предсказывает установку на стиль любви Людус (мужчины: $\beta = -0,5$; $p = 0,001$; $R2 = 0,25$; женщины: $\beta = -0,29$; $p = 0,05$; $R2 = 0,2$); а у мужчин еще и установку на стиль любви Прагма ($\beta = -0,45$; $p = 0,003$; $R2 = 0,2$). У женщин установка на стиль любви Людус зависит от доверия в отношениях ($\beta = -0,29$; $p = 0,049$; $R2 = 0,09$), смысла отношений ($\beta = -0,3$; $p = 0,044$; $R2 = 0,09$) и ценности жизни ($\beta = -0,3$; $p = 0,044$; $R2 = 0,09$). У мужчин аутентичность является предиктором рекреационной близости ($\beta = 0,49$; $p = 0,001$; $R2 = 0,24$) и избегания близости ($\beta = -0,42$; $p = 0,005$; $R2 = 0,18$). Исполненность смысла отношений влияет на субъективную оценку близости ($\beta = 0,48$; $p = 0,001$; $R2 = 0,23$).

В тоже время обнаружена зависимость экзистенциальной исполненности в межличностных отношениях от условной ($\beta = 0,23$; $p = 0,002$; $R2 = 0,9$), сексуальной ($\beta = 0,32$; $p = 0$; $R2 = 0,9$), эмоциональной ($\beta = 0,2$; $p = 0,002$; $R2 = 0,9$) и рекреа-

ционной (β = 0,16; p = 0,002; R2 = 0,9) близости, а также от установки на стиль любви Эрос (β = 0,18; p = 0,002; R2 = 0,9). При этом у мужчин мотивация аутентичности зависит от сексуальной близости (β = 0,33; p = 0,019; R2 = 0,91) и установки на стиль любви Сторгэ (β = 0,26; p = 0,024; R2 = 0,91). У женщин установка на стиль любви Эрос является предиктором ценности жизни (β = 0,38; p = 0,005; R2 = 0,92) и аутентичности (β = 0,31; p = 0,011; R2 = 0,94). Сексуальная близость является предиктором доверия в отношениях (β = 0,25; p = 0,032; R2 = 0,95).

Также удалось обнаружить зависимость экзистенциальных мотиваций у супругов. Шкала деструктивной зависимости мужа является обратным предиктором смысла отношений (β = -0,38; p = 0,019; R2 = 0,14) и общего показателя экзистенциальной исполненности (β = -0,33; p = 0,044; R2 = 0,11). У мужчин было обнаружено взаимовлияние исполненности смысла отношений (β = -0,38; p = 0,018; R2 = 0,15) и шкалы интеллектуальной близости жены (β = -0,58; p = 0,039; R2 = 0,17).

Таким образом, наблюдается взаимообусловленность фундаментальных экзистенциальных мотиваций и параметров близких отношений у супругов. Экзистенциальная удовлетворенность человека своими отношениями предсказывает характер субъективной оценки близости в отношениях, снижает проявление эгоистичных установок в отношениях с партнером, способствует погружению в отношения.

1. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 120–134.
2. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Экзистенциальный анализ. Пер. с нем.: Ларченко О.М. 2009. Бюллетень №1. С. 9-28.
3. Сапоровская М.В., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Близкие отношения: теоретический обзор исследований и концептуализация модели // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 4. С. 144–154. ISSN 2073-1426

Исследование выполнено при финансовой поддержке госзадания Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005

Федотова Е.Е., Манукян В.Р.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мотивационные и ценностно-смысловые предикторы удовлетворенности жизнью в ранней взрослости

Мотивация достижения, мотивационное напряжение, индивидуальные ценности, жизненные стремления, удовлетворенность жизнью, ранняя взрослость

Одной из важных задач современной психологии является поиск и изучение факторов субъективного благополучия человека, ключевым показателем которого является удовлетворенность жизнью. Э. Динер отводит особое место целевым теориям, в соответствии с которыми можно многое выяснить о психологическом состоянии человека, изучив то, к чему он стремится [1]. Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райна содержание стремлений (внутреннее или внешнее), их важность и уровень достижения определяют уровень субъективного благополучия [2]. Тем не менее в научном сообществе все еще существуют противоречия, относительно того, какие ценности и стремления лежат в основе позитивного функционирования, а какие создают видимость благополучия, но не ведут к его истинному переживанию. Этот факт в совокупности с изменяющимися ценностями и моделями поведения современной молодежи определяют актуальность данного исследования. Кроме того, несмотря на общую популярность изучаемых феноменов, новизна исследования состоит в сопоставлении вклада особенностей мотивации и непосредственного содержания ценностей и стремлений в переживание благополучия в период ранней взрослости.

Цель исследования — изучение вклада мотивационных и ценностно-смысловых показателей в достижение удовлетворенности жизнью в ранней взрослости. Выборку составили 98 молодых взрослых (65 женщин, 33 мужчины в возрасте от 18 до 27 лет, средний возраст 21 год). Измерялись: важность и достижение жизненных стремлений (опросник Э. Деси и Р. Райна), индивидуальные ценности (опросник Ш. Шварца), мотивация достижения (опросник А. Мехрабиана), а также удовлетворенность жизнью (опросник Н.Н. Мельниковой).

С помощью факторного анализа на основе жизненных стремлений и индивидуальных ценностей были выделены шесть факторов, отражающие типы ценностно-смысловых предпочтений, с совокупной дисперсией 57,5%: фактор «Самоутверждение и внешние стремления» (13,44%) объединяет ценности достижения и власти со стремлениями к богатству, известности и привлекательной внешности; «Самопреодоление и благо общества» (11,34%) объединяет ценности универсализма со стремлением к социальному благополучию; «Самопреодоление и внутренние стремления» (9,31%) объединяет ценности благожелательности со стремлениями к надежным отношениям, здоровью и личностному росту; «Самосохранение» (8,36%) объединяет ценности традиций, скромности и конформизма; «Открытость изменениям» (8,22%) объединяет ценности самостоятельности

и стимуляции; а «Самосохранение и гедонизм» (6,8%) — ценности гедонизма, репутации и безопасности.

С помощью регрессионного анализа была получена модель, объясняющую 23% дисперсии удовлетворенности жизнью молодых взрослых при помощи следующих факторов: степень достижения внутренних стремлений (β=0,247), мотивация достижения (β=0,239), мотивационное напряжение, вызванное внешними стремлениями (β=-0,197).

Типы ценностно-смысловых предпочтений не имеют прямого влияния на удовлетворенность жизнью, однако было показано, что они вносит свой вклад в изменчивость ее предикторов. Так, модель, объясняющая 29% дисперсии степени достижения внутренних стремлений, включает факторы «Самопреодоление и внутренние стремления» (β=0,324), «Самопреодоление и благо общества» (β=0,283), «Самосохранение» (β=0,233), «Самоутверждение и внешние стремления» (β=0,192). Модель, объясняющая 30% дисперсии мотивации достижения успеха, включает факторы «Открытость изменениям» (β=0,429), «Самосохранение и гедонизм» (β=-0,291), а также «Самопреодоление и внутренние стремления» (β=0,226). И, наконец, модель, объясняющая 47% дисперсии мотивационного напряжения из-за внешних стремлений, включает факторы «Самоутверждение и внешние стремления» (β=0,569), «Самосохранение» (β=-0,320) и «Самопреодоление и внутренние стремления» (β=0,171).

Таким образом, было показано, что мотивационные факторы в период ранней взрослости обуславливают достижение удовлетворенности жизнью в большей мере, чем ценностно-смысловые, которые взаимосвязаны с удовлетворенностью опосредованно, так как влияют на уровень мотивационного напряжения и мотивацию достижения.

1. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542-575.
2. Deci E.L., Ryan R.M. Handbook of Self-determination Research: University Rochester Press, 2002. 470 p.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ДЕТСТВО И ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Аянян А.Н.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Отношение к информации у современной молодежи в ситуации транзитивности

Молодежь, отношение к информации, «клиповое мышление», информация, транзитивность

Современные подростки и молодежь, которых причисляют к представителям «клипового мышления», по мнению ряда исследователей (Богданов и др., 2018; Купчинская и др., 2019) предпочитают простую, яркую, насыщенную и структурированную информацию. Однако необходимо учитывать возможные негативные стороны клипового мышления: нарушение способности выстраивать логические связи между воспринимаемыми явлениями; проблемы при обобщении и делении сложной задачи на подзадачи; концентрация на выполнении мелких задач без привязки их к предметной области; нарушение способности к операциям анализа, синтеза, к выстраиванию длинных логических цепочек. Позитивными сторонами клипового мышления называют способность фильтровать и выстраивать защиту от ненужной информации, чтобы избежать информационных перегрузок; возрастание осознания важности владения значимой информацией; наращивание скорости и объема потребления информации за счет тренировки мозга; необходимость быстро переключаться с одной информации на другую способствует научению продуктивно решать жизненные задачи и самоорганизации (Купчинская и др., 2019).

Нами было организовано и проведено пилотажное исследование степени значимости и отношения к информации среди студенческой молодежи с использованием авторской проективной рисуночной методики «Информационное пространство» (Идентичность, с. 48). Ответы участников исследования были подвергнуты качественному анализу, группировке и интерпретации. В исследовании приняли участие 72 студента первого и третьего курсов одного из вузов Москвы. Возраст респондентов от 18 до 24 лет (средний возраст 22 года), 65 девушек (90,28%) и 7 юношей (9,72%).

В ходе анализа и обобщения полученных результатов, ответы респондентов были сгруппированы в 4 категории (по мере убывания упоминания и оценки

значимости): информация, связанная с обучением, работой, общением и отдыхом/развлечениями. У большей части молодежи, принявшей участие в исследовании, изображение человека с ноутбуком в разной обстановке, вызывает ассоциации с процессом обучения, что вполне ожидаемо, так как респонденты являются студентами и опрос проводился в конце сентября и начале октября в разгар учебного процесса. Многие в ответах подчеркивали, что в связи с эпидемией COVID-19 и переходом на дистанционный или смешанный формат обучения столкнулись как с субъективными переживаниями — сложно сосредоточиться на учебе и не отвлекаться на другие дела, прокрастинацией, чувством напряжения из-за несменяемости обстановки и рутины, так и с объективными трудностями — невозможностью уединиться из-за стесненных бытовых условий, присутствие младших братьев и сестер, других родственников дома постоянно. Примечательно, что в ситуации предъявления изображения человека с наушниками и в кресле, значительно увеличилось количество упоминаний, связанных с общением, развлечением и отдыхом. Таким образом, акцент на аудиальный канал восприятия информации, неформальная обстановка (кресло в противопоставление рабочему столу) увеличивает количество ассоциаций у студентов с приятными видами активности и развлекательной информацией.

1. Богданов, С. И., Султанов, К. В., Воскресенский, А. А. Постматериальные ценности и жизненные ориентации поколения z: цифровая молодежь в образовательной системе современной России // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. — № 187. — С. 24-30.
2. Идентичность и социализация в современном мире / Под ред. Т.Д. Марцинковской. — М.: МПГУ. — 2015.
3. Купчинская, М. А., Юдалевич, Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2019. — № 3. — С. 66-70.

Вартанова И.И.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Гендерная и возрастная специфика школьной мотивации старшеклассников

Мотивация, эмоции, старшеклассники, гендер, возраст.

В старшем школьном возрасте актуализируется проблема формирования системы мотивации во взаимосвязи с эмоциональным развитием. Мотив в качестве регулятора поведения отражается в сознании разными способами: через осознание эмоциональных отношений и через систему словесных описаний причин поведения — мотивировок. В сенситивном периоде развития — периоде школьного обучения подростка — новый сознательный и старый неосознанный опыт активно взаимодействуют. При этом значительную роль играет гендерная специфика социального развития. Целью данной работы было изучение гендерных и возрастных особенностей взаимосвязи эмоционального отношения старшеклассников к объектам-ценностям школьной жизни и объяснений ими причин необходимости школьного обучения (мотивировок).

Методика. Для выявления мотивационного профиля анализировались эмоциональные оценки ценностей школьной жизни по системе шкал, заданных парой прилагательных (использовалось 25 пар прилагательных), в соответствии с методикой Семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированной В.Ф. Петренко. К полученным данным применялся факторный анализ аналогично тому, как это было описано в предыдущих исследованиях (Вартанова, 2018). Для исследования вариантов мотивировок (мотивации) учебной деятельности был разработан специальный опросник (Вартанова, 2018). В опросе добровольно приняли участие школьники 8-11 классов (15-17 лет) двух школ г. Москвы с традиционной парадигмой обучения. Всего по двум методикам опрошено 197 учеников. В результате получены данные для 4 групп учеников в составе 1) 46 младших (8-9 кл.) и 2) 51 старших (10-11 кл.) мальчиков, 3) 48 младших (8-9 кл.) и 4) 52 старших (10-11 кл.) девочек.

Результаты. Обнаружено, что возрастные изменения эмоционально-мотивационного отношения имеют выраженную гендерную специфику. У младших и старших девочек выделяется 4 эмоционально-мотивационных фактора, тогда как у младших мальчиков только 3. В результате первые три фактора в группе мальчиков и девочек могут быть интерпретированы сходным образом: 1) самоутверждающе-учебная мотивация, 2) мотивация долженствования и 3) мотивация аффилиации. У девочек уже в 8-9 классах наряду с мотивацией аффилиации, которая имеет смысл самоутверждения своего авторитета, выделяется отдельный фактор 4) мотивация общения. В то время как у младших и старших мальчиков, в отличие от девочек, конструкт общение, наряду с признанием и одобрением окружающих, является составной частью мотивации аффилиации. Обнаружено также, что у старших девочек мотивация аффилиации дополняется ценностью

превосходства над другими и приобретает смысл межличностной конкуренции. У старших мальчиков, по сравнению с младшими, учебная мотивация становится более дифференцированной (выделяются 4 фактора). При этом с взрослением самоутверждающе-учебная мотивация у мальчиков трансформируется и разделяется на два независимых мотивационных фактора (собственно познавательную и мотивацию самоутверждения). У девочек к 10-11 классу самоутверждающе-учебная мотивация трансформируется в мотивацию достижения и становится средством достижения успеха. Выявлены также взаимосвязи между выделенными факторами-мотивами эмоционального отношения и вариантами сознательного объяснения причин обучения в школе (мотивировками), при этом, на уровне мотивировок обнаружены существенные различия между учащимися разного пола и возраста.

Заключение. Степень и характер согласования эмоционального и понятийного уровней при развитии в существенной степени определяется типом доминирующей школьной мотивации, а также полом и возрастом учащихся.

1. Вартанова И.И. Специфика взаимосвязи эмоционального и понятийного компонентов учебной мотивации // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 2. С. 77–85.

Василенко В.Е., Фролова Е.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Симптомы подросткового кризиса и параметры личностной зрелости

Подростковый кризис, симптомы кризиса, личностная зрелость

Возрастной кризис можно рассматривать как особое психологическое пространство, в котором совершается акт развития и происходит субъективация приобретенных ранее способностей [1]. Подростковый кризис связан с рядом психических новообразований, ключевым из которых является появление чувства взрослости. При этом субъективному ощущению взрослости не всегда могут соответствовать объективные критерии личностной зрелости подростков. Целью данного исследования было выявление взаимосвязей симптомов подросткового кризиса с параметрами личностной зрелости. Предполагалось, что более сформированным параметрам личностной зрелости у подростков будет соответствовать большая выраженность конструктивных проявлений кризиса и меньшая выраженность ряда негативистских реакций.

Выборку составили 47 подростков из Санкт-Петербурга (14 мальчиков и 33 девочки), из них 22 учащихся 8-х классов и 25 учащихся 9-х классов, средний возраст — 15 лет. Методы: социально-демографическая анкета, опросник выраженности симптомов подросткового кризиса В.Е. Василенко (форма для подростков), шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, шкала самоуважения Розенберга, шкала направленности на саморазвитие Н.Ф. Головановой, И.Б. Дермановой и опросник локуса контроля Дж. Роттера.

Проведенное исследование выявило средний уровень выраженности кризисной симптоматики у подростков, ярким протеканием кризиса характеризуется 21% подростков. Наиболее выражены конструктивные проявления: интерес к внутреннему миру и хобби-реакции, а также гиперкомпенсация. У девушек по сравнению с юношами более выражены гиперкомпенсация и пространственная автономия ($p \leq 0{,}05$). У восьмиклассников по сравнению с девятиклассниками больше интерес к внутреннему миру ($p \leq 0{,}05$).

Анализ параметров личностной зрелости подростков выявил, что наиболее сформированы направленность на саморазвитие (уровень выше среднего), автономия, личностный рост, позитивные отношения, уровень самоуважения и интернальность соответствуют среднему уровню. У юношей по сравнению с девушками выше интернальность и позитивные отношения ($p \leq 0{,}01$). У девятиклассников по сравнению с восьмиклассниками выше уровень позитивных отношений ($p \leq 0{,}05$).

Корреляционный анализ частично подтвердил гипотезу исследования. Были выявлены положительные связи интереса к внутреннему миру и личностного роста, интереса к саморазвитию и важности саморазвития ($p \leq 0{,}01$). Хобби-реак-

ции положительно коррелируют с важностью саморазвития (p≤0,01) и интересом к саморазвитию (p≤0,05).

Из негативистских реакций наибольшее количество корреляций выявлено у пространственной автономии. Она более выражена при более низких показателях позитивных отношений, интернальности (p≤0,01), самоуважения, интереса и важности саморазвития (p≤0,05). Аффект неадекватности более выражен при меньшей сформированности автономности, позитивных отношений (p≤0,01), важности саморазвития и интернальности (p≤0,05). Реакция группирования положительно связана с позитивными отношениями (p≤0,01), важностью саморазвития (p≤0,05) и отрицательно с личностным ростом и самоуважением (p0,05). Нормативная эмансипация отрицательно связана с самоуважением (p≤0,01) и с позитивными отношениями (p≤0,05). Эмоциональная эмансипация отрицательно связана с самоуважением (p0,01), а реакция гиперкомпенсации — положительно (p≤0,05). У реакций оппозиции и имитации корреляций не обнаружено.

Регрессионный анализ выявил один предиктор для общего показателя кризиса — параметр самоуважения (p≤0,05). Чем выше самоуважение у подростков, тем меньше общая выраженность кризисных проявлений. Также был найден предиктор для конструктивных проявлений кризиса — важность саморазвития (p≤0,01). Высокому уровню важности саморазвития соответствует высокий уровень конструктивных проявлений кризиса.

Таким образом, гипотеза о взаимосвязях симптомов кризиса с параметрами личностной зрелости в целом подтвердилась.

1. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.

Волкова Е.Н., Исаева О.М.
Нижний Новгород, Мининский университет, НОЦ “Психология одаренного подростка”

Внутренняя мотивация современной молодежи, увлеченной программированием

Внутренняя мотивация, молодежь, программирование, увлеченность программированием

Введение. Стратегические решения и практические действия в области подготовки будущих профессионалов IT-сферы должны опираться на результаты валидных и надежных исследований программирования как вида деятельности. Поиск и изучение предпосылок успешности овладения этой деятельностью, определение внутренних условий закрепления молодежи в профессии и психологических механизмов достижения высоких результатов в сфере программирования представляют собой актуальные задачи и одновременно направления практико-ориентированных исследований.

Постановка проблемы. Существует широкий круг проблем, связанных с изучением психологических закономерностей программирования и вопросов профессионального становления и развития личности молодых людей, осваивающих этот вид деятельности как в контексте подготовки и обучения, так и в профессиональной деятельности. Сегодня остается неясным онтологический статус программирования как вида деятельности, не изучены в достаточной мере условия, способствующие эффективному обучению и раскрывающие психологическую суть этой активности, не выявлены индивидуальные и личностные предпосылки успешного освоения процесса разработки компьютерных программ и достижения высоких и эксклюзивных результатов в программировании. Известно, что внутренние условия деятельности, связанные с развитием мотивационных и личностных потенциалов специалиста, успешность и самореализацию в профессии. В этой связи концепт внутренней мотивации обладает высоким объяснительным потенциалом изучении мотивации молодых людей в аспекте успешности овладения программированием как деятельностью.

Цель исследования связана с операционализацией понятия «внутренняя мотивация молодежи, увлеченной программированием». Обзор исследований, посвящённых изучению внутренней молодежи в аспекте успешности овладения программированием как деятельностью был выполнен в марте — мае 2022 года с использованием баз данных научного цитирования Scopus, WoS и elibrary. Поиск исследований проводился с использованием комбинации ключевых слов «внутренняя мотивация», «мотивация молодежи», «увлечённость деятельностью», «увлеченность программированием» на английском и русском языках за период 2012-2022 гг.

Обсуждение результатов и заключение. Анализ результатов рассматриваемых исследований позволил сделать следующие выводы.

1. Программирование представляет собой специфичный вид деятельности, не сводимый в полной мере к игре, учению, труду. Оно вбирает в себя многие признаки игровой, учебной и профессиональной деятельности, но не является одним из них, а скорее синтезирует цели, форму и способы всех. Освоение этой деятельности будет связано с развитием специфичных личностных структур.

2. Внутренняя мотивация как универсальный теоретический конструкт, описывающий механизмы обучения, успешного овладения и осуществления деятельности, применим к изучению деятельности программирования и может рассматриваться как психологический механизм успешного освоения программирования и достижения высоких и выдающихся результатов в этом виде деятельности.

3. Индикация внутренней мотивации молодежи, увлеченной программированием, связана с изучением восприятия уровня сложности программирования, с определением состояния потока и вовлеченности в деятельность. Показатели психологического благополучия молодежи, увлеченной программированием, выступят эмпирическими референтами внутренней мотивации деятельности

4. Оптимизация процессов обучения, профессиональной подготовки, а также процессов профессиональной деятельности программирования для достижения высоких результатов связана с развитием внутренней мотивации молодежи, прежде всего, автономных форм мотивации, а также с реализацией стратегии индивидуально-командного взаимодействия с другими людьми.

1. Csikzentmihalyi M., Csikzentmihalyi I.S. (eds.) Optimal experience: Studies of flow in consciousness. Cambridge: CUP, 1988.
2. Deci, E. L., Ryan, R. M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publishing. 2017. 756 p.
3. Schaufeli W., Bakker A. UWES: Utrecht work engagement scale // Occupational Health Psychology Unit Utrecht University. 2003. 58 p.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-28-20262

Ганиева А.М., Баянова Л.Ф.
Казань, КФУ

Проблема конгруэнтного поведения и креативного мышления подростков

Подросток, культурная конгруэнтность, креативное мышление, дивергентное мышление, пубертатный период

На сегодняшний день вопрос об изучении прагматических качеств личности волнуют умы многих деятелей науки и практики. Изучению подлежат все биопсихосоциальные характеристики, наблюдающиеся у людей на разных этапах жизни. Мы, в свою очередь, решили происследовать феномен сообразного поведения и креативного мышления среди подростков. С исследовательской точки зрения нам интересно узнать как у подростков, обладающих сообразительностью, проявляется склонность к соблюдению культурных правил в обществе. Теоретическая база исследования построена с опорой на теорию культуры (О.Шпенглер,Й. Хайкен), культурно — историческую концепцию (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия, М.Калман), теорию культурной конгруэнтности (С.В.Cazden, А.Н.Веракса, Л.Ф.Баянова, О.Г.Миняев), концепцию креативности (Х.Зиверт., Е.Л.Солдатова, Д.Б.Богоявленская) и теорию творческих характеристик личности (Дж.Гилфорд, Ф.Вильямс, Е.Е.Туник и др.).

Гипотеза основана на предположении о том, что: существует взаимосвязь между дивергентным мышлением и культурной конгруэнтностью подростков; дивергентное мышление влияет на культурную конгруэнтность представителей пубертатного периода.

Исследование было проведено в период с марта 2021 года по март 2022 года, респондентами стали 272 подростков в возрасте от 13 до 16 лет. Из них 133 человека — женщины, а 139 — мужчины. Учащиеся являются представителями 7-, 8-, 9 — х классов IT — лицея КФУ, лицея имени Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Инженерного лицея — интернат КНИТУ-КАИ и Многопрофильного лицея № 187 г.Казани. В батарею методик вошли: опросник творческих характеристик личности (Ф.Вильямс, адаптирован Е.Е.Туник, 2003) [1], методика определения уровня культурной конгруэнтности для подростков» (Авторы: Л.Ф. Баянова, О.Г.Миняев, 2016) [2] и тест по выявлению креативного мышления (Х.Зиверт). В рамках исследования оценивались: любознательность, воображение, склонность к риску, находчивость, дивергентное мышление, самоорганизованность, склонность подчиняться общим правилам, правилам в рамках учебной деятельности, общий уровень культурной конгруэнтности. Математическая обработка данных проводилась с помощью методов описательной статистики, коэффициента корреляции Пирсона и однофакторного анализа ANNOVA.

В результате исследования было установлено, что показатель воображение у девушек наиболее выражен (17,39), чем у парней подростков (14,74). Анализ

наличия взаимосвязей в межтестовых показателях выявил, что есть обратная значимая взаимосвязь между структурным компонентом культутной конгуэнтности — «безопасностью» и дивергентным мышлением ($p \leq 0{,}05$; $r = -12$). Анализ влияния дивергентного мышления на культурную конгруэнтность позволил нам достоверно (95%) установить, что влияния данные характеристики существуют и развиваются независимо друг от друга. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что наша гипотеза подтвердилась лишь частично.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы о том, что необходимо изменение условий развития подростков с высоким творческим потенциалом. При организации условий для подростков важно учитывать факт того, что личностные стремления, направленные на созидание могут также отражаться на способности ориентироваться в различных ситуациях, способности адекватно оценивать ситуацию и действовать в соответствии с культурными нормами и правилами.

1. Туник Е. Е., Опутникова В. П. Оценка способностей и личностных качеств школьников и дошкольников. — СПб.: Речь, 2005. — 315 с.
2. Bayanova, L. F., Minyaev, O.G., Cultural Congruence Test for Russian Adolescents// PSYCHOLOGY IN RUSSIA-STATE OF THE ART. — 2019. — Vol.12, Is.3. — P.163-176.

Гребенникова О.В.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО, РГГУ

Проблема ценностных ориентаций представителей юношеского возраста в ситуации транзитивности

Ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, транзитивность, юноши

В ситуации транзитивности современного общества система ценностей подвергается глубокому переосмыслению в общественном сознании. В связи с этим ориентация на ценности у представителей юношеского возраста становится актуальной проблемой, т.к. ценностные ориентации личности выступают важнейшим фактором мотивации поведения человека и лежат в основе его социальных поступков. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и жизненной концепции. Именно ценностно-ориентационная сфера, в первую очередь, детерминирует позицию личности и, соответственно, направленность и содержание профессионального самоопределения и профессиональной самореализации человека.

Одну из первых классификаций ценностей предложил Г. Олпорт и его сотрудники. Они выделили шесть типов ценностей: 1. Теоретические ценности — придают наибольшую важность и значение рациональному мышлению и поиску истины; 2. Экономические ценности — утверждают приоритет практической пользы и выгоды; 3. Эстетические ценности — выше всего ставящие красоту, гармонию и искусство; 4. Социальные ценности — придают наибольшее значение человеческим взаимоотношениям (любви, дружбе, преданности и др.); 5. Политические ценности — отдают предпочтение обретению власти и влияния; 6. Религиозные ценности — первостепенную важность придают следованию определенной системе представлений (вере) [1].

Ценностные представления также могут быть разделены на две большие группы:

1. Терминальные — это ценности, которые выступают базовыми. В соответствии с ними индивид строит свою жизнь, их он готов отстаивать и укреплять. Эта группа включает такие ценности как человеческое достоинство, любовь, дружба, экономическое процветание, безопасность, равенство возможностей и др. Их можно рассматривать как общечеловеческие, универсальные нравственные стандарты, которые, по-видимому, одинаково важны в любой стране и культуре. 2. Инструментальные — это ценности, имеющие более конкретный поведенческий смысл. Они могут быть обозначены прилагательными, в которых отражены виды поведения, которые одобряет или отвергает индивид. Эти ценности могут быть выражены такими прилагательными, как тактичный, преданный, компетентный, патриотичный, вежливый, амбициозный и др. [2, 3, 4].

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение ценностных ориентаций представителей юношеского возраста в ситуации транзитивности. Выборку (n=100) составили представители юношеского возраста 17-19 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Москвы в количестве 100 человек. Методы: Ценностный опросник (ЦО) Ш. Шварца.

Обобщив полученные результаты, мы сделали следующие выводы:

1. В ситуации транзитивности ценностные ориентации для большинства юношей представлены такими значимыми терминальными ценностями как любовь, материально обеспеченная и счастливая семейная жизнь. Для большинства юношей значимыми инструментальными ценностями как образованность, ответственность и отстаивание своего мнения, взглядов и предпочтением достижений и стимуляции (полнота жизненных ощущений).

2. Незначимыми терминальными ценностями у большинства представителей юношеского возраста выступают творчество, счастье других, уверенность в себе. Незначимыми инструментальными ценностями для юношей являются чуткость, рациональность и самоконтроль.

1. Гуревич П.С. Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация / П.С. Гуревич. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
2. Залесский Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности / Г.Е. Залесский. — М., 1994.
3. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании / Д.А. Леонтьев // Психологическое обозрение, 1998. №1. С.31-34.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — 2-е изд. — М.: Смысл, 2003.

Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2021-0001

Данилова М.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Жизнестойкость и стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями (возрастной аспект)

Подростки, юношество, ранняя взрослость, жизнестойкость, копинг-стратегии

Жизнь современного человека наполнена стрессовыми событиями и ситуациями, и внимание исследователей все чаще обращается к психологическому феномену жизнестойкости как личностного ресурса противостояния стрессу, превращения трудностей в потенциальные возможности для развития и самосовершенствования [2; 5]. Жизнестойкость не является врожденной, а формируется в детстве и отрочестве [1]. В период взрослости высокая жизнестойкость предполагает большую гибкость и разнообразие типов реагирования, а также высокую способность к адаптации в разных ситуациях и не зависит от пола, возраста, этноса, образования, семейного статуса [3; 4].

Данное исследование изучает соотношение жизнестойкости и способов совладания с трудностями в разные возрастные периоды. Выборка: 117 подростков (13-14 лет), 111 человек юношеского возраста (15-17 лет), 97 молодых взрослых (19-25 лет). Методы: опросник жизнестойкости С. Мадди, анкета с вопросами о способах реагирования в трудных ситуациях, методика «Диагностика ведущего типа реагирования», юношеская копинг-шкала (ACS) и опросник способов совладания Р. Лазаруса.

Уровень жизнестойкости подростков (62.4; $\sigma = 22.25$) соответствует нижней границе нормативных значений и достоверно ниже (p .01), чем в юношеском возрасте (71.5; $\sigma = 19.7$) и в период ранней взрослости (76.03; $\sigma = 20.03$). По параметрам контроля и принятия риска показаны тенденции к различиям (p .07) между подростками и юношеством, а также достоверные различия (p .05) по всем параметрам жизнестойкости между подростками и взрослыми. Наиболее частой поведенческой реакцией на трудности подростки и юношество отмечают для себя попытки найти правильное решение проблемы, причем в подростковом возрасте это происходит через общение с друзьями, а в юношеском, наоборот, через уединение, обращение внутрь себя. В группе молодых взрослых доминирующим типом реагирования на трудности явилась направленность на активное решение проблемы. В качестве совладания с проблемами большинство респондентов подросткового и юношеского возраста используют активный отдых, что авторы методики ACS считают непродуктивным копингом. Однако, в юности чаще (p .05) применяется продуктивный копинг решения проблемы. В группе ранней взрослости показан достаточно большой разброс данных по показателям копингов, что свидетельствует об индивидуальном характере применяемых стратегий.

Анализ взаимосвязей выявил, что у подростков жизнестойкость положительно связана с социальным стилем копингов, выявлены связи с показателями способов реагирования на стрессовые ситуации. В юношестве связей жизне-

стойкости с продуктивными и социальными копингами больше. У респондентов периода ранней взрослости высокая жизнестойкость способствует применению конструктивных копингов решения проблем, а низкий уровень жизнестойкости, напротив, повышает вероятность обращения к копингам неконструктивным.

Итак, можно говорить о динамичности характеристик жизнестойкости от подросткового к юношескому возрасту, а также об относительной их устойчивости в период от юношества к ранней взрослости.

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 82-90.
2. Волобуева Н. М. Психологическая культура как условие жизнестойкости человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. № 12 (107). Выпуск 10. 2011. С. 279-287.
3. Момбей-Оол С.М. Взаимосвязь уровня жизнестойкости и копинг-стратегий молодежи, проживающей в Республике Тыва // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №3. С. 123-128.
4. Овчарова Р.В. Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). С. 59-65.
5. Maddi S.R. On hardiness and other pathways to resilience. American Psychology, 2005, 60 (3), pp. 261-262.

Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Социальная поддержка при разном уровне стресса у учащихся младших классов

Актуальный стресс, социальная поддержка, младшие школьники

Дети являются наиболее уязвимыми к жизненным трудностям по сравнению со взрослыми. В силу несформированности адаптационных механизмов, детям сложнее справиться со стрессом и преодолеть его последствия, поэтому они нуждаются в поддержке значимых взрослых, в первую очередь, родителей. Исследования, проведенные на выборках подростков и взрослых, показали, что социальная поддержка является необходимым ресурсом, источником адаптации, которое опосредует влияние стрессовых факторов [1; 2].

Цель: изучение уровня актуального стресса и удовлетворенности социальной поддержкой и отдельными ее видами у учащихся младших школьников. Гипотеза: высокая степень актуального стресса у младших школьников соотносится с низким уровнем удовлетворенности социальной поддержкой. Выборка: учащиеся 3-4 классов МБОУ СОШ № 1 города Лосино-Петровского Московской области (N= 82) в возрасте 8-12 лет (Med=9,5). Методики: 1. Шкала воспринимаемого стресса, ШВС-Д (Perceived Stress Scale for Children, PSS-C) [4] позволяет измерить уровень актуального стресса у детей от 5 до 18 лет. Русскоязычный текст ШВС-Д включает вопросы на тему восприятия школьной нагрузки, конфликтов, эмоций и др.; 2. Опросник социальной поддержки F-SOZU-22 [3] в адаптации А. Б. Холмогоровой, Г. А. Петровой направлен на определение типов социальной поддержки и удовлетворенности ею. Методика включает следующие шкалы: эмоциональная поддержка; инструментальная поддержка; социальная интеграция; удовлетворенность социальной поддержкой.

Результаты. В соответствии с выдвинутой гипотезой был проведен расчет коэффициента корреляции rs-Спирмена между показателями методик ШВС-Д и F-SOZU-22. Результаты показали, что существует значимая обратная корреляционная связь между уровнем актуального стресса и эмоциональной поддержкой (rs=-0,226; p=0,041), инструментальной поддержкой (rs=-0,299; p=0,006), социальной интеграцией (rs=-0,234; p=0,003) и удовлетворенностью социальной поддержкой (rs=-0,185; p=0,009). Следовательно, высокому уровню актуального стресса соответствуют низкие показатели социальной поддержки.

Для верификации выдвинутой гипотезы участники исследования были разделены на группы по уровню актуального стресса: группа школьников с низким уровнем актуального стресса (n = 21), группа со средним значением (n = 40) и группа участников с высоким уровнем стресса (n = 21). Между группами с помощью U-критерия Манна-Уитни был проведен статистический анализ различий по всем шкалам социальной поддержки Результаты исследования показали, что между группами с высоким и низким уровнем актуального стресса по всем

шкалам имеются значимые различия: по эмоциональной поддержке (U=132; p=0.0026), инструментальной поддержке (U=143; p=0.051), социальной интеграции (U=147; p=0.056) и удовлетворенности социальной поддержкой (U=118; p=0.009).

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы, что высокому уровню актуального стресса соответствуют низкие показатели социальной поддержки и, таким образом, социальная поддержка выступает фактором, опосредующим негативное воздействие стресса на ребенка.

1. Радев Е., Визева М., Горанова Р. Социальная поддержка — полезное средство для преодоления стресса//Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2018. № 29. С. 12.
2. Крюкова Т.Л., Арипова А.О. Восприятие значимости эмоциональной поддержки при стрессе и характеристики социальной сети личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 181-195.
3. Sommer G., Fydrich T. Soziale unterstuezung. Materialie, 22. Dt. Ges. Fuer Verhaltens therapy. Tuebigen, 1993.
4. White B.P. The Perceived Stress Scale for Children: A pilot study in a sample of 153 children // International Journal of Pediatrics and Child Health. 2014. 2. P. 45–52.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00972

Евдокимова Ю.С., Щелокова Е.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПГУПС

Связи показателей смысловой сферы личности студентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества

Студенты, смысловая сфера личности, смысложизненные ориентации, одиночество

Явление одиночества многопланово и многоаспектно: с одной стороны, человек, проявляя свою социальность, испытывает потребность в общении с людьми, а с другой, проявляя собственную индивидуальность, стремится к автономии [2].

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы определить особенности смысловой сферы личности студентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества. Объект исследования — студенты разных направлений подготовки 18–25 лет (средний возраст: 21 год), в количестве 73 человек, из них юношей — 17, девушек — 59. Выборка была поделена на основании степени выраженности субъективного переживания одиночества (СПО) на группы с высоким и низким уровнями выраженности. Предмет исследования — смысложизненные ориентации и экзистенциальная исполненность у студентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества. В качестве гипотезы исследования выступило предположение: существуют специфические связи между показателями субъективного переживания одиночества, смысложизненных ориентаций и экзистенциальной исполненности у респондентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества.

В исследовании были применены теоретические и эмпирические методы. Были использованы следующие методики: дифференциальный опросник переживания одиночества Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева; тест смысложизненных ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева, Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер. Методами математико-статистической обработки данных были определены первичная статистика, корреляционный анализ К. Пирсона.

Структура взаимосвязей между параметрами исследования в группе респондентов с низким уровнем СПО более прочная, то есть отличается большим количеством значимых взаимосвязей (33 значимые связи в первой группе и 23 — во второй). Кроме того, коррелограммы отличаются не только по количеству, но и по знаку значимых связей: в то время как в группе респондентов с низким СПО выявлено всего 1 отрицательная обратная связь, в группе респондентов с высоким СПО таких взаимосвязей оказалось 14. Наконец, третье различие заключается в том, что структурообразующими смысложизненными ориентациями (то есть показателями, образующими наибольшее количество взаимосвязей) в группе респондентов с низким уровнем СПО выступают «локус-контроля — я» и «локус контроля — жизнь», в то время как в другой группе такими «несущими конструкциями» становятся процесс жизни и результат жизни.

Можно предположить, что студенты с низким уровнем СПО воспринимают одиночество как ресурс, открывающий возможность «встречи с собой», позво-

ляющий осмысленно структурировать свой внутренний мир, устанавливать связи между смыслами и их исполнением, чувствовать управляемость своей жизни. Напротив, студенты с высоким уровнем СПО воспринимают свой внутренний ценностно-смысловой мир как хаотичный и неустойчивый, имеющий отрицательные связи между смыслами и исполнением в них себя, сфокусированный в точке прошлого или настоящего момента. Полученные данные согласуются с представлениями Э. Эриксона, согласно которому благоприятное решение нормативного кризиса в период юности — ранней зрелости — это близость в противовес изоляции [3]. Молодым людям с высоким уровнем субъективного переживания одиночества следует предложить психологическую коррекцию ценностно-смысловой сферы [1], прохождение психотерапии переживания одиночества, а также методы повышения самооценки и уверенности в себе.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердились: существуют специфические связи между показателями смысложизненных ориентаций, экзистенциальной исполненности, субъективного переживания одиночества у респондентов с разным уровнем субъективного переживания одиночества. Тема одиночества и экзистенциальные вопросы смысла, проблема построения отношений с собой, миром и другими так или иначе близка всем лицам юношеского возраста, в связи с чем дальнейшая проработка представленной темы представляется нам перспективной.

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2007. — 512 с.
2. Старухина, К.В. Психологические особенности переживания одиночества в юношеском возрасте / К.В. Старухина, Е.Д. Кайрис // Проблемы и перспективы современной науки: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. — Ставрополь: 2016. — С. 11–18.
3. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. — СПб.: Питер, 2019. — 448 с.

Ермолова Е.О., Шамшикова О.А.
Новосибирск, ФГБОУ ВО НГПУ

Образ тела и психологические границы личности подростка

Подростковый возраст, самосознание, психологические грницы, образ тела

Потребность в обретении личных границ особенно приобретает актуальность в период подросткового возраста, в который активно формируется самосознание и происходит становление «Я-концепции». Подростки сталкиваются с трудностями в выстраивании взаимоотношений, в соблюдении и уважении психологических границ других людей, а также в установлении и защите своих собственных. Необходимость проявлять заботу о себе в пубертатном периоде приводит к новым трудностям, которые теперь связанны с меняющимся взрослеющим телом. Проблема отношения к собственному телу в подростничестве становится наиболее острой, что связано с гормональной перестройкой организма и последующим изменением пропорций тела, внешности и переживанием себя [2]. Стоит так же учесть, что на психическое развитие современных подростков воздействует множество факторов, включая семью, других взрослых, отношение сверстников, моду, рекламу, социальные сети и т.д., которые в большой степени оказывают влияние на формирование образа тела. В этой связи представляет интерес исследование проблемы взаимосвязи образа тела и психологических границ личности подростка.

В рамках обозначенной темы, было проведено эмпирическое исследование на базе МБОУ Гимназии №13 имени Э.А. Быкова, г. Новосибирск. Выборку составили учащиеся 8-го класса в количестве 50 человек. Средний возраст — 14 лет, что соответствует подростковому периоду, согласно периодизации развития В.С. Мухиной. Для диагностики респондентов и дальнейшего анализа были использованы методики: «Психологические границы личности» Э. Хартманна, в адаптации О.А. Шамшиковой, В.И. Волоховой [3]; опросник MBSRQ (Thomas F. Cash) (мультимодальный опросник отношения к собственному телу), в адаптации Л.Т. Баранской и С.С. Татауровой [1]; метод семантического дифференциала Ч. Осгуда.

По результатам применения метода ранговой корреляции (корреляционного критерия rs-Спирмена) между образом тела и психологическими границами личности подростков были выявлены значимые взаимосвязи. Получены положительные взаимосвязи между показателями шкал: «Психологические границы» — «Оценка» (rs=0,394 при p=0,006); «Психологические границы» — «Сила» rs=0,741 при p=0,0001); «Психологические границы» — «Активность» (rs=0,405 при p=0,005); «Психологические границы» — «Ориентация на внешность» (rs=0,307 при p=0,03); «Психологические границы» — «Оценка лишнего веса» (rs=0,325 при p=0,02). Также получена отрицательная взаимосвязь между показателями шкал «Психологические границы» — «Удовлетворенность параметрами собственного тела» (rs= -0,423 при p=0,003).

Основываясь на данных статистики, можно сделать вывод о том, что подростки с плотными психологическими границами склонны переживать неудовлетворённость параметрами своего тела и считают его менее привлекательным, чем сверстники с тонкими психологическими границами; тело кажется им слабым, и в целом состояние своего здоровья и физического облика они оценивают хуже, чем подростки с более тонкими психологическими границами личности. Подростки с плотными психологическими границами склонны хуже оценивать энергичность и активность своего тела, а также могут считать свое тело «помехой» в жизни. Для них важно выглядеть модно и нравится другим, тогда как их сверстники с менее плотными границами могут этим пренебрегать; подростки с плотными личными границами подвержены страху пополнеть и иметь лишний вес, в силу чего, они озабочены контролем лишнего веса и могут сидеть на диетах. Они имеют четкое разграничение понятий красоты (это красиво, а это нет), в то время как у людей с тонкими психологическими границами личности это понятие более размыто. Из чего следует вывод, что подростки с более толстыми психологическими границами могут иметь завышенные требования к своему телу в отличие от сверстников с тонкими психологическими границами.

Как показали результаты исследования, наблюдается непосредственное влияние плотности психологических границ на восприятие своего тела и отношение к нему у подростков.

1. Авдюнина Н.А. Образ тела как компонент самосознания в юношеском возрасте // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 2. С. 77-85.
2. Шамшикова Е.О. Особенности взаимосвязи типов психологических границ и защитных механизмов личности в старшем подростковом возрасте (межнациональные различия) // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 178–185.
3. Шамшикова О.А., Волхова В.И. Психометрический анализ и стандартизация зарубежной методики «психологические границы личности» Э. Хартманна // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 243 — 248.

Клешнев Е.А., Ляксо Е.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности восприятия и отражения эмоций в речи, мимике и поведении детей 7-8 лет

Ребенок, эмоциональная речь, восприятие, мимическая экспрессия.

Изучением эмоциональной сферы взрослых и детей занимаются специалисты разных областей знаний [1]. Однако существуют немногочисленные комплексные исследования с использованием инструментальных методов анализа, направленные на изучение эмоциональной сферы детей младшего школьного возраста. Ребёнок, попадая в новую социальную среду, совершенствует способность к регуляции эмоции и начинает их подавлять [2].

Целью работы явилось определение особенностей восприятия и отражения эмоций в речи, мимике и поведении детей 7-8 лет. В исследовании приняли участие 10 детей (5-мальчиков, 5-девочек). Исследование проведено в условиях школы СПб. Проводили запись речи детей в модельных ситуациях — диалог с экспериментатором и актерская речь — произнесение текстов бессмыслиц в эмоциональных состояниях «радость — нейтральное (спокойное) -печаль-гнев-страх». Поведение и мимическую экспрессии ребенка записывали на видеокамеру, осуществляли регистрацию частоты сердечных сокращений и определяли ведущее полушарие по речи (дихотический тест). Исследование проведено по стандартизированному протоколу. Для определения возможности распознавания эмоционального состояния ребенка по его речи взрослыми, проведен перцептивный эксперимент с участием 40 взрослых. По видеозаписям осуществлен анализ мимической экспрессии детей в программе «FaceReader 8v.», оценка поведения детей проведена 5 экспертами по видеотесту. С целью выявления способности ребенка к определению эмоциональных состояний применялось два варианта заданий: определение эмоций по статическим изображениям (тест); просмотр мультфильма (динамические изображения) и ответы на заданные вопросы об эмоциональных состояниях героев. Статистическую обработку данных проводили в программе “Statistica 10” с использованием непараметрических критериев. Исследование одобрено Этическим комитетом СПбГУ.

Результаты исследования показали, что по речи девочек взрослые лучше определяют эмоциональные состояния, чем по речи мальчиков ($F(1,148) = 4,605$ $p < 0,05$ $R2 = 0,302$, $\beta = 0,174$ — регрессионный анализ); по речи детей с правым ведущим полушарием по речи, лучше, чем с левым ($F(1,148) = 6,795$ $p < 0,01$ $R2 = 0,037$, $\beta = -0,209$). Взрослые лучше определяют эмоциональное состояние детей по «актерской» речи (0,55 — средняя точность распознавания), чем по спонтанной речи (0,44). По спонтанной речи мальчиков аудиторы более точно определяют состояние покоя (62% — правильных ответов) и гнева (62%), по речи девочек — состояние печали (85%) и радости (75%). По «актерской» речи девочек аудиторы лучше распознают нейтральное состояние (63%) и состояние печали (64%);

по речи мальчиков — нейтральное состояние (66%), состояние страха (85%) и печали (71%). Показано, что мимическая экспрессия девочек в ситуации диалог с экспериментатором характеризуется позитивной валентностью ($F(1,148) = 51,413$ $p < 0,0001$ $R2 = 0,258$, $\beta = 0,508$), девочки больше демонстрируют состояние радости; мальчики — нейтральное состояние. Дети по статическим изображениям с большей точностью определяют состояние радости (97,5%) и печали (95%), чем нейтральное состояние (69,2%) и состояние гнева (62,5%). По динамическим изображениям дети правильно определяют положительных и отрицательных героев и их эмоциональные состояния.

В работе определены связи между психофизиологическими характеристиками ребёнка и проявлением эмоциональных состояний, показаны различия в отражении эмоциональных состояний мальчиков и девочек, указаны особенности восприятия детьми эмоциональных состояний. Данные, полученные на типично развивающихся детях, могут быть использованы в качестве контроля при оценке эмоциональной сферы детей с атипичным развитием.

1. Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием / под ред. Е.Е. Лаксо, О.В. Фролова. Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений (Санкт-Петербург). 2020 г.– 204с.
2. Дети и подростки: психология развития / Д.Шэффер. 6-е изд. СПб: Питер, 2003.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-45-02007

Кобзева О.В.
Мурманск, ФГБОУ ВО МАГУ

Представления о социальной успешности в транзитивном обществе

Социальная успешность, жизнестойкость, юношеский возраст, транзитивное общество, глобализация, социализация

Процессы глобализации, неопределенности и множественности, происходящие в современном обществе, затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. Именно множественность обуславливает расширение мультикультурного пространства и усиливает вариативность социальной среды. Новые задачи и проблемы, с которыми человек сталкивается в условиях транзитивного общества, изменяют его представления о себе, своих отношениях с окружающим, своем месте в различных социальных группах. Любая попытка человека изолироваться и отгородиться от новой реальности будет способствовать формированию и развитию личностных деформаций (Асмолов, 2018). Дефиницией, позволяющей формировать необходимые для успешной социализации и адаптации в обществе детерминанты выступает социальная успешность. Социальная успешность как психологический феномен длительное время не рассматривалась вне коммуникации, профессиональной компетентности и социального статуса. Новое пространство, изменившее мир, ситуация неопределенности и изменчивости сформировали стойкий интерес к изучению проблемы социальной успешности. Выступая индикатором социального статуса личности, социальная успешность позволяет освоить разнообразный социальный опыт, преодолеть неоднозначные ситуации и решить поставленные перед человеком задачи (Петрусевич, 2019).

Исследование проходило на базе ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». В нем приняли участие 258 респондентов (средний возраст 19,8 лет). Специфика социальной успешности изучалась методикой «Успешный человек» (Хузеева Г.Р.), позволяющей дифференцировать содержательные характеристики успешности, «Тест жизнестойкости» позволил определить особенности жизнестойкости и ее структуры (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.).

В юношеском возрасте на первое место при определении социальной успешности респонденты поставили целеустремленность (21%). Лидирующие позиции в рейтинге таже занимают образование (16,4%), уверенность в себе (13,2%) и трудолюбие (10,4%). Необходимо отметить, что при описании образа успешного человека девушки дают больше описаний, поэтому образ у них более структурирован и дифференцирован. Наибольшее количество описаний социальной успешности юноши и девушки относят к ее деятельностному аспекту (целеустремленный, активный, уверенный, образованный). Характеристики материальной ответственности (деньги, богатые родители, наличие квартиры, машины) и групповой принадлежности (семья, много друзей) в содержании социальной успешности представлены незначительно.

Уровень проявления жизнестойкости респондентов позволил разделить их на три группы по уровню её проявления. У респондентов с высоким и средним уровнем жизнестойкости преобладает деятельностный аспект социальной успешности, у респондентов с низким — доминируют характеристики материальной направленности.

Таким образом, в юношеском возрасте сформировано представление об успехе, как деятельности, которая невозможна без активной позиции самой личности. Определяющими детерминантами формирования социальной успешности являются упорство, целеустремленность, трудолюбие и умственные способности. Вместе с тем, респонденты не связывают социальную успешность с переживанием счастья, любовью, дружбой и семьей.

1. Асмолов, А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия / А. Г. Асмолов // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / отв. ред. А. Г. Асмолов. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — С. 13 — 28.
2. Петрусевич, А. А. Педагогическая поддержка ка средство формирования позиции социальной успешности курсантов военного вуза / А. А. Петрусевич, М. К. Сатов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2019. — № 1 (22). — С. 120 — 123.

Кравцова А.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Поскребышева Н.Н.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ФУ при Правительстве РФ

Аспекты развития эмоционально созависимых отношений в юношеском возрасте

Юность, романтические отношения, эмоциональная созависимость, привязанность, сепарация от родителей

Введение. Романтические отношения — важный ресурс личностного развития в юношеском возрасте. Они могут способствовать развитию близости — сокровенного чувства, которое человек испытывает по отношению к значимым другим, однако могут, напротив, препятствовать развитию здоровой личности. Созависимые отношения — актуальная тема в психотерапии. С одной стороны, созависимые отношения мешают человеку жить полноценной жизнью, лишая его возможности испытывать удовольствие в близких отношениях, с другой стороны, эмоциональная созависимость является предиктором химических форм зависимости. Под эмоциональной созависимостью мы будем понимать отношения людей, которые характеризуются чрезмерной эмоциональной зависимостью, вытесняют другие сферы жизни и не приносят удовлетворения участникам этих отношений [4].

Методики: 1.авторская анкета (гендер, возраст, сведения о романтических отношениях); 2.модифицированная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли в адаптации Т.В. Казанцевой [3]; 3.шкала созависимости Спенн-Фишер в модификации Бердичевского А.А., Падун М.А., Гагариной М.А. [1]; 4.опросник «Psychological Separation Inventory» в русскоязычной адаптации В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой [2]; 5. незавершенные предложения на тему романтических отношений. Гипотезы: 1.уровень созависимости в юношеском возрасте связан с особенностями протекания сепарации от родителей; 2.уровень созависимости в юношеском возрасте связан с типом привязанности к романтическому партнеру; 3.существуют значимые различия в склонности к созависимости у юношей и девушек. Выборка составила 92 респондента в возрасте от 18 до 25 лет (68 девушек и 24 юноши). Средний возраст — 20,8 лет, стандартное отклонение — 1,8.

Результаты. Выявлена значимая связь шкалы «созависимость» с конфликтной сепарацией от родителей ($k = — 0.21$ при $p = 0{,}043$, коэффициент корреляции Спирмена). Ввиду этого мы вводим предположение: если человек не испытывает негативных переживаний в отношениях с родителями (тревогу, гнев, вину и недоверие), он будет менее склонен к эмоционально созависимым отношениям. Также были выявлены различия в склонности к созависимости у респондентов с различными типами привязанности к романтическому партнеру ($p=0{,}005$, критерий

Краскела — Уоллиса). У респондентов с боязливым типом привязанности [3] обнаружены более высокие средние значение по уровню созависимости (M = 62,56). Самый низкий уровень созависимости — у респондентов с надежным типом привязанности к партнеру (M = 37,32). Таким образом, можно сказать, что эмоциональная созависимость подразумевает неспособность человека сохранять здоровую привязанность. Значимых различий в уровне созависимости у юношей и девушек не было выявлено.

Выводы и заключение. Из трех гипотез подтвердились предположения о наличии связи между сепарацией от родителей в юности и типом привязанности к романтическому партнеру со склонностью к созависимости в юношеском возрасте. Рабочие модели отношений с родителями респонденты переносят в другие межличностные отношения, в том числе в романтические. Результаты исследования могут быть использованы в психологических консультациях.

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология, 2019. Том 8. № 1. С. 215–234;
2. Дзукаева В.П. Культурно-специфические и семейные факторы сепарации от родительской семьи в юношеском возрасте: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.13 / Дзукаева Вероника Петровна; [Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. Москва, 2016. — 278 с.;
3. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008;
4. Полушкина И.В., Алаторцева Ю.А. Созависимость как образ идеальных отношений для современной молодежи / Психология и педагогика: методика и проблемы, 2016.

Лебедева Е.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, НГПУ им. К. Минина

Сороковикова А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Капустина Е.М.
Санкт-Петербург, АНО "Одаренная молодежь СПб"

Опыт оценки уровня психологического благополучия интеллектуально одаренных подростков

Одаренность, психологическое благополучие, интеллектуальная одаренность, творческие способности, развивающая среда

Психология признает, что молодые люди, имеющие высокие показатели по интеллекту и уровню творческих способностей — группа риска. По данным Шумаковой Н.Б. уровень падения познавательной активности в возрасте 12-14 лет может доходить до 40%! Подростки не чувствуют возможности удовлетворить свои потребности в познания и реализации потенциала. Это приводит осложнениям психологического и социального характера. Юркевич В.С. и Лейтес Н.С. отмечают, что одаренные подростки тяжело переживают давление необходимых школьных стереотипов. Потребность в реализации своей самобытности, в более глубоком постижении материала, самоутверждении сталкивается с необходимостью подчиняться стандартным требованиям школы.

АНО «Одаренная молодежь» реализует социальную программу поддержки подростков с высокими показателями интеллекта и творческих способностей. Цель Программы — сформировать и поддержать самостоятельную познавательную и творческую активность одаренного подростка, позицию субъектности и проактивности. Программа создает особую развивающую среду, насыщенную знаниями, дискуссиями, научной работой. Чтобы не пассивное воспроизведение предложенного, а включенность в самостоятельную созидательную деятельность стала каждодневной жизненной практикой. Программа компенсирует факторы, неблагоприятные для развития одаренного молодого человека и провоцирующие пассивность. Молодые люди участвуют в лекториях, тренингах, проектах, наставничестве. Программа рассчитана на подростков 14-17 лет. Отбор происходит в 8 классах школ СПб. Приглашаются подростки с показателями IQ от 125 и с высокими показателями по креативности.

В 2017 -2021 г.г. было проведено исследование влияния участия в Программе на интеллектуально психологическое благополучие одаренного подростка. Как изменяются подростки с первого года (9 класс) к третьему году (11 класс) участия в программе "Одаренная Молодежь"? В исследовании приняли участие 80 подростков (45% юноши). Использованы методики: шкала психологического благополучия (ПБ) К.Рифф, шкала депрессии Бека, адаптированная для подрост-

ков; методика Дембо-Рубинштейн. Проводилось три исследовательских среза (первый второй и третий год участия в программе «Одаренная молодежь»).

Результаты:

1. 1-й год. 27% прошедших в программу «Одаренная молодежь», имеют низкие показатели по ПБ, у 25, 5% повышенные показатели по шкале Бека. Самооценка у пришедших в программу в целом ниже, чем они, как им кажется, их оценивают друзья, сверстники и родители, особенно это касается шкал «Ум» и «Уверенность в себе».

2. 2-й год. Один год опыта сотрудничества с Программой. Изменения по шкалам ПБ и Бека не показали статистически значимых различий по сравнению с теми же показателями первого года. Только на уровне положительной тенденции. Что касается результатов по Дембо-Рубинштейн, то оценки сверстников и друзей по шкалам «Ум» и «Красота» стали выше, чем ранее.

3. 3-й год. При сравнении результатов, полученных на старте участия в Программе и по ее завершению, можно наблюдать снижение уровня депрессивных переживаний (только при сравнении 1-го года и 3-го года участия в Программе). В отношении самооценки повысились показатели по шкалам «Авторитет» и «Уверенность». То же можно сказать и про оценку себя друзьями и сверстниками. К сожалению, подростки отмечают снижение мнения о своих качествах родителями. Существенное положительное изменение показателей ПБ — «Положительные отношения с другими» и «Личностный рост», понимаемый ощущение постоянного развития, самореализации, открытости новому и совершенствование себя и своих действий.

Выводы:

1. Одаренным подросткам нужна постоянная психологическая помощь, прежде всего способствующая их уверенности в собственных силах, поддержка их индивидуальных инициатив, что помогает им справиться с жизненными сложностями.

2. Психологические показатели ПБ у участников Программы «Одаренная молодежь» имеют тенденцию к росту, существенно меняется их социальная адаптация и уверенность в возможности собственной реализации, готовности к этому

Лебеденко О.А.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности тревожности младших школьников с разным уровнем креативности

Младшие школьники, креативность, тревожность, школьная тревожность, компоненты тревожности

Возрастание интереса в психологической науке к проблеме развития креативности у детей вполне закономерно, поскольку креативность, как психологическое образование определяет успех человека во многих различных областях деятельности. В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО) выявляется задача развития инициативной, самостоятельной, любознательной, творчески активной личности. [1] Актуальность данной проблемы заключается в том, что с одной стороны, младший школьный возраст является сензитивным периодом для развития креативности, а с другой стороны, освоение учебной деятельности может способствовать повышению тревожности детей. [2]

Целью исследования явилось изучение особенностей тревожности младших школьников с разным уровнем креативности. В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие гипотезы: существуют различия в компонентах тревожности младших школьников с разным уровнем креативности; существует взаимосвязь школьной тревожности и уровня креативности младших школьников. Были использованы следующие методики: тест креативности Э.Торренса; методика диагностики школьной тревожности Филлипса; шкала явной тревожности CMAS А.М. Прихожан, методы математической статистической обработки (корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни). В исследовании принимали участие младшие школьники в возрасте 9-10 лет МАОУ «Школа №96 Эврика-Развитие» г. Ростова-на-Дону. Общая выборка респондентов составила 66 человек.

По результатам теста креативности Е. Торренса, было выявлено, что только незначительная часть младших школьников (15%) имеют повышенный уровень развития креативности, у половины респондентов (52%) отмечается нормативный уровень креативности, а у третьей части младших школьников (32 %) уровень креативности оказался «ниже нормы».

Изучение взаимосвязи между уровнем школьной тревожности и уровнем креативности младших школьников осуществлялось с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Была выявлена положительная корреляционная связь между уровнем школьной тревожности и уровнем креативности ($r=0,392$, $p=0,01$), то есть респонденты с высоким уровнем креативности будут иметь более высокий уровень школьной тревожности. Корреляционный анализ выявил положительную корреляционную связь между уровнем явной тревожности и уровнем креа-

тивности (r=0,486, p=0,01), то есть респонденты с высоким уровнем креативности имеют более высокий уровень явной тревожности.

Определение различий в компонентах тревожности младших школьников с разным уровнем креативности проводился с помощью U-критерия Манна-Уитни. Были выявили статистически значимые различия между уровнем креативности младших школьников и такими компонентами тревожности, как «страх не соответствовать ожиданиям окружающих», «фрустрация потребности в достижении успеха», «страх самовыражения», «страх ситуации проверки знаний»: респонденты с нормальным уровнем креативности испытывают большую тревогу по поводу оценок, даваемых окружающим; респонденты с нормальным уровнем креативности имеют более высокий уровень тревожности в развитии своих потребностей в успехе; респонденты с нормальным уровнем креативности более ориентированы на значимость других в оценке своих поступков, результатов, испытывают более сильную тревогу по поводу оценок, даваемых окружающим; респонденты с уровнем креативности ниже нормы менее негативно относятся и переживают тревогу в ситуациях проверки знаний, достижений. Следовательно, гипотезы исследования подтвердились.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://fgos.ru/fgos/fgos-noo (дата обращения: 19.05.22).
2. Лебеденко, О.А. Особенности толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности. В книге: Ананьевские чтения — 2021. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2021. С. 686-687.

Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И.
Красноярск, СибГУ

Семантические категории оценки подростками негативных и позитивных границ социальной нормы

Подростки, социальные нормы, критерии оценивания, семантические категории

Нормирование — важнейший аспект жизнедеятельности общества в целом, социальных групп и каждого человека. Особую обострённость проблема социального нормирования приобретает в подростковом возрасте. В контексте освоения социального нормирования подростковый возраст рассматривается в качестве ключевого. Подростки особенно чувствительны к проблемам нормативного несоответствия, но их собственные ориентиры далеко не обязательно совпадают с координатами нормативности взрослого мира [1]. В исследованиях, касающихся проблем этого возраста, рассматриваются по большей части ценностные предпочтения подростков и предикторы соответствия/несоответствия их поведения нормам, заданным взрослым миром. При этом нормы-регуляторы взаимодействия с миром, как они видятся подросткам, не получили должного внимания исследователей.

С целью выявления критериев и объединяющих их семантических категорий, используемых современными подростками для оценки негативных и позитивных границ социальной нормы было проведено исследование, в котором приняли участие 299 школьников г. Красноярска в возрасте 12-16 лет. Использовался метод анкетирования с открытыми вопросами: «Что можно считать недопустимым…?» (эквивалент делинквентности), «Что можно считать недостойным…?» (эквивалент девиантности) и «Чем можно гордиться…?» (позитивная граница нормы). Поскольку подростковый возраст является возрастом соотнесения себя с другими, и нормообразование тесно связано с этими процессами, адресация вопросов для респондентов оформилась как множественная: на каждый из приведённых вопросов предлагалось ответить в вариантах: «по твоему мнению», «по мнению твоих друзей», «по мнению сверстников», «по мнению взрослых». Первоначально свободные ответы респондентов подверглись качественному анализу, позволившему объединить их в несколько категорий, а затем подсчитывалось процентное соотношение ответов каждой категории для каждого вопроса в каждой из групп.

Анализ результатов исследования показал, что критерии нормативного оценивания у подростков могут быть объединены в пять семантических групп (категорий): «криминогенность», «личностная слабость/ресурсность», «этика», «отношения», «социальная неуспешность/успешность». По частоте встречаемости, которая может рассматриваться как эквивалент значимости, эти категории составляют своего рода три слоя. Первый слой: категории, доминирующие в отдельных определителях границ нормы: «криминогенность» в «недопустимом», «этика» в «недостойном», «социальная успешность» в том, чем «можно гордиться». Второй слой: категория «отношения», весомо представленная во всех

определителях границ нормы, составляющая в некоторых случаях конкуренцию специализированно доминирующим категориям. Третий слой: категория «личностная слабость/ресурсность», имеющая наименьшую представленность в критериях нормативности.

В представлениях о критериях нормирования у девочек в сравнении с мальчиками имеет большую представленность категория «отношения», у мальчиков в сравнении с девочками — категория «социальная успешность». Такая тенденция говорит о том, что базовые гендерные предпочтения кардинальным образом не изменились. В представлении подростков в вопросах о недопустимом взрослые по сравнению с самими подростками несколько более нетерпимы к проявлениям личностной слабости в виде зависимостей и менее нетерпимы к криминогенным проявлениям. Мнение сверстников относительно критериев социального нормирования представляется подросткам наименее понятным в сравнении с мнением других субъектов (своим, друзей и взрослых).

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.

Исследование выполнено при поддержке РНФ совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 22-28-20026

Путимцева К.Р., Абрамова С.Б.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Цифровая партисипация поколения Z как инструмент гражданской активности в период пандемии COVID-19

Цифровая партисипация, цифровые технологии, поколение Z, гражданская активность

Пандемия COVID-19 поставила нас в новые условия, которые имеют долгосрочные последствия и заставляют задуматься над мерой влияния цифровых технологий на личность. Поколение Z называют цифровым поколением, а психолого-педагогические особенности его представителей раскрываются прежде всего в их онлайн- и офлайн-коммуникации. Партисипация укоренилась и приобрела известность в медиаисследованиях в первую очередь благодаря Г. Дженкенсу. Дженкенс говорит о том, что с развитием и распространением цифрового мира, каждый пользователь становится автором за счет осуществляемых в Интернете практик [1].

Поколение Z родилось в мире, где уже была видна основа сегодняшней цифровой экосистемы. В связи с этим, ожидания поколения Z от цифрового мира намного превышают ожидания любого предшествующего поколения. Исследования, проведенные в 2019–2022 годы, продемонстрировали, что пандемия коронавируса — определяющий момент, формирующий поколение Z. Поколение Z признает цифровые технологии как лучшее средство продвижения во всем, в том числе в проявлении своей гражданской активности. Цифровая партисипация заключается в использовании Интернета, социальных сетей, мобильных технологий, позволяющих молодежи участвовать в демократической жизни.

Center for Generational Kinetics в 2020 году провел онлайн опрос (n=1252), согласно которому большинство (58%) представителей поколения Z заявили, что не могут комфортно прожить без доступа к Интернету более 4 часов (в отличие от этого, 27% жителей Бумеров заявили, что могут прожить без доступа к Интернету до 24 часов). Что касается Интернета в целом, то 79% представителей поколения Z считают, что Интернет объединяет людей. [2]. Исследовательский центр PEW установил, что в условиях пандемии молодые люди стали больше интересоваться действиями властей. «Поколение «Z» глубоко переживает за все проявления неравенства в мире. Пандемия еще больше укрепила политическую позицию поколения Z, а их гражданская активность во многих аспектах перешла в онлайн формат [3]. Исследование Н.Л. Антоновой и С.Б. Абрамовой (n = 800, 18 — 30 лет) продемонстрировало, что современные информационно-коммуникационные технологи становятся важнейшим ресурсом мобилизации неравнодушных горожан. Так, 22% молодых людей активно выражают свою позицию в социальных сетях, 36% — готовы разместить информацию в Интернет, 24% — написать петиции [4].

Как показывают результаты зарубежных и отечественных эмпирических исследований, чаще всего представители поколения Z используют технологии Интернета: для обсуждения актуальной повестки со сверстниками в блогах. знакомства с ресурсами оппозиционных организаций и лидеров, поиска информации на официальных порталах органов власти. Наиболее активные молодые люди вовлечены в процессы: ведения блогов по различным социально-политическим аспектам жизнедеятельности, поиска и кооптирования единомышленников.

1. Исследовательский центр PEW [Электронный ресурс] // URL: https://www.pewresearch.org (дата обращения: 16.05.2022);
2. Антонова, Н. Л. Цифровая партисипация молодежи в практиках городского активизма / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова // Философия и культура информационного общества: Тезисы докладов Девятой международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2021. — С. 135-137.
3. Henry Jenkins (P.I.) with Ravi Purushotma, Alice J. Robison, Margaret Weigel and Katie Clinton. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. — 2007. — С. 21.
4. Generation Influence: Gen Z Study Reveals a New Digital Paradigm [Электронный ресурс] // URL: https://www.businesswire.com/news/home/20200706005543/en/Generation-Influence-Gen-Z-Study-Reveals-a-New-Digital-Paradigm (дата обращения: 16.05.2022);

Исследование выполнено за счет совместного гранта РНФ и Правительства Свердловской области № 22-28-20265

Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н., Шипова Н.С.
Кострома, КГУ

Психологическое благополучие современных студентов разного гендера

Психологическое благополучие, счастье, удовлетворенность, гендерные различия, студенты

На данный момент в мире наблюдается тревожная картина, связанная со снижением психологического благополучия студенческой молодежи, что находит отражение в агрессии, снижении самоэффективности, трудностях самоопределения и др. [1; 2]. При этом психологическое благополучие, стрессоустойчивость и уязвимость находят связь с полом [3, 4], в связи с чем, возникает потребность определения специфики психологического благополучия у студентов разной гендерной принадлежности, что позволит определять мишени психологической интервенции и выстраивать эффективные программы сопровождения студентов.

В исследовании приняли участие 92 студента Костромского госуниверситета (M=20.4), 46 девушек, 46 юношей. Методический комплекс: шкалы «Психологического благополучия (RPWB)», К. Рифф, 1989, Н.Н. Лепешинский, 2007; «Субъективного счастья», С. Любомирски, Х. Леппер, Д.А. Леонтьев, 2013; «Удовлетворенности жизнью», E. Diener, 1985, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, 2003; «Диагностика мотивов учебной деятельности студентов», А.А. Реан, В.А. Якунин, Н.Ц. Бадмаева, 1994; «Инновационность и адаптивность» (Altkirt), M. Babic, 1999; «Смысложизненные ориентации (СЖО)», Д.А. Леонтьев, 2000; «Оценка микроклимата студенческой группы», В.М. Завьялова, 2002; шкалы самооценки.

Диагностика интегрального уровня психологического благополучия показала, что в выборке отсутствуют респонденты, имеющие высокий уровень его проявления, что говорит о наличии внутриличностных проблем, частичном нарушении внутреннего равновесия. Девушки характеризуются более высокими показателями счастья (U=705.5; p= .01), а также имеют «положительные отношения с другими» (U=739.5; p= .01), которые напрямую связаны с переживанием счастья (R= .5; p≤ .05). Также существуют различия по интегральному уровню осмысленности жизни (U=780; p = .03) — наиболее значимому корреляту психологического благополучия (R= .7; p≤ .01), и его компонентам: процесс жизни (U=809; p = .05) и локус контроля жизни (U=744.5; p = .01). Девушки характеризуются ощущением свободы выбора и контроля жизни. У них ярче выражена способность работать в команде (U=815.5; p = .05), что положительно влияет на восприятие своей группы, при этом, благоприятный микроклимат в студенческой группе является предиктором психологического благополучия студентов (β= .36; R2= .13; p= .00).

Уровень психологического благополучия у девушек наиболее связан с реализацией учебно-познавательных и профессиональных мотивов (R= .67), у юношей — с социальными, профессиональными мотивами, а также с мотивацией достижений (p ≤ .02). В тоже время юношb отмечают низкий уровень доходов,

ограниченные возможности для самореализации, что вызывает напряжение, снижает ощущение счастья. Юноши отличаются восприимчивостью новому опыту и инновациям (U=824; p = .06), но это делает их более уязвимыми в обществе, ориентированном на сохранение традиций и коллективизм (инновационная компетентность является обратным предиктором психологического благополучия (β= –.4; R2= .16; p= .00) и переживания счастья (β= –.26; R2= .1; p= .00)).

У девушек благополучие связано с оценкой академической успешности и удовлетворенностью романтическими отношениями (R = .43; p = .00), что обеспечивает чувство самовыражения в ведущих видах деятельности — учебной и интимно-личностном общении. Для юношей более важна оценка состояния здоровья (R = .33; p = .00).

Таким образом, переживание счастья и установление положительных отношений с окружающими более свойственно для девушек, они чувствуют себя более гармонично, если успешны в учебе, в интимно-личностном общении. Для юношей маркерами благополучия становятся финансовая стабильность, состояние здоровья, новаторство и смелость в принятии решений; уровень их психологического благополучия наиболее связан с реализацией мотивации достижения.

1. Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В. Структурно-функциональная модель психологического благополучия современных студентов // Российский психологический журнал. — 2021. — Т. 18. — № 4. — С. 47-63.
2. Hernández-Torrano, D., Ibrayeva, L., Sparks, J., Lim, N., Clementi, A., Almukhambetova, A., Nurtayev, Y., & Muratkyzy, A. (2020). Mental Health and Well-Being of University Students: A Bibliometric Mapping of the Literature. Frontiers in psychology, 11, 1226.
3. Matud, M. P., López-Curbelo, M., & Fortes, D. (2019). Gender and Psychological Well-Being. International journal of environmental research and public health, 16 (19), 3531.
4. Perez, Jeannie. (2012). Gender Difference in Psychological Well-being among Filipino College Student Samples. 10.13140/RG.2.2.28271.25766.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-513-05005\20

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Уровень стресса и косвенные показатели эмоционального состояния ребенка

Стресс, младший школьный возраст, самопринятие, значимый взрослый

Самооценка настроения и актуального эмоционального состояния, как известно, может быть существенно искажена в зависимости от целого ряда факторов — высокой эмоциональной лабильности, установки на социальную желательность, алекситимии, выраженной психической травматизации и др. Существенную роль в оценке эмоционального состояния играет выбор исследователем соответствующего психодиагностического приема. В младшем школьном возрасте оценка ребенком своего эмоционального состояния зависит не только от того, каким образом она осуществляется в ходе обследования, но и от оценки значимых для ребенка людей — матери и отца.

В проведенном нами исследовании проверялась гипотеза о соотношении прямой и косвенной оценки ребенком своего эмоционального состояния и его отношении к матери. Предполагалось, что, чем выше уровень стресса (прямая оценка), тем более выражен эмоциональное непринятие себя и матери (косвенная оценка). Участниками исследования стали школьники 3-х и 4-х классов МБОУ СОШ № 1 г.о. Лосино-Петровский (n=39). Были использованы следующие методики: «Шкала воспринимаемого стресса» с целью измерения показателей выраженности стресса у детей в возрасте 9-11 лет (White, 2014); «Цветовой тест отношений» для анализа показателей ЦТО, которыми стали ранги предпочитаемых цветов, ассоциируемых с такими объектами как «Я», «мама», «папа» и некоторыми ситуациями — «стрессовая», «тревожная», «радостная», «нейтральная» (Бажин, Эткинд, 1995). При анализе данных использовалась программа STATISTICA 10, вычислялись медианы (Me), рассчитывался U критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Rs) на уровне значимости p0,05.

Выборка была разделена на две подгруппы по уровню выраженности стресса; критерием деления выступало медианное значение итогового балла по методике ШВС (Me=25). Результаты исследования не показали различий между подгруппами детей с низким и высоким уровнем стресса (методика ШВС) по косвенной оценке ребенком себя (методика ЦТО). Данный результат указывает на то, что у респондентов не наблюдается негативного отношения к себе при выраженном уровне стресса. При этом в группе с высоким уровнем стресса (n=17) переменной «мать» ассоциативно чаще присваивается наименее предпочитаемый цвет (это — 5-8 ранги) по сравнению с группой с низким уровнем стресса (преимущественно 1-4 ранги) (U=90; p=0,01). Подобный результат может быть связан с тем, что при стрессе ребенок переживает угрозу потери личностной безопасности через ощущение оставленности значимым взрослым. Анализ ранговой корреляции Спирмена также подтверждает сопряженность уровня

переживаемого стресса и характера эмоционального отношения к матери (Rs=0,5; p=0,003). Дополнительные связи, обнаруженные между переменными «мать» и «тревожная ситуация», свидетельствуют о важности для ребенка поддержания теплых отношений со значимым взрослым для снижения тревоги (Rs=–0,4; p=0,008). В группе детей, испытывающих выраженный стресс, обнаруживается тенденция к эмоциональному непринятию радостного события и дистанцированию от него (5-8 ранги) (U=115; p=0,04). Выявленная особенность указывает на наличие признаков подавленного, пассивного, безрадостного эмоционального состояния, в отдельных случаях свидетельствуя о рисках развития дальнейших трудностей в самопринятии.

Выводы: гипотеза о соотношении прямой и косвенной оценки ребенком своего эмоционального состояния не подтвердилась; верифицировано предположение о том, что при высоком уровне стресса эмоциональное отношение к матери менее позитивно.

1. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Изучение эмоционального значения цвета // Психологические методы исследования личности. СПб.: Иматон, 1995.
2. White B.P. The perceived stress scale for children: A pilot study in a sample of 153 children // International Journal of Pediatrics and Child Health. 2014. Vol. 2. №. 2. P. 45–52.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00972

Цветков В.В.
Санкт-Петербург, ГБОУ школа №46

Личностные придикторы отчуждения от учебы у школьников

Личностные предикторы, отчуждение от учебы, социальная ситуация развития, возрастные особенности

Отчуждение в современной психологической, культурологической, социальной и философской мысли вызывает все больший интерес. Оно рассматривается в контекстах неудовлетворенности человека, дистанцирования его от каких-либо событий, явлений, социальных групп, самого себя. Иногда отчуждение рассматривается как позитивный и необходимый процесс дистанцирования для объективизации своей позиции, отношения (В.В. Абраменкова), или как противоположный процесс идентификации, приобщения или разотчуждения (В.В. Партцвавия). Проблемой отчуждения у обучающихся ВУЗов занимались Косырев В.Н., 2011, Осин Е.Н., 2015, Заславская М.И., Жамгарян Р., 2017, Шаповал И.А., 2019 и др.

Стремление к индивидуализму, смещение морали к имморальности, допущение утверждения «можно все», обесценивание ценностей старшего поколения приводит к дистанцированию и погруженности младшего поколения в более безопасное состояние — отчуждение. Возникает экзистенциальная проблема одиночества и утраты смыслов. Феномен отчуждения наблюдается и у современных школьников. Стандартизация, унификация и демократизация образования в РФ привела к изменению отношения общества к школе и ВУЗу, они стали рассматриваться как учреждения сферы услуг. Внутри системы образования возникло отчуждение управленческого компонента от исполнительского, реформы и указания сверху воспринимаются «на местах» с непониманием их смысла и целесообразности. Это происходит и в вертикали управления, и в горизонтали взаимодействия участников образовательного процесса — учащихся, педагогов и родителей. Отчуждение затрагивает социальную ситуацию развития, возрастает конфликтность участников образовательного процесса, перенапряжение и отчуждение ребенка от взрослых, их требований и ценностей. Учебная деятельность утрачивает позитивный характер, онтогенетическое развитие проходит в неблагоприятных условиях. Следствие этого — ухудшение здоровья, экзистенциальные проблемы, снижение удовлетворенности собой.

Цель исследования — выявить личностные предикторы, определяющие отчуждение от учебы школьников 4-11 классов. В исследовании 2021-22гг приняло участие 675 учащихся школ Санкт-Петербурга.

Результаты. Взаимосвязь «Шкалы отчуждения от учебы» и личностных черт: «12-ФЛО Р.Кеттелла» (N=303). Выявлены корреляции отчуждения от учебы с факторами (все $p \leq 0.01$): «A» (замкнутость), «C» (эмоциональная нестабильность), «D» (импульсивность), «E» (доминантность), «G» (недобросовестность), «H» (социальная робость), «O» (тревожность), «Q3» (низкий контроль поведения), «Q4» (фрустрированность).

«14-ФЛО Р.Кеттелла» (N=259). Выявлены корреляции отчуждения от учебы с факторами (все p≤0.01): «C» (эмоциональная нестабильность), «D» (импульсивность), «F» (беспечность), «G» (недобросовестность), «H» (социальная робость), «O» (тревожность) «Q3» (слабый контроль поведения), «Q4» (фрустрированность).

«16-ФЛО Р.Кеттелла (форма C)» (N=100). Выявлены корреляции отчуждения от учебы с факторами (все p≤0.01): «C» (эмоциональная нестабильность), «G» (недобросовестность), «Q4» (фрустрированность).

Выводы. Личностные черты и отчуждение у детей 10-15 лет (4-9 классы) затрагивают эмоциональные, регуляторные и черты социального взаимодействия и мало меняются в указанном диапазоне. В возрасте 16-18 лет (10-11 классы) отчуждение связано только с тремя факторами — «сквозной триадой предикторов» (C, G, Q4) отчуждения от учебы у школьников.

1. Малкова Е.Е., Вассерман Л.Г. Психодиагностическая методика для многомерной оценки детской тревожности. Пособие для врачей и психологов. НИПНИ им Бехтерева, 2007.
2. Осин Е. Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 57–74.
3. Семенова, Н. Б., Раменская, Т. П., Долгушина, Е. Е., Мартынова, Т. Ф. (2013) Диагностика эмоционального состояния учащихся в общеобразовательных учреждениях Республики Саха (Якутия). Красноярск: б.м., 40 с.
4. Сычев О.А., Гордеева Т.О., Лункина М.В., Осин Е.Н., Сиднева А.Н. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. Т . 23 .№ 6 . С . 5-15.

Цыганов И.Ю.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Макушина Л.Н.
Калуга, МБОУ "СОШ № 25"

Саморегуляция, мотивационные и личностные предикторы психологического благополучия и успеваемости в 5 классе

Академическая успеваемость, психологическое благополучие, осознанная саморегуляция, академическая мотивация, младшие подростки

Падение успеваемости незамедлительно ведет к снижению психологического благополучия (ПБ) [1]. В возрасте 10-12 лет завершают становление учебно-важные новообразования, реципрокно связанные с ПБ: осознанная саморегуляция (СР) [2], мотивация достижения и отношение к учению [3], открытость и добросовестность [4] и другие. Они становятся ресурсами поддержания ПБ, но перед этим ПБ обеспечивает их высокий уровень, например, осознанной СР [2]. Представляется важным выявление учащихся с трудностями СР, академической мотивации, познавательной активности и других, а также исследование ресурсов их успеваемости и ПБ.

Цель исследования — выявить регуляторные, мотивационные и личностные предикторы успеваемости и психологического благополучия в типологических группах пятиклассников. Выборка исследования составила 234 учащихся 5-х классов общеобразовательных школ г. Москвы и г. Калуги, из которых 46,8% — девочки (возраст 10–12 лет, M=11, SD=0,28). Методы. 1. «Шкала проявлений психологического благополучия подростков» (В.И. Моросанова и др., 2018). 2. «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» (В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко, 2018). 3. «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ-Ш» (Т.О. Гордеева, и др., 2017). 4. «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (В.И. Моросанова и др., 2018). 5. «Большая пятёрка — детский вариант» ("Big Five Questionnaire: children version" — "BFQ-C") для учащихся средней школы (С.Б. Малых и др., 2015).

Результаты исследования. Определены 4 группы пятиклассников (k-means) с различными показателями общих уровней ПБ, СР и успеваемости. Достижение учебных целей в группах с хорошей успеваемостью прогнозируется уровнем ПБ. Мотивация и личностные факторы добросовестности, открытости опыту, нейротизма также определяют успешность обучения. Высокие академические показатели определяются наличием реципрокной связи результатов обучения и ПБ ученика. Недостаточное развитие СР достижения учебных целей становится препятствием школьной успешности. Преодоление синдрома хронической неуспешности зависит от развития регуляторного процесса планирования учебных целей.

Обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ПБ можно рассматривать в качестве психологического ресурса успеваемости в младшем подростковом возрасте. Успеваемость и ПБ попеременно выступают ресурсами друг друга и развития осознанной СР. Полученные данные вносят вклад в раскрытие механизмов развития психологического синдрома хронической неуспешности к началу основной школы.

Выводы. 1. В младшем подростковом возрасте высокая академическая успеваемость и высокое ПБ обеспечиваются наличием их взаимной детерминации. 2. Ограничением успешности в достижении учебных целей у пятиклассников выступает недостаточное развитие осознанной СР. 3. Развитие осознанной СР учебной деятельности может выступать ресурсом повышения успеваемости для пятиклассников с хронической неуспешностью.

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Сиднева А.Н. Оценивание достижений школьников в традиционной и развивающей системах обучения: психолого-педагогический анализ // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 213-236.
2. Fomina T., Burmistrova-Savenkova A., Morosanova V. Self-regulation and psychological well-being in early adolescence: A two-wave longitudinal study // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. № 3. P. 67.
3. Цыганов И.Ю., Бондаренко И.Н. Взаимосвязь психологического благополучия с личностными, регуляторными и мотивационными особенностями у обучающихся в средней школе // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 40-61.
4. Фомина Т.Г., Ефтимова О.В., Моросанова В.И. Взаимосвязь субъективного благополучия с регуляторными и личностными особенностями у учащихся младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 2. С. 64-76.

Шипова Н.С.
Кострома, КГУ

Самореализация и совладание с трудностями в подростковом возрасте

Самореализация, совладающее поведение, подростковый возраст

Зачастую самореализация рассматривается как феномен, относящийся к лицам зрелого и пожилого возраста, обладающих опытом и достижениями. Однако существуют аргументы в пользу более раннего анализа самореализации: уровень личностной и социальной зрелости подростков позволяет им становиться субъектом деятельности, направленной на себя, а степень выраженности самореализации рассматривается как критерий формирующейся социальной зрелости подростка [1]. Специфика самореализации молодежи заключается в противоречиях между потребностью в реализации потенциала и отсутствием эффективного механизма самореализации, обусловленным внешними и внутренними препятствиями [2]. Самореализация лиц подросткового и юношеского возраста связана с использованием индивидуально-личностного потенциала для успешного самовыражения во многих сферах[2].

Целью исследования был анализ совладающего поведения лиц подросткового возраста в контексте присущих им характеристик самореализации. Эмпирическую базу составили 72 подростка от 14 до 17 лет (M=15,86). Методы: «Экспресс-опросник копинга» (Brief COPE; C.S. Carver, 1997, адаптация Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина, 2013); Тест суждений самореализации личности (С.И. Кудинов). Математическая обработка данных проводилась при помощи программы STATISTICA 10.0. с использованием дескриптивной статистики и H-критерия Краскелла-Уоллиса.

На основании результатов дескриптивной статистики выборка была нами разделена по уровню самореализации (в соответствии с концепцией С. И. Кудинова) [3]. Иррациональный уровень отмечен у 16% выборки, инертный — у 27%, адаптивный и гармоничный — у 22%, а интенсивный у 13% опрошенных. Сопоставление выраженности стратегий совладающего поведения в зависимости от уровня самореализации респондента не показало значимых различий. Вторым этапом исследования было разделение выборки по активности самореализации. Это важный показатель, поскольку он иллюстрирует готовность субъекта предпринимать активные действия для реализации потенциала в различных сферах. Разделение было произведено по уровню выраженности переменной: низкому (45%), среднему (24%) и высокому (31% выборки). Обнаружены различия по стратегиям: отрицания (H=7,86, p =0,02). Наибольшее стремление к отрицанию демонстрирует группа респондентов со средним уровнем активности (средний ранг 30,55), наименьшее — с высоким (17,85) уровнем; поиск/использование инструментальной поддержки (H=6,85, p =0,03). Подростки с высоким уровнем

активности применяют ее значимо меньше (средний ранг 14,27), чем с низким (24,42) и средним (25,35) уровнями.

Иное разделение было произведено по критерию конструктивности. Полагаем, этот аспект показывает субъективную оценку успешности собственной самореализации. Распределение по уровням было следующим: низкий уровень — 28% выборки, средний — 41%, высокий — 31%. Выявлены различия по стратегиям: поиск/использование эмоциональной поддержки (H=8,43, p =0,01). Максимально данную стратегию выбирают опрошенные со средним уровнем конструктивности (28,00); поиск/использование инструментальной поддержки (H=10,007, p =0,007). Лица с высокой конструктивностью реже всех групп используют данную стратегию (13,58); выплеск эмоций (H=7,08, p =0,03). Также отмечено наиболее редкое использование данной стратегии респондентами с высоким уровнем конструктивности самореализации.

Таким образом, отмечены различия в предпочитаемых копинг-стратегиях в соответствии с уровнем активности и конструктивности самореализации.

1. Егорычева И.Д. Самореализация подростка: квазифеномен развития или норма возраста // Мир психологии. 2007. № 4. С. 37–48.
2. Костакова И.В. Национально-психологические особенности самореализации личности в юношеском возрасте // Концепт. 2016. №11. С. 119-124.
3. Кудинов С.И., Крупнов А.И. Системная модель самореализации личности // Вестник Российского университета дружбы народов. М.: РУДН. 2008. № 1. — С.28-36.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых -кандидатов наук МК-6263.2021.2

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Березниковский В.В., Матасов Ю.Т.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им.А.И. Герцена

Танцы в психокоррекционной работе с инвалидами по зрению

Танцевальное искусство, танцевально-двигательная терапия, незрячие, реабилитация, психокоррекция, интеграция, психомоторика

Одним из видов психологической коррекции лиц с тяжелыми нарушениями зрения может выступать танцевальное искусство. Танец — это способ реализации творческого потенциала человека посредством движения, ритма, музыки. Практика танцевального искусства представляет собой весьма эффективный терапевтический метод, оказывающий многогранное воздействие на все стороны личности человека. Танцы глубоко и полно влияют на психомоторику, развивают эмоции и волю, направляют когнитивные процессы, формируют и совершенствуют навыки общения, как вербального, так и невербального. Использование танцев в психотерапевтической работе с лицами с ОВЗ сформировались в отдельное направление в рамках танцевально-двигательной терапии[1]. В данном направлении танцы применяются как реабилитационный метод, позволяющий обратиться к резервам собственного организма и преодолеть психологические проблемы и ограничения.

Опираясь на практический опыт, можно определить различие реабилитационных возможностей танцевально-двигательной терапии и танцевальных занятий в работе с людьми с нарушением зрения. ТДТ, прежде всего, нацелена на понимание и осознание себя, своего тела, выражение эмоций посредством танца и двигательных импровизаций[3]. Подобная цель соответствует психотерапевтической составляющей в русле реабилитационной работе с незрячими.

Но следует указать на существенное методологическое отличие танцевальных занятий от ТДТ. Танцевальные занятия в реабилитационной работе с инвалидами по зрению представляют собой программу, направленную непосредственно на овладение танцем как видом исполнительского искусства. Подобная программа предполагает освоение различных танцевальных техник, научение разнообразным танцам и, что весьма важно, исполнение их в течение занятий[2]. Основным средством работы в данном методологическом подходе является обучение и практика танцев. Подобный подход предполагает присоединение к гармонич-

ному поведенческому эталону, заложенному в сценарии танца, освоение более совершенных эмоциональных и моторных средств самовыражения, инициируемых хореографией и смыслом танца, приобщение к правильно организованной, гармоничной психоэмоциональной и поведенческой модели, предлагаемой танцевальным действом.

Обучение танцам — это не только тренировка движений, развитие координации и моторных функций, а более широкий и многогранный процесс, затрагивающий различные стороны личности инвалида. Танец — это тренинг взаимодействия партнеров друг с другом; формирование невербального репертуара; способ проявления эмоций, переживаний, чувств; совершенствование всех психических процессов (памяти, внимания, восприятия); осмысление собственного потенциала; а также активизация творческих и эстетических способностей.

В нашей работе используются, прежде всего, бальные парные танцы. Бальные танцы представляют собой комплекс гармоничных и соразмерных движений и перемещений, сопровождаемых музыкой в соответствии с заданным ритмом. Они производятся согласно определённому пространственно-временному и двигательному сценарию. Фигуры танцев выверены и отточены в течение десятилетий, рисунок их красив и совершенен, и соответствует естественному функционированию моторики человека. Выполнение пластичных, пропорциональных, грациозных движений и перемещений при исполнении танцевальных фигур, соединённых определённой идеей, заложенной в сценарии танца, развивает и совершенствует психомоторику, происходит интериоризация гармоничного сенсомоторного образа среды, создаваемой в танце, обогащается и совершенствуется перцептивный опыт и психическая деятельность в целом.

1. Гренлюнд Э. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика / Э. Гренлюнд, Н. Ю. Оганесян. — Санкт Петербург : Речь, 2011. — 288 с.
2. Сабанцева Т. В. Хореография как средство реабилитации слепых и слабовидящих детей [Текст] / Т. В. Сабанцева, К. И. Хмелевская // Омский научный вестник. — 2015. — №3 (139). — С. 177-180.
3. Payne, H. Dance Movement Therapy: Theory, Research and Practice / H. Payne. –UK: Routledge. — 2006. — 262 p.

Бойко О.М.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Использование интернета в социальной адаптации людей, страдающих психическими заболеваниями: направления работы

Психические заболевания, шизофрения, социальная адаптация, психологическая помощь, интернет

Психическое заболевание оказывает существенное негативное влияние на социальную адаптацию человека, им страдающего. Оно проявляется как в области межличностного общения, снижая число близких эмоционально окрашенных отношений, в которых идет обмен эмоциональной поддержкой, уменьшая взаимность в обмене социальной поддержкой, сокращая число людей, с которыми пациента не связывают узы родства в кругу общения, так и в трудовой и бытовой сферах, в обучении. Интернет-технологии за последние 20 лет создали новое коммуникативное пространство, использование которого положительно сказывается на социальной адаптации психически больных, увеличивая число друзей и знакомых в кругу общения человека, повышая ощущение вовлеченности в обмен эмоциональной и инструментальной социальной поддержкой (Бойко О.М., 2021). Кроме того, возникла целая область IT, содержащая в себе большое число востребованных профессий, различающихся по уровню сложности и требованиям к предварительной подготовке, социальным навыкам, временным затратам, присутствию на рабочем месте. Одновременно с этим, последние годы активно развиваются образовательная и терапевтическая области применения интернет-технологий. Изучение новой информации в настоящее время часто затруднено без использования интернета. Кроме того, широкое распространение в период пандемии COVID-19 получило использование интернет-технологий в дополнение или в качестве замены очной психологической помощи.

Все это указывает на необходимость освоения интернет-технологий и разносторонней помощи в этом процессе со стороны психолога в реадаптации человека, страдающего психическим заболеванием. Аналогом для реальной жизни является работа по формированию и укреплению навыков общения и самообслуживания, а также помощь в профессиональном самоопределении и переподготовке с учетом ограничений, налагаемых психическим заболеванием, уже давно ставшие важной частью реабилитационного процесса.

Таким образом, можно выделить следующие направления психологической реабилитационной работы в освоении интернет-пространства: интернет-коммуникации; профориентация; учебные и информационные ресурсы интернет-технологий; помощь в получении помощи; удовлетворения бытовых и хозяйственных нужд; развлекательное использование. Всё это возможно при выполнении следующих задач: информирование о коммуникативных возможностях интернета (социальные сети, форумы, программы для видео-коммуникаций, сайты знакомств, онлайн игры); обучение навыкам безопасного общения для пациента

и других людей в интернете; предотвращение правонарушений со стороны человека, страдающего психическим заболеванием: сталкинг, использование личных данных, прочие виды нарушений законодательства; обучение пониманию и использованию невербальных средств для передачи эмоционального состояния (смайлы, картинки, фотографии); помощь в освоении правил самоподачи в онлайн пространстве: обучение основным типам интеракции в разных типах интернет-сообществ; коррекция ожиданий относительно скорости установления отношений и уровня их эмоциональной близости; помощь в поиске людей с общими с пациентом интересами; помощь в адекватной оценке собственных возможностей и ограничений; поддержка в собственной инициативе пациента; помощь в оценке работоспособности пациента и способов ее поддержания; обучение использованию поисковых систем; помощь в оценке реалистичности обещаемых по результатам обучения результатов; формирование навыка самоподдержки при столкновении с фрустрацией; оценка бытовых потребностей и возможностей их удовлетворения.

Таким образом, помощь в освоении интернет-технологий в реабилитационной психологической работе является многосторонней и ориентирована на решение практических задач, стоящих перед пациентом.

1. Бойко О.М. Соотношение между коммуникативным использованием интернета и качеством адаптации психически больных. Ананьевские чтения— 2021: материалы международной научной конференции, 19–22 октября 2021 года 2021 года — СПб.: Скифия-принт, 2021, с. 81-82

Ипатова К.А., Исаева Е.Р.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова

Особенности субъективного восприятия жизни у наркологических больных, проходящих медицинскую реабилитацию

Временная перспектива , осмысленность жизни, наркологические больные, медицинская реабилитация

Введение: В процессе формирования зависимого поведения затрагивается все сферы личности человека, постепенно меняются ценностные ориентации, убеждения, чувства, эмоции и межличностные отношения. Изменяется отношение и к временному континууму: оценка настоящего связана с гедонистическими и фаталистическими установками. Прошлое расценивается преимущественно негативно, а будущее не связано с определением конкретных целей (Климанова С.Г. соавт., 2016; Карпова Э.Б. соавт., 2020).

Цель исследования — сравнительный анализ особенностей временных ориентаций и осмысленности жизни у наркологических больных, проходящих медицинскую реабилитацию. Материалы и методы исследования. В обследовании пациентов применялись следующие методики: 1. Опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPI); 2. Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева; 3. Шкала «Уровень социальной фрустрированности» (Л.И. Вассерман). Результаты были обработаны при помощи статистического пакета SPSS, ver. 27, проведено сравнение средних значений (t-критерия Стьюдента), корреляционный анализ. В исследовании приняли участие лица с установленной алкогольной и наркотической зависимостью (F.10.2.– F19.2). Объем выборки -106 человек, из них 78 мужчин и 21 женщина, средний возраст — 33,36±7,46 лет. В Группу 1 вошли пациенты, посещавшие реабилитационную программу и групповую психотерапевтическую интервенцию (60 респондентов). Группу 2 составили пациенты, повещавшие реабилитацию по индивидуальному плану, не принимавшие участие в интервенции (46 респондентов). Длительность терапевтической ремиссии — не менее 4-х недель, что подтверждалось еженедельным контролем.

Результаты. Средние показатели шкалы смыложизненных ориентаций -«локус контроля-жизнь» в Группе 1 и Группе 2 соответственно. (xср=27,58±6,19; 23,78±6,91, p=0,032). В Группе 1 получены связи отрицательной направленности шкал «СЖО» с показателями ZTPI «Фаталистическое настоящее»: Цели в жизни: r= -0,37, p=0,004; «Результативность жизни»: r= -0,37, p=0,004; ЛК-Я r= -0,32, p=0,013; ЛК -Жизнь r=-0,30, p=0,019. По показателю «Негативное прошлое» обнаружены связи: Цели в жизни: r=-0,35, p=0,007; Процесс жизни: r=-0,44, p=0,001; Результативность жизни r=-0,49, p≤0,001; ЛК-Я r=-0,46, p≤0,001; ЛК-жизнь r=-0,31, p=0,017. По показателю «Будущее»: Цели r=0,46, p≤0,001; Процесс жизни r=0,36, p=0,009; Результативность жизни: r=0,34, p=0,009; ЛК-Я: r=0,45, p≤0,001. Обнаружена связь уровня социальной фрустрированности с показателем ЛК-Я (r=-0,33,

p=0,012). В Группе 2 обнаружены корреляционные связи отрицательной направленности с показателями ZTPI «Негативное прошлое»: Результативность жизни: r=-0,34, p=0,021. По шкалам «Будущее» и «Позитивное прошлое» показатели распределились соответственно: Цели в жизни: r=0,38, p=0,011/r=0,44, p=0,003; Процесс жизни: r=0,46, p=0,001/r=0,43, p=0,003; Результативность жизни: r=0,35, p=0,017/r=0,32, p=0,031; ЛК-Я: r=0,50, p=0,001/r=0,48, p=0,001; ЛК-жизнь: r=0,34, p=0,024/ r=0,51, p=0,001. Обнаружена связь социальной фрустрированности с процессом жизни (r= -0,33, p=0,030) и результативностью жизни (r=-0,35, p=0,023).

Выводы. В исследуемых группах наркологических больных выявлена гедонистическая направленность в настоящем, при одновременной неудовлетворенности своей жизнью и фаталистичностью, негативное восприятие прошлого связано с результативностью жизни. Эти данные совпадают с ранее проведенными исследованиями Zimbardo, P. G., & Boyd, J. N. (1999). У участников групповой интервенции временная перспектива более сфокусированная, менее выражен фатализм и более выражено ощущение осмысленности собственной жизни.

1. Карпова Э.Б., Кипнис А.В., Кузнецова Л.В. Психологические характеристики пациентов с опиоидной зависимостью в период ремиссии: экзистенциальный аспект // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. — 2020. — № 2. — С.65-72.
2. Климанова С.Г., Трусова А.В., Березина А.А. и др. Особенности субъективного восприятия психологического времени пациентов, проходящих лечение от алкогольной и наркотической зависимостей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». — 2016. — Т. 9. — № 4. — С. 50–63.
3. Zimbardo, P. G., Boyd, J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric// Journal of Personality and Social Psychology. — 1999. — 77(6). — p. 1271–1288.

Исурина Г.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Групповая психотерапия: возможен ли онлайн формат?

Групповая психотерапия, групповая динамика, взаимоотношения и взаимодействие, онлайн-психотерапия

Пандемия COVID-19 создала существенные проблемы для психотерапевтической практики. Психотерапия является клинико-психологическим вмешательством, которое осуществляется в контексте непосредственного взаимодействия между оказывающим помощь и нуждающимся в ней. Можно спорить, является ли онлайн общение непосредственным взаимодействием, но очевидно, что индивидуальные (диадные) формы психотерапии и психологического консультирования и в онлайн формате оказались весьма успешными. В связи с этим встает вопрос о возможности использовании онлайн формата в групповой психотерапии.

Групповая психотерапия — это психотерапевтический метод, основанный на использовании в лечебных целях групповой динамики, т.е. всей совокупности взаимоотношений и взаимодействий, возникающих между участниками группы, включая и группового психотерапевта. Опора на групповую динамику раздвигает границы психотерапевтического процесса, фокусируясь не только на индивиде и его внутриличностной проблематике, но и его реальных взаимоотношениях и взаимодействиях с другими людьми.

К основным элементам групповой динамики, имеющими наибольшее значение для психотерапевтического процесса, относят цели, задачи и нормы группы; структуру группы, групповые роли и проблему лидерства; групповую сплоченность; напряжение в группе; актуализацию прежнего эмоционального опыта (проекцию); формирование подгрупп; главные виды вербальной коммуникации; фазы развития группы. Группа при этом понимается как общность людей, характеризующаяся ограниченным числом членов, непосредственными контактами (лицом к лицу), общей деятельностью, распределением ролей и позиций, взаимозависимостью участников, общими целями, ценностями и нормами, а также постоянным составом, что является основой для возникновения групповых норм, процессов и межличностных отношений. Отвечает ли онлайн формат этим условиям и с точки зрения группы как общности людей, находящихся в контакте «лицом к лицу», и с точки зрения развития процессов групповой динамики?

Групповая динамика охватывает все взаимоотношения и взаимодействия, происходящие между участниками группы. Однако, если взаимоотношения могут быть прослежены преимущественно на вербальном уровне, то взаимодействия не могут рассматриваться без невербального контекста. Представляется, что основной недостаток связан именно с этим — с невозможностью фиксировать в онлайн формате все многообразие невербальных проявлений и взаимодействий участников группы. Анализ группового взаимодействия предполагает и анализ того, какое место выбирает человек в круге и меняет ли его, с кем рядом он садится

и как близко к психотерапевту или лидеру группы, на кого смотрит, когда говорит, у кого взглядом ищет поддержки и одобрения и т.д. Все эти проявления отсутствуют в онлайн формате и, следовательно, в значительной степени обедняют наши представления о взаимодействии участников группы. Такой важнейший элемент групповой динамики как актуализация прежнего эмоционального опыта часто запускается неким внешним сходством (в том числе, поза, движения) кого-то из участников группы со значимым персонажем из жизни человека. Групповое напряжение, борьбы за лидерство, формирование и изменение групповой структуры также имеет множество невербальных проявлений, который не фиксируются без непосредственного взаимодействия. Это приводит к выводу, что групповая психотерапия в классическом ее понимании в онлайн формате невозможна. Однако представляется, что в онлайн формате вполне возможно использование «психотерапии в группе». В этом случае психотерапевт, применяя какой-либо метод в группе, работает с каждым пациентом отдельно, используя группу скорее как фон, на котором протекает, по сути, индивидуальная психотерапия. В этом случае психотерапевт взаимодействует с несколькими пациентами, однако в полной мере не использует групповые процессы. Безусловно, и при таком варианте, психотерапевт использует определенные групповые феномены, но, как правило, лишь групповую индукцию и групповую поддержку.

Калантарова М.В., Шведовская А.А., Хромов А.И.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Групповые методы работы в нейропсихологической реабилитации и нейрокогнитивной профилактики в России

Нейрокогнитивный дефицит, профилактика, групповая терапия, деменция, мнестико-интеллектуальное снижение

Отечественная школа нейропсихологической реабилитации имеет давние традиции использования групповых методов работы, которые берут свое начало в организации процесса восстановительного обучения у пациентов с нарушениями ВПФ, в первую очередь, речи, обусловленными ОПГМ [2]. В настоящее время работа в группах активно используется в профилактике мнестико-интеллектуального дефицита, вызванного возрастными изменениями или прогрессирующими заболеваниями [1], [4].

Очевидным преимуществом групповой терапии для лиц с нейрокогнитивным дефицитом выступает возможность создания среды, благоприятной для актуализации компенсаторного потенциала. Это преимущество достигается с одной стороны за счет более экологичных условий для выполнения заданий, прямо направленных на восстановление дефицитарного процесса: занятие в группе с людьми, имеющими схожие ограничения позволяют сформировать более реалистичную оценку собственных трудностей, более адекватные мотивацию и уровень притязаний в реабилитационном процессе, дают возможность опираться на соревновательные мотивы, более комплексно подходить к отрабатываемому материалу, более эффективно внедрять в деятельность материал, усвоенный на индивидуальных занятиях. С другой стороны, атмосфера групповых занятий оказывается максимально благоприятной для внедрения методов ненаправленного обучения, когда пациент обучается исподволь за счет социальных и коммуникативных мотивов, а не собственно интеллектуальных. Принципы организации работы с пациентами в группах предполагают системное воздействие на психическую сферу человека, преодоление отрицательных личностных установок, расширение возможностей социальной реадаптации пациентов. Применяемые методы как непосредственно апеллируют к разным уровням нарушенной функции, так и воздействуют на нее опосредовано через другие психические процессы, коммуникативную активность, предметную деятельность и музыкотерапию.

Групповые методы работы могут применяться как в рамках программы комплексной нейрореабилитации [2], так и представлять самостоятельный терапевтический подход [1], [4].

В отношении приобретенного непрогрессирующего нейрокогнитивного дефицита работа в группах выступает как дополнение к индивидуальной программе восстановительного обучения. Основным критерием включения в группу выступает сохранность у пациентов социального опыта, потребностно-мотивационной сферы в целом и мотивации к восстановлению утраченных функций.

Вспомогательный характер группового подхода в отношении данной когорты пациентов и высокая вариативность нейрокогнитивного дефицита участников групп затрудняет создание стандартизированных программ.

Как самостоятельный подход групповая терапия может применяться для преодоления мнестико-интеллектуального снижения, обусловленного возрастными изменениями здоровья. В работе с пожилыми людьми, сохраняющими достаточный уровень социальной активности и потребностей в интеллектуальной деятельности, высокую эффективность показывают когнитивные тренинги. В «Клинике памяти», работа проводится в группах по заранее разработанной программе. Значительная часть работы выполняется участниками групп самостоятельно. Проверка и обсуждение результатов самостоятельной работы занимает важное место в процессе нейрореабилитации участников программы.

В настоящее время в России идет культурная адаптация программы, «Когнитивная стимулирующая терапия» (КСТ) (Cognitive Stimulation Therapy, CST), разработанной Э. Спектор в Университетском колледже Лондона [3]. Программа вошла в рекомендации Национального института здравоохранения и качества ухода (NICE) для людей с деменцией в Великобритании [4] и применяется еще в 30 странах мира. В этом подходе не используются методы направленного обучения, работа строится на стимуляции актуализации компенсаторного потенциала.

Программы групповой когнитивной терапии имеет важное значение для нейропсихологической реабилитации и, особенно, для профилактики мнестико-интеллектуального снижения в пожилом возрасте.

1. Рощина И.Ф., Осипова Н.Г., Сюняков Т.С., Андрющенко А.В., Курмышев М.В., Савилов В.Б. Оценка высших психических функций пациентов с мягким когнитивным снижением в процессе нейрокогнитивной реабилитации. / Диагностика в медицинской(клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн). Научное издание. Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2021 г/ под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. — М.: 2021. — 374 с. С.349-351
2. Цветкова Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных: Речь и интеллектуальная деятельность; Учебное пособие. — Москва-Воронеж, 2004.
3. Шведовская А.А., Калантарова М.В., Хромов А. И., Рощина И.Ф. Программа «Когнитивная стимулирующая терапия» при когнитивных дефицитах у лиц пожилого возраста: адаптация в России / Диагностика в медицинской(клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн). Научное издание. Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2021 г/под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. — М.:, 2021. — 374 с. С.299-301
4. Spector A. et al. Can reality orientation be rehabilitated? Development and piloting of an evidence-based programme of cognition-based therapies for people with dementia // Neuropsychological Rehabilitation. — 2001. — Т. 11. — №. 3-4. — С. 377-397.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Альшанская Е.И.
Москва, НИУ ВШЭ

Диагностика ментального здоровья и носимые устройства. Тенденции, сенсоры, алгоритмы и подходы

Психофизиология, современная психодиагностика: проблемы и перспективы, ментальное здоровье, стресс, тревожность, депрессия

Подверженность психическим заболеваниями растет во всем мире. Интеллектуальные устройства и носимые технологии помогают людям контролировать компоненты своего здоровья, а также выявлять депрессию, тревогу и стресс, а также физиологические изменения, связанные с их обнаружением (Hickey, B. A., Chalmers, T., Newton, 2021). В сочетании с негативными эмоциями, такими как тревога и депрессия, стресс может увеличить риск сердечно-сосудистых заболеваний, основной причины смертности во всем мире (Vogel et al., 2017). Тревожные расстройства являются ведущим психическим заболеванием, от которого страдают 264 миллиона человек во всем мире. Крайне важно выявить закономерности психических заболеваний, которые вызываются вегетативной нервной системой, связанное как с иммунные, так и сердечно-сосудистыми проявлениями. Одним из перспективных важных направлений мировой нейрофизиологии является предиктивная цифровая диагностика. Исследования, опубликованные за последнее время, направленные на диагностику утомления, стресса, депрессии и ранних стадий ряда заболеваний, в свою очередь провоцируют серьезные изменения здоровья в целом (Balconi et al., 2019; Subhani et al., 2018; Thayer et al., 2012). В основе своей эти подходы опираются на данные вегетативной нервной системы. Изучение реакций симпатической (СНС) и парасимпатической (ПНС) нервной системы в зависимости от уровня стрессовой тревожности для оценки изменений психического здоровья (Warmerdam et al., 2012) дает нам возможность разрабатывать подходы для создания научно-обсновнованных программ долголетия и меутального благополучия населения (Cho et al., 2017; Seoane et al., 2013).

Цели обзора и исследования — проверить носимые устройства для выявления различных клинических маркеров потенциальных патологических нейродетерминантов, связанных с тревогой и стрессом, приводящих непоправимому разрушению здоровья. Оценивая датчики, алгоритмы и данные, которые полезны для обнаружения симптомов депрессии, можно создать более компактную, порта-

тивную и точную технологию для мониторинга стресса и состояния психического здоровья. С наибольшей вероятностью такие устройства в конечном итоге снизят заболеваемость и экономические потери мировой системы здравоохранения. Общий объем инвестиций в такие проекты в мире превышает 200 миллиардов долларов. Также, в рамках подхода, будет рассматривается возможность использования методов больших данных и искусственного интеллекта.Российский рынок умных гаджетов за 2021 увеличился на 38% и лидером продаж стали умные часы. По оценкам международного разработчика антивирусных решений ESET рынок смарт-часов и фитнес трекеров ежегодно будет увеличиваться на 12,5% и к 2028 году превысит $118 млрд. Эти механизмы являются самым первым этапом прогностической цифровой системы здравоохранения. Эта работа также включена в программу «Приоритет 2030 НИУ ВШЭ» и курируется Кузьминовым Ю.И.

Методика. Участниками выступили здоровые и тревожные пациенты в количестве 30+30, а так же группа хеджирования риска. Когнитивная нагрузка: стимульный материал «клоуны и шарики» протокол включал бейзлайн этап, обучение, 3 блока. Так же используются данные со “зрелых” сенсорных систем. Так же собирается информация с носимых галдетов по сну и работе сердца за 7 дней и ночей. Процедура включает сбор следующих данных: Eye Tracer (мультимодальная запись движений глаз, диаметра зрачка с калибровкой и валидацией); ЭКГ (RR, HR, MEAN, HRV); СГР (кожно-гальваническая реакция); ФПГ (фотоплетизмограмма); Частота дыхания; Дополнительный носимый трекер (дополняющий трекер испытуемого) при решении зрительных задач с повышенной когнитивной нагрузкой (+ сон + ЧСС). Психологическая оценка: ESS, STAI, HARS, дополнительные SIAS, HADS, PHQ-SADS, анализ Спилбергера и клинические опросники. Целью является установление значимых коллекций с помощью статистических методов (R для айтрекера и Statistica для другой информации) между данными испытуемых, корреляцией между полученными в лаборатории вегетативными индексами.

1. Balconi, M., Fronda, G., & Crivelli, D. (2019). Effects of technology-mediated mindfulness practice on stress: Psychophysiological and self-report measures. Stress, 22, 200–209.
2. Cho, D., Ham, J., Oh, J., Park, J., Kim, S., Lee, N.-K., & Lee, B. (2017). Detection of Stress Levels from Biosignals Measured in Virtual Reality Environments Using a Kernel-Based Extreme Learning Machine. Sensors, 17(10), 2435.
3. Hickey, B. A., Chalmers, T., Newton, P., Lin, C. T., Sibbritt, D., McLachlan, C. S., Clifton-Bligh, R., Morley, J., & Lal, S. (2021). Smart devices and wearable technologies to detect and monitor mental health conditions and stress: A systematic review. Sensors, 21(10), [3461].
4. Seoane, F., Ferreira, J., Alvarez, L., Buendia, R., Ayllón, D., Llerena, C., & Gil-Pita, R. (2013). Sensorized garments and textrode-enabled measurement instrumentation for ambulatory assessment of the autonomic nervous system response in the ATREC project. Sensors, 13(7), 8997–9015.
5. Subhani, A.R., Kamel, N., Mohamad Saad, M.N., Nandagopal, N., Kang, K., & Malik, A.S. (2018). Mitigation of stress: New treatment alternatives. Cognitive Neurodynamics, 12, 1–20.

6. Thayer, J.F., Åhs, F., Fredrikson, M., Sollers, J.J., & Wager, T.D. (2012). A meta-analysis of heart rate variability and neuroimaging studies: Implications for heart rate variability as a marker of stress and health. Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 36(2), 747–756.
7. Vogel, J., Auinger, A., Riedl, R., Kindermann, H., Helfert, M., & Ocenasek, H. (2017). Digitally enhanced recovery: Investigating the use of digital self-tracking for monitoring leisure time physical activity of cardiovascular disease (CVD) patients undergoing cardiac rehabilitation. Sensors, 17(10), 2435.
8. Warmerdam, L., Riper, H., Klein, M.C., van de Ven, P., Rocha, A., Henriques, M.R., Tousset, E., Silva, H., Andersson, G., & Cuijpers, P. (2012). Innovative ICT solutions to improve treatment outcomes for depression: The ICT4Depression project. Studies in Health Technoogy and Informatics, 181, 339–343.
9. Zhu, Y., Jayagopal, J.K., Mehta, R.K., Erraguntla, M., Nuamah, J., McDonald, A.D., Taylor, H., & Chang, S.H. (2020). Classifying major depressive disorder using fNIRS during motor rehabilitation. IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering, 28(4), 961–969.

Балин В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Сферическая модель психики

Категории, явления, ценности, эндопсихика, экзопсихика, мезопсихика, метапсихика, радикалы

Предлагается взять за основу атрибуты науки (здесь: понятия). Мы «расщепляем» исходное понятие на составляющие [1;2]. Тогда можно рассматривать психологическое понятие, во-первых, как категорию, и как психическое явление, имеющее, свою цену, во-вторых, и в-третьих. В итоге имеем три блока индивидуальной психики.

Первый блок — категориальная психология. Психика — инструмент познания. Есть шесть уровней: 1) общенаучный; 2) протопсихологический; 3) метапсихологический (сочетание протопсихологических); 4) макропсихологический; 5) базисный; 6) частные категории, в совокупности составляющие базисные.

Второй блок. Психология психических явлений. Психика — инструмент адаптации к среде. Есть четыре сферы. Эндопсихика — ядро целостной психики. Это состояния, эмоции, чувства и «самость». Подчиняется влиянию вегетативной нервной системы. Выполняет защитную функцию. Экзопсихика — внешний слой целостной психики. Управляет взаимодействием со средой, содержит ощущение, восприятие, «миросознание». Подчиняется корковому влиянию. Биологическая функция — индикация свойств среды. Мезопсихика — средний слой. Функция — совмещение возможностей организма с требованиями среды. Подчиняется влиянию двигательной системы. Формирует мышление, воля, речь и «самосознание». Метапсихика. Социально-психологические явления, типы поведения. Есть классификация типов, описанная Ж. Польти: все сюжетные линии сводятся к 36 позициям [3,5]. Это Мольба; Спасение; Месть за преступление; Месть близкому за близкого; Преследуемый; Внезапное бедствие; Жертва; Бунт, мятеж; Дерзкая попытка; Похищение; Загадка; Достижение чего-либо; Ненависть к близким; Соперничество близких; Супружеская измена, приводящая к убийству; Безумие; Роковая неосторожность; Преступление любви; Убийство близкого; Самопожертвование во имя идеала; Самопожертвование ради близких; Пожертвовать всем ради страсти; Пожертвовать близким по необходимости; Соперничество; Нарушение супружеской верности; Преступление любви; Узнавание о бесчестии близкого; Препятствие любви; Любовь к врагу; Честолюбие и властолюбие; Борьба против бога; Неосознаваемая ревность, зависть; Судебная ошибка; Угрызения совести; Потерянный и найденный; Потеря близких.

Третий блок. Содержательно-ценностная (аксиологическая) психология. Психика имеет содержание. У содержания есть ценность. Ценностью обладают ощущения, мышление, характер, деятельность и т.п. Данный аспект рассматривается искусством и литературой. В границах психологии искусства изучаются сюжеты, роли, амплуа. Пример ценностного подхода — классификация эмоций

Б.И.Додонова. Им описываются альтруистические, коммуникативные, глорические и т.п. эмоции [4].

Развивая представления Б.Г.Ананьева о способах перехода от физиологического отражении среды к психологической модели мира, можно говорить о двух способах: корреляционном методе (совокупность корреляций между физиологическими и психологическими показателями позволяет увидеть за совокупностью психологический смысл). Есть другой метод: через функциональные состояния. Совокупность физиологических показателей образует функциональное состояние (ФС). Этой ФС можно дать психологическое измерение. При этом некоторой совокупности можно дать психологическую трактовку, а некоторой — нет. Психофизиология и состоит в том, чтобы искать у такой совокупности психологический смысл. Сказанное все напоминает химию, где одна совокупность (бензольные кольца, радикалы) имеет одни химические свойства, другая совокупность — другие. В нашем случае можно говорить о нейронной сети, как основания для такого перехода совокупности физиологических показателей к психологическим явлениям.

1. Балин В.Д. Психическое отражение. СПб, 2001.
2. Балин В. Д. Теоретическая психология. М, 2020.
3. Луначарский А.В.Тридцать шесть сюжетов//Театр и искусство, 1912, No34.
4. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. М, 1978.
5. Cécile De Bary. Georges Polti, ou l'anticipation du théâtre potentiel // Poetique: Revue de theorie et d'analyse litteraires, No. 138,

Бартош О.П.
Магадан, НИЦ "Артика" ДВО РАН

Детская тревожность младших школьников и способы ее преодоления

Дети, младшие школьники, детская тревожность, навык саморегуляции

В современных условиях, на фоне увеличивающейся нагрузки, все чаще ученики испытывают дискомфорт в школьной жизни. Наиболее уязвимыми являются дети с повышенной школьной тревожностью, которые отличаются эмоциональной неустойчивостью, утомляемостью и нарушением когнитивных функций (Бартош, 2018). Актуальным становится поиск и разработка упражнений по формированию навыков саморегуляции и снижению тревожности у школьников. Цель исследования — определить уровень детской тревожности и эффективность упражнений по саморегуляции у младших учеников.

Методы: В исследованиях принял участие весь 3-й класс негосударственной частной средней школы (n=10 чел., 4 девочки и 6 мальчиков 9,1±0,10 лет). Эксперимент проходил в 3 этапа. I этап — первичная диагностика тревожности с помощью Многомерной оценки детской тревожности (МОДТ) (Ромицына, 2006) по 10 шкалам: 1 — общая тревожность; 2 — тревога во взаимоотношениях со сверстниками; 3 — тревога в связи с оценкой окружающих; 4 — тревога во взаимоотношениях с учителями; 5 — тревога во взаимоотношениях с родителями; 6 — тревога, связанная с успешностью в обучении; 7 — тревога, возникающая в ситуациях самовыражения; 8 — тревога, возникающая в ситуациях проверки знаний; 9 — снижение психической активности, связанное с тревогой; 10 — повышение вегетативной реактивности, связанное с тревогой. II этап включал краткосрочный «Марафон по саморегуляции», который включал: 1. Проект «Хохочущие фотографии», цель которого воспитание положительного отношения к себе и снятие напряжения. 2. Ежедневное применение упражнений по саморегуляции (дыхательное упражнение «Стоп», «Солдат и тряпичная кукла» и «Штанга» — чередование сильно¬го напряжения и расслабления мышц всего тела. 3. Применение фраз самовнушения — аффирмаций, вырабатывающие привычку мыслить положительно. III этап — повторная диагностика (через 3 недели после начала эксперимента). Исследование проведено при поддержке классного руководителя. Диагностика и психокоррекционные мероприятия проводились в первую половину дня, в соответствии с принципами Хельсинкской декларации. Полученные данные были статистически обработаны с помощью программного пакета Excel-97 и Statistica-10. Различия показателей считались достоверными при уровне значимости p0,05.

Результаты: По результатам тестирования у всех школьников класса до Марафона по саморегуляции набрано более 4-5 баллов по шкалам 1, 3, 7, 8, 9, 10, что, согласно методике, соответствует высокому уровню тревоги. Это указывает на то, что у всех учеников имеется тревога, возникающая в ситуациях

самовыражения и проверки знаний, а также низкая сопротивляемость стрессу, что приводит к состоянию утомления. По завершению Марафона отмечено значимое (p0,05) снижение тревожности на 1-3 балла по трем шкалам — 2, 8, 10, что указывает на улучшение эмоционального состояния учащихся. Так, показатель снижения тревоги, возникающей в ситуациях проверки знаний (шкала 8) с 7,2±0,55 понизился до 4,3±0,88 баллов. По наблюдениям учителя, ребята стали реже драться и вступать в спор, увереннее выходить к доске и отвечать. Также, снижение вегетативной реактивности, связанное с тревогой (шкала 10) указывают, что выбранные нами методики на саморегуляцию были эффективными.

Выводы: Ученики 3-го класса испытывают высокую тревожность, особенно в ситуациях самовыражения и проверки знаний. Проведение упражнений на саморегуляцию в течении трех недель оказывают позитивное влияние на снижение тревожности у учащихся. Рекомендуем для сохранения эффекта и приобретенных навыков продолжать заниматься саморегуляцией, например, на оздоровительных минутках в школе, а также проводить ежегодный мониторинг детской тревожности.

1. Бартош О. П., Бартош Т. П. Коррекционные мероприятия как профилактика высокого уровня тревожности и нарушений функции внимания у младших школьников // Профилактическая медицина. 2018. № 2. С. 34–39.
2. Ромицына Е.Е. Многомерная оценка детской тревожности. Учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Речь. 2006.

Варламов А.В., Яковлева Н.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ

Психофизиологические маркеры переживания опредмеченного страха при погружении в компьютерную виртуальную реальность

VR, тревожно-фобическое расстройство, фобии, ЭЭГ, ЭКГ

Опредмеченные страхи характерны для людей с симптомами тревожно-фобического расстройства. Генез и проявления опредмеченных страхов индивидуальны, однако ситуации возникновения связаны с экспозицией пугающего образа. Технология VR является перспективным инструментом экспозиционного воздействия. Многочисленные исследования, основанные на оценке собственного эмоционального переживания, подтверждают клиническую эффективность ее использования. Актуальным представляется экспериментальное исследование психофизиологических проявлений лиц с опредмеченными страхами при столкновении с пугающим образом в VR.

При организации исследования использованы диагностические возможности комплекса биологической обратной связи "Нейрокурс". Экспозиция ситуаций безопасного столкновения с пугающим образом в виртуальной реальности осуществлялась посредством демонстрации разработанных для исследования трехмерных сред при помощи VR-гарнитуры. Всего было разработано 6 VR-сред в соответствии с актуальным перечнем определенных фобий в МКБ-10: боязнь животных (арахнофобия и энтомофобия), акрофобия, агорафобия, клаустрофобия, социофобия и тестофобия. Каждая из VR-сред представляла собой столкновение со статичным пугающим образом. Испытуемые наблюдали его в течение 5 минут без дополнительных аудиальных, визуальных или тактильных воздействий, которые могли бы повлиять на изменение психофизиологических показателей.

Экспериментальную выборку испытуемых составили 30 человек 20,8±2,52 лет (10 м и 20 ж). Все добровольцы дали информированное согласие на участие в исследовании и получили высокие баллы (8-10 из 10) по шкале соответствующего страха в опроснике ИСАС Е.П. Ильина (Ильин, 2017). Распределение страхов в выборке было равномерным — по 5 участников на соответствующий страх. Контрольную группу составили 30 добровольцев 20,2±3,12 лет (15 м и 15 ж), не имеющих опредмеченных страхов. Психофизиологические маркеры проявления эмоции страха — ЧСС (пульс испытуемых во время измерения), частота дыхания, отдельные ритмы ЭЭГ — альфа, бета, дельта и тета. Данные показатели измерялись в течение 5 минут в состоянии покоя перед экспериментальным погружением в VR, а также во время погружения.

По результатам статистической обработки данных с помощью критерия W-Вилкоксона во время погружения в экспериментальной группе выявлены статистически значимые изменения относительно состояния покоя: ЧСС, частота дыхания, а также каждый из ритмов ЭЭГ для обоих полушарий. Отмечается,

что в экспериментальной группе значительно возросла амплитуда ЧСС и частота дыхания, значимо снизилась относительная доля альфа- и бета-ритмов в общем профиле ЭЭГ, и выросла доля дельта- и тета-ритмов, что свидетельствует о выраженной дизгармонизации биоэлектрической активности мозга испытуемых с опредмеченными страхами при погружении. В то же время в контрольной группе не было выявлено значимых изменений ЧСС, дыхания, а также бета- и тета-ритмов обоих полушарий.

Результаты иллюстрируют существование специфических психофизиологических маркеров переживания состояния страха при столкновении с актуальным пугающим образом в условиях погружения в компьютерную виртуальную реальность. Это свидетельствует о высоком потенциале использования VR-технологии в качестве средства экспозиционного визуального воздействия в исследовании и психологической коррекции фобий.

1. Варламов А. В. Исследование мишеней коррекции пугающего образа у людей с высокой личностной тревожностью / А. В. Варламов, Н. В. Яковлева // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2021. — Т. 9. — № 3(34). — С. 300-312.
2. Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: «Питер», 2017. 352 с.
3. Pot-Kolder R., Veling W., Geraets C., et al. Cost-Effectiveness of Virtual Reality Cognitive Behavioral Therapy for Psychosis: Health-Economic Evaluation Within a Randomized Controlled Trial Journal of medical Internet research. Доступно по: https://www.ncbi.nml.nih.gov/pmc/articles/PMC7238085.html. Ссылка активна на 15 апреля 2022.

Ганичева А.А., Ковалёв А.И.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Система поддержания равновесия человека в условиях зрительно-вестибулярного конфликта, смоделированного с помощью системы виртуальной реальности CAVE

Зрительно-вестибулярный конфликт, стабилометрия, виртуальная реальность

Введение и постановка проблемы. Зрительно-вестибулярный сенсорный конфликт — теоретически возникающее рассогласование между стимулами, поступающими от зрительной и вестибулярной систем, которое может приводить к таким симптомам, как головокружение, тошнота, головная боль, дезориентация в пространстве. Данное состояние может возникать в транспорте, а также в набирающих популярность системах виртуальной реальности. При этом механизмы сенсорного конфликта не до конца изучены. В настоящем исследовании мы изучали изменения системы поддержания равновесия в условиях зрительно-вестибулярного конфликта. В данном случае речь идёт о проприорецептивной составляющей, поскольку в спокойной стойке баланс регулируется без активного участия вестибулярной системы (Скворцов, 2010).

Методы исследования. В исследовании приняли участие 17 человек — 15 девушек и 2 юноши. Средний возраст — 18,5 лет. Все участники не имели проблем с опорно-двигательным аппаратом. Стабилометрический тест: для проведения стабилометрического теста использовалась стабилометрическая платформа ST-150 (частота сбора данных с датчиков — 30 Гц). Постановка стоп — свободная. Для анализа были взяты следующие показатели: среднее положение центра давления по фронтали и сагиттали, разбросы по фронтали и сагиттали, длина статокинезиограммы, площадь статокинезиограммы, индекс энергозатрат, анализ спектра частот. Виртуальная среда: данное исследование было проведено на проекционной системе виртуальной реальности CAVE. В качестве виртуальной среды был использован виртуальный оптокинетический барабан — двигающиеся с разными скоростями вертикальные чёрные и белые полосы размером по 12 угловых градусов. Движение полос — против часовой и по часовой стрелке; скорость — 30, 45, 60 угловых градусов в секунду; две повторности для каждого варианта вращения, длительность одного вращения — 1 минута. Во время вращения среды проводилась запись стабилометрических показателей.

Результаты исследования. Стоит отметить, что в целом у всех испытуемых наблюдаются нормальные значения доминирующих частот. Значимые различия обнаружены по параметру длина статокинезиограммы между значениями до вращений и во время вращений (p0.05, критерий Краскелла-Уоллиса), а также после вращений и во время вращений. При этом значения до вращений и после вращений не отличаются. Вероятно, это может говорить либо о достаточно быстром восстановлении системы поддержания равновесия после ситуации зрительно-вестибулярного конфликта, либо о том, что система CAVE недостаточно модели-

рует данный конфликт. Также, были получены значимые различия по параметру индекс энергозатрат. Стоит отметить, что индекс энергозатрат не однозначно принимается научным сообществом. Он не может отражать реальные энергозатраты организма, которые зависят от многих факторов (Кубряк, Гроховский, 2015). Полученные индивидуальные описательные статистики могут свидетельствовать о существующих индивидуальных различиях, однако учесть в рамках данного исследования не представляется возможным. Вопрос о том, как эти индивидуальные особенности учитывать, остаётся открытым.

Выводы. Таким образом, изменения в работе системы поддержания равновесия в условиях зрительно-вестибулярного сенсорного конфликта, вероятно, быстро нивелируются при возвращении в обычное состояние, однако для подтверждения данного предположения требуется обеспечить одинаковые начальные условия для устранения различий в состоянии испытуемых до проведения исследования.

1. Кубряк О.В., Гроховский С.С. Изменение параметров вертикальной позы человека при демонстрации разных изображений // Физиология человека. — 2015. — Т.41. — №2. — с. 60-63.
2. Скворцов Д.В. Стабилометрическое исследование: краткое руководство / Д.В.Скворцов — М.: Маска, 2010. — 174 с.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00474

Греченко Т.Н.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Динамика когерентных взаимодействий как показатель функциональной организации биологических систем

Микроорганизмы, сообщества, информация, когерентность, синхронизация

Электрическая активность, зарегистрированная у микроорганизмов, имеет частоты аналогичные ритмам ЭЭГ мозга высокоорганизованных живых существ (Греченко и др., 2015). У прокариотов и одноклеточных эукариотов ритмическая активность находится в диапазонах альфа, бета, дельта. Если между суммарными ритмами микроорганизмов и высокоорганизованных существ нет разницы в частотах, то в чем же отличие? Для дальнейшего анализа электрической активности микроорганизмов был применен когерентный показатель. Когерентность электрических сигналов является количественным показателем синхронности вовлечения различных зон при их функциональном взаимодействии (Basharpoor et al., 2021). Возникает предположение о том что различие между суммарной электрической активностью эволюционно разных видов живых существ заключается в динамичности коммуникаций между определенными зонами. Для изучения были выполнены электрофизиологические опыты на микроорганизмах, занимающих разное положение в эволюционном ряду — на прокариотах цианобактериях Oscillatoria terebriformis, одноклеточных эукариотах миксомицетах Myxomycetes и дрожжах Saccharomyces cerevisiae.

Цианобактерии Oscillatoria terebriformis помещали в физраствор (в граммах на литр): $NaHCO_3$ — 3, Na_2CO_3 — 17, K_2HPO_4 — 0,5, NaCl — 30, KNO_3 — 2,5, $MgSO_4$ — 0,2, $CaCl_2$ — 0,04, $FeSO_4$ — 0,01. Плазмодии социальной амебы Myxomycetes находились на деревянной подложке, а дрожжевые клетки Saccharomyces cerevisiae для регистрации помещались в жидкостную среду. Полевые потенциалы регистрировались стеклянными микроэлектродами, заполненными 1 М или 2.5 М KCl. В опытах два МЭ введились в разные локусы биологического материала. Для статистического анализа у цианобактерий Oscillatoria terebriformis выбрано 57 фрагментов электрической активности, у дрожжей Saccharomyces cerevisiae — 42, у миксомицетов Myxomycetes — 46. Фрагменты оцифровывались и подвергались обработке в среде R3.0.

При регистрации активности у цианобактерий Oscillatoria terebriformis показано, что отдельная цианобактерия генерирует электрические осцилляции, а синхронизация индивидуальных осцилляторов порождает ритмическую активность, частота которой от 3 до 40 Гц. Осцилляции, зарегистрированные внутриклеточным микроэлектродом от индивидуальной дрожжевой клетки Saccharomyces cerevisiae, характеризуются разнообразием амплитуды и формы. Синхронизация индивидуальных осцилляторов у дрожжевых клеток порождает ритмическую активност, с высокочастотными компонентами до 27–35 Гц и низко-

частотными 3–10 Гц. У Myxomycetes синхронизированные ритмы локализованы в области 30–32 Гц, низкие частоты 0,5-3 Гц.

Выбирались фрагменты с паттернами в виде веретен электрической активности. Анализ осуществлялся по следующим показателям: частотам, для которых чаще всего достигался максимум когерентности, по длительности этого взаимодействия, ширине частотного пучка, участвующего в когерентных взаимодействиях. Сравнение фазово-временной и частотно-временной когерентности у прокариотов и эукариотов показало, что для цианобактерий, миксомицетов и дрожжей максимум коэффициента когерентности чаще достигается для частот 14-16 Гц и 23-25 Гц. Для дрожжей максимум соотношений достигается для узкой полосы частот, включающей одну рядом стоящую, для цианобактерий и миксомицетов это широкий диапазон, охватывающий и другие частоты. У цианобактерий и миксомицетов процесс взаимодействия может продолжаться более 5 с (время анализа в ситуации оцифрованных данных), для дрожжей максимум когерентности сохраняется не более 0,5 с.

Когерентность является количественным выражением уровня интегративной деятельности мозговых структур при их функциональном взаимодействии у людей (Мельникова и др., 2009). Полученные данные поддерживают идею о том, что в динамике информационных процессов отражена пространственно-временная организация биологической структуры.

1. Греченко Т.Н., Харитонов А. Н. , Жегалло А. В. Инвариантные частоты биоритмов живых организмов разного эволюционного возраста // Психологический журнал, 2018, Т. 39, С. 90–101.
2. Мельникова С., Лапин И. А., Саркисян В. В. Обзор использования когерентного анализа ээг в психиатрии Т. // Социальная и клиническая психиатрия, 2009, Т.19, С.90-94.
3. Basharpoor S., Heidari F. , Molavi P. EEG coherence in theta, alpha, and beta bands in frontal regions and executive functions // Appl. Neuropsychol Adult, 2021; V.28. P. 310-317.

Григорьев А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Использование метода электроглоттографии для оценки различных эмоциональных состояний человека

Электроглоттография, эмоции, частота основного тона, электроглоттографическая волна

Электроглоттография — внегортанный неинвазивный метод регистрации колебаний истинных голосовых складок в процессе фонации. Электроглоттограмма (ЭГГ) отражает фазу открытия голосовой щели, фазу максимального ее открытия, фазу закрытия и фазу полного смыкания истинных голосовых складок. Основной показатель — коэффициент CQ (the closed quotient) — процент колебательных циклов, в которых голосовая щель полностью смыкается при произнесении речевого материала (Ляксо и др, 2020). Разные формы электроглоттографической волны нами были описаны у пациентов до и после удаления щитовидной железы (Grigorev, Lyakso, 2021). Изменение частоты колебаний голосовых складок во времени определяет интонацию, высота голоса (частота основного тона) изменяется в зависимости от эмоционального состояния говорящего (Lyakso, Frolova, 2015).

Целью работы явилось описание формы электроглоттографической волны и значений коэффициента CQ при произнесении испытуемыми речевого материала в различных эмоциональных состояниях. В исследовании приняли участие 12 студентов биологического факультета, 6 мужчин и 6 женщин (средний возраст 25,5±4,7 лет). Регистрацию ЭГГ осуществляли с использованием электроглоттографа Model 7050A (VoceVista, Netherlands). В ходе исследования испытуемые произносили изолированные гласные /a/, /o/, /y/, /и/, /э/ в медленном и быстром темпе для регистрации фоновой ЭГГ. Затем регистрацию ЭГГ продолжали при произнесении испытуемыми актерской речи — слов, фраз, первого четверостишия стихотворения «Бармаглот» из повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и искусственной фразы Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка» в 5 эмоциональных состояниях — радости, печали, страха, гнева и в нейтральном состоянии. Таким образом, для каждого испытуемого осуществлена запись 22 электроглоттограмм — 2 фоновых и по 4 ЭГГ для каждого из 5 эмоциональных состояний. Одновременно с записью ЭГГ осуществлялась видеозапись мимической экспрессии испытуемых с помощью видеокамеры-камкордера Sony Handycam FDR-AX700 4K HDR. Все полученные в ходе перцептивного эксперимента видеозаписи мимической экспрессии подвергались обработке в программе для анализа мимической экспрессии FaceReader 8.0 (Noldus, the Netherlands) для определения эмоционального состояния информантов с использованием встроенных алгоритмов обработки результатов.

По электроглоттограмме определяли значения коэффициента CQ, частоту колебания голосовых складок и форму электроглоттографической волны с исполь-

зованием программного обеспечения VoceVista 3.2. В ходе работы для каждого эмоционального состояния определены значения коэффициента CQ и наиболее характерные формы волн ЭГГ, дополнительно определены мимические проявления для различных эмоциональных состояний.

1. Ляксо Е. Е., Григорьев А. С., Фролова О. В., Николаев А. С. Использование спектрографического и электроглоттографического методов для определения значений частоты основного тона. Труды всероссийской акустической конференции. Материалы III Всероссийской конференции, 2020, с. 713-717.
2. Grigorev A.S., Lyakso E.E. Analysis of the shape of the electroglottographic wave in patients before and after thyroid surgery. VI IEEE International Conference "Video and Audio Signal Processing in the Context of Neurotechnologies" SPCN — 2021, 2021.
3. Lyakso E., Frolova O. Emotion state manifestation in voice features: chimpanzees, human infants, children, adults // Lecture Notes in Computer Science 2015. 9319. P. 201-208.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-45-02007

Жукова Д.И.
Санкт-Петербург, УМВД России

Балин В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Примеры сюжетов с их психологической и психофизиологической интерпретацией

36 сюжетов, драматические сюжеты, перфекционизм, депрессия

В марте 2022 года под руководством доктора психологических наук, профессора кафедры медицинской психологии и психофизиологии, факультета психологии СПбГУ Балина В.Д. была защищена кандидатская диссертация соискателя Жуковой Д.И., посвященная разработке опросника “36 сюжетов”. Исследование проводилась на базе лаборатории психофизиологии СПбГУ более 10 лет, опубликовано множество работ по данной тематике. Основа опросника состоит из работ французского театроведа Жоржа Польти, утверждавшего, что всю драматургию можно разделить на 36 ситуаций. Исследование Жуковой Д.И. позволило разобрать каждый сюжет с психологической и психофизиологической стороны.

S1. Мольба. Элементы ситуации: 1) преследователь, 2) преследуемый и умоляющий о защите, помощи, убежище, прощении и т. д., 3) сила, от которой зависит оказать защиту и т. д., при этом сила, не сразу решающаяся на защиту, колеблющаяся, неуверенная в себе, почему и приходится её умолять (повышая тем самым эмоциональное воздействие ситуации), чем больше она колеблется и не решается оказать помощь. Примеры: 1) спасающийся бегством умоляет кого-нибудь, могущего его спасти от врагов, 2) умоляет об убежище, чтобы в нём умереть, 3) потерпевший кораблекрушение просит приюта, 4) просит власть имущего за дорогих, близких людей, 5) просит одного родственника за другого родственника и т. д.

Двигательные показатели: КименЛ 20 ($r=-0,33$; $P\leq0,05$); корковые показатели: РДОСигма ($r=0,27$; $P\leq0,05$); вегетативные показатели: СД ($r=0,31$; $P\leq0,05$); психологические показатели: перфекционизм ($r=0,24$; $P\leq0,05$).

Физиологическое состояние человека характеризуется взволнованностью в виде размахивания рук, повышенного сердцебиения, дрожи, тошноты и головокружения. Вспышка потерянности и паники. Психологическое состояние характеризуется невероятным давлением необузданных страхов: страх пойти на конфликт, страх неудач, страх социальных ситуаций. Отсутствие способности сосредоточиться на том, что подвластно контролю. Обдумывание того, как возможно сделать результат работы еще лучше. Конструктивная критика и благодарность за похвалу собственных дел не уместна. Отсутствие навыка подготовки себя к вещам, которые могут случиться в независимости от самого себя как при тяжелом заболевании или природных катаклизмах. Сложные взаимоот-

ношения с окружающими людьми из-за беспокойства о том, что могут подумать они и отказ от людей, способных уважать и заботиться.

S3. Месть, преследующая преступление. Элементы ситуации: 1) мститель, 2) виновный, 3) преступление. Примеры: 1) кровная месть, 2) месть сопернику или сопернице или любовнику, или любовнице на почве ревности.

Корковые показатели: СрЧастПр (r=0,27; P≤0,05); ПолеЛевТемп (r=-0,29; P≤0,05); психологические показатели: невротизация (r=-0,55; P≤0,01); перфекционизм (r=0,28; P≤0,05); проекция (r=0,36; P≤0,05); чувство благополучия (r=-0,40; P≤0,01); ответственность (r=-0,40; P≤0,01); социализация (r=-0,33; P≤0,05); самоконтроль (r=-0,34; P≤0,05); толерантность (r=-0,44; P≤0,01); достижение через независимость (r=-0,41; P≤0,01); психологический склад ума (r=-0,36; P≤0,05); гибкость (r=-0,31; P≤0,05)

Данные свидетельствуют о потребности в разрядке для выхода накопившегося бесконечного раздражения. Месть здесь является вредящим действием, совершенным из побуждения наказать за вред, нанесенный самому индивиду ранее. Месть — это разрядка. При совершении деяния человек разряжается, внешний или внутренний конфликт, действие обстоятельств, провоцирующих психологическую травму, стресс или длительное перенапряжение эмоциональной и интеллектуальной сферы снижается. Успешность в достижении цели достигается путем концентрации на ней, отметая все лишнее. Чем больше умение видеть ситуацию в целом, тем мести меньше. Месть связана с зависанием, показатели КЧМ указали на умение перестроиться в режим.

Полученные результаты, неожиданно, показали, что существуют успешные и неуспешные стратегии поведения.

Козловский С.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Каширин В.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Активность правой супрамаргинальной извилины при восприятии живых объектов

Категоризация, супрамаргинальная извилина, вызванные потенциалы, зрительное восприятие, ЭЭГ

Умение отличать живое от неживого — важнейшая способность с эволюционной точки зрения, необходимая, например, при поиске пищи или для обнаружения хищника. У человека эта способность проявляется в самом раннем возрасте. Так, младенцы (до 1 года) ещё до овладения языком способны легко категоризировать предъявленные статичные объекты как живые/неживые (Pauen, 2002; Taniguchi et al., 2020). Мы исследовали мозговые механизмы, лежащие в основе подобной категоризации при зрительном восприятии.

В исследовании приняло участие 13 человек (19-21 лет, M = 20.1 лет, SD = 0.64). Использовался набор из 330 изображений (чёрные силуэты на сером фоне, вписанные в невидимый квадрат углового размера 14 градусов), из них 156 относились к живому (растения, животные, люди), а 174 — к неживому (транспорт, инструменты, посуда и пр.). Каждый из стимулов предъявлялся на 1500 мс, во время которых испытуемые должны были категоризовать его как живое или неживое, при помощи клавиш 1 или 2. Стимулы предъявлялись в случайном порядке. В ходе эксперимента велась запись 19-канальной ЭЭГ. Для каждого участника эксперимента были получены зрительные вызванные потенциалы (ВП) на предъявление изображений, усреднённые по категориям живого и неживого. Между полученными вызванными потенциалами для каждого типа стимулов были определены значимые различия отдельно по каждому из ЭЭГ-каналов (t-критерий, p .01). Для латенций, в которых ВП значимо различались, была рассчитана локализация источников электрической активности в программном пакете BrainStorm (Tadel et al., 2011), использовался алгоритм dSPM (Dale et al., 2000).

Вызванные потенциалы при восприятии живых и неживых объектов значимо отличались исключительно в латенциях от 350 до 500 мс. Локализация источников мозговой активности в указанном временном диапазоне свидетельствует, что при восприятии живых объектов наблюдается активация правой супрамаргинальной извилины, что не наблюдается при восприятии неживых объектов. Напротив, при восприятии неживых объектов возникает активность медиальной поверхности верхней лобной извилины обоих полушарий.

Полученные результаты хорошо согласуются с данными о торможении коры головного мозга при помощи транскраниальной магнитной стимуляции

(Maurer et al., 2021), где показано, что при нарушении работы обеих верхних лобных извилин и правой супрамаргинальной коры увеличивалось число ошибок категоризации изображений, относящихся к животным и не относящихся к ним (инструменты, игрушки, одежда).

Таким образом, основываясь как на собственных результатах, так и на данных литературы, мы можем предположить, что правая супрамаргинальная извилина, активирующаяся при восприятии живых объектов, является местом объединения визуального образа с его эмоциональной оценкой, что может лежать в основе эмпатии. Наблюдаемую же активность в медиальной части верхних лобных извилин при восприятии неживых объектов мы можем объяснить большей концептуальной сложностью их категоризации.

1. Dale A. M. et al. Dynamic statistical parametric mapping: combining fMRI and MEG for high-resolution imaging of cortical activity // Neuron. — 2000. — Т. 26. — №. 1. — С. 55-67.
2. Maurer S. et al. Non-invasive mapping of cortical categorization function by repetitive navigated transcranial magnetic stimulation //Scientific reports. — 2021. — Т. 11. — №. 1. — С. 1-13.
3. Pauen S. Evidence for knowledge–based category discrimination in infancy //Child Development. — 2002. — Т. 73. — №. 4. — С. 1016-1033.
4. Tadel F. et al. Brainstorm: a user-friendly application for MEG/EEG analysis //Computational intelligence and neuroscience. — 2011. — Т. 2011.
5. Taniguchi K. et al. The Categorization of Objects With Uniform Texture at Superordinate and Living/Non-living Levels in Infants: An Exploratory Study //Frontiers in psychology. — 2020. — С. 2009.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №19-18-00474

Мамаев А.Н., Горбунов И.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Математическое моделирование иллюзии Мюллера-Лайера с помощью свёрточных нейронных сетей

Оптические иллюзии, свёрточные нейронные сети, машинное обучение, пространственное восприятие, зрительный анализатор

Иллюзия Мюллера-Лайера — феномен, изучаемый психологической наукой с 1889 года. Существовало множество интерпретаций механизмов этой иллюзии. Классические теории связывают механизмы этого явления со спецификой пространственного восприятия глубины (Gregory, 1963). Также существуют концепции, рассматривающие психофизиологические механизмы иллюзии через оценку работы различных мозговых структур, таких как пространсвенная суммация рецептивных полей (Bermond B., Van Heerden J. 1996; Hohwy J. 2013). Мы предприняли попытку создания генеративной модели иллюзии через моделирование и обучение нейронных сетей. Подобный метод исследования уже использовался в работе (Zeman A. et al. 2013), однако использованная в данном исследовании модель, хоть и близка по структуре к зрительной коре, сложна для численного экспериментирования и оценки ее деятельности. К тому же данная модель обучалась не на объектах, имеющих глубину, то есть на ее вход подавались только 2D объекты, и она производила только категоризацию на группы длинных и коротких линий, что снижает дифференцированность результатов.

Для моделирования иллюзии мы использовали свёрточную нейронную сеть, состоящий как из нескольких свёрточных слоев, так и и полносвязных слоев, замыкающихся одним нейроном выходного слоя. Входной слой соответствовал размеру поступающих плоских изображений. На вход подавались сгенерированные проекции на плоскость трехмерных объектов —параллелепипедов, напоминающих здания — под разными углами проекции, с разных расстояний, снаружи и изнутри. Такая проекция обычно попадает на сетчатку глаза. Предполагалось, что угловые вертикальные грани объектов, на двумерной проекции будут иметь вид стрелок с обращенным наружу и внутрь оперением. После активации сети входным изображением предполагалось, что на выходном нейроне, активация будет равна высоте подаваемой на вход фигуры. Нейронная сеть обучалась методом обратного распространения ошибки, которая вычислялась, как квадратичная разница между активацией выходного нейрона и высоты фигуры (Mamaev A.N. and Gorbunov I.A. 2021). Когда нейронная сеть уверенно распознавала высоты, на ее вход подавались 4 изображения оперенных линий иллюзии Мюллера-Лайера. Две стрелки с оперением, направленным вовне, и 2 стрелки с оперением вовнутрь. У обоих вариантов были версии с широким и узким оперением.

Для проверки надежности эффекта было обучено 30 нейронных сетей на случайной выборке входных объектов. Дисперсионным анализом и Байесовским моделированием были получены оценки достоверности данной иллюзии, при-

сущей обученным нейронным сетям. На оценку нейронной сетью высоты линии достоверно влияло как направление оперений стрелок, так и их ширина. Полученные результаты показывают, что изучение различных психологических феноменов путем моделирования нейронных сетей может быть успешным (Горбунов И.А. 2016; Gorbunov I. 2019). В дальнейшем планируется оценка полученных эффектов, в частности угла наклона оперения стрелки на величину иллюзии на выборке реальных испытуемых, особенно проживающих в разных типах местности.

1. Bermond B., Van Heerden J. The Muller-Lyer illusion explained and its theoretical importance reconsidered // Biology and Philosophy. — 1996. — Т. 11. — №. 3. — С. 321-338.
2. Gorbunov I. et al. Using the neural model of the person's semantic space to reveal the occurred with him events / I. Gorbunov, I. Pershin, M. Zainutdinov, V. Koval // IMCIC 2019 — 10th International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics, Proceedings : 10, Orlando, FL, 12–15 марта 2019 года. — Orlando, FL, 2019. — P. 164-165. — EDN EBJDYU.
3. Горбунов, И. А. Нейродинамическая система как основа методологии моделирования ментальных ресурсов человека / И. А. Горбунов // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования : материалы третьего международного симпозиума, Москва, 20–21 октября 2016 года / Ответственные редакторы: М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова.. — Москва: Институт психологии РАН, 2016. — С. 309-314. — EDN WLOITZ.
4. Gregory R. L. Distortion of Visual Space as Inappropriate Constancy Scaling // Nature. 1963. Т. 199. № 4894. С. 678–680.
5. Hohwy J. The predictive mind // Oxford University Press. 2013
6. Mamaev, A. N. The Müller-Lyer illusion in CNN trained for 3D object height estimation / A. N. Mamaev, I. A. Gorbunov // Neurotechnologies : Collective monograph. — St. Petersburg : ООО "Издательство ВВМ", 2021. — P. 159-167. — EDN DCRBZW.
7. Zeman A. et al. The Müller-Lyer illusion in a computational model of biological object recognition // Plos One. — 2013. — Т. 8. — №. 2. — С. e56126.

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Блинова Е.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мирошник К.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Кирсанов А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Орхус, Орхусский университет

Влияние анодной ТЭС на эксплицитное и имплицитное научение новым словам при разных условиях артикуляции

Транскраниальная электрическая стимуляция (ТЭС), речевое научение, зоны Брока и Вернике, анодная стимуляция, катодная стимуляция, имплицитное научение, эксплицитное научение, артикуляция

Исследования с использованием транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС) показали ее способность оказывать положительное влияние на семантическое научение [1]. Было показано позитивное влияние анодной ТЭС на усвоение новой лексики при следующих условиях научения: имплицитном ассоциативном [1], долгосрочном эксплицитном [2], использовании как имплицитной, так и эксплицитной стратегий научения [3]. Последние данные также демонстрируют позитивное воздействие катодной ТЭС на имплицитное научение [4]. Однако механизмы влияния разных типов ТЭС на усвоение слов остаются малоизученными. С целью восполнения этого пробела было проведено исследование, в котором в котором модулировались (1) стратегия научения (эксплицитное/имплицитное), (2) артикуляция (артикуляторное/перцептивное научение), (3) режим и полярность ТЭС (анодная/катодная/плацебо), (4) стимулируемое

полушарие (левое/правое) и (5) зона стимуляции (Брока/Вернике и их гомологи в правом полушарии).

В исследовании приняли участие 228 испытуемых (в возрасте 18–35 лет, 184 женщины), которые были в случайном порядке распределены на 9 групп стимуляции. Каждый испытуемый после 15-минутной ТЭС постоянным током в 1,5 мА проходил процедуру обучения восьми новым словам с семантической привязкой посредством двух стратегий научения. Эксплицитное научение предполагало прямое указание на объект и сопровождалось вопросом о нем, при этом испытуемому предлагались изображения самого объекта и филлера. В условии имплицитного научения респонденту предъявлялись изображения знакомого и неизвестного ему объектов после аудиального вопроса относительно одного из них. 50% изучаемых слов предлагалось артикулировать. Для проверки усвоения слов использовалась задача на их свободное воспроизведение по памяти. Точность запоминания оценивалась по количеству верно указанных фонем. Анализ данных проводилась с использованием критерия Манна — Уитни и обобщённых линейных смешанных моделей (GLMM).

Точность воспроизведения слов была выше после анодной ТЭС левого ($Z = -2{,}044$, $p < 0{,}05$) и правого полушария ($Z = -2{,}036$, $p < 0{,}05$) по сравнению с плацебо, но не после катодной ТЭС. Результаты GLMM показали в группе плацебо статистически значимое взаимодействие Стратегий научения и Артикуляции ($F(3, 252) = 3{,}300$, $p < 0{,}05$), не обнаружив статистически значимых различий между конкретными условиями. После анодной ТЭС статистически значимым оказалось взаимодействие факторов Стратегии научения и Артикуляции для левого ($F(3, 508) = 8{,}500$, $p < 0{,}001$) и для правого полушария ($F(3, 508) = 9{,}229$, $p < 0{,}001$). При условии артикуляции эксплицитно изученные слова воспроизводились точнее усвоенных имплицитно после ТЭС в обоих полушариях ($p < 0{,}05$ и $p < 0{,}001$).

Таким образом, было подтверждено положительное влияние ТЭС на усвоение новой лексики. Показано наиболее эффективное воздействие анодной ТЭС зон Брока и Вернике и их правополушарных гомологов в условиях эксплицитного научения при артикуляции нового материала.

1. Flöel A., Rösser N., Michka O., Knecht S., Breitenstein C. Noninvasive brain stimulation improves language learning // Journal of Cognitive Neuroscience. — 2008. — V. 20. — P. 1415–1422.
2. Meinzer M., Jähnigen S., Copland D.A., Darkow R., Grittner U., Avirame K., Rodriguez A.D., Lindenberg R., Flöel A. Transcranial direct current stimulation over multiple days improves learning and maintenance of a novel vocabulary // Cortex. — 2014. — V. 50. — P. 137–147.
3. Perikova E., Blagovechtchenski E., Filippova M., Shcherbakova O., Kirsanov A., Shtyrov Y. Anodal tDCS over Broca's area improves fast mapping and explicit encoding of novel vocabulary // Neuropsychologia. — 2022. — V. 168. — №108156.
4. Perikova E., Filippova M., Nasledov A., Blagovechtchenski E., Shcherbakova O., Kirsanov A., Shtyrov Y. Modulating Fast Mapping and Explicit Encoding of Novel Vocabulary by transcranial direct current stimulation // International Journal of Psychophysiology. — 2021. — V. 168. — P. S89.

Исследование выполнено при поддержке СПбГУ (проект № 94615876)

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Блинова Е.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Андрющенко Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Благовещенский Е.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Филиппова М.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Кирсанов А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Орхус, Орхусский университет

Вклад двигательной активности в семантическое научение новым словам в различных обучающих средах: эффекты ТМС первичной моторной коры

Транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС), стратегии научения, явное кодирование, быстрое картирование, воплощенное познание, первичная моторная кора, виртуальная реальность.

Согласно теориям воплощенного познания, когнитивные процессы находятся в неразрывной связи с телесной организацией человека [2, 3]. Авторы отмечают, что физическое взаимодействие индивида со средой не только контролируется посредством познавательных действий, но и является основой для их формирования [1]. Целью настоящего исследования стало изучение данного феномена в контексте языкового научения: в частности, мы сфокусировались на определении причинно-следственных связей активации первичной моторной коры головного мозга (ГМ) в семантическом кодировании новых слов при выполнении заданий с элементами движения в различных обучающих средах. В эксперименте модулировались 1) стратегия научения (явное кодирование/быстрое картирование), 2) способ ответа на вопрос о новом понятии (высокоамплитудное движение руки/низкоамплитудное движение пальцев), 3) среда обучения (виртуальная реальность(ВР)/монитор компьютера), 4) режим стимуляции (реальная/плацебо). Использовался тета-частотный протокол транскраниальной магнитной

стимуляции (ТМС) для локального торможения целевого отдела коры ГМ (М1, поле 4 по Бродману) в результате генерации наведенных электрических полей.

Выборку составили 64 респондента (М = 22,4±4,3 года), которые были распределены на 2 группы стимуляции: 32 — реальная-ТМС М1, 32 — плацебо-ТМС М1. После процедуры ТМС каждому участнику предлагалось усвоить 16 новых слов в условиях явного кодирования и быстрого картирования. Каждое слово предъявлялось аудиально с использованием семантической привязки по 5 раз: 8 слов — в ВР-среде и 8 слов — на мониторе компьютера. В обеих обучающих средах респондентам предлагалось в 50% случаев выбирать ответ на вопрос о предъявленном стимуле высокоамплитудным движением руки, в 50% — низкоамплитудным движением пальцев. Эффективность усвоения новых слов оценивалась с помощью тестов узнавания и установления семантического соответствия. Обработка данных проводилась в SPSS Statistics 26.0. с использованием обобщённых линейных смешанных моделей (GLMM) (ID испытуемого и тип задания оценивались как случайные эффекты) и с-квадрата.

Точность ответов в обоих заданиях была выше после плацебо-стимуляции при сравнении с реальной ТМС для слов, выученных с помощью явного кодирования (c2(1)=4.3; p.05). Дальнейшие расчеты были проведены для слов, изученных с помощью явного кодирования. GLMM позволил обнаружить значимое взаимодействие факторов Режим стимуляции, Способ ответа и Среда обучения (F(7,503)=59.4; p.001, SD=20.3; p 61.6; p 52.3; p 70.8; p 66.8; p .005).

Итак, было обнаружено избирательное негативное влияние ТМС моторной коры на процессы явного кодирования новых слов, подтверждающее различия когнитивных процессов и мозговых субстратов двух стратегий научения [4]. Также показано положительное влияние высокоамплитудных движений руки на усвоение слов в ВР, но не на мониторе компьютера, оказавшееся неспецифическим для режима стимуляции.

1. Barsalou L. W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. — 2008. — V. 59. — P. 617–645.
2. Goldin–Meadow S., Beilock S. L. Action's influence on thought: The case of gesture // Perspectives on Psychological Science. — 2010. — V. 5(6). — P. 664–674.
3. Goldin–Meadow S., Wagner S. M. How our hands help us learn. In Trends in Cognitive Sciences. — 2005. — V. 9(5). — P. 234–241.
4. Shtyrov Y., Kirsanov A., Shcherbakova O. Explicitly Slow, Implicitly Fast, or the Other Way Around? Brain Mechanisms for Word Acquisition // Frontiers in human neuroscience. — 2019. — Vol. 13(116).

Исследование поддержано грантом Президента РФ (проект № МК-2021.2021.2)

Рябова М.А.
Магадан, НИЦ "Артика" ДВО РАН

Исследование функционального состояния мужчин пожилого возраста Магаданской области

Функциональное состояние, психическое здоровье, пожилой возраст, север.

Длительное воздействие комплекса экстремальных климатогеографических факторов Севера оказывает значимое влияние на психическое здоровье жителей-северян (Бартош, 2013). Сохранение и укрепление здоровья населения северных территорий является актуальной задачей. Цель исследования — оценка функционального состояния мужчин пожилого возраста Магаданской области.

Обследованы мужчины, проживающие в Магаданской области, 31 человек, средний возраст составил 66 ± 0,37 лет, в осенний период в динамике рабочей недели с 9 до 12 часов дня. Были использованы следующие методы: шкала депрессии Бека (Hopelessness Scale, Beck et al.), тест индивидуальной минуты (ИМ) по методу Халберга (F. Halberg), методика «Память на образы», оценка простой зрительно-моторной реакции и сложной сенсомоторной реакции выбора (ПЗМР и РВ) с помощью прибора «Психотест» фирмы «Нейрософт», г. Иваново. Для статистической обработки данных использовались пакеты прикладных программ Microsoft Office Excel 2016, IBM SPSS Statistics 22. Оценка количественных показателей на предмет соответствия нормальному распределению производилась с помощью критерия Шапиро–Уилка.

Исследование функционального состояния по параметрам индивидуальной минуты показало, что почти у половины (48%) мужчин пожилого возраста регистрируется ее ускорение. Только у 23% мужчин значения ИМ соответствуют норме, у трети обследуемых — 29 % ИМ удлиненная. Согласно анкетным данным по шкале Бека, у большинства обследуемых отсутствуют депрессивные симптомы (4,5±0,31), при этом корреляционный анализ показал отрицательную корреляционную связь ИМ с показателем депрессии ($r=-0,46$; $p\leq0,01$). Чем короче ИМ, тем выше балл по шкале депрессии. Исследование когнитивного компонента — кратковременной зрительной памяти, показало равное количество обследуемых (24%) с низким и высоким уровнем объема воспроизведенных образов; у 52 % лиц данные соответствуют норме. Исследование сенсомоторного реагирования показало превышение времени реакции ПЗМР у 90% обследуемых по сравнению с нормативными значениями (324,7±1,85 мс). Соотношение опережающих и запаздывающих реакций выявило значимое превышение числа опережений (7,3±0,44 и 2,1±0,38, $p\leq0,01$), что свидетельствует о склонности к преждевременным реакциям, неуравновешенности нервных процессов с преобладанием силы возбуждения. Анализ числа ошибок на дифференцировочный сигнал показывает, что почти половина — 44% обследуемых допускали достаточно большое количество ошибочных реакций (3,0±0,28). Данные коэффициента точности реагирования ПЗМР показывают, что у 77 % контингента он ниже нормативных

значений (0,2±0,05), что свидетельствует о слабой концентрации внимания и низком функциональном состоянии ЦНС. Процентное распределение обследуемых по уровню функционального состояния ЦНС по критерию ФУС выявило 46% лиц с патологическими сдвигами I и II степени (Мантрова, 2008).

Таким образом, согласно полученным результатам, почти половина обследуемых мужчин пожилого возраста характеризуется ригидностью и неуравновешенностью нервных процессов, психоэмоциональной неустойчивостью, нарушением когнитивных функций, включая низкую концентрацию внимания и слабую кратковременную зрительную память, а также патологическими изменениями функционального состояния ЦНС, снижением способности переносить воздействие различных стрессоров и низкими адаптивными свойствами организма.

1. Бартош Т.П., Максимов А.Л., Бартош О.П., Мычко М.В. Нейродинамические показатели старшеклассников различных этнических групп Магаданской области // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2013, № 2. С. 51-58.
2. Мантрова И.Н. Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике. Иваново, 2008. 215 с.

Сизинцев М.И., Диденко Е.П., Филиппова Е.Б.
Санкт-Петербург, ВМА

Об индивидуальных характеристиках ЭЭГ при переходе ко сну

ЭЭГ, сон, бодрствование, асимметрия альфа-ритма, асимметрия тета-ритма, динамика мощности и индекса ритмов ЭЭГ, инверсия асимметрии ритмов ЭЭГ

Актуальность. Физиологические механизмы состояния сна относятся к наименее изученными, несмотря на то, что сон является одним из основных факторов, определяющих функциональное состояние организма. Считается, что медленный сон является эволюционно более древним, связан с отдыхом и восстановлением соматических функций. БДГ-сон связывается исследователями с переработкой информации, полученной во время бодрствования. Принято считать, что в регуляции цикла сон — бодрствование принимают участие следующие группы механизмов: механизмы поддержания бодрствования, медленного сна, быстрого сна и механизмы смены фаз сна (1 — 3).

Цель исследования: Регистрация и анализ ЭЭГ при засыпании испытуемых и в состоянии легкого сна, сопоставление с субъективными ощущениями и индивидуальными характеристиками сна. В работе принимали участие 5 испытуемых в возрасте18 — 20 лет. ЭЭГ регистрировалась при помощи программы «Нейрософт», г. Иваново по системе 10-20. Запись производилась после 17 часов, испытуемый находился в затемненном помещении в расслабленном состоянии. ЭЭГ регистрировалась последовательно при бодрствовании, в течение перехода ко сну и до пробуждения с интервалом 5 мин. Время непрерывной регистрации составляло 10 — 15 с. Анализировались следующие параметры альфа- и тета-ритма: мощность, индекс и асимметрия в 4-х симметричных отведениях: фронтальном (Fr), центральном (C), темпоральном (T) и окципитальном (Oc) — всего 24 показателя.

Результаты. Проведенная работа показала, что испытуемые, как правило, переходили в состояние сна через 4 -5 минут после начала регистрации. Через 45 — 50 минут наступало пробуждение, вызванное, в основном, дискомфортом, связанным с условиями регистрации ЭЭГ. Тем не менее, состояние испытуемых характеризовалось расслаблением мускулатуры, урежением дыхания, характерными для сна, сновидениями и даже храпом. Наиболее значимые изменения регистрируемых показателей наблюдались через 5 — 10 мин после начала регистрации и заключалась, в основном в уменьшении параметров альфа-ритма и увеличении тета-ритма Из 16 параметров такие изменения наблюдались в 14, что позволяет заключить о переходе от бодрствования ко сну. При дальнейшем наблюдении динамика, как правило, сохранялась. Анализ ЭЭГ показал, что наиболее динамичными показателями, изменяющимися в течение регистрации, являются индекс и асимметрия ритмов ЭЭГ. Регистрируемые параметры ЭЭГ характеризовались индивидуальными различиями. Так, испытуемый Ф. во время эксперимента заснул через 1-2 минуты и видел сновидения. Динамика альфа-

ритма по показателям мощности и индекса во всех использованных отведениях была синхронной: снижение после засыпания и увеличение перед пробуждением. Тета-ритм увеличивался через 10 — 15 мин после засыпания, затем уменьшался и снова увеличивался. Отмечались неоднократные инверсии доминирования левого и правого полушария по показателю мощности и индекса во всех исследованных отведениях с периодом порядка 10 мин. Совокупность полученных данных позволяет заключить, что легкий, поверхностный сон характеризуется межполушарной асимметрией альфа- и тета-ритма, наблюдавшейся в течение значительного времени наблюдения; более крепкий сон сопровождается неоднократными инверсиями асимметрии.

1. Александров, М.В. Электрофизиология. Руководство / Под ред. М.В. Александрова — СПб.: Спецлит. 2020. — 223 с.
2. Вейн, А.М. Нарушения сна и бодрствования / А.М. Вейн. — М.: Медицина, 1976. — 236 с.
3. Ковальзон, В.М. Основы сомнологии. Физиология и нейрохимия цикла бодрствование-сон млекопитающих. / В.М.Ковальзон — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2011. 384 с.

Скуратова К.А.
Санкт-Петербург, Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН

Косякова А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Наумова Д.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности движений глаз при восприятии эмоционально окрашенных изображений у людей с обсеессивно-компульсивными симптомами

Обсессивно-компульсивное расстройство, айтрекинг, движения глаз, зрительное восприятие

Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) характеризуется обсессиями (навязчивые нежелательные мысли и/или образы) и/или компульсиями (ритуализированное повторяющееся поведение) и затрагивает 1-3% населения во всем мире [1]. В связи с этим существует острая необходимость в объективных методах диагностики. В основе патогенеза ОКР лежит нарушение ингибирующего контроля [2], что на поведенческом уровне проявляется в трудностях контроля мыслей и поведения. У людей с ОКР была обнаружена предвзятость внимания к угрожающим стимулам [3].

Целью актуального исследования явилось изучение взаимосвязей обсессивно-компульсивным симптомов и показателей движения глаз при восприятии эмоционально окрашенных изображений. Наша гипотеза состояла в том, что обсессивно-компульсивные симптомы ассоциированы с повышением общей продолжительности просмотра, общего количества возвратов, средней продолжительности и общего количества фиксаций в области угрожающих изображений. Выборку составили 49 мужчин и женщин от 19-45 лет (средний возраст — 23 года). У всех испытуемых было нормальной и скорректированное до нормального зрение. Оценка обсессивно-компульсивных симптомов производилась с помощью Обсессивно-компульсивной шкалы Йеля-Брауна.

Испытуемым было предложено просмотреть 20 экспериментальных стимулов, состоящих из 4 изображений различной эмоциональной окрашенности (позитивные, дисфорические, угрожающие, нейтральные), и 5 контрольных стимулов (только нейтральные изображения). Часть стимулов содержала только изображения с людьми (отдельные стимулы с лицами, отдельные с фигурами), другая часть стимулов содержала изображения предметов или животных. Задачей испытуемых было внимательно просматривать наборы изображений и выбирать наиболее привлекательные. В процессе фиксировалось направление взора испытуемых с помощью айтрекера GP3. Изображения были отобраны на основе экспертной оценки. Регистрация и анализ движений глаз осуществлялись при по-

мощи программного обеспечения Neurobureau. Статистическая обработка данных производился с использованием корреляционного анализа.

Анализ движений глаз показал, что наиболее сильно обсессивно-компульсивное расстройство влияет на восприятие дисфорических изображений, содержащих фигуры или лица людей. Более высокая чувствительность к социальным раздражителям может быть связана с тем, что люди с симптомами ОКР более настроены на поведение окружающих их людей [2]. Чем более выражены симптомы ОКР, тем продолжительнее просмотр подобных изображений и больше число повторных возвратов к ним. Также у испытуемых с более выраженными симптомами ОКР выше индекс внимания к дисфорическим изображениям, именно на них они чаще всего фиксируют взор. Полученные нами данные могут быть связаны с тем, что люди с ОКР имеют значительные трудности с избирательным вниманием и ингибированием поведения [2].

Значимые корреляции между обсессивно-компульсивными симптомами и показателями движений глаз, отражающими зрительное внимание к угрожающим изображениям, не было обнаружено. Не смотря на то, что гипотеза не была подтверждена, полученные в данном исследований результаты требуют дальнейшего обсуждения и изучения. В будущем особенности движения глаз могут стать основой для разработки объективных методов диагностики психических нарушений.

1. Weissman, M. M. et al. The cross national epidemiology of obsessive compulsive disorder // Journal of Clinical Psychiatry/ 1994 V. 55. № 3 SUPPL. P. 5-10.
2. Hu, Y. et al. Investigating behavior inhibition in obsessive-compulsive disorder: Evidence from eye movements // Scandinavian Journal of Psychology. 2020. V. 61 № 5. P. 634-641.
3. Bradley M. C. et al. Obsessive–compulsive symptoms and attentional bias: An eye-tracking methodology // Journal of behavior therapy and experimental psychiatry. 2016. V. 50. P. 303-308.

Степанова Ю.В., Балин В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Место психологии в системе наук и психофизиологическая проблема

Психофизиологическая проблема, естественные науки, естественно-научная парадигма, химический аспект, системный подход, целостность, бензольное кольцо

Данная работа посвящена авторскому взгляду на классические проблемы психологической науки — вопрос о месте психологии в системе наук и психофизиологическую проблему.

В развитии идей Б.Г.Ананьева о взаимодействии физиологического способа отражения среды в вязи с психологической интерпретацией физиологических данных, можно говорить двух способах: корреляционным методом (совокупность корреляций между физиологическими и психологическими показателями позволяет увидеть за этой совокупностью психологический смысл) и через описание функциональных систем (ФС) как совокупностей физиологических показателей в границах некой системы. При этом такой совокупности в границах ФС можно дать психологическую интерпретацию, а некоторой — нет. Одна из задач психофизиологии состоит в том, чтобы искать психологический смысл ФС. Здесь можно провести аналогию с химией, где существует проблема разграничения в способах организации органических и неорганических соединений (Егоров А.С. и др., 2021).

Известна концепция Б.М. Кедрова о месте психологии в системе научных дисциплин (Кедров Б.М., 1961). Согласно ей, психология занимает центральное положение между естественными, социальными и философскими науками. Схематически данная концепция представлена в виде равностороннего треугольника, вершины которого соответствуют областям знаний, а психология расположена в центре треугольника. В естествознании существуют похожие представления относительно химии. Так, А.С. Егоров полагает, что химия занимает центральное место в ряду естественных наук (Егоров А.С. и др., 2021).. Схему можно также изобразить в виде равностороннего треугольника, вершинами которого будут: физика и астрономия как науки об общих законах развития материи и Вселенной; биология как наука о живой природе; науки о Земле (геология, физическая география). В центре треугольника будет располагаться химия как центральная естественная наука.

Видно, что обе схемы — схема классификации и взаимовлияния наук Б.М. Кедрова и схема классификации и взаимовлияния естественных наук А.С. Егорова представляют собой равносторонние треугольники, которые подобны. Это подобие подтверждается существованием в естествознании иерархии в организации материи и соответствующих форм её движения (в порядке их усложнения): элементарные частицы — атом — молекула — макромолекула — надмолекулярные комплексы — органеллы клетки — живая клетка, а также соответствующей иерархии научных дисциплин (Дандарон М.Б., 2011). В психологии существует

подобный переход от биологического к социальному: биология (физиология) — психофизиология — психология — социальная психология — социология.

Важным аспектом проблемы является применение системного подхода в химии и психологии. Так, в органической химии существует понятие бензольного кольца, представляющего собой целостное образование, т.е. систему. Согласно определению, бензольное кольцо (бензольное ядро) — это цикл из шести атомов углерода, связанных ароматической связью (Егоров А.С. и др., 2021). Кроме того, бензольное кольцо, как целостное образование, является моделью феномена целостности для психических явлений.

Из этого можно сделать очень важный вывод: естественно-научная парадигма в психологии включает в себя химический аспект, наряду с биологическим, физическим и математическим. Дальнейшие исследования позволят установить и изучить компоненты химического аспекта естественно-научной парадигмы, а также проследить его эволюционное развитие и взаимодействие с другими аспектами в рамках различных научных школ.

1. Балин В.Д. Психическое отражение: Элементы теоретической психологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001, 373 с.
2. Дандарон М.Б. Концепции современного естествознания. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2011, 19 с.
3. Кедров Б.М. Классификация наук. Книга 1. Энгельс и его предшественники. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961, 474 с.
4. Репетитор по химии, под ред. А.С. Егорова. Ростов н/Д.: Феникс, 2021, 762 с.

Степанова Ю.В., Балин В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Химический аспект естественно-научной парадигмы в психологии

Естественно-научная парадигма, химический аспект, схема Б.М. Кедрова, естественные науки, подобие

Естественно-научная (первоначальное название — биологическая) парадигма объясняет эволюционные, генетические и психофизиологические предпосылки личностных особенностей (Larsen R.J., Buss D.M., 2008). Эта парадигма получила впоследствии название естественно-научной, поскольку к биологическим принципам добавились физические и математические. В настоящее время она используется не только в психологии личности, но и в других областях теоретической и экспериментальной психологии, например в общей психологии и психофизиологии (Балин В.Д., 2001). Исследования показали, что естественно-научная парадигма включает три аспекта: биологический, физический и математический (Степанова Ю.В., Балин В.Д., 2020). Однако существуют определённые аргументы, позволяющие сделать предположение о существовании ещё одного аспекта данной парадигмы — химического.

Известна концепция Б.М. Кедрова о месте психологии в системе научных дисциплин (Кедров Б.М., 1961). Согласно ей, психология занимает центральное положение между естественными, социальными и философскими науками. Схематически данная концепция представлена в виде равностороннего треугольника, вершины которого соответствуют областям знаний, а психология расположена в центре треугольника.

В естествознании существуют похожие представления относительно химии. Так, А.С. Егоров полагает, что химия занимает центральное место в ряду естественных наук (Егоров А.С. и др., 2021). Хотя сама схема автором не представлена, её можно восстановить из описания. Схему можно также изобразить в виде равностороннего треугольника, вершинами которого будут: физика и астрономия как науки об общих законах развития материи и Вселенной; биология как наука о живой природе; науки о Земле (геология, физическая география). В центре треугольника будет располагаться химия как центральная естественная наука. Видно, что обе схемы — схема классификации и взаимовлияния наук Б.М. Кедрова и схема классификации и взаимовлияния естественных наук А.С. Егорова представляют собой равносторонние треугольники. Известно, что все равносторонние треугольники подобны (Балин В.Д., 2001), поэтому можно утверждать, что психология занимает в системе наук такое же место (центр схемы Б.М. Кедрова), как химия в системе естественно-научных дисциплин (центр схемы, построенной по концепции А.С. Егорова). Из этого можно сделать очень важный вывод: естественно-научная парадигма в психологии включает в себя химический аспект, наряду с биологическим, физическим и математическим.

Дальнейшие исследования позволят установить и изучить компоненты химического аспекта естественно-научной парадигмы, а также проследить его эволюционное развитие и взаимодействие с другими аспектами в рамках различных научных школ в психологии.

1. Балин В.Д. Психическое отражение: Элементы теоретической психологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001, 373 с.
2. Кедров Б.М. Классификация наук. Книга 1. Энгельс и его предшественники. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961, 474 с.
3. Репетитор по химии, под ред. А.С. Егорова. Ростов н/Д.: Феникс, 2021, 762 с.
4. Степанова Ю.В., Балин В.Д., Естественно-научная парадигма в Московской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологических школах (на материале Вестников МГУ и СПбГУ)//Вестник психофизиологии, № 2, 2020, с. 9-22.
5. Larsen R.J., Buss D.M. Personality psychology, 2008, 785 p.

Тарасова А.А., Татарникова Е.П., Ященко В.В., Щеголева А.А.
Москва, ФКУ ЦЭПП МЧС России

Сравнительный анализ способов прохождения психофизиологической методики "Сложная зрительно-моторная реакция" (75 стимулов)

Зрительно-моторная реакция, психофизиологическое оборудование, модифицированный «Психофизиолог-М», специалисты МЧС России, психофизиологические показатели

Согласно исследованию А.А. Тарасовой, одной из психофизиологических особенностей специалистов МЧС России является «работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания» (методика СЗМР) (Тарасова, 2021). Прохождение данной методики может происходить 2 способами (1 — держать оборудование в руках так, чтобы нажатие кнопок «да» / «нет» происходило большими пальцами правой и левой рук; 2 — располагать оборудование на столе так, чтобы было удобно нажимать кнопки «да» / «нет»). В связи с этим необходимо определить существуют ли различия между результатами выполнения по методике СЗМР в зависимости от способа прохождения.

В пилотном исследовании приняли участие 36 специалистов ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России». Исследование проводилось при помощи психофизиологического оборудования модифицированный «Психофизиолог-М» (специально разработанное программное обеспечение, включающее в себя психофизиологические методики и установленное на планшетный компьютер). В рамках исследования изучались следующие показатели: уровень операторской работоспособности (УОР), уровень безошибочности (ур.безош.), уровень быстродействия (ур.быстрод.), уровень стабильности реакций (ур.стаб.), упреждения, неправильные реакции (НР), суммарное число ошибок (СЧО), среднее время реакции (СВР) и среднее квадратичное отклонение времени реакции (СКО ВР). Для анализа полученных результатов применялся непараметрический Т-критерий Вилкоксона (p) корреляционный анализ (r Спирмен) и определение коэффициента вариативности (V) — IBM SPSS Statistics Version 23. Получены следующие результаты сравнения: УОР ($p = 0{,}140$; $r = 0{,}466^{**}$; $V = 4{,}9$); ур. безош. ($p = 0{,}233$; $r = 0{,}420^{*}$; $V = 3{,}8$); ур. быстрод. ($p = 0{,}854$; $r = 0{,}747^{**}$; $V = 0{,}0$); ур. стаб. ($p = 0{,}474$; $r = 0{,}384^{*}$; $V = 2{,}8$); упреждения ($p = 1{,}000$; $r = 0{,}399^{*}$; $V = 0{,}0$); НР ($p = 0{,}334$; $r = 0{,}366^{*}$; $V = 7{,}8$); СЧО ($p = 0{,}433$; $r = 0{,}426^{**}$; $V = 6{,}7$); СВР ($p = 0{,}604$; $r = 0{,}752^{**}$; $V = 0{,}1$); СКО ВР ($p = 0{,}604$; $r = 0{,}752^{**}$; $V = 0{,}1$).

Сравнительный анализ обоих способов прохождения методики показал отсутствие значимых различий между изучаемыми психофизиологическими показателями. Также можно заключить, что психофизиологические показатели не подвергаются вариации, поскольку V по всем показателям менее 10%, что говорит о незначительном рассеивании и однородности данных, а также показатели являются стабильными (r). Все это свидетельствует о том, что способ прохождения методики «Сложная зрительно-моторная реакция» (75 стимулов), то есть

расположение оборудования относительно обследуемого, не влияет на итоговый результат.

1. Игнатова Ю.П., Макарова И.И., Яковлева К.Н., Аксенова А.В. Зрительно-моторные реакции как индикатор функционального состояния центральной нервной системы // Ульяновский медико-биологический журнал. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zritelno-motornye-reaktsii-kak-indikator-funktsionalnogo-sostoyaniya-tsentralnoy-nervnoy-sistemy (дата обращения: 06.05.2022).
2. Тарасова А.А. Психофизиологические особенности специалистов МЧС России // Ананьевские чтения — 2021: материалы международной научной конференции, 19-22 октября 2021 г./ Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — С.784-785.

Хавыло А.В.
Обнинск, КГУ им. К.Э.Циолковского

Устенко А.В.
Обнинск, КГУ им. К.Э.Циолковского

Енгалычев В.Ф.
Калуга, КГУ им. К.Э.Циолковского

Взаимосвязь свойств нервной системы и особенностей психофизиологического реагирования на стрессогенные стимулы

Эмоциональные реакции, физиологические реакции, мимика, мимическая активность, полиграф, свойства нервной системы, распознавание лица, система кодирования лицевых движений FACS, FaceReader

В настоящее время все большое значение преобладают объективные методы исследования проявлений психики, находящихся вне контроля нашего сознания, таких как мимика, пантомимика, психофизиологические реакции человека на определённые стимулы и т.п. [1, 3]. Целью представленного исследования являлось изучение особенностей психофизиологического реагирования на стрессовые системы у людей с различным типом нервной системой. В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что интенсивность эмоциональных и физиологических реакций на стрессовые стимулы положительно связана с уровнем нейротизма и отрицательно — со стрессоустойчивостью участников эксперимента.

Эксперимент проводился на базе КГУ им К.Э. Циолковского. В исследовании приняли участие студенты в количестве 16 человек (11 девушек). Перед проведением эксперимента было проведено психодиагностическое обследование с использованием методики Г. Айзенка для выявления темперамента у испытуемого и теста С. Коухена и Г. Виллиансона для оценки самооценки стрессоустойчивости. После прохождения психодиагностического тестирования участники эксперимента приглашались в специально оборудованный кабинет. На экране монитора демонстрировался подготовленный видеосюжет, содержащий различные фотографии вызывающее стресс и тревожное состояние у испытуемого при просмотре. Весь видеоряд сопровождался тревожной, нагнетающей музыкой. При просмотре у испытуемого фиксировались его физиологические реакции с помощью контактного полиграфа, а также проявления мимической активности с применением специализированного ПО FaceReader [3]. Для проверки гипотезы о взаимосвязи выраженности отдельных свойств нервной системы и интенсивности эмоциональных и физиологических реакций на стрессогенные стимулы был выполнен корреляционный анализ.

Были выявлены значимые корреляционные связи (p0,05) между следующими показателями. Интенсивность проявления эмоции печали положительно связана с низкой стрессоустойчивостью: Rs=0,68, p0,05, а выраженность эмоции радости — с уровнем нейротизма (r=0,52, p0,05). Взаимосвязь низкой стрессоустойчивости и демонстрации эмоции печали при восприятии стрессогенных стимулов подтверждает выдвинутую гипотезу. Следует отметить достаточно высокий коэффициент корреляции. Мы предполагаем, что проявление радости в ситуации стресса у участников эксперимента с относительно высокими показателями нейротизма можно интерпретировать как защитную реакцию психики. Показано, что уровень экстраверсии отрицательно связан с интенсивностью зафиксированных физиологических реакций на стрессогенные стимулы: количеством всплесков электродермальной активности (Rs=-0,55, p0,05), частотой пульса в начале (Rs=-0,58, p0,05) и в конце демонстрации стимульного видеоряда (Rs=-0,61, p0,05). Полученный результат можно объяснить тем, что у экстравертов как правило преобладает активность симпатического отдела вегетативной нервной системы.

Анализ результатов проведенного пилотажного исследования позволяет сделать вывод о том, что интенсивность выражения эмоции печали при восприятии стрессогенных стимулов связана с уровнем стрессоустойчивости человека. Достаточно высокое значение коэффициента корреляции может указывать на то, что наблюдаемый эффект достаточно сильный и может иметь прогностическую ценность.

1. Енгалычев В. Ф., Леонова Е. В., Хавыло А. В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе //Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки, 2021. №. 2. С. 104-117.
2. Khavylo A. V. et al. Manifestation of Task's Cognitive Complexity in Mimic Micromovements: Prognostic Model //Proceedings of the Future Technologies Conference. Springer, Cham, 2021. С. 257-265.
3. Ekman P., Friesen W. V. (1976). Measuring facial movement. Environ. Psychol. Nonverbal. Behav., 176. No. 1. pp. 56–75

Хлудова Л.К.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ФГБУН ИП РАН

Молекулярные механизмы действия экотоксикантов на нейроны в простых нервных системах

Экотоксиканты, электрогенез нейронов виноградной улитки, молекулярные механизмы, нейроны, простые нервные системы

Наиболее опасными экотоксикантами для человека являются радионуклиды и 13 металлов, токсичных во всех своих водо-, щелоче- и кислотнорастворимых соединениях. К этим металлам относятся известный как яд мышьяк, считавшийся до недавнего времени нетоксичным аллюминий, и представляющие особую угрозу тяжелые и редкоземельные металлы кадмий, кобальт, марганец, барий, свинец и ртуть. Кобальт и марганец вместе с натрием, калием, кальцием и другими элементами относят к незаменимым, т.к. они входят в состав ферментов, гормонов и витаминов. В случае аномального содержания или нарушенного соотношения элементов в окружающей среде (вода, пищевые продукты) в организме человека могут развиваться нарушения с характерными клиническими симптомами, главным образом в связи с изменением функций ферментов, в состав которых эти элементы входят или активируют. В организме человека кальций играет роль в формировании структуры клеток, гидролизе, переносе фосфата, препятствует активирующему действию магния в ферментных процессах, но исключительно важна его роль в процессе электрогенеза нервных клеток и синаптической передаче. Опасность действия экотоксикантов заключается в том, что в силу физических и химических особенностей строения молекулы они проникают внутрь нервных клеток, где конкурируют с кальцием и тем самым грубо искажают работу нейронов, а, следовательно, и всей нервной системы.

Широкое применение кадмия, кобальта и марганца в промышленности и сельском хозяйстве и вызываемые ими нарушения в организме человека и животных настолько серьезны, что необходимо детальное изучение их влияния на нервную систему, которая в первую очередь определяет поведение и выживание организма. Понимание механизмов действия этих веществ необходимо и для разработки адекватных мер защиты.

Процедура эксперимента состояла в последовательной смене физиологических растворов — нормального и нормального с добавлением 15 мМ хлоридов кадмия, кобальта, марганца и бария — омывающих препарат изолированной нервной системы виноградной улитки Helix lucorum и полностью изолированных нейронов. В нормальном физиологическом растворе определялись основные характеристики электрогенеза нейрона: уровень мембранного потенциала, порог генерации и амплитуда потенциалов действия (ПД) при внутриклеточных инъекциях деполяризационных импульсов тока (амплитуда от подпороговых до высокопороговых). Эти характеристики анализировались и в условиях последовательной замены физиологического раствора (время инкубации при замене

раствора 5 — 10 мин для препарата ЦНС и 1 — 5 мин для полностью изолированных нейронов. Эксперименты на изолированных нейронах выполнены совместно с Т.Н. Греченко в лаборатории ИПРАН РФ. Всего в опытах исследовано 145 нейронов, из них 35 в условиях полной изоляции (Хлудова Л.К. , 1989; Хлудова Л.К., Греченко Т.Н., 1994)

Генерация нейронами разрядов при действии внутриклеточных импульсов тока полностью определяется вкладом натриевой и кальциевой проводимостей мембраны, так как при одновременном их исключении из физиологического раствора нейроны полностью утрачивают способность к генерации ПД. Блокада кальциевой проводимости мембраны нейронов приводит к снижению электрической возбудимости нейронов, в мембране которых представлены проводимости кальциевая и натриевая + кальциевая, но не затрагивает те клетки, у которых активность определяется натрий — зависимыми процессами. (Греченко Т.Н., 2008; Латанов А.В.,2008)

Наиболее важное значение эти изменения проводимости мембраны нейронов имеют в процессах обучения нейронов и фиксации ими следов различных воздействий раздражителей внешней и внутренней среды. Поэтому действие экотоксикантов в первую очередь нарушает процесс адаптация организма в окружающей среде, что снижает его способность к выживанию.

1. Л.К.Хлудова. Механизмы пластичности командного нейрона. //Автореф. канд. дисс., М., 1989, 25 с.
2. Л.К.Хлудова, Т.Н.Греченко. Проблемы нейроэкологии: действие солей тяжелых металлов на нейроны. // Вестник Моск.университета сер.14, психология, 1994 № 1 с. 28- 36
3. Т.Н.Греченко. Пейсмекерная активность нейронов: происхождение и функции. В кн. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. Тюм.ГУ, 2008, 247 с.
4. А.В. Латанов. Электрическая активность нейронов. В кн. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. Тюм.ГУ, 2008, 247 с.

Богдановская И.М.
Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена

Кошелева А.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им.А.И. Герцена

Королева Н.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им.А.И. Герцена

Шингаев С.М.
Санкт-Петербург, СПб АППО

Методологические и организационные проблемы современной психодиагностики в образовании

Психодиагностика, педагог-психолог, методологические проблемы, организационные проблемы, бланковые методики, компьютерные методики

Психологическая диагностика выступает одной из ключевых трудовых функций психолога в системе образования. Педагог-психолог определяет индивидуальные особенности и склонности личности обучающегося, особенности профессионального самоопределения, выявляет психологические причины и механизмы нарушений в обучении, развитии, социальной адаптации, факторы риска отклоняющегося поведения [3]. В то же время, в психодиагностической деятельности психолог образовательной организации сталкивается с целым рядом проблем, связанных с адекватным выбором диагностического инструментария, организацией обследования с применением бланковых методик и компьютерных систем, обработкой и анализом результатов, которые требуют методологической рефлексии и поиска путей их разрешения [1,2].

С целью систематизации основных организационных и методологических проблем психодиагностики в образовательной организации нами был проведен анкетный опрос педагогов-психологов Северо-Западного региона РФ. В исследовании приняли участие 121 человек со стажем работы от 1 до 42 лет, из них 5,88% имеют степень кандидата наук, 33.61% высшую квалификационную категорию.

Так, большинство педагогов-психологов отмечают высокую интенсивность и значительный объем проводимых ими психодиагностических обследований. 67,2% психологов образовательных организаций проводят групповые диагности-

ческие обследования обучающихся более 4-х раз в год, причем в 40,2% случаев в них принимают участие более 500 человек. Значительная часть (33,44%) педагогов-психологов используют бланковые формы методик, при этом они сталкиваются с такими проблемами, как: отсутствие на занятиях некоторых обучающихся в период проведения диагностики (37,2% респондентов); сложности с выбором времени проведения обследования (34,5%); большие затраты труда и времени на обработку протоколов (33,3%); отсутствие расходных материалов для подготовки стимульного материала (22,1%), сложности с тиражированием бланков (15,3%).

Компьютеризированные варианты методик применяют только 9,8% педагогов-психологов. К проблемам компьютерной психодиагностики педагоги-психологи относят: невозможность сохранения результатов в единой базе (22,7%); отсутствие компьютерных классов и необходимого ПО (19,2%), снижение качества результатов по причине недостаточно содержательной интерпретации (16,9%), отсутствия сведений о надежности и валидности методик (16,2%), ошибок в ключах и отсутствия тестовых норм (8,6%). Педагоги-психологи также испытывают трудности в выборе компьютеризированного психодиагностического инструментария в соответствии с запросом (15,9%). У 17,9% специалистов вызывает сомнения достоверность информации, полученной с помощью психодиагностических интернет-ресурсов.

Эффективным способом решения данных проблем может стать разработка психодиагностических систем с надежным и валидным инструментарием на базе мобильных приложений. Это позволяет минимизировать ряд ограничений, связанных с организацией и проведением как бланковых, так и компьютерных психодиагностических обследований в системе образования. Применение мобильных приложений не требует специализированного оборудования, соответствует специфике потребностей, особенностям развития и социализации современных детей и подростков в цифровой среде.

1. Епанчинцева, Г. А. Методологические и методические проблемы психодиагностики в образовании/ Г.А. Епанчинцева //. Сибирский психологический журнал. — 2008. — №28. — С. 85-88.
2. Царькова, О. В. Методологические и методические проблемы психодиагностики / О. В. Царькова, Ю. И. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 1/2. — С. 65-69.
3. Цветкова, Л. А., Профилактическая модель деятельности психолога в системе образования / Л.А, Цветкова, А.Н. Алехин, Н.Н. Королева // Вестник Мининского университета. — 2017. — №4 (21). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilakticheskaya-model-deyatelnosti-psihologa-v-sisteme-obrazovaniya (дата обращения: 05.06.2022).

Исаева О.М.
Нижний Новгород, НИУ ВШЭ

Акимова А.Ю.
Нижний Новгород, НИУ ВШЭ

Волкова Е.Н.
Нижний Новгород, Мининский университет, НОЦ "Психология одаренного подростка"

Русскоязычная версия опросника благополучия PERMA-Profiler: психометрические характеристики

Благополучие, психологическое благополучие, PERMA-Profiler

Введение. Тема счастья и благополучия в последние годы становится все более популярной как в академической среде, так и в бизнес — сообществе. Одной из наиболее известных в рамках психологического (эвдемонистического) подхода является модель психологического благополучия PERMA, разработанная и представленная М. Селигманом в «Теории благополучия» (Seligman, Flourishing, 2011). Модель включает в себя пять основных компонентов благополучия: позитивные эмоции (Positive Emotion), вовлеченность (Engagement), взаимоотношения (Relationships), смысл (Meaning), достижения (Achievement).

Постановка проблемы. Австралийскими исследователями Дж.Батлер (Butler J.) и М. Керн (Kern M.L.) был разработан основанный на модели благополучия PERMA М. Селигмана диагностический инструмент PERMA-Profiler, продемонстрировавший высокую надежность и валидность (Butler, Kern, 2016).Адаптацией данного опросника занимались представители различных стран мира: Англии, Греции, Кореи, Италии, Соединённых штатов Америки. В основном, исследователями было отмечено, что опросник PERMA-Profiler — многомерная шкала с хорошей надежностью и приемлемыми уровнями структурной, конвергентной и дискриминантной валидности. При этом в одном исследовании результаты указали на недостаточные психометрические свойства методики: полученные данные не смогли удовлетворить ни критериям предлагаемой теоретической пятифакторной модели, ни альтернативной однофакторной (Ryan, et al., 2019).

Цель данной работы состояла в психометрической проверке русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler.Методы и результаты исследования. Адаптация опросника PERMA-Profiler к русскоязычной выборке была проведена авторами представленной статьи.Общий объем выборки, результаты которой использовались для оценки психометрических характеристик данного варианта опросника, составил 6229 чел.: взрослые добровольцы, проживающие в Российской Федерации, в возрасте от18 до 62 лет.

В результате проведения конфиматорного факторного анализа было показано соответствие структуры опросника исходной 5-компонентоной модели PERMA.Конвергентная валидность подтверждена статистически значимыми

корреляционными связями значений шкал русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler с показателями опросников, оценивающих ту же область психологических характеристик, либо максимально приближенных к ней.

Результаты апробации свидетельствовали о достаточно высокой надежности шкал опросника по внутренней согласованности (коэффициент α-Кронбаха более 0,74 по всем шкалам), и о приемлемой согласованности, определенной методом половинного расщепления (коэффициент надежности λ6 Гуттмана выше 0,67 по всем шкалам). Значения коэффициентов линейной корреляции Пирсона показателей опросника, полученных с интервалом в 2 месяца у одних и тех же респондентов (от 0,58 до 0,83) свидетельствовали о высокой ретестовой надежности опросника.

Обсуждение и выводы. В целом, результаты проведенного исследования позволяют заключить, что вариант опросника PERMA-Profiler, адаптированный для русскоязычной выборки, по структуре соответствует исходному теоретическому конструкту, обладает конвергентной валидностью, удовлетворяет требования надежности, предъявляемым к психодиагностическому инструментарию. Он может использоваться для социологических, психологических и междисциплинарных исследований на русскоязычной выборке.

1. Seligman, M. E. P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011.
2. Butler J., Kern, M. L. The PERMA-Profiler: A brief multidimensional measure of flourishing // International Journal of Wellbeing. 2016. Vol. 6 (3). Pp. 1-48.
3. Ryan J., Curtis R., Olds T., Edney S., Vandelanotte C., Plotnikoff R., et al. Psychometric properties of the PERMA Profiler for measuring wellbeing in Australian adults. 2019. PLoS ONE 14 (12):e0225932.

Кондратюк Н.Г.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Ефтимова О.В.
Москва, ООО “БиоСад”

Репликация факторной структуры «Анимированного теста личности — КЕАТЛ» для диагностики личностных черт по модели Большая пятерка у подростков

Личность, психодиагностика, большая пятерка, анимированные изображения, подростки

Масштабные изменения современной жизни, связанные с ускорением технологического прогресса, заставляют, в том числе, искать новые формы и методы психологической диагностики, приемлемые для молодого поколения, живущего в цифровой среде. Ранее авторами данной статьи был разработан «Анимированный тест личности — КЕАТЛ» для диагностики личностных черт у подростков с использованием анимации [1]. «Анимированный тест личности — КЕАТЛ» основан на модели личности «Большая пятерка» [2] и включает 15 пар противоположных по смыслу анимированных изображений (файлы GIF) для диагностики экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту. Задачей данного исследования была репликация факторной структуры методики КЕАТЛ [1] при использовании мобильного приложения, разработанного на основе данного теста. Кроме того, в репликационном исследовании в методику была заложена 4-х балльная порядковая шкала ответов, в отличие от пилотной версии методики, задействованной при разработке и стандартизации, с дихотомической шкалой ответов [1]. Репликационное исследование проведено с использованием разработанного мобильного приложения для прохождения теста КЕАТЛ на платформе Android. Приложение позволяет пользователю пройти тест и получить обратную связь в виде набранных баллов по каждой шкале и текстового описания личностных черт и соответствующих им характеристик. Все результаты тестирования сохраняются в базу данных с возможностью конвертации в формат Excel. Ограниченные целевые задачи приложения (исследовательская и демонстрационная) не предусматривают открытого доступа.

Создан файл с расширением APK, который дает возможность его обладателю установить приложение на свое мобильное устройство. Несмотря на трудозатратность разработки приложения под один психологический тест, это способствовало решению сразу нескольких текущих задач (технического, эстетического и социального характера), расширив круг имеющихся альтернатив, и подсветило перспективы дальнейшей работы. В первую очередь, речь идет об использовании в приложении удобной шкалы ответов и определенной формы подачи материала без каких-либо ограничений, заложенных в инструментах онлайн сервисов администрирования опросов, а также об обратной связи пользователю в виде вывода

на экран описательных характеристик по результатам теста. Отметим, что решение ряда задач при использовании альтернативных, включая онлайн, способов проведения исследования было бы неполным, а в случае традиционных офлайн способов — и вовсе невозможным.

В данном исследовании подросткам в возрасте от 12 до 16 лет (N=137, 80 девочек — 58,6%) было предложено принять участие в исследовании, цель которого состояла в апробации нового личностного теста с использованием разработанного мобильного приложения. По результатам исследования подтверждена пятифакторная структура КЕАТЛ (конфирматорный факторный анализ, эстиматор MLR), обоснован коэффициент внутренней согласованности шкал теста (альфа Кронбаха и омега Макдональда). Анализ данных проводился в IBM SPSS Statistics 26 и среде языка программирования R.

Результаты исследования продемонстрировали возможность применения анимированных тестов в качестве валидных психодиагностических инструментов при работе с подростками. Ведется работа по масштабированию выборки.

Дальнейшие перспективы связаны с расширением спектра решаемых с использованием мобильных приложений психодиагностических задач и встраиванием цифровых технологий в психологические исследования.

1. Кондратюк Н. Г., Ефтимова О. В. Опыт разработки анимированных тестов для психологических исследований (на примере диагностики личностных черт у подростков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 40–59.
2. McCrae R. R., Costa P. T., Jr. Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits // Personality disorders and the five-factor model of personality. 3rd ed / Ed. T. A. Widiger, P. T. Costa, Jr. Washington DC, US, 2013. Pp. 15–27.

Люсин Д.В.
Москва, ФГБУН ИП РАН, НИУ ВШЭ

Русская адаптация опросника BeMaS для измерения диспозициональной зависти

Зависть, конструктивная зависть, деструктивная зависть, психодиагностика

В психологической науке существуют различные определения зависти; одно из наиболее распространённых определений состоит в понимании зависти как отрицательной эмоции, которая возникает, когда человеку хочется обладать тем, что есть у другого, либо желать, чтобы у другого человека этого предмета обладания не было (Parrott & Smith, 1993); при этом предмет зависти должен иметь высокую личностную значимость. Больше всего внимания уделяется негативным аспектам зависти, однако в литературе последних лет предлагается различать два вида зависти — конструктивную и деструктивную (benign and malicious envy; van de Ven et al., 2009; Crusius & Lange, 2014).

Конструктивная зависть связана со стремлением к самосовершенствованию и достижению высоких результатов, желанием подняться до уровня того, кому завидуют. Деструктивная зависть связана с враждебностью по отношению к другому человеку, стремлением принести ему вред. Для неё характерно желание низвести того, кому завидуют, до своего уровня. Собственно, именно эта эмоция чаще всего и называется завистью в естественном языке. Любой из этих видов зависти основан на социальном сравнении себя с другим: у другого человека есть нечто (имущество, привилегии, достижения, личные качества), чего я желаю, но мне это сейчас не доступно. Важно также, что любой из этих видов зависти является отрицательной эмоцией. Однако существенное различие между двумя видами зависти состоит в том, на чём сосредотачивается человек, переживающий зависть — на отрицательном отношении к другому или на стремлении достичь того, что у другого есть.

Я. Крузиус и Й. Ланге разработали «Опросник конструктивной и деструктивной зависти» (BeMaS) состоит из десяти утверждений, объединённых в две шкалы, измеряющих склонность испытывать два вида зависти — конструктивную и деструктивную. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы осуществить русскоязычную адаптацию этого опросника и провести первичную оценку её психометрических свойств.

Методика была переведена на русский язык и проведена на 254 испытуемых (82 мужчины, 172 женщины) в возрасте от 17 до 55 лет. Факторный анализ показал, что она имеет чёткую двухфакторную структуру, соответствующую оригинальному опроснику BeMaS. Шкалы конструктивной и деструктивной зависти обладают высокой надёжностью, α Кронбаха равна 0.84 для каждой из них. Шкалы практически независимы друг от друга. Это означает, что человек может иметь склонность сразу к двум видам зависти или только к какой-то одной из них.

Для проверки валидности опросника его результаты сопоставлялись с рядом других методик. Получены положительные связи шкал опросника с чертами Тёмной триады (r от .24 до .51) и с ориентацией на сравнение способностей (r от .24 до .38); шкала деструктивной зависти положительно коррелирует со склонностью давать социально желательные ответы (r = .24). Примечательно, что эта связь слабая, поэтому можно считать, что в целом опросник устойчив по отношению к социальной желательности, по крайней мере в её наиболее прямолинейных формах.

В целом результаты психометрического анализа подтверждают, что адаптированная методика обладает удовлетворительной валидностью. Опросник конструктивной и деструктивной зависти может применяться как в исследованиях эмоций и мотивации, так и в ряде прикладных областей, например, в организационной психологии или при психологическом консультировании. Продуктивным направлением представляется разработка версий опросника, измеряющих склонность к зависти в конкретных областях, таких как работа или политика.

1. Crusius J., Lange J. (2014). What catches the envious eye? Attentional biases within malicious and benign envy. Journal of Experimental Social Psychology. Vol. 55. P. 1–11.
2. Parrott W. G. & Smith R. H. (1993). Distinguishing the Experiences of Envy and Jealousy // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 64. P. 906–920.
3. Van de Ven N., Zeelenberg M., & Pieters R. (2009). Leveling up and down: The experiences of benign and malicious envy. Emotion. Vol. 9. P. 419–429.

Наследов А.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мирошников С.А.
Санкт-Петербург, ООО "Лонгитюд"

Ткачева Л.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Конфирматорный факторный анализ бинарных пунктов Шкалы Аутизма для детей 3-4 лет

Аутизм, структурная и измерительная эквивалентность модели, бинарные данные

С 2020 года нами ведется разработка короткой Шкалы Аутизма для быстрой оценки риска расстройств аутистического спектра (РАС) у российских детей 3-4 лет [1, 2]. Обследовано 828 детей при помощи онлайн-анкеты из 311 бинарных пунктов: 294 — с РАС, остальные — Норма и с ЗПР. С применением эксплораторного факторного анализа (ЭФА) был разработан компактный набор из 4-х шкал (40 бинарных пунктов, альфа Кронбаха > 0,80): 1) Эмоциональные нарушения; 2) Сенсорные нарушения; 3) Нарушения коммуникации; 4) Гиперактивность/расторможенность. Разработана и стандартизирована Шкала Аутизма, предсказывающая принадлежность ребенка к группе РАС с точностью 86,73-89,9% (чувствительность 86,21-88,80%, специфичность 85,58-89,90%).

Исходное предположение данного исследования: существуют соответствующие шкалам «вектора» РАС, каждый из которых — континуум, на одном полюсе которого — условная норма, на другом — яркое проявление соответствующего симптома РАС. Основным методом проверки этого предположения являлся мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (КФА), позволяющий проверить структурную и измерительную инвариантность 4-факторный структуры в отношении разных частей выборки: детей с РАС и остальных; девочек и мальчиков; детей 3 и 4 лет. Применение КФА осложнялось двумя обстоятельствами: «слабость» исходных измерений (бинарные шкалы); слишком большое число оцениваемых параметров (не менее 86) для сравниваемых выборок. Решением этой проблемы стало применение «пакетного» подхода: объединение (парцелляцию) пунктов, входящих в один фактор, в 3 пакетных пункта, по 3-4 пункта в пакете. Пункты распределялись по 4 факторам в соответствии с результатами ЭФА, и случайно распределялись по пакетам внутри каждого фактора: в 12 пакетов (по 3-4 пункта), по 3 пакета на фактор. КФА применялся в отношении этих 12 новых переменных, каждое их значение — доля утвердительных ответов на пункты, входящие в этот пакет. Сначала с применением КФА сравнивались 5 моделей: 1-факторная, 2, 3, 4-факторные с коррелирующими факторами и иерархическая 4-факторная с вторичным фактором.

Наилучшей по индексам согласия и по значимости $\Delta\chi 2(\Delta df)$ оказалась иерархическая 4-факторная модель. Проверка инвариантности этой модели для выборок детей с РАС и без РАС показала слабую структурную и измерительную эквивалентность. Причиной неэквивалентности явилось несоответствие модели выборке детей без РАС. А для выборки детей с РАС модель достаточно хорошо соответствует исходным данным. Поэтому эквивалентность модели далее проверялась только для детей с РАС. Была получена высокая конфигурационная и измерительная (метрическая, скалярная и строгая) инвариантность измерительной модели: а) для групп 3- и 4-летних детей, б) для мальчиков и девочек.

Таким образом, выявленная 4-векторная структура РАС подтверждена на выборке детей с РАС, подтверждена ее структурная и измерительная инвариантность в отношении детей, различающихся по полу и возрасту. Однако, в отношении детей без РАС наличие такой структуры не подтверждается, и, таким образом, не подтверждается наше исходное предположение о том, что выделенные факторы являются векторами, общими для всех детей, на одном полюсе которых — условная норма, на другом — РАС. Исходная 4-факторная модель разрабатывалась на смешанной выборке детей с РАС и без РАС, и отражает те вектора РАС, по которым эти выборки наиболее сильно различаются. Для выделения собственно векторов РАС в дальнейшем планируется анализ всего набора исходных пунктов онлайн-анкеты только по выборке детей с РАС.

1. Nasledov A, Miroshnikov S, Tkacheva L, Miroshnik K, Semeta MU. Application of Psychometric Approach for ASD Evaluation in Russian 3–4-Year-Olds. Mathematics. 2021; 9(14):1608.
2. Наследов А., Мирошников С., Защиринская О., Ткачева Л., Компанец Н. Применение шкалы аутизма для выявления риска нарушений психического развития детей 3-4 лет. Сибирский психологический журнал. 2022. №83. С. 164-183.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00312

Павлова П.А.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Максимов Д.М.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ, ЮУГМУ

Киселёв С.Ю.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Оценка надежности и валидности русскоязычной версии методики «Шкалы развития Бэйли — третья редакция»

Шкалы Бэйли-III, Bayley, психометрическое исследование, детское развитие, подтверждающий факторный анализ.

Введение. Методика «Шкалы развития Бэйли — третья редакция» (Бэйли-III) является одним из лучших инструментов для оценки детского развития, её адаптированные версии широко используются в разных странах мира [1,2,3]. В России до настоящего времени не было проведено полноценного психометрического исследования этой методики, включая изучение надежности и валидности.

Цель: оценить психометрическое качество русскоязычной версии Бэйли-III. Перевод руководства Бэйли-III на русский язык был выполнен в рамках международного проекта компании ICON. В дальнейшем на базе Уральского Федерального университета в рамках грантового проекта «Лонгитюдное исследование нейрокогнитивного развития детей с перинатальной травмой» в 2015-2020 гг. было проведено обследование детей с использованием русскоязычной версии Бэйли-III по пяти шкалам (когнитивная, экспрессивная и рецептивная коммуникация, мелкая и крупная моторика). Для психометрического анализа из общей базы лонгитюдного исследования были сформированы 4 возрастных страты: 4-6 месяцев (N=149), 10 месяцев (N=138), 15 месяцев (N=151) и 24 месяца (N=124). Произведено непрямое сравнение полученных шкальных баллов с оригинальными нормами Бэйли-III. Надежность методики была изучена с помощью корреляционного анализа и оценки внутренней согласованности отдельных шкал. Валидность изучалась при помощи метода подтверждающего факторного анализа (ПФА) [4].

Результаты. Средние показатели шкальных баллов в исследуемых группах детей в целом были сопоставимы с оригинальными нормативными показателями Бэйли-III, при этом у детей старше года показатели когнитивного развития и крупной моторики были на 1,2-1,9 балла выше, а показатель экспрессивной коммуникации — на 0,9-2,6 балла ниже, чем в оригинальной американской популяции. Во всех возрастных стратах наблюдалась высокая корреляция между показателями шкал Бэйли-III ($r>0,70$). Коэффициенты внутренней согласованности шкал также свидетельствовали о высокой надежности методики (Cronbach's $\alpha=0,74-0,87$, McDonald's $\omega=0,79-0,89$). Способность русскоязычной версии Бэйли-III выявлять

латентный конструкт нервно-психического развития была убедительно подтверждена с помощью метода ПФА в основном в виде трехфакторных моделей (когнитивный, коммуникативный и моторный компоненты) во всех изучаемых возрастных стратах. Стандартизированные коэффициенты факторной нагрузки указывали на хорошую и приемлемую связь между отдельными субтестами методики и выделяемыми латентными факторами (СК≥0,5).

Выводы. Методика Бэйли-III после перевода на русский язык и апробации в локальном контексте полностью сохранила оригинальную факторную структуру и показала себя психометрически качественным инструментом для оценки НПР [5]. Показатели НПР в изученной выборке российских детей были близки к оригинальным нормативам, при этом у детей старше года когнитивное развитие и крупная моторика были более развиты, а экспрессивная коммуникация — менее развита, чем в американской популяции.

1. Bayley N. Bayley scales of infant and toddler development. — PsychCorp, Pearson, 2006.
2. Ranjitkar S. et al. Acceptability and reliability of the bayley scales of infant and toddler development-III among children in Bhaktapur, Nepal //Frontiers in Psychology. — 2018. — Т. 9. — С. 1265.
3. McHenry M. S. et al. Cultural adaptation of the Bayley scales of infant and toddler development, for use in Kenyan children aged 18–36 months: a psychometric study //Research in Developmental Disabilities. — 2021. — Т. 110. — С. 103837.
4. Suhr D. D. Exploratory or confirmatory factor analysis? — 2006.
5. Bayley N. et al. Bayley scales of infant and toddler development–Third Edition: Technical manual. — 2006.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аверьянов А.И., Тимохович А.М.
Москва, НОЧУ ВО "МИП"

Связь ценностно-смысловой сферы личности с социальной адаптацией экспатов

Экспаты, социальная адаптация, ценностно-смысловая сфера личности

За последние двадцать лет в рамках глобальных миграционных процессов увеличилось количество российских экспатов — высококвалифицированных специалистов с гражданством одной страны, работающих по контракту в другой стране (Васильева, 2017). Большая часть экспатов благополучно адаптируется к инородной среде. Вместе с тем 15% специалистов расторгают контракт до его завершения, 25% не оправдывают ожиданий своих работодателей (Бурчакова, 2010). Среди факторов, обеспечивающих неспособность к деятельности за рубежом, помимо внешних (профессиональных, социальных), выделяют и внутренние: ценностные и индивидуальные особенности экспатов и их способность к адаптации (Дворянинова, 2018).

Целью нашего исследования стало изучение связи ценностно-смысловой сферы личности с уровнем социальной адаптации экспатов. Объектом исследования выступила социальная адаптация экспатов. Мы предположили, что связь ценностно-смысловой сферы личности с уровнем социальной адаптации носит обратно пропорциональный характер, а именно чем сильнее выражены в человеке заложенные в предыдущем, «домашнем» периоде жизни ценности и чем более сформированы смысложизненные ориентации, тем сложнее и медленнее протекает процесс его социальной адаптации и тем ниже в итоге ее уровень в новой социальной среде. В исследовании приняли участие 70 человек в возрасте от 22 до 65 лет, рожденные в странах бывшего СССР, чьим родным языком был русский. Все респонденты имели высшее образование, проживали за пределами Российской Федерации и стран СНГ более одного года (Америка, Западная и Восточная Европа, Азия и Океания). Контрольная группа насчитывала 55 человек, проживающих в России (Москва и регионы), Казахстане (Алма-Ата, Нурсултан), Беларуси (Минск, Витебск), схожая с экспериментальной как по возрасту, так и по уровню образования. Для решения исследовательских задач использовались методики: тест адаптации личности к новой социокультурной среде Л.В. Янковского, опросник ценностей личности Ш. Шварца и тест смысложизненных ориентаций Д.А.

Леонтьева. Для проверки статистической значимости полученных результатов были применены метод однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, а также коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты. 1. Ценностно-смысловая сфера экспатов и не экспатов различаются: значимые различия обнаружены по таким ценностным характеристикам, как власть, универсализм и самостоятельность. 2. Значимые различия в смысложизненных ориентациях не выявлены, хотя экспаты и продемонстрировали более высокие уровни по всем шкалам теста смысложизненных ориентаций. 3. Значимые различия между двумя группами выявлены по всем типам адаптации, кроме депрессивности. 4. Результаты исследования показали, что определенные ценности связаны с определенным типом и уровнем адаптации в обеих группах, причем связи в контрольной группе отличны от связей в экспериментальной группе. 5. Результаты исследования выявили связь между смысловой сферой личности и социальной адаптацией в обеих группах.

Выводы. Частично подтверждена гипотеза исследования. Связь ценностно-смысловой сферы личности с типом и уровнем социальной адаптации существует по ряду показателей: она является обратно пропорциональной между ценностно-смысловой сферой и такими типами адаптации, как ностальгический и депрессивный, но прямой — в случае адаптивного, конформного и интерактивного типов социальной адаптации. При этом предположение о том, что чем сильнее выражен в человеке заложенный в предыдущем, «домашнем» периоде жизни ценностно-смысловой фундамент, тем ниже уровень его социальной адаптации в новой социокультурной среде, не подтвердилось.

1. Бурчакова, М.А. Как адаптироваться в международном бизнесе? // Управление персоналом. 2010. № 8. С.57-60.
2. Васильева, Д.А. Индивидуальная мобильность и жизненные стратегии высококвалифицированных специалистов-экспатов в контексте глобализации // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 72-79.
3. Дворянинова, И.С. Вклад экспатов в новые экономические и социокультурные отношения // Власть истории — история власти. 2018. Т. 4. Ч.1. №11. С. 80-88.

Ананьева О.А., Агадуллина Е.Р.
Москва, НИУ ВШЭ

Факторы динамики социальных установок по отношению к домашнему насилию в разных странах мира

Домашнее насилие, социальные установки, гендерные проблемы, физическое насилие в семье

Домашнее насилие является глобальной гендерной проблемой, которая усугубляется во время пандемии [1] и после вооруженных конфликтов [2] и несет спектр неблагоприятных последствий для физического и ментального здоровья, а также для социального и экономического положения лиц, подвергающихся насилию [1, 2].

Опросы общественного мнения показывают, что российское население считает домашнее насилие серьезной общественной проблемой, но расходится в восприятии необходимости его законодательного регулирования [3]. Социальные или законодательные изменения в России замедлены или отсутствуют, и их отсутствие может быть связано со сложившимися в обществе установками по отношению к проблеме и способам её решения. Изучение факторов, связанных с формированием и изменением социальных установок по отношению к домашнему насилию в России и других странах мира, позволит углубить понимание отсутствия позитивных социальных изменений в разных сообществах и предложить рекомендации для разработки социальных политик и развития общественного дискурса, затрагивающих проблему насилия в семье и обществе.

В рамках исследования используются данные Всемирного обзора ценностей (WVS) за 6 и 7 исследовательские волны по 35 странам мира за 2010–2020 годы. Текущий объем выборки составляет 104 тыс. респондентов. Переменные интереса включают зависимые переменные установок по отношению к физическому насилию в семье: 1) в отношении жены со стороны мужа и 2) в отношении детей со стороны родителей. Набор независимых переменных включает в себя индивидуальные демографические характеристики и психологические факторы: индивидуальная важность семьи, доверие в семье и обществе, сексизм и восприятие гендерных ролей, воспринимаемые условия для успешного брака, а также переменные возможности оправдания насилия в других сферах (насилие против других людей вообще, использование насилия в политической борьбе) и др.; а также страновые переменные: индексы гендерного развития и неравенства, наличие законодательной базы по регулированию домашнего насилия в стране и возраст данных законов. Аналитические стратегии включают смешанный анализ вариации repeated measures & mixed ANOVA с независимой переменной установок по отношению к домашнему насилию и зависимыми переменными времени и другими вышеперечисленными факторами, а также множественные многоуровневые регрессионные модели с зависимой переменной установок

(Уровень 1 — проверка индивидуальных факторов и их интеракций; Уровень 2 — включение страновых переменных).

Дисперсионный анализ с повторными измерениями установок по отношению к домашнему насилию позволит оценить, в каких странах отношение к насилию в семье существенно изменилось за последнее десятилетие; смешанный дисперсионный анализ позволит выявить интеракционные эффекты разных факторов в формировании и изменении установок; регрессионный анализ позволит количественно уточнить удельный вес различных факторов в изменении установок по отношению к домашнему насилию.

Исследование роли различных индивидуальных психологических, культурных и социальных факторов в формировании социальных установок по отношению к насилию в семье может способствовать пониманию замедления социальных и законодательных изменений в различных обществах, а также уточнить функциональный характер связи между разработкой законодательной базы, регулирующей проблему, и динамикой аттитюдов.

1. Usher K. et al. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support //International journal of mental health nursing. — 2020.
2. Cesur R., Sabia J. J. When war comes home: The effect of combat service on domestic violence //Review of Economics and Statistics. — 2016. — Т. 98. — №. 2. — С. 209-225.
3. Общественное мнение-2020. Ежегодник. — М.: Левада-Центр, 2021 — 152 с.

Бочарова Е.Е.
Саратов, ФГБОУ ВО "СГУ им. Н.Г.Чернышевского"

Роль нравственного самоопределения в предикции социальной активности молодежи

Нравственное самоопределение, социальная активность, молодежь

Современные исследователи признают, что одним из критериев вовлеченности человека в общество, отражающих результативные и процессуальные характеристики присвоения и воспроизведения общественно значимых нравственных ценностей, выступает его нравственное самоопределение (Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлев, Юревич, 2012; Купрейченко, Воробьева, 2013; и др.). Согласно данным ряда исследователей (Арендачук, 2018; Бочарова, 2020, 2021; Шамионов, 2018, 2020, 2021), актуализация социальной активности сопряжена с действием множества переменных разноуровневого порядка, спецификация которых «реализуется» в функциональном проявлении социальной активности в разных сферах жизнедеятельности.

Цель исследования — изучить роль нравственного самоопределения в предикции социальной активности учащейся молодежи (N = 236, студенты вузов и старшеклассники общеобразовательных школ г. Саратов, Саратовской области; средний возраст = 18,22 лет, SD = 0,87; преимущественно девушки (72,7%). Применена анкета, включающая 12 вопросов-шкал, содержательно описывающих формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, социально-экономическая, гражданская, образовательно-развивающая, религиозная, духовная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) (Шамионов Р.М., и др. 2020); для фиксации характеристик нравственного самоопределения применена методика «Нравственное самоопределение личности» (Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е., 2013). Анализ данных осуществлен посредством методов описательной статистики, сравнительного и множественного регрессионного анализа Multiple Regressions по методу Stepwise — Forward (прямой, пошаговый) с применением программного пакета «Statistica for Windows».

Результаты. Показатели критерия Стьюдента свидетельствуют о бóльшей мере выраженности досуговой, интернет-сетевой, образовательно-развивающей форм социальной активности; параметров признания нравственности и морали как критериев «силы личности», «воздаяние за добро и зло» и ее значимости для общества и группоцентрической ориентация в сочетании с ориентацией гуманистической. Данные регрессионного анализа свидетельствуют об амбивалентной роли переменной «значимость морали и нравственности как силы личности», выступающей положительным предиктором деятельности в образовательно-развивающей ($\beta = 0.54$) и альтруистической ($\beta = 0.43$) формах активности и предиктором отрицательным в актуализации деятельности в социально-экономическойформе активности ($\beta = -0.39$). «Значимость морали, нравственности

для общества» выступает отрицательным предиктором актуализации деятельность в социально-экономической форме активности (β= -0.55). В предикции альтруистической (β = 0.55) и досуговой (β = 0.44) формах активности «референтные позиции» обнаруживает группоцентрическая ориентация молодежи. Приверженность молодежи соблюдению нравственных норм, принятие значимости внешних или внутренних санкций за их нарушение выражаются в реализации образовательных, гражданских, альтруистических инициатив, направленных на служение общему делу, во имя которого молодые люди готовы поступиться личными интересами. Вместе с тем убежденность в том, что за поступком следует воздаяние и соблюдение нравственных норм характеризует личность как сильную, выступает нравственным императивом личности, оказывающим влияние на притязания и цели социально-экономической активности молодежи. Группоцентрические ценности, связывающие молодых людей с их референтным окружением, выступают предиктором деятельности в формах альтруистической и досуговой активности.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют об амбивалентной роли нравственного самоопределения в предикции социальной активности современной молодежи.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00298

Гогицаева О.У.
Владикавказ, СОГУ им. К.Л.Хетагурова

Джимиев П.Р.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Classification of condition of labor migrants

Migrant workers, unemployment, ethnic identity, psychological adaptation

The data obtained allowed us to draw up a general typology of the socio-psychological state of labor migrants in the central regions of Russia for the reasons and motives of migration. Thus, it has been established that migrants strive to avoid poverty and unemployment from economically depressed small settlements, this is a type of labor migration — "for survival". And migrants from the "privileged" central cities strive to significantly increase their income and improve their quality of life. We call this type of labor migration "in search of the best". Finally, from regions where an unfavorable environment is recorded, structural unemployment is observed, and economic employment opportunities are limited, labor migration to the border regions and abroad is observed. We call this type of migration & quote; seeking hope for prosperity. In addition to the general factors of migration, the report highlights gender factors of labor migration of women: the phenomenon of gender inequality is considered as a migration factor of women seeking to pursue a professional career. Last years' social, economic and political changes have resulted in growth of intensive and extensive migration activity. The occurrence of compelled and voluntary migrants has brought appearance and development of the new direction of social psychology — psychology of migration. The circle of scientific interests connected with the study of migration, problems of migrants and adaptation processes. In the social-psychological literature, the various models of adaptation to the new conditions of social-cultural environment are considered (Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., J.Berry; Soo-Kyung Lee, J.Sobal, E.Frongillo). The various social-psychological features of the migrants, emigrants, such as ethnic identity, characteristics of psychological adaptation, emotional well-being, mental health are studied. In the Russian scientific literature, the following problems are considered: the emigrants' experience of interaction with the representatives of foreign culture (S.D. Gurieva, T. Kinunen), the degree of cultures' similarity, personal features of the emigrants (S.H. Schwartz, E. Prince-Gibson), the features of ethnic identity and many others. In Russia, the researches of influence of the social-cultural environment on processes of adaptation have started only last 10-15 years ago. Migration can take two forms: forced or voluntary. The most difficult for regulation are forced form of migrations, as they have a spontaneous and massive character, and transform an existing structure of the society. In general, the process of voluntary (natural) migration is a more regulated process. Because of voluntary migration, structural components of society do not experience any transformations.

Conclusion. In conclusion, it should be stated that people must not be deprived of their right to search for better conditions of life. However, social psychologists, among others, are responsible for making this process reasonable, manageable and controllable. The closest task is to find answer for the up-to-date questions: is migration without limits possible or should countries put limits to migration?

1. Berry, J. W. (1997). Immigration, Acculturation and Adaptation. Applied Psychology: An International Review, 46, 5-68.
2. Gurieva, S., Kinunen, T. (2014). Social-psychological Model of the «Migration Circle»: potential emigrants, migrants, remigrants. Open Journal of Social Sciences (JSS), 2 (11), 174-182.
3. Gurieva, S., Kostromina S. N., Tcvetkova L. A., Samuylova I. A., Konfisakhor A. G., Anisimova T. V. (2015). Migration as an indicator of people's social and psychological stability (as exemplified in the Pskov Region). Psychology in Russia: State of the Art, 8 (1), 61-73.
4. Jasinskaja-Lahti, I. & Liebkind, K. (1998). Content and Predictors of the Ethnic Identity of Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland, in: Scandinavian Journal of Psychology, 39, 209-219.

Гудзовская А.А.
Самара, СНИУ им. акад. С.П. Королева

Отражение в социальной идентичности прайминг-эффекта

Социальная идентичность, персональная идентичность, эксперимент, прайминг-эффект, социальная направленность

Прайминг — событие, предшествующее предстоящему действию. Мозг человека меняет направленность своих действий и интерпретаций в контексте более раннего события. Эффекты прайминга широко используются в рекламной деятельности, исследуются в когнитивной и социальной когнитивной психологии [4]. Социальная идентичность понимается нами как результат осознания, своей принадлежности к ряду определенных социальных сообществ [2]. Идентичность детерминирована взаимодействием с окружающими, опытом социальной жизни, является устойчивым в своем ядре отношением к себе и другим людям. Компоненты идентичности во многом определяют направленность и характер деятельности человека, влияют на широту его перцептивного поля, благодаря избирательности внимания. Обзор эмпирических приемов, актуализирующих социальную идентичность, представлен в другой нашей работе [1].

В данном исследовании мы поставили задачу определить влияние прайминга, актуализирующего социальную/персональную идентичность на ассоциативный выбор слов, характеризующих социальную реальность. В качестве ассоциативного ряда использован тест МИСИ (методика исследования социальной идентичности) [3].

Дизайн эксперимента. В исследовании приняли участие 32 человека. Распределение участников на экспериментальную (ЭГ) и контрольную группы (КГ) проведено случайным порядком. Участники из обеих групп получили ссылки на свой вариант онлайн-опроса. В качестве прайминга испытуемым предложено завершить 11 предложений. В ЭГ (n=21) проводилась актуализация социальной идентичности. Примеры незавершенных предложений: «Мы всегда ...», «Когда мы были детьми …», «Несколько лет назад мы ...» и пр. В КГ (n=11) проводилась актуализация персональной идентичности с помощью аналогичных предложений: «Я всегда ...», «Когда я был(а) ребенком ...», «Несколько лет назад я ...» и т.д.

Следующий этап в ЭК и КГ: выбор из 60 слов-ассоциаций произвольного количества тех, которые «имеют отношение к Вам и Вашей социальной реальности». Методика позволяет вычислить индекс социальности (S)[3].

Результаты. В среднем в ЭГ выбрано 15,1 слов социальной направленности, в КГ -12,6. Слов асоциальной направленности 7,0 и 9,8 в ЭГ и КГ соответственно. Различия не достигают необходимого уровня значимости (t-тест). Итоговый коэффициент социальности S в ЭГ и КГ равен 0,55 ±0,16 и 0,69 ±0,16 соответственно. Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA позволил принять гипотезу о значимом влиянии прайминга на выбор слов при p=0,033. Значимые различия между ЭГ и КГ в частоте выбора слов обнаружены с помощью критерия

φ* — угловое преобразование Фишера. В экспериментальной группе значимо чаще выбраны слова: принятие, любовь, количество; значимо реже — беззаботность, аморальность, жестокость (при $p \leq 0{,}05$).

Обсуждение и выводы. Актуализация размышлений о «Я» или «Мы» вызывает неосознаваемый прайминг-эффект, выражающийся в изменении параметра социальности (S), отражающего статус идентичности. Размышления о «Мы» повышают статус социальной идентичности, коррелирующий с социально-психологической адаптацией [1], [3].

1. Гудзовская А.А. Социальная идентичность как фактор продуктивности // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 8-20.
2. Мышкина М.С. Когнитивная ориентация в содержании идентичности школьников// Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. –2020. – Том 9. — № 3А. С. 114-122.
3. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности //Вестник РМАт. — 2014. — № 3. — С. 83-96.
4. Husser J. A., Kattenstroth M., van Dick R., Mojzisch A. "We" are not stressed: Social identity in groups buffers neuroendocrine stress reactions / // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. № 4. P. 973-977.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07489

Гуриева С.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

«Гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы

Социальный капитал, этническая группа, «гуаньси»

Большинство современных авторов отмечают, что социальный капитал этнической группы основан на внутренних и внешних связях членов конкретной группы [1], [2], [4]. Для социального капитала свойствен три основные характеристики. Целесообразность, понимаемая как множество социальных связей, которые перерастают в социальный капитал в том случае, когда эти связи помогают достичь определенной цели. Сознательность, как ценность владения социальным капиталом и его целесообразное использование. Формирование на основе существующих социальных структур, понимаемое как социальный капитал, формирующийся в определенных социальных структурах и представляющий собой источник реализации определенной цели [5]. Изучение межэтнических отношений как социального капитала ранее не было ограничено исключительно китайской этнической группой [2]. В многочисленных работах было доказано, что члены низкостатусных этнических групп устанавливают межэтнические отношения за пределами собственной группы, с целью, чтобы достигнуть более высокого уровня дохода. И, наоборот, члены высокостатусных этнических групп, стремятся к поддержанию и закреплению отношений с собственной группой [1], [2].

«Гуаньси» как свойство личности. Традиционная концепция «гуаньси» подчеркивает роль отношений (например, пять основных связей, определенные в конфуцианской идеологии: император-субъект, отец-сын, муж-жена, старший- младший брат, друг-друг. Патерналистское понятие «Гуаньси» подчеркивает наличие группы отношений, которая имеет много общего со значительным влиянием роли отношений и фоновых факторов в межличностных взаимодействиях и доверительных отношениях [5]. Доверие может возникнуть либо из аффективного опыта с другим человеком или является свидетельством его компетентность и надежность.

Гуаньси как потребность организации. Сети Гуаньси позволяют китайским компаниям вести бизнес эффективно и сводить к минимуму потенциальную опасность потерь для всех работающих в условиях высокого экономического риска. Китайские компании обычно привлекают работников с помощью «гуаньси» сетей, при этом они понимают, что работник может быть не большим профессионалом, но работодатели могут быть на 100% уверены в его лояльности и приверженности. Эта система найма существует в течение длительного периода времени и влияет как на финансовую, так и на правовую сферу ведения бизнеса, но также проявляется в личной сфере. Вышесказанное указывает на то обстоятельство, что роль и значение социально-психологического феномена «гуаньси»

в современном обществе сложно переоценить. Данное обстоятельство наводит на мысль, что следует выстраивать свою собственную систему доверительных и взаимовыгодных отношений, основанных на уважении, доверии, бережном отношении к репутации.

1. Гуриева С.Д. Влияние этнического фактора на динамику межгрупповых отношений // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 89-94.
2. Гуриева С.Д. УСТАНОВКА И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6-1. С. 282-291.
3. Gurieva S.D., Chiker V.A., Yanicheva T.G., Tararukhina O.V. Features of Professional Interpersonal Relationships: An Example of Organizational Cultures in Russia and the United States. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. Volume XXXV, 2017. No: 51. pp. 436-444
4. Gurieva S.D., Zashchirinskaia O.V., Udavikhina U.A. Creation of coping-profiles of managers for obtaining methods of coping in socially significant situations during negotiations // Journal of Intellectual Disability — Diagnosis and Treatment. 2019. Т. 7. № 3. p. 179-187.
5. Почебут Л.Г., Гуриева С.Д., Чикер В.А. Прогностическая модель социально-психологических факторов укрепления доверия в организации // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 22-42.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-18-00452

Ефременкова М.Н.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Гриценко В.В.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Муращенкова Н.В.
Москва, НИУ ВШЭ

Кросс-культурный анализ взаимосвязи представлений о настоящем и будущем своей страны и эмиграционной активности у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Студенческая молодежь, эмиграционная активность, эмиграционное намерение, эмиграционное поведение, образ настоящего страны, образ будущего страны, кросс-культурный анализ

Актуальность настоящего исследования обусловлена противоречием между осознанием важной роли представлений о своей стране в детерминации эмиграционной активности молодежи, как наиболее мобильной части населения страны, и недостатком исследований данной проблематики в парадигме кросс-культурного анализа. Цель исследования: изучение характера связей представлений о настоящем и будущем своей страны с эмиграционными намерениями и поведением у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. В исследовании приняли участие 658 студентов: граждане Беларуси (208), Казахстана (200) и России (250) от 18 до 25 лет. Опрос проходил на онлайн-платформе anketolog.ru с января по апрель 2021 года.

Отношение респондентов к настоящему и будущему своей страны оценивалось с помощью «Шкалы аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена. Эмиграционные намерения и поведение оценивались с использованием 6-и утверждений, разработанных на основе теории планируемого поведения А. Айзена. Примеры утверждений: «я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну» (намерение); «я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу» (поведение). Проводился анализа различий (t-критерий Стьюдента) и множественный регрессионный анализ.

Выявлено, что у белорусских и казахстанских студентов эмиграционные намерения и поведение выражены в большей степени, чем у россиян. При этом для казахстанцев и белорусов характерна меньшая выраженность негативных характеристик при оценке настоящего своих стран. Все негативные оценки настоящего страны (безнадежное, бессмысленное, застойное, неприятное, трудное), кроме характеристик «незначительное» и «скучное», в большей степени выражены у россиян (различия значимы на уровне p0.01). Студенты из России оценивают настоящее своей страны как менее безопасное, новаторское, определенное, пре-

красное, успешное и свободное, нежели белорусские и казахстанские студенты при оценке своих стран (различия значимы на уровне p0.001). Анализ характеристик будущего стран не позволяет выделить доминирующий полюс оценок у студентов Беларуси, Казахстана и России. Для содержания образов будущего стран в сознании студентов трех групп характерна большая дифференциация, нежели для содержания образов настоящего.

Белорусские студенты с эмиграционными намерениями склонны оценивать настоящее своей страны как «моё» (p=0.01), но «бессмысленное» (p=0.03) и не «сплоченное» (p=0.01), а будущее Беларуси — как не «сплоченное» (p=0.01) и «связанное с настоящим страны» (p=0.04). Эмиграционное поведение выражено у тех студентов, которые оценивают настоящее Беларуси как «моё» (p=0.05) и «связанное с прошлым страны» (p=0.04), а будущее Беларуси — как «связанное с настоящим страны» (p=0.01). Казахстанские студенты с эмиграционными намерениями склонны оценивать настоящее Казахстана как «прекрасное» (p=0.02), но не «близкое» (p=0.04), не «моё» (p=0.02) и не «светлое» (p=0.02), а будущее страны — как не «связанное с настоящим страны» (p=0.02), «безнадежное» (p=0.04) и не «моё» (p=0.00). Эмиграционное поведение характерно для казахстанцев, оценивающих настоящее своей страны как «прекрасное» (p=0.03), «активное» (p=0.01), не «хаотичное» (p=0.00), но не «светлое» (p=0.01), а будущее Казахстана — как не «моё» (p=0.02). Российские студенты с эмиграционными намерениями оценивают настоящее России как «скучное» (p=0.04) и не «длительное» (p=0.00), а будущее России — как не «незначительное» (p=0.02), но не «насыщенное событиями» (p=0.02). Эмиграционное поведение выражено у студентов, оценивающих настоящее России как «светлое» (p=0.04), а будущее — как не «безнадежное» (p=0.03), но не «новаторское» (p=0.02), не «насыщенное событиями» (p=0.02) и не «моё» (p=0.04).

Результаты демонстрируют наличие социокультурных различий в характере связей эмиграционной активности и представлений о своей стране у молодежи трех стран.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00156

Забелина Е.В., Курносова С.А.
Челябинск, ФГБОУ ВО ЧелГУ

Роль базисных убеждений и временного фокуса в удовлетворенности жизнью пенсионеров

Временной фокус, базисные убеждения, пенсионеры, удовлетворенность жизнью

Многие страны сегодня обеспокоены проблемой старения населения, которая влечет за собой значительные последствия для занятости, сбережений, потребления, экономического роста, социального благополучия и качества жизни (Bloom, Luca, 2016). Перспективным подходом к решению данной проблемы видится ее изучение сквозь призму вторичной (поздней) социализации, однако и здесь наблюдается дефицит знаний. В частности, недостаточно раскрыты когнитивные механизмы поздней социализации. Неоднозначно трактуется вопрос о том, как восприятие времени жизни и себя в этом времени влияет на процесс и результат социализации в позднем возрасте (Rönnlund, Åström, Carelli, 2017), как удовлетворенность жизнью у пожилых людей связана с временным фокусом и базисными убеждениями. Цель исследования — выявить влияние базисных убеждений и временного фокуса на удовлетворённость жизнью пенсионеров.

Базисные убеждения — это имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека (Падун, Котельникова, 2008). Под временным фокусом понимается доля внимания, которую люди уделяют размышлениям о прошлом, настоящем и будущем, и которая влияет на то, как они встраивают представления о прошлом опыте, текущих ситуациях и будущих ожиданиях в свои установки и поведение (Shipp, Edwards, Lambert, 2009).

В исследовании приняли участие 132 человека, имеющих официальный статус пенсионера не менее одного года (29% мужчин, средний возраст 65,9 лет). Респонденты были отобраны случайным образом, они заполняли анкеты в бумажном виде, при необходимости им давались пояснениями. Применялись опросные методы: Шкала временного фокуса, Методика исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун и А. В. Котельниковой, Шкала удовлетворённости жизнью Э .Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина.

Результаты регрессионного анализа показали, что наибольший вклад в формирование удовлетворенности жизнью на пенсии вносит базисное убеждение о собственной удачливости (Бета=0,383) и самоценности (Бета=0,347), то есть позитивное восприятие себя, своего возраста и убежденность в ценности собственного «я». В меньшей степени на повышение удовлетворенности пенсионеров влияет фокус на настоящем (Бета=0,216) и убежденность в справедливости мира (Бета=0,177).

Для проверки гипотезы о специфике взаимосвязи временного фокуса и базисных убеждений в зависимости от степени удовлетворенности жизнью

пенсионеров был проведен корреляционный анализ отдельно в двух группах респондентов с различным уровнем удовлетворенности жизнью. Результаты анализа подтвердили выдвинутую гипотезу. В группе пенсионеров, менее удовлетворённых жизнью, обнаружены отрицательные взаимосвязи базисных убеждений и фокуса на прошлых событиях. У тех же, кто в большей степени удовлетворен жизнью на пенсии, выявлены положительные взаимосвязи базисных убеждений и фокуса на настоящем. Вероятно, базисные убеждения как устойчивые глубинные образования опосредуют концентрацию человека на событиях настоящего либо прошлого, влияя на уровень удовлетворённости жизнью пенсионеров.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует существенный вклад базисных убеждений и временного фокуса, а также их взаимосвязи, в повышение удовлетворенности жизнью на пенсии. Результаты актуализируют необходимость психотерапевтической работы с людьми пенсионного возраста для повышения уровня их субъективного благополучия через изменение убеждений и временного фокуса.

1. Падун М.А. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман / М.А. Падун, А.В. Котельникова // Психологический журнал. — 2008. — Том 29. — № 4. — С. 98-106.
2. Bloom D.E. The Global Demography of Aging: Facts, Explanations, Future. In J. Piggott, A. Woodland (Eds.) / D.E. Bloom, D.L. Luca // Handbook of the Economics of Population Aging. — 2016. — Vol. 1A. — P. 3-56. 19.
3. Rönnlund, M. Time Perspective in Late Adulthood: Aging Patterns in Past, Present and Future Dimensions, Deviations from Balance, and Associations with Subjective Well-Being / M. Rönnlund, E. Åström E. and M. G. Carelli // Timing & Time Perception. — 2017. — 5 (1). — P. 77–98.
4. Shipp, A. J. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future / A. J. Shipp, J. R. Edwards, L. S. Lambert // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 2009. — Vol. 110 (1). — P. 1–22

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00421,

Гордана Йованович
Белград, Белградский университет

The masspsychology of fascism and the authoritarian personality — revisited in contemporary context?

Fascism, authoritarian personality, Reich, Marcuse, racism, prejudice, repressive desublimation, conformism

The paper raises the question whether it would be possible to identify similar patterns between socio-psychological diagnoses made before and after the World War Two in two seminal books — The Masspsychology of Fascism by Wilhelm Reich (1933) and The Authoritarian Personality by Theodor Adorno and his collaborators (1950) — and contemporary developments characterized by mass outbreaks of hatred and discrimination against members of one nation (Russia) and mass obedience to demands and attitudes of imposed authorities. More specific, the problem to be explored is whether there is a structural similarity in socio-psychological patterns in spite of differences in contents in both cases. While Reich's The Masspsychology of Fascism deals with emerging fascism in Germany in 1930s, The Authoritarian Personality deals with material obtained in reseach conducted in the USA in late 1940s. However, Reich himself extended his diagnosis of a socio-psychological support for fascism beyond fascism in Germany in 1930s. The authoritarian personality as a personality type has also became generalyzed beyond the context of its original identification (Stenner, 2020; Thomas, 2019). Having these generalizations in mind, it will be asked whether and to what extent the former generalyzed diagnoses could be valid as descriptions of socio-psychological patterns in the contemporary context. Next, the theoretical analysis will be focused on psychodynamic mechanism used in both books as explanations for genesis and manifestation of the authoritarian personality character, mostly expressed in prejudices. In both cases explanations are based on psychoanalytic concepts of repression, projection, identification. As the political and cultural shifts since the late 1960s have brought about liberation from some forms of repression, especially sexual repression and have led to formation of a new mechanism termed by Herbert Marcuse (1964) repressive desublimation, it should be asked whether explanations of genesis of the authoritarian personality based on the core psychoanalytic concept of repression are valid under changed conditions of lesser sexual repression. New mechanisms of the genesis of authoritarian personality in the absence of traditional forms of sexual repression could derive from a shift from personal fathernal authority to peer and even stronger mass media authority. (Marcuse, 1964).It seems it is much more difficult to resist impersonal and omnipresent pressure executed by mass media. The outcomes of such extended psychodynamic are conformism to the majority views, as constructed by peer groups and more importantly by mass media. In conclusion, given the vast evidence of new forms of racism, hatred, discrimination (directed currently against Russians) and a widespread conformism with such views and sentiments, supported by vast punishing measures applied against dissenting voices, with the threat of excommunication,against

the background of an ongoing social and cultural marginalization of the truth in favor of unbinding ad hoc views (so called, post-truth regime) — I argue that the authoritarian personality as the dominant personality type in fostering and sustaining new versions of old structures of prejudice and hatred which can easily be transformed into racist attitudes and sentiments, are on the rise under current conditions. It is alarming that the potential for fascism is becoming actuality before our mostly blind eyes.

1. Adorno, Th. et al. The authoritarian personality. Verso, 2019 (First published 1950).
2. Marcuse, H. One-dimensional man. London: Abacus, 1964.
3. Reich, W. The masspsychology of fascism. 3rd ed. Orgon Institute Press, 1946 (First German edition published 1933)
4. Stenner, K. Authoritarianism. Hope not hate magazine, 2020, https://www.karenstenner.com/
5. Thomas, M. Fascism in Europe today. International Socialism 2019, Issue 162 http://isj.org.uk/fascism-in-europe-today/

Кленова М.А., Арендачук И.В., Усова Н.В.
Саратов, ФГБОУ ВО "СГУ им. Н.Г.Чернышевского"

Психологические характеристики социальной активности молодежных лидеров разных поколений

Социальная активность, молодежные лидеры, поколения

В работе представлены результаты эмпирического изучения социальной активности у молодежных лидеров разных поколений — современных и начала последнего десятилетия XX века. Целью исследования стало выявление различий в представлениях молодежи разных поколений о социальной активности молодежных лидеров. Выборка составила 425 человек, из них 208 чел. — представители молодежи первой половины 1990-х годов (средний возраст M = 46,4 ± 4,2); 217 чел. — представители современной молодежи (средний возраст M = 20,8 ± 4,2). Методы исследования: авторская анкета, содержащая шкалы для изучения выраженности форм социальной активности молодежных лидеров и ее личностных эффектов в представлениях молодежи разных поколений; ассоциативный эксперимент методом простых свободных ассоциаций для выявления поколенных различий в представлениях о личностных качествах лидеров молодежи.

Научная новизна представленного исследования обусловлена тем, что впервые лидерство изучено в контексте социальной активности молодежных лидеров разных поколений, выявлены особенности в ее проявлении и детерминации личностными характеристиками, а также ментальные особенности представлений молодежи разных поколений о личностных качествах лидеров. Выявленные закономерности представим в виде обобщенных заключений.

1) Современные молодежные лидеры отмечаются снижением социальной активности в направлениях альтруистической, спортивно-оздоровительной, политической, культурно-массовой активности, по сравнению с их сверстниками начала 90-х годов.

2) Эффекты социальной активности, определяющие личность молодежного лидера начала 90-х это в первую очередь, рискованность, как универсальная ценность для альтруистической, спортивно-оздоровительной форм активности.

3) У современных лидеров формы социальной активности в большей степени связаны личностными качествами, при этом общей основой политической, протестной, экологической и субкультурной форм активности является направленность личности на поддержание имиджа лидера, а для политической и протестной активности еще и креативность в решении задач. Выраженность альтруистической активности у лидеров начала 90-х годов повышается при развитости у них сочувствия, милосердия, терпения, сопереживания, у современных же лидеров молодежи она снижается в силу их направленности на собственное развитие — самообразование, повышение профессионализма и компетентности.

4) В содержании представлений молодежи обеих поколенных групп молодежный лидер предстает человеком честным, целеустремленным, харизматичным,

уверенным, ответственным, добрым, умным и образованным, направленным на самообразование и самомотивацию. Эти качества личности лидера не потеряли значимости в процессе трансформации общества и потому могут быть отнесены к универсальным. В тоже время на смену справедливости, креативности и способности к определению приоритетов, значимых для лидеров предыдущего поколения, современная молодежь особо выделяет направленность на командную работу, рискованность и решительность.

Результаты, полученные в данном исследовании, являются значимыми в практическом плане, поскольку могут стать основой для корректировки и разработки программ сопровождения молодых людей с выраженным лидерским потенциалом при подготовке их к активному участию в работе различных общественных объединений, в развитии всей системы социальных отношений.

1. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 37

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №18-18-00298

Константинов В.В.
Пенза, ПГУ

Саткангулова Г.Ж.
Костанай, КРУ им. А. Байтурсынова

Социальная дистанция и удовлетворенность межэтническими отношениями жителей приграничных регионов Казахстана

Социальная дистанция, межэтнические отношения, социальная фрустрация, компактный тип проживания, диффузный тип проживания

В рамках исследования социально-психологических особенностей этнической идентичности жителей приграничных регионов России и Казахстана нами было проведено эмпирическое исследование социальной дистанции и удовлетворенности межэтническими отношениями жителей данных территорий. Проблемное поле социальной дистанции во взаимосвязи с межэтническими установками рассматривалось в работах О.Х. Аймаганбетовой (Аймаганбетова, 2006), А.В. Набиулиной (Набиуллина, 2009) и других. R.B. Schaihislamov с соавторами установили, что небольшая социальная дистанция формирует позитивные межэтнические отношения, однако это может приводить к размыванию и спутанности этнической идентичности (Schaihislamov et al., 2020). Проблема типа проживания как фактора, детерминирующего специфику адаптационного процесса разрабатывалась В.В. Константиновым, трактовавшим компактный тип, как организацию проживания жителей, при которой наблюдается высокая концентрация представителей одной этнической группы на территории какого-либо населенного пункта с ограниченным ареалом проживания, напротив, диффузный тип проживания, предполагает невысокую концентрацию представителей одной этнической группы (Константинов, 2005). На наш взгляд, проблема удовлетворенности межэтническими отношениями лиц, проживающих компактно или диффузно в российско-казахстанском приграничье в контексте социальной дистанции обладает очевидной актуальностью. В рамках данного сообщения представлены результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, реализованного в Казахстане, в котором приняло участие 150 испытуемых, представителей казахского этноса, из которых 80 проживает компактно, а 70 диффузно, активно взаимодействуя с представителями русского этноса. Психологическая диагностика осуществлялась с помощью методики Л.И. Вассермана «Уровень социальной фрустрированности» и методики Э. Богардуса «Шкала социальной дистанции» (в адаптации Л.Г. Почебут).

Общий вывод сопоставительного анализа результатов диагностики двух групп демонстрирует, что общий уровень социальной фрустрированности респондентов при компактном и диффузном типе проживания невысокий. В компактной группе q = 1.9, т.е социальная фрустрированность отчетливо не декларируется. В диффузной группе q = 0.7, что по методике Л.И. Вассермана означает полное

отсутствие социальной фрустрированности. Уровень социальной фрустрированности межэтническими отношениями в двух группах невысокий, но в сравнении показатели выше в группе респондентов компактного типа проживания, чем у респондентов группы диффузного типа проживания. То есть удовлетворенность межэтническими отношениями в первой выборке ниже (q =1.8 социальная фрустрированность отчетливо не выражена), чем во второй (q =0.6 полное отсутствие социальной фрустрированности). Результаты диагностики социальной дистанции по шкале Богардуса свидетельствуют, что в группе компактно проживающих респондентов средняя социальная дистанция равна 3.8, а в группе респондентов с диффузным типом проживания средняя социальная дистанция равна 2.3. Респонденты, проживающие компактно, где высокая концентрация представителей одного этноса, в большей степени дистанцированы от представителей других этносов. В частности, компактно и диффузно проживающие респонденты в продемонстрировали высокую степень удовлетворенности жизнью. Фактически участники исследования в независимости от типа своего проживания обладают позитивным эмоциональным самочувствием, которое является индикатором их хорошей адаптации в обществе.

Языковые аспекты нашли свое отражение в исследовании. В частности, были выявлены цифровые показатели степени владения языками. Например, 16% испытуемых из группы компактного типа проживания знают только казахский язык, а 86% представителей данной группы мыслят только на казахском языке. Несколько иная ситуация сложилась в группе с диффузным типом проживания: 27% испытуемых из этой группы говорят только на русском языке, 74% испытуемых мыслят на русском языке.

1. Аймаганбетова О.Х. Кросс-культурное исследование структуры межэтнических отношений: Социально-психологический аспект. Алматы: Нурпресс, — 2006. — 236 с.
2. Набиуллина А.В. Основные подходы и методология изучения межэтнических отношений. Ученые записки казанского государственного университета, Том 151, кн. 5, ч. 1 Гуманитарные науки, 2009. — 15–21 с.
3. Schaihislamov, R. B., Maximova, S. G., Surtaeva, O. V., & Omelchenko, D. A. (2020). Social distance as a factor of inter-ethnic attitudes formation among the youth from the Altay region. Society and Security Insights, 3(4), 15–31.
4. Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. 2005. Т. 26., № 2. С. 16-21.

Котова М.В., Агадуллина Е.Р.
Москва, НИУ ВШЭ

Изучение современных форм предубеждения в России: обоснование модели измерения

Неявное предубеждение, угрозы в межгрупповом взаимодействии, методика измерения, Россия

Основными формами современных, обычно неявных/скрытых, предубеждений, вызывающими наибольшее внимание исследователей, являются три: символические формы, носители которых полагают, что ущемленные группы зря требуют внимания к себе, так как равенство прав уже достигнуто; амбивалентные, где сочетаются негативные и позитивные (или условно-позитивные) чувства к одной и той же группе; и аверсивные, где стремление к эгалитарности внезапно сменяется отчуждением и негативным отношением вследствие межгрупповой тревожности и негативных стереотипов [1]. В российских исследованиях эти формы пока крайне редко становятся предметом интереса, за исключением адаптации отдельных методик [2].

Ключевая проблема, определяющая внимание к скрытым формам, заключается в их вариативности в зависимости от контекста, устойчивости к призывам «быть не предубежденными» (их носители уже полагают себя таковыми) и, главное, их участии во внезапных переходах межгруппового поведения от внешне благожелательных форм к враждебным [1]. Это осложняет процесс создания инструментов для корректного их оценивания. Соответственно, цель настоящего исследования создать валидный и эффективный для российского культурного контекста инструмент измерения неявных предубеждений.

Оценка истории исследования предубеждений приводит к выводу, что для создания подобного инструмента необходим учет механизмов функционирования скрытых предубеждений, а создаваемая методика должна отражать несколько особенностей (в рамках настоящих тезисов представлены две основных). Во-первых, анализ теорий о скрытых предубеждениях указывает, что каждая из них отталкивается от понятия «внутреннего конфликта» Г.Оллпорта [3], который писал, что именно конфликт ценностей (например, равенства и индивидуализма) создает такие предубеждения. Исследователи базируют создаваемые шкалы на понятии «угрозы» консервативно-протестантской этике, которую переживают привилегированные группы, но не выражают открыто — не хотят выглядеть предубежденными или полагают себя непредубежденными, — а выражают неявно (например, игнорируют социальные программы: они «не нужны, меньшинства могут достигнуть всего сами»). В России идеологические основания «консерватизм-либерализм» слабо определены в общественном сознании, соответственно, первая особенность создаваемой методики заключается в определении новых оснований для конфликта ценностей, релевантных культурному контексту. Во-вторых, исследователи не единодушны в различении собственно

предубеждения и его факторов в рамках методики измерения. Так, утверждения, касающиеся угроз, переживаемых эмоций, преувеличения различий, моральных установлений и другие, входят в методики измерения предубеждений, а иногда и составляют существенную их часть, что не совсем верно, согласно, например, теории межгрупповых угроз [4]. Поэтому, вторая особенность методики заключается в четком разграничении между содержанием предубеждений, условиями их возникновения и факторами-посредниками.

Пример решения указанных вопросов в виде тестирования разработанной методики будет обсуждаться в докладе, в частности: к конфликту каких ценностей чувствительны респонденты российской выборки; что служит факторами (межгрупповые угрозы), последствиями (собственно, предубеждение и усиление дистанции) и медиаторами (отдельные эмоции, тревога во взаимодействии) в этой модели.

1. Brown, R. Prejudice. Its Social Psychology. — Oxford: Willey-Blackwell, 2010. — 353 p.
2. Gulevich, O.A., Sarieva, I.R., Prusova, I.S. Ethnic prejudices in Russia: Questionnaire adaptation for the measurement of prejudices towards migrants // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. — 2015. — Vol.12., No.2. — P.112–132.
3. Allport, G. The Nature of Prejudice. — New York: Perseus Books Publishing, 1979. — 537 p.
4. Riek, B.M., Mania, E.W., Gaertner, S.L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol.10, No.4. — P.336–353.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00799

Кузнецова С.А.
Москва, НОЧУ ВО "МИП"

Мельникова Н.М.
Якутск, СВФУ им. М.К. Аммосова

Чарина Е.В.
Магадан, СВГУ

Территориальное самоопределение работающей молодежи — жителей Магадана и Якутска

Территориальное самоопределение, миграционные установки, смысложизненные ориентации, стратегии совладания, психологические защиты

Северо-Восток России — малозаселенные территории, богатые стратегическими ресурсами, теряют население в связи с миграцией. Согласно положению С.Л. Рубинштейна, внешние причины действуют через внутренние условия. Действительно, не сами сложные климатические, экономические и других объективные обстоятельства территорий непосредственно детерминируют процессы миграции. Эти обстоятельства преломляются через систему психических регуляторов разного уровня, создавая возможность самодетерминации. Ее отдельное проявление — территориальное самоопределение, которое мы понимаем как процесс выбора, протекающий на сознательном и бессознательном уровне, в результате которого либо укрепляется территориальная идентичность, либо развиваются миграционные намерения и установки.

Цель исследования: определение связи миграционных установок молодых жителей Северо-Востока с системой регуляторов социального поведения личности (смысложизненных ориентаций, способов совладания и психологических защит). Гипотеза: процесс территориального самоопределения молодежи Северо-Востока России имеет специфику в зависимости от возраста, пола, этнических особенностей региона. Выборка: 204 человека, из числа работающей молодежи, из них 104 — жители Магадана, преимущественно, русские, 100 — жители Республики Саха (Якутия), преимущественно, саха. Средний возраст респондентов — 25,7 лет. Методики: 1. Шкала миграционных установок (Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014), измеряющая 1) миграционную установку респондента; 2) миграционную установку близких, с точки зрения респондента; 3) отношение близких людей к миграционным намерениям респондента. Измеряется также общий уровень миграционной установки; 2. «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева; 3. «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (Водопьянова, 2009); 4. «Индекс жизненного стиля» Плутчика–Келлермана–Конте (Романова, Гребенников, 1996). Использовались критерий U- Манна-Уитни, R — критерий Спирмена. Представлены статистически значимые выводы.

Выводы. Количественные показатели уровня миграционных установок в целом не имеют этнических (территориальных) и гендерных особенностей. Хотя у жительниц Якутска по сравнению с мужчинами этого города миграционные установки выражены значимо выше. Однако имеются этнические и гендерные различия во взаимосвязях миграционных установок, психологических защит, стратегий совладания, смысложизненных ориентаций. В группе молодежи Магадана в целом развитию миграционных установок способствует неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и неготовность прибегать к помощи социального окружения. В группе мужчин — жителей Магадана и Якутска похожие структуры связей: к развитию миграционной установки приводит дефицит осмысленности жизни, неудовлетворенность настоящим. У мужчин — жителей Якутска с миграционными установками связаны отсутствия целей, снижение чувства способности управлять своей жизнью, а также слабая способность компенсировать внутреннее напряжение. У мужчин — жителей Магадана с миграционными установками связана также психологическая защита в виде вытеснении психологических факторов, вызывающих тревогу. Жительниц Якутска, в отличие от мужчин, побуждает к переезду общее чувство осмысленности жизни, возможности управлять жизнью, что дает им удовлетворенность достигнутыми к этому моменту результатами, а также готовность осознания своих потребностей.

Таким образом, гипотеза подтвердилась, процесс территориального самоопределения молодежи Северо-Востока России имеет специфику в зависимости от возраста, пола, этнических особенностей региона.

1. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности// Вестник Российского университета дружба народов. Серия психология и педагогика. 2014, № 1, стр.83-90.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00579

Первушин Н.С.
Новосибирск, НГУ

Детерминанты восприятия кибермошенничества в банковской сфере

Кибермошенничество, большая пятерка, нейротизм, банковские карты, социальное доверие, киберпреступность, экономическая безопасность, социальная инженерия, цифровая экономика

Информатизация ведет не только к прогрессу, но и к новым угрозам и проблемам. Низкий уровень финансовой грамотности и недостаточные технические и юридические средства и практики защиты от мошенников создают предпосылки к кибермошенничеству, случаи которого в последние годы учащаются и касаются в том числе образованных в сфере экономики людей. Нас интересует от чего зависит восприятие и интерпретация проблемы кибермошенничества. Связано ли это с личным опытом, умением пользоваться новыми инструментами, психологическими и социальными характеристиками? Ведет ли разное восприятие проблемы к разным последствиям?

Силами психологов-исследователей НГУ проведено онлайн-исследование кибермошенничества в контексте личностных, социально-демографических и поведенческих черт респондентов. Получено и обработано 374 анкеты (в том числе 57 жертв кибермошенничеств в банковской сфере). Выделено 8 групп по восприятию кибермошенничества: «виноваты жертвы» (19,5%), «виноваты мошенники» (17,6%), «виновато государство» (17,1%), «ответственность на банках и их системах безопасности» (15%), экономические и социальные проблемы в стране (7,8%), финансовая безграмотность (7,5%), «никто, общество так устроено» (6,7%), правоохранители (3,5%). Можно укрупнить типы восприятий до двух типов — внутренний (27%) и внешний (73%) локус контроля.

При помощи исследования таблиц сопряженности мы выяснили, что с предпочтением внутреннего локуса контроля связано наличие высшего образования, а внешнего — неоконченное высшее (p0,01). Низкий уровень доходов (до 20 т.р.) связан с предпочтением внешнего локуса контроля, а относительно высокий (80-100 т.р.) связан с предпочтением внутреннего (p0,001). Предпочтение использования банковских приложений связано с внутренним локусом контроля, а предпочтение традиционного визита в банк с внешним локусом (p0,05). Локус контроля не связан с опытом жертвы мошенников и полом.

Возложение ответственности за кибермошенничество на мошенников характерно для респондентов со средним или неоконченным высшим образованием, а высокий уровень образования связан с приписыванием вины самой жертве и правоохранителям (p0,001). Приписывание вины государству и отрицание вины обманутых характерны для лиц с доходом до 20 т.р. Для респондентов с доходами 60-80 и более 100 т.р. характерно приписывание вины жертве (p0,05).

Предпочтение личного посещения банка связано с возложением ответственности на государство (p0,1).

Используя межгрупповой критерий Манна-Уитни и сравнение средних, мы узнали, что предпочтение внутреннего локуса контроля связано с более высоким возрастом, низкой нечувствительностью к признакам того, что человек не заслуживает доверия, высоким нейротизмом и высокой оценкой вины человека в том, что его обманули (p0,05). Применяя межгрупповой критерий Краскела-Уоллиса и сравнение средних, было обнаружено, что с более низким возрастом связаны приписывания вины мошенникам состоянию общества, а с более высоким — восприятие самой жертвы и правоохранителей как виновных; высокой алчностью у обвиняющих мошенников, низкое социальное доверие связано с возложением вины на государство и состояние общества, низкой социальной желательностью и приписыванием вины государству, мошенникам и обществу, высокой оценкой вины жертвы в ее обмане и восприятием жертвы как ответственной за ее обман (p0,05).

Таким образом, разные выделенные типы восприятия кибермошенничества могут быть обусловлены различными личностными, социально-демографическими и поведенческими характеристиками. Стоит обратить особое внимание на распространенную группу респондентов, которые не склонны использовать банковские приложения, перекладывают ответственность на государство и банки, имеют довольно низкие доходы, слабо реагируют на признаки дискредитации доверия. Возможно, в оффлайновой среде именно они имеют наибольшие шансы столкнуться с мошенниками и именно им нужна внешняя помощь со стороны банков и государства (образовательная, контролирующая).

Пищик В.И., Черкасова Е.А.
Ростов-на-Дону, ДГТУ

Вера в заговоры в связи с жизненными смыслами представителей Y поколений

Вера в заговоры, теории заговора, жизненные смыслы, личностные черты, поколение Y

Наличие веры в теории заговора является на сегодня устойчивым предубеждением немалого количества населения нашей планеты. Hofstadter, (1996) писал, что теория заговора — это «центральное предубеждение параноидального стиля» [4]. Многие известные теории заговора кажутся крайне неправдоподобными, например, теракты 11 сентября были совершены западными правительствами для оправдания внешней политики, например, Дональд Трамп и Российская Федерация тайно вступили в сговор во время выборов 2016 года и др. В современной тревожной атмосфере жизни — это явление представляет определенную угрозу для населения, например, в политическом непринятии многих решений правительства [5], в отказе от прививок в ситуации пандемии [3] и т.д. Теории заговора часто имеют негативные последствия как для их сторонников, так и для общества в целом. Учитывая серьезность этих убеждений, неудивительно, что исследователи посвятили значительные усилия выявлению того, что именно в определенных людях заставляет их верить в теории заговора. В ряде исследований изучалась роль общих черт личности в этих убеждениях, связь одних убеждений в заговоре с другими, влияние нарциссизма, открытости, тревожности на веру в заговоры и др. Однако остается еще слабо изученным вопрос взаимосвязи жизненных смыслов и веры в заговоры у представителей поколений.

В нашем исследовании приняли участие работающие молодые люди от 30 до 40 лет (50% женщины), представители поколения Y. Представители поколения Y — это люди, родившиеся с 1981 по 1999 гг. Применялись методики: веры в заговоры (Bruder, Haffke и др., 2013) [2], методика исследования системы жизненных смыслов В. Ю. Котлякова [1] и личностный Фрайбургский опросник FPI (Фаренберг, Зарг и Гампел, 1970).

По данным эмпирического исследования на первых местах в группе преобладают статусные, когнитивные и экзистенциальные жизненные смыслы, а также преобладала вера в мировой заговор. Обнаружены значимые корреляции между верой в государственный заговор и когнитивными смыслами (p=-0,37*), верой в тайные организации и статусными смыслами (p=-0,43*). В данных результатах можно обнаружить когнитивный диссонанс между убеждениями в представленные виды заговора и значимости познавательных жизненных смыслов (устремленность до всего дойти до самой сути). Вера в политический заговор коррелировала с невротичностью (p=-0,682); вера в мировой заговор с экстраверсией (p=0,66**). Личностные черты открывают мотивационные причины веры в мировой заговор. Такие как склонность перекладывать ответственность на других за жизненные неявные, противоречивые события.

Неправдоподобные теории заговора создают потенциал для большего диссонанса и, следовательно, с большей вероятностью будут связаны с предубеждениями в рассуждениях, снижающими когнитивный диссонанс.

1. Котляков В. Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. — Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. — 410 с.
2. Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N. and Imhoff R. Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire Frontiers in Psychology. 2013.
3. Scrima F., Miceli S., Caci B., Cardaci M., The relationship between fear of COVID-19 and intention to get vaccinated. The serial mediation roles of existential anxiety and conspiracy beliefs, Personality and Individual Differences, 184, 2022, 111188,
4. Hofstadter R. TheParanoid Stylein AmericanPolitics andOther Essays. — 1996.
5. Sutton R. M., Douglas K. M. Conspiracy theories and the conspiracy mindset: implications for political ideology, Current Opinion in Behavioral Sciences, 34, 2020, 118-122,

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00520

Потанина А.М.
Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Конструирование представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в новостном медиа-дискурсе

Межгрупповой конфликт, трудноразрешимый конфликт, представления о конфликте, медиа-дискурс, дискурс-анализ

Исследования трудноразрешимых конфликтов являются одним из трендов в современной психологии межгрупповых отношений, в частности, в области изучения межгрупповых конфликтов. В фокусе последних исследований находятся социально-психологические феномены, сопровождающие и определяющие течение конфликта, в частности восприятие и переживание конфликтной ситуации ее участниками [1]. Трудноразрешимый конфликт определяется как интенсивный, затяжной, насильственный конфликт, воспринимаемый как неразрешимый его участниками [2]. Представляемое исследование выполнено в рамках конструкционистского подхода к изучению трудноразрешимого межгруппового конфликта, акцентирующегося на анализе общественной дискуссии вокруг конфликтной ситуации [4]. Дискурс вокруг трудноразрешимого межгруппового конфликта задает контекст интерпретации событий, а также конструирования значений, ценностей и смыслов [4]. В этом контексте важное значение имеет анализ медиа-дискурса, поскольку, согласно исследованиям представление конфликтов в медиа характеризуется эпизодичностью, ориентированностью на насилие, а также представлением ин- и аутгрупп в этноцентричной манере [3].

Цель исследования — анализ способов конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в новостном дискурсе российских и украинских СМИ. Выборку исследования составили 42 опубликованных в 2014-2018 годах статьи российских и украинских печатных и интернет-изданий отобранных по критерию популярности. В качестве основного метода исследования использовался критический дискурс-анализ [5].

В результате было обнаружено, что новостном медиа-дискурсе обеих стран используется устоявшийся риторический репертуар, выражающийся в «ярлыках», причем используются одни и те же «ярлыки», но для описания разных сторон конфликта. Конструирование представлений о сторонах конфликта в обоих новостных медиа-дискурсах осуществляется через дихотомию «агрессоры-защитники» и характеризуется актуализацией негативных стереотипов по отношению к стороне-«агрессору» и позитивных — к стороне-«жертве агрессии». Атрибуция причин действий сторон во всех источниках характеризуется приписыванием внутренних причин действий стороне-«агрессору» и внешних причин действий стороне-«жертве агрессии». В российском медиа-дискурсе в анализируемых текстах наблюдалось исчезновение альтернативных интерпретаций и формирование единой, внутренне непротиворечивой позиции относительно конфликтной ситуации, тогда как в украинском она присутствовала изначально. Полученные

результаты вносят вклад в область исследований трудноразрешимого межгруппового конфликта, а также подтверждают важность применения качественной методологии для исследования конфликтных ситуаций.

1. Голынчик Е.О. Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения// Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2020. Том 17. № 1. С. 29-50,
2. Bar-Tal, D. Intractable conflicts: Sociopsychological foundations and dynamics. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2013.
3. Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. The search for common ground in conflict news research: Comparing the coverage of six current conflicts in domestic and international media over time // Media, War & Conflict. 2018. Vol.11(1). pp. 22–45.
4. Coleman P.T. Intractable conflict/ The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Kindle Edition.
5. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences. Ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996. p. 125-140.

Потапова Ю.В.
Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Аффективный компонент миграционных установок молодежи Сибирского региона

Миграционная установка, межрегиональная миграция, молодежь, Сибирский регион

Проблема межрегиональной миграции молодежи из регионов в столицы в российском обществе стоит как никогда остро. При этом «регионы-экспортеры», из которых уезжает молодежь, теряя перспективную рабочую силу, способную эффективно трудиться, становятся еще более непривлекательными для подрастающего поколения. Наступает новый цикл миграции и данный «порочный круг» замыкается. Решить проблему миграционной убыли периферийных городов возможно лишь при тщательном изучении вопроса о ее факторах. При этом исследователи утверждают, что причины для переезда не исчерпываются экономическими показателями, а зависят скорее от сложившихся миграционных установок, характеризующихся полиобъектностью (они отражают отношение к местам как проживания, так и миграции), и полисубъектностью (не формируются у субъекта в отрыве от значимого окружения) (Кузнецова, 2012). В миграционных установках, как и в любых других социальных установках, можно выделить аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты (Шихирев, 1979). Интересующий нас аффективный компонент выражается в переживаниях, чувствах и эмоциях, которые вызывают у потенциального мигранта родной город и территория, откуда он стремится мигрировать. Подробный анализ данного компонента проще всего раскрывается в аффективно окрашенных репликах и ассоциациях, которые рождаются у испытуемого в ответ на определенный стимул, связанный со средой его обитания, потому для изучения миграционных установок нами был применен метод интервью. Нами было опрошено 20 человек (50% девушек, 50% юношей) в возрасте от 20 до 34 лет (средний возраст респондентов — 28,8 лет), совершивших межрегиональную миграцию из г. Омска в другие города России (в основном это г. Москва и г. Санкт-Петербург) по различным причинам, 85% работают в различных сферах, 15% являются студентами столичных вузов. В процессе интервью испытуемым было предложено назвать основные ассоциации, которые вызывает у них упоминание о родном городе.

Чаще всего респонденты связывают Омск со своим детством (40%), домом (35%), семьей (15%), приятными воспоминаниями, связанными с молодостью и студенчеством (15%). Отвечающие употребляют фразы «родной город», «город, где я вырос». Также молодые люди упоминают конкретные здания (чаще это центральная улица Ленина, т.н. «Любинский проспект»), скульптуры, являющиеся символами города («Любочка»), районы города, где прошло детство или студенчество (чаще это городок Нефтяников), сами университеты (ОмГУ) (30%). Присутствуют и негативные ассоциации («грязь, пыль» — 10%), «скука» (5%), но их появление скорее единично.

Таким образом, несмотря на принятое решение покинуть родной город (которое, по словам большинства, не вызывало у них особенных сомнений), большинство опрошенных нами молодых людей сохраняют позитивный образ города, однако он скорее соотносится на временной шкале с прошлым, ностальгией по молодости и детству, образно выглядит на как страница, которая была прекрасна, но ее необходимо перевернуть, чтобы двигаться дальше. Изучение когнитивного и поведенческого компонентов миграционной установки будет способствовать тому, чтобы сформировать комплексное представление о данном понятии и причинах, мотивирующих молодежь покидать Сибирский регион.

1. Кузнецова, С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок/С.А. Кузнецова. — Текст: электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. –2012. — №. 4. — С. 61-65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-izucheniya-migratsionnyh-namereniy-v-sotsialnoy-psihologii (дата обращения: 11.03.2022)
2. Шихирев, П.Н. Современная социальная психология США / П.Н. Шихирев. — Москва: Наука, 1979. — 344 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-20375

Почебут Л.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

История становления социальной психологии в Ленинградском / Санкт-Петербургском университете

Социальная психология, ЛГУ, Борис Герасимович Ананьев, история психологии

Становление социальной психологии в Ленинградском/Санкт-Петербургском университете началось в послевоенное время. После окончания Великой Отечественной войны по инициативе Бориса Герасимовича Ананьева в Ленинградском университете были организованы две конференции по проблемам психологии. Задачей конференций было определение перспектив развития психологической науки и анализ ее актуальных проблем. Владимир Николаевич Мясищев наиболее перспективным направлением психологии считал психологию отношений. Он разработал собственную теорию, рассмотрел психологическую теорию характера и процесс его формирования, объяснил механизм развития индивидуальности. Внимание психологов сконцентрировалось на психофизиологической проблеме, поэтапном формировании ощущений, психологии деятельности, структуре сознания и самосознания, психологии личности, особенностях восприятия, патопсихологии. В процессе проведения конференций начинает формироваться комплексный подход в психологии, учитывающий научные достижения философии, физиологии, искусствоведения, педагогики.

В начале 50-х годов к анализу проблем общественного сознания приступил Евгений Сергеевич Кузьмин. Он задался целью –выяснить психологические предпосылки возникновения сознания человека, пришел к выводу, что такие факторы, как целенаправленная трудовая деятельность и взаимодействие с окружающими людьми, общение с ними способствуют возникновению сознания. Е.С. Кузьмин описал деятельностную и коммуникативную природу происхождения сознания, дополнил важнейший принцип психологии — формирование сознания в процессе деятельности и общения, доказал его общественную сущность. Исторически, согласно Е.С. Кузьмину, развитие сознания проходит два этапа. На первом этапе формируется общественное сознание, когда человек не выделяет себя из сообщества людей. На втором этапе начинается развитие индивидуального сознания, формируется самосознание и самоидентичность. В процессе общения люди передают друг другу свой социальный, трудовой опыт, который становится достоянием сознания каждого человека. Таким образом, Е.С. Кузьмин сформулировал другой важный принцип социальной психологии — принцип историзма, который он использовал и при анализе становления социальной психологии как самостоятельной науки.

В конце 50-х г. XX в. началась активная дискуссия о новом направлении в отечественной психологии — социальной психологии. С инициативой выступил А.Г. Ковалев, опубликовавший в 1959 г. статью о создании новой отрасли психологии в журнале «Вестник Ленинградского университета». Философы, психологи,

социологии с интересом откликнулись на его предложения. В Ленинграде в 1963 г. было организовано совещание по проблемам социальной психологии, а затем на II съезде общества психологов был создан специальный симпозиум, на котором обсуждались три точки зрения на предмет социальной психологии и отстаивался статус социальной психологии как самостоятельной науки. В ходе дискуссии были высказаны три точки зрения. Первая точка зрения высказывалась, в основном философами и социологами, и заключалась в том, что нет необходимости создавать специальную науку, поскольку вся психология социальна по своей сущности. Вторую точку зрения наиболее активно отстаивал В.Н. Мясищев. Он предлагал в качестве предмета социальной психологии изучать проблемы личности и отношений. Сторонники третьей точки зрения рассматривали в качестве предмета социальной психологии массовидные общественные явления. Например, Б.Д. Парыгин много писал об общественных настроениях. Ученые не достигли согласованного решения, определяющего предмет социальной психологии (Журавлев, Почебут, 2019, с. 99–109).

На философском факультете в 1962 г. была открыта первая в стране лаборатория социальной психологии под руководством Е.С. Кузьмина. В лаборатории проводились первые социально-психологические исследования и эксперименты. Социальная психология получает официальный статус самостоятельной науки в связи с открытием первой в нашей стране кафедры социальной психологии на факультете психологии в 1968 г. На кафедре была открыта специализация по социальной и педагогической психологии, осуществлялась подготовка научных и научно-исследовательских кадров. Был создан научно-педагогический коллектив из творческих, инициативных, глубоко заинтересованных в проблемах социальной психологии сотрудников. Под руководством Е.С. Кузьмина в работе кафедры участвовали А.Л. Свенцицкий, И.П. Волков. Ю.П. Степкин, Ю.Т. Тимофеев, Э.С. Чугунова, Н.Ю. Хрящева, А.Ю. Шалыто, Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, А.Н. Капустина и многие другие. В дальнейшем они защитили кандидатские и докторские диссертации, стали известными психологии в нашей стране и за рубежом.

Предмет социально-психологической науки был четко сформулирован Е.С. Кузьмин в книге «Основы социальной психологии», опубликованной в 1967 г. «Круг явлений и законов, изучаемых социальной психологией, — писал Е.С. Кузьмин, — вырисовывается довольно определенно. Это те явления и законы, которые возникают из связи человека и его сознания с обществом, преломленные через непосредственное общение человека с человеком» (Кузьмин, 2021, с. 53). С этого момента начинаются очень интенсивные исследования социально-психологических проблем общения и отношений в производственных коллективах. Начинает активно развиваться методология социальной психологии, промышленная социальная психология. Сотрудниками кафедры было опубликовано большое количество научных монографий, учебников, учебно-методических пособий. Общеметодологическими требованиями в области социальной психологии являются: принципы детерминизм, историзма, развития, общения, моделирования социально-психологических явлений, особенности протекания психических

процессов в результате общения и взаимодействия с другими людьми, положение о вторичности и активном характер сознания и психики, положение о всесторонности подхода к социально-психологическим явлениям, положение о практике как единственном источнике и критерии истинности полученных в ходе исследований результатов (Журавлев, Почебут, 2021, с. 19).

В настоящее время сотрудники кафедры социальной психологии плодотворно и эффективно работают над самыми актуальными проблемами социальной психологии, поддерживают традиции, заложенные при основании социально-психологической науки, разрабатывают проблемы общения в различных социальных группах и общностях, расширяют арсенал социально-психологических методов исследования.

1. Журавлев А.Л., Почебут Л.Г. К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии в России // Психологический журнал, Т. 40, № 2, 2019, с. 99–109.
2. Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Избранные труды. М. Институт психологии РАН, 2021, с. 53.
3. Журавлев А.Л., Почебут Л.Г. Предисловие. О творческом пути Е.С. Кузьмина // Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Избранные труды. М. Институт психологии РАН, 2021, с. 19.

Романова С.А.
Новосибирск, АлтГУ

Гурова О.С.
Барнаул, АлтГУ

Специфика категориальной структуры образа представителя этнической группы в контексте этнической идентичности личности (на примере русских студентов)

Категориальная структура образа, категоризация социальных объектов, этническая идентичность, межнациональные отношения

XXI век характеризуется усиленным межнациональным взаимодействием ввиду развития торговых отношений, расширения границ сферы образования, политических изменений и миграции населения. Такое взаимодействие может как способствовать формированию этнически нейтральной идентичности, так и наоборот — усилить необходимость отстаивания своей этнической самобытности [2]. Характер общения с представителями разных этнических групп обусловлен спецификой категориальной структуры их образов в сознании личности [1; 3], а этническая идентичность определяет содержание таких структур.

В мировой науке исследуется взаимосвязь образа этнической группы и этнической идентичности, содержание этнических стереотипов и социальных представлений. Практически отсутствуют работы, направленные на качественное изучение влияния этнической идентичности на структуру образа представителя этнической группы. Цель работы — выявить специфику содержания категориальных структур образов этнических групп у русских студентов с разным типом этнической идентичности: гиперидентичность, нормальная этническая идентичность, этническая индифферентность и гипоидентичность.

Применены методы: свободных ассоциаций, субъективного шкалирования для оценки выраженности выделенных дескрипторов у представителей пяти национальностей (русский, таджик, китаец, армянин и казах), опросник "Типы этнической идентичности" Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Выборка — 187 русских студентов г. Барнаула. Для выделения категориальной структуры образов членов этнических групп был применен факторный анализ.

Более комплексные образы членов этнических групп, где преобладают позитивные категории, были выявлены у респондентов с нормальной этнической идентичностью. Больший вес негативных категорий был выявлен в образах русского и казаха — тех, с кем русский студент общается чаще. Выявленная во всех образах категория религиозности выступает этнически дифференцирующим признаком. Чуть больше негативных компонентов в образах этносов обнаружено у респондентов с преобладанием гиперидентичности. Здесь в образе русского фигурируют стремление руководствоваться личными целями, а самый позитивный образ — китайца, построен на потребительской ориентации во взаимодей-

ствии с ним. Категория религиозности фигурирует только в образах таджика и казаха, исповедующих ислам. Негативные категории находятся на переднем плане в содержании образов этнических групп у респондентов с этнической индифферентностью, только в образе казаха категории носят нейтральный характер, что может быть связано со "стиранием границ" между казахами и русскими. К негативному полюсу тяготеет подавляющее большинство характеристик этнических групп у респондентов с выраженной гипоидентичностью.

В исследованиях других авторов зачастую отмечается преобладание позитивных стереотипов у людей с выраженной нормальной этнической идентичностью и этнической индифферентностью (граница между этими типами идентичности размыта), а негативных — у людей с выраженной гиперидентичностью. Нами же сделаны выводы о важности формирования чувства принадлежности к своему этносу именно по позитивному типу для гармонизации межнационального взаимодействия и ощущения психологического благополучия личности, о качественном различии в содержании категорий, образующих образы разных этнических групп, а также потенциальном влиянии структур образов на стратегии межнационального взаимодействия.

1. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. — Москва : Новый хронограф, 2009. — 440 с., ил., — ISBN 978-5-94881-100-0. — Текст : непосредственный.
2. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. — Москва : Смысл, 1998. — 386 с., — ISBN: 5-89357-029-4. — Текст : непосредственный.
3. Bodenhausen, G.V. Social Categorization and the Perception of Social Groups / G.V. Bodenhausen, S.K. Kang, D. Peery // The SAGE Handbook of Social Cognition. — Los Angeles, CA: SAGE Publications Ltd., 2012. — P. 311-329.

Рюмшина Л.И.
Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО ЮФУ

Социокультурная адаптация студентов к обучению за рубежом: возможности и ограничения

Общение, социокультурные ценности, адаптация, культурные измерения

Общение — основа и условие человеческого существования, в том числе и культуры, которая есть опосредованное и деперсонализированное общение [1]. Как известно, впервые пристальный интерес к культурной обусловленности человеческого существования возникает в первой половине XX века благодаря трудам В. Дильтея, М. Вебера, Л. Леви-Брюля, С. Леви-Стросса, М. Мид, Л.С. Выготского и др. Социокультурная среда стала рассматриваться как главный источник развития личности, а общение — как процесс опосредуемый, с одной стороны, общечеловеческими ценностями (объединяющими людей), с другой стороны, культурными ценностными установками, характерными для этноса. Далее пристальное внимание к проблеме социокультурного взаимодействия было привлечено уже во второй половине XX века благодаря Хофстеде, Р. Льюис, Ф.Тромпенаарусу, Холлу и другим. Это было связано с анализом деловых отношений в транснациональных организациях, хотя в дальнейшем классификации данных авторов стали более широко использоваться в различных кросс-культурных исследованиях.

Перед нами стояла задача на основе теоретического анализа социокультурной опосредованности деловых отношений, определить наиболее важные по терминологии Хофстеде [2] культурные измерения для адаптации студентов к обучению за рубежом. Такой анализ становится возможным, так как учебная деятельность по сути является видом делового взаимодействия, связанного с необходимостью вхождения в коллектив, налаживания взаимодействия по горизонтали с сокурсниками и по вертикали с преподавателями.

Результаты проведенного анализа позволили выделить два главных культурных измерения для социокультурной адаптации студентов. Первое индивидуализм-коллективизм, так как оно является наиболее общей характеристикой культуры, при этом показывающей ценность общения с другими. На первый взгляд, студентам, представляющим коллективистскую культуру, легче будет адаптироваться к другой коллективистской культуре. Однако это не значит, что это будет происходить беспроблемно. Каждая коллективистская культура формирует свое собственное “Мы” и две коллективистские культуры могут быть противопоставлены как “Мы” и “Они”, если их общественные ценности сильно различаются, или в истории их взаимоотношений были ярко выраженные негативные моменты. Следующее важное культурное измерение для установления отношений студентов теперь уже статусных — дистанция власти. В культурах с большой дистанцией власти она является главной ценностью и дает большие преимущества тому, кто ею обладает. Поэтому студенту, представляющему

культуру с высокой дистанцией власти, будет легче адаптироваться к такой же культуре, где существует значительная дистанция между студентами и преподавателями и допускается авторитаризм последних. В культуре с низкой дистанцией власти учащиеся, вероятно, будут считать себя равными в учебном процессе с преподавателями, что может быть не понято педагогами, если они являются представителями культуры с высокой дистанцией власти. Другие культурные измерения (моноактивные, полиактивные и реактивные культуры, культуры низкой контекстуальности-высокой контекстуальности, культуры универсальных и частных истин и др.) на наш взгляд, играют второстепенную роль в адаптации студентов к чужой культуре, их влияние на общение не столь сильно, либо легко может корректироваться.

Несовпадение основных характеристик культур, конечно, не делает неизбежным непонимание между их представителями. Тем более для того, чтобы быть типичным представителем той или иной культуры, недостаточно просто родиться в ней, нужно воспитываться в ее традициях, сделать ее ценности своими. Кроме того трудности адаптации к другой культуре могут компенсироваться личностными характеристиками: мотивацией, культурным интеллектом и т.д. Все это влияет на компетентность в области межкультурного взаимодействия, которая, тем не менее, базируется на интериоризированных общечеловеческих и социокультурных ценностях

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XУШ-начало Х1Х века). СПб.:Искусство — СПБ, 1994. 399 с.
2. Hofstede, G. Cultures and Organizations: Software of the Mind/ G. Hofstede. — New York: McGraw-Hill, 1997. — 208 p.

Ткаченко Н.В.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Переживание межкультурной коммуникации: опыт качественного исследования

Интегративная модель межкультурного взаимодействия, неопределенность, тревога, социальная идентичность,

Изучение эффективности межкультурного общения, факторов, которые способствуют эффективности, межкультурной компетентности охватывает разные темы исследований (Купавская, 2008; Arasaratnam, Doerfel, 2005). Теоретической рамкой настоящего исследования выступает интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия (Хухлаев, 2020; Ткаченко, Хухлаев, 2021). Цель исследования заключается в анализе вклада ситуации неопределенности и тревоги в ситуации межкультурного взаимодействия с помощью качественных методов исследования. В исследовании приняли участие 10 респондентов (M = 33,3;SD = 3,1; Me = 34). Использован метод глубинного интервью, позволяющий подробно и полно получить описание исследуемых феноменов (Квале, 2003).

Исследование в целом подтвердило теоретическую модель межкультурного взаимодействия. Так, межкультурные способности, которые раскрылись в категориях «любознательность» и «наблюдательность», «интуиция» и «внимательность», «рискованность» и «игривость», определенным образом могут влиять на управление эмоциями (в частности, эмоцию интереса). Социальная категоризация в случае эффективной коммуникации проявляется в нейтральном или «фестивальнопраздничном» варианте и не проявляется в межгрупповой дифференциации. Установлено, что на снижение ситуации неопределенности в случае эффективной коммуникации действуют особые стратегии в межкультурной компетентности (поиск компромиссов, знание правил, подстегивание к деятельности, способность сдерживаться). В то же время неэффективная коммуникация, согласно теоретической модели, реализуется через рост неопределенности, в которой социальная категоризация обеспечивает условия для роста межгрупповой тревоги, и она в свою очередь стимулирует ощущение неопределенности. Ситуация неопределенности в коммуникации запускает палитру очень ярких и негативных переживаний (злость, беззащитность, напряжение и т. п.), и, похоже, именно это делает невозможным контроль ситуации или снижает его. Также в случае неэффективной коммуникации не срабатывают привычные коммуникативные стратегии, которые в эффективной коммуникации являются хорошим подспорьем для управления неопределенностью. В целом качественный анализ позволил уточнить теоретическую интегративную модель межкультурного взаимодействия, а также выявить дополнительные составляющие модели, которые развивают теоретические представления о механизмах, лежащих в основании эффективной и неэффективной коммуникации. В завершение необходимо

упомянуть об ограничениях применения полученных результатов. Несмотря на то что качественный анализ продвинул понимание внутренних механизмов межкультурной коммуникации с точки зрения феноменологии, данная модель нуждается в последующих проверках на надежность и валидность количественными методами исследования.

1. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
2. Купавская А.С. Развитие этнокультурной компетентности подростка методом социальнопсихологического тренинга: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2008. 24 с.
3. Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е. Интегративная модель межкультурного взаимодействия: опыт качественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 459–474.
4. Хухлаев О.Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 26–41.
5. Arasaratnam L., Doerfel M. Intercultural communication competence: identifying key components from multicultural perspectives // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. No. 2. Pp. 137–163.

Черноусова Т.В.
Санкт-Петербург, СПбГУП

Содержание ситуаций неопределенности в представлении различных поколений

Ситуация неопределённости, поколение эпохи перестройки, поколение периода стабилизации

Поколение рассматривается как большая социальная группа, члены которой имеют схожие социально-психологические характеристики, сформировавшиеся в результате влияния одних и тех же значимых исторических событий и социокультурных условий [например, 2, 3]. Безусловно, с ситуациями неопределенности приходится сталкиваться каждому. Мы рассматриваем, прежде всего, субъективную неопределённость (связанную с субъективной оценкой и отношением к объективной ситуации) и предполагаем, что содержание ситуаций неопределенности и сферы их проявления могут различаться в описаниях представителей различных поколений.

Весной-осенью 2021 года был проведен опрос, в котором респонденты описывали 3 примера неопределенных ситуаций, с которыми они сталкивались. Выборку составили 77 жителей Санкт-Петербурга (49 женщин, 28 мужчин) в возрасте от 18 до 50 лет, представители поколения перестройки, поколения стабилизации. Для анализа описаний была выбрана классификация ситуаций, предложенная Х. Ризом и М. Смайером и модифицированная Л.Ф. Бурлачуком, Е.Ю. Коржовой [1]. Сравнение частоты упоминаний различных типов ситуаций неопределённости представителями двух поколений проводилось на основании применения φ^*-критерия Фишера. Была проанализирована 231 ситуация (45 описаний представителей поколения перестройки, 186 — представителей поколения стабилизации). Анализ частотного распределения типов ситуаций показал, что наиболее часто представителями обоих исследуемых поколений описываются ситуации неопределенности, относящиеся к социальному (55%) и личностно-психологическому (41%) типам, практически не упоминаются ситуации биологического и физического типа. Значимых различий в частоте упоминания различных типов ситуаций представителями двух поколений обнаружено не было. Далее каждая ситуация была отнесена к одной из 12 сфер: родительская семья, брак, дети, место жительства, здоровье, «Я», общество, межличностные отношения, материальное положение, учеба, повышение квалификации, работа, природа [1]. Наиболее часто респонденты описывали ситуации, связанные с работой (28,1%), межличностными отношениями (17,3%) и отношениями с партнером (12,1%).

Были обнаружены значимые различия в частоте упоминаний различных сфер ситуаций неопределенности представителями двух поколения. Большая доля представителей поколения перестройки по сравнению с представителями поколения стабилизации описывает ситуации неопределенности в сфере работы ($\varphi^*=1{,}896$; $p\leq 0{,}05$) и в сфере здоровья ($\varphi^*=1{,}661$; $p\leq 0{,}05$). Также представители

поколения стабилизации значимо чаще, чем представители поколения перестройки, описывают ситуации неопределенности в сфере обучения, повышения квалификации ($\varphi^*=2{,}129$; $p\leq 0{,}05$) и в сфере межличностных отношений ($\varphi^*=3{,}094$; $p\leq 0{,}01$).

В данном случае, конечно, возможна и возрастная интерпретация (с возрастом меняется значимость сфер работы, здоровья), но, возможно, данные результаты говорят о поколенческих различиях в ценностях, оценке значимости выделенных сфер, оценке их стабильности / нестабильности, определенности / неопределенности. В данном случае может быть сложно развести возрастные и поколенческие эффекты, для этого необходимо проведение дополнительных исследований, в том числе, носящих лонгитюдный характер. Для преодоления данного фактора, помимо объективного критерия (возраст), мы учитывали еще и субъективный критерий дифференциации поколений (идентификация).

1. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
2. Постникова М.И. Психология отношений между поколениями в современной России: автореф. дис. … доктора психол. наук: 19.00.13. Санкт-Петербург, 2011.
3. Сиврикова Н.В. Социально-психологические особенности поколений 70-90-х гг.: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. Ростов-на-Дону, 2015.

Чикер В.А., Гвоздкова Р.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Сравнительный анализ ценностных ориентаций представителей различных поколений

Поколение, теория поколений, ценности, ценностные ориентации

Анализ современной научной литературы показывает, что теория поколений не теряет своей актуальности, так как по-прежнему взаимоотношения между поколениями отражают их неоднозначность и противоречивость. Термин «поколение» затрагивает различные области и направления научных исследований, т.к. объект изучения относится к естественно функционирующим большим группам и общностям и, тем самым, представляет особый интерес для понимания социального развития общества [1;3]. Основополагающей в нашей работе является классификация поколений Н. Хоува и В. Штрауса (в адаптации Е. Шамис, А. Антипова), основывающаяся на главенствующей системе ценностей представителей различных поколений.

Целью исследования является выявление доминирующих жизненных ценностей представителей поколений Бэби-бумеров, X, Y, Z. Мы предположили, что доминирующие ценности представителей различных поколений имеют свои особенности. Общую выборку составили 153 респондента, которые разделены на 4 подгруппы: представители поколения Бэби-бумеров (N=14); поколения X (N=53), поколения Y (N=45) и поколения Z (N=41). Применялась методика ценностных ориентаций Ш. Шварца (первая часть методики, предназначенная для изучения нормативных идеалов, ценностных ориентаций личности на уровне убеждений) [2]. Для анализа полученных результатов использовался однофакторный дисперсионный анализ, критерий Шеффе (SPSS Statistic 27.0).

По результатам исследования в группе поколения Бэби-бумеров можно видеть, что наивысшие значения были получены по ценностям «безопасность» (M=6,6) и «доброта» (M=6,5). Наименьшие значения по ценностям «стимуляция» (M=4,4) и «власть» (M=4,4). У представителей поколения X наивысшие средние значения были выявлены по ценности «безопасность» (M=5,9) и наименьшие значения по ценности «власть» (M=4,3). Ценность «самостоятельность» (M=6) имеет максимально высокое значение для представителей группы Y, а минимальное значения выявлены по ценности «традиции» (M=4,2). У представителей поколения X ярко выражена ценность «гедонизм» (M=6,1) и наименее — ценность «традиции» (M=4,6).

Проведенный математический анализ выявил статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) в группах поколений Бэби-бумеров, X, Y, Z. Наибольшие показатели ценности «конформность» установлены у представителей поколения Бэби-бумеров. По этому показателю обнаружены статистически значимые отличия с поколениями X (F=1,16), Y (F= 0,99), Z (F=0,88). По ценности «доброта» были выявлены различия у представителей поколения Бэби-бумеров с поколениями X

(F=0,96), Y(F=0,93), Z (F=0,74). Так же Бэби-бумеры выделяют ценность «универсализм» — зафиксированы значимые различия с поколениями X (F= 1,03), Y (F= 1,03) Z (F= 0,7). Статистическая значимость различий средних была обнаружена по ценности «традиции» с поколениями X (F= 1,02), Y (F= 1,27) и по ценности «безопасность» с поколениями X (F= 1,29), Y (F= 1,29), Z (F= 0,73). Поколение Y имеет статистически значимые различия по шкале «гедонизм» с поколениями Бэби-бумеров (F= 1,29), X (F= 0,73) и с поколением X по шкалам «достижения» (F= 0,57), «власть» (F= 0,75). Для поколения Z получены статистически значимые различия по шкале «стимуляция» с поколением X (F= 0,84), «гедонизм» с поколениями Бэби-бумеров (F= 1,63) и X (F= 1,07 и «власть» с поколением X (F= 0,82).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждому поколению присущи свои ценности, которые определяются как внешними факторами, задачами общества и имеющимися ресурсами, так и личностными свойствами и потребностями человека. Принимая во внимание произошедшие изменения в социальной жизни, формирование новых устоев, традиций и взглядов, нами были выявлены главные ценности представителей разных поколений.

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2.- С. 127— 145.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — Спб.: Изд. Речь — 2004 — 72 с.
3. Пищик В.И. Поколения: социально — психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. — 2011. № 2. — С. 80-88.

Бояркин К.Е., Дейнека О.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Интерес к фондовому рынку и финансовая грамотность граждан России

Фондовый рынок, финансовая грамотность, экономическая психология

За последние годы на фондовом рынке России был зафиксирован значительный приток инвесторов. За 3 года число клиентов на брокерском обслуживании увеличилось почти десятикратно. Одним из факторов такого стремительного роста может являться повышение финансовой грамотности населения. Повышение доступности информации о финансовых продуктах и финансовых рынках явилось одной из тенденций развития современной России. В последние годы набирают популярность уроки финансовой грамотности, проходящие в формате онлайн; проводятся олимпиады по финансовой грамотности. Центральный Банк проводит работу по повышению финансовой грамотности, участвует в разработке образовательных программ для учебных заведений, организует различные мероприятия. Представляется очевидным, что данные факторы, вкупе с развитием доступности брокерских услуг, увеличивают интерес граждан России к фондовому рынку.

Несмотря на санкции множества государств в отношении ключевых банков России, брокерские услуги все еще остаются доступными для ее граждан. Высокая инфляция и сильное падение стоимости российских ценных бумаг увеличивают их привлекательность для потенциальных инвесторов. Тем не менее, напряженная геополитическая обстановка привносит большую долю риска в торговлю ценными бумагами и другими активами на фондовой бирже. Неопределенность будущего значительно повышает их волатильность. Необдуманные решения инвесторов могут привести к большим финансовым потерям, следствием чего может стать значительное ухудшение экономической ситуации. В связи с этим, особую важность приобретает дальнейшее повышение финансовой грамотности потенциальных и актуальных участников российского фондового рынка.

Лусарди и Митчелл (Lusardi, Mitchell, 2014) определяют финансовую грамотность как способность обрабатывать экономическую информацию и принимать обоснованные решения о финансовом планировании, накоплении богатства, задолженности и пенсиях. Для того, чтобы оценить данную способность, авторы

разработали набор вопросов, построенный на следующих основаниях: счет и способность производить вычисления, относящиеся к процентным ставкам, понимание инфляции, и понимание диверсификации риска. Этот набор вопросов теперь признан стандартом в литературе. Он предлагался населению разных возрастов в США (Lusardi, Mitchell, 2011), Нидерландах (Van Rooij et al., 2011), Японии (Sekita, 2011), России и др. Основные эмпирические обнаружения сходятся на широко распространенном низком уровне финансовой грамотности.

Интегрируя наработки вышеупомянутых авторов в собственное исследование, мы делаем попытку установить наличие взаимосвязи между интересом к фондовому рынку и уровнем финансовой грамотности. Для этой цели мы разработали авторский опросник, который включает 20 вопросов. Опросник измеряет такие показатели, как интерес к фондовому рынку, вовлеченность в фондовый рынок, самооценка финансовой грамотности, инвестиционные предпочтения и другие.

Ожидается, что полученные в исследовании данные помогут оценить актуальный уровень финансовой грамотности российских граждан с разной степенью вовлеченности и заинтересованности в фондовом рынке, а также определить уровень взаимосвязанности этих факторов.

1. Klapper, L., Georgios A., 2011. Financial literacy and retirement planning: the Russian case. Journal of Pension Economics and Finance. 10 (4), 599–618.
2. Lusardi, A., Mitchell, O.S., 2014. The economic importance of financial literacy: theory and evidence. J. Econ. Lit. 52 (1), 5–44.
3. Lusardi, A., Mitchell, O.S., 2011. Financial literacy around the world: an overview. J. Pension Econ. Finance 10 (4), 497–508.
4. Sekita, S., 2011. Financial literacy and retirement planning in Japan. J. Pension Econ. Finance 10 (4), 637–656.
5. Van Rooij, M., Lusardi, A., Alessie, R., 2011. Financial literacy and stock market participation. J. Financ. Econ. 101 (2), 449–472.

Дейнека О.С., Думская Д.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Потребительские установки россиян на фоне экономического кризиса

Потребительские установки, мотивы потребления, потребительское доверие, интолерантность к неопределенности, экономический кризис, россияне

Одной из важных и динамичных сфер жизнедеятельности общества является сфера потребления. Как показывает мировой опыт, экономические кризисы вносят коррекции в психологию потребителей. Во время рецессии 2008 г. потребители «упрощали» свои потребности [3], модели поведения характеризовались большей бережливостью, ответственностью и требовательностью [5]. Свои коррективы в психологию потребителя внесла пандемия, вызванная COVID-19. При помощи покупок люди старались приобрести чувство контроля над ситуацией [1]. Страх перед COVID-19 и неуверенность повысили доверие к «зеленым» брендам [4]. Был выявлена связь между дополнительными покупками и убеждением внезначительных действиях правительства в связи с пандемией [2].

Целью данной работы являлось изучение установок российских потребителей в период вызванного последствиями от короновирусной пандемиии «санкционной войной» экономического кризиса. Методический инструментарий исследования состоял из 2-х блоков. Доминирующие установки и мотивы потребления на фоне кризиса измерялись с помощью разработанных нами «Опросника потребителя» и теста ранжирования мотивов, по Ж. Кролару. Второй блок методик включал экспресс опросники финансовой тревожности (О.С. Медяник) и гражданской лояльности (О.С. Дейнека); шкалу толерантности к неопределенности С. Баднера; шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера. Выборка состояла из 232 респондентов, 107 мужчин и 125 женщин в возрасте от 18 до 69 лет.

Результаты исследования показали, что в условиях кризиса ведущими мотивами потребления стали мотивы экономии и безопасности, а мотивы новизны и престижа сместились на периферию мотивационной структуры. Для большинства респондентов качество товара оказалось важнее, чем красивая упаковка. Выявлены такие тенденции как болезненное восприятие роста цен; экономия на доставке; готовность делать запасы некоторых товаров; избегание кредитов; стремление не обращать внимание на рекламу; сворачивание планов путешествовать; рост экономического патриотизма; уважительное отношение к благотворительности и волонтерству. Мотив экономии на фоне кризиса оказался в большей степени выражен у тех, у кого ниже субъективный уровень дохода. Чем старше были респонденты, тем больше выражен мотив безопасности, а также больше проявлялся экономический патриотизм. Общая тенденция усиления интолерантными к неопределенности была связана, в частности, с экономическим патриотизмом, что объясняется осознанным или неосознанным стремлением сохранять на фоне кризисазоны стабильности (семья, постоянство своих привычек). Более удовле-

творенные жизнью и уверенные в своем материальном положении проявляли больше потребительского доверия и не меняли своих привычек. Для демографических групп потребителей, переживающих потребительскую обиду, можно ожидать в будущем потерю лояльности к вызвавшим ее организациям и брендам.

1. Anastasiadou E., Chrissos A., Karantza, I., Vlachakis, S.The coronavirus' effects on consumer behavior and supermarket activities: insights from Greece and Sweden //International J. of Sociology and Social Policy. 2020.40 (9/10): 893-907.
2. Dammeyer J. An explorative study of the individual differences associated with consumer stockpiling during the early stages of the 2020 Coronavirus outbreak in Europe //Personality and Individual Differences. 2020.167: 110263.
3. Flatters P., Willmott M. Understanding the post-recession consumer //Harvard Business Review. 2009. 87 (7/8): 106-112.
4. Jian Y. et al. The impacts of fear and uncertainty of COVID-19 on environmental concerns, brand trust, and behavioral intentions toward green hotels //Sustainability. 2020. 12 (20): 8688.
5. Voinea L., Filip A. Analyzing the main changes in new consumer buying behavior during economic crisis //International Journal of Economic Practices and Theories. 2011. 1(1): 14-19.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01935

Доценко Е.Л.
Тюмень, ТюмГУ

Поступок в зазоре между социальным и личностным: идеальная модель и реальное поведение

Поступок, антропогенез, вече, принятие решений.

Две идеи позволяют теоретически красиво описать поступок. 1. Различение между понятиями «идеальная модель» и «реальное поведение» (Е.С. Кузьмин). 2. Поступок совершается в переходах между социальным и личностным (положение культурно-исторической психологии). Идеальная модель поступка — вече (старославян. вѣште «совет») — собрание горожан для решения общественных дел, место этого собрания (у славян). Аналоги: агора в Древней Греции, тинг — древнескандинавское и германское народное собрание, витенагемот в Англии и т.п. Структура вече: пространство разделено на «площадь» и «подмостки/трибуну», а участники — на «собрание/толпу» и «ораторов»; есть еще и «наблюдатели» (родственники, юродивые, гости, иностранцы, рабы). Функция вече: принять решение — выбрать из обозримых возможностей; возложить ответственность на того, кто будет отвечать за результат. Динамика вече: обсуждение/спор как столкновение идей и интересов разных участников — «высказывание для всех» (ораторы), «тихо меж собой» (в толпе или между лидерами) и «на люди» (для наблюдателей). В борьбе используют разные виды сил: большинство (перекричали или подавили физически), мудрость (силой аргументов), инициатива (чья-то готовность сделать основную работу) и т.п. Качество и судьба принятого решения задается степенью единодушия (наличие несогласных), потенциальной силой недовольных, адекватности найденного решения стоящей задаче, наличия ресурсов (сил) для воплощения решения в жизнь.

Интериоризация в антропогенезе происходит по отмеченным аспектам вече как явления, прототипного для поступка. Поправки вносит факт телесной нераздельности «участников» внутриличностного процесса и скоротечность процессов внутриличностной коммуникации. Преемственность вече и поступка обнаруживается без труда. Функция та же — выбрать из имеющихся опций, обозначить ответственность — готовность иметь дело с последствиями. Правда, вече явно распределяет ее между всеми участниками (чаще неравномерно); в личности же распределение ответственности между субличностями — это специальная задача психологического анализа.

Динамика совпадает сущностно, различаясь лишь феноменологически. Борьба мнений (интересов, устремлений…) на вече в личности переживается как сомнения — сопоставление субъективных взглядов, их противоборство, взвешивание возможностей и последствий, примерка на себя. Этимологическая реконструкция слова «сомнение» обнаруживает момент сопоставления, столкновения, сравнений разных мнений между собой. Т.е. это полноценная отсылка к процедуре межсубъектного противоборства и совместного поиска решения.

Т.о., диалогичность (полилогичность) составляет сущностную характеристику поступка как процесса.

Структура вече и поступка также показывает преемственность. «Выступление для всех» интериоризировались в осознанный диалог в форме внутренней речи, которую человек способен экстериоризировать в речь для других — предъявить свою мысль кому-то, услышать ее как бы от другого лица, рефлексивно. «Ропот толпы» или «неслышный шепот низов» выглядят как неосознаваемый (имплицитный) диалог — совокупность реплик, или не набравших достаточно силы, чтобы быть осознанным, или подпавшие под запрет на осознание. Наличие имплицитного диалога субъективно переживается как смутное чувство недосказанности, неясности, которое поддерживает и усиливает сомнения, порой сопровождающиеся тревогой и напряжением. Без труда обнаруживается и апелляция к наблюдателям. При самостоятельном (!) принятии решений широко принято советоваться с людьми из своего окружения, что помогает найти новые исходы, аргументы, лучше оценить возможные последствия и т.д.

Реальное поведение человека при совершении поступка вполне согласуется с идеальной моделью, что показывают результаты исследования, выполненного на выборке 300 человек (дети 6-11 лет, подростки 12-17 лет, студенты 18-25 лет, взрослые 30-50 лет). Возрастные различия вскрывают разную роль «участников вече» в обеспечении зрелости поступка.

Иванов А.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Предикторы поддержки проэгалитарных инициатив в экономической сфере в России

Оправдание экономической системы, неравенство, перераспределение ресурсов, базовый доход, удовлетворенность жизнью

Экономическое неравенство является серьезнейшей проблемой в России (Шеремет, 2020). В связи с этим актуально обсуждение проэгалитарных политик (введения базового дохода, перераспределения доходов). Их эффективность зависит от восприятия обществом, поэтому целью исследования было изучение психологических предикторов их поддержки в российском контексте. В первую очередь, предиктором поддержки таких политик является воспринимаемый уровень неравенства. Так, оправдание экономической системы (ОЭС) ведет к недооценке неравенства, маскируя его через повышение удовлетворенности жизнью. Наличие высокого воспринимаемого неравенства приносит сильный психологический дискомфорт как бедным, так и богатым. В этом случае может работать паллиативная функция ОЭС: оно повышает удовлетворенность жизнью, что ведет к снижению восприятия неравенства и сниженному дискомфорту. Кроме того, богатые могут поддерживать проэгалитарные инициативы, что снижает чувство вины. При этом воспринимаемое неравенство отрицательно связано с поддержкой политики перераспределения для людей с высоким ОЭС. Таким образом, отношения между ОЭС и поддержкой проэгалитарных инициатив могут быть опосредованы воспринимаемым неравенством.

Мы предположили, что ОЭС будет негативно, а воспринимаемое неравенство — позитивно связаны с поддержкой проэгалитарных инициатив. При этом ОЭС будет снижать уровень воспринимаемого неравенства и увеличивать удовлетворенность жизнью. Наконец, ОЭС будет сначала снижать воспринимаемое неравенство и увеличивать удовлетворенность жизнью, что в свою очередь снизит поддержку проэгалитарных политик. Гипотезы проверялись при помощи медиационного анализа в среде RStudio на выборке из 490 человек ($M = 35.83$, $SD = 11.48$). В качестве ковариатов были добавлены объективный и субъективный СЭС.

Было обнаружено, что ОЭС не имеет прямого эффекта на поддержку проэгалитарных инициатив ($\beta = 0.02$, $SE = 0.05$, $p > 0.05$). При этом, ОЭС снижало воспринимаемый уровень экономического неравенства ($\beta = -0.19$, $SE = 0.04$, p 0.001) и усиливало удовлетворенность жизнью ($\beta = 0.22$, $SE = 0.04$, $p = 0.001$). Уровень удовлетворенностью жизнью и взаимодействие уровня воспринимаемого неравенства и удовлетворенности жизнью оказались значимыми медиаторами связи ОЭС с поддержкой проэгалитарных политик. Высокая удовлетворенность жизнью имела наиболее сильный независимый вклад в снижение готовности поддержать проэгалитарные политики. Кроме того, сильно повышали удовлетворенность объективный и субъективный СЭС. Данный результат объясняется тем, что Россия

относится к культурам выживания, где СЭС является важнейшим предиктором удовлетворенности. Кроме того, удовлетворенность растет с ростом ОЭС. Таким образом, на повышение удовлетворенности жизнью работают как статусные, так и идеологические переменные, что и приводит к противостоянию проэгалитарным изменениям. Отсутствие прямого эффекта ОЭС на поддержку инициатив объясняется противоречивыми тенденциями в обществе: запрос на патернализм (Левада-центр, 2020) с одной стороны и вера в социальную мобильность (ВЦИОМ, 2018) — с другой. Результаты данного исследования важны для разработки и оценки эффективности программ, направленных на снижение уровня экономического неравенства в России.

1. Шеремет Александр Николаевич Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-COVID-19 (дата обращения: 20.05.2022).
2. Государственный патернализм [Электронный ресурс] // Левада-Центр : [сайт]. [2020]. URL: https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm (дата обращения: 15.05.2022).
3. Формула успеха [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : [сайт]. [2018]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/formula-uspekha (дата обращения: 15.05.2022).

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00142

Катаева М.В.
Санкт-Петербург, Академия художеств им. И.Е.Репина

Медяник О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Формирование культурной памяти французского общества в условиях межгосударственных конфликтов

Культурная память, коды психологического воздействия, СМИ, формирование политических установок

Память является универсальным способом сохранения информации прошлых поколений для поколений будущего. О феномене памяти писали еще со времен античности, но понимание памяти и ее исследование научным миром, как коллективного явления началось лишь в 20 веке. Понятие памяти вышло за пределы философии и изучается в междисциплинарном ключе. В связи с этим появилось определение «memorie studies», понимая под этим все многообразие исследований. Большую роль в изучении феномена памяти сыграли Э. Дюркгейм, М. Хальбавкс, А. Варбург, Я. Ассман, Ю.М. Лотман и многие другие западные и отечественные ученые.

Цель нашего исследования — анализ признаков формирования культурной памяти французского общества на примере СМИ Франции и культурных мероприятий европейских стран в период проведения специальной военной операции России на Украине. В феврале 2022 года началась специальная военная операция России (далее — СВО), целью которой является «денацификация и демилитаризация Украины». Это стало ключевой повесткой для российских и западных СМИ, однако их оценки происходящего и информационный контекст полярны. Это ярко демонстрируют такие издания как «L'OBS» [2], «Historia» [3], «Le monde» [4], «Courrier national» [5] и многие другие, выходящие как в печати, так и в онлайн пространстве. Авторами был проведен контент-анализ материалов французских СМИ и анализ проведения художественных выставок в Европе после начала СВО России.

Главным результатом исследования стало то, что общественность западных стран под влиянием купированного информационного потока очень ярко и эмоционально реагирует на происходящие события на Украине, которые нашли свое отражения в СМИ Франции. Анализ печатных материалов проводился с помощью использования 13 кодов психологического воздействия, которые использовали французские СМИ для формирования культурной памяти общества. Например, такие как сравнение, взаимность, авторитет, угроза, инструкция и т.д. Давление на культурную память с помощью данных кодов вызывает эмоциональные коллективные переживания — далее формируется общность коллективных воспоминаний. Важно отметить, что данные коды воздействия на сознание французов были направлены на формирование негативной культурной памяти о произошедших

событиях и устойчивых оценочных суждениях и представлениях относительно России и всего «русского».

В современном мире роль проводников информации берут на себя средства массовой информации и интернет. Информация, передаваемая ими, проникают в массовое сознание граждан и формирует культурную память того или иного государства. Сегодня в силу того, что технологические возможности позволяют передавать информацию беспрецедентно быстро, и уже адаптированный под эту скорость человек, предпочитает обращаться именно к этим источникам информации. Средства массовой информации — это боевые информационные платформы, где в зависимости от интересов данной группы, информация дается под определенным выгодным для данной группы углом зрения. Как писал Ю.М. Лотман: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Позднее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать» [5].

Для того, чтобы уловить внимание современного человека и наполнить сосуд его культурной памяти, требуются те же принципы, как и 50 лет назад. Однако под влиянием новых кодов воздействия — сознание современного человека требует быстрого, яркого, краткого, визуально емкого сообщения. Россию и Францию связывают давние культурно-исторические связи. Межкультурный диалог, который велся столетиями, сегодня под угрозой дестабилизации. Пресс информационной машины вбивает в фундамент памяти однополярное видение и ставит под угрозу развитие культуры и искусства обоих государств.

1. https://www.nouvelobs.com/ [Электронный ресурс издания].
2. https://www.historia.fr/ [Электронный ресурс издания].
3. https://www.lemonde.fr/[Электронный ресурс издания].
4. https://www.courrierinternational.com/ /[Электронный ресурс издания].
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 200-202

Киреева О.В.
Краснодар, КубГУ

Финансовый самоконтроль заемщиков в ситуации прекарной занятости

Заемщик, должник, финансовый самоконтроль, прекарная занятость

В современной экономической ситуации наблюдаются проблемы снижения уровня благосостояния и роста закредитованности, безработицы и прекарной занятости. Нестабильность и негарантированность доходов и работы, различные варианты стандартной и нестандартной занятости закрепляются среди населения и требуют научного осмысления. Отечественные и зарубежные исследователи проводят исследования, направленные на поиск психологических и социальных детерминант вхождения личности в прекарную занятость и пребывания в ситуации нестабильной и ненадежной работы (Тощенко Ж.Т., 2020; Дёмин А.Н., 2021).

В быстро меняющихся условиях на рынке труда предъявляются повышенные требования к качествам работников, требуются открытость к изменениям и способность к адаптации и преодолению трудностей и стрессов. Особенно остро данную ситуацию переживают лица, имеющие значительные долговые обязательства, связанные с необходимостью своевременного погашения кредитных долгов. При таких обстоятельствах значимым является обращение должников к собственным материальным, социальным и личностным ресурсам. В проведенном нами исследовании было выявлено, что такие социально-демографические характеристики заемщиков, как уровень образования, материальное положение, семейный статус и статус занятости, связаны с показателями финансового самоконтроля (Дёмин А.Н., 2020). При этом финансовый самоконтроль как способность личности корректировать финансовую активность не только блокирует/ограничивает неконструктивные способы долгового поведения в ситуации кредитной задолженности, но и способен усиливать конструктивные стратегии (Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю., 2020).

В данной статье рассмотрим особенности финансового самоконтроля заемщиков и должников, находящихся в ситуации прекарной занятости. В ходе исследования были опрошены 73 заемщика, где 54,1% мужчин и 45,9% женщин в возрасте от 18 до 50 лет. 43,2% опрошенных имели высшее образование, 59,6% от выборки не состояли в браке. Методы: анкетирование, опросник финансовый самоконтроль (Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю.), индекс прекарности (Дёмин А.Н.). Для проверки достоверности различий в показателях финансового самоконтроля заемщиков с разными формами прекарной занятости применялся U-критерий Манна-Уитни и критерий $\chi 2$ Пирсона.

Результаты исследования. С помощью анкетирования выборка разделена на подгруппы в зависимости от вида прекарной занятости: насколько длительной и стабильной является, по мнению, работника его занятость. Выявлено, что 26 респондентов имеют контракт с фиксированной датой окончания через 1–3 года,

25 — имеют временную (менее одного года) работу, занятость 22 опрошенных носит случайный, краткосрочный характер. Работники с контрактной занятостью, по сравнению с имеющим временную занятость (Uэмп=210,5 при p≤0,05) и с имеющими случайную занятость Uэмп=166,5 при p≤0,01), демонстрируют более низкий уровень индекса прекарности. Чем меньше стабильность и период занятости, тем больше субъективная оценка личностью прекарности работы и негативных переживаний от ненадежности занятости. Те, у кого случайная и временная занятость, чаще имеют проблемную задолженность ($\chi 2$=25,024 при p0,001). Большая стабильность доходов заемщиков с контрактной занятостью позволяет регулярно погашать долги по кредитам. Значимых различий между подгруппами по показателям финансового самоконтроля не было выявлено. Респонденты склонны к финансовой выдержке, снижению расходования денег, что можно объяснить нестабильностью доходов. Полученные результаты подтверждают и дополняют проведенные ранее исследования (Дёмин А.Н., 2020).

В данном исследовании выявлены особенности долгового поведения в ситуации прекарной занятости. Субъективная оценка нестабильности занятости и случайные подработки приводят к проблемной задолженности. Необходимо изучить показатели финансового самоконтроля у лиц со стабильной и прекарной занятостью.

1. Дёмин А.Н. Психология прекарной занятости: становление предметной области, основные проблемы и подходы к их изучению // Организационная психология. 2021. — Т. 11. — № 2. — С. 98–123.
2. Дёмин А.Н. Финансовый самоконтроль: взаимосвязи с кредитно-заёмным поведением и социальными характеристиками человека // Социологические исследования. — 2020. — № 6. — С. 72-81.
3. Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю. Финансовый самоконтроль и выбор способов совладания с кредитной задолженностью // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020 №4. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/57PSMN420.pdf
4. Тощенко Ж.Т. Прекарная занятость — феномен современной экономики // Социологические исследования. — 2020. — № 8. — С. 3-13.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00885

Корниенко Д.С.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Балева М.В.
Пермь, ПГНИУ

Ячменёва Н.П.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Личностные диспозиции в осуществлении рискованного экономического выбора

Экономическое поведение, склонность к риску, выбор риска, личностные диспозиции

Применительно к экономическому поведению принятие и избегание риска описывается в теории перспектив (Kahneman, Tversky, 1979). В своей основе она опирается на теорию ожидаемой полезности Д. Бернулли, но вносит в нее существенные коррективы. Во-первых, теория перспектив постулирует, что на принятие экономических решений влияет субъективно установленная «точка отсчета», которая определяет вероятные исходы как рискованные в большей или меньшей степени. Во-вторых, между восприятием выигрыша и проигрыша существует асимметрия, которая проявляется в том, что положительная эмоция, связанная с выигрышем, субъективно слабее, чем отрицательная эмоция, связанная с потерей. Обнаружено, что субъективно человек воспринимает выигрыши и потери одного и того же размера не как равноценные (Kusev et al., 2009) и, принимая решения, пытается либо избежать, либо компенсаторно уравновесить возможную потерю.

Целью исследования было определение роли личностных диспозиций в прогнозе рискованного экономического поведения и его реализации. В качестве личностных диспозиций рассматривались показатели Темной триады (ТТ) и Толерантности к неопределенности (ТН). На основании анализа имеющихся эмпирических данных (Корнилова, 2015; Красавцева, Корнилова, 2016; Grover, Furnham, 2021) выдвигались гипотезы об опосредующей (фасилитирующей) роли ТН в прогнозировании поведенческого риска и ТТ — в реализации рискованного поведения (выбора). В исследовании приняли участие 462 студента университета 1-4 курсов, обучающиеся на разных специальностях (психологи, юристы, социологи, экономисты, историки, филологи), из них 17% мужчин. Диагностика осуществлялась в онлайн-режиме на платформе 1ka. Участниками предлагалось заполнить личностные опросники, измеряющие ТТ и ТН, а также решить кейсы и сыграть в игру с принятием рискованных или безопасных решений и их реализацией. Статистический анализ проводился в программе SPSS с использованием однофакторного дисперсионного ANOVA (межгрупповой дизайн).

Обнаружено, что личностные диспозиции — и показатели ТТ, и показатели ТН, опосредуют риск на уровне поведенческого выбора. При этом на уровне пове-

денческих решений данные диспозиции не проявляются как независимые факторы. Полученные результаты могут быть использованы, во-первых, в качестве оснований для разработки более точных методов диагностики экономического поведения, а во-вторых — для повышения точности прогноза поведенческого риска.

1. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 06.05.2022).
2. Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Свойства темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова — IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33.
3. Grover S., Furnham A. The moderating effects of emotional stability on the relationship between the Dark Triad and different measures of risk-taking // Personality and Individual Differences. 2021. 171(4). P. 110450.
4. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. 47(2). P. 263–291.
5. Kusev P., van Schaik P., Ayton P., Dent J., Chater N. Exaggerated risk: Prospect theory and probability weighting in risky choice // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2009. 35(6). P. 1487–1505.

Исследование выполнено при поддержке ИОН РАНХиГС

Лямин Д.П.
Минск, УО "БГПУ им. М. Танка", УО ВАРБ

Формирование социальных установок общества в эпоху цифровизации общества

Социальная установка, перцепция, отношение, информационное воздействие, восприятие

В современных условиях в социальной психологии особый интерес вызывают вопросы формирования общественного мнения, управление социальными установками, определяющими отношение, как отдельного индивида, так и группы лиц (социальной группы) к заданному процессу (объекту, явлению). Кроме того, особую актуальность сфера социальной перцепции приобрела в связи с постоянным деструктивным информационным воздействием на население страны со стороны различных акторов на внешнеполитической арене. Для успешного противодействия негативным последствиям подобных мероприятий необходимо четко представлять алгоритм изменения (коррекции) социальных установок, в том числе с использованием социальных сетей.

В связи с развитием информационных технологий, а так же с переходом на дистанционные способы коммуникации происходит трансформация процесса восприятия информации человеком. Это привело к снижению степени критичности к получаемым данным со стороны реципиента, особенно если в предлагаемых информационных пакетах использован прием «обращения к мнению авторитета» с привлечением «лидеров мнений» и информационных банков («Think tanks»).

В основу предлагаемой методики положена теория трехкомпонентной структуры отношений, предложенная В.Н. Мясищевым, согласно которой для наиболее устойчивого формирования социальных установок в перцепции наиболее целесообразно осуществлять воздействие на две компоненты аттитюда: когнитивную и эмотивную (Мясищев, 2011). Что касается третьей поведенческой компоненты, то, в зависимости от вектора воздействия, можно не только предсказать поведение индивида, но и смоделировать его действия в отношении требуемого социального объекта. При этом источник информации должен не только удовлетворять ряду требований (согласно Н. Московичи: надежность, профессионализм, социальная значимость и объективность (Н. Московичи, 2007)), н и быть актуальным, обновляемым, отвечать предпочтениям реципиента в правилах подачи данных. Для глубокого усвоения материала информация должна подаваться в соответствии с рядом рекомендаций: соблюдать строгую логическую последовательность; материал должен подчиняться правилам алгоритмизации; информационный блок должен содержать большое количество (по сравнению с текстовой частью) графической информации (схемы, графики, рисунки, фото и видео материалы); текстовая информация (особенно в содержании заголовков) излагается кратко (2-4 предложения); в текстовой части использовать лингвистические конструк-

ции, принятые в среде выбранного интернет-сообщества (профессиональный сленг, молодежный жаргон и т.д.).

Для формирования (корректировки) эмотивной составляющей установки в интернете существуют уже достаточно устойчивые правила передачи эмоционального отношения к объекту. К таким можно отнести: юмор, сатира (демотиваоры), эмотиконы, смайлы, изменение шрифта, переход на заглавные буквы, применение общепринятых в сети сокращений («ЛОЛ»). Исследования, проведенные на базе нескольких школ г. Минска с использованием созданных интернет-групп в социальной сети «ВКонтакте» (методы: наблюдение, социологический опрос) показали, что вышеперечисленные приемы способны менять эмоциональное состояние партнера по общению.

Глубину сдвига аттитюда необходимо контролировать с помощью кратких интернет-опросов, в том числе в игровой форме и с использованием чат-ботов. Установка определяется на основе результатов, полученных с помощью ассоциативно-проективных методик, для уточнения степени ее устойчивости можно использовать методы нелинейного шкалирования.

Таким образом, методика работы с установками в сети состоит из двух этапов: формирование установки и контроль ее качественного состояния. Практические исследования показали, что сформированные таким образом установки обладают степенью устойчивости N ≥4 (Лайкерт, 1932).

1. Мясищев, В.Н. Психология отношений : избр. психол тр. / В.Н. Мясищев ; Моск. Психол.-соц. Ин-т ; под ред. А.А.Бодалева. — 4-е изд. — М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. — 400 с.
2. Московичи, С. Социальная психология. / С. Московичи. 7-е изд. — СПб.: Питер, 2007. — 592 с.
3. Likert, R.A. Technique for a meas of attitudes. — Archive of Psychology. 1932. Vol. 7, № 40.

Медяник О.В., Медяник А.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Разработка типологии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошеничества

Типология финансового поведения, кибермошеничество, виктимное поведение, коды воздействия

Повышая качество жизни, особенно в условиях политических и экономических угроз цифровизация порождает новые проблемы, связанные с адаптацией к ней. Вместе с ростом предложений обществу цифровых финансовых услуг растет и кибермошенничество, снижая ощущение безопасности граждан и доверие технологиям. Проведено в 2021 году междисциплинарное исследование цифрового финансового поведения потребителей финансовых услуг с использованием количественных и качественных методов, которое состояло из 3 этапов. Центральной задачей работы стала разработка типологии потребителей финансовых услуг с опорой на анализ профиля их цифровой идентичности и изучение психологических и демографических характеристик.

На 1 этапе было проведено качественное пилотажное исследование студенческой молодежи (г. Санкт-Петербург, 39 респондентов) с использованием полуструктурированного письменного интервью «Psychological influence codes-13». Анализ результатов исследования проводился с помощью контент-анализа. Была разработана матрица кодов, в которую заносились ключевые слова из массива письменных работ респондентов.

На 2 этапе исследования был разработан опросник Digital Behavior -13 (Cyber Fraud), позволяющий провести замеры цифровой виктимности и уровня цифровой грамотности. В анкете были предложены вопросы, посвященные ситуациям попадания респондентов в ловушки кибермошеников с учетом 13 кодов воздействия. С помощью опросника было проведено онлайн исследование 334 респондентов. В результате проведения второго этапа исследования были выявлены смысловые компоненты кодов или коды-доминанты, влияющие на респондентов: роль друга, воздействие жалостью, социальное присоединение, инструктаж, профайлинг, сравнение и т.д. Так же был сделан вывод, что большинство участников исследования имеют базовые, скорее поверхостные знания о цифровой безопасности.

Главной задачей 3 этапа было разработать метод, позволяющий зафиксировать корреляцию между психологическим типом финансового цифрового поведения и маркером цифровой виктимности при воздействии доминирующего кода для каждого типа. Разработанный опросный метод «Digital Behavior (Cyber Fraud)» был проведен на российской выборке в колличестве 822 человек и включил следущие методики: 1. Авторский опросник «Цифровое поведение граждан в условиях кибермошенничества» (О.В. Медяник, 2021). Методика, позволяет определить уровень уязвимости финансового поведения граждан в интернет-про-

странстве в условиях кибермошенничества. 2. Шкалу «Финансовой тревожности» (Медяник, 2016) [1]; 3. Сокращенную версию методики диагностики степени готовности к риску А. М. Шуберта (2002) [2].

Разработка эмпирически обоснованной типологии цифрового финансового поведения, включающей умения потребителей финансовых услуг распознавать преступные действия кибермошенников позволила определить 4 типа финансового поведения: рациональный, тревожный, интуитивный и ситуативный. Каждый тип включил в себя маркеры воздействующих кодов при использовании интернета для каждого типа финансоового поведения. Рациональный тип менее всего оказался подвежден влиянию провоцирующих кодов. Самые нестабильные типы финансового повежения оказались тревожный и ситуативный.

Анализируя полученные результаты по трём этапам исследований, был сделан вывод, что существует прямая корреляционная связь уровня финансовой тревожности, готовности к риску и внушаемости к изменению финансового поведения в условиях кибермошенничества. Дальнейшие исследования в данной области будут нацелены на более подробное исследование смешанных (амбивалентных) типов цифрового финансового поведения.

1. Медяник О.В. Отношение граждан к государственной финансовой политике как фактор экономической безопасности личности. Сборник тезисов «Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки» (СПб.: Изд-во С.Петерб. ун-та, 2016), стр.265.
2. Пугачев В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом. -М.: Аспект Пресс, 2001.-285 с.

Мисонжников Б.Я.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Канцлер Германии в парадигме политического поведения: психологический медиапортрет

Политико-психологический портрет, массмедиа, канцлер О. Шольц, комментарий

В первой половине 2022 г. произошли события, которые изменили архитектуру мироустройства. Совсем недавно О. С. Дейнека писала: «Растущая напряженность в отношениях и различные взгляды на решение многих политических вопросов не отменяют того факта, что Германия остается крупным политическим и экономическим партнером России» [2, с. 226]. Отношения между двумя странами вскоре перестали быть партнерскими, обрели форму противостояния, в котором важную роль стал играть канцлер О. Шольц. События способствовали его активному вовлечению в политический процесс и особенно интенсивному освещению его деятельности в массмедиа, что обусловило практически мгновенное формирование политико-психологического портрета. В данной сфере есть некоторые закономерности, которые имеют отношение и к канцлеру Германии. Так, «у топ-менеджеров уровень интеллекта значимо выше, чем у политиков. Такие результаты подтверждают факт, известный в социальной психологии, — лидер обладает интеллектом выше средних значений в группе, но никогда — высоким… у политиков в профиле оказались два пика значений по шкалам психопатия (62,8) и паранойя (60,2)» [1, с. 160].

О. Шольц, политический деятель, как можно предположить, достаточно заурядный, сразу же оказался в драматически напряженной ситуации, и при других условиях он, возможно, смог бы так выстраивать модель своего поведения, чтобы не попадать под мощный пресс обстоятельств. Но ему не удалось проявить мудрость и осторожность, как это удавалось многим его предшественникам. Уже его встреча с В. В. Путиным в феврале 2022 г. вызвала волну критики в массмедиа. Корреспондент журнала Stern Н. Крузе упрекнул канцлера в том, что тот определил информацию Путина об истреблении жителей Донбасса как «фальшь» лишь спустя некоторое время после встречи (15.02.2022). Корреспондент газеты Tagesspiegel Г. Измар процитировал слова канцлера, который назвал высказывание Путина о геноциде «смехотворным» (19.02.2022). В связи с этим в газете появились десятки комментариев, содержащих критику — вплоть до оскорблений — канцлера. Это касалось не столько этической стороны события, сколько невнятности позиции политика. Некто goergen заявил в посте под заголовком «От маяка надежды до „пуделя“ — Шольц»: «Мое разочарование безгранично… Шольц потерпел фиаско… потому что он полностью поставил себя на службу поджигателям войны, якобы спасающим западные ценности! Я надеялся, что он проявит жесткость в своей позиции, поступит как „хитрая лиса“». Читатель под ником schnauzer обратился к канцлеру, добавив к его фамилии уменьшительно-фамильярный

суффикс «chen» — Schoelzchen. Такое неуважительное обращение возможно разве что в дворовой компании.

Не стоит удивляться тому, что в тренде событий оказалось и оскорбление канцлера, которое позволил себе украинский посол Мельник. Журнал Spiegel опубликовал сообщение Deutsche Presse-Agentur GmbH, в котором привел слова посла, назвавшего канцлера «обиженной ливерной колбасой» (03.05.2022). Читательские комментарии, создающие определенный метадискурс с повышенной эмоциональной энергетикой, усиливают эффект подобных публикаций. Автор под ником FelixMilla заметил: «Хорошо, что Мельник не посол на Ближнем Востоке. Я вовсе не могу себе представить, что с ним было бы, если бы он так неуважительно отнесся к шейху или эмиру». Медиапортрет Шольца не вызывает симпатии. Нечто человеческое о нем довелось прочитать только на портале Der SPD-Parteivorstand (https://olaf-scholz.spd.de/start/). Шольц не без умиления сообщил, что расслабиться ему позволяют йога и еда, а жена для него — это всё.

1. Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И. Психологический портрет политика по индикаторам качеств человеческого капитала // Вест. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 3. Ч. II. С. 156–164
2. Дейнека О. С. Образ и медиаобраз России в сознании немецких граждан на фоне усиления радикальных установок в обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 225–231.

Мортикова И.А., Дейнека О.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности межличностной коммуникации молодежи на фоне глобального гибридного конфликта

Межличностная коммуникация, молодежь, политические убеждения, гибридный конфликт

Возрастающее напряжение геополитической ситуации, гибридный конфликт, сопутствующий общемировой кризис не могут не сказываться на обыденной жизни каждого отдельного гражданина, на межличностных отношениях и коммуникации. Огромное количество информации, зачастую противоречивой и шокирующей, фактически перманентное нахождение в информационном потоке, несомненно, способствует нарастанию тревоги, усиливает чувство растерянности, недоверия.

Предметом данного исследования стали актуальные особенности межличностной коммуникации с учетом общности/различий политических убеждений и доминирующего состояния. Выборка представлена молодыми людьми в возрасте от 25 до 32 лет, которые проживают в Санкт-Петербурге (всего 60 чел. 60% женщины, 40% мужчины……). Методы исследования включали: 1) авторский опросник для определения особенностей коммуникации, (утверждения в авторской анкете составлены таким образом, чтобы охватить особенности не только дружеского общения внутри поколения, но и особенности общения внутри семьи между разными поколениями); 2) шкалу толерантности к неопределенности С. Баднера [1]; 3) методику определения доминирующего состояния Л.В. Куликова [2].

Результаты исследования показали, что большинство респондентов интересуются ситуацией в мире, в качестве источника информации используют преимущественно интернет, но признают противоречивость публикуемого контента. Респонденты отмечали зависимость своего морального состояния от происходящих в мире событий, и информационного поля СМИиК, в связи с чем, большинство опрошенных старается ограничивать себя в просмотре контента. Кроме того, респонденты считают, что общение с людьми в сложные времена даёт моральные силы и ресурсы; стараются сменить тему, если разговор о политике рискует испортить отношения с собеседником; хотят продолжить общение с друзьями, несмотря на разногласия в оценке политических событий и персон, при этом отмечают изменения во мнениях о некоторых знакомых из-за разницы политических убеждений. Также большая часть обследуемых не считает своих родителей авторитетными в вопросах политики, и не согласны с утверждением о том, что жизненный опыт и возраст способствуют лучшему пониманию политических событий. На исследованной выборке был получен показатель интолерантности к неопределенности по методике Баднера выше нормативного.

В результате обработки данных, полученных по методике определения доминирующего состояния, было выявлено, что у большинства респондентов наблюдается низкий и пониженный тонус, для чего характерны ощущение усталости, несобранность, вялость, инертность, уменьшен ресурс сил. Также у опрошенных отмечается не высокая удовлетворенность жизнью, низкие и средние значения устойчивости эмоционального фона, легко возникает эмоциональное возбуждение, раздражительность, изменчивость настроения. Кроме того, были получены низкие значения по шкале «Спокойствие-тревога», что говорит о склонности респондентов испытывать беспокойство в широком круге жизненных ситуаций, видеть угрозу благополучию. У подавляющего большинства респондентов отмечаются низкие баллы по шкале «Положительный/отрицательный образ самого себя», что говорит не только о высокой критичности в оценке себя, но и о искренности в ответах.

1. Корнилова Т.В, Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология, 2014. №1. С. 92–110
2. Куликов Л.В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. Описание методик, инструкции по применению. СПб: СПбГУ, 2003. С.32-62

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01935

Осин Р.В.
Пенза, ПГУ

Образ «чужого» в сознании украинской молодежи

Образ, чужой, образ чужого, социальная дистанция, молодежь

Специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины, начавшаяся в феврале 2022 года внесла существенные коррективы в мировой порядок, которые еще предстоит проанализировать в будущем [2]. Однако изменение отношений между двумя странами-соседями началось гораздо раньше. Поворотной точкой стал политический кризис на Украине 2013–2014 гг. В российских медиа начиная с этого времени отмечали рост «украинского патриотизма», основными компонентами которого стали русофобия, расизм и ксенофобия [1]. Для рассмотрения феномена ксенофобии важно исследовать формирование первичных тенденций образования неприятия «чужих». Механизмы, обусловливающие развитие ксенофобии, делятся на социально-психологические (внушение, заражение, мифологизация) и механизмы психологической защиты (идентификация, проекция). Сочетание механизмов приводит к возникновению в сознании образа «чужого». Первоочередным маркером образования ксенофобных тенденций является близость или отчужденность с представителями определенных групп.

Шкала социальной дистанции Богардуса (в адаптации Н. Паниной) позволяет установить меру социальной дистанции между представителями этнических групп. Н. Панина, адаптируя шкалу Богардуса выделила такие аспекты анализа, как открытость (1 — 3,9 балла), национальная обособленность (4 — 4,9 балла), национальная изолированность (5 — 5,9 баллов), ксенофобия (6 — 7 баллов). Исследование проводилось в Западной Украине (Волынская и Ровенская области) в январе-феврале 2022 года (до начала специальной операции). Участие в нем приняли 153 человек (81 женщина, 72 мужчин) в возрасте 18-24 лет проживающих на территории Украины и являющимися по своей национальности украинцами.

Анализ полученных данных показал, что наименьшую степень социальной дистанции респонденты демонстрируют к белорусам (1), что обусловлено их рассмотрением через призму «своих» славянских народов. К евреям также демонстрируется незначительная степень социальной дистанции (3,8), что связано с процессом их длительной ассимиляции в украинской культуре. Национальная изолированность как еще более глубокая мера социальной дистанции наблюдается к цыганам (5), народам Кавказа и Закавказья (5,2). В соответствии со стереотипами они воспринимаются как несущие угрозу. Наивысшая степень социальной дистанции, проявляющаяся как ксенофобия, наблюдается в отношении африканцев (6,9), арабов (7) и россиян (6,4). Негативное отношение к африканцам объясняется специфическим признаком — цветом их кожи. В таком случае ксенофобия приобретает форму расизма. Ксенофобия в отношении арабов объясняется значительными религиозными и культурными различиями.

Высокий уровень ксенофобии в отношении россиян объясняется сложной ситуацией, возникшей между странами, которые еще недавно воспринимались как братские. Данные мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины с 1994 по 2004 гг. [3], указывают на то, что в течение всего этого периода между украинцами и россиянами существовала минимальная социальная дистанция, существовала даже тенденция к объединению наций. Однако с началом ведения боевых действий на Донбассе в 2014 году, а также после отделения Крыма специфика восприятия кардинально изменилась. Россиянин начал восприниматься не просто как «чужой», а как «враг». Рост национального сознания, повышение уровня патриотизма, что наблюдается с начала боевых действий, с одной стороны, способствует объединению украинского народа, однако, с другой стороны, обусловливает активацию националистических настроений.

1. Лимхоманов П. В Киеве снова нашли врагов // Российская газета. — 2015, 18 июня. — № 6703 (132). — URL: https://rg.ru/2015/06/19/xeno.html (дата обращения: 19.05.2022)
2. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. — 2022, 24 февраля. — URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 19.05.2022)
3. Панина Н.В. Социологический мониторинг. Украинское общество 1994-2005: Год перелома. — Киев: Институт социологии НАН Украины, 2005. — 149 с.

Прусова И.С., Богатырева Н.И.
Москва, НИУ ВШЭ

Оправдание политической системы в России: роль мотивационных оснований

Оправдание политической системы, консерватизм, ориентация на социальное доминирование, потребность в когнитивной завершенности, «разделенная реальность», страх смерти

В рамках теории оправдания системы исследователи показали, что люди склонны оправдывать существующую систему вне зависимости от занимаемого положения и культурного контекста [2]. В этом случае люди обращаются к разным легитимизирующим установкам: оправданию системы (ориентация на сохранение статуса-кво), ориентации на социальное доминирование (поддержка существующей иерархии и неравенства) и консерватизму (ориентация на традиционалистские ценности). Представленность таких установок обусловлена мотивационными основаниями: эпистемическими потребностями (потребность в когнитивной завершенности), экзистенциальными потребностями (страх смерти) и потребностью в поддержании отношений («разделенная реальность»). Некоторые исследования показывают, что такая структура мотивационных оснований может по-разному предсказывать легитимизирующие установки [1; 2]. Для комплексного анализа роли мотивационных оснований в поддержке разных легитимизирующих установок в России был реализован онлайн-опрос.

В исследовании приняли участие 387 россиян (50.3% женщин, 49.7% мужчин) в возрасте от 18 до 73 лет (M = 35.9, SD = 11.8). Респонденты заполняли методики на оправдание политической системы, ориентацию на социальное доминирование, потребность в когнитивной завершенности, страх смерти, «разделенную реальность» и социально-демографические характеристики (уровень дохода и образования, субъективный статус и политические ориентации).

Анализ данных осуществлялся посредством моделирования структурными уравнениями. Предикторами выступали мотивационные основания (потребность в когнитивной завершенности, страх смерти и «разделенная реальность»), зависимыми переменными — установки (оправдание политической системы, консерватизм и ориентация на социальное доминирование). Модель показала хорошее соответствие данным: $\chi 2\ (850) = 1528$, RMSEA = .05, SRMR = .06; TLI = .91; CFI = .92. Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что поддержка легитимизирующих установок связана с актуализацией разных мотивационных оснований. Для оправдания системы предикторами выступают потребность в когнитивной завершенности и «разделенная реальность», для консерватизма — потребность в когнитивной завершенности. При изучении ориентации на социальное доминирование было получено, что представленный конструкт включает две шкалы, которые предсказываются разными основаниями: поддержка антиэгалитаризма негативно связана с потребностью в когнитивной завершенности;

доминирования — с «разделенной реальностью», но положительно — со страхом смерти.

Полученные результаты в отношении оправдания системы и консерватизма соотносятся с западными исследованиями [2]. При анализе мотивационных оснований антиэгалитаризма и доминирования можно выделить специфику посткоммунистического контекста, в котором идея равенства соотносится со статусом-кво [3]. Вместе с тем, негативная связь между доминированием и «разделенной реальностью» может рассматриваться через перспективу разных представлений о существующей в обществе иерархии у людей с разным статусом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в представлениях людей существует система легитимизирующих установок, однако представленность таких установок определяется разными мотивационными основаниями.

1. Federico C. M., Ergun D., Hunt C. Opposition to equality and support for tradition as mediators of the relationship between epistemic motivation and system-justifying identifications // Group Processes & Intergroup Relations. — 2014. — Vol.17. — №4. — P. 524–541.
2. Jost J. T. A theory of system justification. Harvard University Press, 2020.
3. Roets A., Kruglanski A. W., Kossowska M., Pierro A., Hong Y. yi. The Motivated Gatekeeper of Our Minds: New Directions in Need for Closure Theory and Research // Advances in Experimental Social Psychology. — 2015. — Vol.52. — P. 221-283.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №20-18-00142

Рафикова В.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Немецкая психология в период Второй мировой войны

История психологии, немецкая психология, политическая история психологии, психология периода национал-социализма

Фактор государственной идеологии и политики в развитии науки — актуальная проблема современной истории психологии и дискуссий о перспективах ее развития. История взаимодействия психологической науки с властными структурами при национал-социалистическом режиме в Германии является ярким примером «политической» истории психологии. Здесь конкурируют два нарратива: гипотеза "форсированной профессионализации" немецкой психологии, которая берет начало в трудах У. Гойтера: [2] несмотря на политические и расовые преследования, а также масштабную эмиграцию многих известных психологов — психологическая наука активно развивалась при национал-социалистическом режиме немецкая психология понесла колоссальные потери, несмотря на кажущуюся заинтересованность власти в услугах молодой науки: В. Шенпфлунг акцентирует внимание на значительных потерях в кадровом отношении, а также качестве преподавания и научных исследований [4; 5].

На материале исторических источников в нашей работе рассмотрены основания этих точек зрения на примере развития психологии в системе образования. Важным показателем заинтересованности государства в связи Вермахта и психологии стало принятие первых за всю историю Германии правил проведения экзаменов по психологии — DPO, «Diplomprüfungsordnung», 1 апреля 1941 года, основные положения которого были разработаны О. Кро и М. Симонейтом. Помимо прочего в DPO оговаривалось, что обучение психологии может официально считаться пройденным только в университете, где этот предмет ведет профессор. В результате в 1942 году во Фрайбурге, Кельне и Мюнстере были открыты новые должности для профессоров психологии. Такое положение дел, а также политика правительства, заключающаяся в активном привлечении психологов к работе вооруженных сил, привело к тому, что профессоров психологии в немецких университетах было больше, чем когда-либо прежде.

Следует отметить, что большинство университетских психологов во время войны, помимо своей работы в университете, также служили в Вермахте психологами, занимались прикладными задачами, что оценивалось как безусловно положительный опыт не только в ретроспективе [1], но и уже тогда: еще в 1941 году О. Кро писал, что «даже самый закоренелый теоретик больше не захочет обходиться без прелести практического применения психологических разработок, испытанной во время войны» [3]. Однако вскоре укрепление позиций психологии в университетах, продиктованное запросами военного времени, было подорвано роспуском центров психологического тестирования. 15 апреля 1942 года в Люфтваффе были отменены тесты на пригодность для летного состава. 22 мая 1942 года

были распущены армейские центры психологического тестирования; военно-морской флот также отменил психологическую экспертизу офицеров-претендентов.

Политическая история немецкой психологии сегодня активно развивается, в первую очередь, немецкими коллегами. Эта область актуальна и в русскоязычном дискурсе.

1. Geuter, U. (1984). “Gleichschaltung” von oben? Universitätspolitische Strategien und Verhaltens- weisen in der Psychologie während des Nationalsozialismus [“Elimination of opposition”from above? Political strategies and modes of behavior within academic psychology during National Socialism]. Psychologische Rundschau, 35(4), 198–213.
2. Geuter, U. (1992). The professionalization of psychology in Nazi Germany (R. Holmes, Trans.). Cambridge University Press.
3. Kroh, O. (1941). Ein bedeutsamer Fortschritt in der deutschen Psychology [A significant advance in German psychology]. Zeitschrift Für Psychologie, 151(1–4), 1–32.
4. Schönpflug, W. (2017). Professional psychology in Germany, National Socialism, and the Second World War. History of Psychology, 20(4), 387–407.
5. Schönpflug, W. (2020). Professionalisierung der Psychologie im Dritten Reich: Aufschwung oder Sackgasse? [Professionalization of psychology in the Third Reich: upturn or dead end?]. In M. Wieser (Ed.), Psychologie im Nationalsozialismus [Psychology in National Socialism] (pp. 73–87).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004

Федорова Н.В., Агадуллина Е.Р.
Москва, НИУ ВШЭ

Исследование связи удовлетворенности и оценки экономического неравенства с поддержкой существующих социальных норм

Социально-экономическое неравенство, неравенство, оправдание социальной системы.

В последние десятилетия тема экономического неравенства стала более значимой для общественности (Jetten, Peters, 2019). По сравнению с 2018 годом разрыв между бедными и богатыми увеличился на 12% (Oxfam, 2019). Существует значимый разрыв между объективным неравенством и тем, как это неравенство субъективно воспринимается (Gimpelson, Treisman; 2018). Даже высоко оценивая неравенство люди могут не предпринимать никаких действий, чтобы сократить разрыв между богатыми и бедными. Американским психологом Джоном Джостом была предложена теория оправдания системы, согласно которой, несмотря на существующее неравенство, люди склонны в целом оправдывать существующую систему и считать ее справедливой, что позволяет поддерживать собственное психологическое благополучие и уменьшает вероятность протестных действий относительно существующего положения дел (Jost, 2019). Данный тезис был неоднократно подтвержден исследованиями (Jost, 2019), в том числе проведенными и на российской выборке (Гимпельсон В. Е., Монусова, 2014).

В России проблема неравенства является крайне общественно значимой, исследователями было выявлено, что происходят изменения в российском обществе отношения к неравенству. (Мареева, 2018) Связь неравенства в доходе и удовлетворенности жизнью не представляется однозначной, разные исследователи получают разные результаты (Verme, 2011). В кросс-культурном исследовании, основанном на Европейском опроснике ценностей, в котором были собраны ответы 267870 респондентов из 1349 регионов из 84 стран, была найдена отрицательная связь между выраженностью неравенства и удовлетворенностью жизнью (Verme; 2011).

Нами было проведено исследование на открытых данных, в котором изучалась связь между удовлетворенностью и оценкой неравенства с поддержкой существующих социальных норм. В опросе участвовало 1021 человек жителей России, 486 мужчин и 1070 женщин, жители различных регионов РФ. Средний возраст респондентов 48 лет (от 20 до 86 лет). В качестве методики были взяты вопросы из World Values Survey (WVS). Респонденты были разделены кластерным анализом на 4 кластера на основе ответов респондента на вопросы про удовлетворенность жизнью и восприятием социально-экономического неравенства.

Сравнение кластеров показало, что люди, воспринимающие неравенство и удовлетворенные жизнью в большей степени склонны следовать нормам, чем воспринимающие неравенство высоко и не удовлетворенные жизнью (p .001). Респонденты, высоко оценивающие неравенство и с низкими показателями

удовлетворенности жизнью в целом, демонстрировали значимые статистические отличия от всех остальных респондентов (p 0,001). Они в меньшей степени считали, что общество живет по разумным принципам. Респонденты со средней оценкой экономического неравенства и высокой удовлетворенностью жизнью демонстрировали большую поддержку существующих социальных норм, чем респонденты, высоко оценивающие неравенство и с низкими показателями удовлетворенности жизнью в целом. В рамках проведенного исследования были подтверждены гипотезы и была уточнена теория оправдания социальной системы.

1. Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность //Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Т. 18. — №. 2.
2. Мареева, Светлана Владимировна. "Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения." Вестник Института социологии 9.3 (2018).
3. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality //Economics & Politics. — 2018. — Т. 30. — №. 1. — С. 27-54.
4. Jetten J., Peters K. Putting a social psychological spotlight on economic inequality //The social psychology of inequality. — Springer, Cham, 2019. — С. 1-18.
5. Jost J. T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications //British Journal of Social Psychology. — 2019. — Т. 58. — № 2. — С. 263-314.
6. Oxfam G. B. Public good or private wealth. — 2019.
7. Verme P. Life satisfaction and income inequality. — The World Bank, 2011.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Астраханцева А.М.
Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф.Лесгафта

Пример классификации «спортивных чувств»

Психология спорта, «спортивные чувства», классификация «спортивных чувств», специализированные спортивные восприятия.

Введение. «Спортивные чувства» начали изучать с самого зарождения психологии спорта в нашей стране — с 1930-х гг. Первое определение «спортивных чувств» дал Пуни А. Ц. (1937 г.). Нами были проанализированы научные работы, затрагивающие тему «спортивных чувств» и специализированных спортивных восприятий проводившиеся, в 1930 –е — 2020-е гг. в психологии спорта, и, теории и методике физической культуры. Обнаружилось, что: 1. Имеется достаточно большой объем эмпирических исследований по «спортивным чувствам», в разных видах спорта. Эти исследования мало охвачены теоретическим осмыслением, носят прикладной характер. Что характерно для состояния дел в психологии в наше время. [1] 2. Отсутствует системный характер рассмотрения «спортивных чувств» — при проведении экспериментальных исследований в одном виде спорта. Исследователи приводят разный набор «спортивных чувств», без серьезной мотивировки своего выбора.

Методы. Результаты. Классификация — разделение совокупности предметов или явлений на группы или классы в соответствии с заранее заданными, общими для них признаками или критериями. [2] В нашем примере основанием классификации служит нахождение источника сенсорной информации относительно спортсмена (внутри его тела — как отражение внутренних физиологических состояний; проявляется на границе тела — через разнообразные движения тела и проявления физических качеств; вне тела спортсмена — чувства, возникающие при взаимодействиях со внешними предметами / субъектами, средой). Соответственно, можно построить двух или трехмерную модель «спортивных чувств» у спортсмена в которой «спортивные чувства» состоят из 4-х групп: 1 гр. «Универсальные чувства». Имеют как самостоятельное значение, так и входят в состав чувств трех других групп. Чувства: времени, пространства, скорости. 2 гр. Чувства взаимодействия со внешними предметами (объектами). Чувства: спортивного орудия, снаряда, поля, воды, партнера, соперника, экипировки). 3 гр. Чувства движений тела и проявлений физических качеств. Чувства: специальных

умений, силы, быстроты, гибкости, выносливости. 4 гр. Физиологические чувства. Чувства, возникающие от внутренних органов и систем во время спортивной деятельности, в том числе боли. Центр схемы (точка), где сходятся вместе все группы «спортивных чувств» мы можем обозначить как интегральное состояние спортсмена в данный момент времени. При рассмотрении вида спорта в виде модели через классификацию, мы далее в этих 4-х группах можем выделить подгруппы чувств, специфичные для вида спорта и его специализации (например, одиночные и парные игры в бадминтоне: различается чувство корта из-за разных размеров корта, наличия партнера в парах).

Выводы. 1. Имеется большой объем эмпирических исследований по «спортивным чувства» в каком-то конкретном виде спорта, и по некоторому набору наиболее ярко проявляющихся в этом виде спорта «спортивных чувств». В каждом виде спорта исследователи приводят разный набор «спортивных чувств», без доказательного объяснения своего выбора. Отсутствует системный характер рассмотрения «спортивных чувств». Очень мало работ по обобщению, интеграции исследований по «спортивным чувствам». 2. В предлагаемом примере классификации основанием для обобщения служит источник сенсорной информации. Место его нахождения относительно спортсмена (внутри его тела; проявляется на границе тела; вне тела спортсмена).

1. Балин В. Д. Введение в теоретическую психологию / В. Д. Балин. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 232 с. (стр. 3).
2. Немов Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. — М.: Гуманитар. Изд. Центр ВЛАДОС, 2007. — 560 с. (стр. 170).

Багадирова С.К.
Майкоп, ФГБОУ ВО АГУ

Личностные факторы социально-психологической адаптации спортсменов

Социально-психологическая адаптация, спортивная деятельность, внутренние факторы

Введение. Спортивная деятельность, как специфическая, регулируемая сознанием форма активности субъекта, является внешним фактором, определяющим адаптацию субъекта к ее требованиям, в соответствии с этапом освоения. Адаптация, а если быть точнее социально-психологическая адаптация спортсмена, является сложным процессом, в результате которого он приобретает черты личности, которые обеспечивают не просто приспособление к деятельности, а являются условием его самореализации. Социально-психологическая адаптации личности характеризуется следующими особенностями: «…протекает в постоянно меняющейся среде; …не имеет четких границ и развивается в течение всего онтогенетического развития человека; … не сводится к элементарному приспособлению; предполагает больше возможностей контроля и целенаправленной организации процесса со стороны личности; …предусматривает в качестве основной цели не приспособление, а самореализацию личности» [1, с.30].

Цель исследования: установить внутренние (личностные) факторы социально — психологической адаптированности спортсменов. В качестве диагностического метода нами была определена «Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда». В диагностике приняли участие 60 студентов — спортсменов 35 юношей и 25 девушек, обучающихся в Институте физической культуры и дзюдо Адыгейского государственного университета. Возраст участвовавших в исследовании спортсменов 18-19лет. Уровень спортивной квалификации всех участников исследования КМС.

Результаты и их обсуждение. В целом, результаты тестирования группы, позволяют судить о хорошей социально-психологической адаптивности спортсменов. О чем свидетельствуют интегральные показатели по группе: адаптация — A=74%; самопринятие — S =84%; принятие других — L=79%; эмоциональный комфорт — E=72%; интернальность — I=74%; стремление к доминированию — D=61%. Адаптивность — 141.55±23.79; дезадаптивность — 63.11±36.03; принятие себя — 44.88±12.67; непринятие себя — 10.88±8.28; принятие других — 56.55±52.34; непринятие других — 10.77±6.56; эмоциональный комфорт — 23.55±7; эмоциональный дискомфорт — 13.55±9.5; внутренний контроль — 54.77±11.28; внешний контроль — 17±11.34; доминирование — 9.55±5.32; ведомость — 18.33±7.56; эскапизм — 13.77±6.49 (при P=0,05). Однако нами определены шкалы, числовое значение которых имеет большой разброс. Это такие шкалы как: дезадаптивность, непринятие себя, принятие других, непринятие других, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль, внутренний контроль, доминирование, ведомость,

эскапизм. Подобные результаты свидетельствуют об особенностях индивидуального развития спортсменов. Часть спортсменов, испытывают проблемы в индивидуальном развитии. Также отметим, что уровень дезадаптивности у девушек достоверно выше, чем у юношей (юноши — 44.04±30.12; девушки 63.11±46.37). Принятие других у девушек достоверно выше, чем у юношей (юноши — 23.47±7.35; девушки — 56.55±7.93). Эмоциональный дискомфорт, достоверно выше у девушек (юноши — 7.47±8.29; девушки — 13.55±11.27). Внешний контроль, также достоверно выше у девушек (юноши — 11.09±10.37; девушки — 17±13.03). Достоверно выше у девушек показатели по шкале ведомость (юноши — 11.23±6.07; девушки — 18.33±8.68) (при P=0,05). Результаты диагностики не противоречат результатам работ, в которых представлены результаты исследований гендерных различий. Девушки хуже адаптируются, чаще испытывают эмоциональный дискомфорт, возлагают ответственность на других людей, а также являются более ведомыми по сравнению с юношами. Юноши менее склонны принимать других, так как они чаще конкурируют с другими людьми.

Вывод. Итак, результаты нашего исследования показывают, что внутренними (личностными) факторами социально — психологической адаптированности, являются особенности индивидуального развития, а также гендерная принадлежность спортсмена.

1. Аксенова Г. К., Проблема адаптации личности в отечественной психологии / Г. К. Аксенова, П. Ю. Аксенова //Прикладная юридическая психология.- 2012.- № 4. — С.28-36.

Барцева К.В., Солдатова Е.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Исследование уровня пространственных способностей у юных хоккеистов

Пространственные способности, пространственное мышление, подростки, физическая активность, хоккей

Спорт и физические упражнения обладают позитивным эффектом на благополучие и различные когнитивные функции, в т.ч. пространственные способности (ПС) (Voyer, Jansen, 2017). ПС это "способности понимать и запоминать пространственные отношения между объектами, а также совершать ментальные манипуляции с этими отношениями и визуализировать изменения этих отношений" (Rimfeld и др., 2017, с. 1). В предыдущих исследованиях было показано, что положительная связь между спортом и ПС может модерироваться используемым пространственным тестом, а также характеристиками конкретного вида спорта (Morawietz, Muehlbauer, 2021; Voyer, Jansen, 2017). ПС, в свою очередь, могут определять успешность в определенных видах спорта: например, хоккей требует эффективного ориентирования в игровом пространстве (Фокин, Фетисова, Егоров, 2019). Однако, по нашим данным, эмпирические свидетельства связи между занятиями хоккеем и уровнем ПС очень ограничены (Esopenko и др., 2017).

Анализ литературы позволил сформулировать гипотезу о том, что у хоккеистов уровень ПС будет в среднем выше, чем у не имеющих такого опыта. Для проверки данной гипотезы мы сравнили уровень ПС у двух групп: подростков, занимающихся хоккеем (N = 225, средний возраст = 14,25, только мальчики), и учащихся общеобразовательных школ (N = 278, средний возраст = 15,47, мальчики). Данные собирались с помощью компьютерного тестирования: участникам было предложено десять субтестов геймифицированной батареи "Королевский замок", оценивающих разные аспекты ПС, в т.ч. пространственную визуализацию, ментальное вращение фигур, пространственные отношения и др. (Rimfeld и др., 2017). Статистический анализ выполнялся на регрессионных остатках, из которых была статистически удалена дисперсия, объясняемая возрастом. Сравнение показало: подростки, занимающиеся хоккеем, продемонстрировали более низкие результаты, чем их сверстники по отдельным субтестам (Cohen's d варьировался в диапазоне от 0.42 до 0.98; p=.001) и общему результату батареи "Королевский замок" (Cohen's d = 1.04; p=.001).

Вопреки гипотезе, подростки-хоккеисты показали уровень ПС значимо ниже по сравнению с неотобранной выборкой. Полученные результаты можно объяснить с точки зрения разных теоретических моделей, включая теории воплощенного познания (англ. embodied cognition theories) и теории затраты усилий (англ. investment of effort theories), а также, возможно, отсутствием в исследовании тестов, оценивающих другие когнитивные функции, связанные с визуально-пространственным восприятием. Дальнейшие исследования, использующие

экспериментальный или лонгитюдный дизайн, необходимы для установления причинно-следственных связей между уровнем ПС и хоккейными тренировками.

1. Фокин А. М., Фетисова С. Л., Егоров В. Ю. Формирование индивидуального тактического мышления у хоккеистов на этапе начальной специализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 244–250.
2. Esopenko C. и др. Cognitive and psychosocial function in retired professional hockey players // J Neurol Neurosurg Psychiatry. 2017. Т. 88. № 6. С. 512–519.
3. Morawietz C., Muehlbauer T. Effects of Physical Exercise Interventions on Spatial Orientation in Children and Adolescents: A Systematic Scoping Review // Frontiers in Sports and Active Living. 2021. Т. 3. С. 156.
4. Rimfeld K. и др. Phenotypic and genetic evidence for a unifactorial structure of spatial abilities // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Т. 114. С. 201607883.
5. Voyer D., Jansen P. Motor expertise and performance in spatial tasks: A meta-analysis // Hum Mov Sci. 2017. Т. 54. С. 110–124.

Ветвицкая Т.В.
Санкт-Петербург, ГБОУ "Центр "Динамика"

Профессиональное выгорание тренеров юных хоккеистов с особенностями развития

Профессиональное выгорание, хоккей, тренер, ребенок с ОВЗ, родитель

В современных условиях общественного развития в области спорта особую актуальность приобретают вопросы, связанные со спортом детей с ограниченными возможностями (ОВЗ). Привлечение детей с инвалидностью в спортивную деятельность процесс трудоемкий, требующий гуманности, терпения, альтруизма со стороны тренерского состава. Паралимпийское движение в нашей стране позволяет раскрывать спортивные таланты детей с ОВЗ, что влияет на их успешную социализацию в обществе. В учебно-тренировочном процессе детей с ОВЗ, включая сенсорные, интеллектуальные особенности в развитии, принимают участие тренеры и родители. Тренеры заинтересованы в достижениях воспитанников, родительскому сообществу важен спортивный результат детей, качество предоставления услуг от тренера, спортивного сообщества. Особенность личности тренера, способы реагирования на трудности, стрессоустойчивость, способность демонстрировать гибкость в поведении, является важным условием для адаптации к часто меняющимся условиям. Осуществляя тренерскую деятельность с детьми с ОВЗ не всегда тренер может использовать арсенал наиболее привычных поведенческих паттернов и стратегий влияния, т.к. дети с ОВЗ в поведенческом репертуаре могут быть не всегда предсказуемы. В данных условиях работы тренеру необходимо иметь знания в области спортивной, возрастной, специальной психологии. Межличностные отношения в диаде «тренер-родитель» влияют на тренировочный процесс. Ряд родителей имеют представления о завышенных способностях детей. Для родителей спортивная деятельность детей с ОВЗ, их результативность в спорте выступает как компенсациях их переживаний. Родитель не всегда способен адекватно оценить перспективы, результаты детей, требуя порой невозможного, вследствие этого конфликтные отношения и нарушаются границы во взаимоотношениях с тренером. Профессиональное выгорание провоцирует тренера использовать арсенал наиболее привычных поведенческих паттернов, стратегий влияния, которые часто не отвечают требованиям ситуации и не приводят к решению педагогических проблем в процессе тренировок. Методы и результаты исследования при наличии, обсуждение и выводы.

Методы исследования включали: анализ литературы; организационные методы: определение объекта исследования, подбор группы респондентов; эмпирические методы: наблюдение, беседа, тесты. В исследовали использовали экспресс тест на самооценку (Фетискин Н.П.,и др.), тест Водопьяновой на определение уровня профессионального выгорания. 16 тренеров по хоккею (следж хоккей, спец. хоккей, хоккей для незрячих) в возрасте 25-32 лет участвовали в исследовании. По результатам экспресс теста на самооценку в 64% случаях

у тренеров были показатели заниженной самооценки. Стоит отметить, что в процессе беседы тренера отмечали, что чувствуют тревогу и беспомощность в силу того, что не всегда понимают как выстраивать свое общение с родителями детей с ОВЗ, отмечая, что они нарушают границы в общении, диктуют свои правила в тренировочном процессе. Так же есть затруднение в понимании поведения детей спортсменов с ОВЗ, в частности, отмечали трудность работы с детьми с ментальными нарушениями. Эмоциональное истощение было продемонстрировано в 30% случаев, у 24% респондентов отмечалась деперсонализация, у 32% редукция персональных достижений. Обсуждение и выводы. Сотрудничая с родителями детей с ОВЗ тренер подвержен эмоциональным рискам, которые выражаются в перепадах настроения, неуверенном поведении, сомнении в себе как в профессионале, в своих знаниях и умениях (по результатам беседы). Данное отношение к себе является предиктом к эмоциональному выгоранию, профессиональной деформации. В психологическом сопровождении тренировочного процесса необходимо дополнять профессиональный багаж тренера знаниями о себе, методах саморегуляции, о нарушенном развитии детей с различными нарушениями, знаниями о личных границах, копинг стратегиях в индивидуальном общении и в коммуникациях в малых социальных группах (родительское сообщество).

Гаврилова В.В., Ивашко С.Г.
Минск, БГУФК

Карьерные ориентации спортсменов игровых и индивидуальных видов спорта на этапе постепенного снижения достижений

Спортивная деятельность, многолетняя подготовка, спортсмены, карьерные ориентации

Спортивная деятельность — специфическая, регулируемая сознанием активность, порождаемая потребностями и направленная на развитие, совершенствование физических и психических качеств человека в соответствии с целями спорта, в котором В.Н. Пдатонов, В.Ю. Верхошанский, выделяют это несколько этапов, на протяжении которых карьерные ориентации спортсменов изменяются. Под карьерными ориентациями Э. Шейн понимает ценностные ориентации, социальные установки, интересы и социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определенного человека [1, 2]. На трех этапах многолетней подготовки (начальная, предварительная базовая, специализированная базовая) ведущими карьерными ориентациями являются сохранение баланса между учебной и спортивной деятельностью. На последующих этапах (подготовка к высшим достижениям, максимальная реализация индивидуальных возможностей, сохранение высшего спортивного мастерства) преобладают ориентации совершенствования в спортивной деятельности, борьбе, стремлению к победе. Этап постепенного снижения достижений и этап ухода из спорта высших достижений характеризуются появлением потребности спортсменов в поиске новой сферы деятельности, профессиональном становлении. Для реализации новых потребностей наилучшим способом, следует заранее выявить карьерные ориентации спортсменов [2, 3].

Для проведения исследования был использован опросник «Якоря карьеры», разработанный Э.Шейном, переведенный и адаптированный В.А.Чикер, В.Э.Винокуровой. Выборка спортсменов состоит из спортсменов занимающихся командными (n=22) и индивидуальными (n=17) видами спорта.

Значимые различия между двумя группами испытуемых были выявлены по шкалам «Стабильность работы» и «Стабильность места жительства». Респонденты, занимающиеся индивидуальными видами спорта, в большей степени испытывают потребность в безопасности и защите, которые обеспечивают длительный контракт и положительная репутация компании. Для испытуемых, занимающихся командными видами спорта, постоянная и стабильная работа играет незначительную роль. Они предпочтут выбрать кратковременный проект, стабильной работе с минимальным риском увольнения — разница между значениями групп испытуемых по шкале «Стабильность работы» 8,90±0,44 против 6,53±0,26 балла; P 0,05. Возможность оставаться в одном городе, работать без командировок для испытуемых, занимающихся индивидуальными видами спорта, играет важную роль. Для спортсменов, занимающихся командными ви-

дами спорта, переезд и частые командировки не являются негативным фактором при рассмотрении предложения о работе, — разница между показателями шкалы «Стабильность места жительства» 4, 45±0,46 против 2, 58±0,48 балла; P 0,05. По шкалам «Профессиональная компетентность», «Менеджмент», «Служение», «Вызов», «Предпринимательство» значительной разницы между показателями групп испытуемых не наблюдается. Это свидетельствует о том, что спортсмены обеих групп стремятся быть мастерами своего дела, готовы управлять другими в пределах своей компетенции, решать трудные задачи, помогать людям, создавать что-то новое, хотят быть независимыми от организационных правил и ограничений. Респонденты ориентированы на объединение различных сторон образа жизни — шкала «Интеграция стилей жизни»

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на этапе постепенного снижения достижений, при выборе новой карьеры, спортсмены ориентируются на возможность самоуправления и независимость, состояние организации на рынке, месторасположение работы.

1. Горская, Г. Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учеб. пособие / Г. Б. Горская. — Краснодар, 2008. — 209 с.
2. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте: общая теория и ее практические приложения / В. Н. Платонов. — М.: Советский спорт, 2005. — 820 с.
3. Терновская, О. П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения: автореф. дис. канд. психол наук: 19.00.07 / О.П. Терновская Моск. психол.-соц. ин-т. — Москва, 2006. — 19 с.

Жабакова Т.В., Короткова Д.А.
Челябинск, ЮУрГГПУ

Психологические особенности толерантности к неопределенности спортсменов в условиях современных вызовов

Толерантность к неопределенности, интолерантность, современные вызовы, подготовка спортсменов

Современный психологический фокус подготовки спортсменов в настоящее время сместился в сторону трансформации дихотомических представлений о «возможном» и «потенциальном», ригидности и флексибильности, активности-пассивности личности в условиях неопределенности современных вызовов в спорте.

В исследовании психологических особенностей толерантности к неопределенности приняли участие 66 спортсменов. Основание деления на экспериментальные группы — возраст спортсменов (ЭГ- 1 — спортсмены с 25 до 37 лет, ЭГ-2 — спортсмены с 18 до 23 лет). В качестве психодиагностической методики мы использовали шкалу толерантности — интолерантности к неопределенности Баднера (модификация Г.У. Солдатовой [1]). Для статистической обработки результатов измерений применялись описательные статистики, φ* Фишера.

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что показатели критерия «толерантность к новизне» задач статистически различаются в экспериментальных группах (φ*эмп = 2,38 при φ*кр=1,64 ($\rho \leq 0,05$) и φ*кр=2,31 ($\rho \leq 0,01$)). Так, в ЭГ-1 нет интолерантных личностей, а в ЭГ-2 интолерантность доходит до 21,5%. Показатели респондентов, которые непосредственно толерантны к новизне в ЭГ-2 составляет всего 10,4%. Результаты исследования критерия «сложность» позволяют сделать о преобладании средних показателей в общей выборке. Однако интолератность к сложностям статистически значимо отличается в экспериментальных группах (φ*эмп = 2,40 при φ*кр=1,64 ($\rho \leq 0,05$) и φ*кр = 2,31 ($\rho \leq 0,01$)). В ЭГ-1 высокий показатель интолерантности к сложностям на 48,2% выше, чем в ЭГ-2, что, возможно, объясняется традиционными методами подготовки к соревнованиям, включающую, как правило, «агрессивное мотивирование». Таким образом, «старшая» группа спортсменов интолерантна к сложности, что обуславливает упрощенность мышления и предпочтение популярных схем игровых действий. Результаты анализа критерия «неразрешимость» показывают, что ЭГ-1 и ЭГ-2 преобладает низкий уровень критерия. Однако в ЭГ-1 высокий уровень критерия «неразрешимость» составляет 27,6%. Такие спортсмены пытаются избежать сложных, неразрешимых ситуаций, склоны к депрессивности. В ЭГ-2 преобладает средний уровень критерия «неразрешимость» (92,9%). Следовательно, для группы ЭГ-2 умение выйти из сложной и запутанной ситуации становится возможностью развития личностного потенциала. Анализ общего показателя толерантности к неопределенности позволяет сделать вывод, что о преоблада-

нии среднего уровня толерантности к неопределенности (ЭГ-1 — 86,2% и ЭГ-2 –78,6%). Следовательно, спортсмены лучше понимают чужие эмоции и умеют управлять своими эмоциональными состояниями. В ЭГ-2 можно заметить низкий показатель 7,1% толерантности к неопределенности. Следовательно, «молодые спортсмены» открыты к изменениям и используют меньше правил и законов, а их «обычаи» и ритуалы перед соревнованиями имеют менее строгий характер. Испытуемые подверженные интолерантностью к неопределенности (ЭГ-1 — 13,8 % и ЭГ-2- 14,3%) менее терпимы к изменениям и стремятся избегать беспокойства, которое несет в себе неизвестность, путем установления строгих правил, нормативов или законов.

Толерантность к неопределенности — многомерный конструкт, определяющий реакцию спортсменов на сложность, новизну, неразрешимость и обуславливающий выбор стратегии поведения в стрессовой ситуации соревнований в условиях современных вызовов.

1. Психодиагностика толерантности личности /Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. — М. : Смысл, 2008. — 172 с. — Текст : непосредственный.

Исследование выполнено при поддержке ФГБОУ ВО МГПУ им. М.Е. Евсевьева» по договору на выполнение научно-исследовательских работ (рег. № МК-04-2022/7 от 28.04.2022 г.)

Ильина Н.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Когнитивная реструктуризация как метод преодоления кризисных состояний спортсмена

Спорт, кризисные состояния, иррациональные установки, когнитивная реструктуризация, психологическая помощь.

Мировые события последних лет являются для населения всего мира колоссальным стрессом. И спортсмены не являются исключением, эти события напрямую связаны с их спортивной карьерой. Можем предположить, что как минимум, эти события вызвали стресс и заставили спортсменов применять различные коппин-стратегии преодоления стрессовой ситуации. Известно, что в стрессовой ситуации, у человека интенсивнее проявляются иррациональные установки, которые не всегда являются эффективными в преодолении стресса. В своих предыдущих исследованиях мы обнаружили, что наличие иррациональных установок и парадигмальных заблуждений у спортсменов, влияют на принятие решений и поведение спортсменов в разных ситуациях. Мы выявляли наиболее часто встречающиеся иррациональные установки спортсменов и связанные с ним кризисные состояния. Преодолеть эти состояния, спортсменам не позволяли иррациональные установки [2,3].

Задачей нашего исследования было обучить спортсменов приемам когнитивной реструктуризации для преодоления кризисных состояний, и проверить эффективность этого метода, что осуществлялось с помощью психолого-педагогического эксперимента и контролировалось с помощью методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана, адаптированной Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой. В эксперименте приняло участие 45 спортсменов (19 мужчин и 26 женщин) в возрасте от 18 до 25 лет, у которых ранее были выявлены «ограничивающие» установки, представители разных видов спорта (гребля, плавание, лыжный спорт, футбол, волейбол, баскетбол), спортивная квалификация от кандидата в мастера спорта до мастера спорта. Спортсменам предлагалось в течении двух недель фиксировать свои мысли, связанные с кризисными состояниями, после чего они месяц обучались когнитивной реструктуризации.

Когнитивное реструктурирование — это процесс, в котором мы обучали спортсменов идентифицировать, оценивать и изменять пагубные или иррациональные мысли, которые отрицательно влияли на их состояние и поведение. Эта задача решалась путем побуждения спортсмена к проговариванию/записыванию внутренней речи и к ее изменению, когда это необходимо, с отрицательно окрашенной на нейтральную или положительную [1]. Другими словами, это поэтапное изменение стереотипного мышления, выявление неэффективных моделей мышления и изменение их, на более эффективные. Это приводило к тому, что спортсмены испытывали меньше негативных эмоций и реагировали более адекватно на конкретную ситуацию. Подтверждением успешности эксперимента была

обратная связь от спортсменов и достоверные различия в показателях ведущих коппинг-стратегий до и после эксперимента, где ведущими стали продуктивные стратегии (критерий Вилкоксона=3,57 при $p \leq 0,05$).

Опираясь на результаты исследования, можно говорить о том, что: 1) в ситуациях, когда у спортсмена возникают «ограничения» в продолжении спортивной деятельности, например, пандемия «COVID-19», санкции ВАДА, травмирование и пр. спортсмен, выбирает различные копинг-стратегии преодоления стресса опираясь на привычные для него формы когнитивных искажений. 2) научив спортсмена замечать свои автоматические мысли и те когнитивные искажения, которые возникают под их воздействием, мы помогаем спортсмену обрести осознанность, а через осознанность, способность к преодолению ограничивающих установок. 3) научив спортсмена менять автоматические мысли на альтернативные, мы помогаем ему двигаться к выбору адаптивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях.

1. Ильина Н.Л. Парадигмальные «заблуждения» спортсменов в период ограничений, вызванных пандемией / Петербургский психологический журнал. 2020. № 32. С. 58-70.
2. Ильина Н.Л. Иррациональные установки спортсменов в период ограничений, вызванных пандемией коронавируса COVID-19 /В сборнике: СПОРТ, ЧЕЛОВЕК, ЗДОРОВЬЕ. Материалы X Международного Конгресса, посвященного 125-летию со дня создания НГУ им. П. Ф. Лесгафта. Санкт-Петербург, 2021. С. 161-163.
3. Бек Д. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. — СПб.: Питер, 2018. — С. 241.

Маликова Л.А.
Рязань, РГУФКСМиТ, РязГМУ

Байковский Ю.В.
Москва, РГУФКСМиТ

Отношение к здоровью и особенности его проявления у спортсменов с травмами конечностей разной степени тяжести

Отношение к здоровью, спортивная травма, спортсмены, психическое здоровье.

Отношение к здоровью выступает внутренним механизмом саморегуляции деятельности и поведения. Система отношений личности довольно динамичный конструкт, подверженный влиянию большего количества факторов (В.Н. Мясищев, Р.А. Березанская). Отношение к здоровью может рассматриваться как один из критериев психического здоровья и являться его уровнем (Р.Е. Калитеевская). В ситуации спортивной травмы особенно важна сформированность поведенческого компонента отношения к здоровью для повышения эффективности восстановления. Стараясь изучить специфичность отношения к здоровью спортсменов с травмами, мы исследуем данный конструкт у спортсменов с травмами разной степени тяжести [1].

Выборка представлена спортсменами, имеющими травму конечности на момент исследования, а также спортсменами-паралимпийцами, имеющими ампутации конечностей (48 человек). Спортсмены первой группы были разделены на две подгруппы: спортсмены с макротравмой (48 человек), под которой подразумевается резкое нарушение организма, случившиеся в результате сильного воздействия, например, удара; а также спортсмены с микротравмой (50 человек), которая является результатом небольших воздействий. В исследовании использовались методики: «Индекс отношения к здоровью» С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, «Опросник исследования здоровьесберегающей деятельности» Н.В. Яковлева, В.В. Яковлев, «Краткая форма оценки здоровья» (SF-36).

Различия между исследуемыми группами были выявлены по показателям эмоционального и поведенческого аспектов отношения к здоровью. Спортсменам с микротравмами в большей степени свойственны переживания о состоянии своего здоровья, его изменений. Отношение к здоровью спортсменов с макротравмами и ампутациями конечностей в меньшей степени затрагивает эмоциональную сферу. В целом показатели уровня отношения к своему здоровью спортсменов с микротравмами значимо более высокие, что говорит о включенности отношения к здоровью и его составляющих в регуляцию здоровьесбережения. В группе спортсменов с микротравмами отношение к здоровью не только носит выраженный поведенческий аспект, но он имеет связь с другими компонентами психического здоровья, в частности способностями ставить цели в отношении укрепления здоровья ($r=0,52$, здесь и далее при $p=0,01$). Эмоциональный и когнитивные аспекты отношения к здоровью спортсменов с макротравмами связаны

с мотивацией здоровьесбережения (r=0,49 и r=0,51). Чрезмерные эмоциональные переживания о состояния своего здоровья и самостоятельный поиск информации о способах улучшения самочувствия связаны с формированием и актуализацией мотивов, направленных на поддержание благополучного состояния организма. Также была выявлена взаимосвязь с алекситимическими проявлениями, а именно трудностями описания чувств (r=0,62). Таким образом, специфика отношения к здоровью в случае серьезной спортивной травмы в большей мере обусловлена эмоциональными реакциями. Отношение к здоровью тесно связано с оценкой спортсменами выраженности болевых ощущений, которая была выявлена во всех исследуемых группах. Факторный анализ также отражает специфику группы спортсменов с микротравмами, где фактором, имеющим наибольшую нагрузку (ФН=6,9), имеет фактор «Отношение к здоровью». Данный фактор был назван нами так как включает в себя шкалы методики «Индекс отношения к здоровью» и «SF-36».

Таким образом, группа спортсменов, травма которых может быть охарактеризована как микротравма (растяжения, ушибы) обладает специфическими особенностями отношения к здоровью. Рассматривая отношение к здоровью как один из составляющих уровней психического здоровья, мы можем предполагать и отличия в психическом здоровье данных спортсменов. Тем не менее, данная проблема требует дальнейших исследований и изучении связей с другими уровнями психического здоровья.

1. Лызь Н.А. О структуре психического здоровья человека // Информационно-психологическая безопасность человека. — 2004. — №1. — С. 241-251.

Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.
Краснодар, ФГБОУ ВО КГУФКСТ

Метакогнитивные умения как предикторы готовности тренера к профессионально-педагогическому саморазвитию

Метакогнитивные умения, саморазвитие, профессионально-педагогическая деятельность

В последние годы значительно возросла конкуренция в спорте высших достижений, где завоевание высших наград требует от тренера применения новых моделей и способов подготовки спортсменов. В современных условиях необходим поиск тех свойств личности, развитие которых будет способствовать совершенствованию педагогического мастерства тренера, необходимого для осуществления высокого уровня профессиональной деятельности. В данном контексте достаточно актуальным становится изучение развития метакогнитивных умений наивысшего порядка, позволяющих выполнять профессиональные задачи максимально результативно.

Целью исследования являлось изучение факторов, способствующих формированию компонентов готовности тренера к профессионально-педагогическому саморазвитию. В исследовании приняли участие 93 тренера по различным видам спорта, имеющие стаж профессиональной деятельности от 1 года до 40 лет. В качестве диагностических методов применялись методики «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию» и методика «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)» Е.В.Савченко [1]. Для определения предикторов профессионально-педагогического саморазвития тренеров использовался множественный регрессионный анализ методом шагового отбора.

Результаты исследования показали, что параметр метакогнитивного умения «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу» выступает предиктором для когнитивного компонента профессионально-педагогического саморазвития тренеров ($\beta = 0{,}418$; $p \le 0{,}000$; $R2=0{,}175$); нравственно-волевого компонента ($\beta = 0{,}537$; $p \le 0{,}000$; $R2=0{,}289$); организационного компонента ($\beta = 0{,}471$; $p \le 0{,}000$; $R2=0{,}222$); коммуникативного компонента ($\beta = 0{,}486$; $p \le 0{,}000$; $R2=0{,}236$). Для мотивационного компонента в первой регрессионной модели предиктором также выступает «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу» ($\beta = 0{,}421$; $p \le 0{,}000$; $R2=0{,}178$); во второй регрессионной модели предикторами являются «Умение формировать вероятностные модели решения проблемы, анализировать свои действия, особенности своего поведения» и «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу» в совокупности ($\beta = 0{,}213$; $p \le 0{,}05$; $\beta = 0{,}333$; $p \le 0{,}05$; $R2=0{,}215$). Предикторами гностического компонента профессионального саморазвития являются в первой регрессионной модели — «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния,

настраиваться на работу» (β = 0,530; p≤0,000; R2=0,281); во второй регрессионной в совокупности — «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу», «Умение организовывать процесс решения проблемы, направлять усилия на достижение поставленной цели» (β = 0,385; p≤0,001; β = 0,241; p≤0,05; R2=0,318). В первой регрессионной модели, оценивающей вклад метакогнитивных умений в развитие способности к самоуправлению, предиктором выступает «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу» (β = 0,461; p≤0,000; R2=0,212); во второй модели параметры метакогнитивных умений «Умение регулировать собственные эмоциональные состояния, настраиваться на работу», «Умение организовывать процесс решения проблемы, направлять усилия на достижение поставленной цели» (β = 0,311; p≤0,05; β = 0,247; p≤0,05; R2=0,251).

Выводы. Полученные данные свидетельствуют о том, что способность к регулированию эмоций, овладению контролем над своим эмоциональным состоянием, способность оценивать и принимать свои чувства, готовность гибко адаптироваться к условиям, изменяя программы своего поведения, анализировать различные проблемные ситуации, оценивая всевозможные способы их решения, организовывать решения сложных ситуаций, направлять усилия на достижение цели, оказывает влияние на профессиональное становление тренера.

1. Савченко, О. В. Рефлексивна компетентність: Методи та процедури діагностики: монографія / Олена Вячеславівна Савченко. — Херсон: ПП Вишемирський В. С. — 2016. — 263 с.

Тиунова О.В.
Москва, ФГБУ "Федеральный научный центр физической культуры и спорта"

Учет потребностей и мотивов занятий спортом при психолого-педагогическом сопровождения баскетболистов 13-14 лет

Спортивная подготовка, потребности, мотивация, психолого-педагогическое сопровождение, спортивный психолог, тренер, команда, родители юных спортсменов

Когда к подготовке команды игровиков подросткового возраста привлекают спортивного психолога, в ней, как правило, уже накопились противоречия между спортсменами разного уровня физического развития и результативности, спортсменами и родителями, родителями и тренерским составом, спортсменами и основным тренером. Если такая ситуация совпадает с подготовкой к наиболее важным играм сезона, необходима психологическая работа, охватывающая всех участников спортивной деятельности и основанная на безусловно понимаемой и принимаемой всеми логике [1].

На первом этапе работы с баскетболистами 13-14 лет в качестве такой «базы» было использовано определение иерархии жизненных потребностях спортсменов (по модифицированной нами методике И.А.Акиндиновой) и мотиваций к занятиям спортом (по методике Г.В.Лозовой). Обе они основаны на методе парных сравнений, который не позволяет респондентам давать социально желательные ответы. Поскольку отношение родителей к спортивным занятиям своих детей является важнейшим компонентом формирования мотивации последних [2], родителям юных баскетболистов была предложена для заполнения (уже исходя из их собственных ожиданий от спортивных занятий сыновей) та же методика Лозовой.

Средняя величина удовлетворённости пяти базовых потребностей по команде составила 20,8 балла, что соответствует уровню «частичной удовлетворенности». Их иерархия в команде была такой: потребности в самовыражении — 30,5, социальные (межличностные) потребности — 20,6, потребности в безопасности — 18,7, потребности в признании — 17,8, материальные потребности — 16,5. Сила спортивной мотивации команды (средний показатель по шести её направлениям) составила 10,4 балла (65% от максимальной величины), а у их родителей — 11. Ведущие направления мотивации в команде оказались такими: мотивация на самосовершенствование — 12,5, на общение — 11,1, на результат — 10,1, долженствования — 10,1, на удовольствие от процесса — 9,4, мотивация на вознаграждение — 9,1.

После обработки результатов спортсмены получили индивидуальные данные и рекомендацию связать с жизненными потребностями занятия спортом, обсудив это с родителями, а также обратить внимание на дополнительные возможности в жизни команды и спортивной подготовке, которые позволяют удовлетворить их спортивные ожидания. Родители, получив информацию о неудовлетворенности ряда жизненных потребностей своих детей, смогли скорректировать своё

поведение и взаимодействие с ними, а также обсудить жизненные приоритеты и семейные ценности. Знание о ведущих спортивных мотивациях юных спортсменов, сопоставление своих ожиданий и желаний детей и выраженность мотивации к спорту в целом позволили родителям сделать своё участие в спортивной жизни ребенка более полным. Тренер команды смог расширить индивидуальный подход к спортсменам, опираясь не столько на понимание индивидуальных потребностей и мотиваций игроков, но и на предложенную ему «групповую разбивку» команды по наиболее выраженным показателям потребностей и мотиваций.

Понимание актуальности, т.е. важность общих по команде и индивидуальных жизненных потребностей и мотиваций к спорту позволяет скорректировать систему психолого-педагогического сопровождения команды, повысить заинтересованность подростков к саморазвитию, учебной деятельности и занятиям спортом.

1. Тиунова, О.В. Организационные аспекты планирования и реализации психолого-педагогического обеспечения спортивной деятельности / О.В.Тиунова.- Текст: непосредственный // Спортивный психолог. — 2019. — №1(52). — С.4-7
2. Хвацкая, Е.Е. Методика исследования отношения родителей к занятиям родителей ребенка спортом / Е.Е.Хвацкая, Н.Е.Латышева // II Европейские игры — 2019: психолого-педагогические и медико-биологические аспекты подготовки спортсменов : материалы междунар. научно-практической конференции / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; гл. ред.С. Б. Репкин. — Минск : БГУФК, 2019. — Ч. 2. — С.312 — 315.

Уляева Л.Г.
Москва, ГАОУ ВО МГУСиТ, НКО "Ассоциация спортивных психологов"

Уляева Г.Г.
Москва, МГТУ ГА, ГАОУ ВО МГУСиТ

Раднагуруев Б.Б.
Москва, РГУФКСМиТ

Психологическая поддержка российских спортсменов в ситуации новых социально-психологических вызовов

НКО «Ассоциация спортивных психологов», психологические вызовы, психологическая поддержка, мотивация, самореализация личности в спорте

Введение. На протяжении столетий спорт как социокультурный феномен играл и играет важную роль в жизни общества. Его главной задачей является укрепление здоровья, физическое и личностное развитие, социальное и коммуникативное взаимодействие. «Спорт вне политики» — трактовал П. Де Кубертен, и эти слова были неоспоримы и незыблемы [1]. Однако, в условиях современного мира, мы можем наблюдать обратное: отстранение российских спортсменов от международных чемпионатов, исключение российских спортивных ассоциаций из членства, травля отдельных спортсменов в зарубежной прессе, безосновательное расторжение контрактов и многое другое на почве политических убеждений.

Постановка проблемы. Именно сейчас возрастает важность психологической поддержки российских спортсменов. Под поддержкой понимается сложное образование, которое субъектом воспринимается как положительно окрашенное чувство уверенности в себе, чувство собственной нужности, возникающие в процессе получения помощи и сопереживания [2]. Необходим новый взгляд на стрессоустойчивость, как компонент адаптивности личности в экстремальных условиях спортивной деятельности [3]. Обнажается важность процесса самореализации личности в спорте. «Самореализация личности в спорте — процесс (развитие, накопление и реализация личностного потенциала — система внутренних ресурсов личности) и результат достижения личностью значимых целей и успехов в спортивной деятельности, нового статуса и смысла своей жизни» (Уляева Л.Г., 2021). В условиях новых социально-психологических вызовов происходит перестройка взглядов большинства российских спортсменов к занятиям профессиональным спортом в целом. Не секрет, что целью любого высококвалифицированного спортсмена всегда являлся отбор в сборную российской команды и дальнейшее продвижение на мировой спортивной арене. В настоящее время, даже у тех известных спортсменов, кто достиг желаемого, на первый план выходят новые внутренние мотивы: прежде всего, это прославить свою страну, доказать, что россияне крепки и несгибаемы в любых условиях психологического давления.

Обсуждение и выводы. Вышеизложенное подтверждает необходимость реализации особой психологической работы, как с высококвалифицированными, так и начинающими спортсменами, их родителями и тренерами. Без психологической поддержки существует опасение снижения интереса к спорту в целом: уходу из спорта известных спортивных личностей, и «не приходу» в него подающих надежды детей и подростков. На решение описанных выше проблем должна быть нацелена НКО «Ассоциация спортивных психологов» (АСП), координирующая работу спортивных психологов в разных регионах страны. Одним из направлений такой координации может являться совершенствование профессиональной деятельности специалистов в ситуации новых социально-психологических вызовов. Осознание психологами глобальности проблемы, разработка и внедрение в практику инновационных подходов психологической поддержки спортсменов на этапах спортивной подготовки, повысит эффективность процесса самореализации личности в спорте. Это может произойти за счет мотивации занятий спортом, качественного развития личностного потенциала, постановки реальных личностных значимых целей и успехов в спортивной деятельности, статуса и смысла своей жизни в новых условиях существования российского спорта.

1. Мартыненко С.Е. Диалектическая взаимосвязь спорта и политики и её проявление в средствах массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2014. — № 5. — С. 179-186.
2. Раднагуруев Б.Б. Роль психологической поддержки в самореализации личности спортсмена /Б.Б. Раднагуруев и [др.]// Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. — 2014. — № 6. — С. 14-16.
3. Уляева Г.Г. Стрессоустойчивость как компонент адаптивности личности в экстремальных условиях спортивной деятельности /Г.Г. Уляева [др.] // Экстремальная деятельность человека. — 2014. — № 1(30). — С. 70-73.

Шуняева Н.В., Банаян А.А.
Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК

Взаимосвязь психофизиологического состояния лыжников гонщиков с результатами командного спринта на Чемпионате России 2022 года

Психофизиология, лыжные гонки, психофизиологическое состояние, спорт высших достижений

Введение. Многообразие соревновательных дисциплин в лыжных гонках предъявляет различные требования спортсменам. Командный спринт представляет собой эстафетную гонку на спринтерской дистанции с командами из двух участников, сменяющих друг друга три раза, и безусловно предъявляющей несколько иные требования к спортсменам в функциональном плане ввиду отличительных особенностей данной спортивной дисциплины от индивидуального спринта [3]. Успешность выступления в лыжных гонках, в основном, рассматривается как результат физической, технической и тактической подготовки. Несмотря на то, что в соревновательной деятельности, именно психологическая подготовка спортсмена имеет решающее значение. Личные переживания, эмоциональное истощение, перетренированность и другие факторы могут повлиять на результат спортсменов. Совокупность данных факторов представляет собой психофизиологическое состояние спортсмена, которое можно определить с помощью метода газоразрядной визуализации (ГРВ) [2].

Цель исследования: изучить взаимосвязь психофизиологического состояния лыжников гонщиков с их результатами в командном спринте. Исследование проводилось во время Чемпионата России по лыжным гонкам в г. Сыктывкар во время командного спринта. В исследовании приняли участие 10 лыжников: 2 женских и 3 мужских эстафетных команд. Возраст от 20 до 29 лет, средний возраст 23,5 года. Спортивный разряд Мастер спорта имеют 8 человек, Мастер спорта международного класса 2 человека. Психофизиологическое состояние лыжников регистрировалось с помощью цифрового биоэлектрографического программно-аппаратного комплекса «ГРВ Био-Велл». С помощью функции Stress Scan были получены основные параметры: уровень стрессового фона (СФ) и энергетический потенциал (ЭП). На основании значений СФ и ЭП рассчитывается интегральный показатель психофизиологической готовности (ИП) [1]. Процедура проводилась перед и после каждого забега. Критериями оценки являются следующие расчетные значения показателя ИП: меньше 0 Дж(х10-^{2}) — низкий уровень, от 0 до 20 Дж(х10-^{2}) — средний, больше 20 Дж (х10-^{2}) — высокий уровень психофизиологической готовности спортсмена [2]. Результативность спортсменов оценивалась по показанному ими спортивному результату.

Результаты. В женской части соревнований первая команда заняла в полуфинале А 12 место, и итоговое место 23. Вторая команда заняла в полуфинале А 5 место, а в финале 8 место. Перед полуфиналом сумма значений ИП спортсменок

в первой команде были меньше, чем сумма значений ИП перед полуфиналом второй команды, а после полуфинала наоборот. В финальной части соревнований во второй команде наблюдалось снижение суммы значений ИП перед забегом, в сравнении с полуфинальными значениями. После финала сумма значений ИП оказалась почти равной исходному уровню, то есть сумме значений перед полуфиналом. В мужской части соревнований третья команда заняла 6 место в полуфинале А, а в финале 7 место. Четвертая и пятая команды бежали в разных полуфиналах, но заняли 11 и 14 места в своих забегах, а в итоге 21 и 27 места. Четвертая и пятая команда перед полуфинальными забегами показали самые высокие суммы значений ИП (около 45 Дж ($x10^{-2}$). В тоже время, сумма значений ИП в четвертой команде после полуфинала увеличилась, а в пятой значительно уменьшилась. Наиболее успешная третья команда показывала невысокую сумму значений, но относительно стабильную на всех этапах измерений. Только после финала сумма значений ИП третьей команды значительно уменьшилась. В результате корреляционного анализа по критерию Пирсона нами были получены значимые взаимосвязи (r=1,000; p=0,000) между суммами значений ИП в командах после финала с суммами значений ИП в командах перед полуфиналом и финалом, и после полуфинала. А также между суммой значений ИП в команде перед финалом и суммой значений ИП перед и после полуфинала.

Выводы. Полученные результаты подтверждают взаимосвязь психофизиологического состояния лыжников с их результатами в командном спринте.

1. Банаян А. А. Методика экспресс-оценки психофизиологического состояния спортсменов в условиях тренировочных мероприятий. Материалы XIX Российского Национального Конгресса «Человек и его здоровье», Санкт-Петербург, 23-24 октября 2014
2. Банаян А.А. Психофизиологические факторы успешности спортивной деятельности паралимпийцев высокой квалификации (на примере хоккея-следж) : диссертация ... кандидата психологических наук : 13.00.04 / Банаян Александра Анатольевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург»]. — Санкт-Петербург, 2020. — 193 с.
3. Колыхматов В. И. Особенности соревновательной деятельности лыжников-гонщиков высокой квалификации в командном спринте / Колыхматов В. И., Головачев А. И., Широкова С. В. // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. 2015. № 7 (125). С. 94–100.

Адмакина Т.А.
Санкт-Петербург, СПбГУП

Использование цвета в рисуночных методиках как способ диагностики эмоционального состояния ребенка в рамках психолого-педагогической экспертизы

Споры о праве на воспитание ребенка, проективный метод, экспертиза

Диагностика эмоционального статуса ребенка в семейных спорах о праве на его воспитание — одна из важных задач эксперта-психолога. Понятно, что развод и недоговоренность родителей о том, где будет жить их сын/дочь, в каком формате будет происходить общение ребенка с отдельно проживающим родителем, негативно сказывается на детской психике. Однако, эксперту необходимо не только констатировать эмоциональное изменение/нарушение ребенка, но и дать качественную оценку его переживаний.

Цель исследования — выявить работающие проективные показатели содержательных характеристик эмоциональной сферы ребенка, чьи родители имеют судебный спор о праве на его воспитание. Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующих в судебной психолого-педагогической экспертизе (г. Санкт-Петербург, ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы "Петро-Эксперт"»). Возраст группы варьирует от 8 до 14 лет. Средний возраст — 9,8 лет. 59% — мальчики, 41% — девочки. Для сравнительного анализа был произведен подсчет измеряемых признаков среди детей, воспитывающихся в условно благополучных семьях. Контрольную выборку составили школьники в количестве 56 человек. Возраст группы варьирует от 9 до 13 лет. Средний возраст — 11,3. 55,3% — мальчики, 44,7% — девочки. Контрольная группа была сформирована посредством рандомизации — случайного отбора из 348 школьников. Применялась методика «Рисунок несуществующего животного» (автор — М.З. Дукаревич) [1]. Выбор данного диагностического средства обусловлен легкостью выполнения, применимостью для широкого возрастного диапазона (от 5 лет и более). Испытуемым для изображения несуществующего животного был предложен набор из шести карандашей разных цветов, но при этом не делался акцент на обязательном применении всех оттенков.

Проводился математико-статистический анализ 68 рисуночных параметров. В данной работе мы остановимся на обсуждении только одного — «ахроматич-

ность изображения» (рисунок черным и/или серым карандашом). Для оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования j*¬- Фишера. Было обнаружено, что в рисунках детей исследуемой группы чаще встречается признак «ахроматичность изображения» (М1=25,4%, М2=1,8% φ*= 4,285, p<0,01). Четверть детей, чьи родители имеют высококонфликтный развод и судебный спор, отказываются от использования цвета. Традиционно принято считать, что моно и ахроматическое изображение является признаком астении, подавленного эмоционального состояния. Эмпирически доказано, что своеобразный «страх» ярких, интенсивных цветов наблюдается при неврозах [2].

Проиллюстрируем на примере. На встречу пришла семья. Родители спорят о месте жительства дочери. Девочка произвела удручающее впечатление — минимум слов, плечи, глаза опущены вниз. На предложение эксперта выполнить рисунок несуществующего животного девочка изобразила вымышленное существо простым карандашом без глаз, ушей, рта. Комментарий ребенка: «У него нет глаз — оно не видит, на кого нападает. Видит и чувствует ногами, как слепой». Такой ответ может свидетельствовать о нежелании испытывать эмоции, вызванные конфликтом родителей, стремление уйти, убежать, спрятаться от этого. Животное мечтает перелететь на другую планету и насытиться едой, съесть как можно больше. В таком ответе явствует истощение и острая потребность наполниться тонусом и энергией.

Таким образом, проведенное исследование показало, что выбор цвета и/или отказ от его применения в рисунке обладает достаточной дифференцирующей силой и эффективностью для диагностики эмоционального статуса ребенка (пребывающего в ситуации высококонфликтного развода родителей) и описания содержательных характеристик его переживаний.

1. Дукаревич М.З., Яньшин П.В. Рисунок несуществующего животного. В кн. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантилеев и др., Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции Москва: МГУ М. 1990. С.54-73
2. Базыма Б. А. Цвет и психика. Харьков: ХГАК. 2001. с. 203

Власюк Е.Н.
Москва, ФГБОУ ВО СПбГУ

Личность сотрудника уголовно-исполнительной системы в ситуации неопределенности

Личность сотрудника уголовно-исполнительной системы, ситуация неопределенности, тревожность, волевое напряжение, конфликтность, нервно-психическая устойчивость

Важной особенностью деятельности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний является специфичный характер тех ситуаций, на фоне которых проходит служба сотрудника Уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Непосредственно контактируя с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, сотрудник испытывает активное сопротивление с их стороны. Как правило, граждане, находящиеся под стражей, не соблюдают социальные нормы, а сотрудники УИС, сталкиваясь с ними, обязаны строго соблюдать законность. В эмоционально окрашенных ситуациях общения сотрудник обязан сохранять самоконтроль, обладать повышенной психологической устойчивостью, чтобы не поддаваться на провокации и противостоять психическому заражению потерявшего над собой контроль человека. Все это предъявляет очень высокие требования к личности сотрудника, его педагогическому такту и психологической культуре. [2, с.26] Несмотря на то, что с сотрудниками УИС систематически проводятся занятия с целью формирования устойчивости и обучения антиманипулятивным навыкам, снижения тревожности, проблема возникающей ситуации неопределенности остается актуальной. Как бы ни был подготовлен сотрудник к диалогу с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, часто спрогнозировать их поведение невозможно, что в свою очередь формирует ситуацию неопределенности.

Методологическую основу исследования составили идеи системно-деятельностного подхода и историко-эволюционного анализа развития личности Г.А. Асмолова. Проблемой исследования выступили социально-психологические особенности сотрудников УИС в ситуации неопределенности. Гипотеза: у сотрудников УИС, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, психологическая устойчивость в ситуации неопределенности будет выше, чем у несущих службу, не связанную с непосредственным контактом с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Для получения результатов были использованы следующие методики исследования: методика «Индивидуальный типологический опросник», Л.Н. Собчик, многофакторный личностный опросник «Мини-Мульт», В.П. Зайцев, методика оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз», разработчик Военно-медицинская академия им. Кирова, восьмицветовой тест Люшера. Статистическая обработка и анализ полученных данных проводились при помощи программы Statistica с использованием корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции) и факторного анализа (метод главных факторов). В исследовании приняло участие 72 человек, из них 36 — непосред-

ственно контактирующих со спецконтингентом, 36 — не контактирующих. 100 % составили сотрудники-мужчины.

Исследование показало следующие результаты: группа сотрудников, контактирующих со спецконтингентом, — шкала «неврно-психическая устойчивость» имеет положительную корреляцию со шкалой «волевое напряжение», отрицательную — со шкалами «коммуникативность» и «компромиссность» (при $p<0,01$). Группа сотрудников, не контактирующих, — шкала «неврно-психическая устойчивость» имеет положительную корреляцию со шкалой «тревожность», отрицательную — со шкалой «лабильность» (при $p<0,01$). Факторный анализ: группа сотрудников, контактирующих со спецконтингентом, — фактор «психологическая устойчивость»: высокий уровень волевого напряжения, средний уровень коммуникативности, высокая нервно-психическая устойчивость. Фактор «тревога»: средний уровень тревожности, средний уровень сопротивляемости, средний уровень ригидности. Фактор «избирательность в контактах»: выше среднего уровень избирательности, средний уровень сензитивности, ниже среднего уровень конформности. Группа сотрудников, не контактирующих, — фактор «конфликтность»: средний уровень конфликтности, средний уровень компромиссности, низкий уровень лабильности. Фактор «внутренняя позиция»: выше среднего уровень дистантности, средний уровень конфликтности, ниже среднего уровень активности. Фактор «конструктивность поведения»: высокий уровень конструктивности поведения, ниже среднего уровень агрессивности, средний уровень работоспособности. Гипотеза подтверждена

1. Абрумова, А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика / А.Г. Абрумова // Психологический журнал. — 1985. — № 6.

Ипатова Е.В., Деева Н.А.
Краснодар, КРУ МВД России

Ургентная аддикция, как форма неосознанной зависимости в современном мире

Аддикция, ургентное поведение, опросник самоорганизации деятельности

Под ургентной аддикцией понимается зависимость от состояния постоянной нехватки времени, которое обусловлено сверхзанятостью, необходимостью принимать участие во многих видах деятельности, ускорением темпа жизни [1]. Ургентная аддикция связана с поклонением скорости и акселерации может возникать незаметно, маскируясь под привычный темп жизни [2]. При ургентной зависимости имеются особенности взаимоотношений со временем через самоорганизацию. Умение организовывать свою деятельность будет являться одним из ресурсов преодоления ургентной зависимости. Несформированность самоорганизации косвенно может свидетельствовать о наличии ургентной зависимости.

Проведено исследование, направленное на выявление показателей самоорганизации деятельности при помощи опросника самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой [3]. В опросе приняло участие 50 обучающихся образовательных организаций высшего образования в возрасте от 20 до 30 лет.

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных имеют средние (65%) и высокие (21 %) результаты. Для оценки наличия признаков ургентной аддикции наиболее интересен средний уровень выраженности показателей, так как он имеет внутреннюю противоречивость. Низкие показатели (13% респондентов) однозначно не говорят о наличии признаках ургентного поведения у данных лиц, так как они в основном ориентированы на настоящее. Распределение результатов по шакалам позволило сделать следующие выводы. Высокие показатели по шкале «Планомерность» (75% респондентов), что может свидетельствовать о наличии ургентной аддикции, так как человек уделяет большое количество времени планированию своей деятельности. Высокие показатели по шкале «Целеустремленность» присущи 24% респондентов, 67% имеют средние результаты. При этом у респондентов с высоким уровнем планирования зачастую присутствует низкий уровень целеустремленности. Результаты респондентов по шкале настойчивости распределились примерно в равной степени (32%-высокие, 40%-средние, 28-% низкие) что говорит о вариативности данного показателя. Однако респонденты, показавшие высокие результаты по данной шкале имели и высокие результаты по шкале целеустремленности (24% на 32%), что говорит о взаимосвязи данных показателей. Респонденты показавшие высокие результаты по шкале «Фиксации» (43%) имеют признаки, ургентной аддикции, так как низкая мобильность и неспособность переключаться говорит о том, что человек не способен к переменам. Шкала «Самоорганизации» связана с планомерностью, фактически её расширяя. Респонденты, показавшие высокие результаты по шкале планомерности, показали высокие результаты в данной шкале (75%). Высокие

и средние результаты по шкале «Ориентации на настоящем» показали лишь половина респондентов (51%). Вторая половина показала ниже среднего и низкие результаты, респонденты не концентрируются на настоящем, живут планами и откладывают жизнь «на потом», что может обозначать наличие признаков ургентной аддикции.

Комбинация показателей трех шкал: низкие показатели целеустремленности и ориентации на настоящее при высоких результатах планирования является наиболее убедительным признаком ургентной зависимости. Наполнение жизни определенными планами отрывает человека от проживания настоящего момента при неосмысленности их целевой установки и недоведения начатого до конца.

1.Рябова М.Г., Канунников Р.И. Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости) // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 44–53.

2. Зависимое поведение: клинико-психологические аспекты профилактики и коррекции: Учебное пособие. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. — 182 с.
3. Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова) [Электронный ресурс] // Психологические тесты URL: https://psytests.org/cognitive/osd.html

Марищук Л.В., Дегтяренко Д.В.,
Минск, РГСУ

Мотивы кибербуллинга: что движет агрессорами?

Кибербуллинг, интернет-травля, киберагрессия, онлайн-общение

Интернет проник во все сферы жизни человека. Раньше Всемирная паутина была виртуальной реальностью, сегодня — она симбиоз жизни реальной и виртуальной. В сети можно найти всё: от самых очевидных вещей до весьма экзотических. Например, в сети можно получить (и, соответственно, оказать) эскорт-услуги. Проявление агрессии в онлайн-общении — результат анонимности несмелого агрессора. Кибербуллинг, или интернет-травля — преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и телекоммуникационные технологии [1]. Киберагрессия выражается в оскорблениях, издевательствах, унижениях, преследовании, нападках, манипулировании и разоблачениях средствами коммуникативных технологий.

11 ноября — День борьбы с кибербуллингом, чему в 2020-м Mail.ru Group посвятила исследование агрессии в Интернете. В ходе работы были выделены 4 типа агрессоров: 1. Классический кибербуллер — систематически пишет нелестные комментарии в сторону определённого человека или группы, создаёт фальшивые страницы, проявляя грубое поведение. В этом и заключается его выгода онлайн-общения: в реальной жизни можно быть жертвой, а в сети, вымещать обиду и злость приблизительно с тем же процентом, под который банки выдают кредиты. 2. Борец за справедливость ставит цель: донести агрессией неправоту других или привлечь другого к ответственности. Если нет конструктивных аргументов, почему бы не перейти к деструктивным? 3. Кибербуллер-мизогинист обесценивает достижения женщин или критикует их внешность, всячески пытаясь унизить слабый пол. Интересно, что 25% опрошенных женщин признались в зависти другим женщинам и ещё 24% — в собственных комплексах. 4. Кибербуллер-геймер проявляет агрессию к некоторым группам игроков: новички, стримеры, девушки (тем более, девушки-стримеры). Как ни парадоксально, кибербуллеры практически поголовно считали себя мессиями: 42% респондентов хотели предупредить людей о чём-то или добиться изменения ситуации; 29% — хотели восстановить справедливость. Однако не раз уже было доказано, что агрессия порождает встречную агрессию [2].

Причинами агрессивного поведения назывались: зависть, самоутверждение, потребность выплеснуть эмоции или испытать новые, способ развлечься, выражение субъективного мнения / отношения, месть, желание добиться изменений, чувство общности с группой, возможность вести себя в агрессивной среде, подобно другим. Их можно объединить в две группы: неудовлетворённость и потребность в признании. Проблематично выделить основной мотив киберагрессии: начать

преследование можно и от нечего делать, продолжать — по злому умыслу, ведь издеваться над добрым веселее.

Восприятие собственной агрессии можно разделить на две позиции: 1. Люди осознают факт агрессии, что не исключает восприятие этого как варианта нормы: 12% недовольны тем, что проявили агрессию, но недовольство обусловлено не чувством стыда, а отсутствием должной реакции со стороны жертвы; 38% довольны, либо очень довольны этим. 2. Люди не считают своё поведение агрессивным, следовательно, не считают, что доставляют кому-то неудобства. К сожалению, сложно однозначно определить, чего не хватает киберагрессорам: воспитания, эмпатии, интеллекта или всего сразу.

Для людей, проявляющих агрессию в интернете, важна реакция жертв или публики, часто она становится мотивом для проявления агрессии. Так что правильно поступают те, кто занимает позицию наблюдателя, не реагируя на злобные выпады ещё более злобными.

1. Шейнов, В.П. Кибербуллинг: предпосылки и последствия / В.П. Шейнов. — Текст: непосредственный // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2019. — Том, 4. No 2 (14). — С. 77–98.
2. Dengerink, H.A. The effects of failure and depression on subsequent aggression. / Dengerink, H.A., Myers, J.D. // Journal of Personality and Social Psychology. — 1977. — Vol. 35. — №2. — Pp. 88–96.

Смирнова Т.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Колоколова Т.А.
Санкт-Петербург, ГКУЗ ГПБ № 6

Детско-родительские отношения в ситуации высококонфликтного развода

Судебно-психологическая экспертиза, высококонфликтный развод, индуцирование, отношение ребенка к родителю

Возрастает количество судебно-психологических экспертиз по гражданским делам, связанным с семейными спорами о порядке воспитания детей. Отношение ребенка к каждому из родителей и психологическое влияние на формирование мнения ребёнка о родителе (в том числе, индуцирование) — один из центральных феноменов, подлежащих исследованию в рамках таких экспертиз («Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4, 2015»). Выделяют три типа отношения ребенка к родителю — позитивное, негативное, амбивалентное (Сафуанов, Харитонова & Русаковская, 2011).

Цель исследования — оценка связи типа отношения ребенка к отдельно проживающему родителю с индивидуально-психологическими особенностями родителей и детей, а также с эмоционально-поведенческими формами их реагирования. Исследование проведено на базе ГКУЗ ГПБ № 6 СПб. Исследовались заключения судебных психолого-психиатрических экспертиз по гражданским делам о порядке воспитания детей, проведенных с 2008 по 2019 год. В соответствии с критериями гомогенности группы отобрано 107 экспертных заключений; возраст детей от 2 до 14 лет. Методы исследования: качественный контент-анализ (119 параметров для оценки участников экспертиз), критерий Хи-квадрат ($\chi 2$) Пирсона, кластерный анализ.

Подавляющее большинство детей (97%) сохранило позитивное отношение к тому родителю, с которым они проживали. Отношение ребенка к родителю, проживающему отдельно, дифференцировано: 51% детей сохраняют позитивное отношение; 16,8 % проявили амбивалентное отношение; 30,8% — негативное. Анализ полученных результатов выявил следующее. Группа детей с сохранившимся позитивным отношением к обоим родителям концентрирует в себе условно «позитивные», ресурсные и адаптивные характеристики (самостоятельность, спонтанность, активность). Особенности обоих родителей в этой группе схожи (гибкость, общительность, активность, самостоятельность, уверенность). Эти качества, по всей видимости, помогают родителям разрешать существующий конфликт на уровне взаимоотношений взрослых и отстаивать свои права, не вовлекая в конфликт ребенка; позволяют справляться с эмоциональными потерями развода, не опираясь на ребенка и не используя его в качестве защиты, замещения или утешения. При формировании амбивалентного отношения характерологиче-

ские особенности ребенка описываются комплексом черт, свойственных подвижной, лабильной психической организации, со склонностью к поверхностным и изменчивым эмоциям. Доминирующим переживанием ребёнка по отношению к отдельно проживающему родителю была обида.

В формировании амбивалентного отношения ребенка к одному из родителей существенную роль играют не только позиция проживающего с ними родителя-индуктора, но и такой комплекс черт отдельно проживающего родителя, как импульсивность, низкий самоконтроль, раздражительность, который «сталкивает» существующую привязанность ребенка с неорганизованным, жёстким поведением взрослого. Фактор негативного отношения ребенка к отдельно проживающему родителю оказался точкой притяжения условно «негативных», затрудняющих адаптацию (или свидетельствующих об актуальных затруднениях в адаптации), черт ребенка — ригидность, пугливость и страхи, замкнутость и скованность, тревожность, сензитивность. Существенную дестабилизацию в структуру детско-родительских взаимоотношений здесь вносит склонность таких детей к дихотомическому, полярному разделению своего отношения к родителям. Родитель, с которым ребенок сохраняет привязанность, идеализируется, на него ребенок ориентируется в формировании своего отношения к другому родителю. Другой же родитель полностью исключается из состава семьи, позитивный опыт прошлого взаимодействия с ним обесценивается и заменяется иррациональными фантазиями и страхами катастрофического характера. Доминирующей эмоцией по отношению к отвергаемому родителю является страх.

1. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте проживания ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Материалы международной научной конференции
18–21 октября 2022 года

Подписано к публикации 24.10.2022. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 52,5.
Заказ 14201.

Издательство и типография «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. Е.